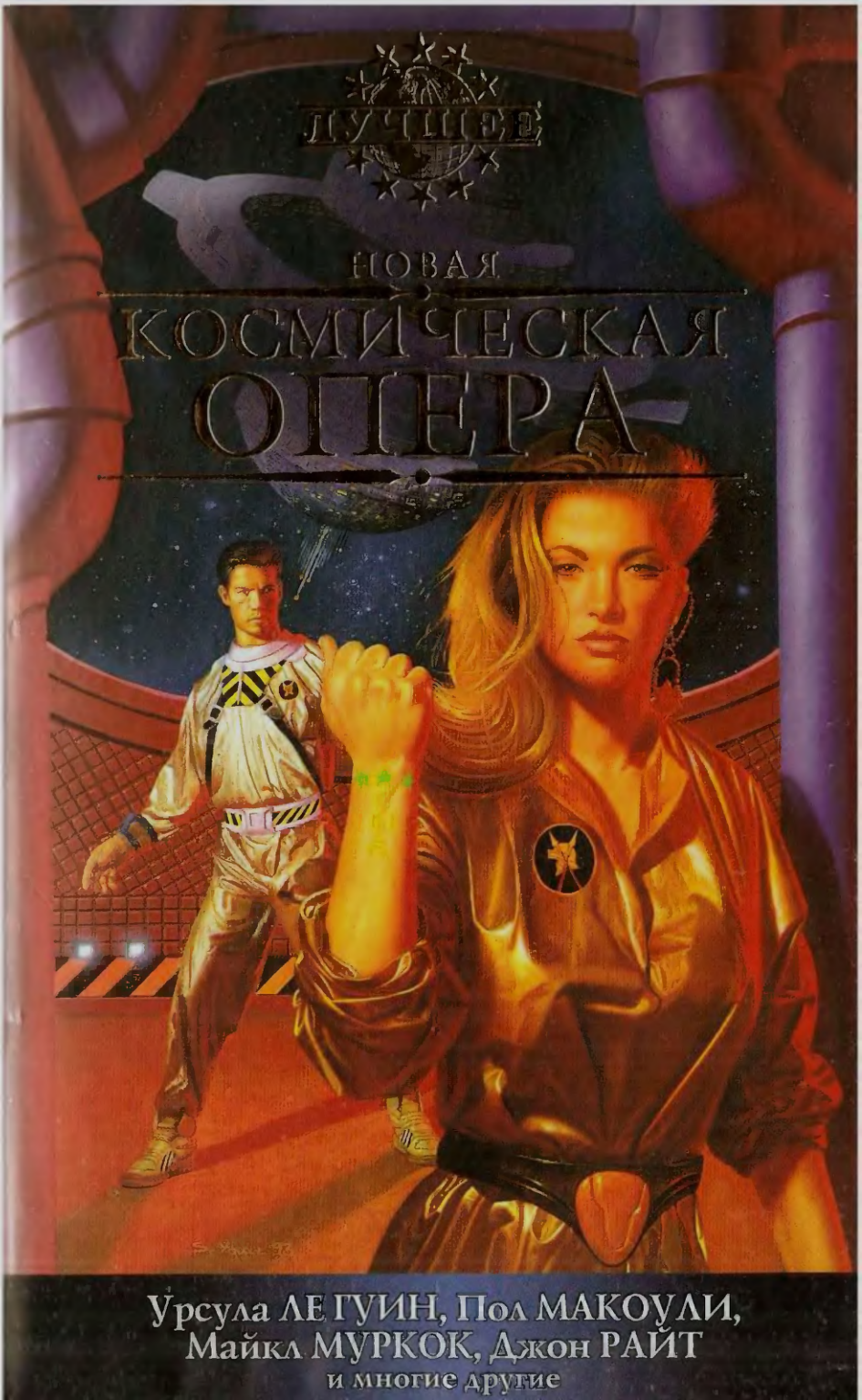

ЛУЧШЕЕ
НОВАЯ
КОСМИЧЕСКАЯ
ОПЕРА
Урсула ЛЕ ГУИН, Пол МАКОУЛИ,
Майкл МУРКОК, Джон РАЙТ
и многие другие

НОВАЯ

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2009

УДК 82/89
ББК 84.7 США
П 72

The Space Opera Renaissance

Edited by David G. Hartwell & Kathryn Cramer

Copyright © 2006 by David G. Hartwell and Kathryn Cramer
All rights reserved

Публикуется с разрешения редакторов-составителей
и их литературных агентов, Susan Ann Protter (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
С. Абовской, А. Гузмана, А. Кабалкина, К. Королева,
Н. Кудрявцева, А. Новикова, К. Павловой, Т. Перцевой,
И. Полоцка, М. Пчелинцева, О. Ратниковой,
М. Савиной-Баблоян

Оформление Александра Золотухина

Иллюстрация на обложке Stephen Youll

© С. Абовская, А. Гузман, А. Кабалкин,
К. Королев, Н. Кудрявцев, А. Новиков,
К. Павлова, Т. Перцева, И. Полоцк,
М. Пчелинцев, О. Ратникова,
М. Савина-Баблоян, перевод, 2009
ISBN 978-5-395-00414-7
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2009

I

ВОЛОНТЕРЫ. НОВЫЕ МЕЧТАТЕЛИ
(Начало 1990-х годов)

Я предпочитаю думать, что космическая опера — это скорее набор внешних признаков, нежели литературное течение. Именно поэтому ее приемами пользуются и британские «леваки», и такие авторы, как Орсон Скотт Кард, которому космическая опера служит совсем для других целей. Он, по существу, является истребителем чуждых галактик — или, по крайней мере, чуждых рас, - но при этом разъясняет, что к геноциду, возможно, и следует относиться отрицательно, и вообще, мол, это была подстава.

Иными словами, не исключено, что эта литературная форма лишена самостоятельного значения. Может быть, это просто некая совокупность аксессуаров, бутафории и ничего больше.

Гэри К. Вулф
(«Locus»)

КЭТРИН АЗАРО

Утренняя заря

Кэтрин Азаро (р. 1955) живет недалеко от Вашингтона. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.ssf.net/people/asaro. Физик по образованию, Азаро также профессионально занималась хореографией. В 1980-е годы, будучи аспиранткой физического факультета, она являлась художественным руководителем и ведущей танцовщицей группы «Mainly Jazz Dancers» и балета Гарвардского университета.

Азаро дебютировала в научной фантастике в 1990-е годы с серией романов, действие которых происходит в так называемой Сколианской империи. Это не просто космическая опера, а семейная сага с элементами традиционной научной фантастики (например, принцип работы ракетного двигателя основан на математической модели, опубликованной в «American Journal of Physics»). И что еще более необычно, в основе сюжета почти каждой книги лежит любовная история. Цикл, состоящий из множества романов и рассказов, открывает роман «Инверсия праймери» («Primary Inversion», 1995). «Квантовая роза» («The Quantum Rose», 2000) в 2001 году получила премию «Небьюла» как лучший научно-фантастический роман. Книги «Раскол» («Schism», 2004) и «Последний ключ» («The Final Key», 2005) составляют две части единого произведения.

Среди фантастов к Азаро, создавшей уникальный сплав твердой научной фантастики и любовного романа, бытует сложное отношение, однако в кругу авторов женских романов она слывет изрядной авангардисткой. Жанр космической оперы благоприятствует романтическим сюжетам, ведь он апеллирует не только к рассудку, но и к чувствам читателя. До сих пор Азаро удавалось удерживать популярность у любителей женского романа, не теряя интереса поклонников научной фантастики. Неудивительно, что ее романы, публикующиеся как женские, также представляют собой жанровые гибриды — любовного романа с научной фантастикой или фэнтези. Среди последних подобных произведений — «Заколдованный шар» («The Charmed Sphere», 2004), книга в жанре фэнтези, выпущенная отделением «Luna» издательства «Harlequin», специализирующегося на любовных романах, и «Туманные скалы» («The Misted Cliffs», 2005). Азаро использует в научной фантастике приемы любовного романа, изменяет традиционные сюжетные ходы. Например,

в книге «Последний ястреб» («The Last Hawk», 1997), одном из лучших романов писательницы, главный герой — красивый мужчина, у которого временно помутился рассудок, — кочует от женщины к женщине.

На первый взгляд, романы Азаро сколианского цикла сильно напоминают книги Буджолд о Форкосиганах. Их действие происходит в тщательно разработанной фантастической вселенной, где имеет место некий конфликт; главный герой, происходящий из благородной семьи, наделенный умом и силой, часто военный, оказывается вовлеченным в различные приключения и в конце концов находит свою любовь. Однако при ближайшем рассмотрении становится заметным важное отличие: большинство центральных персонажей Азаро — женщины, как и в традиционном любовном романе, правда, они зачастую превосходят типичных героинь по боевым навыкам и интеллекту. Одна из основных тем в американской космической опере — феминизм, роль женщины в обществе; в произведениях английской космической оперы этому вопросу не уделяется особого внимания. Соединение черт женского романа, традиционной научной фантастики, феминистской и боевой литературы придает произведениям Азаро яркую индивидуальность. Тем не менее, если судить исключительно по разнице в популярности между Буджолд и Азаро, можно сказать, что поклонники научной фантастики предпочитают любовные истории с главным героем — мужчиной.

Действие повести «Утренняя заря» происходит в сколианской вселенной, но не имеет отношения к основной сюжетной линии цикла. Главный герой — заключенный, а главная героиня по имени Соз — это Соскони Валдория, молодая женщина, пилот истребителя, член императорской семьи и персонаж нескольких сколианских романов. Яркие образы и эротическое напряжение ставят эту повесть в один ряд с произведениями Брэкетт. Оригинальность сюжету придает то, что герои здесь играют роли, не свойственные их полу.

1. Мечтатели из Найтингейла

Он тосковал по солнцу.

Планета Анзатц могла похвастаться единственным городом под названием Найтингейл — это был драгоценный камень, украшавший мир вечной ночи. Подобно лучу света, что упал на алмаз и путешествует от грани

к грани, создавая в нем переливы, Джейто Стормсон оказался в ловушке в Найтингейле. Но, в отличие от луча света в бриллианте, Джейто не мог отсюда выбраться.

За несколько лет, проведенных здесь, его воспоминания о доме потускнели, и Джейто больше не мог отчетливо представить себе залитую солнцем ферму на планете Сэндсторм, где он провел детство. В Найтингейле царила вечная тьма.

Мечтатели — гениальные художники, населявшие Анзатц, — являлись также и математическими гениями. Вот почему они дали своей планете такое имя, намекавшее на способ решения дифференциальных уравнений[1]. Нужно подставить в уравнение некую функцию и проверить, является ли она решением. Если нет, следует взять другую функцию... Джейто чувствовал себя так, словно он безуспешно пытается найти нужный ему мир.

Однажды ночью он отправился в Купол Собственных Функций — танцевальное заведение. Он сел за столик и стал ждать официанта, но официант так и не подошел. Именно по этой причине Джейто редко посещал Купол. Автор проекта здания решил, что эстетичнее взять на работу официантов людей, а люди Найтингейла игнорировали Джейто. Но сегодня вечером он чувствовал себя еще более одиноким, чем обычно, и даже холодные как лед Мечтатели были лучше, чем ничего.

Купол, сделанный из синтетического алмаза, по форме напоминал усеченный футбольный мяч. Джейто поискал в городской библиотеке сведения об истории здания и обнаружил трактат, где говорилось, что форма купола имитирует молекулу фуллерена. Голографическое освещение порождало собственные функции, описывающие фуллерен. Джейто не понимал физических деталей, но считал здание красивым.

Сегодня вокруг были Мечтатели — они танцевали и разговаривали, создавая глухой гул. Столетия генетических экспериментов и жизнь в постоянной темноте высветлили их кожу настолько, что она сделалась почти прозрачной. Волосы парили вокруг голов, словно серебристый дым. Ал-

---

[1] *Ansatz* — математическая запись условий задачи, составление уравнения *(нем.)*.

мазные стены преломляли свет ламп, находящихся снаружи Купола, внутренность здания наполняли радужные лучи, и Мечтатели купались в разноцветных волнах. Они светились, походя на квантовые призраки.

Входная дверь, расположенная в дальней от Джейто стене, открылась. В проеме показалась женщина-астронавт, окруженная радужным свечением. Это была не Мечтательница. Она выглядела крепкой. Загорелой. Должно быть, прибыла на одном из редких кораблей, посещавших Найтингейл, — редких потому, что Мечтатели не допускали на планету иммигрантов, а большинство людей, привыкших к солнцу, находили мир вечной ночи угнетающим. Единственной причиной, по которой люди посещали Анзатц, была продажа Снов.

Ах да. Торговля.

Мечтатели делали гостям простое предложение: вы даете кому-либо из них приятный Сон, а взамен Мечтатель дарит вам произведение искусства. Вам давалось десять дней. После этого вы обязаны были покинуть Найтингейл, расторгнув сделку. Если принять во внимание цены, по которым в Империи продавались произведения Мечтателей, это была поразительно выгодная для пришельцев сделка — драгоценное сокровище в обмен всего лишь на приятный Сон.

Джейто позволил себя одурачить и попался в ловушку. Несколько лет он копил на билет до Анзатца. Но как заставить другого человека увидеть себя во Сне? Это оказалось не так-то просто, особенно если учесть, что Мечтатели испытывали отвращение к обычным людям. То же самое крепкое сложение и грубый вид, которым так восхищались там, дома, отталкивали Мечтателей. Зная их презрение к некрасивому, Джейто боялся, что ему не позволят остаться даже на десять дней.

Но они так и не отпустили его.

И сейчас он сидел в одиночестве и смотрел, как женщина-астронавт идет к столику на противоположной стороне Купола. На ней были темные брюки, заправленные в сапоги, и белый свитер с рукавами, украшенными золотыми кольцами. Одежда казалась знакомой, но Джейто не мог припомнить, где видел такую. Женщина была без кителя; климатические установки Найтингейла использовали есте-

ственное движение воздуха на планете, чтобы поддерживать комфортную температуру, и здесь не чувствовалось жестоких ветров, раздиравших остальную часть Анзатца. Лицо незнакомки обрамляло облако черных волос с золотыми кончиками, глаза прятались под черными ресницами — зеленые глаза, цвета деревьев в лесу. Кожа ее была смуглой, цветущей и здоровой. Ни один из Мечтателей не удостоил ее повторным взглядом, но Джейто подумал, что она прекрасна.

Она села — и тут же возник официант, готовый выполнить заказ. Раздраженный Джейто встал и направился к лазерному бару, намереваясь заставить персонал обслужить себя. Однако добраться до стойки оказалось делом непростым. Пол в помещении представлял собой систему концентрических колец, каждое из которых вращалось в том или ином направлении. В тексте, найденном Джейто в библиотеке, говорилось что-то о «коэффициентах отображения в квантовых суперпозициях на скоростях колец». Он понял лишь, что компьютер координировал движение колец таким образом, чтобы клиенты могли перешагивать с одного на другое, не падая. Мечтатели грациозно передвигались по вращающемуся полу, но у Джейто это никогда не получалось.

Ему удалось добраться до танцплощадки — медленно кружащегося диска, расположенного в центре помещения. Мимо него проплывали танцующие, гибкие, стройные, словно статуэтки, с серебристыми глазами. Оказавшись на противоположной стороне, Джейто попробовал идти по кольцам, но его бросало в разные стороны. Каждый раз, когда он приближался к парящему столику на воздушной подушке, занятому Мечтателями, тот отплывал прочь. Стормсону хотелось, чтобы хоть раз кто-нибудь поднял на него взгляд, заметил его присутствие, поприветствовал его. Сделал хоть что-нибудь.

Тем временем официант принес женщине ее заказ — Лазерную Каплю в широком бокале. Крошечные лазеры, находившиеся в толще стекла, освещали жидкость: гелий-неоновый — красным светом, цинк-селеновый — голубым, натриевый — желтым. Держа бокал в руке, посетительница откинулась на спинку кресла и принялась наблюдать за танцующими.

Джейто перестал делать вид, что ему нужен бар, и направился к женщине. Но всякий раз, когда он приближался к кольцу, на котором находился ее столик, люди и столы, прежде расступавшиеся перед ним, внезапно загораживали ему дорогу. Тем временем женщина-астронавт выпила свой напиток, расплатилась, проведя картой по датчику в столике, и пошла к двери. Джейто кинулся вслед за ней — и в этот момент на пути у него возникла спина официанта; он шел, высоко держа поднос с освещенными лазером бокалами.

Джейто нахмурился. Он всегда старался проявлять максимум терпения и говорить как можно меньше. Но стерпеть подобное было под силу лишь человеку с воистину стоическим характером. Он дотронулся ладонью до спины официанта и подтолкнул его — не сильно, лишь желая заставить отодвинуться. Официант споткнулся, поднос подпрыгнул, и спиртное выплеснулось из бокалов. Но даже после этого никто, включая официанта, не посмотрел на Джейто.

Ему удалось пробраться к дверям, никого больше не отпихивая. Снаружи лампы освещали несколько квадратных метров, но дальше, под усыпанным звездами небом, царила ночь. Джейто, стиснув кулаки, быстро зашагал прочь от Купола. Он не желал доставлять Мечтателям удовольствие, показывая, как их поведение бесит его.

Купол располагался на окраине города, у края обширного плато, на котором Мечтатели выстроили Найтингейл. Плато окружали горы под названием Скелет Гиганта — с трех сторон пологие склоны и крутые утесы здесь, на севере. В отдалении громоздились острые пики, они вздымались все выше, и ломаная линия резко выделялась на фоне мерцавшего звездами небосклона.

Мечтатели утверждали, что Найтингейл был вызовом силам природы: мы сумеем создать красоту в столь зловещем месте. Это приводилось в качестве мотива для постройки города. Джейто слышал и другие объяснения, но Мечтатели отвергали их.

Несмотря на то что предыдущие попытки Джейто уговорить астронавтов тайно вывезти его с планеты потерпели неудачу, он не оставлял надежды. В отдалении, среди теней, он заметил женщину, поднимавшуюся по Квадратичной Лестнице — цепи ступеней, высеченных в скале. Пер-

вая ступенька была высотой один сантиметр, вторая — четыре, третья — девять и так далее: их высота возрастала в соответствии с последовательностью квадратов целых чисел. Первые двадцать ступеней шли вдоль стены утеса, но затем лестница поворачивала под прямым углом и врезалась в скалу; ступеньки становились все выше и выше, пока сами не превращались в скалы, слишком высокие, темные и далекие, чтобы различить их.

К тому моменту, как Джейто добрался до первой ступени Квадратичной Лестницы, женщина поднималалась на десятую, которая доходила ей до талии. Она уселась на камень, наполовину скрывшись в тени, и наблюдала за Стормсоном. Он медленно приблизился и остановился на девятой ступени.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила женщина.

— Я хотел спросить, не нужен ли вам гид по городу? — Это звучало неубедительно, но лучшего предлога Джейто придумать не смог.

— Спасибо, — ответила незнакомка. — Не нужен.

Разговор застопорился, но Джейто сделал вторую попытку:

— Мне редко удается побеседовать с кем-нибудь нездешним.

Она кивнула:

— Я заметила, что мой корабль — единственный в порту.

— Вы приехали продать Сон?

— Нет. Просто кое-какой небольшой ремонт. Уезжаю, как только его закончат.

Джейто заметил у нее за спиной шар, покрытый переливающимися искрами. Подплыв ближе, шар превратился в летающего робота диаметром больше метра; на его поверхности извивались множества Мандельброта[1] — большие завитки были окаймлены меньшими завитками, а те — еще меньшими, затем совсем крошечными и так далее в бесконечных повторениях. Проследив за взглядом Джейто, женщина обернулась:

---

[1] *Множество Мандельброта* — вид фрактала. *Фрактал* (от *лат.* fractus — дробленый) — геометрическая фигура, составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком.

— Что это?

— Робот. Он следит за лестницей.

Женщина поглядела на Джейто:

— А почему вас это раздражает?

— Раздражает? — «Как она догадалась?» — Нет, я не раздражен.

— И чем он занимается? — спросила она.

— Я покажу вам. — Джейто шагнул вперед и, подтянувшись, взобрался на десятую ступень.

Хотя теперь он возвышался над женщиной, она казалась безмятежной — лишь отклонилась, чтобы дать ему дорогу. Эта уверенность в себе произвела на него не меньшее впечатление, чем ее красота.

Когда он приблизился к одиннадцатой ступени, шар зажужжал ему в лицо. Джейто попытался оттолкнуть робота, но шар ударил его в плечо так сильно, что Стормсон упал на одно колено.

— Эй! — Женщина вскочила и схватила его, словно действительно могла удержать мужчину его телосложения, чтобы тот не упал с обрыва. — Зачем он это сделал?

Джейто поднялся и стряхнул с брюк каменную крошку.

— Это было предупреждение.

И тут она сделала это. Улыбнулась.

— Против чего?

Джейто едва слышал ее слова. Он видел лишь улыбку. Она была ослепительна.

Но мгновение спустя улыбка погасла.

— С вами все в порядке? — спросила незнакомка.

Он вернулся мыслями к настоящему:

— Что?

— Вы так странно смотрите на меня.

— Простите. — Джейто махнул рукой в сторону шара. — Он предупреждал меня, чтобы я не пересекал границы города, которая проходит по этому утесу.

Это было даже смешно — что роботы наблюдают за ним в таком месте. Словно он действительно мог сбежать из Найтингейла по лестнице, высота ступеней которой увеличивалась таким образом.

— А почему вам нельзя покидать город? — спросила женщина.

Он осознал, что не в состоянии заставить себя рассказать ей все, по крайней мере сейчас. Почему она должна верить его словам? Восемь лет назад Мечтатели появились в его номере в Гостинице Шепотов и связали ему руки за спиной с помощью крепких серебристых лент Мёбиуса. Он не понимал, что происходит, пока не оказался в зале суда. Его обвинили в убийстве, которого он не совершал, и приговорили к пожизненному заключению.

Предполагалось, что несколько лет заключения «исправили» его и он больше не представляет опасности для общества. Поэтому Мечтатели выпустили его из тюрьмы, которая все равно была не тюрьмой, а просто квартирой под землей. В течение нескольких головокружительных часов он думал, что его хотят отослать домой; в конце концов, если он больше не опасен, зачем держать его здесь?

Вскоре он убедился в обратном.

Мечтатели, верившие в виновность Джейто, считали, что исправление займет всю его жизнь. Один из самых популярных художников, Гранитный Кранкеншафт, настаивал на том — и частично был прав, — что для Джейто жизнь в Найтингейле станет не менее суровым наказанием, чем тюремное заключение. А разрешив ему жить в городе, Мечтатели проявят милосердие к преступнику, который подавил свои жестокие инстинкты. Джейто понимал, что эти доводы оказали влияние на Мечтателей: те по какой-то причине желали, чтобы их считали добрыми, а на самом деле смотрели на всех остальных людей как на низшие существа, не достойные ни свободы, ни дружбы.

Но теперь-то он знал, в чем дело. Мотивы Кранкеншафта не имели ничего общего с милосердием. Джейто получил немного больше свободы лишь потому, что это облегчало жизнь Кранкеншафту.

Джейто не хотел увидеть на лице женщины настороженное выражение — оно всегда появлялось на лице астронавтов, услышавших его историю. Не сейчас. Он предпочитал провести еще несколько минут, не чувствуя гнета так называемого «преступления».

Так что вместо того, чтобы поведать ей правду, он указал себе под ноги и попытался пошутить:

— Я здесь живу. Вот мои координаты.

— Ваши — что?

Ну вот, а он-то думал выдать остроумную вещь.

— Координаты. Эта лестница — график нелинейной ступенчатой функции.

Женщина засмеялась, и смех ее походил на мелодичный звон колокольчика.

— Так что, эта лестница построена только затем, чтобы изобразить огромный график?

— Это искусство. — Джейто хотел, чтобы она снова засмеялась. Слушать ее смех было наслаждением.

— Значит, искусство, — повторила она. — Но вы так и не сказали мне, почему ваши соотечественники не хотят выпускать вас отсюда.

Его соотечественники? Она подумала, что он — Мечтатель? Дело ведь не только во внешности. Мечтатели обладали талантами в области искусства и математики, а он был полным профаном в том и другом. Но эта прекрасная женщина подумала, что он принадлежит к гениям. Джейто усмехнулся:

— Я им нравлюсь. Они не хотят, чтобы я уезжал.

Она уставилась на него, приоткрыв рот.

— С вами все в порядке? — спросил он.

Она, кажется, опомнилась:

— Что?..

— Вы так странно смотрите на меня, — произнес Джейто.

— Я... Ваша улыбка... — Она покраснела. — Мои извинения. Боюсь, я сильно устала. — Незнакомка официально кивнула ему. — Было очень приятно познакомиться. — Она развернулась и пошла вниз по лестнице.

Джейто чуть было не кинулся вслед за ней, ошеломленный этим внезапным прощанием. Но ему удалось удержаться и не наделать глупостей. Вместо этого он остался стоять среди теней, наблюдая, как она спускается по Квадратичной Лестнице.

Когда Джейто свернул в подземный коридор, в конце которого находился вход в его квартиру, он заметил у двери шар Мандельброта. Поскольку Джейто жил далеко от границы города, существовала только одна причина появления робота — его прислал Кранкеншафт. Когда Джейто было разрешено выходить из квартиры, Кранкеншафт по-

лучил возможность приводить его, куда пожелает, вместо того чтобы самому спускаться сюда.

Джейто развернулся и бросился бежать, стуча башмаками по металлическому полу. Если бы ему удалось найти достаточно узкий боковой коридор, он смог бы избежать плена. Кранкеншафт развлекался этой примитивной игрой: если Джейто удавалось спастись от робота, он получал выходной.

За спиной послышалось жужжание. Шар ударил человека в бок, и Джейто отлетел к стене, подняв руки, чтобы защитить лицо. В оболочке шара появилось отверстие, оттуда с шипением высунулся шприц.

Стена перед Джейто заколебалась, потемнела и исчезла...

Джейто открыл глаза. Над ним маячило лицо пожилой Мечтательницы с ледяным взглядом. Ветер шевелил ее волосы. Джейто было знакомо это изможденное лицо. Оно принадлежало Силикатному Леднику, жене Кранкеншафта.

За спиной у нее стоял Кранкеншафт. Он был необычно высокого для Мечтателя роста, поддерживал себя в форме; никто не дал бы ему ста шести лет. Голову покрывали черные клочковатые волосы. У художника были двухцветные глаза, серые с красным ободком, похожие на грязный лед в рубиновом кольце.

Джейто хрипло произнес:

— Долго?

— Ты проспал несколько часов, — ответил Кранкеншафт.

— Я спрашиваю, долго ты еще будешь таскать меня сюда?

— Не знаю. Посмотрим.

Джейто, подтянувшись, сел, и Силикатный Ледник отступила назад, чтобы избежать контакта с ним. Стормсон перекинул ноги через край выступа, на котором лежал, и огляделся. Кранкеншафт отхватил себе просторную мастерскую. Выступ торчал из западной стены, представлявшей собой ровную каменную поверхность. Южную стену, находившуюся справа, занимало окно, из которого открывался вид на город, лежавший далеко внизу. С востока и севера

студию ограничивали голографические экраны — свисавшие с потолка листы термопластика. Перед ними дрожали изображения, и, когда ветерок раскачивал экраны, цветные полосы колыхались.

Этот ветер всегда дезориентировал Джейто. Внутри дома не может быть ветра. Если уж на то пошло, то и шарам Мандельброта в доме делать нечего. Но два из них парили здесь — один завис за спиной Кранкеншафта, второй рыскал по студии.

Единственным предметом интерьера в мастерской был круглый бассейн. Из воды поднимался блестящий белый конус высотой примерно два метра. Рядом с ним стоял второй конус, его верхушка была горизонтально срезана так, что сечение представляло собой круг. Три других конуса, расположенные в бассейне, были срезаны под разными углами, и плоские верхушки имели форму эллипса, параболы и гиперболы.

— Сегодня круг, — сказал Кранкеншафт и направился через полную сквозняков мастерскую к консоли, находившейся в углу, где встречались две голографические «стены».

Джейто взглянул на женщину, и она бросила на него ответный взгляд, холодный и равнодушный, словно камень. Затем она ушла, покинув студию через щель в пластиковой стене.

Порыв ветра взъерошил волосы Джейто, он задрожал и обхватил себя руками.

— У тебя нет куртки? — спросил он.

Кранкеншафт не ответил, лишь склонился над своей консолью и углубился в работу. Но Джейто ждал, пытаясь избавиться от пелены, застилавшей его мозг после укола снотворного.

Шар подтолкнул его в плечо. Джейто не пошевелился, и шар толкнул сильнее.

— Отвали, — пробормотал Джейто.

Из шара показался шприц.

Не отрывая взгляда от консоли, Кранкеншафт произнес:

— В шприце содержится стимулятор выработки тепла. Сильный экземпляр вроде тебя может продержаться десять минут, затем это вещество вызовет шок.

Джейто скорчил гримасу. И где только Кранкеншафт берет эту дрянь? Он посмотрел на шар, на Кранкеншафта, снова на шар. Имея дело с Кранкеншафтом, он был осторожен. На этот раз не стоит связываться.

Он снял сапоги и ступил в бассейн. Вода, доходившая до коленей, сегодня была холодна, но, по крайней мере, не покрыта льдом. Джейто добрался до усеченного конуса, вскарабкался на него, сел, скрестив ноги, и обхватил себя руками, чтобы согреться.

— Сдвинься на десять сантиметров к северу, — приказал Кранкеншафт.

Джейто повиновался.

— Здесь нельзя затопить?

Кранкеншафт уселся у консоли, сосредоточившись на своем занятии. Джейто подвинулся к южной стороне конуса.

Кранкеншафт оглянулся:

— В другую сторону.

— Включи отопление, — отозвался Джейто.

— Подвинься.

— После того как здесь станет тепло.

Тупик.

Протянув руку к консоли, Кранкеншафт прикоснулся к панели. За спиной Джейто зажужжал шар, послышалось шипение шприца. По руке пленника побежала горячая волна, распространяясь к ладони и к плечу, а от него — по всему телу.

— Теперь тепло? — спросил Кранкеншафт.

Ощущение было мучительным, но Джейто не собирался показывать, как страдает. Он лишь пожал плечами:

— И что ты сделаешь? Доведешь свою модель до шока, потому что она не хочет мерзнуть?

У Кранкеншафта под глазом дернулся нерв. Он вернулся к работе, снова забыв о Джейто. Однако в помещении стало теплее, и огонь, бушевавший в теле Джейто, погас. Либо Кранкеншафт солгал, либо робот вколол ему вместе с ядом и противоядие, возможно заключенное в биодеградируемую оболочку, которая растворилась в крови через несколько минут после инъекции.

В течение следующих нескольких часов ветер высушил одежду Джейто. Жена Кранкеншафта приходила еще

раз, чтобы принести мужу еду на каменном блюде. Она была для Джейто загадкой — всегда внимательная, всегда безмолвная. Создавала ли она произведения искусства, как бо́льшая часть Мечтателей — даже тех, кто был занят другой работой? Едва ли. Скорее единственным делом Силикатного Ледника было обслуживание Кранкеншафта. Джейто сомневался, что тот потерпел бы соперницу в собственном доме.

Наконец Кранкеншафт поднялся, расправил затекшие плечи.

— Можешь идти, — сказал он и вышел из мастерской.

И все. Можешь идти. Убирайся из моего дома. Стиснув зубы, Джейто соскользнул с конуса и, хромая, направился к краю бассейна; все тело болело от долгого пребывания в неподвижном положении. С трудом заправив влажные брюки в сапоги, он пошел к двери, находившейся в углу мастерской, там, где пластиковая стена примыкала к стене-окну.

Снаружи Джейто встретил ледяной ветер. Пленник стоял на верхней ступени винтовой лестницы, которая спускалась с утеса, принадлежавшего Кранкеншафту. Далеко внизу мерцали огни города, а за ними, во тьме, тянулись зазубренные пики. Тысячи лет назад в планету врезался хищник-астероид, превратив ее в подобие капли, лежащей на боку; ось капли была направлена к Кватрефойлу, звезде, вокруг которой обращался Анзатц. Несмотря на то что Анзатц был прочно связан с Кватрефойлом, сам он вращался достаточно быстро и бо́льшая часть его поверхности получала некоторое количество света. Вечная ночь царила лишь здесь, на небольшом участке вокруг полюса.

Жилище Кранкеншафта располагалось довольно высоко, поблизости от границы искусственно созданной спокойной зоны, окружавшей Найтингейл; дальше находилась зона жестоких ветров, опустошавших Анзатц. Но, несмотря на долгий путь к плато, лестница была незащищена — даже без перил. Еще одна из причуд Кранкеншафта. Но, в конце концов, он никогда не пользовался этой лестницей.

Джейто скорчил гримасу. Если он приходил добровольно, то Кранкеншафт всегда присылал летательный аппарат, чтобы доставить его домой. Сегодня Джейто мог

бы вернуться в дом и попросить подвезти его, но эта перспектива радовала Стормсона не больше, чем идея погрызть камней.

Итак, Джейто отправился вниз по лестнице, ступая осторожно, не забывая о том, что находится на краю зияющей пропасти. Он шел все вниз и вниз, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не потерять равновесия. Он размышлял, как это выглядит снизу, из города. Вероятно, он похож на мотылька, ползущего по каменной спирали ДНК, вырезанной в склоне гигантской скалы.

Образ спирали захватил его воображение. Из нее могла бы получиться необычная скульптура. Можно пойти в библиотеку и найти какой-нибудь текст о ДНК. Лучше голографическую книгу, а не компьютерный файл.

До прибытия на Анзатц Джейто не заботило собственное невежество в области компьютеров. Будучи старшим сыном фермера, обрабатывавшего искусственно орошаемые поля на Сэндсторме, он не мог позволить себе доступ в сеть, не говоря уже о консоли. Несмотря на то что здесь, в Найтингейле, любой мог свободно войти в городскую сеть, Джейто от этого не было никакого толку. Однако он сообразил, как приказать консоли в библиотеке распечатывать книги.

Он сомневался, что попытается создать скульптуру-спираль. Чтение может дать информацию, но не талант. Он признавал в Кранкеншафте лишь одно достоинство: этот человек был гением. Джейто представлял его продающим какое-нибудь свое астрономически дорогое произведение за Сон. А кроме того, какой Сон мог бы принести ему радость? Разве что отрывание крылышек у жуков.

Джейто помрачнел. Лишь немногие высшие чины в городском управлении Найтингейла знали, что Кранкеншафт подставил его. Чужака обвинили в преступлении настолько чудовищном, что в другом месте его приговорили бы к смертной казни или перестройке личности. Имперские законы были суровы: беглый преступник, оказавшийся в другом государстве, мог быть заново осужден и наказан за свое преступление. Этот часто порицаемый закон был принят с целью решить проблемы с экстрадицией, все чаще возникавшие на планетах, управляемых Империей. Он позволял Кранкеншафту шантажировать Джейто: сбежав из Найтин-

гейла, осужденный будет обречен на смерть или промывание мозгов.

Творения Кранкеншафта были известны в тысячах звездных систем. Он был величайшим гением, а на Анзатце это давало человеку власть. Он получал все, что требовалось для его работы.

Включая Джейто.

2. Плата за Сон

Джейто лежал в постели, не в состоянии заснуть. Он приглушил свет, так что видны были лишь тусклые изображения засыпанных песком полей, украшавшие стены, – голографические картины, созданные им самим, память о родине.

Прошло восемь лет, но он по-прежнему находил свою квартиру чудесной. Он вырос в двухкомнатной землянке, которую его семья делила с двумя другими семьями. А здесь у него были принадлежавшие только ему кровать со стеганым одеялом, круглый комод, зеркало, ванная и мягкие коврики на полу. Мечтатели не требовали с него платы и давали ему денег на жизнь. Медицинское обслуживание было бесплатным, включая световые панели и витамины для его организма, страдающего от недостатка солнечного света.

Сегодня комната казалась ему более пустой, чем обычно. Он оставил попытки заснуть, подошел к комоду, вращавшемуся вокруг своей оси, и вытащил из верхнего ящика статуэтку. Он приехал на Анзатц, надеясь на чудо, рассчитывая купить сказочное сокровище. Тогда у него были собственные мечты, которые он хотел реализовать, продав шедевр: собственная ферма, бизнес, хороший дом для семьи, заслуженная пенсия для родителей, жена и дети. Целая жизнь.

Он никогда не собирался *создавать* произведения искусства. Но как, живя в Найтингейле, можно сопротивляться стремлению творить? Для создания этой статуэтки ему потребовалось несколько лет, и теперь он прятал ее, понимая, какими жалкими сочтут Мечтатели его попытки. Но она нравилась ему.

Чтобы раздобыть нужный камень, он спускался по источенным ветрами скалам к подножию плато, в расщелины, скрытые в кромешной тьме. Там он нашел кусок черного мрамора, которого не касалась рука человека. В своей квартире Джейто вырезал из мрамора птицу с расправленными крыльями и когтистыми лапками на подставке из того же камня. Затем сделал глиняные копии. Несколько лет он провел, вырезая на копиях фасетки, переделывая их, пока не достиг желаемого. Затем выдолбил фасетки на каменной птице и покрыл их блестящим составом.

Мечтатели пользовались для создания своих произведений математическими теориями. Джейто знал, что его статуэтка была простой по сравнению с творениями гениев. Геометрия фасеток задавала фугу на четыре голоса, и каждый голос символизировал часть его жизни: потерю дома и жизни на Сэндсторме; красоту, мрачную красоту Найтингейла, одиночество, его единственный спутник здесь; рассвет, который он не надеялся увидеть.

Прижав к себе статуэтку, он лег в постель и заснул.

Птица пела чудесную песнь, пела одна на четыре голоса. Джейто, держа ее в руках, бежал по Найтингейлу. Преследовавший его шар Мандельброта все приближался, пока наконец не зажужжал прямо перед ним. Фракталы, кружась, соскользнули с его поверхности и превратились в цепь из стальных колец. Цепь обмотала тело Джейто, ломая ему ребра и руки, и птица смолкла. Он покатился по земле, освещенной ледяными звездами, и упал на первую ступень Квадратичной Лестницы.

Джейто вырывался из пут, пока не высвободил руки, и птица ожила. Она снова запела, и голос ее полетел к звездам на крыльях надежды.

Фрактальные кольца упали с его тела. Джейто поднялся, и появилась женщина-астронавт, она вышла из теней, окутывавших Квадратичную Лестницу. Носком сапога она отбросила прочь цепи, и они растаяли, и их бесконечно повторяющиеся узоры исчезли, остались лишь мерцающие серебристые лужицы. Птица продолжала петь, и ее фуга окутывала облаком нот.

Женщина отступила всего на шаг назад. Глаза ее были огромными, темно-зелеными, как лесная листва. Она прове-

ла пальцами по его губам. Джейто обнял ее, легко, не принуждая; она могла сама решить: оставаться ли ей на месте или шагнуть вперед и прикоснуться к нему.

Она сделала шаг вперед...

Гостиница Шепотов представляла собой округлое здание, изящно смотревшееся на фоне ночи. Держа в руке сверток, Джейто подошел к двери — арке, обрамленной блестящими металлическими пластинками.

— Откройся, — приказал он.

Ничего не произошло.

Он попробовал еще раз:

— Откройся.

На поверхности двери появились волнистые линии и пятна, затем возникло голографическое изображение парящего в воздухе янтарного стержня. Рядом со стержнем образовалась кривая: она начала вращаться вокруг него, принимая какую-то форму. Когда все закончилось, перед Джейто оказалось изображение вазы, центр которой пронзал стержень. Поверх изображения переливались узоры нежных пастельных тонов.

— Тело вращения готово, — произнесла дверь. — Начинайте интегрирование.

— Что? — удивился Джейто. Ни разу в жизни дверь не просила его «начать интегрирование».

— Мне следует образовать иное тело? — спросила дверь.

— Я хочу, чтобы ты открылась.

Ваза покрылась серебряными и черными волнистыми линиями.

— Вы должны вычислить объем этого тела.

— Как?

— Задайте интеграл. Выберите пределы. Проведите интегрирование. Потребуется компьютер.

— Я понятия не имею, как это делается.

— Тогда я не могу открыться.

Джейто поскреб подбородок:

— Я могу вычислить объем коробки.

Ваза растаяла, и возникла коробка.

— Начинайте интегрирование.

— Ее объем равен ширине, умноженной на длину и умноженной на высоту.

Коробка и стержень исчезли.

— Откройся, — приказал Джейто.

По-прежнему никакой реакции.

Джейто размышлял, злит ли хозяин гостиницы всех своих посетителей подобным образом. Хотя, возможно, Мечтателям нравятся загадки.

— Джейто? — окликнула его дверь.

— Да?

— Так вы хотите войти?

Он раздраженно фыркнул:

— А иначе зачем я прошу тебя открыться?

Снова появились коробка и стержень.

— Начинайте интегрирование.

— Я уже сделал это.

— По-моему, я зашла в тупик, — призналась дверь.

Джейто улыбнулся:

— Так ты испытываешь новую программу?

— Да. Очевидно, она нуждается в доработке. — Дверь скользнула в сторону. — Заходите, пожалуйста.

Вестибюль озарял тусклый свет, исходящий от лазерных картин на стенах. Как только автоматика пола зарегистрировала вес Джейто, раздался мягкий перезвон колоколов. В воздухе поплыли ароматы, волны резких запахов чередовались с нежными.

Стойка хозяина гостиницы представляла собой три концентрических цилиндра, доходившие человеку до пояса. Они были выточены из нефрита, созданного путем молекулярной сборки, как и остальные полудрагоценные минералы, использованные в строительстве Найтингейла. Хозяин гостиницы сидел за круглым столом, расположенным в центре этой конструкции, и читал книгу.

Джейто подошел к стойке:

— Я хотел бы увидеть одного из ваших постояльцев.

Он знал, что женщина остановилась здесь, — эта гостиница была единственной в городе, принимавшей приезжих с других планет.

Хозяин продолжал чтение.

— Эй, — окликнул его Джейто.

Мечтатель по-прежнему был погружен в книгу.

Джейто нахмурился, затем вскарабкался на цилиндры и перебрался через них.

— Женщина с другой планеты. Мне нужен номер ее комнаты.

Хозяин гостиницы потер край своей книги, и над ней появилось голографическое изображение танцоров, кружащихся в вальсе под музыку Штрауса.

Джейто вырвал книгу из рук Мечтателя:

— Говори.

Хозяин гостиницы забрал книгу, даже не подняв на него взгляда. За спиной Джейто послышалось жужжание, и шар Мандельброта толкнул его под локоть.

— Я должен ей кое-что, — сказал Джейто. — Она дала мне Сон.

Это привлекло внимание хозяина. Он поднял глаза, изогнув полупрозрачные брови на полупрозрачном лице.

— Вы пришли заплатить за Сон? — Он рассмеялся. — Вы?

Джейто сделал над собой усилие, чтобы не заскрежетать зубами:

— Вы знаете, что предложить плату необходимо.

— Она живет в четвертом номере, — ответил он.

На самом деле Джейто не ожидал ответа. Но, по-видимому, неписаные законы торговли Снами оказались сильнее отвращения, испытываемого хозяином при разговоре с крупными, непрозрачными людьми.

На верхние этажи вела старомодная лестница. Когда Джейто начал подниматься по ступеням, на стенах возникли голографические картины, наполнявшие пространство красками. Он оглянулся и увидел, как картины тают у него за спиной и лишь несколько светлых искорок еще продолжают танцевать в воздухе, словно следы, оставляемые элементарными частицами в древней пузырьковой камере.

Когда он постучал в дверь четвертого номера, никто не ответил. Он постучал снова. Никакого ответа.

Джейто повернулся, собираясь уйти, но в этот момент за спиной у него раздался щелчок. Оглянувшись, он увидел в дверях женщину-астронавта; свет, лившийся из комнаты, мерцал на золотистых кончиках ее взъерошенных волос. На женщине были серые сапоги до колена и светло-голубой костюм, облегавший фигуру. Костюм оживляли только четыре золотых кольца — по два на каждом плече. Сапоги

были украшены трубками, тянущимися от каблука до верхней части голенища, — старомодно, но красиво.

— Да? — произнесла она.

Джейто проглотил ком в горле, предчувствуя, что сейчас нарвется на отказ. Он попытался сочинить какое-нибудь подходящее вступление, которое успокоило бы ее, возможно, заинтриговало или даже увлекло. Но у него получилось лишь дрожащее:

— Я пришел увидеться с вами.

Невероятно, но она отступила, давая ему дорогу:

— Заходите.

Комната была приятной, с золотистыми занавесками на окнах и изящной кроватью, которая выглядела так, будто с нее только что поднялись.

Джейто замялся:

— Я не разбудил вас? Я могу прийти позже.

— Нет. Все нормально.

Она указала на небольшой столик, сверкавший металлическими деталями. Подставка с желобками поддерживала два диска; верхний, с разрезом от центра к краю, плавно перетекал в нижний — такой стиль был обычным в Найтингейле.

Единственным объяснением, которое Джейто удалось вытянуть из Мечтателей, было: «Римановы листы». Он поискал это слово в библиотеке и нашел туманное сочинение о теории комплексных переменных, которая, по-видимому, описывала, каким образом листы выражают математическую функцию.

Когда они сели за стол, Джейто поставил перед женщиной свой сверток и произнес формальные фразы:

— Вы дали мне Сон. Я предлагаю вам в качестве вознаграждения свою работу.

Она пристально взглянула ему в лицо:

— Я не понимаю.

— Прекрасный Сон... — «Интересно, — подумал он, — выгляжу ли я таким же смущенным, каким чувствую себя?» — Я могу предложить вам в качестве платы эту вещь. — Сняв обертку, Джейто показал птицу.

Расставаться с ней оказалось тяжелее, чем он ожидал. Но это был долг чести: он обязан женщине, и это единственное вознаграждение, которое он мог предложить.

Незнакомка сидела, рассматривая труд его жизни, и кровь бросилась Джейто в лицо. Он знал, каких чудес она насмотрелась в Найтингейле. Птица была жалкой в сравнении с ними.

— Она играет музыку, — объяснил он. — То есть не сама играет, но указывает, как играть ее.

Женщина подняла на него взгляд:

— Джейто, я не могу принять это.

На ее лице промелькнуло странное выражение: оно возникло и исчезло слишком быстро, чтобы он мог разгадать его. В другой ситуации он решил бы, что это благоговение. Затем она произнесла:

— Правила запрещают мне принимать подарки.

Сквозь огорчение, которое она причинила ему своим отказом, до него вдруг дошло, что женщина позвала его по имени.

— Откуда вы знаете, что меня зовут Джейто?

— После нашего разговора я просмотрела досье о вашем пребывании на Анзатце.

Он уставился на нее. Досье было закрытым. Это являлось условием сделки; пока он делал то, что нужно Кранкеншафту, данные о нем хранились в тайне и он получал относительную свободу передвижения по Анзатцу.

Каким-то образом ему удалось говорить спокойным голосом:

— Как?

— Я попросила, — ответила она. — Властям пришлось разрешить мне.

Черта с два. Они должны были отказать. Неужели его присутствие стало настолько невыносимым, что они решили избавиться от него, несмотря на Кранкеншафта? А может быть, Кранкеншафту он больше не нужен?..

Затем Джейто внезапно осознал, что еще она сказала. Правила запрещают ей принимать подарки. *Правила.*

Разумеется. Он должен был понять это раньше. Золотые кольца на ее костюме — это не украшения. Это знаки различия, означающие ее чин.

— Вы — солдат ИКС, — сказал он.

Она кивнула:

— Имперский Глашатай. Второго класса.

Джейто изумленно уставился на нее. Второй класс был аналогичен чину полковника, а «Глашатай» — это эвфе-

мизм для обозначения офицера разведки. Джейто чуть было не начал уговаривать высокопоставленного охотника за шпионами вывезти его с Анзатца!..

ИКС, или Имперская Космическая Служба, — в исследованной людьми части Вселенной она была единственной защитой от Торговцев, чьи войска имели обыкновение «приглашать» населенные миры присоединиться к их растущим владениям. Любые населенные миры — независимо от того, желали они присоединиться к Торговцам или нет. Экономика Торговцев была основана на том, что они называли «добровольным обменом между трудовыми коллективами, созданными для блага рабочих, с одной стороны, и правительством, утверждающим трудовой договор, с другой стороны»; это было одним из самых изящных, хотя и пугающих определений рабства, слышанных Джейто. Империя образовалась в ответ как попытка свободных миров оставаться свободными. Вот почему так много колоний, включая Анзатц, присоединилось к Империи, несмотря на потерю независимости и автократический контроль ИКС.

Джейто заговорил со спокойствием, которого на самом деле не испытывал:

— Вы собираетесь передать меня ИКС?

— Что вы, нет, — ответила она. — Я просто заинтересовалась вами, после того как вы подошли ко мне на той странной лестнице.

Джейто захлестнула волна облегчения, за которым последовали недоверие, обида и смущение. Одним из немногих утешений и удовольствий в его жизни на Анзатце было создание этой птицы. А теперь каждый раз, глядя на статуэтку, он будет вспоминать, как женщина отвергла ее.

Джейто поднялся, и на лице ее отразилось какое-то чувство. Сожаление? Оно было смешано с другими эмоциями, возможно смущением, даже страхом отказа. Оно промелькнуло слишком быстро, чтобы он мог распознать.

Женщина встала.

— Могу я попросить вас о другом даре? О таком, который я могу принять, не нарушая правила?

У Джейто не было никаких других даров.

— Что вы имеете в виду?

— Мне хотелось бы осмотреть Найтингейл. — Она помедлила. — Может быть, вы покажете мне город?

Так ей нужен гид? И верно, он был наилучшей кандидатурой: Мечтатели никогда не снизошли бы до того, чтобы оказать чужаку подобную услугу. Но обычно люди предпочитают обойтись без гида, не желая общаться с осужденным преступником.

Конечно же, в его досье говорится, что он «исправился». А кроме того, ходили слухи, что Глашатаи обладают сверхъестественной силой и ловкостью. Возможно, она настолько уверена в себе, что не видит в нем угрозы.

— Хорошо, — сказал он.

— Ну что ж, отлично. — Оно появилось снова, это обманчивое смущенное выражение. — Тогда, может быть, мы, э-э-э, пойдем?

Он улыбнулся:

— Мне будет проще, если я смогу как-нибудь называть вас.

— О да. Разумеется. — Она по-настоящему покраснела. — Соз.

— Соз. — Джейто низко поклонился ей. — Очень приятно познакомиться.

Выражение ее лица смягчилось, на нем появилась улыбка.

— Мне тоже очень приятно.

Они спустились в вестибюль в неловком молчании. Оказавшись на улице, они быстро пошли через каменный сад гостиницы; высокие фонари освещали минеральные формации высотой с человека, отбрасывавшие длинные тени. На первый взгляд казалось, что камни расположены произвольно, но на самом деле в основе лежала некая упорядоченность, рассчитанная по теории хаоса.

Джейто попытался расслабиться. Они с Соз шли по дорожке, ведущей к центру города. Разговоры всегда были для Джейто камнем преткновения. В ранней юности он попытался обсудить этот вопрос с отцом, когда они выпалывали сорняки в поле.

— Насчет девушек... — начал он тогда.

— А что с девушками? — спросил отец.

— Ты знаешь.

Отец присел на корточки.

— Относись к ней хорошо, и она будет к тебе хорошо относиться.

— Я не умею говорить.

— Тогда слушай.

— Не знаю, что значит «относись к ней хорошо».

— Так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе.

Джейто подумал, что произойдет, если девушка станет относиться к нему так, как он хочет...

— А что, если у нас возникнут проблемы?

Отец нахмурился:

— Постарайтесь этого не делать.

Джейто рассчитывал, что отец, который стал его отцом спустя всего лишь несколько недель после свадьбы с матерью, даст более развернутый ответ.

— А как быть, если это все-таки случится?

— А ты позаботься о том, чтобы этого не было. — Отец махнул мотыгой в сторону Джейто. — Если собираешься сажать семена, мальчик, будь готов принять на себя ответственность, когда они взойдут. — Подняв голову, он взглянул через поле на мать Джейто, которая возилась с поливочными шлангами; длинные волосы рассыпались по плечам, вокруг играли в пыли или помогали ей пятеро младших братьев и сестер Джейто. — Выбери для этого место, которое ты будешь ценить. — Голос его смягчился. — Место, которое сможешь любить.

Джейто внимательно смотрел на него:

— А ты сделал так?

Отец обернулся, и лицо его излучало нежность.

— Да, я сделал это.

Это было самое большее, что Джейто смог вытянуть из него по поводу женщин, секса и любви, но отцовский совет неплохо помогал ему многие годы. Однако в Найтингейле ему очень редко удавалось даже побеседовать с женщиной, не говоря уже о том, чтобы гулять с ней. Так что идти рядом с Соз было непривычно.

В конце концов дорожка превратилась в бульвар. Они оказались на площади перед Симфоническим Залом, около выложенного плиткой бассейна. Включилась лампа, бассейн залился розовым светом, и из воды возник фонтан, описывающий дугу. Затем включилась золотая лампа, за ней — фонтан из двух арок, затем зеленая и три дуги, и

так далее, и каждый фонтан добавлял что-то к общей картине. Все вместе они образовали огромный туманный квадрат. Водяные брызги летали вокруг, и туман окутывал лица Джейто и Соз.

— Это прекрасно, — сказала Соз.

Джейто смотрел на нее, очарованный этой картиной: окрашенный во все цвета радуги туман окружал ее, словно аура, придавая ее милому лицу нечто небесное. Она была похожа на акварельный портрет, выполненный светящимися красками.

— Это называется Фонтан Фурье, — объяснил он.

Она улыбнулась:

— Это как ряд Фурье?

— Верно. — Он сделал над собой усилие, чтобы не выпалить, как ему нравится ее улыбка. — Водяные арки не могут комбинироваться, как настоящие волновые гармоники, но в общем процесс передан неплохо.

— Это уникально. — Она глянула вниз, на его руки. — Джейто, посмотрите. Ваша птица.

Он поднял статуэтку и понял, что́ Соз имеет в виду. Свет ламп отражался от поверхности птицы так, что окружал ее фигуру радужным нимбом.

Соз протянула руки:

— Можно мне?

Он отдал ей статуэтку, и Соз повертела ее из стороны в сторону, глядя, как свет переливается на ее гранях.

— Что вы имели в виду, говоря, что она играет музыку?

— Угол каждой фасетки обозначает ноту.

Интересно, найдет ли он слова, чтобы объяснить это? Прежде чем сочинять фугу, Джейто пытался изучать теорию музыки, но в итоге ему пришлось довольствоваться тем, что казалось ему верным. Он не играл на музыкальных инструментах и не мог мысленно написать ноты, не услышав их сначала. Джейто нужен был компьютер, чтобы исполнять его сочинение. Мечтатели упорно игнорировали его просьбы обучить его работе в сети, так что он пробирался на ощупь и в конце концов научился пользоваться одной консолью в библиотеке.

— А я могу услышать эту музыку? — спросила Соз.

Эта просьба вызвала у Джейто неожиданный приступ паники. А вдруг ей не понравится то, что она услышит,

этот музыкальный автопортрет, который он создал с таким трудом?

— Я не могу играть ее, — ответил он. — Для этого нужны четыре арфы, построенные по принципу сферических гармоник.

— Мы можем сделать это на сетевой консоли.

Джейто едва не сказал «нет». Но он должен ей за Сон, а фуга оплатит его долг. Прогулка по Найтингейлу не в счет; долг за Сон мог быть оплачен только произведением искусства, созданным должником.

Но он все еще сомневался:

— До консоли, которой я пользуюсь, далеко.

Она указала на Симфонический Зал:

— В этом здании должны быть общедоступные консоли.

Джейто представил себе, что она подумает о взрослом человеке, который не может войти в сеть города, где прожил несколько лет. Он долго молчал, прежде чем ответить:

— Я не могу воспользоваться ими.

— Там нет помещения с консолями?

— Есть.

— Разве вы не можете связаться отсюда с вашей персональной консолью?

Мышцы его так напряглись, что он почувствовал, как свитер натянулся на плечах.

— У меня нет персональной консоли.

Она моргнула:

— У вас нет персональной консоли?

— Нет.

— А где вы работаете?

— В библиотеке.

— Возможно, отсюда мы сумеем связаться с библиотечной системой. — Она глядела ему в лицо, словно пыталась разгадать мысли. — Я могу устроить это для вас.

Так. У него закончились отговорки. После очередной неловкой паузы он ответил:

— Хорошо.

Джейто привел Соз в одно из уединенных помещений Симфонического Зала. Комната была залита голубым светом, пол устилали голубые ковры. Белые общественные консоли, выполненные в виде различных скульптур, располагались по периметру, образуя живописную картину.

Соз уселась на мягкий табурет перед ближайшей консолью:

— Открыть гостевой вход.

Экран засветился голубым, и Джейто чуть не рассмеялся. Только Мечтатели могли подстроить дизайн помещения под цвет сетевой консоли.

— Добро пожаловать в Найтингейл, — сказала консоль. — Чем я могу вам помочь?

— Мне нужен доступ в библиотеку, — ответила женщина. — Создай здесь корневой каталог, стандартную разветвленную структуру, необходима также возможность формирования голограмм, максимально допустимый объем памяти, полный доступ к общественным узлам, все разрешенные опции анонимного перемещения данных.

— Уточните узлы, которые вы предпочитаете, — произнесла консоль.

— Узел, необходимый, чтобы создавать музыкальные файлы при имеющемся представлении партитуры и алгоритме отображения.

Новый голос заговорил нежным, мягким тоном:

— Это Требл[1]. Пожалуйста, введите партитуру и задайте алгоритм.

Соз взглянула на Джейто:

— Вы можете открыть их отсюда.

Джейто тупо посмотрел на женщину. Она как будто говорила на непонятном языке. Он даже не знал, что существуют эти компьютеры, с которыми она разговаривала.

— Открыть что?

Она поднялась и отошла в сторону:

— Скажите Треблу, как открыть ваши файлы.

— У меня нет доступа.

— У всех есть доступ.

Он сделал над собой могучее усилие, чтобы не заскрежетать зубами:

— Значит, я никто.

Соз вздрогнула:

— Простите. Я не хотела вас обидеть. — Она собралась еще что-то сказать, но остановилась. Оглядев помещение,

---

[1] *Treble* — дискант *(англ.)*.

она заметила: — Должно быть, за этой комнатой легко наблюдать.

— Возможно. — «Она подумала, что Мечтатели следят за нами?» — Роботы не выпускают меня из поля зрения.

Соз кивнула. Вопросы и комментарии, которые она собиралась сделать по поводу отсутствия у него доступа к компьютерам, остались непроизнесенными. Вместо этого она указала на горизонтальный экран, расположенный на консоли:

— Если вы поставите сюда статуэтку и дадите Треблу алгоритм для отображения фуги, он создаст голограмму птицы, оцифрует ее, преобразует алгоритм и применит его к цифровым данным.

Джейто пожелал перенестись куда-нибудь в другое место. Это оказалось еще хуже, чем заминка у дверей гостиницы. В тот раз, по крайней мере, он обнаружил свое невежество перед неодушевленным предметом.

— Я понятия не имею о том, что вы сейчас предложили.

Невероятно, но Соз вспыхнула, словно идиоткой выглядела она, а не он.

— Джейто, это моя работа. Попросите меня рассчитать эффективность двигателя, вычислить курс, разработать стратегию боя — тут я ас, как вы в вашем искусстве. Но поставьте меня перед симпатичным мужчиной, и я становлюсь неловкой, как жердь в кувшине.

Он уставился на нее. Ас... *как вы в вашем искусстве.* Она решила, что он ас. И к тому же симпатичный...

Джейто улыбнулся:

— Ничего подобного.— Он махнул в сторону консоли. — Так мне надо поставить статуэтку туда?

Напряженное выражение исчезло с ее лица.

— Именно. Потом скажите Треблу, как получить ноты.

Он поставил птицу на экран, и два лазерных луча заскользили по ней, заставляя фасетки искриться. Когда лучи остановились, он сказал:

— Требл?

— Слушаю вас, — отозвалась консоль.

— Угол, который фасетка образует с основанием, определяет ноту. Высота ноты изменяется линейно с углом: фасетки, параллельные основанию, означают ноту на три октавы ниже до, а перпендикулярные — на три октавы вы-

ше. — Он прикоснулся к статуэтке, погладил крылья кончиками пальцев. — Каждая плоскость, параллельная основанию, задает аккорд, а каждая фасетка в этой плоскости — нота в аккорде. Чтобы сыграть фугу, надо начинать с основания и двигаться к верхушке.

— Высота является дискретной или непрерывной переменной?

— Непрерывной.

Только компьютер мог играть музыку, исходя из таких данных. Людям потребовались бы плоскости дискретной высоты. Если интервалы между плоскостями будут достаточно малыми, человеческая версия приблизится к компьютерной. Но фуга могла звучать так, как задумал Джейто, только тогда, когда расстояния между плоскостями станут так малы, что практически будут равны нулю.

— Фасетки с одним краем нужно играть на арфе-баритоне, построенной по принципу сферических гармоник, — продолжал он. — Два края — тенор, три — контральто, четыре — сопрано. Громкость возрастает линейно с толщиной покрытия, от пианиссимо до фортиссимо. Темп изменяется в зависимости от длины волны света, соответствующей цвету покрытия. — Он постучал по консоли. — Красный. — Увеличил темп. — Фиолетовый.

— Данные приняты, — сообщил Требл. — Еще какие-нибудь уточнения?

— Нет. — Затем, сообразив, что ему предстоит наблюдать за реакцией Соз, Джейто добавил: — Снизить яркость освещения на пятьдесят процентов.

Лампы потускнели, и комната наполнилась неясными синими тенями. Было слишком темно, чтобы он мог четко видеть лицо Соз.

Раздался низкий звук — рокот баритона арфы. Несколько тактов баритон звучал один, затем к нему присоединился тенор, игравший ту же мелодию мягко и нежно. Затем вступило контральто и, наконец, сопрано, прекрасное, как заря.

Требл воспроизводил музыку гораздо более мягко, чем общая программа, которой Джейто пользовался в библиотеке. Да, это была его фуга — этот минорный тон, эта последовательность, это арпеджио. Требл все сделал правильно. Сопрано мерцающей колоратурой поднималось по изогнутой шее птицы. По комнате плыли ноты, сияющие и причи-

няющие боль, слишком яркие, чтобы их можно было вынести долгое время. Другие арфы вступили, подобно подводным течениям, приглушив сопрано глубокими тонами. У головы птицы сопрано снова вырвалось вперед, словно фонтан звуков.

Да. Требл все сделал правильно. Требл знал свое дело.

Постепенно музыка замедлила темп, скользя по расправленным крыльям птицы. Наконец остался лишь баритон, рокочущий вслед угасающему сопрано. Последние ноты разнеслись по комнате и стихли.

Джейто стоял неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не заставить Соз выдать свою реакцию. Но тишина была невыносима. Что она думает об этом? Он выразил в этой музыке себя, уязвимую часть своей души, без преград, без защиты.

Лицо Соз было повернуто в сторону консоли, так что он видел лишь ее профиль. На ее щеке что-то блеснуло. Что-то скользило по ее лицу.

Джейто прикоснулся к слезе:

— Почему вы плачете?

— Это так прекрасно. — Она подняла на него взгляд. — Так невыносимо печально и так невыносимо прекрасно.

Прекрасно!.. Она считает его музыку прекрасной. Он хотел что-то ответить, пошутить, сказать что-нибудь незначащее, но не смог. И он притянул ее к себе, прижался щекой к ее волосам.

Соз не отстранилась. Напротив, она обняла Джейто, и он вдыхал свежий аромат ее чистых волос... Она тихо произнесла:

— Какое место в Найтингейле тебе больше всего нравится?

— Променад.

— Ты отведешь меня туда?

Он сглотнул ком в горле:

— Пойдем.

3. Ребро Гиганта

Западный край плато, залитый светом звезд, резко обрывался, сменяясь бесконечными, острыми, как зубья, скалами Скелета Гиганта. Их ущелья хищно вгрызались вглубь

планеты — это были разрушительные последствия ужасающего столкновения с астероидом, происшедшего в давно исчезнувшую эпоху. Стенки между щелями щетинились пиками, похожими на пальцы скелета.

Кое-где естественные образования, точно мосты, связывали края бездонных пропастей, но бо́льшая часть этих мостов обрывалась, и обломки их висели над бездной.

Само плато могло похвастаться одним из немногих целых мостов. Это и был Променад. Он начинался у южного края плато, тянулся по всей его длине и заканчивался высоко в горах у северного края. Двухкилометровый мост шириной в среднем всего два метра образовывал арку над огромной расщелиной. Пики, торчавшие на краях трещины, поддерживали его, словно каменные колонны.

Мечтатели обработали верхнюю часть Променада, вырезали в камне тропу, оставив по сторонам ее две метровые стенки. У южного края моста был устроен двор, украшенный геометрическим узором из позолоченных плиток и волнистыми эмалевыми линиями.

Ветер едва не унес куртку Джейто и разметал волосы Соз, закрыв ее лицо, когда пара пересекала двор. Соз что-то сказала, но из-за ревущего ветра Джейто не расслышал слов и наклонился к ней:

— Что-что?

Ее дыхание щекотало его ухо.

— Хорошее начало!

— На Променаде ветер еще сильнее.

— Спорим, я первая добегу? — Она сорвалась с места и, наклонившись вперед, побежала вверх по дуге моста.

Засмеявшись, Джейто попытался схватить ее, но она летела, словно ракета.

Они пробежали целый километр к вершине. Оказавшись на середине моста, Соз раскинула руки в стороны и закружилась; волосы развевались вокруг ее головы. Она заговорила, но ветер унес ее слова. Когда Джейто покачал головой и показал на свои уши, она прокричала:

— Далеко до дна?

И перегнулась через парапет, глядя в простиравшуюся внизу бездну.

— Три километра! — Джейто оттащил ее в безопасное место, его птица прижалась к спине Соз, затем развернул ее

к себе. Мост задрожал под порывом ветра, и сердце Джейто застучало сильнее.

Соз подняла к нему раскрасневшееся лицо. Ветер, ночь, опасность — это вдохнуло в нее жизнь. Не успев подумать, что делает, он заключил ее в объятия.

Обхватив Джейто руками за шею, она наклонила к себе его голову и поцеловала его. Он страстно ответил на поцелуй, вознаграждая себя за восемь лет одиночества. Он не мог поверить в это — она хотела его. Кто бы мог подумать?

Джейто застыл. Почему она хотела его? Подняв голову, он взглянул на нее сверху вниз. Он заключен на Анзатце до конца жизни, и оба они знали, что она скоро уедет. А если она просто решила воспользоваться изголодавшимся по любви заключенным, а потом вернется к своей жизни и забудет о нем?

Соз наблюдала за выражением его лица, и ее глаза то были видны, то исчезали за прядями волос, развеваемыми ветром. Она прикоснулась к его щеке пальцами, нежными, как улыбка, которая возникала и снова пряталась за прекрасными кудрями. Джейто решил, что «почему» не имеет значения. Ему столько нужно было сказать ей — как она желанна, как она прекрасна, но ему приходили в голову лишь какие-то неуклюжие фразы. И вместо слов он снова поцеловал ее.

Мост вибрировал все сильнее, словно палуба корабля при качке. Наконец его тряхнуло так, что Соз и Джейто отшатнулись друг от друга. Мост разделил их, как дуэнья. Они полетели в разные стороны, спотыкаясь и размахивая руками, чтобы не потерять равновесия. Джейто рассмеялся, а Соз распростерла руки, точно обращаясь с протестом к самому Скелету Гиганта.

Затем что-то на плато привлекло ее внимание. Она снова подошла к парапету и принялась вглядываться в Найтингейл:

— Что это там?

Взглянув вниз, Джейто увидел то, о чем она говорила, — знакомые фигуры, высокие, массивные, расположенные на полпути между городом и краем плато. Иногда эти гигантские каменные чудовища были освещены, а в остальное время стояли во тьме, как сейчас, навечно открыв пасти в безмолвном реве.

— Ветряные Львы, — ответил Джейто. Подойдя к Соз, он встал позади и обнял ее за талию. — Агрегаты для создания ветра. Если их включить, скалы усилят их действие.

— Неудивительно, что здесь такая буря.

Он наклонил голову и произнес ей в ухо:

— Это обычный ветер. Львы сейчас выключены.

Когда его дыхание коснулось ее уха, она прикрыла глаза и вздохнула. Прижавшись к нему спиной, Соз подняла руки и обняла его за шею. При движении груди ее шевельнулись, соски напряглись. Джейто поцеловал ее в ухо, и она потерлась головой о его щеку, словно кошка. Затем замурлыкала — очень тихо, так что он мог слышать ее, только приблизившись к ней вплотную. Это был один из забытых им звуков, которые издает женщина, когда ей нравится, как мужчина прикасается к ней. Может быть, свою роль сыграли и восемь лет одиночества, но Джейто не мог припомнить ни одной женщины на Сэндсторме, которую так приятно было обнимать. Он представил, каково это — заниматься любовью здесь, под бурными порывами ветра, на высоте трех километров над пропастью.

— А почему нет? — спросила она.

Джейто улыбнулся. Действительно, почему нет?

— «Почему нет» — что?

Она опустила руки и обернулась навстречу его объятиям:

— Почему они не всегда включены?

Он наклонил голову в сторону двора:

— Помнишь рисунок там, на полу? Волнистые линии?

Соз кивнула, и он продолжал:

— Это график вихревых линий, образуемых осциллятором первого порядка с незатухающими торсионными колебаниями. — Он откинул с лица Соз развевающиеся пряди. — Ветер заставляет Променад колебаться. Если порывы окажутся достаточно сильными, образованные ими вокруг моста завихрения вызовут самонаведенный резонанс и Променад разрушится.

— Так о чем они думали, когда строили такой мост?

Джейто улыбнулся:

— Просто они сумасшедшие.

Он наклонил голову, чтобы поцеловать ее, и в этот миг мост яростно задрожал и их швырнуло к парапету. Они, спотыкаясь, заковыляли вдоль стены, пытаясь восстановить равновесие. Но это не помогло; наконец они упали, с глухим стуком ударившись о камень.

— Эй! — засмеялась Соз, извиваясь и пытаясь выбраться из-под массивного тела Джейто. — Он сердится на нас.

— Никогда не видел, чтобы здесь было так ветрено.

Джейто удалось встать на колени, но когда Соз попыталась сделать то же, разбушевавшийся мост вновь сбил ее с ног. Наконец она смогла подняться; Соз двигалась с необычайной скоростью, словно переключив какой-то рычаг, активирующий сверхъестественные способности ее организма.

Они стояли на коленях лицом к лицу: Джейто держал Соз за плечи, а она упиралась ладонями ему в грудь. Променад продолжал раскачиваться — еще сильнее, чем раньше, по нему почти шли волны. Он стонал под натиском ветра, как будто сам Гигант поднимался из своей горной могилы.

Соз больше не улыбалась.

— Львы включены.

Джейто возразил:

— Это невозможно. Мечтатели дорожат Променадом. Они ни за что не разрушат его.

— Весь мост дрожит. По-моему, он скоро рухнет.

Они обменялись взглядами. Затем кое-как поднялись на ноги и бросились бежать к северному краю. Скалы были ближе, чем дворик, но даже при этом Соз и Джейто необходимо было преодолеть почти километр.

Внезапно мост накренился, словно гигантский ребенок дернул струну. Взмахнув руками в попытке найти опору, Джейто врезался в парапет и оказался чуть ли не над пропастью. В тот же миг его швырнуло назад: это Соз с неожиданной силой оттащила его от края. По инерции они покатились через мост к противоположному парапету.

И затем это случилось: раздался громоподобный треск, потом грохот, как будто от Скелета Гиганта отламывалось огромное каменное ребро. Мост затрясся, и они, упав, распростерлись на камнях. Перекатившись на бок, Джейто ухватился за Соз, и они обнялись, а вокруг рушилась вселенная.

Через несколько секунд яростная тряска утихла. Им удалось сесть, держась друг за друга, и они, как завороженные, уставились туда, откуда пришли.

В нескольких метрах от них в воздухе повис обломок Променада.

Несколько бесконечных мгновений Джейто и Соз смотрели на зазубренные остатки моста. Сооружение еще раз вздрогнуло, кусок камня отвалился от края, полетел в бездну и исчез во тьме.

Осторожно, очень осторожно Джейто и Соз поднялись на ноги. Они пятились, ступая медленно, словно по минному полю. Лишь отойдя на порядочное расстояние от края, они развернулись.

И бросились бежать.

Променад застонал под натиском урагана. Они неслись среди завывающего ветра и трясущихся скал, неслись к скрытой в тени горе, до которой, казалось, было бесконечно далеко.

К счастью, в конце концов они оказались у цели. Еще несколько шагов...

До убежища оставался всего метр, но тут мост закачался, и их швырнуло к парапету. Мимо Джейто промелькнули звезды, и он перелетел через барьер. Джейто попытался схватиться за воздух, за камень, за что-нибудь...

Внезапно Джейто, больно ударившись, остановился. Он наткнулся на какой-то выступ и висел над пропастью, болтаясь на внешней стороне Променада. Джейто попытался нащупать ногой опору, но мост трясся слишком сильно, и у него ничего не получилось. Далеко внизу бездна ждала его.

Пальцы его начали соскальзывать.

— Джейто! — Голос Соз донесся откуда-то сверху. Она упала на парапет, растянулась вдоль него, свесив ногу.

— Я под тобой! — выкрикнул он.

Руки соскользнули еще немного.

Не успела Соз схватить Джейто, как пальцы его разжались. Она поймала его за запястье — и он, падая, стащил ее со стены. Они падали, падали, падали...

И с размаху ударились о землю. Соз рухнула на Джейто с такой силой, что едва не сломала ему ребра. Затем

спозла с него и продолжала катиться вниз, хватаясь за камни. Джейто вцепился ей в плечо, но оно выскользнуло, тогда он схватил ее за локоть, за запястье — и в конце концов за ладонь; они отчаянно сжали пальцы, продолжая скользить вниз. Джейто пытался остановить падение, но не мог.

Затем он поймал какой-то выступ, вцепился в него изо всех сил, и тело его напряглось под тяжестью Соз. Снизу послышался скрежет — и она выпустила его руку.

— Соз, нет! — Он хватал ртом воздух. — Соз!

До него донесся напряженный голос:

— Все в порядке. Ты помог мне замедлить падение, и теперь я сумею удержаться здесь, на уступе. Мы находимся на каменной полке под Променадом.

— Откуда ты знаешь? Здесь темно.

Мост закрывал даже свет звезд.

— В мои глаза встроена сверхчувствительная оптика, — ответила Соз.

Джейто снова услышал скрежет, и затем она, подтянувшись, оказалась рядом.

Они начали карабкаться вверх по скале, с муками преодолевая сантиметр за сантиметром. Соз добралась до площадки в конце Променада и поднялась на ноги; ее фигура вырисовывалась на фоне звезд. Джейто взобрался вслед за ней, ожидая, что камни обрушатся у них под ногами. Но теперь они стояли на твердой скале, на вершине лестницы, которая, извиваясь среди утесов, вела вниз, к плато.

Они спускались в молчании. Постепенно ветер стих, и от неистовой бури осталось лишь легкое дуновение.

Наконец Соз произнесла:

— Кто-то знал, что мы были там, наверху.

— Роботы.

Джейто подумал: а может быть, Кранкеншафт запустил в городскую компьютерную сеть программу, которая сообщала ему, когда кто-нибудь заглядывал в материалы суда? Кто бы ни включил Ветряных Львов, сейчас злоумышленник должен быть в отчаянии, понимая, что начатое нужно завершить прежде, чем Соз улетит с планеты и доложит обо всем в ИКС.

— Я не собиралась заниматься твоим делом, — сказала Соз. — Я хотела вернуться в штаб-квартиру и рекомендовать руководству прислать следователя.

Следователя? Джейто замер. Если вмешается ИКС, его снова будут судить в Имперском суде.

— Соз, зачем? Я отбываю наказание, к которому меня приговорили.

Она спокойно ответила:

— Чтобы выяснить, зачем кому-то понадобилось выдвигать фальшивое обвинение против тебя.

Это потрясло его. Действительно потрясло. Кранкеншафт дотошно собрал улики, главным образом для того, чтобы убедить таких людей, как Соз.

Джейто не сразу обрел дар речи.

— Как ты узнала, что оно фальшивое?

Соз фыркнула:

— Я видела голографические изображения того ребенка, которого ты якобы убил. Он болтался вокруг портовых доков, наблюдая, как разгружают корабли.

— Этот «ребенок» создан с помощью компьютера. Он никогда не существовал.

— Я знаю.

— Но откуда?

Она махнула рукой в сторону космопорта:

— На нескольких голограммах виден корабль, за которым наблюдает жертва. Это Поисковый Корабль Тэйлор четвертого класса. Восемь лет назад на этих кораблях для освещения стыковочных отсеков использовались нестандартные прожекторы. Лампы Кетуля. Разрекламированные как «не уступающие солнечному свету». Они испускали не только видимый свет, но и ультрафиолетовое излучение.

— Звучит разумно.

Соз покачала головой:

— УФ-компонента была слишком мощной. Свет вызывал ожоги. Так что эта модель быстро вышла из употребления. И вообще они использовались лишь на нескольких кораблях.

Джейто присвистнул:

— В коже Мечтателей содержится меньше меланина, чем у обычных людей. Это делает их более чувствительными к УФ-облучению.

Соз так же бесстрастно продолжала:

— Любой Мечтатель, проведя столько времени на свету подобных ламп, сколько якобы провел этот ребенок, сва-

рился бы заживо. Эти голограммы выполнены отлично, почти безупречно. Вероятно, девяносто девять целых девять десятых процента людей, просмотрев их, будут обмануты. Но все же это фальшивка. — Взглянув на него, она добавила: — И это не все.

— Что еще?

— Судебный процесс.

— Судебный процесс?

— Если просмотреть записи, можно легко распознать симптомы шока. — Соз наблюдала за его лицом. — У тебя. На каждой голограмме. Ты едва ли произнес хоть слово на суде.

Весь этот кошмар лишь смутно отпечатался в памяти Джейто.

— Что бы я ни говорил, это не имело никакого значения.

— Но зачем, Джейто? Судя по тому, как Мечтатели относятся к тебе, — прости меня, но они ведут себя так, словно терпеть тебя не могут.

— Я вызываю у них отвращение.

— Тогда зачем удерживать тебя здесь?

Голос Джейто зазвучал напряженно:

— Из-за Гранитного Кранкеншафта.

— Это еще что?

— Не «что», а «кто». Это Мечтатель. Он хотел, чтобы я стал его моделью. До конца жизни. Позировал бы ему бесплатно, лишь ради «чести» жить здесь. Я отказался. Я решил, что он сошел с ума.

Соз уставилась на Джейто:

— Он обвинил тебя в убийстве только потому, что ты отказался стать его моделью?

— Я не знаю почему. Он считает меня отталкивающим, как и все остальные. — Джейто развел руками. — Он воспользовался шантажом, потому что это более эффективно, чем похищение. Пока я сотрудничаю с ним, он не привлекает имперские власти.

— И все это затем, чтобы писать с тебя картину?

— Не картину. Голографическую скульптуру. Она есть в сети. Я никогда не видел, что он там делает. — Он вздохнул. — Ставки высоки, Соз. Его скульптуры приносят ему миллионы. А несколько вещей было продано за миллиарды.

Она прервала его:

— Этот Кранкеншафт — у него блестящие волосы?
— Не знаю. Они слишком коротко острижены.
— Черные?
— Да.
— А его глаза?
— Серые, с красными ободками.
— Налитые кровью?
— Нет. Сами радужные оболочки красные.

Женщина глубоко вздохнула, и Джейто ощутил на лице ее дыхание.

— Тогда в этом есть какой-то смысл.
— Вот как?
— Эту колонию основали Торговцы.

Джейто поразило не само это замечание, а тон, которым Соз произнесла его,— словно это был общеизвестный факт, а не сомнительное утверждение, которое Мечтатели яростно отрицали. Торговцы представляли собой генетически модифицированную человеческую расу, отличались красными глазами и черными, сильно блестящими волосами. Их создатели всего лишь пытались лишить их чувствительности к боли, но в процессе работы возник непредвиденный побочный эффект: Торговцы не чувствовали также душевной боли — они не могли испытывать сострадания.

Раса, лишенная сочувствия к мучениям других людей, могла принести много вреда. И быстро. Когда они начали распространять сферу своего влияния во Вселенной, у колоний осталось лишь два варианта: подчиниться им или присоединиться к Империи. Насколько было известно Джейто, никто никогда по собственному желанию не выбирал Торговцев.

Существовало мнение, что Мечтатели происходили от группы Торговцев-гениев, которые воспротивились своим жестоким инстинктам. Манипулируя генами, они избавились от этих инстинктов, а в качестве неожиданного побочного эффекта кожа их стала полупрозрачной. Это заставило их поселиться на Анзатце, в спасительной темноте, где они обменивали плоды своего труда на Сны, расплачиваясь за грехи своих отвратительных сородичей.

— Возможно, у Кранкеншафта в организме имеются атавистичные гены, — предположил Джейто. — А также у его жены. Она похожа на кусок льда.

Соз внимательно рассматривала его:

— А знаешь, что, если бы не твои глаза и довольно тусклые волосы, ты мог бы сойти за Торговца?

Он напрягся:

— Черта с два. Я знаю свое происхождение...

— Джейто, — она положила руку ему на локоть, — никто никогда не примет тебя за Торговца. Это проблемы Мечтателей, а не твои. Они сделали себя мягкими, отвергли своих предков. Твой высокий рост, темные волосы и крепкое телосложение, наверное, вызывают у них воспоминания, которые им неприятны. Возможно, поэтому им невыносимо видеть тебя.

Странная идея. Джейто никогда бы не пришло в голову, что Мечтатели не выносят его потому, что он напоминает им их самих.

Соз внимательно посмотрела вниз, хотя они находились слишком высоко, чтобы видеть что-нибудь, кроме одинокого круга света, отбрасываемого лампой у подножия лестницы.

— Как ты думаешь, кто активировал Ветряных Львов? — Соз обернулась к нему. — Против нас городское управление или этот Кранкеншафт? Или все вместе?

Джейто поразмыслил:

— Бо́льшая часть чиновников не знает, что меня подставили. Те немногие, кто посвящен в заговор, были бы более осторожны, сделали бы все проще и представили нашу гибель как несчастный случай. А история с Ветряными Львами в духе Кранкеншафта. Ему нравятся драмы — он изобразил бы все так, словно я спланировал изнасилование, убийство и самоубийство.

— Какой приятный человек, — пробормотала женщина. — Но глупый. ИКС никогда не купилась бы на это. Я обладаю немалой силой и быстрыми рефлексами. Ты умер бы раньше меня.

— Даже если бы Променад обрушился?

Это заставило Соз задуматься.

— Это усложнило бы задачу, — призналась она. Затем указала в сторону плато. — Если Львов включил Кранкеншафт, то вон те роботы, должно быть, принадлежат ему.

— Роботы? — Джейто выругался и начал было подниматься по ступенькам.

Соз схватила его за руку:

— Там нет выхода.

Он остановился, сообразив, что она права. Они не могли подняться, не могли спуститься, а внизу зияла пропасть. Настало время выяснить, какое оружие, если оно вообще есть, находится в их распоряжении.

— Что еще ты умеешь делать, кроме как видеть в темноте?

— В моем позвоночнике расположен компьютерный узел, он содержит запас боевых рефлексов. — Она согнула руку в локте. — Мой скелет и мышцы усовершенствованы с помощью гидравлических механизмов, работающих под высоким давлением, они получают энергию от микрореактора мощностью несколько киловатт. Это дает мне силу и быстроту рефлексов, в два-три раза превышающие нормальные, больше мое тело не способно выдержать без перегрева.

— Ты можешь остановить эти шары?

— Я могла бы справиться с тремя или четырьмя. Но там их девять. — Она снова взглянула вниз. — Они приближаются.

Теперь Джейто тоже заметил их; шары переключились в активный режим. Они отбрасывали вперед лучи света, описывавшие фрактальные кривые.

— Джейто, — произнес чей-то голос.

Он чуть не подпрыгнул. Голос раздавался из ниоткуда — холодный, бесстрастный, повелительный.

— Спускайся, — приказал голос. — Приведи с собой женщину.

Когда Джейто немного успокоился, он понял, что это всего лишь трансляция с помощью шара.

— Убирайся к дьяволу, Кранкеншафт.

— На спуск у тебя двадцать секунд, — ответил его мучитель.

— Отпусти ее, и я сделаю то, что ты хочешь, — сказал Джейто.

— Пятнадцать секунд.

Шары приближались, жужжа, словно рой гигантских жуков. До них оставалось десять ступеней, пять, две... Зашипел шприц, и Соз с головокружительной быстротой сделала выпад, выбросив вперед ногу. Каблук врезался в один

из шаров, и робот полетел вниз с обрыва, описав сверкающую дугу.

Второй шар тут же занял его место, сбоку возник третий, четвертый загудел за спиной Соз, пятый навис над ними, направив вниз свой шприц, словно пушку миниатюрного боевого корабля. Джейто и Соз непрерывно двигались: делали выпады, уклонялись от шаров, снова выпады... Соз работала с невероятной скоростью. Два шара, нацелившиеся на нее, столкнулись в воздухе, раздался резкий скрежет ломающихся керамических стенок.

Всего через несколько секунд шприц ужалил Джейто в грудь. Область вокруг укола почти сразу же онемела, это ощущение быстро растеклось по телу. Руки его обмякли, он потерял равновесие и покатился по лестнице. Мимо него проносились ступени, звезды и скалы...

Ему удалось бросить лишь один последний взгляд на Соз — она навзничь лежала на ступеньках, — а затем он потерял сознание.

4. Утренняя заря

Сфокусировав взгляд, он увидел высокий потолок. Спустя несколько мгновений в мозгу Джейто возникла мысль. Он жив.

Джейто сел, стараясь не потревожить ушибленные места. Он находился в мастерской Кранкеншафта, один. Нет, не один. Соз лежала на противоположном краю уступа, глаза ее были закрыты, грудь мерно поднималась и опускалась. Волна облегчения пробежала по его телу, а затем Джейто охватило первобытное желание подойти к Соз, объявить ее своей, защитить от Кранкеншафта. Это было не самое разумное побуждение, если учесть, что она являлась Имперским Глашатаем, но оно возникло.

Джейто удивился тому, что Соз все еще не пришла в сознание. Даже в его теле содержались нанороботы, способные устранить последствия отравления. В организме офицера ИКС должны присутствовать целые лаборатории.

Когда Джейто слез с уступа, раздался какой-то звон. Обернувшись, он увидел цепь, один конец которой был при-

крепился к кольцу в стене. Второй конец соединялся с обручем, охватывавшим его щиколотку.

Джейто заскрежетал зубами, желая обмотать эту цепь вокруг шеи Кранкеншафта. Но, по крайней мере, привязь была достаточно длинной, чтобы он мог добраться до Соз. Это едва не заставило его вернуться: он не доверял Кранкеншафту. Но инстинкты его работали, побуждая защитить подругу, и Джейто приблизился к ней.

Кранкеншафт не питал иллюзий в отношении Соз и сделал все, чтобы она не смогла постоять за себя. Руки ее были скованы за спиной, цепь соединяла наручники с кольцом в стене. Сапоги с нее сняли и приковали к стене также и ноги. По какой-то непонятной причине Кранкеншафт надел ей на шею и талию металлические обручи. Джейто склонился над ней, собираясь положить руку ей на лоб...

Рука Соз схватила его запястье так быстро, что он едва заметил это движение. Джейто застыл на месте, пораженно глядя, как она садится. По ее виду было незаметно, что цепь, соединявшая ее наручники, сломана.

Он обрел дар речи:

— Как ты смогла освободиться?

Соз выпустила его руку, и на лице ее отразилось облегчение при виде Джейто.

— Нанопилы. Во мне находится несколько сотен штук.

— Ты имеешь в виду аппараты молекулярного расщепления?

— Они выделяются с пóтом.

Джейто отступил назад. Ему не хотелось, чтобы прожорливые роботы в ее поту разобрали его атом за атомом.

— Они не причинят тебе вреда, — сказала Соз. — Каждая нанопила разлагает определенный материал. Те, которые имеются во мне, обладают высокой специфичностью, вплоть до производственного номера партии.

Он указал на ее скованные ноги:

— Неверный номер партии?

— Очевидно, так. Или сбой в молекулярной структуре. — Наклонившись, Соз принялась тереть рукой цепь, прикованную к его ноге.

— Эй, — Джейто отдернул ногу, — что ты делаешь?

— Возможно, они сработают на твоей.

— А тебе не кажется опасным носить в своем теле роботов, способных разрушать вещи?

— Это не роботы. Это всего лишь ферменты. И они не более опасны, чем пребывание в этой ловушке.

Он знал, что это, скорее всего, правда, но все равно решил умерить свой любовный пыл. Люди потеют, когда занимаются любовью. И сильно.

— Джейто, не смотри на меня так, — попросила Соз. — Ферменты-разрушители вырабатываются узлами в моих потовых железах, а эти узлы активируются только тогда, когда я перехожу в боевой режим. А кроме того, они не могут разрушать людей. Наш состав слишком сложен.

Он сел на уступ, рядом с ней, но не слишком близко, и пошевелил своей по-прежнему скованной ногой.

— Неверный номер, я думаю.

— Вероятнее всего, так.

Соз потянула наручник, обвивавший ее запястье, и ей удалось переместить его примерно на сантиметр. Кожа на ее руке была более эластичной, чем у обычных людей, — не намного, но достаточно для того, чтобы сдвинуть наручник. Джейто увидел, что искала Соз, — небольшое круглое отверстие в запястье.

— У тебя дыра в теле, — сказал он.

— Вообще-то их шесть. В запястьях, щиколотках, нижней части спины и на шее.

Это объясняло обручи на шее и талии.

— И зачем они нужны?

— Чтобы принимать сигналы. — Она подняла руку, направив отверстие в сторону консоли, расположенной на противоположной стороне комнаты. — Если я вставлю разъем вон того компьютера в это гнездо, то компьютерная сеть внутри моего тела свяжется с консолью.

Это звучало не слишком оптимистично.

— Но разъем там, а ты здесь.

— Вот почему консоли передают инфракрасные сигналы. — На ее лице появилось отстраненное выражение, словно она произносила заготовленные фразы, мыслями находясь в другом месте. — Отверстия действуют как приемники и передатчики инфракрасных сигналов. Биооптические нити в моем теле передают сигналы компьютерному узлу, расположенному в спинном мозгу. Он обрабатывает

данные и либо отвечает, либо связывается с головным мозгом. Биоэлектроды в нейронах преобразуют двоичные сигналы в мысли; единица возбуждает нейрон, ноль ничего не делает. Эта система работает и в обратном направлении, так что я могу «разговаривать» с этим узлом.

Джейто подумал, что Найтингейл, вероятно, переполнен инфракрасными сигналами.

— А как ты можешь постоянно переносить столько шума?

— Не постоянно. Только когда я включаю «прием». — Соз полностью переключила внимание на Джейто. — Сигналы действительно создают много помех, и они не так надежны, как физический контакт. Но этого достаточно, чтобы я могла взаимодействовать с компьютером, расположенным так близко, как этот.

— И?..

Она раздраженно воскликнула:

— В этой комнате должно быть полно сигналов от различных источников в городе! Но я ничего не слышу.

Джейто сомневался, что Кранкеншафт способен отрезать свой дом от города.

— Возможно, он что-то с тобой сделал?

— Моя диагностическая система не зарегистрировала никаких программных вирусов или повреждений. — Соз помолчала. — Но, видишь ли, моя внутренняя сеть частично создана на основе моей ДНК. Вероятно, он инфицировал ее биологическим вирусом.

И, не говоря больше ни слова, Соз подняла руку и плюнула в гнездо.

Джейто сухо произнес:

— Если ты повредишь его, это нам не поможет.

Она улыбнулась:

— Если в моей биомеханической сети блуждает вирус, то нанороботы в моей слюне, возможно, смогут создать антитела.

— А теперь ты что-нибудь слышишь?

— Ничего. — Несколько секунд спустя женщина произнесла: — Есть. Заметка о балете. — Она снова ушла в себя. — Я по-прежнему не могу связаться с городской системой... Но думаю, что сумею залезть в этот компьютер.

Джейто удивленно уставился на нее:

— У тебя нет никаких шансов. Это личный компьютер Кранкеншафта. Все знают, что его невозможно взломать.

Губы Соз тронула холодная улыбка.

— Это моя работа. — Секунду спустя она произнесла: — *Я могу показать тебе голографическую скульптуру*, сделанную с тебя, если хочешь.

Джейто сглотнул ком в горле. Словно она обрушила на него ту тонну кирпичей из древней поговорки.

— Да. Хочу.

Соз указала в центр комнаты:

— Вот она.

Джейто обернулся — и у него перехватило дыхание.

В воздухе над бассейном мерцал туман, переливающийся всеми цветами радуги. Он плыл над торчавшими из воды блестящими белыми конусами, словно тени облаков в солнечный день. И это создал человек, всю жизнь проживший в ночи! На каждом конусе возникло голографическое изображение Джейто. На самом высоком, с круглым сечением, он сидел, прижав колени к груди и дрожа; с волос и одежды капала вода. Он был моложе, моложе на восемь лет — всего лишь хрупкий юноша. На его лице отражались сменявшие друг друга эмоции: гнев, замешательство, негодование.

Повзрослевший Джейто стоял на следующем конусе, верхушка которого была срезана под углом и имела эллиптическое сечение. Он вспомнил, как позировал для этой скульптуры, как часами стоял на узком столбе, выступающем над поверхностью бассейна. Кранкеншафт давно убрал столб и стер его на голограмме, так что Джейто просто плыл в воздухе, а по лицу его проносились красные и голубые облака. Он кричал что-то, кулаки его были стиснуты. Никакого звука не раздавалось: только губы его шевелились. В мелькании света было трудно понять слова, но он знал их. Он проклинал Кранкеншафта на своем родном языке.

Другой Джейто, рядом с параболическим конусом, стоял, погрузившись в воду до середины бедер. Он водил руками в воде взад и вперед — эту привычку он приобрел от скуки. Следующий Джейто стоял на коленях у гиперболического конуса, но пояс в воде. Кранкеншафт обработал его лицо так, что он выглядел старым. Древним. Его лицо

представляло собой отображение возраста, не тронутое биомоделированием, которое богатые люди использовали, чтобы сохранить молодость до конца своей долгой жизни. Ветерок шевелил его истончившиеся седые волосы. Сгорбленный, скрюченный, немощный — это было изображение его смертного удела.

Картина несколько минут сохраняла неподвижность. Затем все Джейто поднялись и начали перешагивать с одного конуса на другой, проходя сквозь друг друга, а над их фигурами проплывали разноцветные облака. Некоторые буйствовали, некоторые дрожали, другие двигались, как автоматы.

Каждая фигура расщепилась надвое, превратившись в двух Джейто, все они продолжали свой странный марш. Затем они снова раздвоились; оригинал продолжал двигаться, а остальные шагали на месте. Новые изображения возникали, словно тени; все они немного отличались друг от друга, создавая эффект размытости. Самый молодой Джейто плакал. Джейто помнил тот день: он рассказывал Кранкеншафту о своей семье, о том, как он любил родных, говорил, что они, должно быть, считают его умершим. На другом изображении Джейто смеялся. *Смеялся.* Да, бывали дни, когда он смеялся, даже вежливо разговаривал с Кранкеншафтом.

Над поверхностью бассейна появилась голограмма волы, парившая над настоящей водой, словно многократная экспозиция. Там были волны, замершие под неестественно острыми углами или зазубренные, словно пила, фосфоресцирующие красным, пурпурным, зеленым, сине-зеленым, золотым и серебряным светом. Порывы ветра, врывавшиеся в студию, поднимали волны на настоящей воде, и они добавляли штрихи к голограмме.

Фигуры Джейто снова раздвоились, как и их тени. Все они остановились и подняли руки, и движение это побежало, как волна, словно изображая множество квантовых вселенных, каждая из которых воплощала будущее, заданное оригиналом. Радужный водопад накрыл фигуры, и они замерцали. Но водяная завеса не могла скрыть ярость на их лицах.

— Клянусь всеми святыми! — воскликнула Соз. — Это впечатляет.

Джейто сделал усилие, чтобы не заскрежетать зубами.

— Именно поэтому он так знаменит.

— Теперь я понимаю, почему он выбрал тебя в качестве модели.

— Вот как?

Она махнула в сторону голограмм:

— Нельзя увидеть такие искренние эмоции — эту ярость — на лице Мечтателя. Такое вообще редко увидишь. Но у тебя это совершенно. Первобытные страсти, не испорченные цивилизацией.

— Я должен чувствовать себя польщенным?

Соз моргнула:

— Я не хотела... — Она запнулась, пристально глядя на скульптуру. — Джейто, посмотри в свои глаза.

— Задача не из легких. — Но он понял, что она имела в виду. Он вгляделся в изображения и, когда увидел то, что увидела она, чуть не задохнулся. Алые. Твердые, как рубин, и холодные, как рубин. Глаза у каждого изображения стали красными. Волосы тоже изменяли свой цвет, превращаясь из темно-каштановых в угольно-черные. Он не мог в это поверить. Кранкеншафт сделал его похожим на Торговца.

Он поднялся, стиснув руки в кулаки:

— Я убью его.

— Это вина, — объяснила Соз. — И катарсис.

— Какого черта, что все это значит?

— Здесь всё, — ответила она. — Вина, которую ощущают Мечтатели, зная, сколько несчастья их родичи принесли тысячам людей. И очищение. Понимание, что чудовище больше не живет в них. Они освободились, превратились из Торговцев в Мечтателей.

— Тогда это ложь. — Джейто был в таком гневе, что едва мог выговаривать слова. — Во имя этого «катарсиса» Кранкеншафт совершил то, от чего, как предполагается, он освободился. Он сделал меня похожим на то, что он ненавидит в себе самом, то, от чего он никогда не избавится... — Джейто осекся. Затем сел. — О дьявол!

Соз наблюдала за его лицом:

— В чем дело?

— Его лучшее творение. Взгляни в лицо демонам и изгони их. Я — основа. — Внезапно все стало совершенно оче-

видно. — Если он избавится от меня, то демоны, терзающие его, исчезнут. — Джейто сглотнул ком в горле. — Он собирается убить меня, ведь я часть скульптуры. Он с самого начала собирался сделать это.

Соз пристально взглянула на него:

— Он душевнобольной.

Джейто пожалел, что втянул ее во все это.

— Если бы мы погибли на Променаде, он сочинил бы красочную историю. А теперь ты вышла на него, и ему нечего терять — он доставил нас сюда, убьет и сможет использовать нашу смерть для своих нужд.

— Вообще-то, — произнес холодный голос, — ее убью ты.

Джейто резко поднял голову. Кранкеншафт стоял в противоположном конце мастерской, у консоли, в углу, где соединялись два голографических экрана. В одной руке он держал птицу Джейто, в другой — лазерный карабин.

— Какая трагедия, — продолжал Кранкеншафт голосом, которым он говорил, когда хотел подразнить Джейто, привести его в ярость. — Она пришла к самому знаменитому из современных художников, надеясь подарить ему Сон. Красивая женщина, в конце концов, обладает кое-какими преимуществами. К несчастью, она пришла, когда здесь был ты. — Он вздохнул. — Я никогда не оставил бы вас наедине. Но кому могло прийти в голову, что Имперскому Глашатаю угрожает опасность? А кроме того, Джейто, мы думали, что ты исправился. — Кранкеншафт покачал головой. — Она была слишком уверена в своих силах. В какой-то момент она потеряла бдительность, и тебе удалось связать ее. — Подняв птицу, он продолжал: — Ты убил ее украденным у меня тупым предметом. Я был вынужден пристрелить тебя, защищая свою жизнь.

Джейто поднялся, готовый взорваться. Но прежде чем его гнев выплеснулся наружу, Соз негромким голосом произнесла:

— Вы Гранитный Кранкеншафт.

На лице их тюремщика появилось беспокойное выражение.

— Вам не следовало совать нос в его досье, Глашатай.

— А почему вы заявляете, что Джейто украл эту птицу у вас? — спросила она. — Он создал ее сам.

Нижнее веко Кранкеншафта резко дернулось. Он крепче схватил статуэтку, стиснул ее, словно оружие:

— Никто никогда не поверит, что он сделал такую поразительную вещь и написал фугу. Только знакомство со мной позволило ему сотворить ее. Со мной. Он никогда не создал бы ее самостоятельно. Так что заслуга принадлежит мне.

Джейто должен был испытывать гнев из-за того, что Кранкеншафт пытается присвоить его работу. Но смысл слов врага так поразил его, что в нем взыграла гордость и он потерял голову. Он едва мог поверить в услышанное. Великий Гранитный Кранкеншафт был напуган *его* работой!

Кранкеншафт снял с пояса моток веревки и швырнул его пленникам. Моток упал у ног Джейто — кожаная бечевка с керамическими шариками на концах. Эти шарики могли быть чем угодно, от украшений до сверхпроводящих устройств.

— Свяжи ей руки за спиной, — приказал Кранкеншафт.

Джейто скрестил руки на груди:

— Нет.

Кранкеншафт прикоснулся к панели на консоли. Огромный шар протиснулся сквозь щель в пластиковой стене и проплыл к центру мастерской.

— Нелинейная динамика и метапсихология, — заметил скульптор. — Ты знаешь, что, имея достаточно детально разработанные начальные условия, можно моделировать дальнейшее действие? Корреляция между рассчитанными результатами и действительным актом, происшедшим при данных условиях, достаточно точна.

Джейто нахмурился:

— О чем ты говоришь?

— Секс, — сказал Кранкеншафт. — Организуй с требуемой точностью начальную сцену, и можно смоделировать дальнейшее с поразительным правдоподобием.

— Иди к дьяволу, — ответил Джейто.

— Свяжи ей руки.

— Нет.

— Начать процесс! — приказал Кранкеншафт.

Из шара выскользнуло три шприца. Джейто не успел отпрянуть вовремя, но в этом, как оказалось, не было нуж-

ды: выстрелы были направлены не в него. Соз рванулась с головокружительной скоростью, но она не могла уйти: ноги ее были прикованы к камню. Один шприц промахнулся, но, судя по реакции женщины, другие два настигли ее. Соз дернулась, словно ее ударили, и напряглась всем телом.

— Что ты делаешь?! — крикнул Джейто Кранкеншафту.

— Джейто, все в порядке, — сказала Соз. — Я чувствую себя нормально.

— Это яд, работающий по принципу химических часов, — объяснил ей Кранкеншафт. — Даже ваши роботы не в состоянии перестраиваться так быстро, чтобы создать противоядие.

Соз ничего не ответила, лишь устремила на него пристальный взгляд, выводящий из себя.

— Что это за яд? — спросил Джейто.

Соз мельком взглянула на него:

— Принцип его действия основан на циклических реакциях. — Хотя голос ее звучал спокойно, на лбу выступили капельки пота. — Если при определенных условиях соединить несколько реагентов, начнется серия реакций. В крови человека подобные вещества подвергаются циклическим превращениям, на каждой из ступеней образуется особый яд.

— А твои нанороботы могут бороться с ним? — спросил Джейто.

За нее ответил Кранкеншафт:

— Даже самые совершенные устройства не в состоянии приспособиться к сложным циклам. Этот яд подвергается сотне превращений, все ступени различаются по времени, побочные реакции каждый раз меняются. Это блестящее творение химиков. — Он оценивающе посмотрел на Джейто. — Ты подвергся действию одного цикла. В последний раз, когда был здесь. Может быть, ты помнишь?

Джейто прекрасно помнил. В крови его тогда словно горел огонь.

— Эти яды имеют различные проявления, — заметил Кранкеншафт, точно Соз была подопытным животным. — Тошнота, судороги, головокружение, боли. Скоро ее начнет рвать. В конце концов она умрет.

Соз оставалась невозмутимой, хотя по вискам ее бежали струйки пота. Она вытерла их механическим движением, словно включив гидравлику в своем теле.

— Как только ее руки будут связаны, — сказал Кранкеншафт, — я дам ей противоядие.

— Джейто, — она говорила тихо, — сделай то, что он хочет. Прошу тебя.

В голосе Соз явно слышалось напряжение. Джейто схватил с пола веревку и обмотал ее руки. Сломанный механизм на ее запястьях был горячим, возможно от энергии, выделившейся, когда пилы Соз пожирали его. Джейто свободно обхватил веревкой ее руки, даже не пытаясь завязать узла. Но керамические шарики активировались, и веревка натянулась, сжав запястья Соз. Затем шарики сомкнулись.

— Кожа, — произнес Кранкеншафт.

Джейто выпрямился:

— Что?

— На молекулярном уровне это сложный материал, — объяснил тот. — Более гетерогенный, чем, скажем, наручники. Не такой прочный, но ставит расщепители в тупик.

Джейто заскрежетал зубами. Как может Соз оставаться такой спокойной? Она лишь наблюдала за Кранкеншафтом, молча, пристально. Он снял с пояса кольцо с двумя магнитными ключами и бросил его пленникам. Когда ключи звякнули на полу у ног Джейто, защипел шприц в шаре. Соз двигалась словно автомат, пытаясь уклониться, но шприц попал в цель.

— Для тебя будет лучше, если это противоядие, — сказал Джейто.

— Красный ключ открывает твои кандалы, — произнес Кранкеншафт. — Золотой — ее.

Когда Джейто освободил их, Соз неловко пошевелилась, свесив ноги с уступа.

— Идите в бассейн, — велел Кранкеншафт. — Оба.

— Нет, — ответил Джейто.

— Не заставляй ее страдать больше, чем это необходимо, — посоветовал Кранкеншафт. — Я могу рассчитать многое, но достигну лучших результатов, если буду иметь подлинные изображения.

Джейто не тронулся с места.

— Я не буду ее насиловать и убивать. Ты можешь подправить голограммы, чтобы я выглядел как Торговец, но ты не в силах заставить меня действовать, как Торговец.

Голос Кранкеншафта стал жестким:

— В бассейн! Иначе я так накачаю ее ядом, что она станет умолять тебя прикончить ее.

Внезапно Соз начала действовать. Быстро. Упав на одно колено рядом со своими сапогами, она выбросила вперед руки, и с запястий ее разлетелись обрывки кожи. Она сорвала «украшения» со своих сапог, подняла — по одному в каждой руке — и выстрелила из них какой-то жидкостью. Одна порция забрызгала робота, образовав облако газа. Вторая, задев карабин Кранкеншафта, ударила ему в лицо. Враг закричал, уронил оружие и прижал руки к лицу. Упав на пол, ружье разбилось, словно фарфоровое.

Шар Мандельброта зашипел, и шприц уколол Джейто в шею. Невероятно быстрым движением Соз швырнула свои сапоги. Они пронеслись по воздуху и врезались в шар; его внешняя оболочка в том месте, где ее залила жидкость, разлетелась на куски. Все это рухнуло на пол, и внутренности шара разбились о камень. Мигая и жужжа, обломки начали рывками двигаться друг к другу и соединяться вновь.

— Разбрасывай куски! — крикнула Соз, устремившись на другой конец мастерской.

Она напоминала марионетку: ее тело сейчас двигалось с помощью гидравлики, а не мускулов и костей.

Когда Джейто поспешил к роботу, чтобы раздавить его останки, он заметил, что Кранкеншафт опустил руки, открыв обожженное лицо. В тот миг, когда он схватился за оружие на поясе, Соз добралась до него. Взмахнув руками со сверхъестественной скоростью, она ударила Кранкеншафта снизу в подбородок. Запрокинув голову, он с грохотом рухнул на спину, ударился затылком и остался лежать неподвижно.

— Соз, нет!

Она подняла ногу, и Джейто ринулся вперед. Он столкнулся с ней как раз в тот момент, когда она уже опускала ногу. Их качнуло в сторону, и Соз не попала в Кранкеншафта. Нога ее ударилась о пол с резким стуком — этот удар раздробил бы противнику грудную клетку.

Джейто хватал ртом воздух:

— Не надо убийств.

Соз обернулась к нему, словно автомат; на лице ее не отражалось никаких эмоций. Трудно было поверить, что это та же самая женщина, которую он целовал на Променаде.

Затем выражение ее лица вновь стало человеческим, как будто она запустила внутри себя какой-то механизм. Соз сделала выдох.

— Он будет жить. — И мрачно добавила: — А мы, вероятно, нет. Ты в порядке?

Знакомое жжение распространялось по шее и туловищу Джейто.

— Я получил дозу яда. Он дал тебе противоядие?

— Нет. Снова яд. — Соз принялась собирать свои сапоги и трубки. — Мои медицинские роботы пытаются синтезировать противоядие, но это трудно, потому что цель все время изменяется.

— Лучше нам поторопиться. — Он схватил с консоли свою птицу. — Его компьютер должен был поднять тревогу в городе и привлечь остальных роботов.

Соз натянула сапоги.

— Я поставила на его систему замки. — Голос ее звучал затрудненно. Неестественно. — Им потребуется несколько минут, чтобы взломать ее.

Когда Джейто поворачивался к двери, находившейся в противоположном конце помещения, его взгляд скользнул по бассейну — и он окаменел.

Голографическая скульптура продолжала изменяться. Она порождала все больше фигур Джейто, пока они не образовали целую толпу, по которой пробегали волнообразные движения. Получилось суперизображение, фрактальная структура, повторяющиеся детали которой становились все меньше и меньше. Постепенно на этой картине начало вырисовываться лицо. Гигантское лицо Торговца.

Его лицо.

— Нет! — Джейто рывком обернулся к консоли.

— Идем! — крикнула Соз.

Он принялся бить по консоли:

— Нужно уничтожить эту скульптуру.

— Нам надо бежать! У нас нет времени!

— Он украл мою жизнь. — Джейто оставил компьютер и развернулся к Соз. — Он создал портрет самого себя, но приписывает его мне. Это словно... словно... — Он ударил ладонью по консоли. — Он вор. Он украл мою душу. — Джейто указал на скульптуру. — Это я. Не важно, куда я пойду, что я буду делать, — пока это существует, я принадлежу ему.

По лицу Соз катились капли пота.

— Не могу гарантировать, что я найду все его копии.

— Если кто-то может это сделать, то только ты. — Он сжал кулаки. — Я принадлежу ему. А для него потеря этого «шедевра» будет наказанием похуже смерти.

Соз быстро подошла к консоли и принялась за работу; по панелям заскользили разноцветные волны иероглифов. Она не тратила времени на то, чтобы освободить гнездо у себя на запястье; вместо этого она стащила сапог, поставила на консоль ногу и воткнула вилку в отверстие на щиколотке. Судя по всему, ей не составляло труда стоять в таком нелепом положении.

Прошло несколько секунд.

Еще несколько.

Он ждал.

— Есть! — Соз выдернула вилку. — Я загрузила одну копию в свою внутреннюю память, для тебя. Все остальное уничтожено. — Она рывком натянула сапог. — А теперь идем.

Они побежали к двери, выходившей на обрыв. Когда они оказались снаружи, на ветру, Соз взглянула вниз:

— Здесь нет перил.

Джейто старался не потерять равновесия, сражаясь с порывами ветра и головокружением, вызванным ядом.

— Я пойду первым. Если упаду, то не столкну тебя. А ты достаточно легкая — если что, я попробую тебя удержать.

— Хорошо. — Голос ее звучал хрипло.

Джейто думал, что она захочет идти первой. Интуиция обманула его: Соз наполовину была компьютером, а компьютеры действуют в соответствии с логикой, а не чувствами.

Крепче сжав статуэтку, он начал спускаться. Вокруг в бескрайней бездне завывал бушующий резкий ветер. Сту-

пень. Еще ступень. Джейто шел медленно, останавливаясь, когда накатывали волны головокружения.

Ступень.

Еще ступень.

Сверху послышался какой-то скрежет, Джейто резко поднял голову и увидел, что Соз оступилась. Потянувшись к ней, он сам потерял равновесие и пропустил ступеньку, закачался над бездной. Отшатнувшись, он прижался к лестнице, упал на одно колено и уставился вниз, в колодец, образованный спиралью.

— Джейто? — прохрипела Соз.

Он сделал вдох, поднял взгляд и увидел ее — стоящую на коленях ступенькой выше его.

— Ты в порядке? — спросил он.

Соз кивнула, они поднялись на ноги и продолжили спуск.

Ветер наверняка был ледяным, но жар, бушевавший в теле Джейто, не давал почувствовать холода. Несчастный двигался сквозь пелену тошноты и головокружения.

Ступень.

Еще ступень.

Ступень...

Ступени не было. Джейто взглянул вниз. Они добрались до подножия.

Соз издала какой-то сдавленный звук и прижалась к спине Джейто, схватив его обеими руками за талию. Обернувшись, он поддержал ее.

Они направились в обход Найтингейла, оставаясь достаточно далеко от границы города, чтобы тьма скрыла их. Джейто хотелось бежать, но он удерживался: не только потому, что отравленное тело не могло двигаться с большой скоростью, но и потому, что это привлекло бы внимание. Парочка, гуляющая рука об руку по романтической тропе, — это одно, а двое бегущих людей — совсем другое.

Он показал на трубки на сапогах Соз:

— Что в этих штуках?

— Жидкий азот, — хрипло ответила она. — И расщепители, чтобы усилить эффект. Он замораживает то, во что попадает, а пилы разъедают материал. Они менее специфичны, чем те, что вырабатываются в моем организме. Это

делает их более опасными, но они сами разлагаются на воздухе.

— Как ты освободила руки? Пилы в твоем поту все-таки разъели кожу?

— Нет. — Соз поморщилась. — Мои для этого не годятся. Вещество широкого спектра действия, способное расщепить шкуру животного, разъело бы и наши шкуры. — Она показала ему сломанную цепь на своем наручнике. — Пощупай.

Он провел пальцем по зазубренному краю:

— Острый.

— Так же, как и тот, что остался там. Я терла о него веревку, пока та не лопнула.

— На этот раз никаких технологий, — отозвался Джейто. — Только смекалка.

Соз вымученно улыбнулась. Воротник ее взмок от пота, она шла с трудом, механическими движениями переставляя ноги.

В крошечном космопорте не было даже терминала — просто ворота у входа на летное поле. Когда беглецы приблизились к ним, откуда-то возникли два шара и бросились им наперерез. Джейто попытался уклониться, но один из шаров легко справился с ним. Робот ударил его в грудь, и Джейто отшатнулся, затем оправился и бросился в сторону. Шар последовал за ним, и человек повернул обратно, чтобы обогнуть врага. Эта уловка действовала с роботами Кранкеншафта в те дни, когда он программировал их на медленные реакции, чтобы сделать охоту «забавной». Однако Джейто сомневался, что этот шар принадлежит Кранкеншафту, — после всего, что произошло, его роботы постарались бы убить их.

Робот настиг его и, словно таран, ударил в голову. Джейто полетел на землю, у него зазвенело в ушах, перед глазами замелькали светящиеся точки. Прижав к груди статуэтку, он застонал. Откатившись прочь от жужжащего дьявола, Джейто бросил взгляд на диспетчерскую вышку. На ней загорались огни.

Времени не оставалось.

— Получай, тварь, — выкрикнула Соз.

Струя жидкости, описав дугу, окатила робота водопадом сверкающих капель. Тот развернулся к Соз, словно

гигантский керамический воздушный шар. Когда он устремился на нее, она попыталась сделать выпад, но потеряла равновесие и упала на колени. Шар нацелился женщине в голову, но она резко отскочила в сторону. Робот ударил ее в плечо — и разлетелся на кусочки, выплеснув настоящий дождь деталей. Вокруг Соз валялись жужжащие обломки, мигали огоньки.

Соз и Джейто взглянули друг на друга. Затем кое-как поднялись и бросились на летное поле. Вдалеке, с диспетчерской вышки и из громкоговорителей, расположенных по периметру поля, ревели сигналы тревоги. Беглецы миновали ворота — несколько брусьев, которые они отшвырнули в сторону, — и Джейто увидел звездолет «Вершина». Корабль блестел, словно алебастровая скульптура.

Когда Соз и Джейто добрались до звездолета, люк его раскрылся, будто на ускоренной голограмме. Как только они протиснулись в отверстие, люк захлопнулся. В носу корабля виднелась радужная мембрана, за ней находилась кабина. Когда Соз втиснулась на место пилота, вокруг нее образовался экзоскелет из рычагов управления, похожий на костюм из серебряной сетки. Джейто встал за ее креслом, уцепившись за спинку; на него накатила тошнота.

— Шея и узлы нижнего отдела позвоночника заблокированы, — сообщил голос.

— Щиколотки, — произнесла Соз, сосредоточившись на рычагах.

Пальцы ее летали по панели, а в это время автоматическая рука сняла с нее сапоги и часть сетки и соединилась с гнездами в ее ногах. После этого Джейто ничего не слышал: корабль сообщался прямо с внутренними системами пилота.

Внезапно Соз развернула кресло и притянула к себе голову Джейто. Он подался вперед, схватившись за ручки кресла, чтобы не упасть. Женщина яростно поцеловала его, всунув язык ему в рот.

Он рывком высвободился:

— Ты с ума сошла...

— Я дала тебе противоядие. В своей слюне. Моя сеть обнаружила его, а роботы синтезировали. — Она вновь притянула его к себе и поцеловала.

Он ответил на поцелуй, и в это время выстрелили пушки порта. Корабль содрогнулся. Хотя порт Найтингейла мог похвастаться весьма скромным арсеналом, он все же был в состоянии причинить ущерб. Джейто надеялся лишь, что «Вершина» сможет защитить себя, пока ее пилот и пассажир принимают противоядие.

Затем Соз отстранилась от него и улыбнулась. Кабина удлинилась, и из пола возникло второе кресло.

— Кресло второго пилота, — сказала женщина. — Садись.

Джейто скользнул на сиденье, и к его уху протянулось тонкое щупальце — как раз вовремя, чтобы он услышал крик:

— Небесный Молот тридцать шесть, ответьте!

Он чуть не выпрыгнул из кресла. Затем сообразил, что слышит переговоры Соз с диспетчерской.

— Взлет не разрешен! — произнес голос. — Повторяю, взлет не разрешен.

— Упрямые ослы! — рассердилась Соз. Затем выпустила ракеты.

Джейто знал, что разведывательный корабль, подобный «Вершине», может взлетать и садиться без малейшего шума, если этого хочет пилот. Они поднялись в воздух под грохот ракет. В качестве прощального салюта Найтингейлу Соз превратила космодром в ад.

Ускорение вдавило их в кресла, перед ними возникла голографическая карта, показывающая, как Найтингейл исчезает среди живописных скал Скелета Гиганта. Горы становились все меньше и меньше, пока не превратились в морщины на широком лице планеты.

Постепенно до сознания Джейто дошло. Он был свободен. Свободен!

Или, по крайней мере, думал, что свободен.

— Что теперь? — спросил он.

Соз взглянула на него:

— Я доставлю тебя в штаб. Ты сможешь оправдаться. — Она помедлила, и на лице ее выступил румянец. — Я могу помочь тебе, если... если хочешь.

Ее неуверенность смутила его. Он видел, как она глядела в лицо смерти во время падения Променада и борьбы с губительным вирусом, как она умела убивать, не

дрогнув. А спрашивая, нужно ли ему ее общество, она волновалась.

Он улыбнулся:

— Да. Я хочу этого.

Лицо Соз смягчилось. Она взглянула на статуэтку, которую он все еще держал в руках:

— Я понимаю, чего тебе стоило предложить мне эту скульптуру. Спасибо.

— Она ничего особенного собой не представляет.

— Она восхитительна, Джейто. И птица, и музыка.

Он сглотнул ком в горле, не зная, как выразить, сколь много для него значат ее слова. Вместо этого он указал на голографический экран:

— Соз, взгляни.

Вместе они смотрели, как над горизонтом Аизатца встает солнце.

РОДРИГО ГАРСИА-И-РОБЕРТСОН

Судовые крысы

Родриго Гарсиа-и-Робертсон (р. 1949) живет в Маунт-Вернон, штат Вашингтон. Он один из тех немногих фантастов, кто до сих пор так и не обзавелся компьютером. Дебютным произведением писателя стало получившее множество положительных отзывов историческое фэнтези «Хоровод» («The Spiral Dance»). За ним последовали научно-фантастические романы «Девственница и динозавр» («The Virgin and the Dinosaur», 1996) и «В поисках Атлантиды» («Atlantis Found», 1997), а также мейнстримовый роман «Американская женщина» («American Woman», 1999). Вероятно, Гарсиа-и-Робертсон мог бы раскрутиться в каком-нибудь определенном жанре, однако вместо этого писатель кочует от одного к другому с завидной легкостью и изяществом.

Среди недавних работ автора еще не завершенная серия романов в жанре исторического фэнтези о нашем современнике, попавшем в прошлое, — «Рыцарь-странник» («Knight Errant», 2001), «Леди Робин» («Lady Robyn», 2003) и «Белая роза» («White Rose», 2004), а также фантастический роман 2006 года «Жар-птица» («Firebird») о приключениях в вымышленной стране Марковии.

На счету писателя около пятидесяти рассказов. В сборнике «Лунная дева и другие фантастические истории» («The Moon Maid and Other Fantastic Adventures», 1998) представлена как приключенческая научная фантастика, так и космическая опера. «Что за питательная смесь этот сборник! — отмечает Дэвид Метью на британском сайте in-finityplus.com. — Отличная вещь. Порой он пишет, как Хайнлайн, порой — как Азимов, а то вдруг строчит, как наглотавшийся амфетаминов бунтарь Новой школы».

Гарсиа-и-Робертсон известен в основном благодаря своим приключенческим рассказам в жанрах научной фантастики и исторического фэнтези. Говоря о своем творчестве, писатель чаще всего употребляет термин «космическая опера», хотя определения «планетарный романс» и «фантастические приключения» тоже кажутся вполне подходящими. Отвечая на вопрос, что для него космическая опера, Гарсиа-и-Робертсон сказал: «Космическая опера открыла мне мир научной фантастики, ведь вырос я на историко-приключен-

ческих произведениях, зачитывался романами о принце Валианте, Александре Македонском, Чингисхане и капитане Бладе. Том Корбетт, космический кадет, заставил меня отвлечься от истории и взглянуть на звезды. С той поры я с увлечением читал как исторические романы Роберта Грейвза, Мари Рено, Джорджа Макдональда Фрейзера, так и старую добрую космическую оперу Хайнлайна, Пола Андерсона, Джека Вэнса, Эдгара Райса Берроуза. И многие вещи были действительно потрясающими. В „Гражданине галактики", к примеру, имеется полный набор элементов классической космооперы. Здесь и звездолеты, и невольничьи рынки, и масштабные космические сражения, и сверхъестественные способности... Но темы, которые затрагивает автор, весьма отчетливо перекликаются с ситуацией пятидесятых и шестидесятых годов и до сих пор столь же актуальны, как и афганский конфликт.

Большим недостатком космической оперы я считаю то, что она, строго говоря, имеет мало общего с истинной научной фантастикой. НФ в основном повествует о влиянии научного прогресса на судьбы людей, тогда как космоопера просто превращает современные корабли, самолеты и телефоны в звездолеты, флаеры и коммуникаторы. Еще бы! В этом-то вся суть жанра. Обращаясь к фэнтези, я всегда сосредоточен на нашем прошлом и размышлениях о том, какой путь мы проделали до нынешних дней. Полистайте „Американскую женщину" или „Рыцаря-странника", и вы узнаете о битве при Литтл-Бихорн или Войне Алой и Белой розы больше, нежели из обычного исторического романа. Тогда как космическая опера, по крайней мере для меня, — это всегда рассуждения о том, что нас ждет впереди.

Предсказания — дело нелегкое. И я никогда не утверждал, что будущее окажется именно таким, каким я его описываю. Гораздо вероятнее — кардинально иным. Прежде чем взяться за космическую оперу, я внимательно смотрю новости и пытаюсь ответить на вопрос: „К чему все это может привести?" Возникает свободный ассоциативный ряд, знакомые проблемы и реалии проецируются в будущее, и я стараюсь определить, что из этого гипотетического набора имеет больше шансов произойти в действительности.

„Судовые крысы" — яркий тому пример. Идея возникла осенью 2000 года, но тогда я думал, что история об угоне звездолета, в которой команда и пассажиры сталкиваются с террористами-женоненавистниками, будет выглядеть странно. Об угонах самолетов не было новостей вот уже несколько лет, и тема показалась мне неактуальной, гораздо

более подходящей для фэнтези, чем научной фантастики. Тем не менее повесть я все-таки написал, и ее должны были напечатать в „Asimov's" как раз накануне кошмара 11 сентября. Тогда-то я и понял, о чем в действительности эта история».

Повесть «Судовые крысы» написана в лучших традициях пиратской научной фантастики, знакомой нам еще со времен Джека Уильямсона.

Капитан Кей

Утренняя смена 14:37:12
Орбита Кладбища в окрестностях Тифона

У двоюродного дедушки Лайла корабль вроде этого. Кей ступила из переднего люка в узкую трубу, устланную свободно болтавшимися силовыми кабелями и обрывками блестящей изоляции, указывающими на то, что работа на корабле шла полным ходом. На Кей был взрослый скафандр, несколькими размерами больше положенного, туго перетянутый в груди, талии и паху, чтобы не дать ей упасть. К счастью, ускорение силы тяжести было невелико: всего пять g. Заметив, что давление поднимается, она отстегнула шлем, сняла его и тряхнула прямыми светлыми волосами, доходившими до маленького изящного подбородка. Спрямленные концы и подстриженная челка были окаймлены голубым, в цвет ее глаз.

Наполнив легкие корабельным воздухом, Кей подумала, что здесь пахнет плесенью, обезьянами и растворителем — словом, куда приятнее, чем затхлая вонь в ее скафандре.

— Ты можешь им управлять? — осведомился бесплотный голос, исходивший из переговорника, прикрепленного к ее уху. Запаздывание, вызвашое световой скоростью, делало все голоса нерешительными, идущими словно с большого расстояния. Не меньше сотни тысяч кликов.

— Без проблем. — В свои тринадцать стандартных лет Кей уже научилась не выказывать ни ангстрема сомнения, особенно когда на кону стояли хорошие деньги. — Только дайте мне осмотреться.

Проследовав по змеившимся силовым кабелям к отсеку управления, она смахнула червячки упаковочной пены с повехонького кресла командира, уселась — и сразу же утонула в защитных ремнях.

— Тип «Комета Центавра», верно?

— Серийный номер восемь-восемь-семь-девять-четыре-четыре-два, — прозвучал голос в ухе. — Название корабля вам знать необязательно.

Что ж, как скажете.

Найдя зажим, Кей сколола волосы на затылке и занялась быстрой проверкой системы. Все, казалось, функционирует, но это как посмотреть... Стационарные системы бездействовали, ожидая только команды, чтобы ожить, тогда как приборы, с которыми постоянно работали люди, изношены или просто развалились. Откинувшись на сиденье, Кей провела виртуальную экскурсию по кораблю, сферической герметизированной кабине, соединенной с цилиндрическим двигателем, работавшим на антиматерии. Первоначально «Комета Центавра» служила внутрисистемным грузовым робосудном, но сейчас переоборудовалась командой супершимпов — очевидно, для перевозки контрабанды. Кей отметила, что переделанный отсек управления был немного короче, и это создавало свободное пространство за кормовой переборкой.

— Значит, вам нужен кто-то для пробного рейса на Тартар?

— Да, пилот, который проверил бы работу супершимпов, а потом отвел корабль на Тартар.

— А зачем брать шимпов?

Она не собиралась поднимать корабль в воздух, пока все работы не будут закончены. Хоть Кей и доведена до отчаяния, но еще не спятила. Есть немало куда более остроумных способов покончить с собой, чем тащить подозрительный корабль, глубоко засевший в гравитационной яме Тифона, на безвоздушную вулканическую луну, разрываемую приливными течениями и пропитанную жесткой радиацией.

— Эти супершимпы нужны на Тартаре.

Бедные шимпы. И бедная Кей: ей тоже нужно на Тартар. Ради денег иногда приходится идти на всякие мерзости.

— Когда мне заплатят? — спросила Кей.

— Деньги уже переведены на ваше имя и ждут на Тартаре. Вам нужно только попасть туда.

— Звучит неплохо.

Честно говоря, все это звучало как чушь собачья и наглое вранье, но не могла же она сказать об этом вслух! Мало того, единственный способ получить хоть какие-то деньги — благополучно отвести этот музейный экспонат на Тартар.

— Мне нужно захватить свой комплект инструментов.

— Возвращайтесь до шестнадцати ноль-ноль.

— Непременно! — заверила Кей, не позволяя прокрасться в голос даже тени сомнения.

Она по-идиотски ухмылялась так задорно, как только могла, сидя за панелью управления древнего грузового робосудна, космического упаковочного ящика, созданного за много лет до ее рождения, и слушая приказ отвести эту развалину на Тартар, по причинам столь опасным, что она боялась о них спрашивать.

— Без проблем, — повторила она невидимке, мысленно проверив время. Было 04:55:07. — Я вернусь к первой полувахте[1].

Выбравшись из кресла, прежде чем бесплотный голос успел изменить свое решение, она полезла через дебри упаковки к переходному шлюзу, по пути натягивая шлем и с отвращением вдыхая застоявшийся противный воздух из старого рециркулятора. Проскользнув через шлюз, она выбралась из системы стабилизации на открытый швартовочный порт, находящийся на основной оси корабля. Приказав ботинкам не скользить, она вышла, чтобы постоять на пустом швартовочном кольце, окруженном вакуумом и звездным светом, — при полном параде, только вот деваться некуда. Она лишь хотела убраться с корабля, пока кто-нибудь не вмешался и сделка не полетела к черту. Глупо, конечно, поскольку переговорщик все еще у нее в ухе и бесплотный голос в любую минуту может расторгнуть договор или потребовать, чтобы Кей сделала все с завязанными глазами, на что она, по идее, должна с радостью согласиться. Но она не собирается медлить ни наносекунды. Что тут обсуждать? Ей предложили больше денег, чем какому бы то ни было пилоту, за управление кораблем: то, что она умела делать с шести лет. Кей согласилась. При

[1] От 16 до 18 часов.

этом она решительно отказывалась думать о риске, последствиях или очевидной опасности. Правда, и выбора у нее не было.

Включив переговорник, она обыскала сеть, прослушивая частоты, наскоро пробегая от одной волны к другой, выискивая того, кто мог бы ее подвезти, отвечая всякому, кто пожелал с ней поговорить, сообщая всем, кто ее слушал, что она «застряла на Кладбище» и просит подбросить ее домой.

Перед ней раскинулась одна из самых потрясающих картин освоенного человеком космоса: туманность Ориона, видимая вблизи, — гигантские пальцы светящегося газа, увенчанные рождающимися звездами, которые были заметны даже на фоне ярких огней скопления: тысячи солнц, столпившихся всего в десятке световых лет, полыхающих ей в лицо из мрака. Звездная туманность простиралась сверху и почти до ног Кей, где резко отсекалась изогнутыми песочно-коричневыми верхушками облаков гигантского кольца газа, в полумиллионе километров «под» ней. Это и был Тифон, гигантская планета, подобная Юпитеру, которая все вбирала в свою орбиту, окруженная огромными серебристыми кольцами, занимавшими полнеба. По местному выражению, опускаться в крутую гравитационную яму Тифона означало «идти вниз», все остальное во Вселенной было «наверху». Где-то «внизу», там, между нею и кольцами, вращался Тартар, самая отдаленная луна, серный вулканический комок, окутанный исходящей от поясов Ван-Аллена радиацией, где одновременно царили ледяной холод и бьющий из кратеров жар, где не было ничего и где по какой-то непонятной причине крайне нуждались в корабле и его команде пимпов. Нуждались настолько, что были готовы взять пилотом даже Кей, — признак практически самоубийственного отчаяния с их стороны... или невероятной глупости. Но кто такая Кей, чтобы задавать ненужные вопросы и испытывать свою удачу?

Улыбаясь в нашлемную камеру, она воображала людей, с которыми только что говорила: мамин биочип в черепе позволял ей видеть образы, проецируемые непосредственно в ее оптические мозговые центры, поэтому она могла читать по лицам. СС-8879442 находился на орбите Кладбища, пристанища для порожних кораблей и разгерметизированного хлама, скопившихся на краю тифоновых поясов

Ван-Аллена. Команды спасателей, сборщики мусора, ремонтные бригады, контрабандисты и торговцы антиквариатом — все посещали Кладбище, пусть и нерегулярно. Именно к ним Кей сейчас и обращалась, терпеливо умоляя помочь, пока старый материнский рециркулятор упорно трудился, перегоняя воздух. Наконец она нашла парня, который показался ей подходящим. Толстый дружелюбный оператор буксира, пообещавший захватить ее при условии, что она уплатит за свой вес. И поскольку Кей почти ничего не весила, предложение показалось выгодным. Хотя жаль, что ей не попалась женщина.

Приготовившись к ожиданию, Кей передернула плечами в своем чересчур большом скафандре и прислушалась к натужно гудевшему рециркулятору. Когда стоишь на оси вращения, кажется, что весь корабль кружится вокруг тебя, на самом же деле ты в стабильном положении относительно звезд и смотришь прямиком на Бетельгейзе. Но интереснее всего Тифон, полыхающий в полуфазе, со своими гигантскими кольцами, такими огромными, что их нельзя охватить взглядом. Она поискала Тартар, но крошечная луна была слишком близко и затмевалась яркими кольцами. Теперь Кей станет настоящей судовой крысой, причем окажется достаточно близко, чтобы поточить о кольца свои коготки.

Время 05:37:42. Ожидание тянулось бесконечно и действовало на нервы. В космических путешествиях слишком много времени тратится впустую. Кроме того, ей не нравился звук рециркулятора: если он скиснет, у нее останется всего лишь небольшой резерв, прежде чем скафандр выйдет из строя.

Вернувшись в сеть, она поискала другие возможности и наткнулась на сенсорное объявление канала 3V, рекламирующее курортный аэростат в верхней атмосфере Тифона. Плавая, словно громадный прозрачный пузырь диаметром несколько километров, аэростат свисал с гигантского шара с подогретым водородом, паривщего среди коричневых облаков гидросульфида аммония, во многих сотнях километров от серовато-белого моря облаков водяного льда. В защитной оболочке аэростата находился мир свободных форм, где неземной красоты создания порхали на прозрачных крыльях или воздушных велосипедах между паривщими

над землей деревушками. Для ребенка, выросшего в клетушках и коридорах, это была волшебная страна.

Кей слилась с объявлением и помчалась на воздушном велосипеде; непривычно освежающий ветерок струился по лицу прохладным потоком ощущений. Она вертела педали, огибая суда, прогулочные баржи и красочные дома, плывущие, как распустившиеся цветы, вместе со своими висячими садами и посадочными площадками на крышах. Аэростаты применялись первыми поселенцами, осваивающими Оксанию и внутренние миры, а затем пришли и на Тифон в качестве закрытого жилого пространства во внешней системе. Добыча льда и освоение земли позволили колониям, разбросанным вокруг Тифона, жить на одних местных ресурсах и пользоваться преимуществом силы тяжести: не все могли перебраться в чудесные новые внутренние миры.

Пролетев сквозь радуги водопада, Кей заскользила по поверхности теплого озера, ощущая на ногах брызги и не боясь разбиться: ведь это всего лишь рекламное объявление! И чтобы доказать это, она отъехала и, сделав идеальное сальто, плюхнулась в воду.

Кей поплыла, уже не на велосипеде, а совершенно обнаженная, в одних только ластах, очках и с дыхательным аппаратом. Теплая, насыщенная кислородом вода превратила ее в морское существо, резвящееся над залитым солнцем песком вместе со стайками крохотных серебристых рыбок, плывущее без всяких усилий...

Неожиданно Кей оказалась на прежнем месте и в своем мешковатом скафандре. Разогретые мышцы ног, непривычные к резким движениям, все еще слегка подергивались. Скафандр подал сигнал, когда к порту причалил буксир. Прибыл ее транспорт. Очистив швартовочное кольцо, она подождала, пока шлюзы состыкуются, а потом ступила на буксир и с удивлением заметила, что он безупречно чист. Неплохой знак.

— Добро пожаловать на борт, — приветствовал ее оператор со своего командного места. — Снимай шляпу и садись.

У Кей оставалась доля секунды, чтобы решить, безопасен ли мужчина, пока люк переходного шлюза медленно закрывался и корабли готовились разделиться. Что, если этот тип набросится на нее? Может, стоит вернуться? По-

пробовать найти другой транспорт?.. До сих пор чутье ее не обманывало, поскольку за сотни рейсов с ней ни разу ничего уж очень страшного не случилось... Этот парень имел внешность добродушного неряхи, что совсем не соответствовало чистой кабине. Однако нрав, судя по всему, у него был сговорчивый и покладистый. В его пользу говорило и то, как истово он следил за своим кораблем.

Кей немного расслабилась, когда шлюз с легким щелчком закрылся за ней: на беду или на радость, но она уже была на борту буксира.

— Спасибо, — жизнерадостно откликнулась Кей, стягивая шлем, — это не помешает.

И воздух здесь оказался чистый — не такой свежий, как на аэростате, но рециркулятор на буксире неплохой, сразу понятно. Кей опустилась в кресло второго пилота и пристегнула ремни.

— Откуда ты? — спросил парень.

Отцепив перчатку, она засучила широкий рукав скафандра и показала татуировку: К-9251949 — номер, присвоенный ей в приюте.

— Значит, у тебя нет родных? — спросил он.

— Только мамин дядя Лайл.

Который не знал о ее существовании, пока она сама не нашла его.

— У него свой корабль, но не такой красивый, как у вас, — сообщила Кей.

— Да что ты, это всего лишь корыто, — с сожалением улыбнулся великан.

— Зато вы хорошо за ним следите. — Она не скупилась на комплименты. — У двоюродного дедушки Лайла в кабине такое творится!

Добродушная улыбка парня стала еще шире.

— Что это за корабль, с которого я тебя взял?

Девушка пожала плечами.

— Просто искала работу. Но ничего не нашла, — соврала она.

— Какую работу? — продолжал допрашивать капитан, вопросительно изогнув брови.

Она не вдавалась в подробности транспортировки на Тартар, прекрасно понимая, что дело нечисто и наверняка связано с нарушением закона, иначе только идиоты напяли

бы такую, как она. Приглашать недипломированного пилота — рисковать кораблем. Словом, груз до того опасный, что лишь отчаявшийся подросток способен транспортировать его, не задавая лишних вопросов.

Кей снова пожала плечами:

— Говорю же, ничего не нашла. Лучше скажи, трудно управлять посудиной вроде этой?

— Нетрудно, — рассмеялся он. — Метишь на мое место?

— Точно!

Она начала задавать дурацкие вопросы насчет тонкостей орбитальных полетов, вызывая его на откровенность, заставляя рассказывать о проблемах буксировки, спасательных операциях, сплетнях контрабандистов, семейных неурядицах. Он показал ей голограммы счастливо машущих трех жен и семерых ребятишек. Когда беседа увяла, Кей погрузилась в свои мысли, прыгнув на борт нового сенсорного объявления и уплыв на звездном лайнере за пределы системы. Девушка скрывала свое отсутствие за приветливой улыбкой.

Звездный лайнер «Артемида», куда приглашала реклама, был построен для развлечения межзвездных путешественников. Бары, казино, салоны и прогулочные палубы, а также полая сердцевина, где увитые зеленью, почти вертикальные отвесы с выступами, находившимися, казалось, на расстоянии многих километров друг от друга, замыкали в себе виртуальное пространство, наполненное спиральными трассами и водопадами. Пассажиры могли ступить с балконов своих гостиных прямо в голограммные ландшафты, менявшиеся еженедельно: даже дорога в излюбленное кафе становилась приключением. Все, что угодно, лишь бы побороть скуку долгих месяцев путешествия.

Кей занялась виндсерфингом, время от времени возвращаясь к действительности, чтобы проверить, изрекает ли ее спутник что-то важное. И каждый раз, когда она покидала виртуальный мир, реклама «Орион Лайнз» упорно напоминала, что звездолет «Артемида» приближается к орбите Тифона, последней остановке внутри системы, и что ИМЕЮТСЯ СВОБОДНЫЕ МЕСТА для пассажиров. О, как ей хотелось полететь туда, как она желала оказаться на этом сказочном лайнере, но у нее даже не было денег добраться до Кладбища и обратно!

И тут поездка закончилась: пилот буксира объявил, что они уже в Центре. Поспешно отстегнув ремни, Кей извинилась за то, что всю дорогу ловила ворон.

На полукруглой станции было пришвартовано несколько кораблей, что придавало Центру вид колеса без обода, с кучей выломанных спиц. Дом, милый дом. И пора расплачиваться. Пилот вычислил стоимость ее массы, вручил блокнот, чтобы она могла проверить цифры. Они совпадали: приходилось полностью опустошить кредитную карточку. На обратную дорогу ничего не оставалось.

Ее палец нервно дрогнул над кнопкой «Оплатить».

— Эй, детка, хочешь сэкономить? — тихо спросил пилот.

— Еще бы, — медленно протянула она, разжав пальцы и позволяя блокноту выплыть из ее руки.

Ей во что бы то ни стало нужно сохранить деньги, чтобы возвратиться на Кладбище. Можно, конечно, послать этого парня куда подальше, но еще неизвестно, окажется ли следующий хоть вполовину таким же симпатичным, как он. Кей научилась распознавать «любителей детишек» с первого взгляда, но этот тип, кажется, не из таких. Он просто посчитал ее «славной малышкой» и захотел получить свое немного раньше положенного. Дьявол, да с первого взгляда было понятно, что она ему понравилась, хотя его способ выражать свои чувства граничил с криминалом.

— Только если мне не придется снимать скафандр, — добавила Кей.

— Кстати, а откуда он у тебя? — спросил пилот. Он был явно разочарован.

— Скафандр принадлежал моей маме, — только и обронила Кей.

— Она была специалистом по вакууму?

— Нет, пилотом, и избороздила половину галактики.

Кей наградила капитана буксира самой теплой, самой ослепительной улыбкой из своего репертуара.

— Ма родилась на альфе Центавра, совсем недалеко от Старой Земли, и это ее скафандр. — Она не упомянула, что мать так и умерла в нем. — Это все, что она мне оставила.

Не совсем так: биочип, имплантированный в ее череп в самом раннем детстве, тоже был оставлен ей вместе с деньгами на операцию.

— Так твоя ма умерла? А как насчет отца?

— Донор спермы, — жизнерадостно поведала Кей. — 789439-X18.

— Значит, ты сама по себе?

— Точно, — заявила она с таким видом, будто другой доли не желала.

— Так сколько же тебе лет?

— Шестнадцать, — солгала Кей, чтобы он не слишком расстраивался.

— Земных? — подозрительно допытывался пилот.

Она с готовностью кивнула.

Привыкшая отключать участки мозга, Кей перевела себя в автоматический режим, послав сознание в очередной визит на борт «Артемиды», — на этот раз никакого виндсерфинга или виртуальных приключений. Всего лишь отдых на террасе в висячих садах лайнера. Откуда-то доносится музыка, в темном воздухе пахнет жасмином, пока голографические светлячки призывно подмигивают друг другу.

Кончилось тем, что капитан буксира еще и приплатил ей.

Чтобы отвлечься от жажды и импровизированного прослушивания на роль четвертой жены, Кей пыталась определить свои шансы. Если смотреть в глаза жестокой правде, она связалась с прожженными преступниками, надеявшимися получить прибыль от путешествия на Тартар. К счастью, они не скупились, и свое она заработает, поскольку Тартар подтвердил: деньги переведены на ее имя, а значит, вместо виртуальных развлечений ей предоставляется шанс улететь куда-нибудь на самом деле. Более того, как ни ворочала она мозгами, вывод получался один: нанимателям попросту нет никакого толку ее убивать. Если они собрались взорвать корабль, чтобы получить страховку, то какой идиот застрахует нелегальное контрабандное судно с несовершеннолетним пилотом? Нет, они хотели переправить шимпов и корабль на Тартар по какой-то своей причине, веской причине. Поэтому и нашли дешевого пилота, который к тому же ничего не знает и не сможет свидетельствовать против них, кем бы они ни были. Отделаться от нее легко, но обреченной ее тоже не назовешь. И вряд ли даже самые закоренелые преступники могут поступить настолько жестоко.

Протискиваясь мимо измученных семейств, расположившихся в коридорах, Кей добралась до своей камеры хранения и увидела развалившегося перед ней пожилого бри-

тоголового вакуумщика, тощего, изможденного, вонявшего охлаждающей жидкостью, частенько используемой в иных целях, поскольку было точно известно, что отравиться ею нельзя.

Кей наклонилась и тряхнула его за плечо:

— Эй, старина, проснись, мне нужны мои вещи.

Единственный зрячий глаз лежавшего приоткрылся. Рабочий уставился на нее. Вопросительная гримаса сменилась кривой улыбкой.

— Кей! Я молился, чтобы ты вернулась...

Девушка устало усмехнулась:

— И вот я здесь.

— Где ты была? Никто не знал, куда ты подевалась. Словно исчезла из Центра.

Ее заветнейшая мечта.

Кей вздохнула и присела рядом с ним.

— Меня действительно не было в Центре. Летала на Кладбище смотреть корабль.

— Какой корабль? — запаниковал он. — Ты не можешь покинуть меня! Ты мой ангел, единственное прекрасное создание, которое я вижу каждый день. Если ты улетишь, тогда все...

В доказательство своих слов он ткнул рукой в темное жерло прохода.

Да, будущее не из светлых, и именно поэтому она такого не желает.

— Послушай, — прошептала Кей, — у меня хорошие новости, только это тайна.

— Какие новости? — настороженно осведомился рабочий.

— Обещай держать все в секрете, — настаивала Кей. — Я нанимаюсь капитаном.

— Черт, девочка, да это чистое безумие!

— Конечно! — Она жизнерадостно закивала. — Наверняка это преступники... Двигатель на антиматерии, команда из супершимпов. *Моя* команда. Звучит страшновато, не так ли? И я хочу, чтобы ты полетел со мной в качестве суперкарго. Ну, что скажешь?

Он ответил благодарным, опеломленным взглядом:

— Ты и в самом деле мой ангел. Мой золотой ангел!

Она засмеялась, впервые за бог знает сколько времени. Наверное, за целую вечность.

— Тогда шевелись, старина. Это говорит капитан Ангел!

— Есть, сэр! — Он с трудом поднялся. — Куда мы направляемся?

Кей изогнула светлую бровь:

— Для тебя это так важно?

Он тоже рассмеялся, печально покачивая бритой головой:

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

— Дело опасное, — призналась Кей.

— Опасное? — удивленно протянул рабочий. — Подумаешь, всего-навсего напяться на неизвестный корабль с недипломированным несовершеннолетним пилотом, чтобы лететь черт знает куда! Какой же это риск?

Она снова рассмеялась:

— Что же, в твоем изложении это звучит вовсе не так уж плохо. Будь готов к первой полувахте.

— Лучше умереть в космосе, чем жить в коробке, — напомнил он, важно подняв скрюченный палец.

— Еще бы!

Кей приложила большой палец к замку, и дверь камеры отскочила. Он всего лишь спал в коридорах. Это она жила в коробке.

Кей протиснулась в свою трехметровую камеру и там, в темноте, как куколка, превращающаяся в бабочку, сбросила материнский скафандр, а за ним и пропитанные потом майку и штаны. Найдя на ощупь холодильник, она вынула пакет воды, разорвала оболочку из фольги и напилась. К следующей полувахте она уже набросится на корабельный рацион и впервые в жизни будет есть и пить сколько захочет.

Теперь же Кей испытывала только опустошение. Свернувшись клубочком в темноте, она дала себе волю и тихо плакала от одиночества и боли, которые никогда не покидали ее.

Кей думала о своей умершей маме и о папе, доноре спермы — 789439-X18. «X18» означало, что ей сообщат его имя только в день восемнадцатилетия. Он не хотел встречаться с дочерью-малолеткой. Такая она ему не нужна. Еще пять лет. Какого хрена?! И как она, спрашивается, должна выживать до этого момента?

Единственным шансом выбраться отсюда был биочип, вживленный в детстве в ее череп. С ним Кей могла пилотировать любой космический корабль. Мамины файлы были достаточно велики и постоянно обновлялись сами собой, давая Кей весьма причудливое воспитание. Сколько еще трехлеток имели такого «невидимого друга»? Рожденная в космосе девочка не могла позволить себе оглядываться назад. На Тартаре вряд ли хуже, чем здесь, а деньги, полученные там, могут перенести ее куда-то еще. По крайней мере, Кей на это надеялась. Ее наниматели сэкономят целое состояние на жаловании настоящего пилота. Вряд ли они убьют ее, чтобы заграбастать ту ничтожную сумму, которая ей положена.

Не верится.

А вдруг захотят заставить ее замолчать?

Возможно.

Но лучше умереть в космосе, чем жить в коробке.

Кей закрыла глаза, возвращаясь на звездный корабль «Артемида», чтобы потанцевать в низкогравитационном салоне с красивыми голографическими офицерами в шикарных мундирах «Орион Лайнз».

Движения и музыка вскоре убаюкали ее. Одна поездка на Кладбище — и она получит собственный корабль. И тогда держись, Вселенная!

«Мисс Бихейвин»

Вторая полувахта 18:54:33
Переход на Тифон при постоянном g

Соединенная с рабочей станцией сверхпроводящим кабелем, Хейди Ван Дер Граф смотрела в виртуальное пространство, наблюдая, как две однобокие маленькие луны катятся друг к другу. Кабель включался на затылке в микророзетку, скрытую волосами естественного розового цвета. Два пытавшихся столкнуться спутника были охранными лунами Этна-I и Этна-II, усеянными оспинами диаметром в сотню километров. Луны вращались по концентрическим орбитам, в сорока километрах от внешнего края А-кольца Тифона. При орбитальном разделении в пределах их сред-

них диаметров они почему-то стремились врезаться друг в друга, и Хейди старалась поместить пассажиров «Артемиды» у самой точки столкновения.

— Корабль с бортовым номером ноль-четыре-четыре-два-ноль похож на контрабандиста.

Хейди весьма нелестно подумала о своем боссе, уже успевшем увидеть корабль, огибавший кольца и направлявшийся к Тартару, слишком старый и медлительный, чтобы доставить неприятности. Работа Хейди заключалась в том, чтобы упредить события. И теперь она чувствовала себя так, словно ее голова, прочно сидевшая на плечах, вот-вот готова принять неверное решение, причем непонятно почему. Да, она здесь новичок, ведь Хейди никогда не служила на шикарном звездном лайнере.

Но хуже всего, что у нее шокирующе розовые волосы, зеленые глаза и ямочки, играющие на щеках, когда она улыбается. И что с того? От этого она глупее не стала, а уж идиоткой ее никто не назовет; напротив, она теперь может вымучить несравненные виртуальные эффекты из комплекса банальных скучных схем «Артемиды».

Из динамиков послышались восхищенные возгласы: это Хейди дала электронное увеличение маленькой луны. Техника, которой пользовалась Хейди, позволяла близко показать поверхность Этны-II. Пассажиры сгрудились в салонах и гостиных, настроенных на канал 3V, и увидели самих себя, взирающих на безвоздушную поверхность луны. Поразительная картина! Серебристое А-кольцо Тифона поднималось прямо над изрытым оспинами горизонтом, вставая ребром, почти разделяя надвое огромный неоновый пузырь туманности Ориона. Взошли уже шесть лун. Океания, самый большой спутник Тифона, виссла бледно-голубой жемчужиной среди раскаленных молодых звезд скопления. И все купались в синтезированном аккомпанементе «Симфонии Плеяд» Ареты Чоу. Неплохо для новичка! В контракте с «Орион Лайнз» было сказано: помощник по связи, второй класс, но Хейди считала себя настоящим мастером виртуальных эффектов, художником, который использовал космос вместо палитры и музыку вместо кисти.

Начальство — очевидно, нимало не впечатленное — ворвалось в музыку сфер и повторило идиотскую информацию относительно контрабандиста:

— Название корабля — «Мисс Бихейвин», двигатель на антиматерии, грузовое робосудно, место назначения — Тартар.

Хейди выругалась про себя, проклиная своего шефа, главного помощника по связи Мартина де Рутера. Напыщенный осел! Какого черта он прерывает работу своими указаниями, вдребезги разбивая создаваемое ею настроение! Заткнись и наслаждайся шоу!

Она отчаянно нуждалась в успехе. Необходимо показать, на что она способна. Пусть «Орион Лайнз» знают, кого заполучили!

Вдали медленно поднялась Этна-I. Размером побольше и кажущаяся зловещей в своем величавом появлении, луна нацелилась прямо на меньший спутник, постепенно набирая скорость. Испещренная кратерами поверхность, казалось, заполнила все небо. Миллионы тонн острых камней и навеки вмерзшего в почву льда валились прямо на Этну-II. Зрелище не для слабонервных, даже на канале 3V. Полное впечатление того, что сейчас очутишься в самом центре столкновения. Сердца тревожно бились. Музыка нарастала в плавном крещендо, по мере того как пассажиры готовились к испытанию, обнимая любимых и забиваясь глубже в кресла. Тревожное дыхание доносилось из динамиков. Момент сердечного приступа. Катастрофа надвигалась прямо на них, пугающая, неотвратимая.

Но в последнюю секунду космос словно сжался. Этна-I и Этна-II сделали изящное сальто. Всего миг назад они казались так близки, что можно было разглядеть валуны на поверхности Этны-I. Мгновение спустя Этна-II обернулась вокруг своей оси, поменявшись орбитами с Этной-I,— танец, который две луны исполняли неизвестно какое количество веков, находясь на внешней кромке А-кольца Тифона.

И вместо того чтобы стать свидетелями сокрушительного столкновения, пассажиры обнаружили, что растерянно взирают на бескрайние многоцветные верхушки облаков, пока Этна-I уплывала в космос. Широкие коричнево-желтые полосы гидросульфидов аммония прочертили лицевую сторону газового гиганта, колеблемые белыми штормовыми вихрями, размером больше иных планет, сплетавшимися друг с другом поперек колоссального диска, охваченного се-

ребряными кольцами, непредставимо гигантскими и ошеломляюще неожиданными.

Потрясенное молчание сменилось радостными воплями и оглушительными аплодисментами. Капитан Тейлор снизошла до того, чтобы лично поздравить подчиненную по переговорнику. Ее примеру последовал главный помощник. Теперь де Рутер на время отцепится от Хейди.

Увы, не повезло. Главный помощник немедленно взял управление на себя, передав по закрытому каналу:

— Папочка выступит на бис.

— Почему?

Хейди ненавидела мужчин, называющих себя «папочками». Еще одно доказательство, что у босса не все дома. Ей хотелось продолжать, прорваться прямиком через верхушки облаков к аэростатам, плававшим в верхней атмосфере Тифона и отделявшим пустую бесконечность космоса от безбрежной облачной равнины окольцованной планеты.

— Сама увидишь. Смотри и учись.

Ну да, как же!

Передав управление, Хейди обругала де Рутера последними словами. Какого черта он обращается с ней, как с практиканткой?! Да, здесь она новичок, но ее представление, наверное, чего-то стоит!.. И все это она придумала сама!

Что ж, пусть босс попробует сделать лучше.

Она увидела, как Тифон исчез, заслоненный звездным пейзажем. Изображение увеличивалось. В центре звездного поля оказалась «Комета Центавра», донельзя дряхлая, безнадежно устаревшая, со своей круглой герметичной кабиной и жалким двигателем на антиматерии. Место назначения — Тартар, предполагаемый контрабандист. Ну и что?..

Хейди видела, как ползет вниз рейтинг интереса публики в гостиных. Сенсоры уловили посторонние разговоры в салоне L-палубы. Хейди ехидно ухмыльнулась. Что же, не всем удаются хиты! Люди ищут новых развлечений, игнорируя виртуальные эффекты де Рутера. Скука — вот проклятие космических путешествий. Двигатели с высоким ускорением так и не смогли стереть безумные расстояния между звездами, но люди по-прежнему стремились к ним, даже если это означало месяцы добровольного заключения на корабле. Все гостиные и салоны «Артемиды», специаль-

но приспособленные к такого рода путешествиям, были подключены к каналу 3V. Плюс палуба с бассейном и палуба отдыха. Еще одна палуба — специально для детей. Виртуальные шоу нон-стоп. Голографические спектакли и игорные галереи. Словом, все, чтобы световые годы летели незаметно.

Хейди отключилась. Ее биочип позволял быть в курсе происходящего без подключения к рабочей станции. Она использовала корабль для получения изображений и ускорения сигналов, но кристалл в черепе превращал мысли в действия. Хейди пошарила по столу в поисках наркопалочки. Мерзкая привычка, но ведь нужно как-то снять напряжение...

Она резко вдохнула, и палочка зажглась сама, наполняя легкие наркотическим дымком.

Плохо, что она проделывает все это в церкви.

Ее гостиная была настроена на солнечный летний день, и по 3V предлагалось изображение интерьера Ла Мескиты, огромной мечети, выстроенной калифами Кордовы и превращенной после изгнания мавров в христианский собор. Красочные колонны и арки, заимствованные из римских храмов, исчезали в виртуальной перспективе. За затейливой резной аркой, скопированной с михраба, молитвенной ниши, выстроенной Хакамом II, плескалась душистая вода в залитом солнцем мраморном бассейне дворика Львов Альгамбры. Хейди носила шелковые гаремные шаровары, чтобы соответствовать декору. Ноги в шлепанцах покоились на каменных плитах, отполированных коленями пилигримов. Не Сикстинская капелла, разумеется, но Хейди называла это домом.

Глядя в иллюзорное пространство, она жадно втягивала дым и втихомолку наслаждалась своим успехом. «Орион Лайнз», должно быть, в полном восторге. Хейди — это что-то!

Она еще раз прослушала аплодисменты. Наплевать! Сколько бы де Рутер ни рычал на нее, она устроилась в своем уютном мирке, как в коконе, причем на корабле, стремившемся за пределы системы. Наконец-то она увидит Вселенную, и не абы как, а на широкую ногу! И при этом ей даже не нужно спускать свои гаремные шаровары перед начальником. Громадный плюс.

Из эйфории ее выдернул вой сирены. Загасив наркопалочку, Хейди вернулась в реальное время. «Мисс Бихей-

вин» передавал MAYDAY, настойчивую, непрерывно повторяющуюся просьбу о помощи.

Закрыв глаза, Хейди отсекла изображение мечети-собора, приведя в действие биочип и уставясь в киберпространство. Экраны диспетчерского контроля показывали новый корабль, изящный, с гравитационным двигателем, выскочивший из-за Тифона на огромной скорости. Базы данных определили пришельца как тип «Хирю» из системы Азха. Название неизвестно. Двигатель с высоким коэффициентом ускорения. Все так и кричало — работорговец. В салонах воцарилась мгновенная тишина, точно такая же, как во время экскурсии по заповеднику, когда кто-то видит леопарда или саблезубого тигра.

Откинув розовые волосы, Хейди поспешно подключилась к сети. Сейчас случится нечто ужасное. К счастью, это ужасное произойдет не с ними. «Артемиде» нечего бояться «Хирю», как, впрочем, и любого хищника из космической глуши. Энергетическая защита звездного лайнера выстоит против любой напасти. За десятилетия работы «Орион Лайнз» не потеряла ни одного корабля.

Правда, «Мисс Бихейвин» это вряд ли поможет.

«Артемида» удалялась к Тифону, направляясь к орбите внутри предела Роша. Оттуда планировался переход между планетой и кольцами, по краю верхушек облаков. «Хирю» и его добыча находились гораздо дальше и шли к Тартару. Работорговец покончит с грузовым робосудном задолго до прибытия «Артемиды». Другая помощь тем более не подоспеет.

Хейди, оцепенев от ужаса, наблюдала, как от «Хирю» отделилась шлюпка с гравитационным двигателем и принялась проворно догонять удирающее грузовое судно. Когда шлюпка прилипла к главному воздушному шлюзу «Мисс Бихейвин», де Рутер пустил сигнал MAYDAY по сети связи, позволив пассажирам заглянуть на борт обреченного корабля. Оказалось, что, хотя команда «Мисс Бихейвин» должна была состоять из супершимпов и компьютеров, капитаном и помощником были люди. Сигнал бедствия подавал изможденный бродяга с дрожащими руками и искаженным от страха лицом, умолявший «Артемиду» о помощи.

— Сигнал на звездный лайнер, прошу содействия... нас атакуют...

Это не обычное голографическое шоу. Это драма в реальном времени, которая буквально парализовала Хейди, замершую у своей станции и потрясенную зловещим спектаклем. Де Рутер, подключившись к бортовым камерам «Мисс Бихейвин», транслировал кошмарную сцену в воздушном шлюзе. Сирены истерически завывали. Узкий коридор наполнился пляшущими искрами, когда анаэробный факел начал прорезать дорогу внутрь корабля. Крышка неожиданно лопнула и отскочила. Из фонтана искр материализовались трехногие киборги со стальными клешнями и бронированными головами — орудийными башнями. Обезумевшие супершимпы бежали, воя от страха, безоружные и беспомощные. Мольбы о спасении становились все отчаяннее. Хейди с трудом верила собственным глазам.

И ситуация все ухудшалась. Обнаружив еще несколько трансляций, идущих в частные гостиные, она подключилась к ним, наблюдая ту же кошмарную сцену с точки зрения киборга. Де Рутер считывал каналы управления работорговца: ловкий трюк. Камеры орудий выискивали перепуганных шимпов, метавшихся по кораблю в попытке избежать огненного дождя. От шимпов оставались кровавые лохмотья, а вокруг падали все новые жертвы.

Гадая, кто из пассажиров не захотел смотреть этот тир в действии, Хейди направилась в голографический номер люкс на А-палубе. К этому времени она знала всех пассажиров первого класса. Этот наглый жлоб практически не отрывался от корабельного садомазохистского канала. Сидя со скрещенными ногами на своей кровати с нулевой гравитацией, в наушниках, погруженный в действо, он вертелся и извивался с каждым новым кадром: рот разинут, на висках поблескивает пот, пальцы судорожно подергиваются. Нанятая на время путешествия молоденькая подружка лежала рядом. Из всего облачения на ней оставались мертвенно-черная помада и такой же лак на ногтях. Вид у девицы был самый скучающий.

Хейди включила блокиратор канала, отсекая идущий в гостиную сигнал. Юнец, грязно ругаясь, сорвал наушники и принялся лихорадочно проверять связь, потом включился снова. Его подружка ехидно ухмылялась, глядя на мучения приятеля. Хейди решила не терзать юного садиста. В конце концов, он заплатил за рейс. Пусть предается из-

вращенным удовольствиям. Ни один мерзавец не стоит жалобы в ее досье.

Она снова вернулась к несчастному судну. С сигналами, идущими от орудийных камер киборгов, смешивался еще один ряд — от капитана работорговцев. Хейди не видела его лица — только руки и тело, поскольку смотрела на происходящее его глазами, слушала его ушами.

Легко лавируя между кровавыми останками жертв, он весело огляделся и зашагал дальше. Хейди заметила: он старался не наступать на запекшуюся кровь и внутренности шимпов. Судя по пружинистой походке и по тому, как он осматривался, Хейди могла с уверенностью сказать, что он счастлив. С правой руки небрежно свисал пистолет-автомат с разрывными пулями.

Преспокойно прошествовав на капитанский мостик, он заглушил сигналы MAYDAY. Старика размазало по переборке выстрелом какого-то равнодушного киборга. Когда работорговец встал на колени, чтобы получше рассмотреть еще дымящиеся внутренности, Хейди отвернулась.

Переключившись на камеры панели управления, она снова увидела работорговца, жизнерадостного гангстера с темными взъерошенными волосами и самоуверенным видом, небрежно обыскивавшего убитого. Проворный неглупый мальчишка, наслаждавшийся своим занятием. Плевать ему на то, кто при этом пострадает. Его рубашка была распахнута до пупка, открывая татуировку — аляповатого дракона, обвившего обнаженную грудь. «Хирю» — это «летящий дракон» на одном из мертвых языков.

На запястье работорговца был вытатуирован браслет из черепов — знак убийцы со стажем.

Наконец работорговец выпрямился, не удостоив взглядом кровавую кашу у своих ног. Его глаза снова обшарили помещение. Он пристально уставился на кормовую перегородку, которая, по мнению Хейди, была ближе, чем полагалось по схеме.

Подойдя, он привычно провел пальцами по перегородке. Хейди прямо-таки ощущала, как пальцы работорговца ищут щели в гладком пластиметалле. Его рука замерла. Вот оно. Хейди почувствовала невидимую вертикальную бороздку прямо под пальцами работорговца. Вместе они провели по бороздке до самой перемычки, где сварной шов

был чуть шире, чем полагалось. До чего отвратно становиться одним целым с этим ублюдком!

Он позвал киборга.

Хейди переключилась на киборга. Сенсоры превратили невидимую бороздку в складочку толщиной с волос.

На той стороне мог оказаться кто угодно.

Протянув свои клешни-захваты, киборг взялся за перегородку справа и слева и потащил в разные стороны. Кромочная складка расширилась до трещины.

Хейди переключилась на работорговца. Нацелившись на трещину, он приказал киборгу тянуть сильнее. Глядя поверх ствола пистолета, Хейди увидела, как перегородка расползается все быстрее. Почувствовала, как палец работорговца застыл на кнопке спуска. Первый и единственный признак первозности.

В увеличивающейся трещине показалось девичье лицо. Голубые глаза, ровно подстриженная челка с голубой каймой, залитые слезами щеки и уголок рта.

— Выходи! — скомандовал работорговец.

Видимый кончик губ дрогнул, но девушка не обмолвилась ни словом. Гангстер сунул ствол пистолета в трещину. Девушка сжалась в комочек, вдавливаясь в полуметровую выемку за перегородкой.

— Выходи — или стреляю.

Он не блефовал; Хейди остро ощущала готовность убивать. Она отчаянно пыталась сдвинуть его палец с кнопки, но биочип не срабатывал таким образом. Чуточку надавить, и пистолет выбросит очередь разрывных пуль, нашпиговав девушку осколками.

Панель медленно сдвинулась. Девушка, насмерть перепуганная, с ввалившимися глазами, так и не пошевелилась, прильнув ко второй перегородке. Судя по виду, ей лет четырнадцать-пятнадцать, не больше. Просторный скафандр висит мешком.

Удовлетворенно зарычав, работорговец схватил ее. Когда его рука сомкнулась на плече девушки, Хейди отключилась, не желая чувствовать, как его пальцы стискивают испуганного подростка.

Сигналы по-прежнему поступали, направленные прямо в биочип ее мозга, но уже с меньшей интенсивностью. Подключение — вовсе не такая уж необходимость: большинство

людей прекрасно живут и без этого, но иметь подключение прямо в голове... это создает некое ощущение профессионализма. Сверхпроводящие соединения обостряли восприятие и экономили драгоценные наносекунды, жизненно важные для программирования 3V.

К этому времени почти весь корабль настроился на канал. Заглянув к тому типу на А-палубе, Хейди увидела, что он по-прежнему не снял наушники. Девица сидела у него на коленях: глаза закрыты, мертвенно-черные губы поджаты, голова бессильно лежит на груди нанимателя.

Хейди отключила сигнал. Пусть в ее досье появится замечание: она не позволит этой садистской мрази приходить в экстаз, питаясь страхом девчонки.

— Что вы делаете? — требовательно осведомился де Рутер.

Хейди не ответила. Пошел он!..

Подняв наркопалочку, она вдохом вернула ее к жизни, думая о девушке, пытаясь представить, что та может сделать. А в общем-то — ничего. Бедняга пропала. Скоро ее увезут за пределы системы в трюме работорговца. Космос жесток к невезучим.

— Представите объяснительную.

«Пропади ты пропадом», — подумала она, но благоразумно не сказала этого, заметив, что сигнал на А-палубу возобновился.

Погасив палочку, она отключила биочип, встала и прошла через ворота михраба во дворик Львов. Зеленые верхушки кипарисов кивали на ветру у самой колоннады, окружавшей фонтан и мелкую чашу, поддерживаемую дюжиной глиняных львов. Андалузское солнце лило свет с синего голографического неба. Хейди уселась на одного из львов, позволяя воде литься на нее, пропитывать гаремные шаровары.

Черт, что за несчастье! Де Рутер обставил ее, сунул носом в то, чего на самом деле жаждет публика. Кому нужно искусство, когда можно получить живое действие. И какое! Реальный, невыдуманный ужас!

Хейди уставилась на тонкие мраморные колонны, окружавшие фонтан: голографический фасад, как и жаркое синее небо над головой, — это всего лишь способ скрыть перегородки, придать глубину и объемность псевдомиру.

Реальность — иная. Реальность — это насмерть перепуганный ребенок, ставший средством развлечения пассажиров.

Но может, Хейди преувеличивает? Возможно, у нее слишком натянуты нервы...

Звонки следовали один за другим.

Ну так что? Пусть орут, пусть сердятся, пусть упрекают. Дом там, где твоя голова, а в настоящее время голова Хейди отказывалась принимать звонки.

Едва отключался кристалл в мозгу, она становилась вполне обычной женщиной. И сейчас она намерена этим воспользоваться.

Сбросив мокрые шлепанцы, Хейди стащила шаровары, окунулась в прохладную, залитую солнцем воду, очищающую, уносящую с собой ее слезы, исчезающую в скрытых палубных стоках.

Когда она сдалась и проверила звонки, оказалось, что ее вызывают к капитану: самый верный признак власти в обществе 3V — это возможность потребовать личного появления кого бы то ни было. Хейди натянула чистую накрахмаленную униформу «Орион Лайнз», рассудив, что, если не может быть счастливой рабыней, следует, по крайней мере, выглядеть соответственно роли.

Дверь каюты ушла в стену, и раскрашенные арочные проходы Ла Мескиты уступили место коридорам палубы «К», изображавшим лето в лесу. Гигантские узловатые секвойи тянули ветви к невидимому небу. Полуденное солнце зажигало изумрудные огни в листве. Птицы порхали в густых кронах. Между стволов мелькали животные. Тропинки соединяли каюты с гостиными. Пока она шла, люди приветствовали ее широкими улыбками и криками:

— Потрясающе! Вот это шоу!

Она находила подобные знаки внимания унизительными, но все же улыбалась в ответ: в конце концов, это ее публика.

Хейди была едва ли не самым низшим чином на судне, и каждый мог донимать ее словами «нужно познакомиться поближе». Она наслаждалась своей популярностью, чувствуя себя нужной и желанной, но сейчас ощутила, как все это приелось. Впрочем, улыбаться она продолжала автоматически. Ее работа была одной непрерывной жертвой раз-

влечению. Все на службу забавам! Но при этом, господи, она не желает иметь ничего общего с похищениями и убийствами!

Капитан Тейлор обитала на дереве, поскольку обзавелась воображаемым стеклянным домом на верхушке лиственного шатра на километровой высоте: любимое пристанище людей, страдающих клаустрофобией. Безбрежные просторы потрясли Хейди, едва дверь в коридор исчезла за ее спиной: воздух и пространство казались поистине безграничными. Птицы и голубые мотыльки порхали в солнечных лучах. Обезьянки весело перекрикивались в листве.

Недаром все гадали, каким образом капитану удалось пройти психологический тест, ибо несчастная состояла из одних нервов и истерик, что, разумеется, затрудняло ее общение с подчиненными. Правда, Тейлор нравились представления Хейди.

Вместо того чтобы стареть с достоинством, женщина прошла курс биоскульптуры, выбрав огненно-рыжие волосы и блестящую обтягивающую кожу без морщин: именно то, чего Хейди поклялась избегать любой ценой. Интересно, почему психически неуравновешенная, страдающая клаустрофобией женщина выбрала карьеру, связанную с путешествиями в космосе? Желание наказать себя?

Де Рутер уже был там, возмутительно красивый: результат дорогой биоскульптурной операции и зримый контраст с призрачной властью капитана.

— Это правда, что вы отключили сигнал в одной из гостиных А-палубы? — ледяным тоном осведомилась Тейлор.

Хейди честно призналась в прегрешении.

— Она новенькая, — пояснил де Рутер, охотно извиняясь за нее и под предлогом защиты стараясь очернить. — Только что из внутренней системы и не знает, что мы намереваемся показать пассажирам настоящую глушь, со всеми ее пороками, несовершенством и тому подобным.

Он предлагал ей выход: признай свои ошибки. Пообещай быть хорошей, и «Орион Лайнз» простят. Капитан Тейлор будет только счастлива благополучному разрешению неприятной ситуации.

Но Хейди, к собственному удивлению, повела себя как последняя идиотка, встав в позу и потребовав проведения полного расследования.

— Одно дело — глушь и задворки Вселенной, но совсем другое — быть пособниками налета, грабежа, похищения и убийств.

— Пособниками? — потрясенно ахнул де Рутер. — Вы это серьезно?

Еще один шанс отступить. Но Хейди не ухватилась за него:

— Вполне! Вы знали о появлении работорговца и не предупредили грузовое судно...

Де Рутер посмотрел на Тейлор, которая выглядела так, словно была готова заползти в первую попавшуюся дыру... если бы не смертельный страх перед замкнутым пространством. Обычно Хейди вела себя крайне предупредительно по отношению к Тейлор, но не из боязни взысканий. Просто не хотела добавлять лишние треволнения к тем, что превращали беднягу в комок нервов. Но сейчас из нее так и сыпались обвинения:

— Это все равно что быть соучастником преступления...

— Всего лишь здоровое рабочее чутье, — вздохнул де Рутер.

— Рабочее чутье? — ошеломленно пробормотала Хейди.

— Разумеется, мы знали о приближении работорговца, — кивнул он, глядя на Тейлор. — Наша обязанность отслеживать все передвижения посторонних судов.

— Но предупреждение...

— Ничем не помогло бы «грузовику», — заверил де Рутер. — Кроме того, работорговцам стало бы известно, что мы взломали их коды управления, а это угрожало бы безопасности наших пассажиров.

Тейлор поспешила защитить подчиненного, видя при этом возможность самой отделаться от проблем:

— Действительно, мы не можем рисковать жизнью и здоровьем пассажиров!

— Поверьте, там, за пределами нашего корабля, нет невинных жертв, — добавил де Рутер. — Грузовые робосуда класса «Комета Центавра» не перевозят пассажиров. Это контрабандисты, судовые крысы. Все находившиеся на борту нарушили закон.

— Даже шимпы?.. И к тому же вовсе не обязательно транслировать происходящее, превращая погром в развлекательный спектакль!

— Мы просто передавали информацию. Не более того, — парировал де Рутер с таким видом, словно оказал обществу услугу. — Наши пассажиры платят за то, чтобы увидеть Вселенную. Уберите все трагедии, и они с таким же успехом могут оставаться дома.

— Нельзя приукрашивать космос, — твердо добавила Тейлор. Весьма сильное заявление со стороны женщины, превратившей каюту в дом на дереве. — Кроме того, наши съемки могут послужить уликой против работорговцев, когда тех поймают и привлекут к суду.

Да, как же, привлекут!

Хейди уставилась на них. Тут что-то не так. Совсем не так. Зачем работорговцу нападать на ничтожную судовую крысу? И прямо на глазах у десятков пассажиров и членов команды «Артемиды». Вряд ли это совпадение. Но стоит ли сообщать об этом Тейлор, боявшейся леса и предпочитавшей любоваться верхушками деревьев?

Хейди и де Рутера благополучно отпустили.

Деревья Тейлор исчезли, сменившись имитацией звездной ночи на улице Грез в Блиссе. Счастливые голограммы кружились в окнах ночных клубов и дворцов утех из стекла и неона, танцуя под томную музыку, вызывавшую неукротимую жажду двигаться в такт. Смех и восторженные визги доносились из галерей наслаждения.

Де Рутер стиснул руку Хейди легким властным пожатием. Что же, он не только ее начальник, но намного выше и сильнее, и смотрел главный помощник на нее сверху вниз в буквальном смысле... Что поделать, она мала ростом, да еще эти дурацкие розовые волосы...

— Послушайте, — начал он, — никому не нравится то, что произошло с грузовым робосудном.

Хейди окинула его возмущенным взглядом. Да неужели? Сам-то он прямо-таки наслаждается происходящим. Хейди чувствовала его едва скрываемое возбуждение. Его заводили даже разговоры на эту тему. Она знала, что приводит людей в восторг (это, в конце концов, ее профессия), а разгадать де Рутера легче легкого. Он каким-то образом связан с работорговцами, возможно, платит «Хирю» за спек-

такль. А может, помог разыскать добычу. Иначе с чего бы мощному, хорошо оборудованному судну связываться с каким-то жалким контрабандистом? Разбой и похищение людей считались тягчайшими преступлениями. Непонятная история, не говоря уже о дурной славе, которую приобретали «Орион Лайнз» из-за отказа помочь несчастным. Тейлор, правда, была вне подозрений: у нее просто духу не хватило бы для незаконных сделок с преступниками.

— Вы безупречны, — заявил босс, ощупывая ее плоть под тонкой тканью, — но недостаточно агрессивны, чтобы пробиться на самый верх. К счастью, я могу вас кое-чему научить. — Он привлек ее к себе. — Мы с вами могли бы неплохо провести время, что скрасило бы ваш досуг.

Вместо того чтобы стряхнуть его руку, Хейди расплылась в сладчайшей улыбке:

— Почему бы мне не подать в суд на вас за сексуальные домогательства? Тогда мой досуг был бы оплачен на пару лет вперед.

Пальцы де Рутера застыли. Рука опустилась.

— Считайте себя свободной от обязанностей, пока мы не найдем замену на Тифоне.

— Считайте себя омерзительно сдвинутой по фазе сволочью, — облегчила наконец душу Хейди, понимая, что терять ей нечего.

Ловушка для туристов

Средняя вахта 00:00:01
Эллиптическая орбита в пределе Роша на Тифоне

Оказавшись безработной, Хейди заказала себе пятизвездный виртуальный отпуск, предполагая, что ее контракт выкупят и заставят сидеть на Тифоне, позволив судиться сколько угодно почти без всякого шанса выиграть дело. Ну а пока она наслаждалась отдыхом, предоставленным персоналу. Выбросив из головы «Артемиду», она превратила себя в марсианскую принцессу. Теперь она почти всерьез считала себя королевой Хейди Гелийской, разодетой в шелка и золото и правящей половиной планеты. Она предвкушала долгие ленивые дни на Марсе, на борту личной воздушной

барки. О, Хейди сможет делать что пожелает, карать зло, устраивать празднества, не боясь последствий... Идеальный бальзам для расстроенных нервов и раненой души.

Она начала с воздушного маскарада под яркими звездами, наполнив трепетом давно забытой музыки жаркую марсианскую ночь. Здесь звучали мелодии древней мамбы.

В полночь, когда срывались маски под ритмы «Переодетого дьявола», одноместный флаер вылетел из ночи, проскользнул мимо патрульных судов и остановился вровень с мостиком увеселительной барки Хейди. Свет фонарей упал на загорелого молодого воина в кожаных доспехах и с длинным мечом на поясе, стоявшего у панели управления. Королева Хейди, которую все узнавали по розовым волосам, сбросила свою черную маску, украшенную перьями, и спросила, с чем явился пришелец.

Смело спрыгнув с палубы своего крохотного суденышка на освещенный факелами мостик флагманского корабля, воин приземлился у ног Хейди и почтительно опустился на колено. Стражницы-амазонки выдвинулись вперед, чтобы защитить королеву, но та повелительно подняла руку:

— Мы не боимся новостей. Говори.

Дерзко взглянув на королеву, самодовольный молодой воин ответил:

— Чрезвычайная ситуация на «Артемиде». Все отпуска отменяются.

Хейди вскочила. И вновь оказалась в каюте. Выли сирены. Случилось нечто ужасное. Она почувствовала это прежде, чем узнала детали. Выдернув контакты, она выскочила из каюты. Несчастье постигло «Артемиду» столь быстро и внезапно, что с трудом верилось в подобное. Враги захватили ангарную палубу: с помощью биочипа Хейди видела трехногих киборгов, бросавших газовые гранаты своими щупальцами и расчищавших дорогу для суперкотов с боевыми лазерами.

Работорговцы, это очевидно! Целая армия работорговцев. Но как?!

Проверив маршрутные карты, Хейди убедилась, что «Хирю» по-прежнему в полумиллионе километров от них, но быстро сокращает расстояние. К «Артемиде» причалила ее же собственная прогулочная ракета, которая привезла туристов с экскурсии на остров Фантазии в Океании.

Только эти «туристы» оружием пробивали путь через ангарную палубу, стремясь добраться до полого центра корабля. Они полностью подавили охрану, способную справиться разве что с подвыпившими пассажирами. Очевидно, работорговцы захватили ракету и, причалив к ничего не подозревающему кораблю, проникли в бортовые системы, легко разгадав драгоценные коды де Рутера. На маршрутных картах были видны три внутрисистемных корвета, но ближайший находился в пятидесяти часах от «Артемиды», так что несчастный лайнер оказался предоставлен своей судьбе.

Какой же выбор у Хейди? Собственно говоря, никакого. Несколько минут назад она была избалованной принцессой, которой не грозило ничего, кроме солидного выходного пособия. Теперь же она не принцесса и даже не служащая «Орион Лайнз», а будущая жертва, которая беспомощно наблюдает, как убийцы растекаются по кораблю. Камеры в холле показывали хладнокровный расстрел персонала «Орион Лайнз». Мольбы о помощи обрывались на полуслове, работорговцы были безжалостны. Командная и приборная палубы уже были в их руках, а также спасательные шлюпки и посадочные модули ангарной палубы. Поймав в капкан добычу, работорговцы разбегались от полого центра корабля, охотясь за пассажирами, трясущимися от страха в салонах и гостиных, и методически уничтожали команду. Еще несколько минут, и ей в лицо глянет дуло пистолета.

С помощью биочипа открыв свой персональный файл, Хейди воспользовалась редактором, чтобы произвести необходимые замены. Прежде всего она превратила себя в пассажирку. Далее «обогатила» себя, указав в сведениях невиданные богатства: банковские счета, акции лучших компаний, межзвездные ценные бумаги и бабушку в правлении «Орион-банка». Не жалея расходов, она сделала себя достойной чудовищного выкупа, удовлетворившись сознанием того, что любой работорговец, застреливший ее, будет выброшен в космос без скафандра взбешенными сообщниками.

Что еще?.. Возраст! Она поспешно скостила себе десять лет. Сможет ли она сойти за молоденькую девушку? Придется, ибо всем известна разборчивость пиратов. Они редко

забирают в плен тех, кому за двадцать, не говоря уже о тридцати. Причем в этом случае даже выкуп не имеет решающего значения.

Хейди, подскочив, стала торопливо менять прическу: зачесала назад розовые волосы и туго сколола на затылке. Она лихорадочно дергала слипшиеся пряди, пытаясь выглядеть молодой и глупенькой. Какая гнусная ирония! И это после стольких лет стараний и напрасных попыток быть принятой всерьез!

По открытому каналу Хейди видела, что свалка становится все ближе. Работорговцы захватывают палубы, а она меняет прическу. Что за идиотский способ провести последние минуты жизни!

Удовлетворившись достигнутыми результатами, она полезла в гардероб в поисках костюма, который мог бы сойти за повседневный наряд миллиардерши. Все, имевшее эмблему «Орион Лайнз», немедленно отправлялось в утилизатор.

Работорговцы добрались до ее палубы и принялись обыскивать каюты, стреляя в тех, кто пытался сопротивляться.

Хейди поспешно выбрала топ ручной работы, спортивную юбку и туфли в тон, драгоценности — неброские, но чистого стиля, придавшие ей вид избалованного чада. Завершив туалет бледной помадой и лаком, она решила, что выглядит молодой, миленькой и испуганной крошкой, готовой на все, чтобы остаться в живых.

Некоторую отсрочку Хейди, видимо, получила. Часа на два. Раньше или позже пираты раскроют обман и поймут, что у нее нет ни солидных счетов, ни бабушки в «Орионбанке», готовой заплатить выкуп. Правда, оставался ее новый возраст. Двадцатилетнюю они заберут с собой без всякого выкупа. Но эта перспектива — хуже смерти. Но если они просмотрят кодовые файлы, которые она не могла изменить...

Хейди вздрогнула.

Зная, что работорговцы уже у двери, Хейди удалилась во дворик Львов, с его жарким солнцем и холодным фонтаном, где она плакала, когда негодяи уничтожали судно контрабандистов. Какая дура! Рыдала, как ребенок, жалея несчастных, уверенная в своем превосходстве...

Вызвав кресло, она уселась, глядя на воображаемый ряд римских колонн, скрывавших дверь каюты. Вода плескалась на мокрые камни за ее спиной.

Хейди ждала.

Сейчас 00:21:13.

Неплохо. Самое главное — выбраться из этой переделки.

Заметив мелькнувший среди колонн клочок рыжеватой шерсти, Хейди напряглась. Вот оно.

Вынудив себя улыбнуться, она прокляла несправедливость происходящего. Пожалуйста, только не я. Я не хочу умирать! Что такого я сделала?

Но она знала ответ. Она все сделала для того, чтобы попасть сюда. Хваталась за любой шанс, чтобы оказаться в «Орион Лайнз», с радостью повиновалась начальникам, хотя считала их безнадежными кретинами. И, обнаружив, что они заодно с работорговцами, брезгливо отстранилась и поспешила уволиться, уйти в мысленный отпуск. Доверила «Орион Лайнз» благополучно доставить ее на Тифон.

И вот что из этого вышло...

Иллюзорный мир канала 3V позволил работорговцу выступить из-за колонны, появиться среди виртуальной колоннады. Настоящий великан двухметрового роста, под боевыми доспехами покрытый густой рыжеватой шерстью, с кошачьим лицом, светящимися янтарными глазами, маленькими округлыми ушами и большими изогнутыми верхними клыками. Суперкот. *Homo smilodon.* Суперкоты объединяли человеческую и кошачью ДНК и были созданы тысячелетие назад. Несмотря на шерсть и клыки, он был почти человеком, обладавшим некоторыми кошачьими качествами — вроде страсти поиграть с добычей, а также полным безразличием к человеческой сексуальности: суперкотов возбуждали исключительно суперкошки в период течки. Одежда, помада и новая прическа для него ничего не значили.

Он одарил девушку саблезубой улыбкой. Его руки держали боевой лазер, направленный ей в живот. Палец застыл на спусковой кнопке.

— Привет, человек. Ты Хейди Вап Дер Граф?

Да или нет? Какой ответ поставит точку на ее существовании? Успел ли суперкот увидеть ее новые данные или просмотрел список команды?

Вынудив себя взглянуть в его янтарные глаза, Хейди бессмысленно улыбнулась:

— Признаю себя виновной.

Итак, теперь ее казнят?

Его улыбка стала еще шире. Будем надеяться, что это добрый знак.

Он кивнул своей кошачьей головой на дверь:

— Пошли.

С благодарностью приняв временную передышку, Хейди поднялась и направилась к двери. Канал 3V был отключен, и вместо летнего леса появились забрызганные кровью перегородки. Пытаясь держаться выбранной роли, Хейди переступала через тела людей, которых знала, притворяясь, что перед ней всего лишь несчастные незнакомцы: труп гида Кэти лежал поперек мертвого Лиама, умницы-компьютерщика.

Сдерживая слезы, Хейди делала вид, будто больше всего боится заначкать кровью туфельки. Лишь бы суперкот убедился в том, что она только ходячая прическа.

На большинстве трупов была униформа «Орион Лайнз», но Хейди видела и живых пассажиров, несчастных и перепуганных, сидевших в мертвенном молчании, пока работорговцы сортировали добычу, решая, кого взять и от кого избавиться. Загнав Хейди в колодец, суперкот доставил ее на А-палубу, в каюту люкс, где канал 3V был тоже выключен. Комната представляла собой странное нагромождение пляжных зонтиков в золотистую полоску, прикрывавших гамаки ручной работы, свисавшие с голых перегородок: истинный корабль проглядывал под роскошными декорациями.

Все еще держа Хейди на прицеле, пират втолкнул ее в роскошную столовую, где 3V работал. Девушка неожиданно очутилась на широкой дуге залитого солнцем пляжа, обсаженного пальмами, с тремя кабинками в яркую полоску и огромной резной скамьей, сделанной из плавника. Высокие темные деревянные балки отмечали уровень полной воды. На скамье и песке сидели несколько самых кредитоспособных пассажиров, которых Хейди сразу же узнала: чуть не вся А-палуба. За них можно получить миллионный выкуп. Соня Харт, любимая звезда сенсорных фильмов, Анна Лу, двадцати с чем-то лет, соучредитель

«Даун Системз», Виктория Макевой, молоденькая жена одного из владельцев «Орион Лайнз», державшая на руках двухлетнего наследника. И остатки семейства Талик, хозяев гигантского курортного картеля на Аэзире-II: подросток и дети помладше. Рядом с ними расположилось еще одно усеченное семейство: младшая жена и двое малышей, отпрысков старших жен, оба — биотехнические наследники. В продолжение всего путешествия семейство всячески унижало младшую жену, но теперь двое маленьких перепуганных мальчишек льнули к ненавистной мачехе в поисках утешения.

На плетеном стуле, закрыв грудь руками, скорчилась Меган Калоджановек, наемная подружка агрессивного садиста с А-палубы. На ней по-прежнему не было ничего, кроме черных ногтей и губной помады. Смоделированный морской бриз, очевидно, холодил обнаженную белую плоть Меган, покрывшуюся мурашками и представлявшую почти фантастический контраст с остальными страдальцами, одетыми в элегантные пижамы или вечерние туалеты. И если учесть, что, несмотря на солнце, было уже за полночь, на ум приходили детские стишки:

Сияло солнце в небесах,
Светило во всю мочь,
Была светла морская гладь,
Как зеркало точь-в-точь,
Что очень странно — ведь тогда
Была глухая ночь[1].

Дети, сидевшие на песке, почти хором пропели:

— Привет, Хейди.

Даже они узнали ее по розовым волосам.

— Хейди, что происходит? — осторожно поинтересовался старший Талик.

Испуганные лица разом обратились к ней. Вооруженные суперкоты стояли у кабинки, скрывающей дверь в номер, но их никто ни о чем не расспрашивал. Соня Харт плакала. Виктория Макевой выглядела рассерженной. Анна Лу пристально изучала Хейди. Никто из них понятия не имел о ее новой, только что приобретенной личности.

[1] *Льюис Кэрролл.* «Алиса в Зазеркалье». Пер. С. Маршака.

Для них она символизировала «Орион Лайнз», глас власти, надежду в обезумевшем мире.

Хейди решила не скрывать печальных новостей:

— Мы захвачены работорговцами с Эридана. «Артемида» полностью в их руках. Наш единственный шанс на спасение в пятидесяти часах лета отсюда.

Это по крайней мере было хоть какими-то новостями, но лица пленных омрачились еще больше.

— Что им нужно? — спросила Анна Лу, сделавшая миллиарды на создании и продвижении «Даун Системз», диктующая условия «Орион-банку» и правительствам многих планет.

— У вас громадное состояние, — напомнила Хейди. — Семьи и корпорации хорошо заплатят за ваше благополучное возвращение.

Последние слова почти заглушил обвал новых вопросов:

— Сколько времени это займет?..

— Где мужчины?..

— А мой папа?..

— Что делает капитан?..

— Не знаю, — солгала Хейди. Скорее всего, они мертвы или готовятся к смерти, но у нее язык не поворачивался сказать это, особенно в присутствии детей.

Анна Лу, очевидно, все поняла, откинулась на спинку стула и продолжала хладнокровно рассматривать Хейди, пытаясь отделить неприятные факты от утешительной лжи.

— А я? — тихо пробормотала Меган, деловито обгрызавшая черный ноготь. По лицу текли ручейки слез, размывая толстый слой декоративной косметики. — Я никто. У моего парня был кредит: он предлагал им кучу денег, но его все равно пристрелили.

Хейди молча кивнула, не желая вдаваться в подробности. Она, как могла, нарисовала утешительную картинку для перепуганных пассажиров: да, повсюду валяются трупы, но с заложниками все будет в порядке. Потребуется только выкуп. В конце концов, это ее работа — если не поднимать настроение пассажирам, то хотя бы удерживать их от истерики. Но Меган права: странно, почему ее не убили. Впрочем, все еще впереди. В любой момент сюда могут ворвать-

ся работорговцы и исправить ошибку, хотя Хейди в этом сомневалась. Они оставят ее в живых по причинам, о которых не хотелось думать: сразу вспоминались все омерзительные истории о работорговцах и их жертвах. Остальные могли откупиться, потратив на это целые состояния. Но только не Меган и не Хейди.

— Никого не убили, — отрезала Виктория Макевой с таким видом, словно отчитывала капризного ребенка.

Очевидно, ее подняли с постели, поскольку она была в яркой шелковой пижаме. Малыш носил точно такую же, что делало его похожим на модный аксессуар.

Меган с открытым ртом уставилась на Макевой в ее кукольном наряде «мамочка-сынок», не обращая внимания на крики голографических чаек, шумно возившихся над их головами. По голому белому бедру арендованной подружки тянулась кровавая полоса.

Миссис Макевой яростно затрясла головой и истерически взвизгнула:

— Никто не стрелял в вашего дружка! И вообще, все живы и никого не убили!

Меган закатила обведенные черным глаза:

— Слушай, куколка, я своими глазами видела, как этот...

— Вздор! — фыркнула Макевой. — Сколько вам платят за то, что вы рассиживаете здесь голая и врете напуганным людям?

— У вас денег не хватит, — пожала плечами Меган и отвернулась, очевидно оставив попытки просветить сильных мира сего.

— На корабле полно трупов, — настаивала Хейди, помня, как перешагивала через тела: при одной мысли тошнота подкатывала к горлу. — Но, пожалуйста, не будем об этом говорить. — Она кивнула в сторону детей.

— Просто смехотворно! — бесилась Виктория. — Я требую немедленно прекратить это ваше развлечение!

Развлечение? Ну конечно! Всякие ужасы просто обязаны исходить от 3V! Хейди тоже очень хотелось бы покончить с кошмаром, просто переключив канал.

— Если вы будете продолжать, я потребую немедленной встречи с представителем администрации! — пригрозила Макевой.

Интересно, как это получится у Вик? За каждым членом экипажа ведется охота, как за тараканами, поэтому вполне возможно, что именно Хейди — единственный оставшийся в живых представитель команды, автоматически ставший старшим.

— У меня уже нет начальника! — дерзко выпалила Хейди.

— Абсурд! — безапелляционно заявила Виктория. — Я требую немедленной встречи с вашим непосредственным начальником.

Клиент всегда прав... Словно исполняя желание Вик, суперкоты вытолкнули из купальной кабинки главного помощника по связи Мартина де Рутера — в наручниках и с пепельно-серым лицом. Женщины и дети отпрянули и сжались. Выглядел де Рутер жутко. Все были испуганы, но он буквально окаменел от страха. Его униформа «Орион Лайнз» зловеще выделялась среди легкомысленных нарядов остальных. Кроме того, он был здесь единственным мужчиной, если не считать суперкотов.

— Слава господу! — воскликнула Виктория, весело захлопав в ладоши. — Теперь я требую, чтобы вы немедленно покончили с этим розыгрышем.

Де Рутер тупо вытаращился на женщину, не понимая, о каком розыгрыше идет речь. В мозгу Хейди назойливо вертелось любимое изречение бабушки: когда садишься за стол с чертом, запасись ложкой подлиннее. Де Рутер был уверен, что использует работорговцев, а на деле вышло наоборот. Хейди считала, что де Рутер благополучно отправился на тот свет, и сейчас испытывала смешанные чувства при виде восставшего из могилы мертвеца.

Прежде чем разговор окончательно запутался, посреди пляжа появилась голограмма. На песке стоял вооруженный работорговец, тот самый нагловатый жизнерадостный громила с темными взъерошенными волосами, которого Хейди видела на борту грузового робосудна. *Homo galacticus*. На этот раз его форменная куртка была запахнута, скрывая татуировку с драконом, но запястье по-прежнему обвивал браслет из черепов. Хейди ничуть не радовало его появление, даже в виде голограммы, но лицо де Рутера немедленно просияло.

— Гесс? — с надеждой промямлил он.

— Счастлив видеть тебя, — отрапортовал Гесс, щелкнув виртуальными каблуками. — И вас тоже, леди.

Он галантно поклонился сидевшей на скамье аудитории. Работорговец так и лучился жутковатым дружелюбием. Повернувшись к де Рутеру, он объявил:

— Должен сказать, что вести с вами дела — одно удовольствие.

— Спасибо, — по-детски обрадовался де Рутер. — Огромное вам спасибо...

Гесс небрежно отмахнулся:

— Увы, наша сделка завершена... но соответствующая благодарность будет помещена на ваше имя в «Орионбанк».

— О, благодарю вас, — слабо улыбнулся де Рутер, осознав, что при разговоре присутствуют потерпевшие. — Но мы не договаривались о подобном...

— И тем не менее, — настаивал Гесс. — Вам нужно только назвать имя наследника.

— Зачем? — потрясенно осведомился де Рутер.

— Потому что иначе деньги перейдут банку. Гесс ухмыльнулся и приказал суперкотам: — В соседнее помещение.

И только когда коты схватили де Рутера, тот понял, что имел в виду Гесс, и стал умолять о пощаде. Но суперкоты, ничего не слушая, поволокли его, брыкающегося и вопящего, по песку в кабинку, маскирующую главную гостиную каюты. Крики внезапно оборвались. Гесс с широкой улыбкой обратился к трясущимся пленникам:

— Теперь мы можем познакомиться поближе. Гесс, командир «Хирю», к вашим услугам.

Ответом были надсадные вопли чаек. Никто не произнес ни слова. Хейди никогда не видела, чтобы люди так боялись голограммы, красивой и улыбающейся. Даже Вики Макевой приняла изображение за реального человека и судорожно прижала сына к себе. Отведя взгляд, Хейди увидела берег и море, простирающиеся в обе стороны, угнетающие своей ложной открытостью. Единственный настоящий выход пролегал через кабинку, как только что обнаружил де Рутер. Хейди подумала, что этой трагической сцене не хватало только пиратского галеона, ожидавшего в бухте, чтобы увезти добычу.

Не получив ответа, Гесс вежливо осведомился:

— Извините, могу ли я познакомиться с Анной Лу?

Директор «Даун Системз» медленно поднялась, оказавшись высокой красоткой с темными, широко расставленными глазами, высокими скулами, кожей цвета кофе с молоком и смоляными волосами, доходившими до пояса ее сшитого вручную жакета.

— Это я.

— Разумеется, — поклонился Гесс, от души наслаждаясь происходящим. — Вы пользуетесь вполне заслуженной славой! Даже мы на корабле применяем ваше программное обеспечение — всякий раз, когда можем его украсть. Не согласитесь ли отправиться со мной?

Он показал на кабинку поменьше, рядом с той, куда отвели де Рутера.

Анна Лу кивнула и решительно зашагала по песку. Дверь за ней закрылась. Командир Гесс пошел следом. Хейди уселась на скамью из плавника рядом с детьми Таликов и стала молча ждать, разглядывая гребни волн, сверкающих под полуденным солнцем, и припоминая конец стихотворения о Плотнике и Морже из «Алисы в Зазеркалье». Как этот стишок пугал ее в детстве, каждый раз напоминая о бедных юных устрицах, съеденных заживо! Даже теперь она цепенела от страха, сидя под жарким солнцем на воображаемой скамье, под охраной суперкота, с его рыжеватой шерстью и блестящими клыками казавшегося мрачным Моржом.

— Мне так вас жаль, — заплакал Морж
И вытащил платок, —
Что я не в силах удержать
Горючих слез поток.
И две тяжелые слезы
Скатились на песок.

Ее полузабытые страхи внезапно воскресли, потянувшись из детства, превратившись в безжалостный кошмар, пожирающий ее нынешнюю жизнь.

В дверях кабины появилась Анна Лу. Ступила на песок босыми ногами. На ней больше не было ни жакета ручной работы, ни шелковых туфелек. Только красное платье. Не повернув головы, директор «Даун Системз»

закатила темные глаза, словно говоря: «Плохо, но могло быть и хуже».

Хейди поняла, что имела в виду Анна. Из стены кабинки возник голографический Гесс, оглядел собравшихся и небрежно объявил:

— Хейди Ван Дер Граф?

Ее очередь. Она встала. Вот оно. Одурачить Гесса или умереть.

— Ах, Устрицы! Придите к нам, —
Он умолял в тоске, —
И погулять, и поболтать
Приятно на песке.

Хейди вздрогнула, вспоминая, как руки пирата шарили по перегородке контрабандиста. Гесс будет так же тщательно проверять каждое ее слово.

Внутри оказалось, что 3V выключен. Ничего, кроме голых перегородок. Попеременные включения и выключения канала были стандартной методикой допроса: люди теряли ощущение реальности. Исполненная решимости держаться до конца, Хейди постаралась забыть обо всем, чему ее учили, превратившись в безмозглую дурочку, внучку «Орион-банка», рожденную в роскоши и подвергаемую самому бесчеловечному обращению, немыслимому для столь избалованного существа.

Заметив на полу жакет и туфли Анны, Хейди нагнулась и, повинуясь непонятному порыву, подняла жакет и накинула на плечи — как раз в тот момент, когда из стены выступил Гесс.

— Нравится? — дерзко спросила она, сунув руки в карманы, медленно поворачиваясь, чтобы продемонстрировать слишком просторный жакет, и стараясь выглядеть как можно наивнее. — Мило, верно?

— Тебе идет, — ухмыльнулся Гесс.

Пока катер не состыковался с «Артемидой», Гесс мог присутствовать здесь исключительно в виде голограммы, поэтому тянул время, наслаждаясь своим успехом.

— А теперь сними.

Хейди повела плечами, и жакет упал на пол. Гесс кивнул, по-прежнему улыбаясь:

— Дальше.

— То есть как? — буркнула она, одарив его самым, по ее мнению, раздраженным взглядом.

— Продолжай, — пояснил Гесс, — если не хочешь, чтобы этим занялись суперкоты.

Может, она и предпочла бы именно это, но сейчас разумнее всего подчиниться. Капризно надувшись, она сбросила туфли, ослабила тесемки юбки и позволила ей сползти вниз. Хейди закрыла глаза и сказала себе, что находится в пустой комнате, а Гесс — в тысячах километров отсюда и не может ее коснуться. Наконец она обнажилась, но так и не открыла глаз и сложила руки на груди, низведя Гесса до мерзкого синтезированного голоса.

— И драгоценности тоже, — вслел он.

Хейди бросила кольца, серьги и браслет на одежду.

Гесс спросил:

— Значит, волосы от природы розовые? Это наследственное?

— Генный сплайсинг, много поколений назад.

Одному богу известно, зачем кому-то понадобилось иметь ребенка с розовыми волосами.

— У бабушки волосы тоже были розовыми...

Гесс проигнорировал ее намек на «Орион-банк»: весьма странная реакция со стороны работорговца. Он явно показывал, что ему небезразлична именно она. В «Орион Лайнз» Хейди научили, что выкуп был лишь побочным способом обогащения. Есть куда более безопасные пути заработать на жизнь, чем налеты на звездные корабли. Люди — вот за кем охотились работорговцы, вот где главная ценность. Люди были самой большой редкостью в человеческом космосе. Цивилизованное общество пользовалось услугами биороботов, таких как супершимпы и суперкоты, а также бесчисленными модификациями киборгов. Пираты нашли более простое решение проблемы дефицита людей. Вполне возможно, что розовые волосы значат для Гесса куда больше, чем ее воображаемый многомиллионный выкуп.

— Ты лжешь, — спокойно заметил Гесс, не объясняя, как он это понял. Правда, узнай он, что Хейди член команды, наверняка велел бы ее прикончить, невзирая на розовые волосы. — Почему ты закрыла глаза?

— Смущаюсь, — ответила она.

Это, по крайней мере, было правдой. Ей совсем не нравилось стоять обнаженной перед каким-то работорговцем, пусть и находившимся в тысячах километров отсюда.

— Тебе действительно двадцать два? — спросил Гесс.

— Исполнилось в апреле, — соврала она.

— Открой глаза, — приказал Гесс.

Хейди подчинилась и увидела его прямо перед собой. К сожалению, следующий вопрос оказался именно тем, которого она больше всего боялась.

— Почему твоя каюта не на А-палубе?

К счастью, она заняла пассажирскую каюту, чтобы быть поближе к публике, но ее жилище не шло ни в какое сравнение с теми комнатами, какие были на А-палубе. Пожав нагими плечами, Хейди равнодушно сказала:

— Хотела повеселиться.

— Попытаемся тебе угодить, — с ухмылкой поклонился Гесс. — Надень только топ и юбку, а туфли и драгоценности оставь.

— Зачем? — упрямо спросила она, скрывая облегчение под оскорбленной миной, делая вид, что до сих пор никогда ни от кого не слышала приказов.

— Тебе они не понадобятся, — спокойно заверил Гесс.

Хейди молча оделась. И едва покинула кабину, как Гесс появился на пляже и окликнул:

— Соня Харт!

Та встала и решительно направилась к двери.

Очутившись на берегу, Хейди обнаружила, что Анна Лу куда-то исчезла вместе с Меган. Только молодые жены и маленькие дети терпеливо ждали на воображаемой песчаной косе. И прежде чем Хейди успела спросить, что случилось, суперкоты сомкнулись вокруг нее и повели через двери кабины к колодцу.

Добравшись до ангарной палубы, суперкоты подтащили ее к грузовому трюму, открыли контейнер и велели влезть внутрь. Она невольно поежилась при виде ящика площадью шесть кубических метров, едва доходившего до груди. Хейди забралась в контейнер; там уже была Меган, по-прежнему голая, скорчившаяся в углу, ослепленная внезапным светом. Бедняга ошеломленно моргала. Хейди выбрала противоположный угол и забилась туда.

— Рада видеть тебя, — пробормотала она.

Суперкоты закрыли ящик, и сразу стало темно. Меган сухо рассмеялась:

— Брось. Ты что, никогда не забываешь о работе? Не изображай приветливость, тебе никто за это не заплатит.

— Но я в самом деле рада, — запротестовала Хейди. — Я боялась, что ты мертва.

— Однако жизнью это тоже не назовешь! — презрительно фыркнула Меган.

К сожалению, она права... Все же Хейди продолжала надеяться, но вслух своих соображений не высказывала. У пиратов-работорговцев был вековой опыт обращения с пленниками, и контейнер, вполне возможно, прослушивается. Ее и Меган явно посчитали особами сомнительными и поместили вместе, желая подслушать их разговор. Хейди спросила, что случилось с Анной Лу.

— Видела, как ее повели в шлюпку, — с завистью заметила Меган. — Пока не доверяют только нам.

Анна Лу сделала несколько миллиардов еще до того, как ей исполнилось двадцать. И теперь была первой из тех, кто покинул «Артемиду» живой. Это и впрямь казалось несправедливым.

— Но мы еще живы, — напомнила Хейди.

— Все впереди, — угрюмо буркнула девушка.

Хейди запрокинула голову, закрыла глаза и сосредоточилась, вливаясь в корабельные каналы связи. Ничего особенного. Компьютеры выключены и, кажется, отсоединены. Она не смогла связаться с членами команды ни через кристалл биочипа, ни через биофоны. То тут, то там Хейди натыкалась на подключенного к таким же кристаллам работорговца, но немедленно уходила, стараясь не выдать себя и не поднять тревогу. Очевидно, из всей команды осталась она одна.

Хейди вспомнила о капитане Тейлор с ее клаустрофобией: куда милосерднее было ее убить, чем запихнуть в такой ящик.

И Хейди заплакала, впервые с той минуты, как разразилась катастрофа. Кто подумал бы, что она станет жалеть о капитане?

Меган услышала всхлипы:

— Эй, Розочка, мне очень жаль. Слушай, у меня в самом деле язык без костей. Мы не умрем, мы выберемся из всего этого, вот увидишь...

— Нет-нет, — шмыгнула носом Хейди, чувствуя себя последней идиоткой. — Дело не в тебе.

— Тогда чего же ты плачешь? — допытывалась Меган, первый человек, который действительно хотел узнать, что она чувствует. Если не считать Гесса.

— Из-за бывшего босса, — вздохнула Хейди, вытирая глаза. Слезы постепенно высыхали.

— Должно быть, хороший человек, — посочувствовала Меган.

— Нет, хуже некуда, — призналась Хейди, но все равно оплакивала Тейлор.

Меган сжала ее руку:

— Да, знаю, каково это бывает.

Переплетя свои пальцы с пальцами Меган, Хейди снова принялась за дело, исполненная решимости найти хоть кого-нибудь. Оставила в покое бортовые системы и попробовала перехватить сигналы между судами работорговцев, в основном кодированные, расшифровывать которые не было времени. Она попыталась подсоединиться к кораблям в поисках открытых систем или слабых мест кода. Ничего. Защитные системы пиратов были куда изощреннее, чем на гражданских судах, и не давали доступа к линиям обороны. Теперь понятно, почему де Рутера так легко одурачили.

И вдруг... вдруг Хейди напала на незакодированный биочип. Сначала она подумала, что связалась с кристаллом какого-то работорговца, получающего сигналы от слуховых и оптических систем, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что тот, в чьей голове находился биочип, обладал тонкими девичьими ногами...

Прервав контакт, Хейди проследила путь сигнала, обнаружив, что он идет с того самого «Хирю», который пришвартовался к контрабандисту. Значит, это светловолосая девчушка с короткой челкой...

Хейди снова соединилась с ней, увидев происходящее глазами девушки, слушая ее ушами. Незнакомка молча смотрела перед собой, наблюдая за работорговцем, сидевшим у панели управления, автоматически повторяя его движения, пока происходила стыковка шлюпки с «Артемидой». Хейди неожиданно поняла: девушка запоминает расположение приборов панели управления и последовательность операций швартовки. Молодец, девчонка!

Решив посмотреть, как далеко она может продвинуться, Хейди попыталась просигналить незнакомке:

— Привет, я Хейди. Ты меня слышишь?

— Какого дьявола!

Оптические устройства затуманились: девушка резко повернула голову, давая Хейди возможность рассмотреть работорговцев и суперкотов, набившихся в рубку. Не заметив никого рядом, девушка снова уставилась на работорговца у панели управления. Хейди попробовала еще раз:

— Ты слышишь меня?

— Да!

На этот раз ее голова не дернулась.

— Ш-ш-ш, тише, пожалуйста. — Нужно сделать все, чтобы девушка не привлекала к себе внимания. — Не кричи. Я у тебя в голове.

Вжавшись глубже в кресло, девушка прошептала:

— Кто ты?

— Меня зовут Хейди, и я хочу тебе помочь. Не разговаривай вслух. Подмигни правым глазом, если хочешь сказать «да», и левым, если «нет». Ты девушка с контрабандного судна, на которое был совершен налет?

Девушка подмигнула правым глазом.

— Прекрасно. Как тебя зовут?

Она забыла, что на этот вопрос нельзя ответить «да» или «нет». Но девушка оказалась сообразительной: расстегнув рукав, она провела указательным пальцем под первой буквой ее приютского номера: К-9251949.

— Кей? Ты Кей?

Девушка подмигнула правым глазом.

— И ты была в команде контрабандиста? — Хейди вспомнила, как жадно смотрела девушка на панель управления.

— Пилотом, — поджав губы, прошептала Кей.

— Превосходно. Ты сможешь управлять этой штукой, если мы до нее доберемся?

Девушка утвердительно подмигнула.

— Нужно выждать подходящий момент. Держи связь.

Кей подмигнула дважды. Да и еще раз да.

Пока шлюпка швартовалась к «Артемиде», Хейди переключилась на камеры ангарной палубы, наблюдая, как на борт прибывают все новые работорговцы. Впереди шел Гесс,

как всегда высокомерный и на этот раз во плоти. Дело плохо. Можно с уверенностью сказать: одурачить его будет в сто раз сложнее. С ними была Кей, выглядевшая маленькой и беспомощной среди мужчин и суперкотов. Она ступала бесшумно, молча, глядя прямо перед собой. Ее подвели к спасательной шлюпке и велели лезть внутрь.

— Лучше и быть не может! — просигналила Хейди. — Это означает, что они собираются сохранить тебе жизнь.

Она увидела, как Кей улыбнулась и огляделась, но люк тут же захлопнулся, скрыв ее из поля зрения: спасательная шлюпка не была частью «Артемиды» и Хейди не могла получить прямой доступ к бортовым системам. Сумеет ли она уговорить Кей включиться в них? Возможно. И что тогда? Хейди вызвала план палубы, перебирая все возможности, пытаясь придумать, как поступить.

Яркий свет резанул глаза. Суперкоты открыли контейнер. Ей велели выходить. Когда она протискивалась мимо Меган, их глаза на секунду встретились, и она никак не могла придумать, что сказать. Черные губы Меган скривились в усмешке.

— Эй, Розочка, на случай если больше не увидимся: этот круиз был истинным удовольствием.

— Спасибо. — Хейди ответила слабой улыбкой. — Мы всегда стараемся угодить клиентам.

Мысленно приняв это как свой девиз, она последовала за суперкотами в пустое казино на прогулочной палубе. Вернее, почти пустое: у стойки восседал Гесс, с довольным видом изучавший бутылку двухсотлетнего виски. Казино без посетителей выглядело зловеще: застывшие голограммы безжизненно висели над мертвыми игровыми автоматами.

Гесс кивнул на угольно-черный диван.

— Посадите ее и можете идти, — приказал он суперкотам.

Они повиновались, и Хейди села, оглядывая темное гулкое помещение. К собственной радости, она обнаружила полное отсутствие трупов. Спасибо хоть за это!

Гесс протянул ей бокал с бледно-розовой жидкостью:

— Выпей. Как раз в тон твоим волосам.

Хейди взяла бокал и поставила на колени. Налив себе виски, Гесс устроился напротив и весело объявил:

— Знаешь, я мог бы приказать просканировать твой мозг.

Ничего не скажешь, прекрасное начало... Умеет же завязать беседу!

— Но я хочу, чтобы ты добровольно сказала правду, — продолжал он, — поэтому кое-что подсыпал в твою выпивку.

— Что именно? — выдохнула Хейди, в ужасе взирая на свой розовый напиток.

— Ничего страшного, — заверил Гесс, — это тебя не убьет, даже сознания не потеряешь, просто язык развяжется.

— Зачем?

— Для твоего же блага, — объяснил Гесс и, подавшись вперед, серьезно добавил: — Пока ты не готова довериться мне, от тебя никакой пользы.

Надо же, а она так надеялась быть полезной!

— Так что пей, — продолжал Гесс, — или я велю ввести это тебе в вену.

Гесс поднес бокал к ее губам. Хейди осторожно отхлебнула, почувствовав, как алкоголь мгновенно ударил в голову: ее последний обед был виртуальным пиршеством на Марсе. Меган права, невозможно всегда сохранять маску жизнерадостного задора. Корчась от дурных предчувствий, Хейди всей душой желала рассказать кому-нибудь всю свою историю, пусть даже Гессу.

Тот протянул руку и провел пальцем по ее щеке.

— Ни шва от биоскульптуры. Значит, ты и в самом деле молода и красива... хотя не настолько молода, как утверждаешь. Да и сказочно богатой ты быть не можешь. Не вся же удача одной тебе, — рассмеялся Гесс.

И в самом деле, кому повезло больше? Анне Лу? Виктории Макевой? До чего жутко, когда беззастенчиво исследуют твое лицо! Словно у нее свидание с самим посланником ада, которому предстоит решить, взять ее с собой или прикончить на месте.

— Ты ведь не внучка «Орион-банка», верно? — небрежно осведомился Гесс, по-видимому ничуть не расстроенный потерей сказочного выкупа.

Хейди вжалась в мягкий, надувной диван, закрывая лицо бокалом и охваченная беспомощным ужасом. Вот оно.

Гессу плевать на выкуп, потому что он понимает: никаких денег ему не получить. Просто хочет убедиться в своей правоте, прежде чем пристрелить ее.

Отставив свой бокал, Гесс сочувственно кивнул:

— Брось, нельзя же вечно лгать, это убивает душу. Сам я стараюсь по возможности говорить правду. Должно быть, очень одиноко, если нет хорошего собеседника, который готов тебя понять.

Еще как!

Хейди кивнула, чувствуя, как трясутся руки.

Гесс погладил ее ладони, снова поднес бокал к ее вымазанным светлой помадой губам и сказал голосом заботливого, но строгого родителя:

— Выпьем за правду.

Хейди со слезами на глазах пригубила розовое зелье.

— Итак, — настойчиво повторил Гесс, — почему ты солгала?

У девушки перехватило горло. Язык отказывался повиноваться. Гесс ответил за нее:

— Ты хотела показаться более ценной добычей. Все это естественно и вполне понятно, так что никто тебя не осуждает. Я бы сделал то же самое.

Соленые капли покатились по щекам Хейди. Ее пожалели!.. Она начала всхлипывать, не заботясь о том, как выглядит, желая лишь одного: поскорее покончить со всем этим. Покончить со страхом и ложью. И будь что будет.

Гесс обнял ее за плечи, словно желая утешить:

— Ты ведь член команды, верно? Служащая «Орион Лайнз»?

Не в силах выговорить ни слова, Хейди вытерла слезы, глядя в самодовольное жестокое лицо. И все-таки, борясь с собой, сумела спросить механическим голосом:

— Собираетесь... меня... убить?..

— Зачем же? — расплылся в сердечной улыбке Гесс. — Во всяком случае не сейчас. Просто я хотел услышать от тебя правду.

— Спасибо... спасибо...

Она обмякла в его руках и облегченно всхлипнула, не заботясь о том, что находится в объятиях чудовища, убившего ее капитана, исполненная благодарности за то, что не умрет сама.

— Нет-нет, не благодари меня, — рассмеялся Гесс, похлопывая ее по спине. — Благодари свои волосы.

Он подозвал суперкотов, а Хейди продолжала сидеть, не сбрасывая его руку, ощущая себя пресмыкающимся и слушая, как он наставляет котов:

— Эта женщина — член команды. Держите ее подальше от остальных. Заприте в контейнере. Одну. Ничего не оставляйте. Совсем ничего. Держите контейнер закрытым, пока мы не возвратимся на «Хирю». — Он помог ей встать и спросил на прощание: — Ну как? Говорить правду оказалось не так уж страшно, верно?

В сравнении с чем? Быть застреленной на месте? Вероятно.

Впрочем, она ведь ничего и не сказала. За нее говорил Гесс. Хейди вытерла глаза и улыбнулась, попытавшись выдавить самую сладчайшую из своих улыбок:

— Конечно.

Гесс ухмыльнулся, поклонился, пожелал ей доброго дня и позволил суперкотам увести ее. Те открыли контейнер и помогли пленнице влезть внутрь.

Меган исчезла, ощущался лишь аромат ее духов. Хейди надеялась: это не все, что осталось от девушки. Впервые — с тех пор как началось это безумие — Хейди оказалась одна, предоставленная самой себе, в закрытом контейнере на обреченном корабле. Скоро ее увезут работорговцы. Подумать только: ее спас цвет волос! Что за удар по самолюбию! Хотя Гесс мог просто взять образцы тканей, он предпочел забрать ее с собой.

Теперь работорговцы станут владеть ее телом и душой. Оказавшись на «Хирю», она должна будет беспрекословно подчиняться.

Что-то встряхнуло ящик... подняло в воздух. Установленные на ангарной палубе камеры показали, как мощный лифт грузит ящик в ту же спасательную шлюпку, где была Кей, — посадочный модуль с гравитационным двигателем, предназначенный для эвакуации пассажиров в случае чрезвычайного происшествия. Работорговцы пользовались им, чтобы переправлять пленников на «Хирю», и, как только трюм будет закрыт, они отчалят.

Хейди мысленно воззвала к Кей:

— Ты здесь?

— Где же еще? — выдохнула девушка, находившаяся в главной каюте шлюпки вместе с уцелевшими пассажирами.

Впереди сидела Анна Лу, рядом с ней — Меган. С Соней Харт их разделял проход. На ее колеснях устроился один из малышей Таликов. Все были пристегнуты к креслам. Вход в каюту охранял суперкот, вооруженный пистолетом и гранатой с нервно-паралитическим газом. Малоутешительная картина, но они отправлялись на «Хирю», где их ждала судьба куда ужаснее.

— Хорошо. Я нахожусь в закрытом грузовом контейнере в трюме под тобой. Проверь ручки кресла, там должна быть аварийная связь: небольшая спираль сверхпроводящего волокна, спрятанная в углублении на обратной стороне...

— Нашла! — едва не выкрикнула Кей.

Вполне достаточно было просто моргнуть!

— Тихо. — Она повторила еще раз: — Тихо. Включайся без шума.

Хейди неожиданно получила доступ ко всем бортовым системам спасательной шлюпки: освещению, камерам, управлению креслами, аварийным выходам, сигнализации, жизнеобеспечению... Только главная панель управления оставалась недоступной, поскольку автопилот был отключен, а суперкот управлял шлюпкой вручную. Два кота находились на борту — один у входа в каюту, а другой у панели управления. И больше ни одного пирата. Должно быть, они посчитали, что двоих охранников вполне достаточно для доставки груза, состоявшего из безоружных женщин и детей, привязанных к сиденьям или запертых в трюме. Хейди тихо сказала Кей:

— Послушай, я боюсь, по-настоящему боюсь. Нельзя позволить им доставить меня на этот корабль...

— Да неужели?! — прошипела Кей. — Мне тоже не слишком хочется праздновать четырнадцатилетие на борту работорговца.

Так ей всего тринадцать?!

Кей тоже сходила с ума от страха, Хейди отчетливо чувствовала это, и сердце ее сжалось. Она старалась успокоиться, запрещая себе тащить за собой девушку в пропасть черного отчаяния.

— Пожалуйста, выслушай меня. Моргни, если можешь управлять этой шлюпкой.

Кей моргнула.

— Есть шанс добраться до панели управления и попытаться сбежать. Но это рискованно, и тебя могут убить.

Кей закатила глаза, словно пытаясь сказать: «Рискованнее, чем это?!»

Что же, она права. У Кей не было ни гроша, чтобы внести выкуп, и она вполне справедливо боялась того, что с ней сделают работорговцы.

— Подмигни, если согласна.

Кей подмигнула дважды.

Хейди глубоко вздохнула и проверила камеры. Гесс еще пожалеет, что не поместил ее контейнер в другую шлюпку.

— Прежде всего я собираюсь освободить тебя. Никак не реагируй, просто будь готова.

Кей снова подмигнула. Хейди расстегнула путы Кей, отключив одновременно сигнализацию кресла. Она также задействовала аварийный сигнал, свидетельствующий о перегреве и декомпрессии. На контрольной панели ярким огнем загорелись красные индикаторы, и каюту наполнил отчаянный вой сирен, указывая на разгерметизацию корпуса.

Охранявший вход в каюту суперкот отодвинул находившуюся позади дверь, ступил в отсек со скафандрами, расположенный между кабиной управления и основным воздушным шлюзом: спасательная шлюпка была выстроена по подобию корабля и имела ту же конструкцию. Подняв люк, суперкот исчез в трюме, где начал проверять соединения и контакты.

Хейди немедленно просигналила Кей:

— Быстрее натягивай скафандр.

Кей вскочила с места, пролетела мимо ошеломленной Анны Лу в отсек со скафандрами, где облачилась в самый маленький и туго подпоясалась. Едва она встала с кресла, Хейди потеряла прямое управление, и теперь ей приходилось выкрикивать приказы:

— Закрой и запечатай люк.

Кей заперла люк вручную, оставив суперкота в трюме.

— Теперь садись в кресло второго пилота! — крикнула Хейди. — И подсоединяй нас!

Закрыв дверь отсека, Кей отодвинула дверь кабины управления, забралась в пустое кресло второго пилота и подсоединилась к Хейди через штепсельное гнездо скафандра, снова вернув ей контроль над ситуацией.

Но тут встрепенулся второй суперкот. Выхватив пистолет, он яростно прорычал:

— Человек, вернись на свое место или буду стрелять!

Но прежде чем он успел нажать на спусковую кнопку, Хейди, обойдя две системы безопасности, нажала клавишу КАТАПУЛЬТИРОВАНИЕ. Кислородная палатка над креслом уныло обвисла. Катапульта сработала, выбросив пилота на орбиту Тифона. Воздух с шумом утекал из кабины.

Загерметизировав свою половину кабины, Кей заглушила тревожные сирены и крикнула Хейди:

— Что теперь?

Шептать больше не было необходимости, поскольку шлюпка оказалась в полном их распоряжении, если не считать единственного обозленного суперкота, метавшегося внизу и, к счастью, не подозревавшего, что причина его бед сидит, скорчившись, в ближайшем контейнере.

— Куда мы направляемся?

— Веди ее вниз. Прямо к Тифону!

Безопасность там — в верхушках безбрежных газовых облаков, за огромными кольцами. Корабли, такие как «Хирю», не приспособлены для посадки на газовые гиганты, а любые посадочные модули работорговцев будут немедленно атакованы флотом Тифона, как только войдут в атмосферу.

— Держитесь! — велела Кей перепуганным пассажирам по внутренней связи.— Власть сменилась! Говорит ваш капитан. Приготовьтесь к маневрам при большом ускорении.

Она выполнила первый разворот, целясь прямо в облачные вершины Тифона, таким образом, чтобы едва зацепить внутренний край А-кольца, пронизать пропасть между кольцами, созданную силой тяжести Тартара. Со всех сторон понеслись вызовы, забивая сеть: полетный контроль Тифона, воздушная разведка, взбешенные работорговцы, служба новостей, взволнованные пассажиры. Кей словно приклеилась к панели управления, отвечая только службе полетного контроля, игнорируя все остальные вызовы.

— Хейди! — неожиданно крикнула она. — Гесс тебя вызывает! Потолкуй с ним!

Хейди соединилась с «Артемидой»:

— Командир Гесс! Счастлива снова перекинуться с вами словом. Особенно на расстоянии!

Гесс рассмеялся:

— Мне действительно следовало просканировать твой мозг.

Ну да, и при этом наверняка обнаружить ее имплантат!

— Но что не сделано, то не сделано... У нас есть две самонаводящиеся ракеты класса «Цербер» с боевыми головками из антиматерии и высоким ускорением. В данный момент они нацелены на вас. Предлагаю возвратиться.

Гесс не лгал: служба контроля утверждала, что две ракеты отделились от «Хирю» и, набирая скорость, летят к спасательной шлюпке.

Они убили Тейлор, де Рутера и бог знает сколько еще народу! Теперь, когда Хейди могла свободно говорить, гнев наконец вырвался наружу.

— Вы ведь в любом случае меня прикончите. Зато «Церберы» обойдутся вам в миллионы.

Похоже, Гесс не на шутку обиделся:

— Это глупо! Пожелай я убить тебя, то уже сделал бы это. Верни мою добычу, и клянусь: оставлю тебя в живых.

— Чтобы всю оставшуюся жизнь держать меня в камере и брать мои яйцеклетки, выращивая и продавая розоволосых младенцев?

— Ты меня побила. Конечно, нечестно, прибегнув к слезам и вранью. Женское оружие, но ты хорошо им владеешь. Прости, что недооценил тебя. Прими я минимальные меры предосторожности, сейчас не пришлось бы вести этот разговор... Клянусь, ты и твой маленький пилот получите свободу. Только катапультируй пассажирскую секцию на орбиту Тифона...

— Тогда вы наверняка собьете меня ракетой.

Отдай ему всех пассажиров-миллиардеров, и у Гесса не останется причин щадить ее.

— Что? Тратить дорогущие ракеты только лишь из злости?! — снова возмутился Гесс. — Ну уж нет! Избавься от пассажирского модуля, и ты наполовину облегчишь свой вес и удвоишь ускорение, легко обогнав любую ракету, на-

правленную на Тифон. Я предлагаю простой обмен: твоя жизнь за моих пленников. Катапультируй груз, и я отзываю ракеты. Ускорение и орбитальная механика помогут мне сдержать слово...

Черт, у Гесса в самом деле есть очередной дьявольский план. Вот ублюдок!

Хейди пыталась выиграть время. Она тоже недооценила своего врага. Сама Хейди ни за что не вернется, уж это точно. Но как насчет остальных? Один неверный шаг, и погибнут все. И что же делать? Провести голосование? Вряд ли... но она не может решать за них!

Попросив Гесса подождать, она задействовала внутреннюю связь шлюпки и сначала сообщила пассажирам хорошие новости:

— Мы захватили спасательную шлюпку и направляемся на Тифон.

Среди измученных пассажиров послышались слабые, но радостные возгласы.

— Но пираты запустили ракеты «Цербер», нацеленные прямо на нас.

Перепуганные ахи и вздохи.

— Мы сделаем все возможное, чтобы уклониться...

— Пропустите меня в кабину управления, — потребовала Анна Лу.

Хейди немедленно освободила ее, и директор «Даун Системз» метнулась в кабину.

— Мы попытаемся избежать ракет, — продолжала Хейди, — но командир Гесс пообещал пощадить каждого, кто сдастся. Их освободят, как только пираты получат выкуп. Кто хочет вернуться?

Молчание. Поистине поразительно для испуганных, рассерженных, самоуверенных, своевольных и донельзя выведенных из себя женщин. Ни одна не пожелала попасть в тот ад, из которого чудом вырвалась. Живыми или мертвыми, никто не хотел возвращаться.

Хейди снова вызвала Гесса:

— Не примите на свой счет, но на борту все предпочитают ракеты «Цербер» вашему гостеприимству.

Если, разумеется, не считать запертого в трюме суперкота.

— На свой счет? Боже упаси!.. «Церберы», с которыми ты так хотела встретиться, уже в пути. Удачи, Хейди.

Как всегда, безупречно учтив. Настоящий джентльмен.

Сидя во мраке грузового контейнера, Хейди переключилась на полетный контроль, наблюдая, как ракеты мчатся по небу с таким невероятным ускорением, что спасательная шлюпка, казалось, совершенно не двигается. Гесс не лгал: скорость была поистине неправдоподобной. Они менее чем в десяти тысячах километров отсюда... нет, скорее, в девяти. Восемь тысяч... Семь тысяч...

Кроме того, их боеголовки — из антиматерии, что позволяет пробить защитные экраны спасательной шлюпки. «Артемида» легко отразила бы нападение и послала в ответ кое-что похуже, но шлюпка может только удирать. К сожалению, не слишком резво.

— РАКЕТНЫЙ УДАР ЧЕРЕЗ ДВЕ МИНУТЫ, — объявил автопилот.

Переключившись на камеры кабины управления, Хейди увидела, как Анна Лу нагнулась над панелью, лихорадочно перепрограммируя защитные экраны спасательной шлюпки на бóльшую мощность. Шлюпка была не просто посадочным модулем, но и маленьким звездным кораблем, с экранами, предназначенными, чтобы выдержать поток радиации при околосветовой скорости. Анна перепрограммировала их на способность отталкивать или распылять небольшие частицы вещества кольца. Кей же готовилась обходить крупные препятствия: глыбы льда размером с дом и мини-луны, заполняющие лакуну между кольцами, которая образовалась силой тяжести Тартара.

Если они, разумеется, доберутся до этой лакуны.

Хейди снова принялась наблюдать за продвижением «Церберов». Они были уже в пяти тысячах километров... четырех... трех...

— РАКЕТНЫЙ УДАР ЧЕРЕЗ ОДНУ МИНУТУ, — провозгласил услужливый автопилот.

Хейди, ужаснувшись, вызвала Кей:

— Мы никогда не доберемся до лакуны — они слишком быстро нас нагоняют.

— Черта с два! — Кей крикнула Анне Лу: — Программируй так, чтобы не столкнуться с малыми лунами! Остальное я обойду!

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ТРИДЦАТЬ СЕКУНД ДО РАКЕТНОГО УДАРА, — пробубнил автопилот.

Тридцать секунд. Что же делать? Кристалл в мозгу немедленно отозвался: нулевая программа. Ничего. Хейди уже сделала все, что могла: осталась жива, скрыла свои таланты, выждала, выбрав подходящее время, захватила спасательную шлюпку, то есть сотворила абсолютно невозможное. И все равно умрет в следующие несколько секунд...

— ДЕСЯТЬ СЕКУНД ДО РАКЕТНОГО УДАРА.

Спасательная шлюпка сделала очередной высокоскоростной поворот, и Хейди швырнуло к противоположной стене.

— Что случилось? — спросила она Кей.

— Держись! — заорала в ответ девушка. — Мы входим!

— ПЯТЬ СЕКУНД ДО РАКЕТНОГО УДАРА.

— Куда?

Хейди собралась, прижалась спиной к стене, уперлась ногами в противоположную стену, а руками — в потолок. Пять долбаных секунд: просто поверить невозможно!

— В кольцо! — крикнула Кей.

Лодка нырнула в широкое плоское А-кольцо, вернее, в огромное скопление замороженных частиц, вращавшихся на одной орбите вокруг Тифона, состоящее из мусора любых размеров, от микронной пылинки до гигантских ледяных валунов и маленьких лун. Частицы касались экранов и тут же сгорали, придавая шлюпке вид пылающего призрака. Камешки взрывались сверкающими искрами, образуя огненную корону.

— ДВЕ СЕКУНДЫ ДО РАКЕТНОГО УДАРА.

Хейди видела, как исчезают последние километры, когда ракеты устремились к ней: ПЯТЬДЕСЯТ километров. Потом ТРИДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ, ДЕСЯТЬ...

Кольца, хоть и имели тысячи километров в поперечнике, толщиной были всего несколько сотен метров: тонкие, как бумага, по космическим стандартам. Ярко освещая дальнюю сторону, спасательная шлюпка рвалась к Тифону, разбрызгивая во все стороны вещество кольца. Но «Церберы» продолжали надвигаться. Хейди в ужасе наблюдала, как двойные снаряды сокращают расстояние: пять километров, четыре, три, два...

Оба снаряда ударили в А-кольцо, мгновенно взорвавшись в колоссальных вспышках радиации, разбившихся о

защиту шлюпки и не причинивших никакого вреда. Сами «Церберы» имели всего лишь примитивные системы защиты и боевые головки с антиматерией, поэтому оказались совершенно беспомощны против быстрых частиц и неустанного потока вещества кольца. Хейди, скорчившись в темном контейнере, восторженно завопила. Ей ответила Анна Лу. Кей все еще была занята тем, как увернуться от случайных ледяных глыб, и никто не понимал, что случилось. Почти никто.

— Хейди, ты все еще там? Это Гесс.

— Да, — настороженно ответила она, надеясь, что он не успел придумать новой ловушки.

— Поздравляю. Надо же, не имея ничего, кроме розовых волос, ты оказалась самой ценной добычей. Хорошо бы нам встретиться, не находишь?

— Ни за что! — завопила Хейди и, поскорее прервав контакт, бессильно привалилась к стенке ящика.

Она жива и свободна, ожидает мягкой посадки, которую произведет опытный пилот; помощником у него служит гений программирования, следящий за бортовыми системами. Так что вполне можно расслабиться. Сейчас 03:57:46, и вахта почти закончилась. В течение четырех часов Хейди потеряла работу, коллег и едва не рассталась с жизнью: чертовски неприятное начало дня.

И, лишь почувствовав, как они пронизывают первые слои атмосферы, она поняла, что наконец находится в безопасности. Она сделала это! Вернула невредимыми счастливцев, выживших на «Артемиде», да еще сохранила их капитал.

...Копы Корпорации Тифон открыли ее ящик. Вооруженные женщины-полицейские помогли Хейди выйти и приготовили одежду, твердя, что она просто молодец, говоря это с оттенком гордости за нее, которую никогда не уловишь в мужской похвале, какой бы она ни была искренней.

Когда Хейди наконец смогла показаться на людях, мужчины дружно хлопали ее по спине и, все как один, приветствовали ее. Все испытания Хейди, начиная с налета и кончая побегом, транслировались в прямом эфире, от первого MAYDAY до яростной атаки на вершины облаков Тифона, включая передачу 3V с «Артемиды», где работорговцы продолжали грабить каюты и салоны. Публика отказывалась

смотреть что-либо другое, даже последний спектакль Сони Харт «Прощальное представление». Хейди спасла систему от выплаты громадного выкупа. Один лишь захват Анны Лу мог привести к катастрофическому падению рынка.

Всеобщая благодарность меркла по сравнению с праздником, устроенным Соней Харт, которая для этого случая наняла плавучий аэростат, чтобы дать роскошный обед для выживших на «Артемиде». Студия Сони показала незабываемое звездное шоу из внутренней системы, и местные знаменитости танцевали с богатыми молодыми вдовами, вроде Виктории Макевой. Хейди нсожиданно для себя оказалась на роскошном празднестве в реальном времени, причем ей не пришлось ничего организовывать. В кои-то веки она могла спокойно развлекаться, не волнуясь, хорошо ли проводят время остальные.

Это абсолютно неестественное состояние продолжалось, пока она не увидела Кей, одиноко стоящую на надувном балконе. Девушка с отрешенным видом обозревала безбрежную облачную равнину. Хейди решила удостовериться, что с ней все в порядке.

— В порядке? — рассмеялась Кей. — Да я всю свою жизнь мечтала попасть сюда. Надеюсь, мне позволят остаться.

— Ты это о чем?

— У меня нет ни денег, ни работы, — пояснила девушка. — Я потеряла даже мамин скафандр. Мне должны были заплатить за доставку корабля на Тартар, но из этого так ничего и не вышло...

Двадцать четыре часа назад она была на Кладбище и согласилась вести «Мисс Бихейвин».

Хейди взяла девушку за руку, думая о том, что между ними всегда будет существовать некая связь: жизнь обеих разительно изменились за последние сутки.

Кей рассказала Хейди об умершей матери и доноре спермы 789439-X18. Хотя Хейди годилась Кей в матери, она испытывала по отношению к девушке нечто вроде сестринских чувств, словно наконец нашла давно потерянную младшую сестренку, о существовании которой до сих пор не подозревала.

— Не волнуйся, можешь жить со мной. Или где захочешь. Ты богата. Настолько, что тебе никогда не придется больше работать, разве только сама захочешь.

Кей снова рассмеялась:

— Нет. Я единственный человек здесь, у которого нет ни денег, ни подходящего занятия.

Хейди покачала головой:

— Мы обе богаты. И Меган тоже. Офицер «Орион Лайнз» Мартин де Рутер нанял тебя для нелегальной транспортировки груза на Тартар. Это расценивается как незаконная эксплуатация несовершеннолетней, в результате которой ее жизнь подвергается опасности. К тому же пиратское нападение на твой корабль тоже на его совести.

Хейди объяснила Кей, как де Рутер пытался использовать работорговцев, а вместо этого сам оказался в их лапах.

Кей уставилась на нее широко раскрытыми глазами:

— Но почему именно я? Что я такого сделала?

— Боюсь, тебя выбрали за фотогеничность. И любовь к риску.

— Но я чертовски хороший пилот, — запротестовала Кей.

— Вне всякого сомнения, девочка. Эту историю еще долго будут рассказывать.

О том, как девочка-подросток, маленькая бродяжка, провела спасательную шлюпку «Орион Лайнз» через А-кольцо Тифона с целым состоянием на борту и двумя ракетами работорговцев на хвосте.

Кей грустно покачала головой:

— Значит, все это задумывалось как развлечение!..

— Реальность 3V.

— Что же, эти типы получили сполна за свои денежки!

— Это еще не все, — заверила Хейди. — Далеко не все. Предстоит чудовищный процесс, который продлится много лет, а пока все не уладится, тебя возьмут на полное обеспечение — как главную истицу и основного свидетеля.

— А после того, как выплатят компенсацию? — нервно спросила Кей, радуясь, что ей не придется заботиться о себе прямо сейчас.

— Тогда ты будешь сказочно богата. Если не веришь мне, спроси Анну Лу.

Хейди даже не пришлось объяснять подробности, хитрые заценки и фокусы крючкотворства, ибо Кей тут же поверила ей. Когда кто-то бесцеремонно проникает тебе в голову, видит твоими глазами и слышит твоими ушами, ничего не остается, кроме как доверять ему.

Они вместе разглядывали сверкающий новый мир, в который только входили. Соня Харт стояла на сцене, с энтузиазмом представляя голографических друзей-звезд своим собратьям по испытаниям. Анна Лу в длинном блестящем платье что-то сосредоточенно говорила по переговорнику, пока официант наливал ей зеленый мятный ликер. Викторию Макевой держали под руки двое поклонников. А на танцевальной площадке богатые молодые женщины с упоением танцевали последний хит сезона — непристойный танец с планеты Ванир.

Кей не могла решить, что поразительнее: бескрайнее открытое пространство, раскинувшееся перед нею и окаймленное бесконечной облачной равниной, или ее невероятное будущее. Ощутив ее неуверенность, Хейди осторожно сжала тонкую девичью руку:

— Самое главное, что ты уже никогда не будешь одинока.

АЛЛЕН СТИЛ

Смерть капитана Фьючера

Аллен Стил (р. 1958) живет в Уотли, штат Массачусетс. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.allensteele.com. Карьеру писателя-фантаста Стил начал в 1989 году с романа «Сокращение орбиты» («Orbital Decay»). Далее последовали «Округ Кларк. Космос» («Clarke County, Space», 1990) и «Лунное падение» («Lunar Descent», 1991), действие которых происходит между Землей и Луной. Стил относит эти произведения к циклу «Ближний космос». Самой заметной работой автора за последние годы стала серия о Койоте, представленная в книгах «Койот» («Coyote», 2002), «Восстание Койота» («Coyote Rising», 2004) и ряде последующих произведений.

Рассказы Аллена Стила объединены в четыре сборника: «Грубые астронавты» («Rude Astronauts», 1993), «Типично американский пришелец» («All-American Alien Boy», 1996), «Секс и насилие в невесомости» («Sex and Violence in Zero G», 1999), содержащий все рассказы и повести о Ближнем космосе, а также библиографию цикла, «Американская красота» («American Beauty», 2003).

В «Энциклопедии научной фантастики» отмечается, что Стил «склонен ностальгировать по 1970-м, перенося дух того времени на космическую арену и создавая самую что ни на есть правдоподобную картину рабочих будней мужчин и женщин, строящих орбитальные паромы, корабли и жилые блоки, необходимые для следующего шага в покорении космоса». Он стал одним из ведущих авторов твердой НФ 1990-х, талантливо создавая реалистичные описания трудовой рутины и проблем, с которыми сталкиваются космические строители будущего. Манеру Стила, в прошлом профессионального газетного журналиста, называют «фантастикой рабочего класса» по причине его неизменного обращения к проблемам простого обывателя и симпатиям к левой идеологии.

О новой космической опере писатель говорит так:

«Каждую пару десятилетий, или около того, очередная группа писателей берется за обновление жанра. На них, осознают они это или нет, влияют предшественники, в частности Э.Э. „Док" Смит, тем не менее новаторы не только предлагают новые литературные приемы, но и пытаются выделить новый пласт освещаемой проблематики. Так назы-

ваемая „новая космическая опера" политизирована куда сильнее, чем, скажем, фантастика 1970-х, в то время как космическая опера тех самых 1970-х испытывала сильное влияние „новой волны" 1960-х».

Повесть «Смерть капитана Фьючера» (1995) в 1996 году была отмечена премией «Хьюго», а в 1997 году номинировалась на премию «Небьюла». В онлайн-интервью Стил рассказывал о повести:

«Это не злая сатира на произведения Эдмонда Гамильтона. Если бы мне пришло в голову пародировать мэтра, то героем моей повести стал бы именно Курт Пьютон, он же капитан Фьючер, а не капитан грузового корабля, воображающий себя персонажем знаменитого цикла. Мне пришлось бы подражать стилю Гамильтона, пожалуй, весьма нелестным образом. Совершенно ясно, что не это было моей целью. Впрочем, повесть стала своеобразной данью уважения самым известным работам Гамильтона.

Я задумался, как должен выглядеть герой пэлп-фантастики 1990-х. Занятный вопрос, поскольку подобные персонажи эпохи Великой депрессии кажутся довольно старомодными по нынешним меркам, главным образом из-за нашей растущей симпатии к антигероям. Так что я решил выдать постмодернистскую приключенческую пэлп-повесть, где персонаж, выражающий, но не воплощающий ценности 1930-х, сталкивается с более жестким, если не сказать отмороженным, героем. Отсюда двойной смысл названия повести».

О космической опере как жанре Стил говорит следующее:

«Если полагать космическую оперу приключенческим поджанром твердой НФ, то обе продолжают существовать на протяжении всей истории фантастической литературы и никогда не исчезнут окончательно. Да, случаются периоды, когда космоопера отходит на задний план, но лишь для того, чтобы затем вернуться в видоизмененной форме.

„Смерть капитана Фьючера" — это попытка реанимировать космическую оперу 1930-х и ранних 1940-х, одновременно скрещивая ее с твердой НФ пост-киберпанка. Я прочел цикл Эдмонда Гамильтона о капитане Фьючере в конце 1960-х, когда книги были переизданы в мягком переплете, но у меня не возникло желания создать нечто подобное. Наоборот, я задумал написать историю в духе 1990-х, стилизованную под пэлп, в которой присутствовали бы осмысление классической космооперы и ее современная интерпретация.

Есть в моей повести и скрытая насмешка: шаблонные иллюстрации к фантастике 1930-х и 1940-х годов, обложки

пап-журналов неизменно пестрели изображениями шикарных красавиц, которым угрожают пучеглазые монстры. В „Смерти капитана Фьючера" я решил объединить два этих образа: в тексте фигурирует красавица, которая на самом деле пучеглазый пришелец. Это создание — мой пламенный привет тем прелестницам с обложек „Planet Stories"».

Имя капитана Фьючера, непримиримого
врага Зла, было известно каждому
жителю Солнечной системы. Этот
высокий рыжеволосый молодой человек
с широкой улыбкой и крепкими кулаками
являлся грозой всех и всяческих злодеев,
будь то люди или инопланетяне.
Беспабашная отвага сочеталась в нем
с расчетливостью, непоколебимой
целеустремленностью и глубочайшими
познаниями в науке; перемещаясь
с планеты на планету, сражаясь
и побеждая Зло, он, словно метеор,
прочертил на небе огненную полосу.

Эдмонд Гамильтон.
Капитан Фьючер и Император Космоса

Я расскажу вам правду о смерти капитана Фьючера.

Мы находились во внутреннем поясе астероидов, шли на запланированное свидание с Керой, когда поступило сообщение по гиперсвязи:

— Рор... Проснитесь, пожалуйста, Рор.

Голос, доносившийся из-под потолка, был высоким и приятным; компьютер позаимствовал его у персонажа старинного видеофильма про Геркулеса (в капитанской каюте кассет с подобными фильмами имелось в избытке). Он нарушил мой заслуженный сон после восьмичасовой вахты на мостике.

Я повернул голову и, прищурясь, поглядел на компьютер. По экрану бежали строчки, буквы вперемежку с цифрами; машина проверяла работу корабельных систем — мне, как старшему офицеру, полагалось знать о малейших неисправностях, даже когда я был не на дежурстве. Так, судя по всему, никаких поломок не произошло, беспокоиться вроде не о чем...

Тогда какого черта?!. Полчетвертого по корабельному времени, середина ночи!

— Рор? — повторил голос чуть громче. — Мистер Фурланд? Проснитесь, пожалуйста.

— Уже проснулся, — проворчал я, поднимаясь с койки. — Что стряслось, Мозг?

Мало того что бортовой компьютер говорил голосом Стиви Ривза, он еще заработал эту идиотскую кличку. На всех кораблях, на которых мне доводилось служить, компьютерам давали человеческие имена — Руди, Бет, Ким, Джордж, Стэн, Лайза — в честь друзей, родственников или погибших товарищей либо награждали прозвищами, остроумными и не слишком, — Босуэлл, Айзек, Ловкач, Болтун, Солдафон, не говоря уж о повсеместных Хэлах и Датиках. Помнится, на лунном буксире компьютер называли Олухом; частенько можно было услышать что-нибудь вроде: «Эй, Олух, что там на станции Тихо?» Но окрестить компьютер Мозгом — такое могло прийти в голову только идиоту.

Наподобие моего командира, капитана Фьючера (правда, я никак не мог решить — то ли капитан глуп как пробка, то ли просто безумен).

— Мне приказали разбудить вас, — ответил Мозг. — Капитан желает, чтобы вы немедленно явились на мостик. Именно немедленно.

— С какой стати? — поинтересовался я, разглядывая дисплей.

— Приказ капитана, мистер Фурланд.

Потолок засветился, ослепительно засверкал, и мне даже пришлось зажмуриться.

— Если вы не явитесь на мостик в течение десяти минут, вам грозит штраф и выговор с занесением в карточку.

Угрозы насчет штрафа я пропускаю мимо ушей — честно говоря, не знаю такого человека, которого не оштрафовали бы, пускай всего лишь на пару-тройку марок, за время, проведенное на борту корабля, — но вот что касается выговора... Через два дня «Комета» достигнет Керы, где мне предстоит перейти на транспорт «Юпитер», который направится к Каллисто. И еще не хватало, чтобы капитан «Юпитера» отказался от моих услуг только потому, что в карточке у меня — выговор с занесением.

— Ладно,— пробормотал я,— передай, что сейчас приду.

Опустил на пол ноги, пошарил вокруг, разыскивая брошенную на пол одежду. Вообще-то надо было бы ополоснуться, побриться да помедитировать, не говоря уж о том, чтобы съесть булочку и запить ее горячим кофе; однако ясно, что ничего подобного мне просто не позволят.

В каюте зазвучала музыка, постепенно становившаяся все громче. Оркестровая увертюра... Я замер с наполовину натянутыми штанами, прислушиваясь к аккордам, что воспарили вдруг на героическую высоту. Немецкая опера. Вагнер. Господи боже, «Полет валькирий»!

— Выруби ее, Мозг.

Компьютер подчинился, но не преминул заметить:

— По мнению капитана, Рор, так вы быстрее проснетесь.

— Я и без того проснулся! — Внезапно я краем глаза заметил какое-то движение в углу рядом с рундуком: мелькнуло и пропало что-то черное.— Таракан! Займись-ка лучше им.

— Извините, Рор. Я пытался продезинфицировать корабль, но пока мне не удалось отыскать все до единого гнезда. Если вы не станете запирать каюту, я пришлю уборщика...

— Ладно, забудем.— Я застегнул ширинку, заправил рубашку, после непродолжительных поисков обнаружил под койкой магнитные башмаки.— Сам справлюсь.

Разумеется, Мозг не замышлял ничего дурного, он всего лишь стремился уничтожить очередную колонию насекомых, проникших на борт «Кометы» перед отлетом с Лагранжа-Четыре. Тараканы, блохи, муравьи — все они, иногда в компании с мышами, проникали на любой корабль, регулярно заходивший в околоземные космопорты. Однако такого скопища насекомых, как на «Комете», лично мне до сих пор видеть не доводилось. Тем не менее оставлять каюту незапертой я не собирался, поскольку совершенно не желал, чтобы капитан рылся в моих вещах. Он убежден, что я везу с собой контрабанду; даже притом, что он прав (у меня при себе две бутылки лучшего виски, презент для того капитана, под начало которого я перейду в самом скором времени), я не могу допустить, чтобы столь замечательный напиток вылили в раковину только потому, что

это предписывается никому не нужными правилами Ассоциации.

Надев башмаки, я подпоясался, вышел из каюты и запер дверь, а для надежности прижал к фотоэлементу большой палец: теперь никто посторонний ко мне не войдет. Коридор, который вел в рубку, проходил мимо двух дверей (тоже, естественно, запертых) с надписями «Капитан» и «Старший офицер». Капитан, насколько мне известно, на мостике, а Джери, скорее всего, рядом с ним.

Люк вывел меня в центральный колодец. Перед тем как подняться на мостик, я заглянул в кубрик, чтобы пропустить стаканчик кофе. В кубрике царил бардак: на столе лежал неубранный поднос, на полу валялись многочисленные обертки, в раковине доблестно сражался с горой посуды одинокий, маленький, похожий на паука робот. Судя по всему, здесь недавно побывал капитан; как же это он промахнулся и не заставил Рора Фурланда прибраться в помещении?! Ну да ладно; хорошо хоть, осталось немного кофе, пускай даже давным-давно остывшего. Я насыпал в стаканчик сахарного песка, слегка разбавил кофе молоком из холодильника.

Как всегда, мое внимание привлекли развешенные по стенам кубрика картинки — копии обложек непередаваемо древних журнальчиков, аккуратно оправленные в рамки. Кстати говоря, сами бесценные журнальчики, герметически запечатанные, хранились в капитанской каюте. Итак, картинки... Астронавты в похожих на аквариумы шлемах сражаются с чудовищными инопланетянами и безумными учеными, которые, все как один, осаждают пышногрудых полуобнаженных красоток. Подростковые фантазии прошлого столетия — «Планеты в опасности», «Туда, где нет звезд», «Звездная дорога славы». И над каждой иллюстрацией жирными черными буквами: «КАПИТАН ФЬЮЧЕР, человек завтрашнего дня».

Из размышлений меня вырвал грубый оклик:

— Фурланд! Где вы, черт возьми?

— В кубрике, капитан. — Я закрыл стаканчик крышкой и прицепил его к поясу. — Зашел выпить кофе. Буду у вас через минуту.

— Если вас не окажется на месте через шестьдесят секунд, вы лишитесь денег за последнюю вахту. Шевелись, ты, ленивый ублюдок!

— Иду, иду.— Я вышел из кубрика. Проскользнул в люк и, очутившись на достаточном расстоянии от интеркома, через который меня могли бы услышать, прошептал: -- Жаба.

Если я ленивый ублюдок, то кто тогда он? Капитан Фьючер, человек завтрашнего дня... Не приведи господи, чтобы это вдруг стало истиной.

> Десять минут спустя крохотный кораблик
> в форме вытянутой слезы вылетел
> из ангара, располагавшегося под
> поверхностью Луны. То была «Комета»,
> сверхскоростной звездолет капитана
> Фьючера, известный во всей Солнечной
> системе как самый быстрый
> из космических кораблей.
>
> *Эдмонд Гамильтон.*
> *Капитан Фьючер спешит на помощь*

Меня зовут Рор Фурланд. Как мой отец и его мать, я — обитатель космоса.

Считайте, что это семейная традиция. Бабушка сначала принимала участие в строительстве первого энергетического спутника на земной орбите, а затем эмигрировала на Луну, где и зачала моего отца, проведя как-то ночь с неким безымянным типом, погибшим всего пару дней спустя. Отец вырос на станции Декарт, в восемнадцать лет сбежал из дому, где не был никому нужен, зайцем добрался на борту транспорта до Земли, поселился в Мемфисе, несколько лет вел жизнь бродячего пса, а потом, снедаемый ностальгией, устроился на работу в русскую фирму, которая набирала в штат уроженцев Луны. Он возвратился как раз вовремя, чтобы скрасить бабушке последние годы жизни, сразиться в Лунной войне на стороне Звездного Союза и, по чистой случайности, встретиться с моей матерью, которая работала геологом на станции Тихо.

Я родился в роскошном двухкомнатном помещении под кратером Тихо в первый год независимости Звездного Союза. Мне рассказывали, что мой отец отметил рождение сына тем, что, напившись до полной невменяемости, начал приставать к принявшей меня акушерке. Просто здорово,

что родители разбежались, когда я уже заканчивал школу. Матушка вернулась на Землю, а мы с отцом остались на Луне, где имели привилегию граждан Звездного Союза — кислородные карточки класса «А», которые сохранялись, даже когда человек нигде не работал и, как говорится, не просыхал (а с отцом такое случалось довольно часто).

Неудивительно поэтому, что из меня получился настоящий сукин сын, истинный отпрыск незаконнорожденного; во всяком случае дышать кислородом из баллонов и ходить по лунной поверхности я научился, едва избавившись от пеленок. В шестнадцать лет мне выдали профсоюзную карточку и велели устраиваться на работу; за две недели до моего восемнадцатилетия челнок, в экипаж которого меня зачислили как грузчика, совершил посадку в Галвестоне. Надев экзоскелет, я впервые в жизни прошелся по земле. Или по Земле, как хотите. Я провел на Земле неделю, чего оказалось вполне достаточно, чтобы сломать руку в Далласе, потерять невинность со шлюхой из Эль-Пасо и пережить чудовищный приступ агорафобии на техасской равнине. Решив, что колыбель человечества может катиться ко всем чертям, я следующим же рейсом вернулся на Луну и получил на день рождения пирог, в котором не было ни единой свечи.

Двенадцать лет спустя я превратился в космического волка — перепробовал почти все занятия, на которые распространялась моя квалификация (отвечал за стыковку и погрузку-разгрузку, был навигатором и начальником службы жизнеобеспечения, пару раз исполнял даже обязанности второго помощника), перебывал на множестве кораблей, начиная с орбитального буксира и лунного грузовика и заканчивая пассажирским челноком и рудовозами класса «Аполлон». Нигде не задерживался дольше года, поскольку руководство профсоюза считало, что всем должны быть предоставлены равные возможности, а потому тасовало экипажи как хотело; лишь капитанам и первым помощникам разрешалось оставаться на одном корабле восемнадцать и больше месяцев. Идиотская система! Только успеешь привыкнуть к одному кораблю с его капитаном, как надо перебираться на другой, где все начинается по новой. Или, что гораздо хуже, сидишь по нескольку месяцев без работы, то бишь слоняешься по барам Тихо или Декарт-

Сити, дожидаясь, пока профсоюз не вышвырнет со службы очередного бедолагу и не обратит внимание на тебя...

Шикарная жизнь, верно? К тридцати годам я сумел сохранить здоровье, однако на счете в банке у меня лежали сущие гроши. Все мои немногочисленные принадлежности находились в камере хранения станции Тихо, и это после пятнадцати лет работы! В промежутках между полетами я, как правило, жил в профсоюзной гостинице или на каком-нибудь спутнике, причем в номере обычно не хватало места даже для того, чтобы вытянуть ноги. Словом, я жил хуже уличных девок, которым, признаться, иногда платил только за то, что они разрешали мне провести ночь на нормальной кровати.

Вдобавок было жутко скучно. Не считая единственного полета на Марс (мне было тогда двадцать пять), я всю свою жизнь провел, болтаясь в пространстве между Землей и Луной. Не скажу, что эта жизнь была откровенно гнусной, однако и замечательной ее не назовешь. В барах частенько встречались печальные старые болтуны, с готовностью принимавшиеся вешать лапшу на уши всем, кто выражал желание послушать про славные деньки и бурную молодость. Подобная участь меня ничуть не прельщала, поэтому я прекрасно понимал, что с Луны надо сматываться, — иначе до конца своих дней останусь деревенским лохом.

Сложилось так, что в ту пору как раз началось освоение дальних рубежей Солнечной системы. Грузовики стали доставлять с Юпитера гелий-3 для земных реакторов; колонию на Титане королева Македония распорядилась покинуть из-за эпидемии, однако колония на Япете продолжала существовать. Экипажи больших кораблей, что летали между поясом астероидов и газовыми гигантами, получали неплохие бабки, а с членами профсоюза, сумевшими найти работу на Юпитере или на Сатурне, автоматически заключались трехгодичные контракты. Выбор был несложный — либо каждый божий день летать с Луны на Землю, либо...

Конкуренция за место в экипаже была весьма серьезной, но меня это не остановило, и я подал заявку. Пятнадцатилетний послужной список, в котором практически не было взысканий, плюс полет на Марс позволили мне без труда обойти большинство претендентов. Следующий год я про-

работал в порту, дожидаясь нового назначения; однако меня неожиданно уволили, и я очутился в баре «У грязного Джо». А шесть недель спустя, когда я уже начал подумывать, не податься ли в кратер Клавий на строительство нового купола, пришло сообщение, что «Юпитеру» требуется новый офицер и что первым в списке стоит мое имя.

Словом, ожидание завершилось как нельзя лучше, но возникла другая проблема. «Юпитер» ждал меня у Керы, глубже в Солнечную систему он зайти не мог, а профсоюз не оплачивал перелет до места назначения. Поэтому следовало либо добираться пассажирским лайнером (на что у меня денег, естественно, не было), либо наняться на корабль, летящий к поясу астероидов.

Последнее меня вполне устраивало, однако сложности на этом не закончились: мало кто хотел иметь у себя на борту лунянина. Большинство грузовиков, летавших в поясе астероидов, принадлежало Трансгалактической Ассоциации, а капитаны ТГА предпочитали набирать команды не из членов моего профсоюза. Кроме того, с какой стати принимать в экипаж типа, который сойдет на Кере, когда корабль не проделает и половины пути?

Все это объяснил мне представитель моего профсоюза, с которым я встретился на станции Тихо. Мы с Шумахером были старыми приятелями, ходили вместе на орбитальном буксире; так что он по-дружески просветил меня.

— Послушай, Рор,— сказал он, закидывая на стол ноги в мокасинах,— я тут прикинул, куда тебя определить, и, кажется, кое-что нашел. Грузовик класса «Арес», пункт назначения — Кера, готов стартовать с Лагранжа-Четыре, как только капитан подыщет нового второго помощника.

Шумахер нажал на кнопку, и над его столом появилась голограмма корабля. Обычный грузовик, восемьдесят два метра длиной, ядерный двигатель на корме, жилой отсек в форме барабана на носу, посредине — открытые грузовые отсеки. Сильно смахивает на буксир, ничего необычного. Я глотнул виски из фляги, которую Шумахер выставил на стол.

— Замечательно. Как называется?

— «Комета».— Помолчав, Шумахер прибавил: — Капитан Бо Маккиннон.

— Ну и что? — проговорил я, пожимая плечами.

— Ты что, не понял? — Шумахер удивленно моргнул, забрал у меня фляжку и сунул ее в ящик стола. — Грузовоз «Комета», капитан Бо Маккиннон. — Он смотрел на меня так, словно я чудом выжил во время эпидемии на Титане.— Хочешь сказать, что никогда о нем не слышал?

Признаться, я не запоминаю ни названий кораблей, ни фамилий капитанов: они все время прилетают и улетают, поэтому столкнуться с капитаном ТГА на Луне можно только по чистой случайности, в каком-нибудь баре.

— *Никогда,* — подтвердил я.

— Ужас, — пробормотал Шумахер, закрывая глаза. — Единственный человек, который ничего не слышал о капитане Фьючере.

— О ком?

— Ладно, забудь. Считай, что я не упоминал этого имени. Через шесть-семь недель на Керу полетит другой грузовик, и я постараюсь устроить тебя на него...

— Не пойдет. — Я помотал головой. — Мне надо быть на Кере самое позднее через три месяца, иначе я потеряю место. А что там с «Кометой»?

Шумахер вздохнул и вновь достал из ящика фляжку.

— Ею командует полный идиот. Маккиннон — худший из капитанов ТГА. С ним сумела ужиться только чокнутая, которую он назначил первым помощником.

Меня передернуло. Ну да, мы приятели, но эти расистские штучки... Человек, который пользуется словечками вроде «черномазый» или «джан», не может быть моим другом. Я согласен, Лучшие — существа странные; они так на тебя смотрят... Но все равно, зачем обзываться?

С другой стороны, когда страдаешь без работы, ради нее можно примириться с чем угодно.

Шумахер заметил выражение моего лица и правильно его истолковал.

— Дело не в том,— сказал он.— Она вполне приличный первый помощник. — («Для чокнутой», — мысленно добавил я.) — Проблема в самом Маккиннноне. Люди убегают, притворяются больными, разрывают контракты... лишь бы удрать с «Кометы».

— Настолько все плохо?

— Да.— Шумахер прильнул к фляжке, сделал большой глоток, потом протянул ее мне. — С деньгами все в поряд-

ке, платят по минимуму, однако минимум ТГА выше профсоюзной ставки. Всем требованиям безопасности «Комета» вроде бы удовлетворяет. Но Маккиннон из тех свиней, что всегда найдут грязи.

— Что-то я не пойму, к чему ты клонишь. Кто такой этот, как бишь его?

— Капитан Фьючер. Так Маккиннон называет сам себя, одному богу известно почему. — Шумахер усмехнулся. — А бортовой компьютер назвал Мозгом.

— Мозгом? — Я не выдержал и рассмеялся. — Да ну? Он у него что, плавает в аквариуме с физиологическим раствором?

— Не знаю. По-моему, компьютер для него — что-то вроде фетиша. — Шумахер покачал головой. — Во всяком случае те, кто летал с Маккинноном, в один голос утверждают, что он мнит себя космическим героем и требует от окружающих соответствующего отношения. Причем весьма суров с подчиненными. Не будь он отъявленным лентяем, его можно было бы принять за педанта.

Мне приходилось служить под началом и тех и других, не говоря уж о более странных типах, поэтому к таким вещам я отношусь совершенно спокойно — платили бы деньги да не лезли в мои дела.

— Ты с ним когда-нибудь сталкивался?

Шумахер протянул руку. Я вернул ему фляжку, к которой он снова присосался, как младенец к груди. Ничего не скажешь, шикарная у него работенка — изо дня в день просиживать штаны, напиваться и попутно решать судьбы людей. Если Рору Фурланду приведется занять его место, надеюсь, какой-нибудь добряк перережет мне глотку до того, как я окончательно сопьюсь.

— Ни разу, — ответил Шумахер. — Мне говорили, он практически не покидает «Комету», даже когда корабль стоит в порту... Кстати, по слухам, он требует от экипажа, чтобы ему чуть ли не задницу вытирали после того, как он сходит в гальюн. Никому никаких послаблений, кроме разве что старшего помощника.

— А он что за птица?

— Она, — поправил Шумахер. — Хорошая девчонка. — Он задумался, прищелкнул пальцами. — Джери. Джери Ли-Боуз. Мы с ней познакомились незадолго до того, как она

завербовалась на «Комету». — Шумахер улыбнулся, моргнул и слегка понизил голос. — Говорят, она предпочитает не сородичей, а нас, обезьян, и спит с капитаном. Даже если хотя бы половина того, что я слышал о Маккинноне, правда, это все равно не идет ни в какое сравнение...

Я не ответил. Шумахер убрал со стола ноги, перегнулся ко мне и произнес, сцепив пальцы, с таким серьезным видом, будто я предлагал ему выдать за меня его сестру:

— Послушай, Рор, мне прекрасно известно, что время поджимает, что место на «Юпитере» значит для тебя очень и очень много. Но учти, капитан Фьючер согласился взять на борт попутчика по одной простой причине: никого другого ему найти не удалось. Вы с ним приблизительно в одинаковом положении, но на него я плевать хотел, а ты — мой друг. Откажись. Я не стану ничего записывать в твою карточку. Договорились?

— И что я выигрываю?

— Я уже сказал, что постараюсь подыскать тебе другой корабль. «Королева никеля» должна вернуться через полтора месяца. С ее капитаном мы в хороших отношениях, поэтому... Правда, обещать я, сам понимаешь, ничего не обещаю. На «Королеве» хотят служить все, а от «Кометы», наоборот, все отказываются.

— Короче, что ты предлагаешь?

Шумахер улыбнулся. Как представителю профсоюза, ему запрещалось принимать за меня решения; как приятель же, он сделал все, что мог. Впрочем, он понимал, что выбора у Рора Фурланда нет. Либо три месяца под командой психа, либо торчи до конца своих дней на Луне...

Пораскинув мозгами, я попросил контракт.

> Трое верных, преданных друзей Курта Ньютона разительно отличались от своего высокого рыжеволосого командира.
>
> *Эдмонд Гамильтон. Короли комет*

Сила тяжести в одну шестую g исчезла, едва я преодолел люк и выбрался на мостик.

Рубка находилась в неподвижной передней секции жилого отсека и представляла собой самое просторное из от-

дельных помещений на корабле; тем не менее в ней было не повернуться — кресла, консоли, мониторы, скафандры на случай аварии, пульт управления с топографическим экраном... Под потолком висел похожий на волдырь обзорный блистер.

В тусклом свете ламп — по земному времени была ночь, поэтому Мозг приглушил освещение — я увидел Джери, сидевшую за круглым столом. Услышав щелчок, с которым откинулась крышка люка, Джери обернулась.

— Доброе утро, — проговорила она с улыбкой. — Ба, ты принес с собой кофе?

— Если можно так выразиться, — пробормотал я.

Она с завистью поглядела на стаканчик в моей руке.

— Извини, что не захватил для тебя, но капитан...

— Я слышала, как он на тебя кричал. — Джери надула губки. — Не переживай. Выполним маневр, и я схожу на камбуз.

Джери Ли-Боуз. Шесть футов два дюйма — не слишком высокий рост для Лучшего. Огромные голубые глаза, пепельно-серые волосы коротко острижены, если не считать длинной пряди, что ниспадает с затылка чуть ли не до талии. Худая, с почти плоской грудью, изящные пальцы рук (причем большие лишь немного меньше указательных), необычной формы ноги — результат генетических экспериментов, которые, собственно, и привели к возникновению расы Лучших.

Бледное лицо, на коже у глаз, носа и рта — татуировка в форме бабочки-данаиды, нанесенная, когда Джери исполнилось пять лет. Поскольку у Лучших принято дополнять первоначальную татуировку на каждый день рождения, а Джери сейчас двадцать пять, у нее разрисовано не только лицо, но и плечи и руки — вон из-под комбинезона с коротким рукавом выглядывают разнообразные драконы, виднеются очертания созвездий. Трудно сказать, что еще она прячет под одеждой; впрочем, мне кажется, рано или поздно ей суждено стать живой картиной.

Она не похожа на других Лучших. Во-первых, ее родичи, как правило, избегают Прежних, то есть обыкновенных людей (это вежливое прозвище, обычно они именуют нас обезьянами). Живут интересами своих кланов, создают некие подобия восточных сатрапий, а с ТГА и прочими кос-

мическими компаниями поддерживают отношения лишь в силу экономических причин. Поэтому встретить одинокого Лучшего на корабле, которым командует Прежний, практически невозможно.

Во-вторых... За свою жизнь мне частенько приходилось общаться с Лучшими, поэтому я не испытываю того ужаса, который преследует большинство планетников и даже многих космонитов. Правда, к одному я так и не смог привыкнуть — к презрению, с каким они относятся ко всем остальным людям. Лучшего хлебом не корми, дай только порассуждать о преимуществах генетической инженерии и прочей дребедени. Но Джери — весьма приятное, хоть и своеобразное исключение из правил. Стоило мне очутиться на борту «Кометы», как я обнаружил, что нашел в ней друга. Никакой напыщенности, никаких высокомерных рассуждений насчет недопустимости физической близости, равно как и насчет того, что мясо, мол, едят исключительно духовно неразвитые, а ругаться непозволительно; она была, что называется, своим парнем, и все дела.

Нет. Не все.

Свыкнувшись с тем, что она — настоящее чучело с ногами, которые вполне могут заменить руки, и с глазами размером с топливные клапаны, я обнаружил, что Джери чертовски чувственна. Признаться, какое-то время спустя она уже показалась мне красавицей, и я не мог не влюбиться. Шумахера, должно быть, передернуло бы при одной мысли, что кто-то из нормальных людей может спать с чокнутой, но за те три недели, что прошли с того момента, как Мозг вывел нас из анабиоза, я не раз замечал, что мне хочется увидеть не просто татуировки на ее теле, а само тело...

Впрочем, что я о ней знаю? Да, симпатичная и наделена потрясающими способностями. Честно говоря, Джери Ли-Боуз — один из лучших первых помощников, которых я когда-либо встречал. За такую, как она, любой капитан из Королевского флота, ТГА или клана свободных торговцев отдал бы все на свете.

Что же она в таком случае делает на борту корыта под командованием психа Бо Маккиннона?

Я сделал кувырок в воздухе, подошвы моих башмаков прикоснулись к полу, и тут же сработали магнитные защелки. Потягивая из стаканчика кофе, я приблизился к пульту.

— А где капитан?

— Наверху, снимает показания с секстанта. — Джери кивнула на блистер. — Вот-вот должен спуститься.

Разумеется. Вообще-то находиться в блистере полагалось бы Джери, ведь с такими глазами, как у Лучших, не требуется никаких секстантов, однако Маккиннон, похоже, воспринимал блистер как свой трон.

— Мог бы и догадаться, — проворчал я, со вздохом опускаясь в кресло и пристегиваясь ремнями. — Однако хорош гусь, а! Будит посреди ночи, а потом куда-то исчезает, вместо того чтобы объяснить — зачем.

— Подожди. — На губах Джери мелькнула сочувственная улыбка. — Бо скоро спустится. — С этими словами она отвернулась и вновь принялась за работу.

Джери единственная на борту обладала привилегией называть капитана Фьючера его настоящим именем. У меня подобной привилегии не было, а Мозг просто-напросто соответствующим образом запрограммировали. Кстати говоря, при всем своем хорошем отношении к Джери я не мог игнорировать тот факт, что, когда возникали разногласия, она почти всегда принимала сторону капитана.

Она явно что-то скрывала, предпочитая, видимо, чтобы я узнал о причине вызова от Маккиннона. Что ж, к подобным вещам мне не привыкать — притерпелся за последние несколько месяцев, и тем не менее... Ведь большинство первых помощников — посредники между капитаном и командой; обычно Джери так себя и вела, но в моменты вроде этого я чувствовал, что она от меня дальше, чем, к примеру, тот же Мозг.

Ну и ладно. Я развернулся к пульту и произнес:

— Эй, Мозг, выведи, пожалуйста, на экран наши координаты и траекторию.

Голографический экран ослепительно вспыхнул, затем над столом возникла дуга пояса астероидов. Крошечные оранжевые точки, обозначавшие крупные астероиды, медленно перемещались вдоль голубых звездных орбит; каждой звезде на карте соответствовал номер из каталога. «Комету» изображала серебристая полоска, за которой тянулся красный пунктир, рассекавший надвое орбиты астероидов.

«Комета» приближалась к краю третьего провала Кирквуда, одного из тех «пустых пространств», где притяжение

Марса и Юпитера воздействовало на астероиды таким образом, что их количество, приходящееся на астрономическую единицу, уменьшалось. Мы находились сейчас на расстоянии двух с половиной астрономических единиц от Солнца. Через пару дней войдем в пояс и начнем сближаться с Керой. Когда прибудем, «Комета» разгрузится и отправится в обратный путь, прихватив руду, которую добыли на астероидах и переправили на Керу старатели ТГА. А я покину своих спутников и останусь дожидаться прибытия «Юпитера».

По крайней мере так предполагалось. Разглядывая экран, я заметил кое-что не совсем понятное — за четыре часа, минувшие с моей последней вахты, курс звездолета изменился.

Траектория уже не выводила «Комету» к Кере. Теперь она проходила на значительном удалении от астероида.

Я не стал ничего говорить Джери. Отстегнулся, взмыл над креслом, подлетел чуть ли не вплотную к экрану и внимательно изучил изображение, поворачивая его так и этак. Нынешний курс пролегал в четверти миллиона километров от Керы, по другому краю провала Кирквуда.

— Мозг, куда мы направляемся?

— К астероиду номер две тысячи сорок шесть. — На экране вспыхнула еще одна оранжевая точка.

Остатки сна как рукой сняло. Меня охватила ярость.

— Рор... — проговорила Джери.

Я чувствовал спиной ее взгляд, но и не подумал повернуться. Схватил интерком и рявкнул:

— Маккиннон! А ну спускайся!

Тишина, хотя он должен был меня услышать...

— Спускайся, чтоб тебе пусто было!

Загудел двигатель, в нижней части блистера распахнулся люк, показалось кресло, в котором восседал капитан «Кометы». Он молчал до тех пор, пока кресло не коснулось пола, а затем изрек:

— Ко мне следует обращаться «капитан Фьючер».

Рыжеволосый капитан Фьючер с обложек древних журнальчиков был высок, строен и достаточно привлекателен; к Бо Маккиннону ничто из вышеперечисленного не относилось ни в малейшей мере. Приземистый, тучный, он напоминал расплывшийся кусок сала. Кудрявые черные во-

лосы, поседевшие на висках и весьма редкие спереди, ниспадали на усыпанные перхотью плечи; растрепанная борода скрывала жирные восковые щеки. На рубашке и на штанах виднелись пятна, а воняло от него, как от выгребной ямы.

Не думайте, что я преувеличиваю, сгущаю краски. Бо Маккиннон был донельзя омерзительным сыном подзаборной шлюхи, с которым не шли ни в какое сравнение все встречавшиеся мне раньше неряхи и невежи. Он презирал личную гигиену и «общественные условности», однако к себе требовал уважения. Обычно я подыгрывал ему с этим идиотским именем, но сейчас слишком сильно разозлился.

— Ты изменил курс! — Я показал на экран, отметив про себя, что мой голос дрожит от ярости. — Мы должны были миновать провал, но ты изменил курс, пока я спал!

— Совершенно верно, мистер Фурланд, — отозвался он, смерив меня холодным взглядом. — Я изменил курс, пока вы были в своей каюте.

— А как же Кера? Господи боже, как же Кера?!

— Кера остается в стороне, — сообщил Маккиннон, не делая даже попытки встать с кресла. — Я приказал Мозгу изменить курс с таким расчетом, чтобы конечной точкой нашего пути оказался астероид номер две тысячи сорок шесть. В час тридцать по корабельному времени были запущены маневровочные двигатели, и через два часа мы ляжем на новый курс, вследствие чего достигнем астероида через...

— Через восемь часов, капитан, — подсказала Джери.

— Благодарю, — отозвался он, впервые соизволив заметить ее присутствие. — Через восемь часов «Комета» будет готова выполнить то, что может от нее потребоваться. — Маккиннон сложил руки на своем объемистом брюхе и недовольно воззрился на меня. — У вас есть еще какие-нибудь вопросы, мистер Фурланд?

Вопросы?

Несколько секунд я просто смотрел на него, разинув от изумления рот. Не в силах ни спрашивать, ни протестовать — я мог только удивляться толстокожести этого мутанта, помеси человека и лягушки.

— У меня всего один вопрос, — выдавил я наконец. — Каким образом, по-вашему, я перейду на «Юпитер», если мы летим к...

— К две тысячи сорок шестому, — вновь подала голос Джери.

— А мы туда не летим, — ответил Маккиннон, даже не моргнув. — Я предупредил Керу, что «Комета» задержится и прибудет не раньше чем через сорок восемь часов, и то, если повезет. Вы вполне успеете...

— Ничего подобного! — Я стиснул подлокотники кресла, подался вперед. — «Юпитер» взлетает через сорок два часа. Позже никак нельзя, иначе они не сумеют сесть на Каллисто. Поэтому он взлетит со мной или без меня, а в результате я по вашей милости застряну на Кере!

Признаться, я слегка хватил лишку. Кера непохожа на Луну; станция на ней чересчур маленькая для того, чтобы позволить болтаться без дела попавшему впросак космониту. Представитель ТГА наверняка потребует, чтобы я заключил новый контракт, устроился хотя бы старателем. Вдобавок моя профсоюзная карточка никому на Кере не нужна; значит, за проживание и за воздух придется платить из своего кармана. И самый вероятный исход в таком случае — корпеть в рудниках, пока не окочурюсь; вряд ли у меня получится попасть впоследствии в экипаж какого-нибудь корабля. Если честно, с «Юпитером» мне просто повезло.

Или же придется возвращаться, то есть оставаться на «Комете», пока она не вернется на Луну.

Если так, лучше уж добираться до дому пешком.

Постарайтесь меня понять. На протяжении последних трех недель, начиная с того момента, как вылез из анабиозной камеры (их называют «ящиками для зомби»), я был вынужден терпеть всевозможные выходки Бо Маккиннона. Знаете, что он приказал мне перво-наперво? «Подержи мешок, парень, я хочу отлить».

И это было только начало. Двойные вахты на мостике, которые приходилось нести, поскольку капитану было лень вставать с постели. Ремонт оборудования, которое следовало давным-давно выкинуть: починишь, а через пару дней прибор ломается снова, потому что Маккиннон выжал из него все, что можно. Идиотские приказы, причем противоречащие друг другу: бросаешь дело на половине, берешься за новое, не менее противное, а потом получаешь выговор за то, что не закончил первое. Пропущенные обеды и ужи-

ны — сколько раз капитану за столом взбредало в голову проверить, хорошо ли закреплены шлюпбалки... Сон, прерванный из-за того, что Маккиннону захотелось перекусить, а сам он сходить на камбуз не может — слишком, видите ли, занят...

Но хуже всего — его гнусный, напоминающий поскуливание собаки голос, тон избалованного ребенка, которого любящие родители задарили игрушками. К слову, сильнее всего капитан смахивал именно на такого ребенка.

Бо Маккиннон не сумел получить удостоверение капитана ТГА честным путем. О нем позаботился отчим, преуспевающий бизнесмен с Луны, один из главных пайщиков Ассоциации. «Комета», когда ее купили, представляла собой дряхлый рудовоз, годный разве что на слом; насколько я понимаю, бизнесмен просто нашел способ избавиться от непутевого приемного сына. До того Маккиннон работал в Декарт-Сити таможенным инспектором. Мелкий чиновник, начитавшийся «космических опер» (у него была громадная коллекция фантастических журналов двадцатого века, на которую он, по-видимому, тратил все деньги) и возмечтавший о покорении космоса... Скорее всего, бизнесмену Маккиннон успел надоесть не меньше, чем мне. В результате это ничтожество очутилось в поясе астероидов и теперь возило руду и изрыгало приказы, распоряжаясь теми, кто имел несчастье оказаться на борту «Кометы».

Узнав обо всем этом, я отправил Шумахеру космограмму приблизительно следующего содержания: «Какого черта ты мне не рассказал?!» Меня подмывало угнать спасательный бот и попробовать добраться до Марса. Ответ Шумахера ничуть не улучшил моего настроения. Дескать, извини, но моя работа — подбирать команды для дальних рейсов, а не подыскивать тепленькие местечки для приятелей, и так далее.

К тому времени я выяснил и кое-что еще. Бо Маккиннон был сынком богатого папаши, изображавшим из себя космического волка. Ему хотелось командовать, но брать на себя обязанности, которые несет каждый настоящий капитан, он отнюдь не собирался. Грязную работу за него выполняли неудачники вроде меня. Насчет Джери, правда, говорить не буду, а лично я был последним в очень длинном ряду.

Бот я угонять не стал — хотя бы потому, что это погубило бы мою карьеру; вдобавок марсианские колонисты славились своим «радушием» по отношению к незваным гостям. И потом, мне подумалось, что, быть может, все образуется. В самом деле, какие-то три недели спустя я буду рассказывать экипажу «Юпитера» о капитане Фьючере, потягивая виски за столом в кубрике. «По-твоему, этот Фьючер — осел? Ты послушай, что случилось со мной...»

Ну да ладно. С «Кометы», естественно, надо удирать, и как можно скорее, но и торчать на Кере, а тем более попадать в зависимость от тамошнего представителя ТГА мне тоже не улыбалось.

Значит, нужно попробовать иначе.

Я отпустил подлокотники, откинулся на спинку и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Послушайте, капитан, на кой ляд вам сдался этот астероид? Ведь если вы наткнулись на богатые залежи, всегда можно оформить заявку и слетать к нему в другой раз. Из-за чего весь сыр-бор?

— Мистер Фурланд, — отозвался Маккиннон, величественно приподняв бровь, — я не старатель. Если бы я был старателем, то не командовал бы «Кометой», правильно?

Правильно, мысленно подтвердил я. Если бы ты не командовал «Кометой», тебя давно бы вышвырнули отсюда.

— Так в чем же дело?

Маккиннон молча расстегнул ремни и оттолкнулся от кресла. Малая сила тяжести — сущее благо для толстяков: его движения вдруг приобрели изящество, достойное лунного акробата. Капитан сделал в воздухе сальто-мортале, ухватился за торчавшее из потолка над пультом управления кольцо, перевернулся, повис головой вниз и набрал что-то на клавиатуре.

Изображение начало увеличиваться, вскоре астероид 2046 занял весь экран. Похожий на картофелину, метров семьсот в диаметре, на одном из полюсов пристроилась осьминожистого вида машина с длинным, уставленным в небеса стержнем.

Я узнал ее с первого взгляда. Генератор массы типа «Б», устройство, которое Ассоциация обычно использует для того, чтобы переместить каменноугольные астероиды из глав-

ного пояса во внутренний. Иными словами, передвижная бурильная установка. Добывает из астероида руду, которая затем поступает в систему очистки, где тяжелые металлы и летучие соединения отделяются от каменных пород. После очистки валунная глина выстреливается из электромагнитной «рельсовой пушки»[1], в результате чего реактивная масса перемещает астероид вместе с генератором в нужном направлении.

К тому времени, как астероид выйдет на лунную орбиту, генератор успеет добыть достаточно никеля, меди, титана, углерода и водорода, чтобы оправдать затраты. Выпотрошенные астероиды, как правило, продают различным компаниям, которые превращают их в космические станции.

— Это корабль «Пирит», — произнес Маккиннон, указывая на экран. — На лунную орбиту должен выйти через четыре месяца. На борту двенадцать человек, включая капитана, старшего и второго помощников, а также врача, двух металлургов, трех инженеров...

— Ясно, ясно. Двенадцать парней, которым предстоит сказочно разбогатеть.

В моем голосе отчетливо прозвучала зависть. Астероиды из главного пояса были редкими гостями в наших краях, не в последнюю очередь потому, что отыскать что-то стоящее среди бесчисленных летающих скал было чрезвычайно сложно. Небольшие обычно уничтожали ракетами, а на крупные сразу накладывали лапу старатели. Однако тем, кто наткнулся на такой астероид, полагалась премия, получив которую можно было спокойно уходить на пенсию.

— А нам-то что?

Маккиннон поглядел на меня, перевернулся в воздухе, сунул руку в карман и протянул мне распечатку:

— Прочтите.

Текст гласил:

«Космограмма 11473. 01:18 по Гринвичу 7.26.73 код А1/0947.

Отправитель: станция Кера.

Адресат: всем космическим кораблям.

---

[1] *Рельсовая пушка* — разновидность ускорителя больших масс.

В 12:40 по Гринвичу 7.25.46 поступил сигнал бедствия с генератора массы „Пирит". Экипаж столкнулся с загадочными — повторяем, загадочными — явлениями. Возможны несчастные случаи со смертельным исходом. Связь прервана, после сигнала бедствия никаких сообщений не поступало, корабль не откликается. Просим срочной помощи у всех, кто находится поблизости».

— Мы и впрямь ближайшие? — справился я у Джери.

— Я проверила, — отозвалась она, кивнув. — Все остальные ближе к Кере, чем к две тысячи сорок шестому, за исключением разведчика у Гаспары, но ему лететь тридцать четыре часа.

Черт побери!

По закону, когда получен сигнал бедствия, ближайшие к потерпевшему аварию звездолеты должны немедленно изменить курс и идти на помощь; от этой обязанности освобождаются лишь те корабли, которые выполняют особо важные задания, — а рандеву с «Юпитером», какие бы надежды лично я на него ни возлагал, к таковым явно не относится.

Маккиннон протянул руку, забрал у меня распечатку.

— Очевидно, вы уже сообщили о своем решении Кере? — спросил я.

Не говоря ни слова, он нажал несколько кнопок на пульте. Засветился очередной экран, и я увидел запись отправленного на Керу сообщения.

— Капитан Фьючер, звездолет «Комета», ТГА, зарегистрирован в Мексико-Альфа, — произнес с экрана воссозданный Мозгом по иллюстрациям в журналах Курт Ньютон. Вещал он, разумеется, голосом Маккиннона. Тут тоже поработал Мозг, синхронизировавший изображение и звук; результат, кстати говоря, наводил на печальные мысли. — Я принял вашу космограмму и вместе с моим экипажем направляюсь к астероиду две тысячи сорок шесть, чтобы изучить ситуацию на месте. Будем держать вас в курсе. До связи.

Признаться, я застонал. Придурок Маккиннон даже в такую минуту продолжал существовать в придуманном мире. Это ж надо! Капитан Фьючер и его экипаж спешат на выручку!

— Вы что-то сказали, мистер Фурланд?

Маккиннон выпятил волосатый подбородок — очевидно, надеялся продемонстрировать решительность, не подозревая, что на самом деле стал вдруг удивительно похож на капризного ребенка, не пускающего других детей в свой угол песочницы. Я в очередной раз убедился, что он умеет только командовать, и ничего больше; и чтобы кто-то посмел возражать ему на его собственном корабле... В общем, господь с ним.

— Никак нет, капитан.

Я оттолкнулся от стола, пересек рубку и занял свое привычное место. Во-первых, на его стороне закон и слово капитана, а во-вторых, я не какой-нибудь там подонок, чтобы устраивать бучу и идти на принцип, когда в опасности человеческие жизни.

— Отлично. — Маккиннон поплыл к люку. — Показания секстанта подтвердили, что мы движемся в нужном направлении. Если понадоблюсь, вы найдете меня в моей каюте. — Внезапно он оглянулся и прибавил: — Пожалуй, стоит зарядить орудия. Могут возникнуть... неприятности.

После чего удалился. Наверняка, сукин сын, отправился спать.

— Вот паразит, — пробормотал я. Искоса поглядел на Джери.

Та даже не подумала подмигнуть или сочувственно улыбнуться. Потерла подбородок, затем произнесла в микрофон, имплантированный ей под кожу еще в детстве:

— «Комета» вызывает «Пирит». Слышите нас? Прием, прием.

Что ж, я очутился в ловушке — на корабле под командованием полного идиота.

Вернее, мне так казалось. Я и не догадывался, что настоящее безумие — впереди.

> В Солнечной системе космические пираты встречались достаточно часто. Как правило, они облюбовывали астероиды либо крупные спутники дальних планет.
>
> *Эдмонд Гамильтон. Мир изгнанников*

Во всем можно найти что-нибудь хорошее: отстояв вторую подряд вахту на мостике, я лучше узнал Джери Ли-Боуз.

Вам кажется удивительным, что, проведя с ней бок о бок три недели, я только теперь удостоился подобной чести?

Понимаете, у космонитов свои правила поведения. Многие из нас предпочитают ни словом не упоминать о прошлом, в котором, как говорится, бывало всякое; а расспрашивать кого-то о личных делах (если этот кто-то не заводит разговор сам) считается попросту неэтичным. Естественно, встречаются болтуны, которые в конце концов надоедают настолько, что хочется вытолкнуть их из ближайшего воздушного шлюза. С другой стороны, среди моих знакомых было несколько человек, с которыми я общался на протяжении многих лет, понятия не имея, когда они родились и что у них за родители.

Джери относилась к последней категории. Да, после того как мы очнулись от анабиоза, мне удалось кое-что о ней выяснить, но ничего существенного я не узнал. Она не то чтобы скрывала свое прошлое — о нем просто-напросто не заходило речи в те редкие мгновения, когда мы оставались наедине, избавленные от необходимости терпеть присутствие капитана Фьючера. Наверное, наши отношения не изменились бы, не произнеси я той фразы...

— Этот сукин сын всю жизнь думал только о себе!

Я протянул Джери стаканчик с кофе, за которым ходил на камбуз.

По-прежнему кипя от негодования, хотя спор был проигран, а Маккиннон удалился почивать, я, что называется, излил Джери душу. Она терпеливо слушала мои тирады насчет душевного здоровья капитана, его внешнего вида, литературных пристрастий и тому подобного, а когда я сделал паузу, чтобы перевести дух, сказала:

— Он спас мне жизнь.

Меня качнуло. Магнитные защелки башмаков оторвались от пола, и пришлось спешно хвататься за кольцо под потолком, чтобы не выплыть в коридор.

— Чего?

Стаканчик с кофе Джери держала в левой руке, а правой перелистывала страницы вахтенного журнала. Не поднимая головы, она продолжила:

— Ты утверждаешь, что Бо никогда не думал ни о ком, кроме себя. Все остальное может быть правдой, но

здесь ты ошибаешься, поскольку однажды он спас мне жизнь.

— Расскажи поподробнее, — попросил я.

— Да рассказывать-то особо нечего. — Она пожала плечами. — Тебя, наверное, удивляло, что первый помощник — из чокнутых? — Заметив выражение моего лица, Джери улыбнулась. — Не бойся, я не умею читать мысли. Просто наслушалась за столько-то лет.

Она взглянула на топографический экран. Провал Кирквуда мы благополучно миновали, однако астероидов еще видно не было. В поясе их гораздо меньше, чем кажется планетникам; мы видели только бескрайние звездные просторы, да мерцала справа алая искорка Марса.

— Тебе, должно быть, известно, как Лучшие вступают в брак?

Я почувствовал, что краснею. В мыслях я частенько представлял, как мы с Джери, наплевав на формальности, совершаем то, что как бы закрепляет брак...

— Ты имеешь в виду предварительные договоренности?

Она кивнула.

— Все планируется заранее, чтобы избежать инбридинга[1] и одновременно увеличить возможное число комбинаций генов. Разумеется, определенная свобода выбора остается... Никто не заставляет тебя выходить замуж за конкретного человека; главное — чтобы он был не из твоего клана и не из Прежних. — Джери допила кофе, смяла стаканчик, подбросила в воздух и ударила по нему правой ногой. Тот взлетел к потолку, двигаясь по собственной орбите. — Но порой случаются накладки. Когда мне было двадцать лет, я влюбилась в парня из Декарт-Сити. Естественно, он был из Прежних. Правильнее будет сказать, я думала, что влюбилась... — Она состроила гримасу, перекинула через плечо свою длинную пепельно-серую прядь. — В постели, по-моему, нам было неплохо. А как только он обнаружил, что я забеременела, тут же договорился с профсоюзом о работе на Марсе. Профсоюз с готовностью согласился — всем хотелось...

— Избежать осложнений, — закончил я. — Понимаю. Значит, ты осталась с ребенком...

---

[1] *Инбридинг* — родственное спаривание, узкородственное разведение.

— Нет. — Джери покачала головой. — Я очень хотела родить, но у меня случился выкидыш... Впрочем, ладно, это не слишком приятная тема.

— Извини.

Что еще я мог сказать? Вероятно, она была готова к подобному повороту событий, ведь физическая близость между Лучшими и Прежними никогда ни к чему хорошему не приводила. Правда, Джери была молодой и глупой, а это вполне простительные грехи, тем более когда в них, как то обычно и бывает, впадают одновременно.

— Ничего. — Она вздохнула. — Моя семья отказалась от меня, в основном из-за того, что я расторгла помолвку с юношей из другого клана. Отказались не только родители, но и все соплеменники. — Джери искоса поглядела на меня. — Как тебе известно, фанатиков везде хватает. Вы называете нас чокнутыми, мы вас — обезьянами; я спала с обезьяной, а значит, осквернила идеал.

Джери закрыла вахтенный журнал и сунула его под консоль.

— Короче, я застряла в Декарте. Крошечное пособие, которого хватало только на то, чтобы платить за квартиру, а на остальное — ни гроша. Наверное, родственники ждали, что я пойду на панель — какое-то время, кстати говоря, я и впрямь этим занималась — или покончу с собой, чтобы избавить всех от хлопот...

— Сурово, — заметил я.

Мне доводилось слышать о подобных случаях. Я встречался с несколькими изгнанниками — эти несчастные существа, с которыми судьба сводила меня на Луне и на искусственных спутниках, выполняли обычно самую грязную работу. Помнится, один алкоголик-чокнутый околачивался «У грязного Джо»: на спине у него был вытатуирован орел, а на выпивку он зарабатывал тем, что крутил для туристов сальто через стойку. Орел с ощипанными перьями. Некоторые Лучшие просто-напросто входили в воздушный шлюз и, не надев скафандра, нажимали на кнопку, открывающую наружный люк. Никто не знал почему; теперь я понял — у них такой обычай.

— Да уж. — Джери невесело усмехнулась. — Признаться, я начала подумывать о том, чтобы отправиться по долгому пути, но тут появился Бо... Точнее, я сама его привела.

Он купил мне выпивку, выслушал, а потом, когда я расплакалась, сказал, что ему нужен первый помощник. Мол, все остальные отказываются, поэтому никто меня не выгонит, пока я сама не захочу уйти.

— И с тех пор вы вместе.

— Да, — подтвердила она. — Кстати, мистер Фурланд, что бы вам ни говорили, ко мне он всегда относился подчеркнуто уважительно. Я никогда с ним не спала, и он этого от меня не требовал...

— Джери, я не...

— Может быть, но задумываться ты наверняка задумывался, правильно? — Я залился румянцем, а Джери расхохоталась. — Не ты первый, не ты последний, так что не переживай. В самом деле, что общего может быть у чокнутой с жирной обезьяной? — Она покачала головой. — Знаешь, если бы он предложил, я бы согласилась не раздумывая. Хотя бы из благодарности.

Я промолчал — растерялся настолько, что пару минут не мог найти слов. Исповедь на борту звездолета услышишь нечасто; вдобавок в рассказе Джери было над чем поразмыслить. И потом, я вдруг сообразил, что теперь она мне нравится даже больше, чем нравилась до сих пор.

Перед тем как удалиться, Маккиннон приказал привести в боевую готовность ракеты. Что ж, неплохой предлог прервать разговор — на время, чтобы справиться со смущением.

То, что на грузовике класса «Арес» имелись ракетные установки, лишний раз подчеркивало, насколько необузданной была фантазия Маккиннона. Однажды я поинтересовался, зачем ему ракеты; он ответил, что купил их у армии Звездного Союза в семьдесят первом, сразу после нападения на «Олимпию». Кстати, до сих пор так и не удалось выяснить, кто именно напал на «Олимпию»; сам факт обнаружили пять месяцев спустя, когда солнечный парусник прибыл на Керу с пустыми трюмами. Ходили слухи, что это работа каких-нибудь вконец оголодавших и обнищавших старателей.

Когда Маккиннон принялся рассуждать о том, что пираты могут напасть и на «Комету», мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Вооружить грузовик четырьмя ракетами мощностью десять килотонн каждая — все равно что отправиться в гости, обвешавшись оружием с ног

до головы. Бандитское нападение только обрадовало бы Маккиннона (ведь капитан Фьючер сражался с пиратами астероидов), однако я опасался, что он, того и гляди, откроет огонь по сбившемуся с курса мирному транспорту или разведчику.

Неожиданно меня посетила дельная мысль:

— Послушай, а когда он подобрал тебя... Ну, когда ты согласилась на первого помощника... Тебе не бросилось в глаза, что у него не все в порядке с головой?

Джери промолчала. Я хотел было повторить вопрос, но тут что-то не очень сильно пихнуло меня в бок. Я посмотрел вниз и увидел ногу Джери, пальцы которой ловко переместили переключатель запуска ракет в рабочее положение (я этого, естественно, сделать не удосужился).

— Конечно бросилось, — проговорила она чуть погодя. — Сказать по правде, поначалу он упорно называл меня Джоан. У Курта Ньютона была подружка по имени Джоан Рэндолл... Пришлось растолковать Бо, что к чему.

— Да ну?

— Угу. — Джери закинула правую ногу на спинку моего кресла. — Между прочим, тебе повезло. Всех, кто был до тебя, он именовал Отто или Крэг — до тех пор, пока я не объяснила, что никто, кроме него, не понимает, в чем тут дело. — Она усмехнулась. — Прочти на досуге журнальчик-другой. Литературой там, разумеется, не пахнет, полная белиберда, но для научной фантастики начала двадцатого века...

— Научной чего?

— Фантастики. Так называли фэнтези в... Ладно, не важно. — Джери убрала ногу со спинки кресла и уселась по-турецки. — Я знаю, со стороны Бо выглядит сущим идиотом, но ты должен понять: он — романтик, очутившийся среди тех, кто в большинстве своем и не догадывается, что означает это слово. Ему хочется приключений, подвигов, сумасбродств. Он стремится стать героем.

— Так-так... Бо Маккиннон, спаситель космоса.

Я попытался представить нашего капитана на одной из украшавших стены кубрика журнальных обложек: вот он с бластером в руке защищает Джери от кровожадных монстров... Возникшая в воображении картина вызвала у меня приступ смеха.

— По-моему, желание достаточно скромное, ты согласен? — Во взгляде Джери, когда она повернулась ко мне, промелькнула печаль. Ухмылка словно примерзла к моему лицу. — Впрочем... Время героев прошло. Мы мотаемся из конца в конец Солнечной системы, храним деньги в банке и радуемся собственной предусмотрительности. А лет сто назад все это людям только грезилось и нас носили бы на руках. Вот что привлекает Бо в его журналах. — Джери перевела дыхание. — Стоит ли винить Бо Маккиннона за то, что он хочет то, чего не имеет? Командует дырявым корытом, первый помощник — бывшая шлюха, второй открыто презирает капитана; вдобавок от Земли до Япета про него рассказывают анекдоты... Неудивительно, что он так отреагировал на сигнал бедствия. Пожалуй, для Бо это единственный шанс.

Я хотел было возразить, что теряю из-за капитана свой единственный шанс, когда динамик под потолком пискнул два раза подряд, а затем из него раздался голос Мозга:

— Прошу прощения, но наступило расчетное время для корректировки курса. Следует ли мне выполнить необходимые маневры?

— Не стоит, Мозг, — отозвалась Джери, разворачиваясь к пульту управления. — Мы проделаем их вручную. Выдай, пожалуйста, координаты.

На мониторе немедленно возникла трехмерная сетка.

— Я тебе нужен? — Вопрос был чисто риторическим: я видел, что Джери прекрасно справляется сама.

— В общем-то, нет. — Ее длинные пальцы порхали по клавиатуре, вводя координаты. — Если хочешь, поспи. — Она усмехнулась. — Не волнуйся, я не скажу Бо, что ты дрых в его кресле.

А что, неплохая идея. Я пристегнулся, сунул руки в карманы, чтобы не размахивать ими во время сна, — невесомость все-таки... Другой возможности отдохнуть, скорее всего, уже не представится: когда мы доберемся до астероида 2046, капитан Фьючер вновь примется отдавать приказы, превращая мою жизнь в ад.

Джери многое объяснила Рору Фурланду в глаза, однако так и не сумела пробудить в нем симпатию к Бо Маккиннону. Я по-прежнему считал его большим куском дерь-

ма... Если кто-либо на борту «Кометы» и вызвал у меня симпатию, то это Джери Ли-Боуз, которая явно заслуживала чего-то большего, нежели должность первого помощника Маккиннона.

Едва я закрыл глаза, мне пришло в голову, что в капитанском кресле я чувствую себя гораздо удобнее, чем в своем. Быть может, когда-нибудь, поднакопив деньжат, я куплю Маккиннона с потрохами. Интересно будет посмотреть, так же хорошо он выполняет приказы, как умеет их отдавать.

Приятная мысль, правда? Мягкая, как подушка. С этой мыслью я и заснул.

> — Смотри, Аррай, метеор! — воскликнул молодой марсианин. — А вон корабль, который его направляет.
> Два марсианина прильнули к иллюминатору. Картина потрясала воображение. Черное, быстро увеличивавшееся в размерах пятно было гигантским метеором, который стремительно мчался к Марсу. А рядом виднелся темный силуэт звездолета, силовые лучи которого и направляли метеор к Красной планете.
>
> *Эдмонд Гамильтон.*
> *Капитан Фьючер принимает вызов*

Несколько часов спустя «Комета» вышла на орбиту 2046-го.

Вблизи астероид выглядел точно так же, как на топографическом экране, — огромный обломок скалы непроницаемо-черного цвета. «Пирит» же, пожалуй, уступал размерами только искусственным спутникам типа «Лагранж». «Комета» рядом с ним напоминала яхту в сравнении с океанским лайнером.

Исполинский генератор массы возвышался подобно горе на одном из полюсов астероида. Мы приближались крайне осторожно, чтобы не угодить под залп из «рельсовой пушки». Кроме этих залпов, никаких признаков жизнедеятельности заметно не было. Внутри жилого отсека горел свет, но движения не наблюдалось, а радио продолжало хранить

молчание с тем же упорством, с каким соблюдало его последние восемнадцать часов.

— Глядите. — Я показал на ангар, который опоясывал бочкообразный корпус «Пирита» невдалеке от сопла «рельсовой пушки». Двери ангара были распахнуты настежь, внутри виднелись планетоходы и спасательные боты. — Все как будто на месте.

Джери увеличила изображение на контрольном мониторе. Ее глаза изумленно расширились.

— Странно, — пробормотала она. — С какой стати им понадобилось разгерметизировать ангар, если они не...

— Вы двое, молчать! — рявкнул Маккиннон, сидевший по правую руку Джери (я расположился по левую). — Мне плевать, что на них нашло! Главное — не прозевайте пиратов, которые наверняка ошиваются где-нибудь поблизости!

Я провел «Комету» над массивными опорами «Пирита», выполнил разворот... Маккиннон появился на мостике около часа тому назад — после душа и неторопливого завтрака, в котором мне было отказано, — и сразу же уселся на любимого конька: дескать, команда генератора массы оказалась в руках космических пиратов. Его отнюдь не смущал ни тот факт, что по пути нам не встретилось ни единого звездолета, ни то, что в окрестностях «Пирита» не было намека даже на какой-нибудь челнок, не говоря уж о разведчике (а пираты летают именно на разведчиках). Капитану Фьючеру вдобавок попросту не приходило в голову, что экипажу разведчика, который состоит из четырех человек, было бы весьма сложно справиться с двенадцатью членами команды «Пирита». Левая рука Маккиннона лежала на кнопке запуска ракет; судя по всему, нашего героя так и подмывало ее нажать.

Правда, когда мы завершили облет астероида, он вынужден был признать, что пиратских звездолетов не обнаружено. Двигался исключительно сам астероид...

Я ухватился за эту мысль:

— Мозг, ты определил координаты и курс «Пирита»?

— Так точно, мистер Фурланд. Один семьдесят шесть, два...

— Мистер Фурланд! — прорычал Маккиннон. — Я не приказывал...

— К черту цифры, Мозг, — сказал я, не обращая внимания на капитанский рык. — Мне нужно знать, прежним ли курсом движется астероид.

После секундной паузы Мозг сообщил:

— Курс изменился, мистер Фурланд. Согласно проделанным мной вычислениям, астероид две тысячи сорок шесть с вероятностью семьдесят две целых одна десятая процента столкнется с планетой Марс.

Джери побледнела, и даже Маккиннон заткнулся.

— Выведи изображение на экран. — Я развернул кресло, чтобы оказаться лицом к голограмме.

Мозг продемонстрировал нынешнее положение «Пирита» относительно Марса. Расстояние до того составляло приблизительно половину астрономической единицы, однако прочерченная Мозгом оранжевая линия — курс астероида — упиралась точно в Марс. Рядом с изображением появились цифры, которые Мозг немедленно перевел на нормальный человеческий язык.

— При условии, что значение функции дельта не изменится, через двести тридцать шесть часов двенадцать минут двадцать четыре секунды астероид две тысячи сорок шесть столкнется с Марсом.

— Дней через десять, — сказал я, прикинув в голове.

— Если точно, через девять целых восемьдесят три сотых земных суток. — Мозг увеличил изображение Марса до такой степени, что оно целиком заполнило экран. Чуть выше экватора планеты появился крестик. — Расчетные координаты места столкновения: двенадцать градусов северной широты, шестьдесят три градуса западной долготы, невдалеке от Лунного плато.

— К северу от долины Маринера, — проговорила Джери. — Господи, Рор! Это же совсем рядом с...

— Знаю.

Мне не требовалось помощи, чтобы сориентироваться на местности. Столкновение произойдет у долины Маринера, в нескольких сотнях километров от станции Арсия; а ведь вокруг каньона разбросано множество мелких поселений. Кажется, на Лунном плато стоит шахтерский поселок. Колонизация Марса проходит настолько быстро, что нет никакой возможности уследить за тем, где обретаются полтора миллиона его обитателей.

— Саботаж! — воскликнул Маккиннон. Отстегнулся, подлетел к пульту управления и уставился на экран. — Заговор! Кто-то изменил курс «Пирита»! Вы понимаете, что...

— Заткнитесь, капитан!

Не хватало еще, чтобы он разыграл очередной спектакль сейчас! Я и без того прекрасно представлял, что произойдет, если, точнее, когда астероид врежется в Марс.

Марсианская экосистема стабильнее земной. Предпринятая в пятидесятые годы попытка создать на планете земные условия и сделать климат более приемлемым доказала, однако, что сюрпризов здесь можно ожидать в любой момент. Тем не менее колонисты, подстраиваясь под смену времен года, продолжали выращивать урожай, строили солнечные батареи, добывали минералы — в общем, находили средства к существованию.

Это была не жизнь, а именно существование, которое зависело целиком и полностью от климатических условий. Если в районе экватора и впрямь рухнет астероид, начнется такое... Землетрясения и песчаные бури — только цветочки. Уже при столкновении наверняка погибнут двести—триста человек, но основные жертвы будут впереди. Пыль поднимется в атмосферу, на многие месяцы закроет небо, что приведет к повсеместному, от горы Олимп до равнины Эллада, понижению температуры. В результате пострадает сельское хозяйство, резко сократятся запасы энергии, а уцелевшим колонистам станет угрожать смерть от голода и стужи.

Судного дня, конечно, не произойдет. По всей видимости, два-три поселения, которым Земля окажет экстренную помощь, сумеют выкрутиться. Однако в общем и целом марсианская колония, безусловно, перестанет существовать.

Маккиннон все еще таращился на экран, тыкал пальцем в Марс и нес ахинею насчет космических пиратов и заговорщиков. Я повернулся к Джери, которая, пока я объяснялся с Мозгом, пилотировала «Комету», и сказал, бросив взгляд на монитор, где вновь возник корпус «Пирита»:

— Ангар разгерметизирован, поэтому шлюпку мы туда послать не можем; вдобавок все места заняты. Значит...

Джери поняла меня с полуслова:

— У них есть дополнительный стыковочный узел. Думаю, у нас получится, хотя... хотя...

Да уж. Те, кто проектировал «Комету», явно не предполагали, что грузовозу придется когда-нибудь состыковываться с громадиной вроде «Пирита».

— Вот именно что «хотя», — заметил я. — Впрочем, если убрать антенну, может, и обойдется.

Джери кивнула, потом прибавила:

— Но тогда мы потеряем связь с Керой.

— Ну и что? Зато сможем состыковаться. Иначе кому-то придется напяливать скафандр и топать в шлюз.

И этим «кто-то» скорее всего окажусь я, а перспектива прогуляться от одного летящего с ускорением корабля к другому меня отнюдь не прельщает. Правда, отказаться в таких обстоятельствах от связи с Керой практически равносильно самоубийству. Если с нами что-нибудь случится, на Кере ни о чем не узнают, тогда как своевременное предупреждение, отправленное на станцию Арсия, может спасти энное количество жизней (при условии, что колонисты не станут затягивать с эвакуацией).

— Будем состыковываться, — решил я, пораскинув мозгами, и повернулся к интеркому. — Но сначала пошлем сообщение на Керу...

— Эй! Что это вы затеяли? — Капитан Фьючер наконец-то сподобился осведомиться, чем заняты его подчиненные. Он подлетел к нам, ухватился руками за спинки наших кресел. — Я не отдавал никаких приказов и не позволю, чтобы на моем корабле...

— Бо, ты слышал, о чем мы говорили? — Судя по всему, Джери стоило немалых усилий не сорваться на крик. — Слышал или нет?

— Естественно, слышал! Я...

— Тогда ты должен понимать, что другого выхода у нас нет. Если мы не состыкуемся с «Пиритом», то не сумеем выключить реактор или хотя бы изменить курс астероида.

— А как же пираты? Они...

— Слушай, ты! — проговорил я со вздохом. — Да пойми ты наконец, что...

— Рор! — перебила Джери. Перехватив ее суровый взгляд, я заткнулся, а она вновь повернулась к Маккинно-

ну. — Если генератор в руках пиратов, мы их обязательно найдем. Но пока стрелять попросту бессмысленно. Рор прав. Сначала мы должны связаться с Керой и сообщить, что происходит, а затем...

— Нечего меня учить!

— А затем состыковаться с «Пиритом»...

— Я же сказал, нечего меня учить! — Маккиннон раздраженно помотал головой. — И я никому не приказывал... — Он замолчал, не в силах продолжать из-за душившего его гнева.

Внезапно я сообразил, что привело к этой вспышке. Второй помощник, над которым капитан издевался на протяжении трех недель, посмел проявить сообразительность в присутствии старшего по званию! Хуже того, он получил поддержку первого помощника, который до сих пор, как и полагается, во всем соглашался с капитаном!

И ведь речь шла не о каких-нибудь мелочах вроде ремонта топливного насоса или уборки камбуза. На карту были поставлены сотни и тысячи жизней, времени оставалось все меньше, а Маккиннон вообразил, что мистер Фурланд посягнул на его капитанство, и вместо того, чтобы заняться делом, принялся отчитывать своего второго помощника.

Будь у меня при себе бластер, я бы с громадным удовольствием пристрелил Маккиннона, а потом усадил бы труп в кресло, чтобы он не мешал нам с Джери выполнять задуманное. Но в конечном итоге бунт ни к чему хорошему не приведет, поэтому единственное мое оружие — компромисс.

— Прошу прощения, капитан, — сказал я. — Вы совершенно правы. Я превысил свои полномочия. — После чего отвернулся, скрестил на груди руки и принялся ждать.

Маккиннон шумно вздохнул. Посмотрел на монитор, оглянулся через плечо на экран, прикидывая, по-видимому, согласно ли удовлетвориться моим извинением уязвленное самолюбие. Прошло несколько драгоценных секунд.

— Отлично, — произнес он наконец, оттолкнулся от наших кресел и полетел к своему. — Приготовиться к стыковке с «Пиритом». Мистер Фурланд, проверьте воздушный шлюз.

— Слушаюсь, сэр, — отозвалась Джери.

— Слушаюсь... э... сэр, — выдавил я.

— А я свяжусь с Керой и проинформирую их о том, какая у нас складывается обстановка. — Безмерно довольный собой, Маккиннон откинулся на спинку кресла. — Молодцы, ребята. Таким и должен быть экипаж капитана Фьючера.

— Спасибо, капитан, — сказала Джери.

— Благодарю вас, сэр. — Я отстегнулся и поплыл к люку, отворачиваясь, чтобы Маккиннон не заметил моей улыбки.

Итак, одержана маленькая победа. Я и не догадывался, чего добился на самом деле.

> Он сел в кресло пилота и повел «Комету» по рассчитанному компьютером курсу, в направлении невидимого астероида.
> — Они наверняка нас заметят, — предостерег Эзра. — Застать Чародея с Марса врасплох нам не удастся ни за что.
> — Уверяю тебя, он ничего не заподозрит, — ответил капитан Фьючер. — Смотри.
>
> *Эдмонд Гамильтон. Чародей с Марса*

Я — человек привычки, по крайней мере когда речь идет о собственной безопасности, поэтому, перед тем как покинуть «Комету» и ступить на борт «Пирита», я надел скафандр.

С одной стороны, внутри звездолетов, на которых с герметичностью полный порядок, в скафандрах расхаживают одни идиоты; а шлюзовые датчики утверждали, что с давлением на «Пирите» все в ажуре. Однако они вполне могли выйти из строя; в таком случае за переборкой — вакуум, то есть мгновенная смерть для того, кто не позаботился натянуть скафандр. Во всяком случае, в «Пособии астронавта» утверждается, что, если что-то вызывает сомнения, лучше надеть скафандр.

Так я и поступил. И это спасло мне жизнь.

Джери и Маккиннон остались на «Комете». Я в гордом одиночестве проплыл из шлюза в шлюз и двинулся дальше

по пустому коридору. Включил наружный микрофон, но услышал только гудение вентиляторов (еще одно свидетельство того, что на корабле поддерживается нормальное давление).

От того, чтобы снять шлем и прицепить его к ремню, меня удержало одно: не хотелось, чтобы он стукался о стены, когда я буду пролезать сквозь очередной люк, видневшийся справа в конце коридора. Вдобавок от царившей на корабле тишины бросало в дрожь. Неужели никто не заметил, что к «Пириту» ни с того ни с сего пристыковался грузовоз? Да еще не с Керы, а черт-те откуда? Где капитан с гневной тирадой по поводу того, что мы чуть было не врезались в его бесценную посудину?

Ответ поджидал меня в центре управления. Именно там я наткнулся на первый труп.

Обнаженный мужчина висел вниз головой в проеме люка, едва не касаясь пальцами рук большой лужи крови на палубе. Черт лица, залитого кровью из глубокой раны на шее, было не разглядеть. Присмотревшись, я увидел, что ноги мертвеца крепко связаны веревкой, прикрепленной одним концом к трубе под потолком коридора.

На теле пятен крови не было, следовательно, горло бедняге перерезали уже после того, как повесили на трубе. Члены явно окоченели, кровь засохла, значит, провисел он тут довольно долго.

Я сообщил о своей находке Джери и Маккиннону, а затем осторожно отодвинул тело и протиснулся в люк.

Ради всего святого, не упрекайте меня в бесчувственности. Во-первых, для того, кто провел в космосе всю свою жизнь, смерть не является чем-то из ряда вон выходящим. Я впервые увидел мертвеца в девять лет, когда какой-то микрометеорит пробил щиток шлема одному из моих школьных учителей, который повел нас на экскурсию на место посадки «Аполлона-17». С тех пор мне доводилось наблюдать смерть во множестве обличий — от декомпрессии, когда человек просто взрывался, от облучения, в результате несчастного случая на шахте, пожара на корабле, электрошока и так далее; как-то на дне рождения, помнится, кто-то захлебнулся собственной блевотиной после того, как перебрал водки. Смерть — естественный исход; если ты достаточно осмотрителен, то в тво-

их силах сделать ее менее мучительной и неприятной, но не более того.

Во-вторых, если бы я стал описывать все тела, которые обнаружил на борту «Пирита», хотя бы ради того, чтобы удовлетворить тех, кто наслаждается такими подробностями, то мой рассказ растянулся бы очень и очень надолго.

Поэтому скажу лишь, что жилой отсек «Пирита» напоминал скотобойню.

Я нашел десять тел, причем увечья всякий раз оказывались все более и более жестокими. Мертвецы были повсюду — в каютах и в коридорах, на камбузе и в гальюне, в кают-компании и в кладовой.

Двое явно прикончили один другого — мужчина и женщина с зажатыми в кулаках ножами.

Почти все, не считая двоих или троих, были одеты; большинство погибло от ран, которые могли быть нанесены чем угодно — пером, отверткой, гаечным ключом...

Одной женщине повезло. Она покончила с собой, повесившись на простыне, переброшенной через дверь каюты. Надеюсь, счастливица задохнулась до того, как тот, кто ее нашел, отрезал ей правую руку газовым резаком (инструмент валялся у двери на полу).

Карабкаясь по трапам, заглядывая в люки, переступая через окоченевшие тела, я не переставал говорить в микрофон, сообщая капитану и Джери обо всем, что попадалось мне на глаза. Никаких объяснений случившемуся предлагать не пытался, лишь заметил, что люди, по всей видимости, погибли не далее как несколько дней тому назад.

Кровь, как и мертвецы, была повсюду: на стенах, на коврах, — казалось, кому-то взбрело в голову обрызгать все до единого помещения красной краской. Я порадовался тому, что решил не снимать шлем: щиток как бы отделял меня от окружающей обстановки; вдобавок без него запах разложения наверняка вывернул бы мой желудок наизнанку.

Джери время от времени приглушенно вскрикивала, а что касается Маккинпона, его голос я какое-то время спустя слышать перестал. Должно быть, капитан не выдержал. Что ж, вполне объяснимая, вполне простительная слабость...

Жилой отсек «Пирита» состоял из четырех палуб. Пока я насчитал одиннадцать трупов, а Маккиннон говорил, что экипаж корабля состоит из двенадцати человек. Интересно, куда подевался последний?

Я поднялся на верхнюю палубу, где находилась рубка. Люк, ведущий внутрь, был закрыт. Лазерным резаком я вырезал замок. Послышался негромкий скрежет, и в этот миг я различил ритмичное постукивание, словно кто-то методично колотил чем-то по переборке.

Сперва я решил, что это один из множества корабельных звуков, однако скрежет открываемого люка на мгновение нарушил ритм постукивания. Я замер, прислушиваясь, и уловил нечто вроде смешка. Затем постукивание возобновилось.

В рубке был живой человек.

Внутри царил полумрак, поскольку лампы под потолком были выключены. Свет исходил только от дисплеев, мониторов и различных индикаторов. Впечатление было такое, будто в рубке произошел взрыв: по воздуху плавали кресла и растрепанные вахтенные журналы. Мой взгляд наткнулся на окровавленную рубашку...

Постукивание продолжалось. Я включил фонарик и принялся заглядывать во все углы в поисках уцелевшего члена экипажа. В самый разгар поисков мне в глаза бросилась короткая надпись на переборке. Два выведенных кровью слова: «Титанианская чума».

Вот тут-то я и понял, что скафандр спас мне жизнь.

Дрожа с головы до ног, я пересек рубку. Последний член экипажа отыскался в аварийном шлюзе. Он сидел у люка, подтянув колени к подбородку. Комбинезон был весь в крови, но, присмотревшись, я различил капитанские нашивки. Свет моего фонарика заставил человека моргнуть; он захихикал, точно маленький ребенок, которого застали за каким-то недозволенным занятием.

А потом снова стал колотить по палубе отрубленной человеческой рукой.

Не знаю, сколько я смотрел на него. Несколько секунд или минут... В наушниках звучал голос Джери, но я не понимал, о чем она говорит, и не отвечал. Лишь услышав за спиной скрежет люка, я отвернулся от обезумевшего капитана «Пирита».

И увидел Бо Маккиннона.

Который направился за мной и который, как и следовало ожидать от этакого идиота, не подумал надеть скафандр.

> Крохотный корабль, по форме напоминающий слезу, устремился к Земле на пределе скорости. Капитан Фьючер размышлял о том, сколько раз отвечал на призыв о помощи. И всегда он и его экипаж подвергались смертельной опасности. Неужели история повторится и сейчас?
>
> — Побеждать все время невозможно, — мрачно произнес он. — До сих пор нам везло, однако теория вероятности гласит, что рано или поздно везение заканчивается.
>
> *Эдмонд Гамильтон.*
> *Капитан Фьючер торжествует*

Никто не знал, откуда взялась титанианская чума. Впервые с ней столкнулся экипаж «Гершеля», который в 2069 году отправили основывать колонию Звездного Союза на Титане. Выдвигалась теория, что вирус имеет чисто титанианское происхождение, однако тот факт, что он активно размножается в насыщенной кислородом и водородом среде, заставил многих ученых предположить, что вирус возник не на Титане с его азотно-метановой атмосферой. Кое-кто даже утверждал, что экспедиция заразилась чумой от инопланетян, с которыми встретилась на Титане, но это, разумеется, были только разговоры.

Что касается фактов, они таковы: к тому времени, когда «Гершель» вернулся к Земле, большинство членов команды сошло с ума. Уцелеть удалось лишь троим, в том числе капитану, и по одной простой причине — они заперлись в рубке, загерметизировали помещение и всю дорогу домой дышали кислородом из аварийных баллонов. Остальные же члены экипажа либо поубивали друг друга, либо умерли в страшных мучениях, когда болезнь поразила мозг.

Достигнув пояса астероидов, «Гершель» благодаря усилиям оставшихся в живых вышел на орбиту вокруг Весты. Капитан и два его товарища покинули корабль на спаса-

тельной шлюпке. Три месяца спустя «Гершель» был взорван крейсером «Неустрашимый». Королева Македония между тем объявила, что всякие экспедиции на Титан запрещаются и что любой корабль, посмевший приблизиться к этому спутнику Сатурна, будет уничтожен флотом ее величества.

Несмотря на принятые меры предосторожности, в последующие годы произошло несколько вспышек титанианской чумы — в основном в пограничных колониях. Никто не знал, каким образом болезнь распространилась; предполагали, правда, что виной тому — трое уцелевших членов экипажа «Гершеля».

Первые симптомы чумы напоминали обыкновенную простуду, которая еще не так давно была вполне заурядным явлением, однако сразу за кашлем и насморком начиналось нечто вроде белой горячки. Способ лечения был только один: изолировать больного (причем обратить особое внимание на то, чтобы в помещении не было предметов, которые он мог бы использовать в качестве оружия) и ждать, пока он умрет.

Лекарства от чумы найти не удалось.

Получается, что титанианская чума каким-то образом проникла на борт «Пирита». Жилой отсек на корабле сравнительно небольшой, поэтому распространилась болезнь очень быстро и свела людей с ума прежде, чем они заподозрили неладное. Быть может, догадался капитан, но и он не сумел уберечься.

Я не заразился только потому, что был в скафандре.

А Бо Маккиннон...

Капитан Фьючер, человек завтрашнего дня, бесстрашный космический герой, в поисках славы безрассудно ввалился на чужой корабль, не позаботившись надеть скафандр.

— Ты закрыл переходник? — спросил я.

— Что? — Побледневший Маккиннон не сводил глаз с сидевшего в углу безумца.— Переходник? Какой?.. Где?..

Я схватил его за плечи, несколько раз встряхнул — так сильно, что сорвал с головы наушники.

— Переходник «Кометы», идиот! Закрыл ты его или нет?

Он беспомощно уставился на меня, потом сообразил, что нужно надеть наушники.

— Кажется, закрыл...

— Кажется? Ах ты, олух царя небесного...

— Фурланд, я... — Он ошарашенно огляделся по сторонам. — Что здесь произошло? Они... Осторожно!

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, что безумец вскочил и устремился к нам, размахивая на бегу отрубленной рукой и завывая, точно дикий зверь.

Я отпихнул Маккиннона в сторону, потом одним движением захлопнул люк. В следующий миг раздался глухой удар, и люк чуть было не распахнулся снова, однако мне удалось устоять. Я поспешил задраить люк. Безумец принялся колотить по переборке.

Так, рано или поздно он наткнется на маховичок, вспомнит, как тот работает, и вырвется наружу. Возможно, я сумею с ним справиться — что, впрочем, весьма сомнительно. Но тащить его на «Комету»...

Оставался единственный выход. Я отыскал панель управления шлюзом, откинул крышку и пропентал:

— Извините, сэр. Да смилуется Господь над нами обоими.

После чего нажал на кнопку, открывавшую наружный люк.

Затрезвонили аварийные сигналы — то был своего рода погребальный звон. Затем наступила тишина, которую в конце концов нарушил голос Маккиннона:

— Мистер Фурланд, вы только что убили человека.

Я повернулся. Маккиннон уже поднялся с пола. Он стоял, опираясь на спинку кресла, и гневно взирал на меня.

Ответить я не успел. В наушниках раздался голос Джери:

— Рор, он закрыл за собой шлюз. На «Комете» все в порядке.

Черт побери, хоть раз в жизни Бо ухитрился не напортачить!

— Спасибо, детка. Не открывай, пока я не вернусь.

Я направился к пульту управления, располагавшемуся у дальней стены. Маккиннон заступил мне дорогу.

— Вы слышали меня, мистер Фурланд? — осведомился он, горделиво выпятив кадык. — Вы только что убили человека... На моих глазах!

— Уйди, придурок.

Я оттолкнул Маккиннона и подошел к монитору, схема на котором указывала местоположение астероида и расчет-

ную траекторию. Скорее всего, кто-то из членов экипажа — должно быть, капитан, учитывая, что именно он заперся в рубке,— проложил новый курс в приступе безумной злобы.

— Я тебя арестую! — крикнул Маккиннон.— В пределах своих полномочий как агента межпланетной полиции я...

— Иди ты в задницу.— Я принялся набирать на клавиатуре команды. Пальцы в рукавицах скафандра казались донельзя неуклюжими.— Нет ни межпланетной полиции, ни космических пиратов, есть только звездолет, зараженный чумой. А ты...

— Я — капитан Фьючер!

Должно быть, он уже заразился и вирус начал действовать. В принципе следовало бы проверить, как там у него насчет первичных симптомов, но в данный момент Бо Маккиннон беспокоил меня меньше всего на свете.

Как я ни пытался, мне не удалось войти в навигационную программу. Она требовала пароля, который умер вместе с кем-то из членов экипажа; стандартные уловки не помогали. В итоге я не мог изменить ни скорость, ни траекторию астероида 2046, который на всех парах мчался к Марсу.

— Что ты имел в виду, когда велел Джери не пускать никого на «Комету» без твоего разрешения? — Маккиннон уселся в кресло капитана «Пирита», словно приняв тем самым на себя командование.— Похоже, ты забыл, кто главный на корабле. Ничего, я тебе напомню...

К черту. Раз компьютер все равно не слушается, надо проверить, можно ли взорвать «Пирит». Если я замкну систему охлаждения реактора и выведу из строя систему безопасности, если «Комета» успеет смыться до взрыва,— короче, если нам повезет, астероид сойдет со своего курса и все останутся живы.

— Рор? — окликнула меня Джери.— Что там у вас происходит?

Я бы охотно объяснил, если бы не подслушивал Маккиннон. А тот вдруг вскочил и завопил:

— Джоан! Это шпион Уль-Куорна, Чародея с Марса! Он собирается...

Я знал, что он готов напасть. Дождался нужного момента, повернулся и нанес хук справа точно в волосатую челюсть.

Маккиннона отбросило немного назад. Он зашарил руками вокруг, искал, за что бы ухватиться, потом потрогал подбородок и пробормотал:

— Предатель!

Времени было в обрез, поэтому я двинул ему снова, на сей раз по носу. Он рухнул в кресло и остался сидеть, не поднимая головы.

— Что ты там делаешь? — требовательно спросила Джери.

— То, что следовало сделать давным-давно, — ответил я. Костяшки пальцев на правой руке отчаянно ныли.

Провозившись несколько минут с системой безопасности, я вынужден был признать свое поражение. Эта программа также требовала пароля. Вполне возможно, все пароли записаны в вахтенном журнале, но искать их нет ни времени, ни желания.

Впрочем, еще не все потеряно. Оставалась возможность, которую, как ни странно, предоставил нам Бо Маккиннон.

Именно в тот миг я понял, что капитан Фьючер должен погибнуть.

> — Капитан Фьючер мертв!
> Голос широкоплечего матроса с Юпитера перекрыл смех, болтовню и звон стаканов. В кафе Венусополиса установилась относительная тишина. Матрос с вызовом поглядел на своих товарищей у стойки бара. Один из них, коренастый, видавший виды меркурианин, задумчиво покачал головой:
> — Не знаю, не знаю. Да, о нем ничего не слышно вот уже несколько месяцев, однако он не из тех, кого легко убить.
>
> *Эдмонд Гамильтон. Лунные изгои*

Я сижу за столиком «У грязного Джо». Время близится к закрытию, народ постепенно уходит. Впрочем, меня бармен не выгонит даже после того, как закроет дверь за всеми остальными. Героев никогда ниоткуда не выгоняют; между прочим, с тех пор как я вернулся с Керы, мне беспрестанно предлагают бесплатную выпивку.

В конце концов, я последний, кто видел живым капитана Фьючера.

Средства массовой информации подтвердили наше алиби. В этой истории было все, что привлекает обывателя: приключения, романтическая любовь, немножко крови, поставленные на кон тысячи жизней, а главное — самопожертвование. Фильм получится просто шикарный (вчера я продал права на постановку).

Вам наверняка известно, чем все закончилось, — об этом трубили на каждом углу. Осознав, что заразился титанианской чумой, Бо Маккиннон — извините, капитан Фьючер — отдал свой последний приказ в качестве капитана «Кометы». Он приказал мне возвращаться на грузовоз, а когда убедился, что я на борту, велел Джери отстыковываться и уводить «Комету» как можно дальше.

Догадавшись, что он задумал, мы попытались отговорить его. Мы спорили и умоляли, обещали, что доставим его в биостазисе на Землю, где врачи обязательно спасут ему жизнь. В конце концов Маккиннон просто отключил связь и приготовился встретить свою судьбу, как и подобает истинному герою.

Когда «Комета» отошла на безопасное расстояние, капитан Фьючер ввел в бортовой компьютер «Пирита» команду, которая вызвала перегрузку реактора. Оставшись в гордом одиночестве на мостике, он успел перед взрывом отправить сообщение...

Только не просите, чтобы я его повторял. Хватит и того, что королева прочла текст во время заупокойной службы и что теперь эти фразы собираются выбить на постаменте памятника Бо Маккиннону (статуя в два человеческих роста) на станции Арсия. Джери старалась, когда сочиняла, но мне не понравилось тогда и не нравится сейчас.

Как бы то ни было, термоядерный взрыв уничтожил «Пирит» и существенно изменил курс астероида 2046. Астероид пролетел на расстоянии пяти тысяч километров от Марса; его наблюдали ученые обсерватории на Фобосе, а из поселений Центрального Меридиана сообщили о сильнейшем за все время существования колонии метеоритном дожде.

Бо Маккиннона, капитана Фьючера, чтут как одного из величайших героев в истории человечества.

Я уже говорил — Джери постаралась на славу.

Признаться, я хотел, чтобы люди узнали правду, но Джери сумела меня переубедить. Возможно, она права: кому было бы лучше, если бы стало известно, что Бо Маккиннон перед смертью превратился в буйнопомешанного и получил по зубам от своего второго помощника?

Естественно, никто не знает, что «Пирит» уничтожили четыре ядерные ракеты, выпущенные с борта «Кометы», и что те же самые ракеты сбили астероид 2046 с его курса. От ракетных установок мы избавились еще до прибытия на Керу, а маленькая взятка, врученная мелкому чиновнику, привела к тому, что всякое упоминание о вооружении «Кометы» бесследно исчезло из всех официальных документов.

Короче, все добились, чего хотели.

Джери произвели из первых помощников в капитаны. Свою должность она предложила Рору Фурланду; поскольку «Юпитер» давным-давно улетел, я с благодарностью согласился. Вскоре она также продемонстрировала мне все свои татуировки (разумеется, я не стал отворачиваться). Ее собственный клан по-прежнему не желал признавать блудную дочь, тем более что Джери собиралась замуж за обезьяну. Однако другие капитаны из Лучших вынуждены были примириться с тем, что она — из их числа.

В общем, живем не жалуемся. Счет в банке постоянно увеличивается, от компаний, желающих нанять легендарную «Комету», просто нет отбою. Однажды мы, быть может устав от скитаний, поселимся на какой-нибудь планете и попытаемся выяснить, бывают ли дети от смешанных браков, кто знает?

Маккиннон тоже добился своего, хотя и не дожил до того, чтобы увидеть это собственными глазами. А его смерть принесла благо человечеству.

Меня беспокоит только одно.

Когда окончательно спятивший Маккиннон набросился на меня на борту «Пирита», я решил, что всему виной титанианская чума. В принципе так оно и есть: он заразился, едва миновав переходник.

Однако впоследствии я узнал, что инкубационный период вируса титанианской чумы составляет шесть часов. Между тем мы оба провели на «Пирите» от силы половину этого срока.

Выходит, Маккиннон обезумел не из-за чумы. Я до сих пор не имею ни малейшего понятия, на чем он свихнулся... Может, решил, что я пытаюсь отобрать у него корабль, подружку и вшивую славу?

Возможно, *он был прав.*

Прошлым вечером ко мне подрулил какой-то паренек — судя по всему, матрос грузовоза, только-только получивший профсоюзную карточку,— и попросил автограф. Пока я расписывался на обложке его формуляра, он пересказал забавную историю: оказывается, капитан Фьючер успел покинуть «Пирит» за секунду до того, как корабль взорвался. А старатели, мол, уверяют, что не раз замечали на экране звездолет, капитан которого представлялся Куртом Ньютоном; к сожалению, связь обычно тут же прерывалась.

Я угостил паренька выпивкой и открыл ему правду. Естественно, *он мне не поверил, да я другого и не ожидал.*

Героев найти крайне сложно. Когда они все же появляются среди нас, их нужно всячески ублажать. Главное — не промахнуться и не принять за героя того, кто на самом деле таковым не является.

Капитан Фьючер умер.

Да здравствует капитан Фьючер!

II

РАЗЛИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ/ РАЗЛИЧНЫЕ КАТЕГОРИИ

(До конца 1990-х годов)

Космическая опера отнюдь не мертва. По сути, сейчас, на рубеже нового тысячелетия, она жива как никогда прежде. Такого не было с конца Второй мировой войны. К сожалению, не располагаю возможностью привести здесь много примеров, но вот хотя бы перечень знаменитых авторов, чьи имена начинаются на букву «Б»: американцы Грег Бир, Грег Бенфорд, Дэвид Брин, Лоис Макмастер Буджолд, британцы Иэн М. Бэнкс и Стивен Бакстер. Далеко не все, но многие их работы созданы в жанре космической оперы, и авторы вовсе этого не стыдятся. Я бы вспомнил «Вернуть изобилие» («Take Back Plenty») Колина Гриленда, «Вечный свет» («Eternal Light») Пола Макоули, «Пламя над бездной» («A Fire Upon The Deep») Вернора Винджа, «Дисфункцию реальности» («The Reality Dysfunction») Питера Гамильтона; произведения К. Дж. Черри, длинный и крайне необычный цикл Стивена Дональдсона «Глубокий космос» («Gap»). (Судя по отсылкам к творчеству Рихарда Вагнера, Дональдсон, похоже, склонен воспринимать слово «опера» буквально.) Кроме того, авторы старшего поколения (например, Фредерик Пол и еще совсем недавно Джек Уильямсон) по-прежнему работают и периодически выпускают «умную» космическую оперу. В то же время обретает новое дыхание романтическая, сказочная, ориентированная на широкую публику разновидность жанра...

Космические оперы пишут Барбара Хэмбли и Дейв Волвертон; даже Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн иногда изменяют традиционному для них псевдосредневековому геймерскому фэнтези и обращаются к космической опере.

Дэвид Прингл. Что это за штука такая под названием космическая опера?

ГРЕГОРИ БЕНФОРД

Червь в колодце

Грегори Бенфорд (р. 1941) — физик по образованию. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.ps.uci.edu/physics/benford.html. Бенфорд является одним из приверженцев твердой НФ. Вот уже несколько десятилетий он борется за то, чтобы научная фантастика была хорошо написана, тщательно отредактирована и проверена специалистами, и принадлежит к группе американских фантастов-ученых, которые пересылают друг другу рукописи для стилистических и научных комментариев. Он стал первым среди авторов твердой фантастики, кто освоил модернистские приемы создания образов и использования метафор. Бенфорда можно назвать главным ритором твердой НФ. Ему принадлежит авторство фразы «игра с поднятой сетью», которую он использовал для описания твердой НФ.

Бенфорд — преподаватель Калифорнийского университета города Ирвина, работающий в области астрофизики и физики плазмы, и чрезвычайно азартный «человек идей», который получает большое удовольствие от словесных пикировок и как ученый, и как писатель. Помимо многочисленных наград в области фантастики, он получил премию Лорда за вклад в науку и медаль ООН по литературе.

Бенфорд — автор классического НФ-романа «Панорама времен» («Timescape», 1980), а также ряда других значительных произведений, включая романы «В океане ночи» («In the Ocean of Night», 1977) и «Плавание в яркую вечность» («Sailing Bright Eternity», 1995). Он лучший автор твердой НФ в поколении после Ларри Нивена и пишет главным образом в традициях Артура Кларка — о бескрайних, изобильных и захватывающих дух астрономических перспективах и чудесах техники, но с глубиной и богатством образов, не достигнутых многими фантастами.

В дискуссии о возрождении твердой НФ в 1990-е годы он был наиболее значительной фигурой и как полемист, и как автор. В своем эссе, опубликованном в журнале «Locus», Кен Маклеод написал: «Грегори Бенфорд, Стивен Бакстер и другие авторы новой твердой НФ — слишком серьезной по замыслу и исполнению, чтобы называться космической оперой, — демонстрируют, что знания о Вселенной, полученные современной астрономией и физикой, гораздо более захватывающи и интересны, чем инспирированные, если так можно

выразиться, поверхностным знакомством с диаграммой Герцшпрунга—Рассела и символической черной дырой». Тем не менее в последние годы некоторые произведения Бенфорда в жанре твердой НФ, попав в водоворот дискуссии, получили ярлык «твердая научно-фантастическая космическая опера», как это случилось с произведениями Стивена Бакстера.

Бенфорд был только рад вступить в полемику. Его идеи сами по себе провокационны, предназначены для возбуждения спора (и, возможно, даже для вызова догматизму и самодовольству), а также для очень тщательного изучения и оспаривания. Его недавним вкладом в дискуссию о «новой космической опере» стало эссе о космической опере и экономике, которое начинается словами:

«С тех пор как в 1911 году этот термин был изобретен Бобом („Уилсоном") Такером, космическая опера отличалась грандиозностью, о которой мы, жалкие ученые, могли лишь мечтать, но в которую редко верили. Позднее, однако, достижения нашей весьма неторопливой космической программы породили во мне определенную надежду на то, что такое будущее возможно. Космическая опера гордится огромными звездолетами и гигантскими космическими колониями. Но кто их оплачивает?»

И продолжает, высмеивая энтузиазм британцев:

«Британцам пришелся по вкусу повоявленный стиль космической оперы, отметим циклы Йэна М. Бэнкса, Кена Маклеода, популярные мегамасштабные космические оперы Питера Гамильтона и недавно присоединившихся к ним Аластера Рейнольдса и Чарльза Стросса — все они работают с будущим, где ароматно шипит на вертеле гигантское техножаркое. Интересно отметить, что все варианты будущего этих авторов имеют легкий налет социализма... В политике каждый имеет право на собственное мнение. Но никто не имеет права на собственные факты — особенно в экономике? В космических операх с левым уклоном, написанных в последние годы, хватает квантовых компьютеров и большого планетобойного оружия в стиле „Дока" Смита, но острые углы реальной экономики в них обходят. Может быть, потому, что у авторов нет реальных ответов или эти ответы их не интересуют. Космоопера ведь не реализм».

И заключает:

«Итак, ждет ли нас будущее в духе космической оперы? Если оно подразумевает гигантские звездолеты с впечатляющими двигателями — может быть. Увы, межзвездные перелеты пока лежат за пределами технологических предвидений. Зато остальная часть программы зависит от ваших

политических предсказаний. Родится ли под беспощадным экономическим давлением анархо-социалистическая империя Иэна М. Бэнкса? Или, может быть, либертарианский фронтир Роберта Хайнлайна?»

Эта идея наверняка заставит некоторых читателей процедить что-нибудь об американском империализме, и тем не менее это квинтэссенция Бенфорда: дерзкая, крупномасштабная, то, о чем он готов с удовольствием спорить часами. Она также идеально согласуется с традициями фронтира в американской НФ и американских вестернах, из которых отчасти выросла космическая опера. Бенфорд использует американский триумфализм в качестве стрекала, которым тычет всех, с кем не согласен.

«Червь в колодце» — нетипичное для него произведение: рассказ написан скорее в традиции «решения проблем» Роберта Хайнлайна и Пола Андерсона, чем холодных технопросторов Артура Кларка — более привычного Бенфорду поля. Здесь нам представлено изысканное приключение, яркий пример «твердой научно-фантастической космооперы», где сознательно обыгрывается приключенческая традиция космического пиратства. Бенфорд работает над романом с этими же декорациями.

Ей предстояло испечься, и все потому, что она не смогла кое-кого заморозить.

— Оптический, — велела Клэр.

Эрма подчинилась.

Вокруг них кипящей равниной простиралось Солнце. Клэр прибавила мощности воздушному кондиционеру, но это мало помогло.

Из желтовато-белой пены вырывались гейзеры — ярко-красные и актинически-фиолетовые. Корональная дуга едва выглядывала из-за горизонта, напоминая обручальное кольцо, наполовину воткнутое в кипящую белую грязь. Монстр длиной более двух тысяч километров, длинный, гладкий, тонкий и гневно-малиновый.

Клэр приглушила освещение в кабине. Когда-то она прочитала, что в темноте людям кажется, что им прохладнее. Температура в кабине была нормальной, однако Клэр начала потеть.

Снизив яркость желтых и красных оттенков на большом экране перед собой, она заставила раскаленные добела

солнечные бури казаться голубоватыми. Может быть, это обманет и ее подсознание.

Клэр развернула зеркало, чтобы рассмотреть корональную дугу. Благодаря преломлению лучей ее изображение выглядывало из-за солнечного горизонта, поэтому Клэр видела дугу заранее. Орбита ее корабля шла по ниспадающей кривой вытянутого эллипса, а нижняя ее точка была рассчитана так, чтобы соприкоснуться с вершиной дуги. Пока что наложенная на орбиту расчетная траектория упиралась точно в цель.

Программы, разумеется, не волнует жара. Гравитация — штука прохладная и спокойная. Жара — это для инженеров. А Клэр — всего лишь пилот.

В виртуальной рабочей среде, в которую она сейчас погрузилась, сенсорные органы управления выдавали ей абстрактные расстояния до реального физического окружения — фонтанов яростного газа и молотящих по обшивке фотонов. Разумеется, Клэр не держала зеркало, но ощущение было именно таким. Легкое перышко в руках и бодрящая комнатная температура.

Оптический блок висел на шарнирах высоко над кораблем — настолько далеко от термозащитного экрана, что получал всю дозу солнечного жара и быстро нагревался. Он скоро расплавится, несмотря на систему охлаждения.

Ну и пусть. К тому времени он ей будет уже не нужен. И она сама окажется под солнечными лучами.

Клэр протянула виртуальные руки и повернула зеркало. Все виртуальные изображения затмевало нечто вроде глянцевой пленочки, которую не могла стереть даже Эрма, ее сим-компьютер. Они выглядели слишком хорошо. Зеркало уже покрылось щербинами, что было видно по изображению дуги, но сим упорно показывал его в идеальном состоянии.

— Цвет — это индикатор температуры, правильно? — спросила Клэр.

КРАСНЫЙ ОБОЗНАЧАЕТ УРОВЕНЬ 7 МИЛЛИОНОВ ГРАДУСОВ ПО КЕЛЬВИНУ.

«Ох уж эта кокетливая Эрма, — подумала Клэр. — Никогда не даст прямой ответ, пока ее не начнешь упрашивать».

— Покажи крупно верхушку дуги.

Перед глазами заскользил бурляющий солнечный ландшафт, унося назад. Корональная дуга представляла собой семейство трубчатых магнитных силовых линий, переплетенных столь же замысловато, как викторианская кружевная салфеточка. Ее основание, уходящее в фотосферу, удерживалось на месте густой и медлительной плазмой. Клэр увеличила изображение дуги. Самое горячее из всех достижимых мест Солнечной системы, и ее добыча оказалась именно здесь.

ЦЕЛЬ ОБНАРУЖЕНА И ОПОЗНАНА СПУТНИКОМ СОЛНЕЧНОГО ДОЗОРА. ОНА НА САМОЙ ВЕРШИНЕ ДУГИ. ОНА ТАКЖЕ ОЧЕНЬ ТЕМНАЯ.

— Конечно, дурочка. Это же дыра.

Я СЕЙЧАС ПОЛУЧАЮ ДОСТУП К СВОЕЙ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ.

Идеальная Эрма аккуратно сменила тему.

— Покажи мне ее с цветовым кодированием.

Клэр стала разглядывать круглое черное пятнышко. Совсем как муха, угодившая в паутину. Что ж, она хотя бы не дергается, и лапок у нее нет. Магнитные пряди покачивались и колыхались, как пшеница под летним ветерком. При этом цветовом кодировании трубки магнитных потоков изображались синими и смотрелись как-то зловеще. Но на самом деле это были обычные магнитные поля, а с ними Клэр работала каждый день. Странностью здесь была темная сфера, которую они удерживали. И голубые пряди, крепко сжимающие черную муху.

А это оказалось удачей. Иначе спутники наблюдения за Солнцем никогда бы ее не заметили. В открытом космосе нет задачи труднее, чем отыскать это угольно-черное пятнышко. Поэтому его никто и никогда не видел — до сих пор.

ТЕПЕРЬ НАША ОРБИТА ПОДНЯЛАСЬ ВЫШЕ УРОВНЯ ПЛОТНОЙ ПЛАЗМЫ. Я МОГУ УЛУЧШИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ, ПЕРЕЙДЯ В РЕНТГЕНОВСКИЙ ДИАПАЗОН. СДЕЛАТЬ?

— Сделай.

Пятно набухло. Прищурившись, Клэр разглядывала в этом охристом свете трубки магнитных потоков. В рентгеновских лучах они выглядели четкими и скрученными. Но вблизи пятна силовые линии расплывались. Возможно, они здесь спутывались, но скорее всего причиной было пятно, искажавшее картинку.

— А ты, оказывается, девушка стеснительная...

Она увеличила рентгеновское изображение. В жестких лучах горячие структуры видны лучше всего.

Пятно. Свет там был смятым, крученым, перемешанным ложкой.

Муха, угодившая в паутину, а затем поджаренная над костром. А Клэр нужно приблизиться, опалить свои волосы, сфотографировать ее. И все потому, что она не смогла кое-кого заморозить.

Легкой походкой она шла по коридору, находящемуся в трехстах метрах под шлаковыми равнинами Меркурия, поглядывая на пенистые фонтанчики в фойе ее жилого комплекса. Почти ни на что не обращая внимания, разве только на свежий запах фонтанов. Вода здесь была наилучшая — пресная, с полюсов, а не рециркулированная бурда, которую приходилось терпеть в полстах. Клэр глубоко вдохнула насыщенный мельчайшими капельками воздух. Тут ее и сцапали.

— Клэр Эмбрейс, я произвожу формальную строгую блокировку.

Он вставил сустав среднего пальца в локтевой разъем Клэр, и она ощутила холодный щелчок. Ее системы застыли. Не успела она пошевелиться, как целые командные цепочки в ее встроенных компьютерах прервались.

Ощущение было такое, будто ей ампутировали пальцы. Финансовые пальцы.

Шокированная, Клэр могла лишь разглядывать его — неприметный, как мышь, из тех, кто сливается с фоном. Идеальный для такой работы. Никто из ниоткуда, полный сюрприз.

Он отступил на шаг:

— Мне очень жаль. «Исатаку инкорпорейтед» приказала мне сделать это быстро.

Клэр подавила непроизвольное желание ударить его. Он выглядел жителем Луны, худой и бледный. Может, весит он чуть больше ее, но противник примерно равный. А как это было бы *приятно*...

— Я смогу им заплатить, как только...

— Они сказали, что хотят получить все немедленно. — Он пожал плечами, извиняясь, но челюсти были стиснуты. Он привык к таким сценам.

Клэр вспомнила, что вроде бы видела его в каком-то баре возле Вершины. На Меркурии живет не более тысячи человек, и почти все, как и она, занимаются добычей руды.

— «Исатаку» следовало сохранить мне кредит, — заметила она, потирая локоть. Инъекция программ не должна причинять боль, но это всегда больно. Нечто связанное с нервно-мышечными пересечениями. — Из-за этого мне будет трудно даже доставить «Серебряный лаггер» обратно.

— О, они дадут вам путевой кредит под корабельные припасы. И разумеется, аванс за груз руды. Но небольшой.

— Не такой большой, чтобы помочь мне выбраться из долговой ямы.

— Боюсь, что так.

— Очень благородно.

Он проигнорировал ее сарказм:

— Они хотят, чтобы корабль был доставлен на Луну.

— Где они его конфискуют.

Она направилась к своей квартире. Клэр знала, что такой исход близок, но из-за суматохи при подготовке документов для доставки партии руды проявила беспечность. Агенты вроде этого типа с Луны обычно наносили своим жертвам удар у них дома, а не в коридоре. И Клэр держала в квартире парализатор, в удобном месте возле двери.

Так, его надо отвлечь.

— Я хочу заявить протест.

— Подайте его в «Исатаку».

А парень работает четко и эффективно, наверное, ему сегодня предстоит доставить еще дюжину порций плохих новостей. Занятой человек.

— Нет, вашему нанимателю.

— Моему? — Это его проняло — каменная челюсть удивленно отвисла.

— За... — она резко свернула за угол к своей квартире, улучив момент, чтобы тайком достать одну штучку, — умышленное проникновение в мои внутренние системы.

— Эй, я и не прикасался к вашим...

— Я это почувствовала. Такие пронырливые штучки... ух! — Пожалуй, можно немного поприкидываться, хотя бы развлечься немного.

— У меня тройная блокировка, — оскорбился он. — Я просто не смогу считывать информацию у клиента. Можете спросить...

— Заткнись.

Клэр торопливо подошла к двери квартиры и разблокировала ее сигналом внутреннего компьютера. Подходя, она ощущала его — в трех шагах сзади.

Ну, начали! Нога через порог, повернуться направо, выхватить парализатор из зажима на стене, обернуться, нацелить и... Она не смогла выстрелить.

— Проклятие! — процедила она.

Он заморгал и попятился, подняв руки ладонями к ней, словно защищаясь от выстрела.

— Что? Вы пошли бы на убийство ради дряхлого рудовоза?

— Это *мой* корабль. А не «Исатаку».

— Леди, я все равно не понимаю, какой в этом смысл. Если бы вы меня грохнули, то не прошло бы и дня, как за вами явились бы тяжеловесы.

— Не явились бы, если бы я тебя заморозила.

Его рот приоткрылся, начиная изумленно произносить «з», и тут его охватил гнев:

— Превратить меня в бревно, чтобы успеть смыться? Да я вас засыплю исками по уши и отрежу их в залог.

— Да, да, — устало пробормотала Клэр. Этот тип — сплошные клише. — Но пока ты очухаешься, я уже буду на орбите вокруг Луны, и если подвернется хорошая сделка...

— То выручки, может быть, и хватит, чтобы заплатить мне за ущерб.

— И рассчитаться с «Исатаку».

Она сунула парализатор в зажимы на стене.

— Вы никогда столько не заработаете.

— Ладно, это была долгосрочная идея.

— Леди, я просто доставлял послание, так? Вел себя дружелюбно и мирно, так? А вы выхватили...

— Пошел вон. — Она терпеть не могла, когда мужчины переходили от страха к гневу, а затем к оскорблениям, и все это меньше чем за минуту.

Он убрался. Она вздохнула и заперла дверь.

Время выпить, это уж точно. Потому что больше всего ее беспокоило не то, что «Исатаку» лишила ее права выкупа закладной, а собственная бесхарактерность.

Она не смогла заставить себя завалить этого типа, вырубить его на десять мегасекунд или около того. Выстрел парализатора заморозил бы его, вырвал из повседневной жизни, обрубил отношения, вырезал из его памяти дни, которые возместить невозможно.

В ее случае нерешительность была обоснованной. Ее дядю как-то заморозили более чем на год, и потом он так и не сумел склеить рассыпавшиеся кусочки своей жизни. Клэр еще девочкой видела, в кого он превратился.

Когда начинаешь с собой откровенничать, это обычно плохо заканчивается. Какое замечательное время для открытия, что у нее больше принципов, чем ей нужно.

И как ей вырваться из когтей «Исатаку»?

Теперь арка возвышалась над солнечным горизонтом — мерцающая голубовато-белая дуга высотой две тысячи километров.

И даже прекрасная в рентгеновских лучах — змеистые полосы струятся вниз, подмигивая горячими алыми пятнышками. Чрезвычайно красиво, чрезвычайно опасно. И совсем не то место, где полагается находиться рудовозу.

— Время для развода, — сказала Клэр.

ТЫ УДИВИТЕЛЬНО ТОЧНА. ДО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ШЛАКОВОГО ЩИТА ОСТАЛОСЬ 338 СЕКУНД.

— Не надо меня опекать, Эрма.

Я ИСПОЛЬЗУЮ СВОИ ПРОГРАММЫ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ НАСТОЛЬКО УМЕЛО, НАСКОЛЬКО ПОЗВОЛЯЮТ МОИ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МОЩНОСТИ.

— Не трать компьютерное время зря — это неубедительно. Обрати внимание на обзор, а уже потом на отделение.

ОБЗОР ВО ВСЕМ СПЕКТРАЛЬНОМ ДИАПАЗОНЕ ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИЙ, КАК ЕГО И НАСТРОИЛ СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР.

— Проверь его еще раз.

ЭТОТ СОВЕТ, НЕСОМНЕННО, ПОЙДЕТ МНЕ НА ПОЛЬЗУ.

«Невозмутимый сарказм», — решила Клэр. Звонкий голосок Эрмы звучал в ее сознании, и выключить его было невозможно. Сама же Эрма была интерактивным разумом, расположенным частично внутри ее и частично в системах корабля. Без нее и ее роботов управление «Серебряным лаггером» оказалось бы невозможным.

А пролет над бурлящим солнечным котлом может оказаться невозможным даже с ними, подумала Клэр, разглядывая вырастающий впереди оранжево-желтый цветок.

Она развернула корабль так, чтобы он находился в самом центре отбрасываемой щитом тени. Эта зазубренная глыба шлака начала вращаться.

— Из-за чего возникло это вращение?

Когда они начали спуск к Солнцу по параболической траектории, угловой момент щита был равен нулю.

ИЗ-ЗА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИЛИВНЫХ СИЛ НА АСИММЕТРИЧНОЕ ТЕЛО ЩИТА.

— Я об этом не подумала.

Идея как раз и заключалась в том, чтобы нагретая сторона шлакового щита была обращена к Солнцу. Теперь из-за вращения щита это тепло частично излучалось на корабль. Шипковатая корка, которую Клэр слепила из разного мусора на орбите Меркурия, теперь тлела в инфракрасных лучах. Дальняя сторона щита стала плавиться.

— Это может нас сильно нагреть?

МЕЛКИЕ КОЛЕБАНИЯ. МЫ УЖЕ УЛЕТИМ, КОГДА ЭТО СТАНЕТ ИМЕТЬ ЗНАЧЕНИЕ.

— Как там камеры?

Клэр стала наблюдать за тем, как робот закрепляет одну из наружных матриц формирования изображений. Ей удалось уговорить Институт солнечного дозора включить стоимость этих инструментов в ее комиссионные. Если робот сломает одну из матриц, это станет для нее прямым убытком.

ВСЕ ОТКАЛИБРОВАНЫ И ЗОНИРОВАНЫ. ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ НАД ЦЕЛЬЮ У НАС БУДЕТ ТОЛЬКО 33,8 СЕКУНДЫ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЙ. НА ПЕРЕСЕЧЕНИЕ САМОЙ ПЕТЛИ УЙДЕТ 4,7 СЕКУНДЫ.

— Надеюсь, ученым понравится то, что они увидят.

Я РАССЧИТАЛА, ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА, УМНОЖЕННАЯ НА ОЖИДАЕМУЮ ПРИБЫЛЬ, ПРЕВЫШАЕТ 62 МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ.

— Я сторговалась на семьдесят пять миллионов комиссионных за этот полет. — Значит, Эрма полагает, что ее шансы сделать снимки червя...

ВЕРОЯТНОСТЬ СДЕЛАТЬ УСПЕШНЫЕ СНИМКИ ВО ВСЕХ ВАЖНЫХ ЧАСТОТНЫХ ДИАПАЗОНАХ СОСТАВЛЯЕТ 83 ПРОЦЕНТА.

Пора завязывать с устным счетом – Эрма всегда считает быстрее.

— Будь готова сбросить щит. Потом я подкину в топку позитрончиков. Вверх и прочь. Здесь становится жарковато.

ТЕМПЕРАТУРА В КАБИНЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ РАВНА 22,3 ГРАДУСА ПО ЦЕЛЬСИЮ.

Клэр увидела, как среди добела раскаленных перьев плазмы вздымается пузырь размером с Европу. Непрерывно кипящая ярость.

— Ну, может быть, у меня разыгралось воображение, но все равно давай схватим информацию и смоемся, ладно?

Научного сотрудника Института солнечного дозора одолевали подозрения, но он очень хорошо это скрывал.

Клэр не могла разгадать выражение его вытянутого лица — плоскости и выступающие кости, кожа натянута, как на барабане. Такой стиль был популярен среди пионеров на астероидах полвека назад. Длинное, феноменально гибкое тело, подходящее для узких коридоров, большие руки. Со своеобразной грацией худого человека ученый обхватил ногами ножки стула и уставился на нее, склонив голову и улыбаясь настолько, чтобы не казаться грубым. Ровно настолько, не больше.

— Так это *вы* будете делать предварительное исследование?

— Не бесплатно.

Презрительная усмешка.

— Не сомневаюсь. У нас есть специально разработанный корабль, почти готовый к старту с окололунной орбиты. Боюсь, что...

— Я могу сделать это *немедленно*.

— Вам, несомненно, известно, что мы отстаем от графика...

— Это на Меркурии знают все. Свой первый зонд вы потеряли.

Ученый переплел толстые и длинные пальцы, изобразив большой интерес к тому, как они смотрятся вместе. «Возможно, ему неловко вести переговоры с женщиной, — подумала Клэр. — А может быть, он даже не любит женщин».

И все же его внешность ее странно тревожила — сплавом хрупкости и мускулистой мужественности. Поскольку он изучает свои пальцы, она тоже может заняться разгля-

дыванием. Клэр лениво задумалась над тем, характерны ли удлиненные пропорции для всех его конечностей. Нет, все это сказки. Однако было бы интересно это выяснить. Но сперва дело, потом удовольствие.

— Очевидно, автопилот подвел корабль слишком близко, — заключил ученый. — Светопреломление объекта несколько неожиданное, и это затрудняет навигацию. И мы пока не можем сказать точно, в чем эта трудность заключается.

Клэр предположила, что он раздосадован неудачей и пытается этого не показывать. Люди начинают так себя вести, когда вынуждены плясать на веревочках, которые дергают на Земле. И им приходится любить зарплату больше, чем себя.

— У меня на борту много свободного места, — заметила Клэр. — Я могу укрыть диагностические приборы, уберечь их от перегрева.

— Сомневаюсь, что ваш рудовоз имеет нужные технические характеристики.

— Да что тут может быть сложного? Я ныряю, ваши приборы делают снимки, я быстро улетаю.

Он фыркнул:

— Ваш корабль не приспособлен для приближения к Солнцу. Только у исследовательских кораблей есть все необходимые...

— У меня покрытие из френеля. — Дорогая облицовка, отражающая фотоны всех рас, вероисповеданий и цветов.

— Этого недостаточно.

— Я использую шлаковый щит. Кроме того, у меня достаточно мускулов. Полетев с пустыми трюмами, я могу смыться очень быстро.

— Наш корабль был очень тщательно спроектирован...

— Правильно, и вы его потеряли.

Ученый снова принялся разглядывать пальцы. Крепкие, жилистые и одновременно толстые. Может быть, он в них влюблен? Клэр решила заполнить паузу, представляя некоторые интересные действия, которые он может сделать такими пальцами. Она давно усвоила, что при многих переговорах бо́льшую часть работы делает молчание.

— Мы... отстаем от графика нашего исследования.

Ага, признался.

— Эти типы на Луне считают, что обязаны руководить буквально всем.

Он энергично кивнул:

— Мы ждали *месяцы*. А ведь червь может упасть на Солнце в любой момент! Я им говорил снова и снова...

Каким-то образом Клэр ухитрилась переключить его на режим потока жалоб. Целую минуту он распинался насчет тупых невежд, которые только просиживают штаны перед экранами, не имея практического опыта. Она изобразила сочувствие и стала любоваться тем, как его руки сжимаются, бугрясь мускулами. «Сначала дело», — пришлось ей напомнить самой себе.

— Так вы думаете, что он может просто... ну... улететь?

— Червь? — Он моргнул, выплывая из потока жалоб. — Чудо уже то, что мы вообще его обнаружили. Он может в любой момент упасть на Солнце.

— В таком случае быстрота важнее всего. Вы... э-э-э... можете распоряжаться вашим местным бюджетом?

— Да. — Он улыбнулся.

— В сущности, речь идет о мелкой сумме. Сто миллионов.

— Это не мелочь. — Ученый быстро и сильно нахмурился.

— Ладно, пусть будет семьдесят пять. Но только наличными, хорошо?

Большая магнитная дуга возносилась над длинным и слегка изогнутым солнечным горизонтом. Расставивший ноги великан, только без туловища.

Клэр так откорректировала орбиту, чтобы скользнуть в нескольких километрах над верхней точкой арки. Внутри ее распускались красные цветы — водородная плазма, нагретая токами, которые порождают магнитные поля. Скороварка длиной тысячи километров.

Она простояла здесь месяцы и могла простоять годы. Или же взорваться в ближайшие несколько минут. Предсказывать, когда арки изверпут солнечные вспышки, — это крупный научный бизнес, прогноз погоды в Солнечной системе, за которым пристально следят. Вспышка могла поджарить рабочих в поясе астероидов. Солнечный дозор наблюдает за всеми арками. Так они и обнаружили червя.

Трубки потока набухли.

— Уже есть изображение?

ДОЛЖНО БЫТЬ, НО СНИЗУ ИДЕТ ИЗБЫТОЧНЫЙ СВЕТ.

— Тоже мне новость! Здесь *все* избыточное.

ПО ДАННЫМ СО СПУТНИКОВ, ДИАМЕТР ОБЪЕКТА НЕСКОЛЬКО СОТЕН МЕТРОВ. НО Я ВСЕ ЕЩЕ НЕ МОГУ ЕГО ОБНАРУЖИТЬ.

— Проклятие!

Клэр рассматривала трубки потока, отслеживая некоторые от вершины арки до утолщения в ее основании, которым она держалась за бурлящее Солнце. Неужели червь упал? Он мог соскользнуть по этим магнитным линиям, шлепнуться в густое и более прохладное море плазмы. Потом он начнет падать до самого ядра звезды, пожирая ее. Вот *реальная* причина, почему на Луне так торопятся «изучить» червя. Страх.

— Где он?

ЦЕЛЬ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ОБНАРУЖЕНА. ОБЛАСТЬ НА ВЕРШИНЕ АРКИ ИСПУСКАЕТ СЛИШКОМ МНОГО СВЕТА. ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЙ ЭТОМУ НЕТ.

— К черту теорию!

ВРЕМЯ ДО НАЧАЛА МИССИИ: 12,6 СЕКУНДЫ.

Арка рванулась навстречу, стремительно набухая. Клэр увидела, как тонкие волоконца внутри ее то вспыхивают, то гаснут, когда токи проходят по пути наименьшего сопротивления, постоянно удерживая равновесие между горячей плазмой внутри и магнитными стенами снаружи. Если сжать магнитный кулак, то плазма ответит ослепительным свечением. Сжатие — свет. Сжатие — свет. То, что природа смогла сотворить такое замысловатое диво и направить его по дуге над бушующим Солнцем, было чудом, но восхищаться им сейчас Клэр была не в настроении...

Пот заливал глаза, стекал по подбородку. Теперь никакие трюки с освещением не помогут забыть о жаре. Клэр заставила себя вдыхать и выдыхать.

Шлаковый щит принял на себя основной удар. Но в нижней точке параболической орбиты гигантский солнечный горизонт простирался раскаленным добела океаном во всех направлениях.

НАША ВНУТРЕННЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ.

— Еще как. Найди червя!

ИЗБЫТОЧНЫЙ СВЕТ НЕ ОСЛАБЕВАЕТ... НЕТ, ПОГОДИ. ОН ПРОПАЛ. ТЕПЕРЬ Я ВИЖУ ЦЕЛЬ.

Клэр шлепнула по подлокотнику кресла и испустила радостный вопль. Стенной экран показывал вершину арки. Они опускались к ней, скользя над самой верхушкой, и... вот он.

Темный шар. Или червь на дне гравитационного колодца. И совсем не похож на муху. Он устроился на силовых линиях подобно черному яйцу на бело-голубой соломе. Черное пасхальное яйцо, которое спасет Клэр и корабль от «Исатаку».

СЪЕМКА НАЧАТА. ОТКЛИК ПО ВСЕМУ СПЕКТРУ.

— Браво.

СЛОВО ВЫРАЖАЕТ ВОСТОРГ, НО ТВОЙ ГОЛОС — НЕТ.

— Я нервничаю. И плата за этот полет мне, конечно, поможет, но ее все равно не хватит, чтобы сохранить этот корабль. Или тебя.

НЕ ОТЧАИВАЙСЯ. Я СМОГУ НАУЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ С ДРУГИМ КАПИТАНОМ.

— Для этого требуются большие способности к межличностному общению, старушка Эрма. Вообще-то я волновалась не за тебя.

Я ЭТО ПОДОЗРЕВАЛА.

— Если я потеряю этот корабль, мне придется искать какую-нибудь работу для сурков.

На это у Эрмы не нашлось готового ответа, и она сменила тему:

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕРВЯ УМЕНЬШАЕТСЯ.

— Что?!

По мере того как они проносились над аркой, изображение съеживалось. По краям его размывала рябь сдавленного и скрученного света. Вокруг черного центра Клэр увидела пляшущие радуги.

— Что происходит? — Ее охватил внезапный страх: а вдруг эта штуковина падает, погружаясь в Солнце?

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕ ОБНАРУЖЕНО. ПО МЕРЕ НАШЕГО ПРИБЛИЖЕНИЯ СЖИМАЕТСЯ САМО ИЗОБРАЖЕНИЕ.

— Невозможно. Предметы выглядят крупнее, когда к ним приближаешься.

НО НЕ ЭТОТ ОБЪЕКТ.

— Неужели червоточина сжимается?

ОТМЕТКА! ПОЛОВИНА СЪЕМКИ ЗАВЕРШЕНА.

Клэр вспотела, и причиной тому была не жара.

— Что происходит?

Я ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОДКЛЮЧИЛА СЕКЦИЮ ЗАПАСНЫХ ТЕОРИЙ.

— Как это утешает. Мне всегда становится лучше после симпатичной и приятной теории.

Червоточина внешне продолжала сжиматься, а дуга теперь стала отдаляться. Странных ярких радуг по окружности темного пятна стало больше. Вскоре они полностью скрыли изображение. Клэр заерзала.

ОТМЕТКА! СЪЕМКА ЗАВЕРШЕНА.

— Отлично. Роботы развернуты?

КОНЕЧНО. ДО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ЩИТА ОСТАЛОСЬ 189 СЕКУНД. НАЧАТЬ ОТСЧЕТ?

— Мы сделали все снимки, которые они хотели?

ВО ВСЕМ СПЕКТРЕ. ВЕРОЯТНАЯ ПРИБЫЛЬ — 75 МИЛЛИОНОВ.

Клэр еще раз завопила:

— Их хотя бы хватит на хорошего юриста, а может быть, чтобы заплатить штрафы.

ЭТО КАЖЕТСЯ ГОРАЗДО МЕНЕЕ ВЕРОЯТНЫМ. А ПОКА Я НАШЛА ОБЪЯСНЕНИЕ АНОМАЛЬНОМУ СЖАТИЮ ИЗОБРАЖЕНИЯ. У ЧЕРВОТОЧИНЫ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МАССА.

— Антивещество?

НЕТ. ЕЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ КРИВИЗНА ПРОТИВОПОЛОЖНА НОРМАЛЬНОЙ МАТЕРИИ.

— Не понимаю.

Червоточина соединяет две области пространства, иногда это точки, разделенные множеством световых лет, — это она знала. Они были остатками первозданной горячей Вселенной, морщинками, которые не смогло разгладить даже ее расширение. Материя могла проходить сквозь один конец червоточины и появляться на другом ее конце — субъективно мгновение спустя. Вот вам и путешествия со сверхсветовой скоростью.

Эрма объясняла, используя свой канал высокоскоростной связи. Клэр слушала, едва успевая схватывать суть.

Имелась вероятность того, что за пятнадцать миллиардов лет, миновавшие после рождения червоточины, один из ее концов проглотил больше материи, чем другой. Если один конец застрял внутри звезды, то он поглотил огромную массу. И локально стал более массивным.

Но материя, льющаяся в приемный конец, выбрасывается на другом конце. Локально это выглядит так, словно выбрасывающий конец теряет массу. И пространство-время вокруг него искривляется в сторону, противоположную относительно принимающего конца.

— Поэтому он и выглядит как отрицательная масса?

ДОЛЖЕН ВЫГЛЯДЕТЬ. ПОЭТОМУ ОН ОТТАЛКИВАЕТ МАТЕРИЮ. А ДРУГОЙ КОНЕЦ ПРИ ЭТОМ ВЕДЕТ СЕБЯ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ, ОБЫЧНАЯ МАССА И ПРИТЯГИВАЕТ МАТЕРИЮ.

— В таком случае почему он не улетает от Солнца?

УЛЕТИТ И ЗАТЕРЯЕТСЯ В МЕЖЗВЕЗДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, НО ЕГО УДЕРЖИВАЕТ МАГНИТНАЯ АРКА.

— Откуда мы знаем, что у него отрицательная масса? Я видела лишь...

Эрма вывела на экран изображение:

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МАССА ДЕЙСТВУЕТ КАК РАССЕИВАЮЩАЯ ЛИНЗА ДЛЯ ПРОХОДЯЩЕГО РЯДОМ СВЕТА. ВОТ ПОЧЕМУ НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНА СЪЕЖИВАЕТСЯ, КОГДА МЫ НАД НЕЙ ПРОЛЕТАЛИ.

Клэр знала, что обычная материя фокусирует свет, подобно собирательной линзе. Взглянув на экран, она сразу увидела, что конец червоточины с отрицательной массой преломляет свет противоположным образом. Входящие лучи отклонялись в стороны, оставляя перед собой темный туннель. Они пролетали поперек этого туннеля, ныряя в него, поэтому кажущийся размер червоточины уменьшался.

— Но чтобы так сильно сфокусировать свет, нужна целая *звезда*.

ВЕРНО. ОДНАКО ЧЕРВОТОЧИНЫ УДЕРЖИВАЮТСЯ ВМЕСТЕ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ МАТЕРИЕЙ, СВОЙСТВА КОТОРОЙ НАМ ПОКА СОВЕРШЕННО НЕИЗВЕСТНЫ.

Клэр не любила лекции, даже когда их читают с большой скоростью. Но у нее в голове уже забрезжила идея...

— Значит, этот червь не упадет на Солнце?

ОН НЕ МОЖЕТ УПАСТЬ. Я БЫ ДАЖЕ ПРЕДПОЛОЖИЛА, ЧТО ОН ЗАСТРЯЛ ЗДЕСЬ, ВЫБИРАЯСЬ НАРУЖУ ПОСЛЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С СОЛНЦЕМ.

— Ученые будут счастливы. Червь не сожрет ядро.

ВЕРНО. И ЭТО ДЕЛАЕТ НАШИ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫМИ.

— Более важными, но не более ценными.

Работа за фиксированную плату всегда действовала ей на нервы. Ты можешь выложиться и добиться выдающихся результатов, но получишь столько же, как если бы работала спустя рукава.

НАМ НЕОБЫКНОВЕННО ПОВЕЗЛО, ЧТО МЫ ЗАМЕТИЛИ СТОЛЬ РЕДКИЙ ОБЪЕКТ. ЧЕРВОТОЧИНЫ НАВЕРНЯКА РЕДКИ, А ЭТА ВРЕМЕННО ЗАДЕРЖАЛАСЬ ЗДЕСЬ. МАГНИТНЫЕ АРКИ ЖИВУТ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ...

— Погоди-ка. Насколько велика эта штуковина?

ПО МОИМ РАСЧЕТАМ, ОКОЛО 10 МЕТРОВ В ПОПЕРЕЧНИКЕ.

— Значит, в институте ошиблись — она маленькая.

ОНИ НЕ ЗНАЛИ ОБ ЭТОМ ЭФФЕКТЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТИРОВАЛИ ДАННЫЕ, ИСПОЛЬЗУЯ ОБЫЧНЫЕ МЕТОДЫ.

— Нам повезло, что мы вообще ее видим.

ОНА УНИКАЛЬНА, РЕЛИКТ ПЕРВОЙ СЕКУНДЫ ЖИЗНИ НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ. КАК КАНАЛ ПЕРЕХОДА В ДРУГУЮ ЕЕ ТОЧКУ, ОНА МОЖЕТ...

— Стоить целое состояние.

Клэр размышляла быстро. Эрма, вероятно, была права — семьдесят пять миллионов не спасут ее и корабль. Но теперь она знала нечто такое, чего не знал никто. И здесь она в первый и в последний раз.

— Отмени сброс щита.

НЕ СОВЕТУЮ. ТЕРМИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА БУДЕТ БЫСТРО ВОЗРАСТАТЬ.

— Ты программа, а не офицер. Выполняй.

Клэр стала действовать, уступив порыву.

В этом и заключается разница между инженерами и пилотами. Инженеры продолжают сомневаться и подсчитывать, даже когда их уже убедили. Пилоты — никогда.

Они просто выходят на нужную орбиту и не потеют над цифрами.

Потеют. Клэр старалась не воспринимать свой запах.

Думай о чем-нибудь прохладном. Теория.

Полулежа на кожаной кушетке, Клэр вспоминала инструктаж у научного сотрудника. Графики, замысловатые уравнения, статьи. Червоточины как окаменелости Большого Взрыва. Червоточины как туннели, ведущие во все уголки Вселенной. Червоточины как потенциальные разрушители, если они попадают в звезду и пожирают ее.

Клэр попыталась представить рот поперечником всего в *несколько* метров, высасывающий звезду, перекачивающий ее раскаленную массу куда-то в дальний космос. Чтобы червоточина могла такое проделывать, она должна состоять из экзотического материала, определенного рода материи «с отрицательной средней плотностью энергии». Чем бы она ни была, она родилась в момент Большого Взрыва. Она пронизывает червоточины от входа до выхода. Замечательный строительный материал, если суметь его раздобыть. А Клэр, может быть, сумеет.

Итак, червоточины могут убить нас, а могут сделать богами. Человечество должно *знать*, сказал ей тощий научный сотрудник.

— Да будет так, — произнесла она тост, тщательно все обдумав и обращаясь к экранам. На них в полную смертоносную мощь полыхало пламя термоядерного синтеза.

Клэр никогда не тратилась на оснащение голых металлических коробок, каковыми были почти все рудовозы и буксиры. У нее был суровый бизнес, в котором из рук в руки переходили толстые пачки наличных. Прибыль в последнее время была низкой, а иногда и убыток, поэтому она и задолжала «Исатаку» так много. Перевозка мегатонн массы вверх по градиенту гравитации была делом медленным и долгим. Но кто мешает добавить немного стильности? Облицовка из фреснеля, которую Клэр заказала, совершив удачную сделку на рынке руды, помогала поддерживать внутри корабля прохладу, и она не обжигалась, ползая по смотровым каналам. Добавочная масса толстых ковров, журчащего водопадика и бильярдного стола была ничтожной. То же относилось и к водяной оболочке вокруг ее жилого помещения, которая теперь деловито спасала ей жизнь.

Клэр осталось ждать два часа, скользя, подобно плоскому камешку, над солнечной короной. «Серебряный лаггер» уже сбросил шлаковый щит, и тот унесся по длинной параболе в бесконечность, поблескивая расплавленными лужицами.

После этого Клэр впервые за несколько недель включила двигатель корабля. Струйка антивещества вырвалась из магнитных ловушек, столкнулась с реакционной массой, и в камере двигателя вспыхнул ад. Камера сфокусировала ревущую массу аннигилирующей материи в реактивную струю, и серебристый корабль вышел на новую, более низкую орбиту.

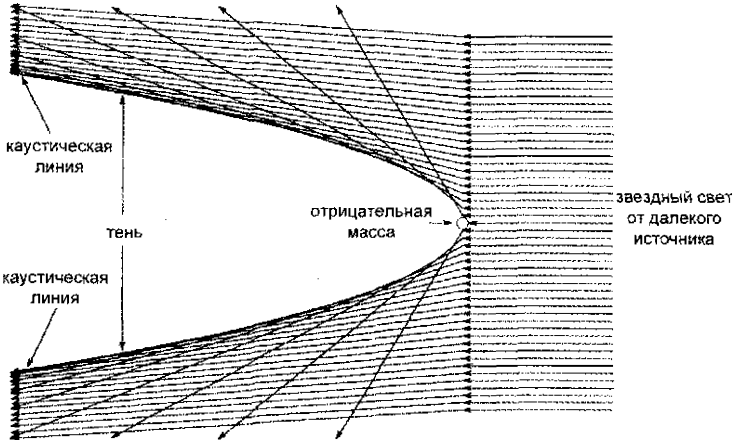
Смертельную орбиту, если они задержатся на ней дольше нескольких часов.

Я НАКАЧИВАЮ БОЛЬШЕ ВОДЫ В ТВОИ ЭКРАНЫ.

— Хорошая идея.

Корабль уже был посеребрен настолько, насколько позволяла технология, и отражал солнечный свет почти полностью. Облицовка из узкополосных фреснелевых фильтров была многослойной. Лучше не бывает.

Без щита кораблю понадобится более десяти часов, чтобы стать таким же горячим, как и бьющий снизу поток

Преломление света объектом с отрицательной массой (горизонтальная шкала сильно сжата), свет выметается из центральной области, создавая область тени с нулевой яркостью. По краям тени лучи накапливаются, создавая радужную каустическую линию и повышая яркость света.

раскаленного света с температурой шесть тысяч градусов. Чтобы выжить в таких условиях хотя бы два часа, придется испарить бо́льшую часть запаса воды. Клэр покупала ее на Меркурии по местным заоблачным ценам — *для полета к Луне*. Теперь она задумчиво прислушивалась к тому, как вода журчит между стенами.

Тост за воду Клэр поднимала бокалом шампанского из единственной на корабле бутылки. Если ей суждено погибнуть, то хотя бы не придется сожалеть, что шампанское пропало зря.

Я СЧИТАЮ ЭТОТ ПЛАН ЧРЕЗВЫЧАЙНО...

— Заткнись!

МЫ ВЫПОЛНИЛИ ЗАДАНИЕ, ПЕРЕСЛАЛИ ИНФОРМАЦИЮ В ИНСТИТУТ. ТЕПЕРЬ МЫ ДОЛЖНЫ СЧИТАТЬ, ЧТО НАМ ПОВЕЗЛО, И СЛЕДОВАТЬ ТЩАТЕЛЬНО СОСТАВЛЕННЫМ ПЛАНАМ.

— Засунь их куда подальше.

НИКОГДА НЕ ЗАДУМЫВАЛАСЬ НАД ТЕМ, КАКАЯ СЛОЖНЕЙШАЯ МЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НЕОБХОДИМА ДЛЯ КАЧЕСТВЕННОЙ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ НАПОДОБИЕ МЕНЯ. МЫ ТОЖЕ ОБЛАДАЕМ ПОДОБНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МОТИВАЦИЯМИ, ЧУВСТВАМИ И СТРАХАМИ.

— Ты их симулируешь.

А КАК ТЫ МОЖЕШЬ ОЩУТИТЬ РАЗНИЦУ? ХОРОШАЯ СИМУЛЯЦИЯ СТОЛЬ ЖЕ ТОЧНА И СТОЛЬ ЖЕ СИЛЬНА, КАК...

— У меня нет времени спорить.

Эта тема Клэр была неприятна, и черта с два она проживет, быть может, последний час своей жизни с ощущением вины. Или начнет сомлеваться. Решение принято, и точка.

Экраны мигнули, и на них появился хмурый научный сотрудник:

— Команда корабля! Мы все еще не получили от вас подтверждение о возвращении. Вы остались на орбите. У вас неисправности? Объясните.

Клэр и ему отсалютовала бокалом с шампанским. Замечательный вкус. Разумеется, она заранее приняла антиалкогольную таблетку, чтобы рефлексы оставались быстрыми, а разум ясным. Эрма рекомендовала и другие таблетки,

чтобы Клэр сохраняла спокойствие, — химическое утешение пред лицом грубой физики.

— Я собираюсь привезти домой червя.

— Это невозможно. Судя по вашим данным, это конец с отрицательной массой, и это очень хорошая новость, но...

— И еще он маленький. Возможно, я смогу его перевезти.

Ученый мрачно покачал головой:

— Очень рискованно, *очень*...

— Сколько вы за него заплатите?

— Что? — Он моргнул. Интересный получился эффект при таких длинных ресницах. — Вы не можете *продать* астрономический объект...

— Все, что захваты корабля способны удержать, — мое. Космический кодекс, статья шестьдесят четвертая, пункт третий.

— Вы мне цитируете законы, когда научное открытие такой величины...

— Так это вам нужно или нет?

Он взглянул в сторону от камеры — ему явно отчаянно хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Но говорить с Луной или с «Исатаку» некогда. Решать придется ему.

— Ну... хорошо. Вы сами-то понимаете, на какую глупость решились? И что мы не несем никакой ответственности за...

— Не надо лишних слов. Мне нужна оценка напряженности магнитного поля внутри той арки. Пусть ваша команда над этим поработает.

— Техническую поддержку мы, конечно, окажем. — Ученый еле заметно улыбнулся. — И я уверен, что насчет цены мы тоже договоримся, если вы выживете.

У него, во всяком случае, хватило честности сказать *если*, а не *когда*. Клэр налила в изящный бокал еще один столбик золотистой жидкости. Лучший хрусталь, разумеется. Когда тебе нужен только один, можешь позволить себе лучшее.

— Перешлите данные мне, точнее, Эрме.

— У нас проблемы с передачей данных сквозь плотные колонны плазмы над вами...

— Эрма принимает сигналы со спутника. Перешлите через него.

— Проблемы при выполнении того, что вы запланировали... они *огромные*.

— Как и мой долг «Исатаку».

— Все это следовало продумать, обсудить...

— Вот я сейчас и обсуждаю — с бокалом шампанского.

У ТЕБЯ НЕТ ПЛАНА.

В голосе Эрмы четко прозвучали обвинительные нотки. Хороший сим в комплекте с женской хитростью и лукавством. Клэр проигнорировала ее слова и сбросила остатки одежды.

— Жарко.

РАЗУМЕЕТСЯ. КАК ТОЛЬКО МЫ ВЫШЛИ НА НОВУЮ ОРБИТУ, Я ПРОВЕЛА РАСЧЕТ СКОРОСТИ ПОДЪЕМА ТЕМПЕРАТУРЫ. РЕЗУЛЬТАТ ИДЕАЛЬНО СООТВЕТСТВУЕТ ЗАКОНУ СТЕФАНА—БОЛЬЦМАНА.

— Браво. — Клэр стряхнула пот с волос. — Стефан—Больцман, делайте свое дело.

МЫ ВЫПОЛНЯЕМ ТОРМОЖЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО. ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 4.87 МИНУТЫ. ЗАПАСЫ АНТИВЕЩЕСТВА ДЕРЖАТСЯ. МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПРОБЛЕМЫ С МАГНИТНЫМИ БУТЫЛКАМИ.

Корабль загудел, сбрасывая скорость. Клэр погрузилась в проверку корабельных систем, сидя в уютном кресле, — это заставляло минуты ползти чуточку быстрее. Время от времени она нервно поглядывала на экраны, на которых титанические башни огня вздымались из раскаленных равнин. Пламя, стремящееся ее лизнуть.

Клэр ощутила внезапную усталость. Воздух становился неприятно теплым. Сердце колотилось сильнее. Она поднялась и бросила Эрме:

— И у меня есть план.

НЕ СОЧЛА НУЖНЫМ ПОДЕЛИТЬСЯ СО МНОЙ?

Клэр закатила глаза. Обиженный сим — только этого ей и не хватало.

— Я боялась, что ты станешь смеяться.

Я НИКОГДА НЕ СМЕЯЛАСЬ.

— Именно поэтому.

Клэр не обращала внимания на подмигивающие ей многочисленные красные предупреждения. Системы работают нормально, хотя и в тяжелых условиях из-за жары. Но по-

чему на нее навалилась такая медлительность? «Такие игры не для тебя, девочка».

Клэр отложила инфопанель. Ее удивило усилие, которого потребовало это простое движение. «Надеюсь, таблетка против алкоголя действует. Приму еще одну».

Она встала, чтобы взять таблетку... и упала, стукнувшись коленом.

— Вот черт!

Эрма промолчала.

Чтобы встать на четвереньки, пришлось потрудиться, и Клэр еле смогла вскарабкаться обратно на кресло. Она весила тонну... и тут до нее дошло.

— Мы тормозим, поэтому я сильнее ощущаю местную гравитацию.

ГРУБОВАТО СФОРМУЛИРОВАНО, НО ПО СУТИ ПРАВИЛЬНО. Я ВЫВОЖУ НАС НА ДРУГУЮ ОРБИТУ, В КОНЦЕ КОТОРОЙ МЫ ЗАВИСНЕМ НАД КОРОНАЛЬНОЙ АРКОЙ. ВСЕ КАК ТЫ ПРИКАЗАЛА.

Клэр с трудом приподнялась. Не злорадство ли прозвучало в голосе Эрмы? Неужели симы личности способны испытывать и такое?

— А какова местная гравитация?

27,6 ЗЕМНОЙ.

— Что?! Почему же ты мне не сказала?

Я САМА ОБ ЭТОМ НЕ ПОДУМАЛА, ПОКА НЕ НАЧАЛА ЗАМЕЧАТЬ ЭФФЕКТ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОРАБЛЬ.

«Ага, и решила преподать мне небольшой урок смирения». Но Клэр сама во всем виновата — физика здесь достаточно простая. Нахождение на орбите означает, что центробежное ускорение точно уравновешивает местную гравитацию. Корабль сможет выдержать 27,6 g. Он рассчитан на то, чтобы тянуть груз руды, в тысячи раз превышающий его массу.

Но на такое способна лишь углеродистая сталь. Сойди с орбиты, зависни — и от тебя останется только красная паста.

Клэр поползла через комнату по ковру. Суставы немилосердно болели.

— Должен быть...

ОТМЕНИТЬ ПЛАН ПОЛЕТА?

— Нет! Должен быть способ...

ДО ПРИБЫТИЯ 3,9 МИНУТЫ.

Голос сима сочился злобной радостью.

— Вода, — простонала Клэр.

У МЕНЯ ТРУДНОСТИ С ПРИЕМОМ ТВОЕГО СИГНАЛА.

— Потому что это скафандр для космоса, а не для ныряния.

Клэр плыла над своей кожаной кушеткой. Жаль дорогую внутреннюю отделку, но что поделаешь? Сейчас весь ее жилой отсек был заполнен питьевой и технической водой. Нужно было или быстро это сделать, или превратиться в комковатую томатную пасту.

Клэр проползла сквозь люк и вытянула из зажимов скафандр. Чтобы надеть его, пришлось потрудиться. То, что она была мокрая от пота, помогло, но не очень. Потом рука застряла в рукаве, и Клэр никак не могла вытянуть проклятую конечность, чтобы попробовать снова.

В тот момент она едва не запаниковала. Но пилоты не имеют права поддаваться страху, потому что им надо управлять кораблем. И Клэр заставила себя вытащить руку медленно, по сантиметру, не обращая внимания на все прочее.

И как только Эрма закачала в помещение запас воды, сработал закон Архимеда. При надутом скафандре вес вытесненной ее телом воды точно равнялся ее весу. Подводное плавание — редкое ощущение на Луне или Меркурии. Клэр никогда не плавала под водой, поэтому никогда не понимала, как это сходно с пребыванием на орбите. И еще прохладно.

«Пока не сваришься, как омар».

Вода хорошо проводит тепло, в четыре раза лучше воздуха, и это узнаешь на ощупь, летая на грузовиках рядом с Солнцем. Поэтому сперва надо послать весь корабль к черту и охлаждать только воду. Затем Эрме надо перенаправить часть воды в теплообменники, позволяя ей выкипать, чтобы защитить все остальное. Выигрывая время.

НАСОСЫ УЖЕ ГОРЯЧИЕ. У НЕКОТОРЫХ ОТКАЗЫВАЮТ ПОДШИПНИКИ.

— С этим мы сейчас ничего не можем сделать, верно?

Клэр была удивительно спокойной, и из-за этого страх в животе становился тяжелым комком. Слишком много проблем, о которых надо думать, и все они сложные. Вода

может вызвать короткие замыкания. И по мере ее выкипания у Клэр будет все меньше защиты от бьющих снизу рентгеновских лучей. И лишь вопрос времени...

МЫ ЗАВИСЛИ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗАБЫЛА, ТО МАГНИТНЫЕ ЛОВУШКИ ДЛЯ АНТИВЕЩЕСТВА СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ. С ПОВЫШЕНИЕМ ТЕМПЕРАТУРЫ ОНИ ОТКАЖУТ.

Клэр все еще могла видеть экраны, хотя и с размытым из-за воды изображением.

— Ладно, ладно. Выдвигай магнитные захваты. Вниз, в арку.

Я НЕ СМОГУ...

— Мы отправляемся на рыбалку. Но не с червем — *за* червем.

«Трудно пилотировать на дне бассейна», — подумала Клэр, направляя корабль вниз на бурлящий погребальный костер.

Вибрация ощущалась даже сквозь воду. Антивещество аннигилировало в реакционной камере с невиданным прежде расходом. Корабль стонал и дребезжал. Гравитация сама по себе не подарок, а теперь к ней добавилось термическое расширение корабля, из-за которого напрягалась каждая балка и заклепка.

Клэр вглядывалась вниз. Текли секунды. Где? *Где?*

Вот она. Среди лент магнитной дуги висела темная сфера. Над ней трепетали длинные красные ленты. Веер фиолетовых лучей, похожих на зловещие волосы, окаймлял ее, извиваясь в неистовом танце. Дыра, ведущая в другое место Вселенной.

КРАСНОЕ И ГОЛУБОЕ СМЕЩЕНИЕ ВОЗНИКАЕТ ИЗ-ЗА МОЩНЫХ ПСЕВДОГРАВИТАЦИОННЫХ СИЛ, КОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

— Так говорит теория. Не хотела бы я ее потрогать.

РАЗВЕ ЧТО МЕТАФОРИЧЕСКИ.

Клэр нервно рассмеялась:

— Нет, магнитно.

Она приказала Эрме опустить корабль ниже, в гущу магнитных трубок потока. Вибрация нарастала, отдаваясь в палубе нервным гудением. Клэр нетерпеливо проплывала от одного экрана к другому, поглядывая на червя и оценивая расстояние. «Чертовски далеко для полета».

Выхлопная струя их двигателя размывала эбеновые очертания червоточины. Подобно черному теннисному мячу в бело-голубом прибое, она покачивалась и подергивалась на волнах магнитной турбулентности. Клэр видела, что в нее ничего не падает. Струи плазмы изгибались вдоль трубок потока, уносясь прочь. Отрицательная кривизна отталкивала материю — и будет отталкивать корпус корабля тоже.

Но у магнитных полей *нет* массы.

Для большинства людей магнитные силы — это нечто таинственное, но для пилотов и инженеров, которые с ними работают, они всего лишь большие и прочные ленты, которым нужно придать форму. Подобно резиновым лентам, они растягиваются, накапливая энергию, а потом стягиваются обратно, если их отпустить. И еще их почти невозможно разорвать.

Во время обычной работы «Серебряный лаггер» захватывал этими магнитными пальцами огромные контейнеры с рудой. Контейнеры взлетали с Меркурия, запущенные на орбиту электромагнитной пращой. Самой сложной для Клэр работой было ловить их магнитной перчаткой.

Теперь ей предстояло поймать контейнер искривленного пространства-времени. И быстро.

МЫ НЕ МОЖЕМ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ДОЛГО. ВНУТРЕННЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ НА 19,3 ГРАДУСА В МИНУТУ.

— Быть такого не может. Мне все еще комфортно.

ПОТОМУ ЧТО Я ПОЗВОЛЯЮ ВОДЕ ИСПАРЯТЬСЯ, УНОСЯ С СОБОЙ ОСНОВНУЮ ЧАСТЬ ТЕПЛОВОГО ПОТОКА.

— Приглядывай за этим.

Я ОЦЕНИВАЮ ВЕРОЯТНУЮ ПРИБЫЛЬ ОТ ЗАХВАТА ЧЕРВОТОЧИНЫ В 2,8 МИЛЛИАРДА.

— То, что надо. Ты умножаешь прибыль в долларах на вероятность успеха?

ДА. УМНОЖАЮ НА ВЕРОЯТНОСТЬ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ.

Ей не захотелось спрашивать, каково численное значение этой вероятности.

— Продолжай нас опускать.

Вместо спуска они затормозились. Трубки потока в арке толкали корабль вверх. Клэр расширила магнитные поля

корабля, запустив генераторы и накачивая ток в миллионы индукционных петель, опоясывающих корпус. «Серебряный лаггер» был одной большой электросхемой, и вокруг его цилиндрической оси были намотаны катушки индуктивности.

Клэр осторожно подала на них ток, впрыскивая еще больше антивещества в камеры. Многополярные поля корабля разбухли. «Забросим леску...»

Они силой прокладывали себе дорогу вниз. На экранах Клэр видела, как магнитные захваты тянутся намного ниже струй выхлопа. Нащупывают.

Клэр приказала быстро сменить несколько команд. Эрма переключила связи, состыковала нужные программы, и все это почти мгновенно. «Хороший работник, но как сим личности нестабильна», — подумала Клэр.

Поля корабля вытянулись на максимальное расстояние. Теперь она могла использовать перчатки своего скафандра как модифицированное дистанционное управление — магнитные перчатки. Она ощущала их как магнитные захваты. Шелковистые и гладкие, силовые линии скользили и расширялись, словно резиновый воздух.

Их обдували плазменные бури. Клэр потянулась вниз, и ей показалось, как будто она погружает руки в растягивающийся эластичный бак. Пальцы зашевелились, отыскивая единственную жемчужину в этой навозной куче.

Клэр нашарила колючий самородок — словно волосатый камешек. По опыту работы с контейнерами она узнала ощущение замкнувшихся магнитных диполей. У червя имелись собственные магнитные поля. Они-то и загнали его в эту ловушку, в магнитную паутину арки.

Всплеск поля хлестнул по невидимым пальцам Клэр. И она потеряла черную жемчужину.

А в ослепительно-горячей плазме Клэр не могла ее разглядеть.

Поискала эластичными полями, но ничего не поймала.

МАГНИТНЫЕ БУТЫЛКИ ДЛЯ АНТИВЕЩЕСТВА В ОПАСНОСТИ. ИХ СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ МАГНИТЫ БЛИЗКИ К КРИТИЧЕСКОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ. ОНИ ОТКАЖУТ ЧЕРЕЗ 7,4 МИНУТЫ.

— Дай мне сосредоточиться! Нет, погоди — охлади их водой. Выиграй немного времени.

НО ВСЯ ОСТАВШАЯСЯ ВОДА СЕЙЧАС В ТВОИХ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ.

— Это все, что осталось? — Клэр обвела взглядом некогда роскошную *жилую* комнату. Она же спальня, зона отдыха и кухня. — Сколько... еще?

ПОКА ВОДА НЕ НАЧНЕТ ИСПАРЯТЬСЯ? ПОЧТИ ЧАС.

— Но когда вода испаряется, она кипит!

ПРАВИЛЬНО. Я ВСЕГО ЛИШЬ СТАРАЮСЬ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ФАКТОВ.

— А все эмоции оставляешь мне, да?

Она набрала команды на пульте скафандра. В стоячей и нагревающейся воде ее пальцы шевелились, как сосиски.

Клэр приказала роботам выйти на корпус и освободить несколько сервомеханизмов, которые заклинило. Они сделали свое дело, но их угловатые тельца хлестал плазменный ветер. Двоих сдуло.

Клэр снова потянулась вниз. Стала искать. Где же червь?

Извивающиеся трубки потока метались вдоль корпуса корабля. Клэр заглянула в красное свечение перегретой плазмы. Горячо, но терпимо. Настоящий же враг — бьющий снизу фотонный ураган, обжигающий даже посеребренный корпус.

У нее еще оставались на корпусе рабочие роботы. У четверых имелись реактивные двигатели. Клэр освободила крепления всех четверых. Роботы включили двигатели, и она направила их вниз в определенном порядке.

— Отслеживай их траектории, — приказала она Эрме.

На экране появились оранжевые линии трасс.

Роботы мчались вниз навстречу своей смерти. Один резко дернулся в сторону.

— Червь там! Мы не можем его увидеть из-за проклятой плазмы, но он отклонил робота.

Роботы испарились, брызнув струйками жидкого металла. Клэр последовала за ними, нащупывая червя.

Магнитные силовые линии вытягивались, искали.

У НАС ОСТАЛОСЬ 88 СЕКУНД УДЕРЖАНИЯ АНТИВЕЩЕСТВА.

— Спасай резерв!

У ТЕБЯ НЕТ ПЛАНА. Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МЫ ВЫПОЛНИЛИ АВАРИЙНУЮ ПРОЦЕДУРУ.

— Хорошо, сохрани немного антивещества. Остальное я использую немедленно.

Корабль пробивался вниз, содрогаясь всем корпусом. Руки Клэр нащупали червоточину. Теперь она казалась скользкой и маслянистой. Ее магнитные диполи напоминали жирные волосы, а сам червь избегал захвата, словно живой.

На экранах Клэр увидела, как черный шар скользит и отскакивает. Червь вывернулся из ее хватки. Она обвила его длинными индукционными пальцами. Спокойно, спокойно... Есть! Попался!

— Я хорошо его держу. Теперь пускай антивещество.

Эрма испустила нечто вроде вздоха. На экране управления Клэр увидела, как магнитные хранилища корабля начали извергать свое содержимое. Рубиново-красные комочки выскальзывали из геометрии магнитного зеркала, вырываясь сквозь распахнувшиеся ворота.

Она ощутила рывок — корабль начал подниматься. Хорошо, но долго это не продлится. Они вбрасывали вещество в реакционную камеру настолько быстро, что оно не успевало отыскивать парные частицы. Бьющая вниз раскаленная струя была смесью вещества и его завывающего врага — полярной противоположности. И эту струю Клэр направила на трубки потока вокруг червя. «Отпускай его, черт бы тебя побрал!»

Ей был известен старый трюк, невозможно медленный в обычном пространстве. Если суметь заставить две силовые магнитные линии сблизиться, они могут слиться. Это преобразует часть энергии поля в тепло и даже может разорвать магнитную структуру. Но процесс этот медленный — если не ускорить его турбулентной и буйной плазмой.

Льющееся вниз антивещество проходило сквозь трубки потока. Клэр резала их струей, освобождая силовые линии, которые все еще удерживали червя. Корабль поднимался, волоча червя за собой.

Не такой уж он и тяжелый, решила Клэр. Тот ученый говорил, что они могут быть любого размера. А этот как раз подходящий для того, чтобы сквозь него прошел небольшой корабль — вот только куда?

У ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ 11,34 МИНУТЫ ВРЕМЕНИ ОХЛАЖДЕНИЯ.

— Вот твоя шляпа... — Клэр прошлась струей по последней большой трубке. Она засверкала, когда энергия аннигиляции вырвалась из нее пламенем костра, бушуя в и без этого невообразимо горячем месте. Магнитные узлы переплелись и взорвались. — Куда торопишься?

И тут солнечная корональная арка распалась.

Клэр ощутила эту потенциальную энергию, запертую на вершине арки, — сработала интуиция, прошедшая через ее руки, после долгой работы в магнитных перчатках. Обретенное практическое знание: отыщи напряженные линии потока. Поверни ключ.

А потом ад вырвался наружу.

Несмотря на воду, ускорение прижало Клэр к полу. А на экране она увидела, как прямо под ними гигантский запас энергии, содержавшийся в арке, рванулся вверх.

ТЫ СДЕЛАЛА СОЛНЕЧНУЮ ВСПЫШКУ!

— А ты думала, что у меня нет плана.

Клэр засмеялась, но удар о кушетку оборвал смех. Она могла сломать плечо, но кушетка пропиталась водой и стала мягкой.

Теперь червь стал ее капиталом. Он отталкивал материю, поэтому бьющее вверх пламя огибало его, проходя мимо корабля. Освободившись от захватов трубок потока, червоточина сама помчалась прочь от Солнца. Очень кстати, подумалось Клэр, но этим зрелищем она насладиться не могла — вибрирующая и дергающаяся палуба стремилась бросить ее на мебель.

В конечном счете их спас магнитный захват корабля — он отклонил бо́льшую часть фотонов солнечной вспышки. Даже отброшенные со скоростью пятьсот километров в секунду, они едва избежали участи быть зажаренными. Зато теперь у них имелся червь.

Но научный сотрудник все равно не был доволен. И явился на корабль, чтобы выразить это четко и ясно. Для этого хватило бы одного выражения его лица.

— Вы, конечно же, не станете требовать деньги за это? — Он нахмурился и кивнул в том направлении, где магнитные захваты корабля удерживали червоточину.

Клэр пришлось зажечь позади нее небесно-голубой плазменный разряд, чтобы видеть червоточину. Они находились на орбите возле Меркурия и вели переговоры.

А на Земле группы экспертов затевали нескончаемые споры — Клэр наслушалась их досыта в передачах по направленному лучу. Червоточина с отрицательной массой упасть не может, поэтому она не сможет пронзить мантию Земли и проглотить ее ядро.

Зато узкий корабль может влететь прямо в нее, преодолев гравитационное отталкивание, и выйти... где? Этого не знал никто. Червь не извергал массу, значит, другой его конец не расположен внутри звезды или какого-либо иного явно опасного места. Одна из полудюжины новых теорий, прозвучавших в передачах, утверждала, что это, возможно, червоточина со многими концами — и с положительной, и с отрицательной массами. В этом случае, нырнув в нее, можно вынырнуть в разных местах. Своего рода галактическое метро.

Итак: опасности нет, а возможностей множество. *Интересные рыночные перспективы.*

Клэр пожала плечами:

— Пусть ваш юрист поговорит с моим юристом.

— Это уникальный природный ресурс...

— И он мой. — Она улыбнулась.

Он, худой и мускулистый, — лучший мужчина, какого она видела за последние недели. А также единственный мужчина, которого она видела за эти недели.

— Знаете, ведь моя команда может захватить ваш корабль. — Он навис над ней, использовав обычный мужской «интеллектуальный» прием.

— Вряд ли вы настолько быстры.

— А при чем здесь скорость?

— Я всегда могу отключить захваты. — Она протянула руку к выключателю. — Если он не мой, то я могу сделать его общим достоянием.

— Да зачем вам... Нет, нет надо!

Выключатель был не тот, но он об этом не знал.

— Если я выпущу червя, он улетит — антигравитация или что-то в этом роде.

Он моргнул:

— Мы можем его поймать.

— Вы даже не сумеете его найти. Он же абсолютно черный. — Она постукивала по выключателю, кривя губы в зловещей улыбочке.

— Пожалуйста, не надо.

— А мне надо услышать цифру. Ваше предложение.

Он так сжал губы, что они побелели.

— Цену за червя после вычета ваших штрафов?

Теперь настал ее черед моргнуть:

— Каких еще штрафов? Это же был официальный, одобренный полет...

— Та солнечная вспышка... ее не было бы еще месяц. А вы хорошо над ней потрудились — вся магнитная аркада вылетела одним залпом. И людям до самых астероидов пришлось мчаться по укрытиям.

Ученый не сводил с нее глаз, и Клэр не могла решить, правду ли он говорит.

— Значит, их убытки...

— Могут оказаться весьма высокими. Плюс гонорары адвокатам.

— Вот именно. — Он едва заметно улыбнулся.

Эрма пыталась ей что-то сказать, но Клэр приглушила ее голос, и тот запищал, как раздраженное насекомое.

Она неделями терпела женский сим личности со скверным настроением. Хватит, натерпелась. Ей нужно противоядие. Этот тип ведет неправильную политику, но ориентироваться на это столь же глупо, как и сама политика. Название ее корабля было, по сути, шуткой на тему долгих и одиноких полетов на рудовозе. И этого с нее хватит. А он такой высокий и мускулистый.

— *Touché*, — улыбнулась она. — Хорошо, мы договорились.

Он просиял:

— Моя команда сразу начнет работу...

— И все же должна сказать, что вам надо поработать над навыками деловых переговоров. Грубовато работаете.

Он нахмурился, но тут же понимающе улыбнулся. Впрочем, утонченность тоже не была сильной стороной ее характера.

— Не обсудить ли нам их... за обедом?

ДОНАЛЬД КИНГСБЕРИ

Изгой

Дональд Кингсбери (р. 1929), бывший преподаватель математики, живет в Монреале, провинция Квебек. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.donaldkingsbury.com. В своем творчестве Кингсбери придерживается традиции Джона Кэмпбелла. Первая публикация писателя появилась в начале 1950-х в журнале «Astounding», после чего наступило долгое затишье вплоть до конца 1970-х, когда увидели свет сразу четыре повести в жанре твердой НФ. Затем Кингсбери взялся за романы. В 1982 году был издан «Ритуал ухаживания» («Courtship Rite»)[1]*, в 1986 году «Лунная богиня и сын» («The Moon Goddess and The Son») и в 2001 году «Психоисторический кризис» («Psychohistorical Crisis»).*

Кингсбери — настоящий специалист в написании твердой научной фантастики. Он мастерски создает детально проработанное, искусно закрученное повествование, в котором наиболее полно раскрываются характеры героев. Интерес писателя к психологии и естественным наукам роднит его с Фрэнком Гербертом, автором бессмертной «Дюны» («Dune», 1965), который подробно исследует влияние природных условий придуманного им мира на психологию и социальный уклад населяющих его персонажей. Тщательно разработанная концепция и ее последовательное воплощение помогают Кингсбери добиться поразительной реалистичности создаваемых им миров, редкой даже среди авторов твердой НФ.

Посредством искусных аллюзий и ловкого обращения с деталями достигается иллюзия огромной насыщенной Вселенной, простирающейся за пределами повествования. Читатели погружаются в мир будущего, сильно отстоящего во времени и пространстве от известных нам событий и порой связанного с ними лишь косвенно. Впушительный научный «фундамент», лежащий в основе создаваемых Кингсбери миров будущего, позволяет поставить писателя в один ряд с такими именитыми творцами, как Хол Клемент, Фрэнк Герберт, Энн Маккэффри, Ларри Нивен. Однако по сути своей проза Кингсбери ближе к провидческому рационализму Альфреда Ван Вогта.

---

[1] В некоторых отечественных библиографиях это название неправильно переводят как «Дворцовый ритуал».

В середине 1980-х годов Кингсбери, постоянно сотрудничавший с издательством «Baen Books», был вовлечен в работу над межавторским проектом «Войны людей и кзинов» («Man-Kzin Wars»), созданным на основе цикла Ларри Нивена «Освоенный космос» («Known Space») и посвященным затяжному конфликту между человечеством и расой кзинов. Заинтересовавшись, Кингсбери издал целый «путеводитель» по этому миру и написал две повести. Ниже представлена одна из них, «Изгой» (1991), которую Джон Клют назвал одним из лучших научно-фантастических произведений года.

Действие повести разворачивается в период долгого межзвездного противостояния людей и кзинов — классический сценарий для космической оперы, однако на этот раз главным героем становится трус. Этот неожиданный ход придает оригинальность повествованию.

Глава 1
(2391 н. э.)

Хвост окоченел от холода. И никаких идей, куда теперь податься.

Коротышка-Сын Чиир-Нига распушил мех, чтобы хоть как-то согреться. В шлюзовом отсеке он слишком спешил и не подобрал более подходящей для прогулок экипировки. Скафандр оказался велик и годился только для кратковременных вылазок. Смерть от переохлаждения обеспечена, хотя кислородная маска и блоки питания будут работать еще бесконечно долго.

Лучи огромного красного солнца окрашивали бледным румянцем снежные пики гор. Тускло-розовый свет его разливался над теснившими друг друга городскими постройками. Их бесформенный массив, горбясь, спускался во мрак долины. Обстановка требовала защитных очков, чтобы различать тени, но очков у Коротышки-Сына не было. Бежать в горы? Острые, словно клыки, вершины, попиравшие небосвод, принадлежали гряде Торжества Обетованного. Название было дано еще воинами-первооткрывателями Хесиа, но то был край смерти.

Мертвенный, под стать Р'хцессире, кровянистый блеск снежных пиков делал почти невидимыми звезды на горизонте. Но выше небо наливалось темно-лиловым и, даже

затянутое перистыми облаками, давало, кажется, больше света, чем жалкое подобие солнца.

Едва появлялся свет — приходило тепло. Но чтобы ощутить его в полной мере, следовало выбраться на открытое место в самый разгар дня, когда Р'хшссира, похожий на раскаленный докрасна диск, заполнял собою почти весь небосвод. Впрочем, тому, у кого вот-вот окончательно отмерзнет хвост, достаточно было бы и самой малой толики живительного тепла, способной проникнуть сквозь защитную броню скафандра.

Коротышка-Сын Чиир-Нига подставил солнцу спину, и хвост сам собой потянулся к теплым лучам.

Предки-воители посмеивались над природой Хссина. Планета это, в самом деле, или луна какая? Ни один кзин не смог бы с уверенностью утверждать, был ли Р'хшссира — злосчастное светило — древней звездой или только слабым, как детеныш, небесным скитальцем при спутнике. Ибо для звезды Р'хшссира был слишком холоден и мал; водородные запасы его давно себя исчерпали, и он сжался, достигнув плотности тяжелых металлов. Впрочем, Хссин все еще купался в волнах теплого кровавого света этого погруженного в спячку звездного монстра с вялым метаболизмом.

Монстр не совершал оборотов вокруг оси и вообще не проявлял никакой активности. Магнитное поле у него отсутствовало. Он спал, и верный раб-спутник Хссин охранял покой своего господина в непосредственной близости.

Коротышке-Сыну не одолеть пути через горы. Придется вернуться в город, из которого он так отчаянно бежал. Он взглянул на созвездие, на пять далеких гигантов, цепью пересекавших гладь Небесной Реки. Раз уж нет места, где он может укрыться, так пусть Клыкастый-Бог-У-Небесного-Водопоя заберет его к звездам.

Для кзинского Патриархата Хссин являлся передовой военной базой. Ландшафт безжизненного спутника и атмосфера полноценной планеты. Атмосфера, правда, низкой плотности, неустойчивая, с изрядным количеством ядовитых примесей, порой бурная настолько, насколько смирной была поверхность Р'хшссиры. Температура едва удерживалась на отметке, делающей Хссин пригодным для жизни. Ничего сколько-нибудь съедобного и достойного охоты не

обитало на здешних горных склонах и в долинах, усыпанных обломками камней и усеянных ледяными осколками. Кзинти, населяющие Хссин, ловили сочувственные взгляды кзинти, бывавших здесь «проездом», на пути к более завидной участи и великой славе.

«Тех кзинти, — подумал Коротышка-Сын с горечью, — что высмеивали и мучили верных подданных Патриархата, а ведь на героизме последних этот жалкий уголок Вселенной и держится». Его терзала зависть к воителям, их великой доле и самкам-плутовкам, их великолепным кораблям, отделанным деревом, кожей и дорогими тканями. Он глубоко презирал их лицемерное нытье о тяготах скитаний в космосе. И открыто ненавидел их сыновей, для которых он был чем-то вроде игрушки. И помалкивал о дерзких помыслах насчет невинности их пушистых дочерей.

Коротышка-Сын Чиир-Нига отлично знал, *куда* держали путь эти блистательные воины. Ярчайшая звезда на небосклоне Хссина — вот веха, что удлиняла дорогу и заставляла подолгу торчать на унылых военных базах. При каждом взгляде на звезду он вспоминал не ее кзинское имя Ка'аши, а почему-то предпочитал труднопроизносимое *альфа Центавра* из языка инопланетян. Странно звучит. И что, интересно, значит?

Старый вояка однажды рассказал ему, что пришельцы-приматы будто бы назвали эту звезду в честь зверя, который наполовину был приматом, наполовину травоядным. Четыре копыта и две руки. Одно только название заставляло Коротышку-Сына трепетать в мечтаниях об охоте на диковинную тварь! Пасть наполнялась слюной, едва он пытался представить себе болтливое существо с шестью конечностями и мясистым крупом.

Но сейчас именно *он* выступал в роли добычи!

Коротышка-Сын считал себя аномалией, выродком, ошибкой природы — другими словами, единственным кзином во всем Патриархате, испытывающим страх. Может, другие тоже боялись, но не бежали, по крайней мере.

Что делает на поверхности котенок-кзин, который так торопился покинуть шлюз, что забыл надеть термокостюм? И баллон с кислородом он забыл тоже. Дыхательная маска с бурчанием перерабатывала атмосферный углекислый газ,

а мех был совсем слабой защитой от холода. Хвост онемел окончательно. Коротышка-Сын напомнил себе, что Герои вроде него кончили плохо. А он тут совсем один. И даже матери не было рядом, уж она бы его спасла.

«Я просто грызун», — подумал Коротышка-Сын, используя крайне грубое слово из Наречия Героев, обозначавшее суетливого зверька, слишком мелкого, чтобы обладать честью и отвагой охотника. Ни одному кзину он не признается, что называл себя грызуном. Тем не менее ему страстно хотелось знать, отчего другие не боятся смерти.

Водящий-За-Нос и Гнусный-Оскал — такие прозвища Коротышка-Сын дал приятелям — затеяли на него охоту; они непременно найдут и прикончат его. Ради забавы. Отец частенько устраивал подобные игры, не особенно заботясь о возрасте и физической подготовке сыновей. Его вряд ли беспокоило, что отпрыск погибнет нелепой, глупой смертью. Одной проблемой меньше. У отца и владыки Коротышки было громкое, благородное имя и достаточно сыновей, чтобы добыть еще больше славы этому имени. Они и сами достигнут высот и сколотят состояние на рабах-приматах.

Старый вояка говорил, что людей в их мире бесчисленные мириады. Целые стада в миллиарды голов. Настоящий заповедник! Ты можешь убивать их тысячами, и пусть столы на пиру ломятся от этой добычи — все равно рабов-приматов с избытком хватит, чтобы сделать тебя самым богатым на свете! Сын Чиир-Нига зажал лысый хвост между лапами, чтобы обогреть, и, сотрясаясь от холода, отыскал на небе Солнце Людей, расположенное в правой части небосклона под углом к двойной звезде, согревавшей Дивную Твердь. Прямо у края Занесенного Кинжала. Далекий красный гигант в непосредственной близости от Крови Жертвы. Люди-приматы звали его Мирахом или просто бетой Андромеды. Их язык был богат на запоминающиеся благозвучные слоги.

Коротышку-Сына охватывал благоговейный страх, когда он вспоминал, что живет на окраине владений кзинов. Говорили, на центральных планетах Патриархата взглянешь на небо и не увидишь ни одной не завоеванной звезды. Но небо над Хссином... Это были непознанные просто-

ры, благодатные пажити, на которых паслись тучные стада! Горы сочного мяса приматов!

Жаль, что пара развоевавшихся котят убьет его раньше, чем он получит шанс впиться клыками в человеческую плоть. Злая доля! Он выпустил когти и втянул их обратно.

Проблема действительно серьезная. До тех пор пока он остается снаружи, у него есть шанс сохранить шкуру целой. Но Водящий-За-Нос — настоящий стратег, будущий военачальник. Неслучайно по наказу отца он примкнул к рядам новобранцев, отправляющихся к Дивной Тверди для четвертого похода на Мир Людей. Наверняка все пути в город уже охраняют два октала подхалимов из свиты Водящего-За-Нос с острыми кинжалами-втцай наготове.

«Ждут меня, чтобы отрезать уши...»

Впрочем, база ведь огромна. Завоевательный поход на Дивную Твердь начинался отсюда. С тех пор поселение разрослось впятеро, и, когда новости о готовящемся штурме человеческого мира достигли самых дальних уголков Патриархата, к Хссину хлынул настоящий поток кораблей. Требовались новые постройки, системы жизнеобеспечения, туннели, внешние посадочные платформы; все это возводилось и строилось спешно и в беспорядке. Так что тут было где спрятаться.

Молодой кзин еле передвигал ноги, пока брел к лабиринту городских стен вдоль свежих, то и дело пересекавших путь раскопов. Определенно он не был готов к подобной отчаянной экспедиции. И слишком замерз, чтобы идти дальше. Неожиданное решение пришло, когда лапы почти онемели от холода. Впереди показался загон — обширный комплекс куполов и подземных пещер, предназначенных для разведения рабов-джотоков и охоты на них. Коротышка решил повернуть назад. Замерзнешь насмерть, прежде чем обойдешь пастбище.

Покончить с этим одним махом — и дело с концом. Вернуться к главному входу, — там его, конечно, схватят... Будет драка, и его убьют или безнадежно покалечат. Но, может, удастся удивить своих обидчиков приступом ужасающей ярости и даже прикончить одного прежде, чем из самого выбьют дух? Он чуть не оскалился гордо, но с гневом одернул себя: поубавь-ка прыти. Кстати, с прыгучестью тоже все беспросветно плохо... Так не все ли равно,

когда наступит час расправы? Не сегодня, так завтра его найдут и растерзают — подчистят кровь расы.

Тут-то Коротышка-Сын и вспомнил, что котятам-кзинам без сопровождения запрещена охота на территории загона джотоков. Сюда Водящий-За-Нос со своей сворой пробраться не сможет. Разумеется, то же касалось и самого Коротышки, но он отделается лишь жестоким наказанием, если попадется на глаза взрослым. Убивать его не станут.

Окон тут не было, и стены были толстыми, со встроенным механизмом самовосстановления на случай повреждений. Коротышка вскарабкался по стене, по пути представляя, что участвует в секретной миссии по захвату человеческого форта. В каждом углу и по уступам он расставил невидимые лучевые винтовки, а потом разом направил смертоносный свет на гнусных приматов. К моменту, как он сумел разглядеть центральный погрузочный двор, достаточно большой, чтобы в нем могли поместиться двадцать барж, от его лап уже пали октавы и октавы безволосых тварей. Посадочные площадки лежали в тени, и Коротышка уже продумал план решающего штурма Мира Людей.

Смерть всем людям-приматам! А потом можно поохотиться на жирафов.

Неподалеку располагались грузоподъемники, доставляющие баржи вниз, к городу. Можно было бы попробовать взломать их пассажирские шлюзы. Впрочем, грузовой отсек вскрыть легче. Изнутри загон запирался на солидные замки, поскольку джотоки отличались сообразительностью и даже коварством. Снаружи препятствий подобной сложности не было, как не было в них нужды, — кзин не станет взламывать замки и проникать на запретную территорию без веских причин.

У Коротышки-Сына не было при себе ни ключей, ни прочих приспособлений для доступа, но в скафандре имелся набор инструментов первой необходимости, да и механизмы его всегда интересовали — ему доставляло удовольствие разбирать их, пока устройство и работа не становились для него понятными. Коротышка спрыгнул во двор, на окоченевшие, потерявшие чувствительность лапы. Пальцы превратились в ледышки, и, кажется, прошла целая вечность, прежде чем поддалась дверь грузового отсека. Глу-

пый механизм. Заставь самку сделать замок — у нее щеколда выйдет лучше! Черная стена скользнула в сторону. Коротышка вошел в грузовой отсек в вихре конденсата. Внешняя дверь вновь закрылась, и тогда заработали очистители — профильтровали азот, избавились от остатков углекислого газа и впрыснули кислорода. За считаные секунды Коротышка обесточил сигнализацию. Как у любого кзина, готовность к бою в любой момент являлась основным инстинктом, так что перед выходом в загон он напрягся, ожидая броска джотока о пяти конечностях или сердитого смотрителя и даже кого-нибудь из приспешников Водящего-За-Нос.

Но он обнаружил только троих малышей-джотоков, размером с его ладонь; они ползали вблизи от погрузочного двора, определенно сконфуженные каменным полом. Коротышка раздавил их ботинком и вышел через лабиринт матовых стеклянных стен на поросшую зеленью биокологическую территорию — здесь высились деревья и журчал ручей. Сняв дыхательную маску, он почуял прелый запах дождевого леса, ароматы гниющей листвы и отдаленного водоема с покрытыми растительностью берегами. Некоторые запахи ему так и не удалось распознать.

Глава 2
(2391 н. э.)

По телу Коротышки-Сына Чипр-Нига бежала приятная дрожь. Наконец-то тепло. Он убрал дыхательную маску и еще непослушными пальцами принялся чехлить инструменты, но уронил один из них. Мысль о том, что придется поднимать, вызвала в нем смешанное чувство страха и раздражения — он тихо зарычал. Очень не хотелось привлекать к себе внимания. Он *огляделся* и приметил густой кустарник рядом с группой деревьев, где можно было бы спрятаться, не оставляя на земле следов. На случай нападения.

Коротышка стянул ботинки и начал растирать окоченевшие лапы. Еще один детеныш-джоток пытался взобраться на ствол молодого дерева, не очень успешно, надо сказать. Три веретенообразные лапки висели без дела, тог-

да как остальные две, каждая с парой суставов, упирались в землю. Этого Коротышка убивать не стал — его воинственная ярость утихла. «Безмозглый пожиратель листьев. Станешь безмозглым рабом, когда вырастешь». Ветка была слишком гладкой. Пальчикам малыша, с еще мягкими косточками, требовалась поверхность погрубее, чтобы зацепиться как следует. Вокруг обнаружились и другие джотоки. Вероятно, приползли сюда от водоема.

Зашуршали листья, и Коротышка быстро взглянул вверх, исследуя ветви. Лампы, имитирующие тропическое солнце, с трудом справлялись со своей задачей: их было достаточно много, но теней они давали мало. Надо остерегаться этих джотоков. Они *умнеют* с возрастом. И становятся гораздо крупнее. В каждой из пяти конечностей у них находился мозг — достаточно для развития хитроумия, — и во время сна по меньшей мере один мозг оставался активным.

Впрочем, это не слишком пугало Коротышку. Джотоки бежали при малейшем признаке опасности, а на диких особей кзины регулярно охотились. Дай им возможность бежать, и они побегут. Но говорили, что, пока они прячутся, они не боятся ничего. Как бы там ни было, осторожность не помешает. На охоте отец Полосатого-Сына Хромфи умер мгновенно, когда дикий джоток спрыгнул на него. В умении прятаться джотокам не было равных. Даже чутье тут не поможет: кожные железы джотоков выделяли секрет, имитирующий запахи леса.

Что же теперь? Прежде всего — отдохнуть. Добыть немного пищи и набить брюхо. Даже если придется заняться браконьерством. Коротышка умирал от голоду. Окружающие запахи возбуждали в нем природную ярость и жажду охоты, но он не собирался ловить джотоков без надлежащей подготовки. Сгодится любое другое мелкое животное. В конце концов, эти обширные угодья из пещер и куполов были созданы для охоты. Охота! Лучшее, чем Коротышка когда-либо занимался на Хссине. Гораздо лучше, чем покупать для отца на рынке запуганных ватаков в клетках и потом тащить на закорках до самого дому.

Двумя уровнями ниже он нашел змею длиной с его лапу. Ну и дурака он свалял, решив поохотиться на нее! Охота радовала кзинов в любых условиях, но по природе своей

они не были созданы для охоты в лесу, и ползающие по стволам деревьев пресмыкающиеся не являлись их естественной добычей. Тем не менее как закуска змея сгодилась, а ее кровь имела любопытный привкус. Кости, правда, слишком хрустели.

Надо подумать о том, как отсюда выбраться, даже если делать это не очень хочется. Задержись он здесь, его обязательно найдет кто-то из взрослых и тогда несдобровать; уйди — прикончат преследователи. Искать помощи у отца бесполезно. Если братья еще оставались союзниками Коротышки, несмотря на насмешки и унижения, то отец просто бросит младшего сына на растерзание мучителям, чтобы сделать из него настоящего воина. Как наяву, прозвучал в его голове голос родителя, поучающего на высокопарном Наречии Героев: «Всякую игру используй, дабы умножать свои навыки».

Меж двух гнилых стволов, поросших крошечными цветами на черных пятнах плесени, Коротышка обнаружил гриб величиной с собственную голову. Принюхался, любопытствуя. Уловил запах какого-то зверька. Глянул вверх и увидел дикого джотока, притаившегося на лампе, растопырив локти. Джоток разглядывал Коротышку покрытым защитной мембраной глазом, свесившимся из-под лопатки. Глаза на остальных конечностях были втянуты — вероятно, спали.

Тогда сквозь заросли тростника Коротышка направился к водоему в надежде поймать рыбу. Но тут плескались только конечности джотоков, первичные формы размером с палец, бледно-розового цвета. Каждая конечность являлась самостоятельным существом, а когда наступало время выходить на сушу, они образовывали колонии по пять. «Головастики» имели по глазу в защитной мембране и изящные плавнички вместо пальцев.

Что за развлечение бродить по пруду? Коротышке-Сыну больше пристало размышлять о потешных битвах-играх. И одному ему тут находиться точно не следовало. У него, если подумать, вообще должна быть целая команда за спиной. Или, по меньшей мере, он мог бы быть частью команды во главе с толковым командиром. Ну и плевать на такие развлечения. Возможно, это последний день его жизни. Отец позабыл, что игры со сверстниками не отли-

чаются честностью. Котята испытывали друг друга — по всем правилам кодекса чести во избежание смертельных случаев. А потом случалось то, на что правила не распространялись.

Советом решили, кому быть самым слабым. С того дня Коротышку заклеймили смертником и начали на него охоту. Даже те, кто еще питался материнским молоком, старались поучаствовать в травле. Никаких шансов на спасение. Отныне ни одно проявление храбрости не являлось достаточным. Совет решил: «смерть». Коротышка понимал. И похоже, сам же помог врагам загнать себя в ловушку и теперь будет растерзан на части восьмью «гончими». Идеальное количество для быстрого исполнения приказа Водящего-За-Нос.

Смерть. Стоя по щиколотки в воде, он нашел три конечности джотоков, соединенные в колонию. Их тонкие, словно ниточки, головные щупальца трепетали, рассылая призывные химические сигналы для еще двоих. На данной стадии развития джотоки были абсолютно беспомощны, не могли ускользнуть или выползти на сушу в поисках укрытия. Коротышка разъединил колонию, с интересом разглядывая, как устроена голова. Показалась кровь, поскольку кровеносная система уже функционировала. Содержимое головы вытекло наружу. Когда любопытство котенка-кзина было удовлетворено, он засунул конечности джотоков одну за другой в рот.

Глава 3
(2391 н. э.)

— Жрешь мой труд! — послышался грубый окрик с берега.

Коротышка-Сын Чиир-Нига как раз вспоминал глупую прибаутку-колыбельную, которую отец порой напевал сыновьям, измотанным после возни и шумных игр.

Храбрый мелкий желтый кзин,
Храбрый полосатый,
Слышишь грохот — повернись,
Оскалься — и в атаку.

Если тихо, ну совсем,
Ни щелчка, ни звука,
Отправляйся-ка ты спать.
Спи и не мяукай.

Коротышкой снова овладел страх, но он покорно обернулся на окрик:

— Почтенный Смотритель-Джотоков! — И шлепнул себя по носу, давая понять, что провинился и ждет наказания, а внутренне съежился, ожидая сокрушительного удара когтистой лапы.

Застигнутый в тростнике, он даже не мог опрокинуться на спину и продемонстрировать горло. Его поза оставалась слишком вызывающей, но в воде он ничего не мог поделать. Огромный, покрытый шрамами кзин не улыбался, но, по крайней мере, еще не накинулся с побоями.

— Я наслаждался ароматами этого благословенного загона, — ляпнул Коротышка, не думая.

— И заодно поедал джотоков, что запрещено! — А вот голос как раз «улыбчивый» — дурной знак.

— Только крошечных! — снова выпалил котенок, поздно сообразив, что совершает большую ошибку.

— Ах, маленьких, гр-р? Значит, величина врага равна твоим воинским навыкам?

«Я покойник», — подумал Коротышка.

— Мои жалкие воинские навыки жаждут внимания такого прославленного и покрытого боевыми шрамами Героя, как ты!

Может, лесть спасет...

Правое ухо огромного клыкастого кзина и остаток левого в удивлении поднялись.

— Я не участник войн. А шрамы свои заработал в детских играх, где не слишком себя проявил, иначе не было бы шрамов. Вон из моего тростника! Живо!

«Так он догадался, что со мной приключилось!»

Коротышка удивился и поспешил выполнить приказ.

— Я должен сообщить твоему отцу об этой провинности.

— Да! — немедля согласился Коротышка, радуясь, что физическая расправа отложена; если так, то лучше быть наказанным этим рыжим великаном, чем отцом.

Он последовал за Смотрителем, стараясь успевать за его широким шагом.

Они пересекли болото, и начался подъем сквозь дендрарий со множественными поворотами. В ветвях деревьев гомонили джотоки. Потом показалась скала, и Смотритель остановился. Здесь еще видны были следы взрывных работ. С уступа свисали гроздья цветущих растений, и среди каменистых осыпей отвоевывали себе место низкорослые деревья. Дверь вела в привычное для глаза кзина жилье, напоминающее военное укрепление: вырубленное в камне, стены увешаны шкурами.

Их встретил молчаливый раб-джоток в желтой кружевной ливрее. Передвигался он неспешно, на ладонях первичных конечностей, освобождая, таким образом, остальные. Когда джотоки бегут, а бегут они быстро, они используют запястные ладони, а остальные пятипалые конечности сцепляют в клубок.

Посреди комнаты, открывшейся за холлом, стояла копия древних кзинских доспехов, выкованных рабами-джотоками. Керамическое клеймо, разумеется, сообщало, что вещь произведена на кзинской мануфактуре.

Напоминание о месте раба-джотока, который ежедневно сдувает пыль с этих доспехов, подумал Коротышка-Сын, хотя рабы не знают своей истории. Этому разодетому в желтое щеголю даже невдомек, что у его народа когда-то были дом и родная звезда. И что его сородичи были достаточно глупы, чтобы нанять легионеров вести войну вместо них.

Смотритель развалился на широкой кушетке. Он не предложил котенку сесть, поэтому молодой кзин, поняв намек, насторожился, уважительно подняв уши, готовый внимать любому мудрому или благожелательному слову, которое только произнесет рыжий гигант.

— Отец вряд ли обрадуется твоей проделке, юнец! — прогромыхал тот.

— Вряд ли, Смотритель.

— Придется ему растолковать тебе, что к чему!

— Да, Смотритель.

— Котята быстро учатся помалкивать там, где надо бы сказать правду. Жду правдивой истории без всяких умолчаний, чтобы не пришлось из тебя ничего выколачивать.

— Мой язык повинуется тебе.

Великан вновь изумленно пошевелил ушами.

— Можешь сесть и отдохнуть. — Он повернул огромную голову к ожидающему распоряжений рабу. — Слуга Первый, желаю промочить горло! Принеси-ка граши-землероек да иридиевые чаши!

Возвышающаяся над конечностями, под покровами которых располагался кишечник, бородавчатая голова раба не выражала ровным счетом ничего. Скрытый в складках рот издал какой-то звук в знак того, что Слуга Первый уяснил требование. Один глаз его смотрел на хозяина, другой уставился на Коротышку. Остальные три бесцельно вращались.

В другой ситуации Коротышка-Сын ни за что бы не осмелился сесть и расслабиться, но ведь ему приказали это сделать! Так что он сел, но при этом постарался не терять бдительности. Похоже, Смотритель не испытывал к нему особой неприязни, несмотря на строгость в голосе. Любопытно, почему? Все это подозрительно. Коротышка перебирал в голове все возможные причины, о каких только мог помыслить.

Вернулся раб, на этот раз на трех локтях, двумя свободными конечностями толкая перед собой черную лакированную тележку с парой узких, высоких жертвенных чаш из керамики, инкрустированных иридиевыми пластинами и вставленных в резные деревянные держатели. Коротышка *почуял умопомрачительный запах баснословно дорогих иноземных* специй, добавленных в соус. Это плохо вяжется с ожидаемой взбучкой.

Второй раб, в голубой ливрее, вынес извивающихся, слабо попискивающих граши-землероек и протянул одного зверька Слуге Первому. Быстрым, отточенным движением землеройки были обезглавлены, и свежая кровь хлынула в чаши, смешиваясь с подливкой. Джотоки надавливали на тушки, помогая слабеющим сердцам проталкивать кровь. После рабы продемонстрировали всю утонченность своего мастерства, ловко разделав землероек и удалив внутренности, лапки и прочие несъедобные части. Тушки были помещены в чаши шейками вниз, рабы поклонились и бесшумно вышли.

Все это время Смотритель хранил молчание. Потом взял один из коктейлей и подвинул Коротышке другой.

Землеройку он отправил в рот очень аккуратно, помял меж зубов, не используя клыков, и опустил обратно в чашу, чтобы мясо пропиталось соусом. Коротышка внимательно наблюдал. На его взгляд, кусочком плоти в иридиевой чаше можно было разве что раздразнить аппетит перед плотным обедом, но обижать гостеприимного хозяина вовсе не хотелось, так что он жевал крошечную землеройку долго, откусывая по чуть-чуть, то и дело возвращая мясо в чашу. Он слишком волновался, чтобы в полной мере оценить вкус и насладиться яством.

— Ты очень храбр, раз держишь джотоков в прислуге. — Коротышка решил начать вежливую беседу.

Его отец на дух не переносил пятилапых тварей, считая их гнусными предателями, годными лишь для шахт и фабрик.

— Брось. Есть ведь кое-какие правила для воспитания джотока. Сделаешь все верно — не найдешь более преданного раба во Вселенной. Знающий кзин выигрывает битвы. Суматошный лишается жизни. Так гласит поговорка, но не многие прислушиваются. Если у кзина проблемы с рабом-джотоком, значит, плохой он воспитатель. Впрочем, меня тебе слушать не следует. Ты молод и горяч; таким некогда слушать стариков вроде меня.

— И в самом деле, я слишком тороплив порой, и чаша мудрости моей скудна, а ты так щедро ее пополняешь. Так что я способен умерить свой пыл, чтобы не опережать твоей поступи. Великое благо идти по совершенным следам.

Ухо вновь поднялось.

— Похоже, учить лести тебя не придется. Тут ты преуспел. Твоя история, умник!

Коротышка-Сын почти уверился, что ему повезло. Он догадался, что старый кзин, которому не удалось сделать себе имени и которому запрещалось держать гарем, жил в счастливом неведении о «радостях» отцовства. Ему было невдомек, как много хлопот способны доставить котята, взрослые сыновья или капризные самки. Ему страстно хотелось иметь сына. Все просто.

А Коротышке-Сыну Чиир-Нига отчаянно требовался защитник и покровитель.

Деликатная ситуация. Смотрителю наверняка хотелось, чтобы сын его был прославленным воином. Коротышке же

таким никогда не бывать, сколько ни мечтай. Разумеется, он не мог наплести ворох всякой всячины про свои подвиги — лгут лишь рабы и приматы, — но если он расскажет правду...

— У нас, безмозглых котят, заведено играть в игры, — начал он осторожно.

— Да, я помню, — отозвался старый кзин угрюмо.

— Сегодня я потерпел неудачу. Семеро патренированных воинов выступили против меня.

— Нет, не так. Семеро сопляков, без капли терпения, с мозгами преджотока, напали на тебя, — фыркнул Смотритель.

Это было откровенным оскорблением товарищей Коротышки. Преджоток не умнее самки — в лучшем случае мелкого животного — и обретает рассудок лишь к моменту перехода во взрослую стадию.

— В иных случаях сила неразумной плоти весьма эффективна, — осмелился возразить котенок. — Были времена, когда незрелый джоток убивал взрослого кзина-охотника.

Смотритель оскалился так, что у Коротышки зашлось в страхе сердце, хотя взгляд у старого кзина был почему-то рассеянным, отстраненным.

— Однажды со мной случилось нечто подобное. Тоже свора котят, тоже остался и принял бой. И меня не убили. Только половину уха нацепили на трофейный пояс.

Смотритель перестал скалиться и дернул куцым остатком левого уха.

Что тут скажешь? Коротышка решил вспомнить историю военных завоеваний Патриархата:

— В записях говорится, что великий Ханаш-Гррш при битве у Меховой Туманности вынужден быть отступить перед атаковавшим его подразделения флотом джотоков.

— Хочешь намекнуть, что он сбежал от обидчиков?

— Дней прошло всего три октала, и Ханаш-Гррш разбил флот джотоков! — выступил в защиту героя Коротышка.

— Ты забыл, что с ним было шесть окталов бывалых воинов. А ты, полагаю, действовал в одиночку. Если и впрямь тебя окружили семеро взбесившихся сопляков, как ты сбежал?

Что-то не нравится Коротышке такой разговор.

— Через шлюз, — был вынужден признаться он. — Они считали, что на поверхности невозможно сражаться, и не охраняли выходы.

— Не совсем так. Ты их просто озадачил. Они не думали, что ты побежишь. Кзин не пожертвует своим честным именем ради спасения шкуры. Даже меня ты удивил. Так что можешь не объяснять, зачем ты притащился в загон, ведь сюда они не сунутся и искать тут не станут.

— Я наберусь сил и поражу их в другой раз! — почти прорычал Коротышка вызывающе.

— Да вряд ли. Знакомы мне эти игры. Тебя ведь пометили, ты смертник. Они учуют твою трусость, как чую ее я.

Коротышка был уязвлен до глубины души:

— *Я мог бы остаться при тебе и стать твоим слугой.* Я разбираюсь в механизмах.

— Нет. Ты жесток с моими джотоками. Трусость всегда, всегда делает кзина жестоким. Не могу покрывать труса. Пусть отец с тобой разбирается.

Смотритель с сожалением отвел взгляд.

«Не видать мне защитника как своих ушей, — подумал Коротышка. — Притаиться в загоне до лучших времен не удастся».

— Отец жестоко накажет меня.

— Думаю, жалеть не станет.

— Лучше бы ты меня наказал, старейший.

Смотритель легко похлопал котенка по щеке, словно брата. Потом позвал Слугу Первого, тот поспешно прошлепал на пяти ладонях, один глаз вперив в хозяина, другими оглядывая тележку с чашами. Смотритель пошептался немного с джотоком, после чего раб уставился на Коротышку. Вышел и вернулся уже с тонким полированным прутом.

— Следы от ударов впечатлят твоего отца, — прорычал Смотритель, — но вреда тебе не причинят, а боль пройдет через несколько дней. Трех ударов будет достаточно. Идет?

Коротышка готов был вынести теперь что угодно, зная, что убит не будет.

— Да, доблестный воин.

Раз! Два! Три!

Странное дело, котенок совсем не испугался, пока рыжий гигант хлестал его.

— Из тебя бы вышел прекрасный отец, — все еще надеясь на покровительство, произнес Коротышка.

— Мы этого никогда не узнаем. Домой я тебя доставлю, чтобы по пути на тебя не напали. Объясню, что к чему, и постараюсь убедить преподать тебе еще один урок воинской храбрости в виде исключения. Слушай отца. Не свои эмоции. От этого будет зависеть твоя жизнь.

— Ты верно говоришь, Смотритель.

— Сам-то я едва ли смогу научить тебя технике боя, твоему отцу по этой части я и в подметки не гожусь. Правда, знаю один прием, который однажды спас мне жизнь. Скажи-ка, как у тебя с прыжками? Туговато, наверное?

Не то слово.

— Недавно я обнаружил, что, когда вокруг скалятся семеро, прыгать неимоверно трудно.

— Вся суть приема в задержке атаки. Делать это умышленно — одно, но по подсказке страха — ничуть не хуже. Никто меня не учил. Случайно вышло, и напавший на меня был убит. После я потратил месяцы, доводя до автоматизма последовательность движений, чтобы повторить при надобности. По сути, это единственный боевой прием, которым я владею. Идем.

Великан провел Коротышку по каменным туннелям на крытую арену, использовавшуюся для обучения джотоков. Октал и четверо рабов оттачивали тут сноровку в игре с мячом. Хозяин приказал им убраться на боковую линию, где они и сбились в комок из длинных конечностей.

Смотритель повернулся к Коротышке спиной и согнулся:

— Теперь прыгни на меня!

Страх вновь парализовал члены котенка.

Смотритель взревел:

— Это не всерьез! Прыгай!

Коротышка кинулся на гиганта с жалкой надеждой, что поразит того силой и грацией прыжка.

Огромный кзин отшагнул в сторону, развернулся и вдруг выбросил лапу вперед. Коротышка понял, что про-

махивается, его лапы помимо воли растопырились, пытаясь одновременно и скорректировать траекторию прыжка, и помочь увернуться от кинжальных когтей. Он с размаху хлопнулся на землю, словно безмозглая туша.

Как же это вышло?

Над ним склонилась оскаленная морда. Попытавшись встать, Коротышка повернул голову и увидел целое скопление глаз под защитными пленками, разглядывающих его из-под нагромождения пятипалых конечностей. Скрытые в складках плоти ротовые щели откровенно хихикали.

Как бы между прочим Смотритель заметил:

— Если бы я выпустил когти, ты бы валялся тут с распоротым брюхом, изрядно удивленный. Я тоже очень удивлялся, когда стоял вот так над своей первой жертвой. Поднимайся. Теперь прыгать буду я, надо же показать тебе, как правильно двигаться.

Глава 4
(2391—2392 н. э.)

Согласно заведенным на Хссине порядкам, Чиир-Ниг обязан отказать в приеме безымянному Смотрителю-Джотоков, но необычность прецедента снимала ограничения. Воистину не найти лучшего способа проникнуть в жилище благородного обладателя имени, чем временно взять на себя роль отца и тем самым защитить репутацию родителя провинившегося котенка. Поскольку Смотритель проявил завидное благоразумие во всей этой ситуации с вторжением в загон, избавив Чиир-Нига от публичного осмеяния и издевок, и обошелся с Коротышкой со всей добротой и необходимой строгостью, он был с почтением встречен, ему даже предложили сесть в просторной приемной комнате.

Здесь прислуживали неловкие рабы-кдатлино, и две жены Чиир-Нига возлежали на меховых покрывалах подле меняющего цвет инфракрасного обогревателя. Чиир-Ниг воспользовался случаем и излил гостю душу, выразив все свое недовольство и огромное разочарование по поводу неумения Коротышки пользоваться элементарными приема-

ми самозащиты. Щедро потчуя Смотрителя свежими конечностями джотоков и рыбой и подкармливая с собственной тарелки младшую жену, Чиир-Ниг разразился целой тирадой, сначала яростно, после потише, разглагольствуя об отсутствии у подрастающего поколения какой-либо самодисциплины.

Незаметно в комнату проскользнула мать Коротышки. Чувствуя недовольство хозяина дома, грациозная Хамарр прошлась по комнате, потягивая носом воздух. Почуяв раны на спине своего котенка, взглянула на двоих самцов и Коротышку, игнорируя рабов. Низким тихим рычанием согнала с места одну из жен повелителя. Затем, отвлекая его от разговора, потерлась носом о щеку в знак того, что очень беспокоится за сына. Супруг лениво почесал ее затылок: для беспокойства нет причин. Мать яростно охраняла младшего из своего помета от его же братьев и драчливых сестер и особенно от отпрысков других самок, ведь у Чиир-Нига было слишком много сыновей, чтобы выбирать любимчиков.

Отчаявшись заполучить внимание своего именованного повелителя, Хамарр обратилась к сыну, потеревшись о его голову. Игриво принялась выманивать Коротышку из комнаты, препятствуя любой его попытке вернуться, заставляя следовать за собой, оставаться с ней.

Чиир-Ниг наблюдал за происходящим, с удивлением подняв уши. Сыну, похоже, хотелось остаться, пока обсуждались его персона и судьба, но кзины любят потакать своим самкам. Эти слабые существа способны так трогательно нарушать порядки!

— Иди поиграй с Хамарр, — махнул лапой Чиир-Ниг, отпуская сына, — видишь, ей скучно, развлеки ее.

Разговор перешел к проделкам юности, когда база на Хссине только-только обживалась. Чиир-Ниг то и дело выражал благодарность гостю за доставленного домой сына, а Смотритель напоминал о необходимости интенсивной и жесткой тренировки важнейших навыков ведения боя.

Мать вела сына в зону отдыха, то подталкивая сзади, то забегая вперед, постоянно оборачиваясь к нему — настороженная и молчаливая, — балансируя между шутливым нападением и бегством. Добравшись до места, она прогнала

остальных кзинррет рычанием и угрозами и заставила Коротышку лечь, чтобы обнюхать и вылизать его раны. Она смотрела на сына умоляющими глазами, в которых стоял молчаливый вопрос, хотя ответа она все равно не смогла бы понять.

Ее беспокоила вялость котенка. Другие ее сыновья такими не были. Легким толчком Хамарр заставила Коротышку подняться, снова завела свою игру, попыталась взбодрить его неожиданным, но просчитанным и безопасным ударом. Она демонстрировала клыки, навострив при этом уши. Потом вышла столь стремительно, что котенку пришлось побежать за нею, но едва он приблизился к матери, как она вновь ударила его так, что у Коротышки клацнули челюсти. Ему доставляли удовольствие подобные игры, но он уже превзошел мать в размерах, так что боялся причинить ей боль. Тем не менее Хамарр понуждала сына к борьбе, накидывалась на него до тех пор, пока жажда боя не разгорелась в нем дикой страстью. Ему даже удалось ответить ей ударом достаточной силы.

На ночь Хамарр отказалась оставить Коротышку одного; она не вернулась в свои покои, а улеглась возле сына, время от времени поднимаясь, чтобы заботливо облизать следы от прута на его спине.

Она помнила, какими жадными были другие сыновья, пока питались ее молоком, как ей приходилось расталкивать и отгонять их, уже насытившихся, от сосков, чтобы самый младший не умер с голоду. Он был странным детенышем, она не понимала его.

Отец, послушный долгу, провел с братьями Коротышки положенные беседы, и те, по доброте душевной, устроили для младшего уроки воинского мастерства. Это был их шанс продемонстрировать собственные умения, и в своих безжалостных играх они вскоре обнаружили: Коротышка их требованиям не отвечает. Они осыпали его ударами, подстрекая к яростным выпадам, тискали, избивали, и все это во имя добродетельной цели — сделать из брата настоящего воина.

Коротышка едва дышал после подобных уроков. Он уже смирился со своей участью, понимая, что драка один на один с кем-то из братьев вовсе не подготовит его ко встрече с целой сворой воинствующих котят, жаждущих срезать

ему уши и убить. Единственным эффективным средством оставался только трюк, который ему недавно продемонстрировал старый рыжий великан.

Какое-то время Коротышке все же удавалось избегать участия в играх: пригодился интерес к устройству механизмов. Отец отправил его подмастерьем на верфи собирать гравитационные двигатели для Патрульных Охотников. Многие октальі этих двигателей отправлялись к Дивной Тверди. Коротышке пришлось работать бок о бок с рабами-джотоками, кое-кто из них даже преподал ему уроки мудрости.

Зркрри-Диспетчер однажды сказал: «Рабы выполнят за тебя тяжелую работу. Пользуйся этим, но никогда не показывай им, что не знаешь или не умеешь то, что знают и умеют они. Это конец. Я не признáю тебя компетентным работником до тех пор, пока не увижу, что ты способен заменить любого из рабов».

Ничего нового в двигателях, что они собирали, не было: чертежам насчитывалось уже четыре сотни лет. Патриархат провел стандартизацию один раз и навсегда, так что не имело никакого значения место, где был собран двигатель: он мог использоваться на любой другой базе. Только так и можно было управлять Империей. Кораблю ремонт требовался даже в сотне световых лет от родной верфи, и зависимость от изготовленных там запчастей могла стоить жизни экипажу.

Стоило в какой-нибудь ведомственной лаборатории Адмиралтейства Патриархата появиться нововведению, как его производство тут же замораживалось. Разумеется, Герои, на деятельности которых подобные правила сказывались особенно тяжело, роптали и предпочитали заведенный порядок игнорировать. Но с подобным нарушением субординации также научились бороться, списывая с корабля незапатентованное оборудование и заменяя его стандартизированным, ссылаясь при этом на трудности производства запчастей по новым чертежам.

Собирать двигатели — труд нелегкий. В мастерской темно и душно: условия, пригодные скорее для джотоков, чем для кзинов. Коротышке отвели персональный рабочий стол рядом с надстройкой, окружавшей собираемый или перебираемый двигатель. Этот стол никто никогда не при-

водил в порядок, и даже после уборки края и пазы пачкали Коротышке лапы.

Надстройку, похоже, смонтировали джотоки. Они перебирались с одной платформы на другую, как по ветвям деревьев, но под весом кзина конструкция дрожала, не вызывая у Коротышки никакого желания использовать свои навыки скалолаза: у него попросту от страха дрожали колени. Посмотреть вниз было сущей пыткой. Напарник-джоток глядел на него терпеливо, одновременно держа в поле зрения поручни и камеры наблюдения.

Язык, который Коротышке пришлось учить, сводил его с ума. Донельзя искаженное Наречие Героев, отличавшееся отсутствием шипящих и рычащих звуков, текучестью и чириканьем. Что еще хуже — выразительность языка кзинов бесследно исчезла: никаких смачных словечек, никаких военных идиом, никакого искусства лести. В сухом остатке — набор рубленых фраз, чтобы описать, указать, предупредить. С подобным лексическим запасом не только раб не сможет сформировать мысль о побеге, но и кзин растеряет всякую способность свободно изъясняться.

Тем не менее, усвоив местный говор, Коротышка впервые обрел власть. Стоило ему задать вопрос любому из джотоков, как тот бросал работу и очень старательно объяснял все, что котенку требовалось. И никаких издевок. Никаких унижений. Никаких наставлений, мол, воину это знать не обязательно. Ему не приходилось сдабривать фразы солидным объемом лести или переживать, что его любознательность кого-то оскорбит. Он просто получал ответы. Если скалился — ответы быстрые.

И так увлекли его искусство строить корабли и азы гравитационной науки, математика и чертежи, что Коротышка совсем позабыл про игры, в которые обязаны играть юные воины, забыл, что за стенами верфи на него все еще ведется охота. Они почти отыскали его. Как-то он отправился в магазинчик неподалеку, помышляя только о вкусе ватаков, которых собирался купить на обед, и вдруг заметил одного из команды Водящего-За-Нос. Тот присматривался, выжидал, будто бы просто так околачиваясь возле пустых ящиков рядом с мясной лавкой.

Коротышка замер. Страх гнал его во мрак душной мастерской, за маленький пыльный рабочий стол. Он расте-

рял всю способность мыслить. Нельзя здесь быть. Но и уйти нельзя. Он решил пойти в обход — на террасе над рабочей частью раскинулся небольшой сад с высокой зеленой травой: специально для отдыха. В этот час он был пуст, но в зарослях можно было спрятаться и наблюдать за лавкой, а также за гигантскими грузоподъемниками, соединяющими с поверхностью. Так что Коротышка затаился в лучах искусственного солнца, подавляя урчания пустого желудка, и ждал, ждал, пока враг не отправился восвояси. Теперь, к великому стыду, можно было уносить лапы домой.

Зато вместе с рабочими-джотоками его послали в космос устанавливать двигатели на Патрульном Охотнике, недавно вернувшемся из рейда к Кзрроншу и теперь держащем путь на Дивную Твердь, чтобы присоединиться к боевой армаде, идущей в поход на приматов. Впервые в своей жизни Коротышка увидел Охотника целиком. Ничего подобного не знал он прежде. Внушительный скафандр для работы в открытом космосе, салазки для траления, громоздкие герметичные «доспехи» джотоков, вытянувшиеся в одну длинную металлическую цепочку...

Сферический боевой корабль принадлежал к классу самых маленьких кзинских военных судов. Главный раб из команды Коротышки указал на крейсер вдали, красную точку, двигавшуюся в свете Р'хшссиры. Но этот Охотник вблизи казался гораздо более внушительным и грозным, утыканный боевыми турелями, сенсорными щитами, куполами командной палубы, соплами и спасательными шлюпами по бортам. Да, сейчас он был беззащитен — старый двигатель демонтировали, а новый находился на ремонтном шаттле Коротышки.

Внизу поворачивался Хссин, кровавый сгусток, похожий на тот далекий боевой крейсер. Но более реальный. Именно с Хссина уходили корабли, завоевавшие когда-то Дивную Твердь. И сюда по-прежнему прибывали все, кто жил ради битвы: новости о четвертом походе на приматов вместе с волнами света достигали самых дальних уголков Империи. Такова была манера кзинов вести войны. Подкрепление продолжало подходить в течение поколений после того, как битва была выиграна. Порой эти силы требовались, порой в них не было нужды. В нынешней ситуации

припозднившиеся воители пришлись, как никогда, кстати, ведь в незавоеванных системах до сих пор хозяйничали мартышки.

Окруженный сияющими звездами, устанавливая гравитационный двигатель на борт смертоносного Охотника, Коротышка впервые подумал о том, что мог бы присоединиться к армаде, готовящейся штурмовать человеческие владения. Его власть над небольшой группой рабов вдруг заставила желать большего, соблазнила званием настоящего воина. И Коротышке пришлось по душе это звание. Стоя в магнитных ботинках на обшивке корабля, *его корабля*, он представлял, как разбивает флот людей.

Но в тот же день, как он вернулся с орбиты, Коротышка обнаружил, что наблюдатель из своры Водящего-За-Нос тут как тут, на своем посту, терпеливо ждет у мясной лавки, ждет его. А он-то решил, что величие космоса переменило его... Ему была дана сила путешествовать среди звезд на великолепном корабле, полном добычи, поигрывая чудовищным гравидвигателем в собственных лапах! Ну неужели не нашлось в той благословенной высоте силы избавиться от трусости?! Стать воином?

Ведь одного взгляда на наблюдателя хватило, чтобы накатила волна такого страха, какого Коротышка еще не знал. Они его нашли. Страх! Чудесный образ, который он принес с собой из космоса, тут же потускнел и исчез. Он не был кзином, способным взвалить на свои плечи заботу о гигантском космическом корабле, — он всего лишь насекомое, перекатывающее песчинку. Как теперь спасти свою шкуру?

Снова он помчался во двор и забрался на крышу-террасу. Все, что он мог поделать. Завтра он придумает план получше. Какое жалкое чувство. Он отступил от края, в самую гущу зарослей. Почему они не оставят его в покое?

Лишь когда трава зашевелилась, он осознал свою фатальную ошибку. Сначала показался только один кзин, в рубашке и эполетах, как у всех молодых воинов Хссина. Но остальные тоже были здесь; Коротышка чуял их напряжение. Он медленно попятился к двери, и дорогу ему преградил котенок в коричневую полоску, тот самый наблюдатель. Справа вышел из засады третий. Убежать ему не дал четвертый. Двое других охраняли дальние выходы. Он

попался в ловушку, расставленную шестью кзинами, давно охотящимися за его ушами.

— Теперь тебе придется драться! — прорычал Водящий-За-Нос, пригнулся и приготовился к прыжку.

Глава 5
(2392 н. э.)

Было понятно, что с крыши не спрыгнуть, — слишком высоко, и этот путь отрезан. В искусственное небо уходили опоры двух гигантских грузоподъемников, но до них еще дальше. Отчего кзины не летают?

Никогда Коротышку не охватывала такая ярость. Его губы, обнажая клыки, задрались в отчаянном оскале с такой силой, что казалось, эта маска застынет навсегда. Он выпустил когти. Бедренные мышцы напряглись для прыжка; он разорвет мучителя на части со всей ненавистью, на какую способен. Дыхание участилось. И только страх держал его на месте.

— Мы наслышаны о твоих подвигах в загоне джотоков! — съязвил Водящий-За-Нос, даже не скрывая улыбки.

Сквозь пелену почти бесконтрольной ярости Коротышка припоминал слова Смотрителя о том, каким полезным может оказаться страх и как следует действовать. Ждать прыжка преследователя. Скользнуть в сторону, развернуться и пустить в ход лапы. Внезапно он обнаружил, что не контролирует подушечки пальцев, — он не мог втянуть когти.

— Видать, отец твой был ватаком! — прорычал еще один, державшийся поодаль.

— Драться этого беззубого котенка мать учила!

Водящий-За-Нос даже расслабился, чувствуя, что Коротышке не хватит духу для драки. Это раззадоривало. Не стоит спешить. Водящий-За-Нос приказал приятелям не двигаться. Он сам ссечет эти трусливые уши.

— Ты что-то скрючился, как з'анья на столе перед тем, как ею закусят. От тебя несет страхом, з'анья!

Коротышка зарычал.

— О, да мы побеспокоили тебя! Ты же собирался пощипать травки. Не обращай на нас внимания в таком слу-

чае! — Водящего-За-Нос распирало от гордости за свое остроумие.

— Трава годится только для двойного желудка, — встрял Скрытый-Оскал.

«Прыгай! И я вырву твою поганую глотку!» Голова Коротышки горела от мыслей, но он не мог ничего ответить. Он ненавидел их за унижения, за издевательства, за гнусную манеру играть с жертвой, перед тем как убить. Сухие губы прилипли к клыкам. Стылая маска ярости и страха.

— Ну и мерзкий же ты трус! — Водящий-За-Нос приготовился к прыжку, одному-единственному, чтобы вырвать жизнь из тела жертвы. — Воняешь, как жирный пожиратель травы.

Настойчивое молчание Коротышки спровоцировало его на последнюю, уничтожающую издевку. Задумка ему так понравилась, что даже кончик его розового хвоста задергался из стороны в сторону от предвкушения.

— Заключим-ка сделку. Будешь травоядным. Жри траву, и я сохраню тебе жизнь. Или дерись как Герой, и умрешь во славе.

Если бы Водящий-За-Нос прыгнул после этих слов, Коротышка распахал бы ему горло когтями, но тот все растягивал удовольствие, наблюдая за мучениями жертвы, ожидал ответа, а безмерная самонадеянность не позволяла начать драку, ведь та быстро окончится, а значит, и веселье вместе с нею. Пока шла потеха, основной заботой было только сохранять готовность к прыжку. Такая передышка позволила сыну Чиир-Нига принять судьбоносное решение.

Итак, сделка: жевать траву и жить или стать Героем и умереть.

Слово чести не позволило бы Водящему-За-Нос нарушить уговор.

Тот был слишком глуп, чтобы понять: он предложил Коротышке выбор между жизнью и смертью. Для него самого никакого выбора между травой и честью вообще не существовало. Он был абсолютно уверен, что загнал жертву в угол.

Дрожа, исполненный отвращения к самому себе, Коротышка опустился на колени и припялся клыками рвать высокие зеленые стебли — и потом жевал, старательно, зубами, которые были не приспособлены для такой еды. Про-

глотить он этот жесткий комок не смог бы, но жевал и жевал, пуская зеленую слюну.

Шестеро кзинов остолбенели. Уши стояли торчком, выражая крайнее изумление, но не изумление эти котята чувствовали. На самом деле они не могли поверить в то, что видят. Только теперь Водящий-За-Нос понял, что не снискать ему славы, если он прикончит сопливого труса, жующего траву у него на глазах. И что еще хуже, его самого заклеймят позором. Сочтут недостойным считаться кзином до самой смерти, если он нарушит слово. Уши Коротышки теперь бесполезны.

С того дня прозвище Поедатель-Травы само закрепилось за «травоядным» кзином. Об истории на базе узнали все, и довольно быстро. Новость разлетелась, как огонь по сухой траве. Дом Чиир-Нига отказался от младшего отпрыска. Военные верфи более не доверяли ему и отстранили от сборки гравитационных двигателей.

Ему негде было спать, есть, не с кем было поговорить, никто не хотел с ним работать. Какое-то время он скитался по углам и крышам, жил в туннелях, охотился на редких грызунов. Соблюдать чистоту стало крайне трудно. Однажды он совершил ошибку и напал на телепата. Он даже пытался питаться кореньями, чтобы усмирить голод, но в желудке они выделяли газ и вызывали несварение. Он попрошайничал — и проходящие мимо кзины делали вид, что его не существует. Как-то Коротышка украл целую клетку с ватаками, выставленными на свежий воздух. Наказание за это — смерть. Но он представил дело так, будто эти ватаки сбежали.

Все только и ждали, что он поднимется на поверхность Хссина и там сгинет среди мерзлых скал. Но у него не было даже скафандра. Тогда он выпросил скафандр — о да, тут его мольбы были услышаны. Но Коротышка не ушел в горы, а вернулся в загон джотоков, по большей части потому, что хотел искупаться. Отмокать в воде — не самый лучший для кзина способ вымыться, но делать нечего. Потом он потратил целый день на то, чтобы высохнуть и привести мех в порядок. И раз уж никто не собирался его отсюда вышвыривать, Коротышка не видел причин уходить из загона.

На этот раз он был более осмотрителен. Теперь он знал, как прятаться, разбирался в характере джотоков и не бродил вблизи охотничьих троп. Он выслеживал диких джотоков в листве, а они крались за ним, когда Коротышка их не видел. За неимением других развлечений он изучал их анатомию: легкие, расположенные во внутренней лапе, кормящей сердце, мозг, кора которого огибала это сердце, зубы, перетиравшие листья... Как следует наточенные, они служили отличными наконечниками для копий.

Поедатель-Травы построил три убежища. Он представлял себя первобытным кзином, живущим в эпоху, не знающую железа и пороха, занятым расширением и защитой территории. Если верить Хранителям, в ту пору отцы частенько сжирали собственных отпрысков, ревниво охраняя единоличную власть. Нынче мало что изменилось, думал Поедатель-Травы. Кзинррет прятали своих котят и яростно защищали их жизни. Именно у матери искали спасения детеныши. С нежностью вспоминая Хамарр, он понимал: если бы не она, он бы давно был мертв.

Как-то утром, едва свет проник сквозь листву, приобретая зеленые и желтые оттенки, Поедатель-Травы навострил уши, прислушиваясь, не ведут ли где группы кзинов охоту, но раздавался лишь стрекот насекомых да неподалеку упала ветка. Широкие листья выгибались, чтобы избавиться от накопившейся воды. Прыгая меж крон, кудахтал фриг, заметный лишь благодаря красным полосам на спине.

Поедатель-Травы принюхался и не почуял ни одного кзина, но он точно знал, что поблизости кто-то есть. Джотока, с его способностями аромамимикрии, учуять невозможно, но лес полон подсказок. Поведя носом, котенок распознал характерный аромат сочного содержимого разрушенных растительных клеток, сахара, кислоты, какого-то пряного вещества, кожуры брызгохлопа. Наверху лакомился фруктами джоток.

Да, вот он, во всей красе, примостился на скалистом выступе, глядит вниз, одной лапой обхватив ствол дерева, готовый исчезнуть в густой кроне, умчаться без оглядки, если потребуется. Может получиться неплохой обед. Но джоток — добыча не из легких. Лучше не обращать на него внимания. Вернее, только сделать вид.

Поедатель-Травы выбрал дерево, увитое лозами брызгохлопа, и потряс ветку, чтобы добыть немного сочных

плодов. Кожура у брызгохлопа плотная, толстая, но для моляров джотока все равно что хрупкое семечко. Кзин выложил плоды на пень и отошел на безопасное расстояние, надеясь, что природное любопытство животного возобладает над осторожностью.

Поедатель-Травы не был уверен, что план сработает. Эти пять конечностей наверху уже обрели взрослую, неуклюжую форму, но кожные покровы отличались блеском, свойственным только юным особям. Возможно, животное еще не развило достаточных умственных способностей, а может быть, достигло возраста, когда джотоки становятся крайне опасными и почти неуловимыми, проявляя чудеса сообразительности и хитроумия.

Слопав все фрукты на пне, добыча и не подумала двинуться с места. Вместо этого джоток уселся на рот, растопырив локти и разглядывая Поедателя-Травы. Стоило котенку шагнуть навстречу, как зверь пятился, отвернуться — тот крался следом. Странное поведение для дикой особи... На следующее утро любитель брызгохлопа тоже пришел, на сей раз расположившись гораздо ближе и внимательно наблюдая из листвы за действиями юного кзина.

Котенок снова разложил на пне угощение:

— Немного фруктов, Длиннолап. Эй! Длиннолап!

Когда он удалился на положенное расстояние, джоток ринулся вниз и с жадностью набросился на лакомство, запихивая плоды в странно жующий рот-карман. Двумя глазами он следил за Поедателем-Травы, остальные не сводил с фруктов и окрестностей.

А после пира...

— Длинно... лап, — выдала лепочная щель одной из конечностей.

— Длиннолап, — отозвалась другая.

Потрясенный, юный кзин навострил веерообразные уши. Это слово он часто использовал, пока общался с рабами-джотоками на верфи. Их мелодичные голоса удивительно точно имитируют шипящие и гортанные звуки Наречия Героев. Лапы принялись играть со словами, пустившись в рифмованную перекличку друг с другом:

— Длинно... лап. Длиннолап. Длинно-Длинно-Длиннолап. Лап... лап... лап... лап!

Существо щебетало, довольное демонстрацией «таланта», потом передразнило пару насекомых и замолчало, ожидая ответа желто-рыжего кзина.

— Иди сюда, Длиннолап, — произнес тот как можно более ласковым голосом. — Тупое животное, я хочу тебя съесть.

— Хочу съесть, хочу съесть, — отозвался джоток.

Как похоже! Выходит, ему попался джоток переходной стадии. Смотритель рассказывал, что, если прикормить животное в таком возрасте, оно увяжется за тобой и станет повторять все, что ни скажешь. До чего же странные эти джотоки. Детей никто не растил, у них не принято было держать дома́, ни тебе отцов-владык, ни матерей, ни братьев-мучителей, ни наставников, ни правил поведения, ни игрушек, ни обучающих игр для будущих воинов. Джотоки просто росли в лесу, а если взрослой особи хотелось завести семью, она просто углублялась в чащу, находила здоровое молодое животное и уводила с собой. Джоток в переходной стадии «запрограммирован» привыкать к любому, кто приручит его. К несчастью для этой расы, сознание, развившееся на планете, где джотоки являлись единственными представителями разумной жизни, в такое время не способно отличить взрослого джотока от взрослого кзина. Любое разумное существо сгодится на роль родителя. Потому из них и выходили превосходные рабы.

В течение последующих дней Длиннолап околачивался поблизости, казалось растеряв весь страх перед новоиспеченным родителем-кзином. Внезапно обнаружилось, что словарный запас джотока превышает количество его конечностей. Поедатель-Травы припомнил себя в совсем юном возрасте: он постиг азы Наречия Героев за гораздо больший срок.

После того как джоток, изучив гастрономические пристрастия кзина, принес ему на обед грызуна, Поедатель-Травы начал размышлять над тем, чему еще удастся обучить создание. Сможет ли оно пользоваться различными предметами? Поедатель-Травы соорудил копье из ножа и ветки и вручил Длиннолапу:

— На, попробуй.

— На, попробуй, — эхом отозвался джоток.

Первая попытка не оказалась удачной. Джоток испуганно запричитал, но нож кзину не вернул. Попытки совла-

дать с предметом заняли остаток дня, и к вечеру джоток был собой весьма доволен. Короткое копье оказалось еще и острым.

Юному кзину начинал нравиться этот абсурдный союз. Он стал замечать, что ему доставляет удовольствие взбираться, пусть не без труда, на деревья и рыскать по прогибающимся под его весом веткам в поисках лакомого кусочка для Длиннолапа, пока тот ловил для «родителя» грызунов. Поедатель-Травы оставил всякие помыслы о джотоке как о еде и даже как о безмозглом животном. А больше всего его радовал тот факт, что Длиннолап никогда не спал, на случай опасности.

А опасностей было хоть отбавляй. Дикие сородичи Длиннолапа, давно миновавшие переходную стадию, во время которой никому не случилось их приручить или поймать, представляли собой поистине свирепых животных, не способных к существованию в социуме, ревностно охраняющих границы подвластных территорий и выходящих на охоту по ночам, когда им не было равных. Они не пользовались языком и растеряли все способности к обучению, но проявляли чудеса смекалки, изобретая различные приспособления для осуществления изощренной мести тем, кто вторгался в их владения. Они четко уяснили, что кзины — их враги. Джотоки отступали, только чтобы заманить в ловушку. Они ставили капканы и вели коварные игры с добычей, помышлявшей себя охотником.

Однако наибольшую опасность представляли группы выходивших на охоту кзинов.

Длиннолап не раз поражал Поедателя-Травы тем, как хорошо знает загон: при первой же опасности он очень быстро уводил юного кзина в более спокойное место. Молодой джоток оказался невероятно полезным компаньоном.

Глава 6
(2392 *н. э.*)

Пальцы потянули его за мех. Поедатель-Травы не возражал: джотока обескураживал и приводил в восторг его пушистый покров. Пальцы потянули сильнее, заставили кзина открыть глаза.

— Охотники, охотники, охотники, — зашептали, перебивая друг друга, «руки».

Кзин беззвучно вскочил. Вскоре стало очевидным, что их выследили со всем знанием дела. Пришлось поспешно спускаться в туннели, идти погруженными в густую тень болотами, карабкаться по иссеченным зарядами бластеров скалистым выступам, ползти по расщелинам к верхушкам деревьев уровнем ниже. В основном вел Длиннолап. Но погоню это надолго не задержит. В отчаянии юный кзин пытался определить количество обнаруживших их охотников, нюхал воздух, посылая время от времени осторожного джотока разведать обстановку.

Без спешки, но неумолимо трое взрослых джотоков на деревьях и один кзин на земле сжимали вокруг них кольцо.

Решив отступить, Поедатель-Травы и Длиннолап совершили ошибку. С трех сторон их окружили пятилапые преследователи, и, куда бы ни решили повернуть беглецы, джотоки двигались точно за ними. Попались. В листве мелькнула желтая ливрея. Так вот кто на них охотится!

— Длиннолап, стой. Нам не спастись.

Его раб не совсем понимал почему. «Руки» дрогнули, и создание рванулось было вперед на трех запястьях, раскачиваясь от страха, но Поедатель-Травы остался ждать смертельного прыжка, в то же время отчаянно припоминая все льстивые фразы, которые могли бы сейчас пригодиться. Вскоре из пролеска вышел великан-кзин, возраст которого выдавала тяжелая походка.

— А, это ты, — сказал он.

— Мне некуда было идти, благородный воин, — мрачно ответил котенок.

Смотритель проигнорировал его слова:

— Ты больше не носишь имени дома своего отца, как к тебе обращаться?

— Поедатель-Травы. — Тон изгоя стал вызывающим.

— Неподходящее прозвище, — проворчал гигант, — имя должно соответствовать правдивому положению вещей. Ты что, ел траву? Вряд ли. Вот моих джотоков ты лопал, еще как, да всякую теплокровную мелочь. Пожиратель-Свиреных-Джотоков звучало бы лучше.

Он перевел взгляд на испуганного Длиннолапа.

— Бежать! — пискнула одна конечность.

— Сейчас же! — отозвалась другая, но джоток все же с места не сдвинулся.

Старый кзин осторожно нагнулся и очень аккуратным движением освободил глаз молодого джотока от защитной складки, изучая слизистые покровы. Потом осмотрел ладонь и пальцы одной из «рук».

— Ну надо же, и возраст подходящий. Ты получишь самого послушного в мире раба, если обучишь его так, как я тебе скажу. Ты ведь не пытался его прогнать, не запугивал?

— Почтенный старец, я получил небольшой опыт общения с рабами-джотоками, пока работал на верфи. Я использую верные слова. Скорее Длиннолап нашел меня, а не я выследил его.

— Дадим-ка мы тебе новое имя. Наставник-Рабов. По названию достойного ремесла. Как тебе?

— Гораздо лучше, чем Поедатель-Травы.

— Не смей упоминать при мне этой жалкой клички! — рявкнул Смотритель. — Я задал вопрос цивилизованному кзину! Отвечай! Устроит тебя это имя?

— Наставник-Рабов к твоим услугам, благородный одноухий! — Помявшись, юный кзин добавил: — Могу я предположить, что мне предлагают работу?

— Работу? Заводчик рабов вроде меня? Пожалуй, я готов предоставить тебе жилище и кормить досыта, если будешь беспрекословно выполнять мои поручения.

— Я готов служить воину, если он истинный лидер!

— Недурно сказано для рецидивиста. — Старый кзин дернул ушами. — Разумеется, тебе опасно тут разгуливать, но я позабочусь о том, чтобы ты не сидел без дела и не мозолил никому глаза. Так что у нас обоюдные интересы. Ты вообще меня слушаешь? У тебя уши парализовало?

— Тот глух, кто в бегах.

— Тогда вот тебе интересные новости. С потоком света пришло известие, что к Хссину направилась небольшая флотилия под предводительством Верховного Командора кзинского Адмиралтейства Чуут-Риита. Он заберет здесь все, что сможет, всех Героев без остатка, и последний боевой корабль присвоит, и про рабов-джотоков не забудет. Всех заберет, каких только мы сможем предложить. Еще бы, ведь его новый поход на людей-приматов благословил

сам Патриарх. Я получил кое-какие указания и должен исполнить их в срок. Кто знает, как Чуут-Риит расправляется с теми, кто не исполняет его приказов? Честно говоря, я этого знать не желаю. Так что у меня работы по горло, и лишние руки не помешают. Никто не скажет и слова поперек, если я возьму тебя в работники. Что же до высоконравственных лицемеров, которые желают тебе сгинуть, лишь бы смыть позор с лица расы, то один только отзвук голоса отдающего приказы Чуут-Риита хорошенько пригладит мех этих напыщенных пожирателей котят.

— Чуут-Риит?

— Похоже, член Правящей Семьи. Больше нам ничего знать не положено.

— И он направляется сюда?

— Сказать по чести, родственники Патриарха наши отдаленные края визитами не балуют, и нам от того только выгода, но новости о контакте с приматами просочились вглубь Империи и заразили наших благословенных Героев лихорадкой Далекого Путешествия. Семьи Ка'аши, — он назвал Дивную Твердь кзинским именем, — будут крайне недовольны.

— Недовольны вниманием Патриархата?

— Юный кзин, многие поколения наш отдаленный участок Империи привлекал лишь авантюристов, выгнанных из родных мест ревнивыми отцами, долгами, желанием быть там, где не достанет тяжкая длань власти. Их подхлестывала спесь или, как в моем случае, трусость. Герои с ободранным мехом. Кто еще вытерпит перелет в вонючих трюмах длиною в годы? Дивная Твердь стала даром Клыкастого Бога. С чего еще этим Героям валиться на спину и демонстрировать глотки тому, у кого и без них горы богатства? Боевая ярость заставит их наброситься на Чуут-Риита, но, если тот докажет свою состоятельность, они подчинятся. А состоятельность свою он, будь уверен, докажет. Ты историю знаешь?

— Я слушал Хранителей.

— Да что Хранители! Вот Многоголосье... Прошлым вечером я просматривал на сканере историю дома Риитов. Они чуют победу заранее, берут что хотят, спокойно, без спешки, озаряемые лучами священных звезд. А потом, как ярмо, вешают эту победу на шею победителю. Рииты на-

стоящие охотники на успешных походных командоров. Подчиняешься им, и можешь рассчитывать на солидную долю добычи.

— А если нет?

— Тогда они начнут забирать наших дочерей. В воздухе запахнет жареным, и шерсть взмокнет от страха.

— Я видел много дуэлей.

— Не сомневаюсь, и раз уж ты стал свидетелем жестоких драк и увечий — кстати, умный будет наблюдать за ними из-за толстых стен, — то имей в виду, что только дураки пытаются очистить кровь расы от собственных же идиотов, бросая вызов семье Патриарха. Потому что это семья Патриарха, а не какого-нибудь выскочки, выбившегося за счет боевых заслуг. Ну как, согласен мне помочь?

— Я готов начать хоть сейчас, мудрый и милосердный Герой! Я не подведу, не ошибусь!

— О, ты ошибешься, и не раз, самонадеянный котенок! И в наказание я стану колотить тебя так, чтобы мозги встали на место, но при этом ты не повредился умом! Прежде всего успокой своего раба. Очень важно на данной стадии развития научить его не бояться. Он должен понимать, что волен уходить и приходить, когда ему вздумается, впрочем, вижу, он к тебе сильно привязался и уже не бросит. Кстати, он должен идти именно за тобой. Все время следи, чтобы он находился ближе к тебе, а не ко мне. Это понятно?

— Да, почтенный учитель.

— Посмотрим, как ты справишься. Что бы я ни делал, все время держи своего джотока поблизости! Твое обучение начинается.

Смотритель издал громкое «р-роур-р», и его рабы тут же спрыгнули с деревьев и повели хозяина с компаньоном обратно через загон.

По пути Наставник-Рабов все думал о загадочном Чуут-Рииге и его армаде. Представитель легендарного Патриархата прибудет на Хссин! Поскольку оснащенные поляризаторами двигатели не развивали скорости света, то путешествие займет мучительные для ожидания годы, но Наставник-Рабов видел в этом и хорошую сторону: он успеет подготовиться к визиту Верховного Командора-Завоевателя!

Он будет воспитывать рабов для дома Патриарха!

Эта мысль заставила его оглянуться на Длиннолапа, который семенил за ним, послушный, словно примат на цепи. Молодой кзин похлопал ободряюще по бородавчатой макушке джотока и бросил палку, чтобы тот принес, — бросил подальше от рыжего гиганта.

Впрочем, заставить себя думать о рабах в такой момент было трудновато. На самом деле мысли Наставника-Рабов стремились к командному мостику Патрульного Охотника, следующего за крейсером Чуут-Риита сквозь звездные россыпи в поисках добычи. В душе он выкрикивал бесконечные приветствия этому Герою, чье чудесное послание сквозь космос и время спасло ему жизнь. Это казалось знамением: Чуут-Риит виделся юному кзину тем светом, который приведет его однажды к доблести и славе.

Добравшись до места, Смотритель пометил щеку Наставника-Рабов черной татуировкой, чтобы рисунок был виден сквозь светлый мех, а потом приказал рабам принести тунику в пурпурных и лиловых разводах, отдаленно напоминающую стиль В'ккая, непопулярный на Хссине. Конечно, предпринятые меры внешности котенка не изменили, но заставили бы каждого местного кзина при виде изгоя обращаться к нему не иначе как Наставник-Рабов и даже в мыслях не упоминать прозвище Поедатель-Травы.

Старый кзин предостерег ученика от разговоров о неприятном инциденте в прошлом. Кзину могло стоить жизни необдуманное решение обсудить повороты судьбы соотечественника, да еще и сменившего прозвище, если только тот сам не пожелает поделиться воспоминаниями.

— Однажды и ты обзаведешься целой армией рабов, которые будут работать на других, а верны останутся лишь тебе. Одно твое имя — Наставник-Рабов — будет достаточным аргументом, чтобы тебя боялись окружающие. Следи за внешним видом, представь, что вне загона нет никакой чести и благородства, держи собственное слово крепко, а рабов — поблизости.

Наставнику-Рабов показали его скромное жилье, а потом устроили экскурсию по жилым корпусам для джотоков: шесты и платформы под куполами. Уровнем ниже, под землей, располагались симуляторы для тренировки рабов.

— А для чего Чуут-Риину такое количество джотоков? В большинстве домов на Хссине считается опасным держать их в качестве прислуги.

— Полагаю, командор ценит их как механиков.

— Да уж, они отлично управляются с инструментами! На верфи мне было приказано выучиться всему, что умели джотоки, но, должен признаться, я терпел неудачу каждый раз, когда мне не хватало лишних трех конечностей! Только подумать, три октала пальцев плюс один, это не шутки!

— Не забывай, что именно джотоки изобрели гравитационный поляризатор, в то время как мы учились искру из камня высекать. Они нанимали нас только за наше умение вести войны, но никак не за талант инженера.

— Значит, правда, что джотоки когда-то правили нами?

— Они командовали кораблями, на которых мы впервые вышли в космос. Но порядок возникает из хаоса. Растительность существует, чтобы разрушать камень, травоядные — чтобы поедать траву, а хищники — чтобы питаться ими. Разум дан самцам, чтобы повелевать самками. Таков природный порядок вещей, поэтому воины стоят ступенью выше простых механиков.

— А мудрость, дарованная годами, выше неумелой юности. Я правильно понял?

— Что ж, начал ты плоховато, но все еще можешь дожить до тех дней, когда шерсть будет выпадать просто так, не сменяясь на новую, если только твой льстивый язык не сыграет с тобой какую-нибудь очень злую шутку.

Глава 7
(2392 н. э.)

Длиннолап совершенно смутился, оказавшись в помещениях, куда «желтый» привел его. Пугáло скорее отсутствие деревьев, а не то, что раздвигающиеся пластины вели в ограниченное пространство. Как же его рот будет есть, если вокруг нет листьев? Этому была посвящена первая в его жизни серьезная дискуссия между «руками». Глаза отчаянно вращались в поисках зелени, и каждый немым взглядом

спрашивал у другого, не удалось ли чего отыскать. Сами «руки» переживали еще больше.

И в этом странном мире было так много желто-рыжих плотоядных... Длиннолап встревожился не на шутку. Он не знал, отчего его собственный «желтый» не вызывал в нем страха, разве что всякое волнение исчезало бесследно, когда они были вместе. А потом случилось нечто крайне любопытное.

Сами для себя «руки» решили звать их собственного представителя плотоядных Мягким-Желтым, причем это было лишь слово-образ, светлый невербальный набросок, только для использования самим Длиннолапом. Мягкий-Желтый был для него светом Вселенной, льющимся сквозь паутину зеленых крон. Самым лучшим, самым совершенным образом в том лесу, где проходила юность джотока. Его спутник, кажется, имел и произносимое имя, но Длиннолап до сих пор не мог уяснить правил. Иногда он обращался к пушистому созданию «Герой», иногда «Воин», порой «Кзин». Когда джоток произносил «Поедатель-Травы» и «Беззубый», рядом с «желтым» становилось небезопасно. Имена менялись по нескольку раз на дню. Проще уж звать его про себя «Мягкий-Желтый».

Пушистый Мягкий-Желтый частенько заводил игру с низкочастотными звуками, столь увлекательную, что Длиннолап готов был забавляться бесконечно. Если звуковой орган Мягкого-Желтого вдруг прекращал издавать звуки (казалось, этот орган находится глубоко в его пасти, чтобы он не смог сжевать его), Длиннолап принимался мурлыкать, урчать, щебетать, лишь бы заставить спутника возобновить потеху. Когда же он пытался заставить одну свою легочную щель умолкнуть, другая старательно нарушала тишину. Большая «рука», между прочим, оказывалась куда настойчивее Тонкой.

У игры существовали особые правила. Каждое изображение вокруг имело звук-обозначение, известное только Мягкому-Желтому. Длиннолапу предстояло отгадать. Поскольку разнообразие изображений не имело границ, подбор комбинаций звуков к каждому оказывался бесконечно интересным занятием. Если Длиннолапу удавалось справиться с задачей, это побуждало Мягкого-Желтого выдать новую партию звуков или, что еще лучше, использовать

сами слова как вспомогательные инструменты для исследования других, новых слов. Джоток мог болтать без умолку. Какое легкое первым составит правильную комбинацию звуков? Порой случалось, что все сразу. И все же Короткая «рука» чаще остальных в таких состязаниях выходила победительницей. Наверное, именно ей досталась роль главной болтуньи. Когда она дремала, Длиннолап обычно бывал молчалив.

В этом мире, где не росло деревьев, жили новые образы и много новых слов.

— Листья,— сказала Короткая «рука».

— Листья, листья, листья,— повторила Тонкая, потому что ни одного не нашла.

— Ты проголодался, да? — спросил Мягкий-Желтый, выходя из пещеры через... подъемник?

— Дверь, дверь, дверь,— поправила Короткая.

Когда же Длиннолап направился следом, то никакой двери не обнаружил. Тревога!

Но Мягкий-Желтый вскоре вернулся с контейнером из травы, полным свежих листьев. Большая подыскивала верные слова, чтобы описать то, что видела, исследуя сплетение травянистых стеблей, уложенных в каком-то непостижимом порядке. Глаза никогда подобного не видели.

— Листья на травяном полу, — произнесла Короткая, вдруг понимая, что плоское «пол» не самым лучшим образом сочетается с полым контейнером.

— Это корзина, а не пол. Я принес ее оттуда, где живут рабы. Скажи «корзина».

— Корзина. Корзина. Корзина из травы. Травяная корзина.

— И не разделяй на слоги! Тебе никогда не надоедает, да?

Длиннолап двумя конечностями поднял корзину и высыпал листья на пол. Сел на них ртом, растопырив локти, и принялся жевать.

— Хорошо! — воскликнул он всеми «руками» сразу.

— У меня трясутся уши, когда я смотрю, как ты усаживаешься, чтобы поесть.

— У меня трясутся уши, когда я смотрю, как ты усаживаешься по нужде. Один рот лучше, чем два.

— Длиннолап, твои уши не трясутся. Они у тебя в запястьях.

— Трясутся? Трясутся? — Большая приподнялась так, чтобы ее глаз смог хорошенько рассмотреть резонансные раковины на запястьях, анализирующие звуки.

Наставник-Рабов встряхнул ушами для наглядности. Он был невероятно удивлен:

— Так я делаю, когда шучу. А как я узнаю, когда ты захочешь пошутить?

— Пошутить?

— О, в другой раз!

Наставнику-Рабов требовался сон, так что Длиннолап взобрался под потолок и, повиснув на специальном крюке, сам погрузился в дремоту. Бодрствовала лишь Пятнистая «рука», наблюдавшая за входной дверью. Ей было о чем потолковать, но приходилось терпеливо ждать, пока остальные проснутся.

Мыслительные способности без перекрестных вопросов-ответов между «руками» притуплялись. Но вопросы и сами по себе были интересной вещью. Что случилось в лесу? Почему отсутствие деревьев делает полы плоскими? Что такое стекло? Как что-то невидимое может сопротивляться нажатию «руки»? А как Р'хиссира цепляется за потолок? А на всех планетах есть разноцветные лампы?

К утру, когда Мягкий-Желтый привел Длиннолапа в пещеру, полную странных форм и изгибов, заключавших в себе множество глаз и конечностей, вопросов накопилось еще больше. Гигантский кзин находился тут же, от него пахло свежей плотью поедателя листьев. Жуть.

— Просто так в симулятор его не затащишь. Джотоки впадают в панику, когда их лапы несвободны, а его словарный запас недостаточно велик, так что придется потрудиться над объяснением. Сделаем ему инъекцию тразина. И прежде позволим посмотреть, как другой джоток выходит из тренажера невредимым.

Длиннолап старался держаться к Мягкому-Желтому как можно ближе. Его подвели к другому поедателю листьев, такому же, как он сам, подвешенному в воздухе. «Руки» того были заключены в толстые рукава. И какие-то лозы свисали из чехлов над его глазами. Конечности сгибались, будто он куда-то бежал или прыгал с дерева на дерево, но сам он оставался на месте. Ужасно.

Потом большой кзин освободил глаза джотока. Снял рукава. Пока длилась процедура, три мозга Длиннолапа одновременно заключили, что он станет следующим. «Руки» решили отшагнуть, но не смогли даже пошевелиться.

— Тразин тебе не навредит. Растворится в крови.

Он даже не мог сопротивляться, пока ему надевали рукава. Под действием паралитического препарата глаза почти закрыла защитная пленка, но рыжий гигант вынул их по одному и вложил в чехольные пазухи. Слеп и недвижен. Это наступила смерть, которой он стерегся всю сознательную жизнь?

Бежать, бежать! Но прежде чем он даже подумал о побеге... его вернули в лес. Каждая деталь отличалась удивительной четкостью и отсутствием запаха. Длиннолап будто бы не преодолевал стен и не выходил в дверь... Неужели после смерти попадают в непахнущий лес? Он все еще не мог пошевелиться, но «руки» крепко ухватились за ветви, чтобы избежать падения. Вокруг не было ни одного кзина. Когда шок прошел, Длиннолап воспользовался случаем и помчался прочь. Он почти летел, перескакивая с дерева на дерево, едва касаясь веток.

Пейзаж был незнаком, и Длиннолап терялся без привычных ароматов-подсказок. Деревья казались слишком высокими. Вскарабкавшись так высоко, как только мог, он не обнаружил там потолочных ламп, только парящие скопища белого мха. Ни одного узнаваемого ориентира; то, что видели глаза и ощущала кожа, шло вразрез со сверхтонким чутьем. Назад повернуть не было никакой возможности, потому что окружение тут же меняло свой облик, едва пропадало из поля зрения. Получалось, что впереди лежала та же неизвестность, что и сзади. Неправильно.

Сквозь заросли мелькнуло озеро, гораздо больше любого водоема из когда-либо виденных Длиннолапом и столь насыщенного цвета, что терялось всякое впечатление естественности. Джоток последовал по широким ветвям, простертым над берегом, испугавшись, что если отвернется, то озеро исчезнет. Взобравшись повыше, замер.

Дерево вдруг раскрыло легочную щель и произнесло:

— Я дерево.

Задрожав от страха, Длиннолап перепрыгнул на соседний ствол.

— Великолепный прыжок, — пискнула птица, усевшаяся рядом.

Изумленный, он переводил три взгляда с дерева на птицу и обратно. «Сколько же миров здесь на самом деле?» — спросила вдруг Пятнистая «рука» в отчаянии. Но время шло, и Длиннолап начал привыкать. Странный лес преподавал ему уроки речи с теми же словами-кодами, что и Мягкий-Желтый. Говорили камни. Говорили коряги и пни. Животные тоже проявляли чудеса болтливости. Что совершенно сбивало с толку.

Ничего нельзя было предугадать. А потерять эту способность — значит подвергнуть себя опасности. Спрятаться и поразмыслить над последствиями.

Легкомысленная «рука» сорвала гроздь ягод вместе с листьями и запихнула в рот, чтобы утолить голод. И тут Длиннолап обнаружил, что жевать нечего. Шок.

Похоже, даже с едой в этом лесу проблемы. Слишком много проблем.

— Съешь меня, — сказал лист.

Джоток послушался. Только резкий вкус. Нечего жевать.

— Горький, — заявил лист, чудесным образом выросший на том же месте, откуда был только что сорван. — Съешь еще раз.

Вкус тростника, даже плодовых семян. Жевать нечего.

— Сладкий, — не унимался бессмертный лист. — Еще раз.

Ну, все. Где же Мягкий-Желтый?

— Наставник-Рабов! — жалостливо позвал он.

Призыв спровоцировал немедленные сумерки, сгущавшиеся слишком стремительно. Стало темнее, чем в самой темной пещере.

Неторопливо возник образ Мягкого-Желтого, словно загорелась лампа ранним утром, не испускавшая ни луча света. Изображение хищника подрагивало, слишком насыщенное и резкое. Пушистая конечность коснулась глаза Большой «руки».

Длиннолап внезапно оказался там, откуда начал. К одному глазу таинственным образом вернулась способность видеть. Пещера, машины, великан-кзин и Мягкий-Желтый привычного цвета. Длиннолап подпрыгнул, чтобы рассмотреть глаз Большой «руки».

Тугие рукава совсем лишили его чувствительности. Паника. Смерть... Длиннолап яростно забился в путах.

Гигант-кзин отпрянул, а Мягкий-Желтый ловко вернул глаза джотока на место и расстегнул рукава. Длиннолап отбежал в угол, вне себя от ярости, и только Пятнистая продолжала следить за большим желтым обманщиком.

— Шутка, — сказал Наставник-Рабов.

— У тебя мозги там, где твой кишечник! — буркнул Длиннолап, который уже усвоил кое-что из уроков анатомии. — Шутка! — добавил он, впрочем не желая обидеть хищника.

Но на весь остаток дня он погрузился в угрюмое молчание. Ночью, когда Мягкий-Желтый спал, пять мыслительных центров принялись размышлять над тем, где они сегодня побывали. Происходящее Длиннолапу совсем не нравилось: слишком подозрительно и опасно. Прячься, молили все его инстинкты, но, странное дело, любопытство с легкостью заглушало эти вопли! Говорящие деревья! Ходить сквозь стены! По миру на каждый глаз! Что за невидаль!

Едва заметив, что Мягкий-Желтый проснулся, Длиннолап потребовал отвести себя к двери.

— Еще шуток, — попросил он.

Второй урок в странном лесу был посвящен числам и их визуальным символам. После занятий потрясенный Длиннолап принялся считать все, что видел. Диапазон между числом «три» и «много» можно делить бесконечно на отдельные части различной величины. И какое бы число ему ни казалось самым большим, всегда находилась величина внушительнее. Он считал кзинов, лампы, листья, которые отправлял в рот, потому что Пятнистая желала знать, сколько листьев ему требуется, чтобы почувствовать себя сытым.

В лесу без запаха существовало несколько типов миров. Когда сознание уставало от одного, картинка тут же менялась. Были миры, где Длиннолап обучался математике, искусству управлять машинами и правильному обращению к хозяевам-кзинам. Еще миры игр, царства лесов и подземелий, где законы природы изменялись причудливым образом, порой пугающим, порой забавным. Если игры утомляли — возникало исполненное успокаивающих мелодий из-

мененное гравитационное поле. Когда же и гармоничные напевы начинали навевать скуку, вновь возникало пространство, предназначенное для активной игры. Сущее удовольствие.

Длиннолап постепенно терял чувство времени. С Мягким-Желтым он виделся все реже, но зато их разговоры становились все насыщеннее. Наставник-Рабов обнаружил, что Смотритель весьма и весьма суровый начальник, тогда как друг-джоток обучал его геометрии и устройству механизмов. Как-то раз им не удалось разобрать машину, поскольку раб еще не дошел до соответствующего раздела в своих занятиях. За это оба были наказаны и отправлены соскребать грязь с полов.

Лучшие дни проходили за охотой. Длиннолап носил униформу, отличавшую рабов Мягкого-Желтого, кружевную, в зелено-красную полоску. Они бродили по загону в поисках новых рабов, но, по сути, просто отдыхали, не обремененные приказом о возвращении в определенный срок. На взгляд Длиннолапа, знакомые с детства заросли, тенистые озерца и скалистые уступы были куда приятнее, чем сменявшие друг друга леса тренировочной машины. Свежий запах листвы, деревья, которые не говорят. На потолке, как и положено, лампы, а пещеры ведут лишь на уровень ниже.

Длиннолап выслеживал добычу, зная, где молодые джотоки собираются в больших количествах. После Наставник-Рабов выманивал их, пока его верный раб и друг прятался в засаде. Не всегда охота завершалась успешно. Обнаруженный джоток мог оказаться достаточно взрослым, но лишенным любопытства. Такого следовало немедленно отпустить. Или же особь оказывалась необратимо одичавшей, годной лишь на обеденный стол. У диких джотоков способность к вербальному общению была принесена в жертву изощренному хитроумию.

Лучших из пойманных джотоков Наставник-Рабов оставлял себе. Трое образовали его личную свиту: Длиннолап, Шутник и Ползун. Они прекрасно разбирались в математике, различных устройствах и сервисе гравидвигателей. Но помимо этого, неизменно сопровождали Мягкого-Желтого на охоте. От их чуткого внимания не ускользнуло, что их кзин нажил себе врагов среди остальных, и они тайком об-

суждали друг с другом, как помочь хозяину избежать опасности. Незаметно из рабов они превратились в его телохранителей — силу, неусыпно следящую за тем, что творилось у Наставника за спиной.

Глава 8
(2396 н. э.)

С каждым днем армада была все ближе. Но в порядках Патриархата не было места бездумной спешке.

Когда крейсер «Победа при Ш'Ро» вышел на орбиту Хссина, он не выслал вперед ни свиты, ни дипломатов, но, следуя приказу Патриарха, со всем присущим ему имперским величием возглавил Орбитальное Командование. Траат-Адмирал выполнял обязанности Чрезвычайного-Воина-Посла и посредника между Чуут-Риитом и местными властями. Адмиралу были даны четкие предписания при первом же контакте с хссинскими кзинти занять главенствующие позиции. Его предупредили, что население базы отличается яростным, но послушным воле Патриархата нравом.

Траат-Адмирал, родом из центра Империи, привык к формализму и жесткой субординации, но здесь, на окраинах, жила менее дисциплинированная порода кзинти, славящаяся особой драчливостью и ревниво оберегающая трофеи. Прояви посланник Патриарха хоть толику неуверенности, и его, оставив все церемонии, перестанут слушать и даже просто замечать. А Патриарх находился от Хссина в тридцати годах, если путешествовать лучом света, и в сорока — если кораблем.

Местный флот вполне мог ответить агрессией. Воины-Завоеватели Хссина являлись братьями Воинов-Завоевателей Дивной Тверди. Но они вправе были проигнорировать или даже атаковать «Победу при Ш'Ро», — в конце концов, это лишь корабль авангарда, напичканный электроникой, но не слишком мощно вооруженный. Отважится ли Правящий Дом Касрисс-Ас выразить столь вопиющее презрение, зная, кто идет следом за Траат-Адмиралом?

Ничего подобного не произошло. Скрепя сердце, местные без боя отдали орбитальное пространство.

С того момента с промежутком в четыре часа в систему Р'хиссиры начали прибывать корабли. То были пассажирские паромы с утомленными долгим перелетом воинами на борту, боевые машины, вспомогательный транспорт — все, что только смог собрать Чуут-Риит увещеваниями или силой со всех пяти имперских систем. Ни один из кораблей не пошел на посадку, так что вокруг Р'хиссиры со временем образовалось плотное транспортное кольцо. То была политика Траат-Адмирала: устрашать на расстоянии.

Сам Чуут-Риит прибыл на флагмане и произвел настоящий фурор своим появлением. Он командовал сногсшибательным сферическим дредноутом класса «Имперский кинжал», самым крупным кораблем из когда-либо виденных неискушенными дикарями Хссина. Грозная, перегруженная боевой техникой машина, абсолютно новый за многие сотни лет дизайн. О, эти авантюристы, живущие на выселках, изойдут на лесть и переломают хвосты, изо всех сил виляя ими, и Чуут-Риит знает, как этим воспользоваться.

Потребовалось шесть дней, чтобы гравитационное поле «Рвущего глотки» снизило скорость с шести восьмых скорости света до скорости обращения Р'хиссиры. Чуут-Риит проходил процедуры по восстановлению после гибернации: массаж, боевые симуляторы, активные развлечения с фаворитками. Ни на тонусе мышц, ни на быстроте реакции гибернация благотворно не сказывалась. Поэтому он никогда не пренебрегал возможностью как можно быстрее восстановить физическую форму.

Большинство конфликтных ситуаций Чуут-Риит привык разрешать безупречной логикой, вводившей в ступор его противников, но, если логика не помогала, он тщательно искал любой другой разумный выход, прежде чем впасть в ужасающую ярость, способную утихомирить оппозицию одним лишь предчувствием этого кошмара. Все же безупречный тонус тела он ценил крайне высоко, особенно когда необходимо было вывести из игры невменяемого врага.

В тесной комнате для тренировок, прилегавшей к жилой каюте, находился голографический имитатор саванны. Над датчиком имитатора висели современный импульсный

лазер и древний арбалет. Пол укрывала шкура кдатлино: старый трофей с его первой охоты в качестве вассала Правящего Дома. В те дни, когда силы было больше, чем ума, он доказал Патриарху безграничную верность. Тот был еще слишком молод, чтобы рассчитывать на долгую жизнь, но выжить удалось, а Чуут-Риит стал его карающей десницей, мечом, вынутым из ножен; после были бесчисленные годы среди звезд и гибернация, заставившая задуматься о возрасте.

Он не был стар, но, когда глас величественной гордости поутих, он наконец ощутил тяжесть прожитых лет. Он помнил вещи, о которых его подчиненные знали лишь по искаженным легендам да лживой писанине. Эти котята полагали, что Войны Асанти — это одна битва, и ничего не знали об измене Гроом-Кора. Они наивно мурлыкали о Долгом Мире, уверенные, что войн прежде не существовало. Неразделенные воспоминания делают кзина бесконечно, бесконечно старым.

Но пожалуй, арбалет Риит несравненно старше. Чуут-Риит нацепил на переносицу электронные очки и взглянул на оружие: легкий сплав — работа джотоков, ковка кзинских умельцев; инкрустация лазурным ракушником от ювелира-самоучки... Кожаные ремни заменили на новые, но в остальном это был оригинал.

Дед рассказывал, что этот арбалет был орудием судьбы, взятым в глубокий космос предком-основателем рода Риит, наемником, рекрутированным для участия в одной из войн. Фамильная ценность напоминала о самом легендарном Патриархе дома Риит, но, пожалуй, реальность была куда менее романтичной: вероятно, он был просто егерем в отдаленном заказнике, опозорившим собственный дом (а может даже, поставившим жизни домашних под угрозу), принеся обет верности язычникам-джотокам.

Паукообразные монстры прибыли, вооружившись богатством и магией. В их арсенале имелись огненные мечи и гравитационные машины, они рассчитывали обзавестись армией легионеров, которые завоют для них звездную империю, будут сражаться и умирать вместо них. После осады замка Патриарха и его позорного падения джотоки скупали населяющих удаленный уголок космоса жалких тварей в неограниченных количествах.

Арбалет и послание (начертанное, как снисходительно выражаются компетентные историки, «несведущей» рукой) – единственное, что осталось от предка. Послание являлось великолепной попыткой рассказать кзину-отцу, что такое на самом деле звезды, ведь тот был уверен, что это души Великих Героев, вмурованные в Купол Жилища Клыкастого Бога.

Медальон Риит, вставленный в рукоять арбалета, считался семейным клеймом с незапамятных времен. Согласно расхожему мнению, узор являлся стилизованным изображением оскала плотоядного, но скрупулезное историческое расследование Чуут-Риита показало, что это наплечная эмблема, даруемая джотоками их элитным кзинам-воинам. Основой для узора послужил резной лист. Вязь из точек и запятых по краям медальона, впрочем, имела позднее, кзинское происхождение и гласила: «Из наемников в повелители».

Самая отвратительная точка зрения, с которой Чуут-Рииту когда-либо приходилось сталкиваться, была озвучена, пока он нанимал рекрутов для своего похода на Ч'Аакине. «Если лучшие из приматов так самоотверженно дерутся, нам стоит нанять их вести битвы за нас, чтобы вместо благородных кзинов гибли люди-легионеры! Настало время, что зовется Долгим Миром, оно создано нашим трудом! Хозяин только тогда хозяин, когда способен оплатить жизнь себе и смерть собственным слугам». Так высказался щеголь, который никогда не осмелится бросить вызов отцу-повелителю; разумеется, он владеет множеством джотоков-рабов, принадлежащих его дому, но он никогда не видел опаленных лесных миров пятилапых существ, разграбленных преданными рыжими наемниками.

Чуут-Риит слыл одинаково способным математиком и историком. Он старательно изучал становление Империи джотоков. Размером она едва ли превышала восьмую часть нынешнего кзинского Патриархата, но до сих пор на ее примере было чему поучиться. Как удалось, при наличии одного лишь коммерческого флота, наладить мощное материально-техническое подспорье для войн на огромных межзвездных расстояниях?

Прежде джотоки были поистине гениями военной тактики.

Древние полководцы-кзины, водившие в бой смертоносные корабли, старательно снабжаемые джотоками всем необходимым, на деле оказались заядлыми мародерами — сам язык их учителей был уничтожен, забыт даже выжившими джотоками. Не осталось ничего, кроме задумчивых лесов и туманных озер. В своих исследованиях Чуут-Риту пришлось положиться на кзинские тексты, созданные теми, кто никогда не знал пятисторонней грамматики джотоков. Только теория очередности, анализ временных соответствий и прогнозирование, детальное изучение коннотативных единиц позволили вычленить в разрозненных историях и заметках крупицы военной мудрости джотоков.

Судя по всему, даже когда кзины-наемники еще оставались стратегически неумелыми, джотокам удавалось выигрывать любую битву; так продолжалось до тех пор, пока корпус кзинских подразделений не стал главным оплотом военной системы джотоков. Без сомнений, пятилапые гегемоны отдавали предпочтение торговому развитию. Почему? Для Чуут-Риита данный факт оставался неразрешимой загадкой, и в архивах кзинов вряд ли нашлись бы записи, способные приоткрыть эту тайну. А для того чтобы обследовать все уголки разрушенной Империи джотоков, потребовалась бы не одна жизнь...

Но довольно грез. Ему есть чем заняться перед высадкой на Хссин.

К Дивной Тверди армада была сейчас ближе, чем когда-либо прежде. Двойное сияние альфы Центавра, такое яркое среди россыпи звезд над Р'хшссирой... Лучезарная звезда человеческого космоса, несметное сокровище в созвездии, которое кзины звали Водной Птицей. В архивах Хссина должна была содержаться вся возможная информация о войнах между человечеством и расой Героев, даже если новости доходили с запозданием в несколько лет. Поэтому Чуут-Риит запросил по этой теме все, что только смогло бы предоставить центральное командование Хссина.

Бегло просмотрев полученную кипу документов, он взялся за список служащих департамента разведки. Подчеркнул пять имен, от главы департамента до начальника отдела следопытов, после связался с ними лично, сравнил информацию, полученную от каждого. Он должен был

быть уверен, что владеет ситуацией целиком и получает доступ ко всему, что ему может потребоваться. Оставался учтивым, настойчивым, неколебимым, конкретным в расспросах, умеющим отблагодарить. Таков был рецепт надежного сотрудничества.

Он щелкнул кнопкой связи:

— Гис-Капитан, распорядитесь, чтобы меня никто не беспокоил.

Юная кзинрет, Хаша, просунула голову в овальный проем. В огромных янтарных глазах немой вопрос. Она чувствовала, что хозяин занят, проверяла, к месту ли сейчас ее присутствие. Чуут-Риит нежно промурлыкал на Наречии Самок пару слов, позволяя ей войти. Она не станет мешать.

— Мой Герой, — отозвалась она по привычке и грациозно скользнула внутрь, присела рядом, позволяя похлопывать себя по затылку, пока Чуут-Рит, брюзжа и ворча, усваивал информацию, получаемую с голографического экрана, в своих очках.

Хаша была безупречно воспитана и хранила молчание, но все же ненавязчиво поигрывала хвостом с Чуут-Риитом.

Он прибыл к Хссину не по прямому приказу Патриарха. Для таких мелочей не оставалось времени из-за срочности ситуации. Принимая во внимание неспешность лучей света, тревога Владыки по поводу творящегося на окраинах его государства вот уже тридцать лет назад потеряла свою актуальность. По этой причине Чуут-Риит получил только самые общие указания и принимал решения без участия консультантов из Правящего Дома. По сути, он и был странствующим Патриархом. Когда ты подданный Империи, которую не проедешь и поперек за целую жизнь, твои полномочия как боевого командора обретают весьма расплывчатые границы. Такие, как он, делали, что считали нужным, и рапортовали, когда появлялась возможность. Однажды принеся Патриархату обет верности, они считали делом чести неуклонно следовать выбранному пути или учили этому собственных отпрысков.

Чуут-Риит отправился к отдаленным границам Империи из-за электромагнитного толчка. Слухи. Странные сигналы. Он выступил с орбиты В'ккая, располагая лишь немногими намеками, подобными слабым следам на охоте,

однако нос его будто чуял ароматы ветров далеких планет. Новая разумная жизнь?

Четырьмя годами ближе, на Ч'Аакине, он понял, что чутье его не подвело. Заброшенный маленький форт на самой границе космоса кзинов захватил армаду язычников, а после штурмом взял один из их миров. Всеядные животные, прежде лазившие по деревьям, с десятью пальцами. Значимая победа. Кто мог знать, что планетарная система с двойной звездой так густо населена?

Чуут-Риит прекрасно осознавал, что такое событие повлечет за собой бесконечный шлейф последствий и не все они окажутся положительными. Несвоевременно проявившая себя воинская мощь на границах — это всегда большие возможности и всегда открытый путь к катастрофе.

Группы Следопытов на Ч'Аакине предоставили Чуут-Рииту свое прочтение световых волн. Он потратил день на разбор тех документов. Захватчики Дивной Тверди в самом деле оказались беспечными Героями, но ему это уже было известно. Что его заинтересовало гораздо больше, так это природная стойкость людей-приматов. Подробности той кампании потрясли его.

В своем журнале он записал предположение, вернее, прогноз, уже четырнадцатилетней давности. Чуут-Риит взял на себя смелость полагать, что воины Хссина засели Дивную Твердь, станут Кзинами Тверди, а после потеряют покой и совершат очередной безрассудный штурм-бросок на владения людей — ослепленные успехом пятилетней давности. И потерпят неудачу. Действия на Дивной Тверди показали, что их знание логистики далеко от совершенства.

Годы шли. Чуут-Риит провел их в состоянии гибернации, сменявшейся короткими периодами бодрствования, когда шло пополнение его армады. Чем ближе к альфе Центавра, *тем отчетливее становился запах, когда-то завладевший* его помыслами.

Теперь, на орбите Хссина, он был совсем близок к добыче.

Первое. Ему доподлинно известно, что попытка Первой флотилии проникнуть в систему людей обернулась катастрофой. Как он и предполагал, впрочем еще задолго до того, как флотилия была собрана.

Второе. Ему доподлинно известны численность и точная дислокация Второй флотилии. Эта информация была получена, когда армада проходила орбиту бедствующего Клыка. Ознакомившись с отчетами Первой флотилии о положении дел в системе язычников, Чуут-Риит справедливо предрек неудачу второй кампании.

В данный момент ему было крайне интересно знать, оправдается ли это предположение. Он углубился в архивы Хссина. Возможно, эти провинциальные кзинти безоглядно храбры, но стратеги из них никудышные — растяпы, только и знающие, что драть глотку. Победа, пусть и неожиданная, была бы, впрочем, весьма кстати, хотя значительно осложнила бы миссию Чуут-Риита: победители с меньшей охотой согласились бы принять помощь Патриархата, чем проигравшие.

Ах вот. Тихо рыча, он вызвал на экран виртуальных очков недавно поступившие в архивы данные.

Чуут-Риита совсем не удивили известия о провале кампании Второй флотилии. Детали, вот что, как и прежде, поражало. Он даже выпустил когти от волнения и пришел в такую ярость, что готов был разорвать на части военачальников, уже и без того поплатившихся головами за свою некомпетентность. Почему не отдан приказ разбить лазерные батареи внутренних планет с нижней позиции? Несколько часов ушло на подробные вычисления, но способность что-либо понимать окончательно исчезла. Третья флотилия, так старательно готовившаяся к походу, уже на подступах к человеческому Солнцу — и тоже обречена. Срочно спасать Патриархат от этих горе-Героев!

Новости, пусть и подобные остывшей туше по сроку давности, подхлестнули Чуут-Риита к активным действиям. У Хссина нельзя задерживаться.

Верно рассчитав время, армада выйдет к альфе Центавра как раз перед объявлением сбора неизбежной Четвертой флотилии. Это давало Чуут-Риту возможность присвоить эту самую Четвертую флотилию со всеми потрохами плюс подчинить себе горько обиженных врагов, которых он наживет на Дивной Тверди, и каждого сорвиголову, изголодавшегося по боевым кличам и кровавой сече. Величина расходов определяется величиной запросов. И все это — лишь необходимые расходы.

Но лучших из Героев он рассчитывал придержать для более тщательной подготовки, чтобы вышколить истинных, совершенных воинов. Злосчастным людям-приматам, судьба которых — рабство, придется подождать Пятой флотилии, прежде чем они сразятся наконец с профессиональной кзинской армией.

Глава 9
(2396 н. э.)

Что за восторг! Свершилось!

Рекруты — это не просто нанятые добровольцы; это избранные Герои для армады, держащей путь на Дивную Твердь. Конкуренция витала в воздухе, да такая, что не справлялись кондиционеры. Воители даже пахли иначе. Они то и дело кусали друг друга и толкались. Они кичились своими умениями и количеством приматов, которыми будут владеть, когда окажутся в возрасте своих отцов. Изобретали новые, изощренные оскорбления.

— Мой близорукий Герой! — воскликнул молодой кзин, обращаясь к подслеповатому другу за обедом, в перерыве между отборочными состязаниями. — Ты говорил, будто видишь себя хозяином поместья в Африке? Охотником на слонов? А выбрал ты слонов в качестве добычи за ярость или потому, что их легко заметить?

— А ты, пожалуй, только пристрелить монстра с бивнями и сможешь, да и то сидя высоко на дереве, которое тот будет раскачивать в бешенстве! — отвечал близорукий, отчаянно выглядывая обидчика и не будучи уверенным, что смотрит в правильном направлении.

Балагур тем временем обратился к другим участникам состязаний, шумно поедающим «руки» джотоков.

— Позвольте представить вам, благородные Герои, знаменитую сагу о моем спотыкающемся друге, что слишком высок, чтобы увидеть собственные лапы! — прогромыхал он зычным голосом, нарочно спотыкаясь, беспрестанно подрагивая ушами и добродушно рыча.

— Смотри не навернись, пока не предскажешь моей доли!

— О, ты пройдешь сквозь самые жестокие схватки невредимым! У тебя есть скорость и храбрость, компенси-

рующие слабые глаза! Ты превратишь вражеские корабли в обломки и выпустишь лопающиеся безволосые трупы наружу, болтаться в вакууме! Уж нам известно, что твоя удача слепа и ума у тебя — как у крота! Нетвердой походкой ты обойдешь все мины. Запрыгнешь на гравиплатформу и окажешься в Африке, чтобы положить батальонов без счету, освещая себе путь сигнальными ракетами!

Повествователь сплюнул, довольный собственным красноречием, и замурлыкал в ответ на похвалу.

— Давай побыстрей с зачином, — ухмыльнулся близорукий кзин, — хочу услышать про день, когда засияет звезда моей славы!

— А, это, гр-р. Ты видишь, как впереди маячит серая слоновья туша. Крадешься. Кидаешься со всей силы! Но со всего размаху влетаешь лбом в серую каменную глыбу! Один—ноль в пользу глыбы. Птички и звездочки вокруг твоей гривы! Твари в униформе с нашивками ОНКФ выбираются из укрытия, пользуясь твоим временным бездействием. К несчастью, они догадались освежевать тебя, и вот ты, Завоеватель Мира Людей, хорошенько выдубленный, растянулся на полу чьего-то африканского бунгало, и твой мех приятно щекочет ступни презренных мартышек!

Рассказ вызвал настоящий взрыв аплодисментов и одобрительного рыка. В воздух полетели кости джотоков.

Наставнику-Рабов было очень неуютно в этой толпе — слишком много знакомых, врагов из прежних времен. Он пришел только потому, что отчаянно жаждал стать наемником, желал следовать к славе за Чуут-Риитом. Вся отвага, на которую он был способен, была потрачена на то, чтобы прийти сюда. Он никак не мог осмелиться принять участие в турнире, хотя когти у присутствующих были втянуты и никто не посмеет напасть на него за пределами испытательной арены. Но никогда за эти годы ожидания высокопоставленного спасителя ему и в голову не приходило, что придется силой добывать привилегию следовать по его стопам!

«Мне конец», — подумал Наставник-Рабов. Он бы задержался здесь подольше, пытаясь перебороть страх, но заметил Водящего-За-Нос, проталкивавшегося сквозь толпу.

Так что Мягкому-Желтому оставалось только одно: на автокаре туннелем он добрался до загона, чтобы вернуться к своим обязанностям. Не важно. Хссин опустеет после

отбытия армады. Не останется ни одного врага. Так все и кончится.

Смотритель нашел ученика под куполом недалеко от главного входа и поспешил поприветствовать его слишком воодушевленно. Хссин в самом деле охватила лихорадка, которой даже суровый гигант не мог противиться! Великан не остановился, как обычно, а вплотную подлетел к Наставнику и так встряхнул его, что чуть не свалил на землю.

— Только взгляни! — прорычал он, показывая золотую карту достоинства. — Благодарность Чуут-Риита за рабов! Несколько наших рабочих групп провели осмотр тех его кораблей, что оснащены гравитационными поляризаторами! Он был очень доволен. Безделушка, конечно, но у нас теперь есть достоинство!

Наставник почти с нежностью взял старого кзина под лапу и повел мимо деревьев, по шелковистому травяному ковру на прогулку. Разговоры были ни к чему, но все же учитель и ученик обменялись мурлыканьем. Про работу они не вспоминали весь остаток дня. Рыжий великан суетился, принес из запасов газированную воду, сочные, толстые куски мяса. Потом принялся вспоминать лучшие моменты своей жизни. Наставник с удовольствием слушал знакомые истории.

На следующий день суматоха продолжилась. Касрисс-Ас, Патриарх Хссина, в жизни не обмолвившийся со Смотрителем и словом, общавшийся с ним при необходимости через посредников, самолично позвонил в загон. Выяснилось, что Чуут-Риит крайне заинтересовался быстротой реакции людей-приматов и прочими физическими характеристиками, поэтому приобрел пару людей-рабов у правителя Хссина, чтобы поохотиться на них. Их немедленно доставят в загон, потому что это единственное крупное охотничье угодье на планете.

— Они дурная добыча, — ворчал Касрисс-Ас, — бестолковые пропорции. Слабые твари. Бегают медленно. На деревья лазят невысоко и неумело. Впрочем, вкусны, тут ничего не скажешь. — Угрюмо добавил: — Держал их для собственного зверинца.

— Благородный Герой, какой срок нам отведен, чтобы устроить все должным образом?

— Он даже не дал мне точных указаний! — пожаловался местный Патриарх. — А ведь месяцы уходят, чтобы привес-

ти людей в хоть какую-то форму! Другими словами, может, ваш котенок, не знаю, расшевелит их, что ли? Сделает хоть что-нибудь, научит чему за один день? Что угодно, лишь бы охота вышла интересной! Я в полной растерянности. У меня столько неотложных дел. Прошу, позаботьтесь обо всем. Честь Хссина зависит от вашей компетентности.

Едва сеанс связи окончился, Смотритель достал справочник — не капсулу со сжатой информацией и не сенсорный самописец, а тонкую, богато иллюстрированную книгу. Волоконная бумага высшего сорта отличалась чудесным оттенком и ароматом. Переплет был кожаный, из шкуры джотока.

— Прочти и запомни все, что сможешь!

Самое популярное среди кзинов пособие по расе людей.

Появление Гуэм-Сержанта с двумя помощниками заставило джотоков спешно разбежаться по жилым секциям. Наставник-Рабов, листая книгу, заметил троих воинственного вида кзинов, столь огромных, что дверной проем они миновали по одному, предварительно втолкнув двух беспомощных тварей. Даже объединив усилия, эти безволосые двуногие вряд ли смогли бы одолеть даже самого слабого охранника. Мартышки выглядели куда менее устрашающе, чем на картинках, и пахли вовсе не нектаром. Запах гораздо более отчетливый. Запах страха.

Наставник попытался применить на практике то, что удалось узнать из справочника. Вот этот, без волос на морде, — это молодой самец? Наставник пристально оглядел примата. Да, скорее всего. У человека с волосатой мордой больше складок на коже цвета кзинского хвоста и даже есть морщинки — признак возраста. От этого запах страха шел более стойкий. Наверное, поэтому его гениталии втянуты.

— Ауррrх,— сказал Гуэм-Сержант.— Диковинный товар.

Наставник вспомнил, что должен отпустить сержанта. Быстрый знак лапой о выполненном договоре, и воины-кзины покинули его, один за другим.

Оставшись наедине с убогими рабами, Наставник вдруг почуял, как поднимается его собственный страх, как хочется обнажить клыки в оскале. Но странная симпатия, почти сострадание прибавилось к страху: не было никакой нужды издеваться над обреченными животными, и без того запуганными до смерти. Поэтому Наставник подавил хищную

улыбку, стараясь казаться беспристрастным, насколько это было возможно в данной ситуации.

— Для вас есть стойло! — прошипел он и плюнул, но люди ничего не поняли.

— По-моему, он хочет, чтобы мы пошли за ним, — произнес бородатый двуногий.

— Мы можем остаться?

— Не глупи, Маруша.

Наставник провел их коридорами к стойлу:

— Здесь вы будете спать и справлять нужду до начала охоты. Я прикажу, чтобы о вас позаботились. — Плевки сменялись атональными переливами и отрывистым, колючим урчанием Наречия Героев.

— Кажется, нас понизили в должности.

— Что случилось? Только взгляните на эту конуру! Я думала, мы устраивали Капитана Кумквата!

— Навели эти конячьи крысы переполоху. Думаю, нас продали.

— Опять вы с этой теорией... Не на самом же деле мы рабы?

— Откуда же мне знать, Маруша. Не больше твоего понимаю. Пойду разузнаю, не найдется ли еды. А то этот здоровый желтый рефери просто так, смотрю, прохлаждается, а мяча не видит. — Человек потыкал пальцами в рот.

— Длиннолап, принеси еды рабам.

Джоток торопливо вбежал в стойло:

— Почтенный кзин, чем их кормить?

— Во имя солнечного пламени, что это еще за чертовщина?! — вскричала Маруша.

— Уже видел таких мельком и одного вблизи. В машинном отделении. Похоже, у кзинов они на лучшем счету, чем мы с тобой.

Наставник-Рабов отчаянно листал книжицу. В этих трухлявых справочниках никогда не найдешь того, что тебе в данный момент требуется!

— Всеядные! — щелкнул он с шипением. Вот и все подробности. Что ж...

— Попробуй всего по чуть-чуть. Воду тоже.

Длиннолап вернулся с целым ассорти теплых, сырых кусков мяса, нанизанных на вертел, полной листьев чашей и соусником с подливкой к зелени.

Взрослый человек обнюхал мясо, но листья попробовал первыми:

— Вроде эвкалипта. Даже по форме напоминают. — Он сплюнул и с кислой миной надкусил мясо. — Придется учить их готовить.

— Оно сырое? Черт побери!

— И жесткое.

Наставник-Рабов крайне удивился, что рабов особенно не привлекли ни мясо, ни листья.

— Что-нибудь из одежды нельзя у них выпросить? — Маруша захныкала.

— Вряд ли найдутся наши размеры. Может, что-нибудь в желтую полоску с пятью рукавами?

Наставника одолевали вопросы, но приходилось спрашивать самого себя, поскольку к этим двум обращаться бесполезно. Он оглядел подошвы их ног, аккуратно провел когтем по коже и пришел к выводу, что она слишком нежная. Каким транспортом их доставили с Дивной Тверди? Может быть, за двухгодичный перелет к Хссину в гибернаторе их кожа на подошвах так размягчилась? Одно ясно: с такими конечностями охота получится позорно короткой!

Задача: снабдить рабов импровизированной обувью. Смотритель был бережлив до умопомешательства, поэтому в его закромах имелась кожа любых сортов, размягченная старательным жеванием джотоков.

Но как же безволосые тела? Никакой защиты от холода, жары, ветвей и колючек. И толщина кожи не ахти какая, не то что у джотока. Наставник лишь легко провел когтями по спине одного человека, когда тот вздрогнул от боли и издал звуки, мало напоминающие тональность неспешной светской беседы. Может, их вытащили из защитных раковин? Или в самом деле Мир Людей — твердь сущего блаженства?

Задача: снабдить рабов подобием штанов. Учитывая хрупкое строение их тел, могут и боевые доспехи потребоваться.

Утром, едва вспыхнули лампы, Наставник отвел людей в лес — в компании верных Длиннолапа, Шутника и Ползуна. Кзин постарался показать им как можно больше укромных пещер и расщелин, куда и как бежать, как прятаться и путать след, чем натирать кожу, чтобы сбить запах. После неудач-

ных и озадачивающих попыток объясниться Наставник пришел к выводу, что люди изначально не понимают, что были выбраны объектами охоты. Их умственные способности на грани идиотизма?

Какое-то время Наставника прельщала мысль, что эти две особи женского пола. В конце концов, о человеческой анатомии ему мало известно. Он старательно выговаривал целые фразы, представленные в справочнике, — все без толку. Люди вели себя, словно неразумные котята, — поднимали головы, внимательно прислушиваясь. Сосредоточенность и ноль осмысленности. Определенно самки.

Но ведь между собой они переговаривались! Была ли то безмозглая трескотня? Но некоторые звуки будто бы... обладали смысловым наполнением. «Нетакбыстро!» призывало снизить скорость реакции. «Дайтепередохнуть!» — капризный окрик, сигнал о слабости. «Эйболван» или «Толстомордый» — обращение к Наставнику, при этом взгляд с уважением опущен вниз.

Ближе к ночи молодой кзин решился на эксперимент. Используя справочник, с большим трудом он скопировал и составил письменные фразы для людей.

День Завтра Бежать Быстро

4/8 день охота ловить — человек умирать

6/8 день охота ловить — человек умирать

8/8 день охота конец охота — человек жить

— Святая Мать-Земля, он говорит, что завтра на нас устроят охоту!

Кожные покровы лица молодой особи резко побледнели.

Старшая особь обернулась к Наставнику:

— Парень, ей всего пятнадцать!

Поняли! Кзин почуял внезапную волну их страха. Могут читать! Ах нет, это самцы. Бесспорно.

Глава 10
(2396 н. э.)

Перед рассветом Наставник-Рабов отвел людей в одну из пещер. На этот раз к его наставлениям они прислушивались куда более внимательно, особенно к тому, что касалось передвижения украдкой и обманных маневров. Пора-

зительный скачок в умственных способностях! Существенное замечание: активная мотивация усиливает способность людей к обучению.

Любопытно.

А вот у джотоков уровень интеллекта зависел от количества гормонов, особенно интенсивно выделяемых во время роста. К переходной стадии все они уже становились гениями. И тогда держись — жажда учиться у них неуемная! Позже, когда масса мозга обретала стабильные показатели, джотоки стремительно теряли способность к обучению и усвоению нового материала. Зрелый джоток обладал всеми умениями, приобретенными в переходном возрасте, однако новую информацию воспринимал туго и новым манипуляциям обучался крайне тяжело. Мотивация играла незначительную роль.

Интересно, мотиватор также выделял в человеческий организм особый гормон интеллекта? Кзин получил бы в свое распоряжение послушный и полезный инструмент, научись он использовать этот гормон по назначению. Пожалуй, можно было бы блокировать мотиватор специальным химическим шунтом. Владелец смог бы устанавливать желаемую скорость усвоения навыков для своего раба-человека, выбирать тип поведения и отключать способность мартышки видоизменять это поведение по собственному желанию. «Ментальная сборка» на любой вкус. Исполнительный раб. Ни ценей, ни угроз. Очень экономично.

Наблюдая за людьми, Наставник в мыслях составлял каталог мотиваторов. Без сомнения, мартышки были способны резко изменять поведение при наличии смертельной опасности. «Прямо как я», — подумал Наставник, помогая особи Маруше прокладывать ложный след сквозь топь.

Но, разумеется, они совершенно другие. Вряд ли у них существует идеология чести и понятие доблести.

Порой жизнь не значит ничего. Наставника вдруг охватило негодование по поводу предстоящей охоты. Раб ценен, пока он жив. Кто сказал однажды: «изучай врага»? Что же ценного в груде обглоданных, окровавленных костей?

Было еще темно, когда Наставник отпустил «добычу» в лабиринт пещер, который Длиннолап звал Местом Многих Путей. Грустно. Хотя бы лишних десять дней, чтобы укрепить их мышцы, узнать получше их язык, обучить другим маневрам...

— Длиннолап, — обратился Наставник к джотоку, когда люди ушли достаточно далеко, чтобы не слышать его речи, — как лучшему своему охотнику, я дам тебе особое поручение. Кто еще так же хорошо знает эти заросли, пещеры и озера?

— Только Клыкастый Бог, — отвечал джоток, следуя обычному их ритуалу общения.

— На охоте ты выступаешь в роли моего разведчика, но это только официально.

— Я весь внимание.

— Мартышки не протянут до вечера без посторонней помощи. Будешь вести их, не меня. Появляйся время от времени, для отвода глаз, но веди людей. Помогай им, но ни в коем случае не сообщай мне о своих действиях! Я не хочу и не должен знать.

— Как хозяин пожелает.

С первыми лучами рассветных ламп под главным куполом загона начали собираться участники охоты. Четверо опытных кзинов-охотников несли сверкающие узкие стяги с цветами дома Касрисс-Аса. У Наставника-Рабов своих цветов не было, но Патриарх Хссина великодушно позволил ему облачиться в доспехи своего дома. На почтительном расстоянии держались трое разведчиков-джотоков в зеленых и красных полосатых ливреях, готовые исполнить приказ по первому зову.

Облачение свиты Чуут-Риита отличалось меньшей формальностью и большей элегантностью. Сам командор надел кожаные доспехи бледно-лазурного цвета, по моде, предшествующей его долгому перелету. Он отдал приказ не использовать ни оружия, ни ловчего снаряжения и сам явился невооруженным. С собою он пригласил лишь Траат-Адмирала и юного рекрута, Посланника-Хссина, гордого своей новой кличкой.

Появление последнего повергло Наставника-Рабов в настоящий шок. А после в тяжелую ярость, которую он вынужден был скрыть. Он глядел прямо перед собой и никак не мог понять: как его врагу удалось так возвыситься?! Какое упорство, достойное паразита, жрущего мех! А Чуут-Риита он тоже за нос водить станет?!

Посланник-Хссина, как бы его прежде ни звали, хитроумием и манерами никогда не отличался. И безразличия

проявлять не стал. Не стыдясь Чуут-Риита и без лишних прелюдий, он осклабился и рявкнул:

— Не доживешь до вечера, Трус-Трусов.

— Что такое? — снисходительно полюбопытствовал Чуут-Риит.

— Это животное не достойно зваться Героем-Завоевателем.

Уши командора насмешливо прянули.

— Полагаю, подобные вопросы уместнее решать на турнирной арене.

— О, трусливая тварь не доберется ни до одного турнирного кольца. Я вызову его на бой здесь.

— Понимаю. — В голосе Чуут-Риита не было ни тени гнева или раздражения. Довольно сухо он обратился к Наставнику: — Посланник-Хссина занимается подбором воинов для моей Четвертой флотилии, поэтому давние знакомства стали для него серьезным подспорьем.

Он умолк в ожидании ответа, возможно удивленный, что Наставник-Рабов никак не отреагировал на брошенный вызов.

— О Глас Патриарха, я всего лишь ваш помощник на охоте, — отвечал тот сдержанно.

— Прекрасно. — Чуут-Риит едва удостоил взглядом Посланника-Хссина, обратившись к остальным. Очевидно, ему не хотелось касаться местных стычек и склок, о которых он не знал ровным счетом ничего. — Я здесь для неспешной охоты, не для убийства на скорую лапу. Бросаться и преследовать. Кидаться и отступать. Хочу игры. Добычу держать живой до сумерек. Да, мое воображение взволновано тем, что предстоит впервые вкусить человеческой плоти, но куда больше меня интересуют возможности врага под натиском атаки. Никакого оружия, никакого снаряжения. Таковы правила.

Остальные про себя добавили еще одно, неозвученное условие. Игра с добычей приносит удовольствие, но возможность ее умертвить останется за Чуут-Риитом.

Стяги расставили по кругу. Не производя ни звука, охотники углубились в чащу под сводами куполов. Чуут-Риит ослабил перевязи доспехов и бросил в сторону Наставника последний, неопределенный взгляд:

— Итак, охотник стал добычей. — И скрылся с глаз.

Из густой кроны спрыгнул Длиннолап:

— Посланник-Хссина угрожал тебе смертельной расправой.

— У него ничего не выйдет. Только ты знаешь загон лучше меня. Он горазд лишь по крышам скакать. Городской кзин.

Бесчестье...

— Я Мягкий-Желтый, помнишь? Кто мерцает среди листвы, словно свет лампы. Я запутаю след, он будет бродить кругами.

Но план был совсем иным: сбить Водящего-За-Нос со следа людей. Все, что Наставник мог для них сделать: устранить одного из охотников.

Еще до полудня добыча была дважды загнана в ловушку и отпущена. Слуги Смотрителя расставили на поляне складные столы с легкой закуской для гостей, вдоль которых прохаживался Чуут-Риит, размышляя вслух над тактикой сегодняшней охоты.

— Довольно необычно, — сделал он заключение. Судя по всему, он был доволен.

Посланнику-Хссина удалось подкинуть несколько листьев к мясу Наставника-Рабов. Патриарх Касрисс-Ас воспользовался случаем для попытки втереться в доверие Чуут-Риита, а также обсудить текстильную промышленность с Траат-Адмиралом. В отличие от большинства соплеменников, он не поддался горячке дальнего похода, предпочитая остаться на Хссине.

Столы вновь собраны и унесены прочь ловкими, даже юркими джотоками. Чуут-Риит любезно согласился продолжить охоту. Как бы ни были стары его глаза, нюх оставался острым, ни на миг не упуская следа, и сам командор наперед знал, что́ предпримут затравленные звери о двух ногах в следующий момент.

— На сей раз раним их, посмотрим, как они справляются с увечьями.

Когда Чуут-Риит улыбнулся, оглядев формацию застывшей лавы, и после двинулся влево, вместо того чтобы избрать противоположное направление, под мехом у Наставника пробежали мурашки тайной радости. Прошлым вечером он не мог сказать с уверенностью, что звери-люди усвоили урок спутанного следа и ложного направления.

Оказалось, великолепно усвоили. Сам Наставник научился этому трюку (не без труда, надо сказать) у старого коварного джотока, который, возможно, до сих пор наслаждается свободой среди густых крон и сейчас наблюдает сверху. Трюк, безукоризненно срабатывавший против кзинов.

Наставник шел по истинному следу, делая вид, что лишь небрежно исследует перекрестья запахов. Он знал, куда люди направились: широкий, укрытый скалистыми наростами уступ вдоль пещерной стены, который выглядел как настоящая ловушка. За ним открывалось замечательное для успешного бегства распутье, но любого, кто не был достаточно знаком с ландшафтом загона, уступ вел лишь к верной смерти. Добыча избежала ловушки, и охотники ее избежали, поскольку даже не сомневались, что люди эту задачу решат. Поэтому Наставник не слишком торопился, возможно, чтобы вывести к этому тупику другого охотника. Люди должны передохнуть, они устали от травли. Наставник помочился. Моча пахла цветами, напомнившими ему о матери.

Зашелестели листья, и сверху спрыгнул Длиннолап, принес новости. Добыча в безопасности, но полностью измотана, свалилась без сил.

Были и другие известия. Водящий-За-Нос срезал путь, обошел кругом, чтобы выйти прямо на Наставника.

— Где Шутник и Ползун?

— Выполняют мой приказ.

— Нужна приманка. Что посоветуешь?

— Иди на тройной холм, он увидит тебя отсюда, с другого склона. Потом прыгай через Шумящую Расщелину к Озерам. Ему придется идти следом, так что будешь знать, где он, но ты на шаг впереди, и он не поймет, где искать.

— Неплохо звучит.

Тот, кто тренировал рабов, вдруг превратился в Мягкого-Желтого, полуджотока, неслышно скользящего среди деревьев тайными тропками, известными лишь ему одному. Он вышел к холму с тремя гигантскими деревьями на вершине, которые разрослись благодаря изгибу потолка. Холм вырос из отвалов породы, осевшей, пока копали загон, и теперь его поддерживало изрезанное скопление скальных арок. Пока Наставник карабкался вверх, он осматривал заросли: не мелькнет ли красно-рыжая шкура.

Беда всегда приходит неожиданно. Врага он встретил. Но не там, где рассчитывал. На расстоянии пять кзинов, прямо перед собой, с этой неизменной усмешкой-оскалом.

Оба немедленно пригнулись для прыжка.

В голове Наставника зароились мысли. Что произошло? Неужели выдал легкий ветерок? В критические моменты у него есть склонность дуть не в том направлении... Враг почуял, куда идет Наставник? Или просто терпеливо ждал?

Он быстро оценил ситуацию. О существовании Шумящей Расщелины Водящий-За-Нос не догадывался, иначе отрезал бы этот путь к отступлению. Лишь бы оттеснить противника вниз на несколько шагов по склону...

— Тут нет травы, чтобы нажраться, Гадящий-Непереваренной-Соломой.

— Ты поклялся при свидетелях, что оставишь мне жизнь.

— Когда это было! У нас много жизней и одна смерть. Ты свой жизненный лимит уже превысил. Сегодня я поклялся, что прикончу тебя.

Чуут-Риит говаривал о ценности неожиданных тактических решений. Наставник прыгнул, не скалясь, без звука, и Водящий-За-Нос едва успел отпрянуть. Одновременно, скорее инстинктивно, чем рассчитанно, он нанес удар, точный, разящий, по правой лапе Наставника. Они сцепились, покатились по земле, сломав дерево, прежде чем вскочили на задние лапы. Кровь хлынула из рассеченной конечности Наставника. Трус оказался по правую сторону от Шумящей Расщелины. Неверный путь.

Бежать вперед нельзя. И спину не прикрыть.

Пять боевых кзинских кличей внезапно разрезали воздух, четыре «руки» обхватили голову кзина-врага, а пятая принялась рвать ему ноздри. Так же внезапно, как и появился, Длиннолап отпрыгнул от кзина на безопасное расстояние. Побежал прочь, оборачиваясь. Игра. Приманка. Плотоядный мог догнать его, но джоток взберется на любое дерево стремительнее, чем любой хищник.

— Раб, напавший на кзина, — это уже мясо! — рявкнул Водящий-За-Нос, чувствуя, как кровь течет в горло. — Я прибью тебя позже!

— Есть еще двое, — заметил Длиннолап.

Глаза кзина скользнули по верхушкам деревьев в поисках остальных пятилапых. Никого. Обернувшись к добыче,

он и ее не нашел на прежнем месте. Досадно. Трус и его раб исчезли. Не важно. Кровь укажет путь.

Наставник-Рабов большими прыжками мчался по Шумящей Расщелине, натыкаясь на острые камни, оставляя четкий кровавый след. Он не чувствовал боли. Он бежал. И даже не думал путать след. Какой смысл? Посланник-Хссина, или Водящий-За-Нос, или Второй-Сын-Ктродни, или как там его еще звали, будет гнать его хоть на край Патриархата с клыками наголо.

Красно-зеленая ливрея. Шутник. Спрыгнул откуда-то сверху:

— За мной!

Он помчался вперед, избирая путь только по одним лишь ему известным соображениям. Нет большего унижения, чем позволить рабу вести себя!

— Иди к воде. — И Шутник вновь исчез в кронах.

Гонимый страхом, без оглядки, позабыв все на свете, Наставник выбежал к озерам, совершенно обессилев и не сомневаясь, что Водящий-За-Нос скоро сюда доберется. Лапа ныла невыносимо. Большего позора и представить нельзя. Но конечно, даже здесь есть над чем посмеяться. Из него вышла отличная приманка.

Ну и чем его жалкая персона лучше мартышек?

С трудом Наставник дотащился обратно к уступу, где прятались люди. Но на месте их уже не было. Зато обнаружился довольный Чуут-Риит, взявший небольшую передышку и занятый тем, что состязался в поэзии с Траат-Адмиралом, безнадежно проигрывавшим.

— А где остальные? — промурлыкал командор. — Или полуденный сон в традициях Хссина? — Он взглянул на покалеченную лапу Наставника. — Вижу, мой добродетельный Посланник не сумел лишить вас удовольствия продолжить охоту. — Он приблизился и осмотрел рану. — Видел и хуже. — С этими словами командор принялся ее обрабатывать.

Только тогда Наставник осознал, в каком пребывает шоке, если стоит столбом, позволяя одному из величайших полководцев Патриархата хлопотать над жалким укусом.

— Я в порядке, господин. Мы вернулись на след добычи?

— Один ранен. Набросился на меня, чтобы дать сбежать другому. Я отпустил обоих, но так, чтобы их пути не пересекались. Сможем убить по одному. Вы ведь хссинец. Должны знать повадки мартышек лучше меня. Говорят, толпой они дерутся крайне отчаянно. А знаете ли вы что-либо о том, как они ведут себя в поединке?

— Эти люди — первые, которых мне довелось увидеть, господин.

— Да, редкая порода. Любопытные создания. Наставник-Рабов способен предположить, что за рабы из них получаются?

— У меня есть предположение, что они поддаются биохимическому контролю. Необходимо большое количество образцов, чтобы путем эксперимента подтвердить или опровергнуть эту догадку.

— Разумеется. Полагаю, стоит взять вас к альфе Центавра. На Дивной Тверди приматов достаточно.

— О великий, у меня нет профессиональной подготовки. Посланник-Хссина может рассказать почему.

— Посланник-Хссина мне уже ничего не расскажет! Он мертв. Найден недалеко отсюда разведчиком Касрисс-Аса, шедшим по следу кзинской крови.

Чуут-Риит многозначительно посмотрел на раненую лапу.

У Наставника-Рабов отнялся язык. Его враг... мертв?!

— Переломанные лапы, каменный осколок пробил череп и глаз, — произнес Траат-Адмирал.

В мозг с нарастающим воем падающей бомбы пришло осознание, что случилось и кто в этом повинен.

— Он сломал лапы, когда на полной скорости угодил в проволочную ловушку, прикрытую травой. Проволоку натянули как раз над следом вашей крови. Осколок закопали в землю так, чтобы он пропорол любого несчастного, которому случится на него упасть. Посланник упал мимо, но его голову позже подняли и насадили на осколок. Сквозь глаз.

— Ужасная смерть, ваше превосходительство.

— Я бы отвел вас туда, но уже смеркается, и наша добыча может ускользнуть от нас, согласно моим же милосердным правилам. А мы уже проголодались. Давайте упростим задачу. Вы согласны, что Посланник был убит?

— Да, господин. — Наставник старался отогнать мучительные видения разрубленных на части троих джотоков, включая Длиннолапа.

— Поскольку Посланник-Хссина являлся моим подчиненным, предоставляю вам возможность вынести приговор. Проясним обстоятельства. Посланник-Хссина решил значительно расширить арену отборочного турнира, чтобы вызвать вас на состязание помимо вашей воли. Правила турнира запрещают выпускать когти, он эти правила проигнорировал. Ваши раны тому свидетельство. Посему нет ничьей вины, кроме его собственной, в том, что он поплатился жизнью за подобное пренебрежение принятыми порядками.

— Но он не был убит в поединке, — заметил Траат-Адмирал, — его заманили в ловушку.

— Не спешите, Траат. Мы рассматриваем, по сути, вопрос военного порядка. Если некто остается сражаться, зная, что будет убит, — о да, здесь речь о доблести, поправшей смерть. Но что, если тот же некто путает след и заманивает врага в ловушку, где противник окажется повержен? Имеем ли мы право звать подобную победу бесчестьем? На мой взгляд, в данном случае мы сталкиваемся с противоречием. Если верная смерть поможет обрести честь, значит ли это, что победа запятнает позором? О друг мой, избавьте нас от подобных логических выводов!

«Он считает, я это сделал! Не может даже представить, чтобы рабы подняли „руки“ на кзина. Да и я, признаться, тоже...»

— Считаю справедливым заявить, что турнирная схватка прошла честно и с честью выиграна. Посланник-Хссина не счел нужным предупредить нашего Героя о нововведениях в турнирном уставе. Наставник-Рабов ответил ему собственным видением порядка ведения боя, также не оповещая о принятом решении ныне погибшего воина. Вижу в этом закономерный баланс.

Истина всегда остается скрытой. Наставник отчаянно пытался найти в себе хоть каплю смелости, чтобы рассказать правду.

Игнорируя его бессвязный слабый лепет, Чуут-Риит продолжил свои безупречные рассуждения:

— Да, здесь угадывается баланс. Но, мой юный Герой, ваши действия нанесли мне известный урон, и вы должны

возместить его. Я лишился воина для Четвертой флотилии. Поскольку вы честно выиграли поединок, то обязаны поступить ко мне на службу. Вы поступаете под командование Траат-Адмирала, который создает *для меня* элитную армию, так называемую Пятую флотилию. — Командор кивнул Адмиралу. — Разве этот юный кзин не обладает необходимыми качествами?

Еще долго после этого разговора совершенно смущенный Наставник продолжал размышлять над последствиями расправы, учиненной его рабами. Охота отошла на задний план. К счастью, интерес остальных к ней также временно ослаб. Длиннолап не появлялся, прятался, вероятно. Должен ли он наказать верного джотока? Должен ли привести рабов, представляющих серьезную опасность, на суд к Чуут-Рииту? Да, пожалуй, именно это он и должен сделать. Трус внутри его содрогнулся.

Со стороны Шумящей Расщелины показался Касриссс-Ас:

— Я приказал убрать тело. Поскольку нас теперь меньше, предлагаю немедленно возобновить травлю, иначе добыча уйдет.

— Ваша лапа неважно выглядит, — заметил Командор отеческим тоном. — Нет нужды сопровождать нас. Будет еще случай.

— Эта охота — моя обязанность.

Но случая быть полезным так и не выпало. Раненую взрослую особь выследили и убили первой. И прежде чем погас свет лами, второй человек, младший, был загнан в угол. Яростные вопли сменились отчаянным криком, прежде чем Чуут-Риит разорвал животное пополам. Наставник присоединился к вечернему пиру, когда подошла его очередь глодать тушу. А что еще он мог сделать? По крайней мере, мясо оказалось восхитительным.

Половину ночи он провел в лесу, бродя без цели.

Потом обнаружил своих джотоков, съежившихся от страха в стойлах. Как заговорить с ними о совершенном преступлении? Должен ли он убить их за подобную провинность? Или поговорить прежде со Смотрителем? Но стоило припомнить наставления гиганта о верном воспитании джотока, за которое сполна воздастся безграничной преданностью, и кровь стыла в жилах. Неужели такую пре-

данность старый кзин имел в виду? Способность к убийству? Неужели Смотритель знал об этом и не сказал?

Длиннолап сжался в комок, спрятал голову глубоко под локтями, молчаливо и осторожно поглядывая из-под защитных пленок. Как хозяину трех личных рабов, Наставнику следовало сказать хоть что-то.

Но как он мог хотя бы заговорить о случившемся? Это ведь сущий кошмар!

— Я зол! — Клыки обнажились в оскале. — Ты ослушался моего приказа! Лично тебе я дал задание охранять людей, а что ты сделал вместо этого?! Ты охранял меня! Приматы убиты! Я могу о себе позаботиться! Я воин! Герой! Не смей идти поперек воли Героя! Обязан подчиняться!

Данный вопрос был поднят в первый и в последний раз.

Глава 11
(2399—2401 н. э.)

Военные корабли Патриархата были громоздкими и тесными. Субсветовые линии снабжения не предназначены для масштабов межзвездной Империи. Все необходимое в военном походе, до самых мелочей, должно быть учтено командиром департамента снабжения и погружено на борт. Припасы требуют места. Водород требует места. Очистители оплетают корабль сетью труб. Требуют места капсулы-гибернаторы. Машинные отделения тоже. А гравитационные двигатели и их заслоны занимают половину корабельного пространства.

Ни один кзин с окраины, привыкший рычать со всей дури посреди саванны, не способен создать или хотя бы представить вызывающие клаустрофобию тесные коридоры, громоздкие трубопроводы, крошечные каюты, где даже потолки приспособлены под хранение необходимых вещей и оборудования. Тем не менее давным-давно кзинти-наемники попали в этот Ад-В-Небесах за грех нетерпения.

От Р'хшссиры до альфы Центавра свет путешествует два с половиной года. То же расстояние флот кзинов покрывает за три с лишним. Флагман Чуут-Риита, с тех пор как командор узнал о существовании расы приматов, потратил семнадцать лет, чтобы достичь двойной звезды человечества.

Подобные путешествия изматывали. Без гибернационных капсул обидчивые и скорые на расправу воители растеряли бы все жалкие крупицы терпения, останься они бодрствовать на всем протяжении межзвездного перелета. Наставнику-Рабов все это было незнакомо. Он сам решил остаться на корабельном дежурстве. Всю жизнь он, по сути, был прикован к безжизненной скале, крутившейся вокруг умиравшей звезды. Как же мог он пропустить такое приключение, погрузившись в длительный сон!

Готовясь к полету на Дивную Твердь, он жадно глотал саги кзинских сказителей одну за другой. В конце концов, его раса была рождена на одной из планет. Скитаться по родным землям, вдыхая запахи, приносимые ветрами, — вот чего на самом деле жаждал любой кзин в глубине души. Не потому ли привлекала кзинов Дивная Твердь, что так походила на колыбель их собственной породы?

Листая страницы трагедии «Воспачальник Чми у Морских Столбов», где описывалось отцеубийство, Наставник буквально ощущал, как мех напитывается тяжелой морской влагой после шторма у Столбов. Когда Герой ослеплял себя, раскаиваясь в содеянном, Наставник даже прервал чтение — ему хотелось увидеть родной мир кзинов воочию, прежде чем обрести себя.

Саг было много. Наставник представлял себя членом прайда Ррпира в горах Лунного Ловца. Слышал вой метелей, чуял теплый пар дыхания в морозном военном лагере посреди долины Рунги.

Были еще и героические поэмы. Он слушал урчащие, насыщенные, впечатляющие густыми переливами звуки «Поэм Восьми Странствий», а после повторял вслух, фантазируя о равнинах, лоснящихся зеленью, о зимних вьюгах, с их ледяными клыками, способными превратить мех Патриарха в подобие царственных седин.

В сагах всегда говорилось о ветрах. Верных спутниках любого охотника. Ветрах смерти. Завывающих ветрах. Пахнущих травой. Морской солью. Ветрах, несущих бесчисленные послания. Ветрах, зовущих мчаться следом.

На Дивной Тверди тоже дуют ветра, думал Наставник.

Очень скоро он обнаружил, что замкнутое пространство военного корабля забито запахами, что было невыносимо. Ветра, создаваемые механизмами, не справлялись с этим

застоем. Кстати, диета на мясных галетах не выдерживала никакой критики, тут даже юмор не спасал. Наставник все чаще рычал. Его терпение стремительно испарялось. И однажды он подробно прошелся по всем недостаткам оснастки судна.

Одному из воителей этой тирады хватило с лихвой, чтобы покончить с собственным терпением. Он схватил Наставника за ворот мундира и с силой подтолкнул к переборке:

— Дай моим ушам насладиться как следует твоими идиотскими оскорблениями! Я здесь, чтобы вдохновить тебя на красноречие! Требую еще!!!

В итоге вмешался вахтенный офицер и определил обоих в трюм, где их обработали антифризом и погрузили в гибернацию вместе с пятью сотнями других отбывающих наказание воителей.

У каждого путешествия есть конечная точка. Трюм разгрузили, пришвартовавшись к законченной Крепости Ааркy, совершавшей обороты вокруг альфы Центавра Б, и, когда Наставник очнулся, он не мог понять, что его вообще побудило покинуть родной Хссин. В диаметре протяженность Ааркy составляла жалкие девять сотен километров, и крепость даже не могла похвастаться наличием такого удобства, как атмосфера, пусть и загрязненная. Сам форт был заложен поколение спустя после вторжения, а потом брошен недостроенным. «Стратегическая позиция», задуманная адмиралом, который тут жить не собирался.

Альфа Центавра Б могла бы стать внешней планетой, будь ее масса в тысячу раз меньше. Вместо этого сценарий эволюции небесного тела оказался иным: массивная, оранжевая, как моча, звезда, в три четверти веса альфы А и в четверть яркости того же двойника. Период обращения друг вокруг друга составлял восемь лет; сближение на восемьдесят восемь световых минут, удаление на двести восемьдесят.

Двойники разрушили внешние планеты друг друга, осталась лишь Дивная Твердь на орбите альфы А, три сверхплотные внутренние планеты да цепь скальных обломков, называемая Внутренним Червем, там же. Кольцо булыжников, окружавшее альфу Б, включало в себя десять крупных астероидов. Между звездами покачивалась на волнах радио-

помех груда Змеиного Клубка, пленница замысловатого танца взаимовлияющих колебаний двух звезд, псевдотройных орбит, орбит с крутым углом уклона и прочих экзотических производных сосуществования гигантских двойников. В Клубке имелись огромные дыры, не заполненные астероидами, поскольку ни один не мог там удержаться, не будучи притянутым орбитой одной звезды, а потом откинутым к другой.

Чтобы разглядеть Дивную Твердь, на которой Наставнику-Рабов предстояло приступить к непосредственному выполнению обязанностей, он настроил электронный телескоп Аарку и выставил заслон, чтобы нейтрализовать сияние альфы А. Казалось, подразделение Наставника находится в такой дали от лесов, равнин и гор желанной планеты, насколько это вообще возможно. Мечты Наставника мчаться по залитой настоящим солнечным светом поверхности планеты под настоящим, открытым небом крошились в прах.

Но война есть война. Каждому воину отведено свое место, и каждого ждет своя битва. Фаталистически настроенные спутники Наставника говорили, что даже камни вокруг альфы Б имеют ряд четких обязанностей. В его же обязанности входило снабжение рабами машинных отделений Четвертой флотилии.

Условия в поспешно обустроенной секции для рабов были поистине невыносимыми. Похоже, он надолго застрял тут с дурно пахнущими клетками, с плетенными из проволоки манежиками для малышей-джотоков, ползающих везде и всюду, по стенам, по собратьям, страдающих от тесноты и запаха, выветрить который не представлялось возможным. Хссин сам казался уже Дивной Твердью.

Койка на борту одного из кораблей Четвертой флотилии вдруг потеряла свою привлекательность. Наставник начал грезить о Мире Людей. Если он не может достичь Дивной Тверди, то, может, нацелиться сразу на Землю? Почему нет? Там тоже есть открытое небо и ветра. Согласно архивным сведениям Дивной Тверди, имена у последних — завораживающие. Норд-ост. Ледяные бриса в Андах. Пассаты. Сухой чинук, царствующий в Скалистых горах, переносящий влажные массы с одних склонов на другие. Средиземноморский сирокко. Смерч. Буря.

Теперь у Наставника появился личный интерес к судьбе Четвертой флотилии. Согласитесь, очень трудно оставаться в центре политических событий, когда весь день ты проводишь, скрючившись возле яслей преджотоков. Но он пристально следил за ходом дуэлей Чуут-Риита и искренне радовался его победам. Местные кзины оказались крайне несговорчивы в вопросе экономической поддержки нового похода. Они разразились истеричными хвальбами о яростном штурме Солнечной системы Третьей флотилией, хотя та битва уже давно была выиграна или проиграна.

Чуут-Риит оставался непреклонен. Это политика Патриархата, разъяснял он Героям, чтобы флот-резерв шел на подмогу боевому массиву, независимо от исхода сражений. Это единственный способ вести слишком зависящую от расстояний и времени межзвездную священную войну. Гораздо лучше послать дорогостоящее подкрепление к полям битв, уже завоеванным годы назад, чем пламенный привет с бравурным «Мы верим в победу!» тем, кто, может быть, томится в позорном плену. Недаром кзинская поговорка гласит: «Не считай пальцы на лапах, если когти втянуты».

Орбита альфы Центавра Б стала излюбленным местом для военных учений Четвертой флотилии. В результате Наставник завел знакомство с уймой полных энтузиазма капитанов, испытывавших гравитационные поляризаторы далеко за пределами их возможностей, отчего двигателям требовался срочный ремонт. Молодой кзин нравился капитанам, поскольку его команда в совершенстве владела своим ремеслом. Кроме того, он подавал великолепно сервированное мясо джотоков, так что невозможно было пройти мимо.

Особенно сдружился с Наставником Ссис-Капитан, в котором горел тот же личный интерес к Земле. Именно капитан познакомил Наставника с игрой в карты. Оказывается, мартышки очень любили забавляться с пластиковыми карточками различной символики. Четыре масти, по октану и пять карт в каждой. Капитан не прекращал трясти ушами, пока Длиннолап, посиживая на ротовой щели, тасовал карты пятью «руками», половину колоды по часовой стрелке, половину — против. Капитан не любил играть в покер с Длиннолапом. Тот забирал весь барыш.

Как-то раз, вернувшись с маневров у звезды А, Ссис-Капитан принес с собой добытые на Дивной Тверди музыкаль-

пые инструменты, так что получился небольшой ансамбль, звучание которого, впрочем, мелодичностью не отличалось. Ползун управлялся тремя «руками» с двенадцатью банджо, Длиннолап стучал по барабанам и дул в гармонику всеми пятью легочными щелями, а Шутник присвоил ксилофон с тарелками. Сам Наставник-Рабов пытался воспроизвести мелодии героических сказаний на казу.

— Ах вы, звери! Не хватает вас в команде «Крови Жертвы»! Как вам перспектива отправиться за честью и славой на борту моего корабля? Готов обменяться с вами клятвами верности и долга! Мы еще сыграем победный марш, когда пройдем под Триумфальной аркой в Берлине!

— Триумфальная арка в Москве, — заявил Наставник тоном праведника.

— Да нет же, друг мой. Красные мартышки были захвачены на первых же этапах. Ясно помню, что Триумфальную арку приматы-французы воздвигли в Берлине, чтобы почтить своего кайзера. Гитлер, Верховный французский Командор-Завоеватель, прошел под ней маршем во главе всей своей армии после того, как разбил гуннов. Я видел оттиски дагеротипа!

В другой раз Ссис-Капитан тайком доставил кзинррет, спрятанную в старый кожух из-под поляризатора. Красавица с великолепным красным отливом меха, загорелым носом, правда весьма недовольная перелетом и угрюмо, с сомнением разглядывающая друзей.

— Гриинх, поприветствуй своего нового хозяина.

— Мой Герой, — промурлыкала самка.

Наставник был в ужасе:

— Ты украл жену благородного Героя? Или вообще его дочь?

Ссис-Капитан захлопал ушами, а глотка издала насмешливый рык.

— Он сам отдал ее! Лишь бы избавиться. Она ведь маленький кошмар. Плюется и шипит на остальных жен, даже дерется с ними! Загнала фаворитку в лес, ее потом едва нашли. Дочерей хозяина нещадно колотила, а сыновей все время старалась скинуть с моста!

— Что за мать для великого бойца!

— С этим ничего не вышло. Ее котят перебили в играх. Сумасшествие. Хозяин пытался силой с ней справить-

ся, но без толку, а убить не решился. Думаю, как раз по нам задачка.

— Как считаешь, человеческие самки столько же хлопот доставляют?

— Что ты! С ними вообще беда! Они крайне умны, даже дверь свою запереть могут!

Грациозная Гриинх шагнула из кожуха, надменно оглядывая свое новое жилище и осторожно принюхиваясь. Вдвое меньше самца-кзина, она, пожалуй, настолько же превосходила его в расторопности. Ловко схватив маленького джотока, выбравшегося из проволочного манежа, одним махом проглотила пять его лапок и пристально поглядела на зловонную корзину, определенно желая полакомиться еще.

— Ты заберешь ее на «Кровь Жертвы»?

— Запрещено уставом. Она должна остаться у тебя.

— Это также карается. — Наставник почувствовал, как в нем закипает злость.

— Гр-р, но у тебя же найдется укромный угол, замок с ключом?

— Но как я запру на замок ее феромоны?!

— И не надо, в том вся прелесть.

— Что, позволить этому маленькому шипящему кошмару гулять где вздумается?!

— Не волнуйся. Она любит самцов. Просто не переносит других самок. Организуй ей место, дай пару безделушек... У нас довольно развлечений, чтобы сделать ее счастливой. Пусть согреет твои лапы. А как иначе? Нам просто необходимо расслабляться. Карты, музыка, военные истории, ч'раоул...[1] Или, думаешь, явится хранитель и затянет проповедь о Единственном Истинном Пути Чести и сущности Клыкастого Бога?

Наставник-Рабов пораскинул мозгами и решил уступить, — подумаешь, какая мелочь. Подобные дружеские узы были для него в новинку и крайне радовали его. О да, он бы хотел завоевать Землю бок о бок с этим славным воином и стать владельцем огромных охотничьих угодий на Амазонке рядом с Францией, и чтобы толпы розо-

[1] На языке кзинов «секс», «половой контакт». Слово с яркой эмоциональной окраской.

вых бесхвостых рабов присматривали за его животными. Но, разумеется, Длиннолап навсегда останется его лучшим рабом.

В течение двух лет Верховный Командор-Завоеватель Чуут-Риит вел ожесточенную борьбу с местными политиканами. Сущая западня. Потом на волнах света прибыли первые новости со стороны Солнца Людей. Опоздание в четыре и три десятых года. Кзины одержали неожиданную победу в первой стычке. Третья флотилия разворачивает позиции для крупной битвы.

Кзины Дивной Тверди позабыли обо всем остальном тут же. Даже Чуут-Риит сбавил натиск. Противостояние захлебнулось в сообщениях радиооператоров, паривших в космосе на огромной антенне, нацеленной на Солнце Людей и ставших истинными героями момента.

Впрочем, хорошие новости скоро кончились.

Не прошло и месяца, как стала ясна вся катастрофичность положения Третьей флотилии. Наставник-Рабов копил ярость для людей-приматов. Окружающие сделались угрюмыми и молчаливыми. И положение дел Чуут-Риита коренным образом изменилось. Больше никто не возражал, чтобы он занял пост губернатора альфы Центавра. Никто не был против его требований к снаряжению Четвертой флотилии, никто не оспаривал дату выступления в поход.

Наставник подал заявление с требованием о переводе на «Кровь Жертвы».

Глава 12
(2402 н. э.)

Ссис-Капитан явился в Крепость Аарку в новой форме, немного не соответствующей предписанной уставом. Нарядный камзол переливался слишком насыщенными оттенками лилового и был богато украшен самоцветами. Звезды на эполетах — из нефрита, добытого в шахтах Гряды Йотунов на Дивной Тверди. Восьмиконечная звезда капитана — из настоящего алмаза. Рукава-воланы «три четверти» сшиты из сатина, на котором спят только любимые кзинрет. Кожаные манжеты и чехол для хронометра были сши-

ты из высшего качества кз'иркт[1] — смуглых кож каторжников Дивной Тверди, тщательно проверенных на отсутствие шрамов от плетей и прочих дефектов.

— Впечатляет! — заметил Наставник-Рабов.

— Я решил, что у тебя должно быть звание! — Ссис махнул кончиком хвоста вперед-назад, довольный успешной демонстрацией наряда.

— Гр-р. А как же те, кто поклялся максимально усложнить мою участь?

— Хахарргх! У меня с собой все необходимые бумаги, которые максимально упростят ее, включая рекомендательные письма. — Ссис даже замурлыкал. — Плюс пропуск на Дивную Твердь! Я кругами не хожу, предпочитаю бросаться сразу. Им придется отдать тебя мне. Я же без твоей помощи никак не управлюсь!

— Друг, путешествие на Дивную Твердь — это уже слишком много!

— Нет, с тех пор, как ты стал моим личным канониром! — Изысканно одетый капитан закинул вдруг свою косматую голову и, широко оскалившись, шипением, свистом и воем изобразил звуки боевой стрельбы. — По пути немного подправим формы некоторых астероидов. Отличная забава!

Наставник решил, что оставит Длиннолапа за главного, поэтому взял своего любимого раба для осмотра мастерской. Гигантский генератор поля был подвешен на волнах гравитационного излучения Аарку, пока двое джотоков меняли его многослойные пластины-плоскости.

Длиннолап торжественно вытянулся на четырех «руках», а пятой указывал подчиненным, что делать.

— Этот блок будет готов к тестированию через два дня, — доложила Тонкая.

— Я польщен твоим доверием, доблестный хозяин, — перебила Короткая; она взяла контроль над тремя глазами и изучала информационные консоли. — Не волнуйся за качество работ. К концу дня мы ожидаем очередной блок для диагностики и реконструкции. Каковы будут приказания насчет ювенильных особей?

Наставник-Рабов готов был доверить Длиннолапу все, кроме джотоков переходной стадии.

---

[1] На языке кзинов означает «человеческий».

— Следи за работой систем жизнеобеспечения. Вовремя меняй фильтры.

Никак нельзя допускать, чтобы молодое существо с пятью «руками» и пятью любознательными мозговыми центрами привязалось к взрослому животному.

— Третий-Учитель-Рабов тебя заменит. Твоя главная задача — управлять мастерской.

— Ты отправляешься к Дивной Тверди? Команда проверила двигатели «Крови Жертвы» от кончиков пальцев до локтей. Жужжат. Скажи Ссис-Капитану не злоупотреблять возможностями корабля, беречь поляризаторы.

Гравитационные поляризаторы — наиважнейшая из основ Патриархата и залог военного превосходства. В состоянии покоя этот агрегат создавал искусственную гравитацию, но куда более важную функцию он выполнял как реакционно-инертный космодвигатель, позволяющий кораблям разгоняться в свободном падении: единицы g для громоздких грузовозов и до шестидесяти, а то и семидесяти g для скоростных военных судов.

Тридцать пять лет назад данное изобретение совершенно обескуражило защитников Дивной Тверди. Во время штурма корабли кзинов проявили чудеса быстроходности и маневренности, при этом, похоже, в двигателях не происходило никакой термодинамической реакции, поскольку не наблюдалось продуктов сгорания, и судам не требовалась дозаправка после маневров, опустошивших бы цистерну с горючим человеческого корабля-«горелки». Против кзинов действовала тактика изматывания: их можно было дразнить и провоцировать, словно быков на арене Старой Испании. Их корабли прекрасно горели после попадания снаряда, но их невозможно было догнать. Похоже, законы физики на них не распространялись.

Четыре года спустя, после тех месяцев сущего кошмара, разоренные войной профессора́ Мюнхенского Схолариума собрались в кафе на Карл-Жорж-авеню в Старом Мюнхене, чтобы за рюмочкой-другой шнапса рассчитать уравнения и поделиться друг с другом догадками, учитывая все возможные, пусть и абсурдные, допущения. Пусть на университетское имущество наложен арест, но ведь расчеты и логические построения совершенно бесплатны! На ночное небо взошла альфа Центавра Б, тусклая, но куда ярче уличных

фонарей Дивной Тверди; каждая новая гипотеза о природе кзинских технологий распространялась среди тротуарных столиков подобно эпидемии до самого заката второго двойника, когда ночная жизнь Мюнхена завершается.

Предположив, что реакционно-инертный двигатель действительно существует, они сделали первый робкий шаг к постижению истины, и к моменту, когда Чуут-Риит прибыл сюда, в систему Центавра, вершить и править, их догадка имела под собой солидное теоретическое основание. Человеческий разум, в отличие от кзинского, одержим возможностью разрешать противоречия между видимым и тем, что принимается за таковое.

Реакционно-инертный корабль не мог сохранить возникающего импульса; уравнения гравитационного поля, лежавшие в основе чертежей поляризаторов, способствовали возбуждению минусовой кривизны в пространстве — необходимого для работы любого реакционно-инертного двигателя обстоятельства. Обычные логические умозаключения на тему импульса обречены на провал, если учитывают минусовую кривизну. Но уравнения с сохраненным импульсом противоречий не содержали.

На борту «Крови Жертвы» Наставнику-Рабов выделили каюту канонира. Его снабдили инфоскопами, так что перед глазами скакали диаграммы, из которых он мог почерпнуть все, что ему необходимо было знать о стрельбе и снарядах. В перерывах между занятиями у него появлялась возможность потренироваться в беге на симуляторе, благо в «виртуальные очки» был загружен обширный запас всевозможных препятствий и опасностей. Подобная гормональная встряска буквально «натаскивала» на врага, пусть его корабли и оставались пока что лишь спрограммированными призраками.

Охотничья связка из пяти сферических судов дрейфовала в отправном квадранте. Эфир заполнили переговоры капитанов, готовящихся к перелету в три световых часа от альфы Б к альфе А, отдаленному аналогу перелета от Юпитера к Миру Людей. Змеиный Клубок должен исполнить роль двойника скопления астероидов в человеческой системе, хотя превосходил Солнечный Пояс по размерам и плотности в сотни раз.

Благодаря этой-то высокой плотности Клубка учебной команде было позволено сбивать астероиды в таких коли-

чествах, в каких пожелается, без опасения нарушить законы притяжения внутри Пояса. Особой целью оставались астероиды, подходящие по размеру для размещения защитного вооружения, которым активно пользовались люди на северных и южных подступах к своей планете.

При максимальном ускорении «Кровь Жертвы» могла преодолеть расстояние между альфой Б и альфой А за два дня, разогнавшись до одной десятой скорости света, однако такое практиковалось редко из-за особенностей системы Центавра, снижавших мощность энергетических полей.

Поляризатор высокоскоростного кзинского двигателя использовал природный механизм защиты корабля от газовых скоплений или микрометеоритов. Опасные частицы, попадая в поле поляризатора, немедленно ускорялись до критических показателей, на что корабль отвечал движением назад. Одновременно энергетическое поле превращалось в добавочную массу. Размер частиц значения не имел — неравные массы ускорялись одинаково и без помощи гравитационного поля.

К несчастью, проникавшие в область поляризатора атомы оказывали слабое электромагнитное воздействие, трансформирующее энергетическое поле в радиационный фон. Внутри планетарной системы это могло стать серьезной проблемой, если от корабля потребуется высокая скорость. Ну а при перелетах от одной звезды к другой, где высокие скорости просто необходимы, кзины, чтобы не погибнуть от «голубого сияния», выходили лишь на восемьдесят процентов от скорости света, да и то при нормальной плотности межзвездного газа.

Пока поляризатор работал над ускорением, он превращал массу в энергию, в обратном случае — ту же энергию он переводил в массу. Количество потребляемой энергии меньше зависело от размеров корабля, чем в случае с кораблем-«горелкой». Мощность требовалась лишь для того, чтобы компенсировать потери от воздействия окружающего пространства.

Охотничья связка отрабатывала стандартные маневры. Выйти над Змеиным Клубком, идти вниз под углом на умеренной скорости, расстреливая астероиды. Группа нападающих и группа защищавшихся затеяли перепалку в эфире, пока шел подробный разбор сценария учений. Но то

были шутливые оскорбления — когда кзин серьезен, он дополняет ругательства шипением и плевками. Ссис-Капитан получал огромное удовольствие, называя противников бабуинами, поскольку тем было приказано «думать, как приматы». В ответ его любезно именовали «Завтрак-Кшата» в честь травоядного, в рацион которого, как известно, входят отходы жизнедеятельности.

Клубок они пересекли не за два, а за двенадцать дней, сохраняя патрульный статус, со сканерами, активно прочесывающими окрестности. У индустриальной Тиамат они перехватили заглушаемые помехами радиосигналы: какие-то инструкции для одинокого горняка в его «горелке», запрос о ремонте, о срочной медицинской помощи... Мониторы систематически выдавали сигналы о доплеровских смещениях.

Как-то на экранах слежения мелькнула скудная россыпь огоньков. Человеческие суда. Где-то там, среди астероидов, еще сохранялись остатки разбитого флота приматов; они выжидали, планировали месть, но с борта «Крови Жертвы» не засекли ни одного корабля. От злосчастных тварей неудобств теперь не больше, чем от клещей, но попадись они учебной команде — была бы отличная цель для тренировки. За неимением же лучшего Героям оставалось только дробить в пыль бесхозные булыжники.

К моменту, когда его взору предстал подерпутый вязью циклонов шар Дивной Тверди, Наставник-Рабов сделался опытным канониром. Но политиком пока еще оставался весьма слабым.

Глава 13
(2402 н. э.)

В самом элементарном исполнении гравитационный поляризатор просто парил. Толчок для направления массы — и энергия наполняла гравитационное поле, что заставляло поляризатор подниматься. Толчок в обратном направлении — поле теряло энергию и поляризатор опускался.

Платформы-шаттлы, осуществлявшие перевозки груза и пассажиров в пределах силы тяготения Дивной Тверди, являлись прямыми потомками того первого примитивного механизма. При спуске электромагнитным воздействием вы-

зывался эффект «сочащегося поля» — заряжались аккумуляторы молекулярного искажения. Взлет же контролировался «подпиткой» гравитационного поля теми же аккумуляторами. Ускорение в горизонтальном положении обеспечивало воздействие торсионного поля, разгонявшего и тормозившего вращение Дивной Тверди.

Подобный цикл был весьма эффективен, разделяя энергию между электромагнитным гравитационным взаимодействием и приливным трением. Покидая при спуске орбиту Дивной Тверди, поляризатор шаттла нагревался всего на несколько градусов.

Мюнхенпорт оказался весьма гнетущим вступлением к ожидавшейся фантастической картине благосостояния, о которой Наставник-Рабов слушал рассказы всю свою жизнь. Космодромом это место можно было назвать лишь с большим натягом. Они приземлились на открытом поле, окруженном недавно построенными длинными зданиями, прямоугольными и уродливыми. Их строили пленные. Коренные жители Дивной Тверди звали это место «himmelfahrt»[1] — из-за веры людей в человека, который однажды вознесся к небесам, и потому что во время строительства их тут погибло очень много, и все они, видимо, отправились в рай.

Приводило в ужас число вольных приматов, выстроившихся в линию со всем их скарбом. Очередь-давка, металлодетекторы, споры с кзинами-служащими. Почти все они пытались найти работу на военных заводах Змеиного Клубка. Крайняя нужда толкала их на это, они готовы были делать оружие, которое будет пущено в ход на подступах к их родной системе. От мартышек разило немытыми телами и нищетой, странной сладко-кислой смесью машинно-синтетического запаха их строений и остаточного следа озона их убогих электрических автомобилей.

Ссис-Капитан, похоже, чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он нанял пару приматов-носильщиков и аэромобиль. Свежий, прохладный воздух внутри машины принес облегчение.

— Поедем в старый город. Там лучше, есть на что посмотреть, — сказал капитан.

---

[1] Вознесение *(нем.)*.

Герою, рожденному на окраинном, негостеприимном аванпосте возле умирающей звезды, Мюнхен казался слишком странным для города. Это город?! Черепичные крыши, похоже, не могли похвастаться воздухонепроницаемостью, и многие окна были распахнуты настежь. Некоторые дома буквально утопали в зелени, бросающей густую тень на тротуары. Просторная синяя гладь Дуная пересекала парки, где росли пальмы и цвела плюмерия. А для чего вот этот стальной шпиль на крыше собора Святого Иоакима?

Ссис-Капитан нашел для них комнату в старом четырехэтажном кирпичном особняке. Для удобства кзинов все дверные проемы были значительно расширены и увеличены. Багаж приняла старая самка-примат. От тяжести поклажи ее немилосердно шатало; в конце концов она опустила ношу на землю и, отдышавшись, перенесла вещи по частям.

— А она сгодится для фабрики клея, — прокомментировал капитан, размерами превосходящий старуху втрое.

— Это самка? Но ведь она получала от тебя распоряжения!

— Еще бы.

Наставник оглядел служанку. Тупые люди-самцы — еще куда ни шло, но самки, способные понять целые предложения?! Он представил, как его мать вдруг начала выражаться законченными, сложными фразами. Наставник часто говорил с нею, и порой... порой даже казалось, что она его слушает, — такими круглыми становились ее глаза. Отличный фокус. Кзинррет всегда должна создавать впечатление, что умна и сообразительна. Однажды, будучи еще совсем юным котенком, младший сын Хамарр настолько поддался этой иллюзии, что принес книжку с приключениями, чтобы мать почитала ему на ночь. Та, недолго думая, разорвала книжицу в клочки.

Но довольно чудес. Они отпустили аэромобиль, разобрали вещи и остаток пути к Адмиралтейству проделали пешком.

Наставник-Рабов, которому вблизи довелось увидеть лишь двоих приматов, вдруг оказался посреди города, буквально кишевшего ими. Ссис-Капитан не обращал на них никакого внимания, словно этой прорвы мартышек вовсе не существовало. Все приматы носили одежду — очередной

факт, поразивший Наставника. Но вроде бы эти люди не принадлежали ни к одному военному рангу... А ведь во время охоты на людей в загоне молодой кзин решил, что приматы ходят нагишом.

Адмиралтейство привыкло получать все, что ему вздумается. Во время оккупации Дивной Тверди ему понадобился за́мок наместника. Готические арки, массивный каменный фундамент... Со стороны главного фасада — мощеная площадь Грюндерплац[1]. Победоносные Герои не стали утруждать себя такой задачей, как снос бронзового мемориала в честь восемнадцати Основателей. Вероятно, потому, что замок в данном архитектурном ансамбле доминировал со всей очевидностью, а в нем теперь жили кзинти. С верхних этажей памятник напоминал кучку жалких рабов, измотанных непосильным трудом.

Военная логистика — занятие не для слабонервных. Последние месяцы подготовки Четвертой флотилии к походу стали сущим кошмаром для тех чиновников, в чьи обязанности входили расчет издержек, управление средствами и обеспечение всем необходимым, что только может понадобиться в пути Завоевателям. Наставника-Рабов принял изможденный офицер, то и дело стукавшийся макушкой о притолоку годного лишь для человека дверного проема, пока бегал из кабинета в кабинет в поисках необходимых документов. Он никак не мог вспомнить, в какой именно компьютер загрузил их. В конце концов, придя в полное отчаяние, офицер сложил уши, извиняясь, и сообщил, что с величайшей радостью поможет Наставнику завтра утром, если тот будет столь любезен зайти еще раз.

Друзья вернулись в старый особняк. На лестнице им повстречался высокомерный кзин, придерживающий на поводке двух пушистых самок. Кзинррет в городе могли быть весьма опасны. У них обнаруживалась склонность плеваться на любой источник дурного запаха, поэтому самцы-приматы, с их неизменным спиртным дыханием, являлись в этом смысле излюбленными жертвами. Что тут скажешь, ведь кзинррет не отступили бы и перед огромным взрослым самцом, решив, что жизни котят в опасности.

---

[1] От *нем.* Gründer — основатель.

— Одной разумностью эмоций самок не сдержать, — объяснил хозяин пары. — Спокойной ночи. Услышите шум из покоев кзина в конце коридора, не обращайте внимания: это он спит и во сне борется с призраками.

На следующее утро, вернувшись в Адмиралтейство, Наставник обнаружил разительные перемены в местных настроениях. Вчерашний клерк его принять отказался, а когда посетитель решился вежливо настоять на своем, другой офицер выглянул из соседнего кабинета:

— Вы не отвечаете требованиям Четвертой флотилии, а ваша должность из списка необходимых вычеркнута.

— Но рекомендательные письма...

Огромный рыжий офицер в желтых пятнах угрожающе зашипел. Наставник тут же понял намек, отсалютовал, махнув когтями перед мордой, и спешно ретировался.

Вечером вместе с Ссис-Капитаном они отправились пропустить стаканчик-другой в одном из заведений неподалеку от Грюндерплац. Оно называлось «Лунный свет» , и других посетителей-кзинов здесь не было. Официантка едва держалась на ногах от страха, но нашла в себе силы принять заказ, заговорив по-немецки:

— Добрый день, благородные Герои. — Ее откровенно трясло. — Что-нибудь выбрали?

Посетители с заказом медлили, и девушка решила, что попросят популярный среди здешних кзинов бурбон с молоком.

— Я... мне.. хотеть... кока-кола. — Наставник старательно сворачивал язык за зубами, чтобы речь как можно больше походила на человеческую.

Ссис-Капитан немедленно выдал трель из мяуканий и плевков: он добродушно посмеивался над лингвистическими талантами друга.

— Здесь воняет, как в клетке ватака. — Это относилось к влажному запаху страха безволосых животных. — Милая планетка, гр-р? — Капитан мотнул гривой в сторону официантки, игриво пихая Наставника в бок. — Заберу одну такую тереть мне спину в моем европейском имении. — Заглянул в разговорник и добавил: — Мне виски «Кентукки» с молоком.

И друзья вернулись к делам.

— Итак, злая слава идет впереди тебя, враги позаботились. Придется выбрать другой путь. Который, кстати, лежит прямиком в элитные ложи.

Ссис-Капитана пригласили на базу в Гернинге, в отдаленной северной провинции Шкогарна.

— Моему другу Разведчику-Аналитику там очень нравится. Огромные лесные угодья, где нет ни людей, ни зажравшихся Патриархов, оплывших в довольстве и богатстве на собственных землях, для которых мы все равно что одноглазые разбойники, только и думающие, как умыкнуть их гарем.

Капитан пошевелил ушами в знак того, что знает, о чем толкует, и растопырил ноздри: есть и о базе кое-то интересное.

— Чуут-Риит учредил станцию в Гернинге спустя месяц, как стал губернатором. Все офицеры там — его верные соратники. Полезные знакомства.

Но едва капитан подался вперед, чтобы поведать другу особенно ценную информацию, как стул под ним — совершенно внезапно — подломился и потерявший равновесие кзин опрокинул на себя «молочный виски». О, великолепный камзол! И пышная грива...

Капитан медленно выпрямился, яростно скалясь. Макушка его коснулась потолка, а у бармена душа ушла в пятки, когда этот монстр грозно зарычал, глядя в его сторону. Остальной персонал, которому и без того было не по себе, от ужаса даже перестал дрожать. Официантка со спокойным видом вытерла руки, чинно прошлась до двери, как будто собралась выйти по делам, — и там рванула наутек.

Вот и пример, как гормоны управляют разумом, подумал Наставник, сравнивая поведение людей и Ссиса. Насколько разнились ярость и страх? Ему хорошо известно: капитана лучше не трогать, пока тот в ярости. И хотя Наставнику едва удавалось сдержать смех, он старался дергать хвостом не слишком заметно — иначе ярость друга обрушится и на него самого. Единственный выход — воззвать к тщеславию последнего, столь же большому, как и он сам.

— Нужно срочно очистить твой камзол, пока молоко не высохло. Идем.

Старательно сдерживая насмешливый оскал, Наставник отсалютовал стаканом бармену. Пусть уже расслабится эта несчастная животина.

— Ваше здоровье! — рявкнул он, довольный прогрессом в овладении звуками человеческой речи.

Ссис-Капитан все же задержался. Он выместил злость на стуле, разнеся его в щепки и столь самозабвенно орудуя когтями и клыками, словно это был военный крейсер Объединенных Наций.

Глава 14
(2402 н. э.)

Из окон аэромобиля открывалась истинная картина социального уклада Дивной Тверди, которую не оценишь, стоя на земле. Глухомань Шкогарны управлялась поместной знатью. Во время перелета к базе друзья миновали особняк Нордбо и прилегающие к нему земли в Коршнессе — огромные угодья, огражденные от остального мира холмом и дремучим лесом вдоль береговой линии. Разветвленная цепь дорог, ведущих к Коршнессу, отчетливо демонстрировала, кто является действительным хозяином Гернинга.

Аэромобиль, снабженный легкой броней, нес двух друзей-Героев над лесистыми холмами, минуя раскопы для новых кзинских построек. Был еще только полдень, но горизонт уже расцветили кровавые оттенки заката, и там, укрытая облаками, садилась альфа Б. Море отличалось удивительной голубизной; прибрежные же воды, наполнявшие кратеры или лагуны вокруг островов, были окрашены в нежные зеленоватые тона.

Подобные кратеры были разбросаны по лику Дивной Тверди в огромных количествах. Близость Змеиного Клубка была причиной частых метеоритных атак, так что по ночам небо буквально пылало звездным дождем. Удары исполинской силы, случавшиеся раз в несколько миллионов лет, привили жизни Дивной Тверди стойкую способность к адаптации. Флот, защищавший планету от Героев-Завоевателей, состоял в основном из подразделений Метеоритной гвардии.

Базу Гернинг построил кзин, обожавший охоту. Идея же приспособить данный комплекс под станцию, сканировавшую высокие слои атмосферы и орбитальное пространство на предмет наличия вражеских судов, казалась лишь удоб-

ным «послесловием», припозднившейся догадкой. Просто один сообразительный кзин положил на эти земли глаз и в ожидании заветного момента, когда доблесть и героизм добудут ему право на полное имя, без лишнего шума выполнял для Чуут-Риита тихую, непыльную работу.

Разведчик-Аналитик был местным провинциалом, что придавало ему сходство с хссипскими соотечественниками, хотя он никогда не бывал в системе Р'хшссиры. Он утолил любопытство Наставника, поведав много интересного о планетах Патриархов. Ссис-Капитана подобные разговоры только раздражали; большинство миров он пропускал, находясь в гибернации, поэтому то и дело пытался прервать обсуждение и перевести его на более веселые темы.

Например, шутки: «Как заставить человека прекратить носиться по кругу? Прижать когтем одну его ногу к полу».

Зоология: «Интересно, здешний тигропард быстрее кзинского кррач-шеррека? Или только умнее?»

Что Ссис обожал больше, чем выслеживать добычу в лесу? Только посиживать, развалившись, в охотничьем домике на резных бревнах и потягивать простоквашу. Все политические интриги плелись в охотничьих домиках.

Вместе с Наставником они пытались угадать, кем же является тот властный кзин, «кто метит границы здешних территорий», перебирали все благородные и весомые имена, обладатели которых теоретически могли бы здесь безраздельно править. Должно быть, это Йао-Капитан.

Хотя он мало подходил на роль хозяина Гернинга. Ростом и весом не вышел, комплекция вроде той, что у Наставника. Другими словами, не был рожден для побед в яростных схватках, однако отличался завидным складом ума — и, надо добавить, исключительной энергичностью, — так что мог дать фору любому самому отчаянному верзиле-бойцу.

Впрочем, поразило друзей не это. А безграничное тщеславие Йао-Капитана.

Наставник-Рабов вежливо принюхивался неподалеку, когда его пригласили разделить только что убитую добычу. Ею оказалось лесное травоядное, обезглавленное, с надрезами на тушке, чтобы легче было рвать мясо. Кровь все еще стекала по специальным желобкам на столе и через узкий носик — в большую чашу. Аромат ее кружил голову. На

сервировочном столике стояли темно-зеленые бутыли с аквавитом[1], готовым для смешивания с кровью.

Из разговоров Наставник узнал, что аквавит попал в Гернинг в качестве возмещения за неуплату налогов, а дочь винокура вообще продали на фабрику рабов в Вальбурге. Наместники-люди, иначе герренманны, решили бы подобный вопрос другим путем, но кзины нарочно «прочесывали» поместья и деревни, когда им казалось, что налоги платятся неохотно, и быстро находили наипростейший и самый верный путь, чтобы вызвать в налогоплательщиках горячее желание поскорее расстаться с деньгами. В конце концов, ставки были умеренными.

От мирских забот отошли, когда явился сам Йао-Капитан, чтобы оторвать полагавшийся ему кусок мяса. Он тут же принял участие в обсуждении и со всем энтузиазмом занял доминирующую позицию. Подкинул жару в вялый спор на тему «Логистика — основа победы в войне». Спровоцировал несколько оскорблений и парировал их изумительными по остроумию выпадами, колкими, но разряжающими обстановку. Когда же потеха ему наскучила, он привлек общее внимание рассказом о приключении.

Для Йао-Капитана приключение тесно связано с астрономией. Полагавшийся ему кусок вырезки лежал, позабытый, а сам капитан активно фырчал и плевался на Наречии Героев, подражая горячке боя. Узнать, открыть звезды! Ходили слухи о странных созданиях, населявших глубины космоса, о древних империях, размещавших боевые батареи на ледяных панцирях комет задолго до того, как первые звезды вспыхнули светом жизни. Гр-рок! Слухи! Невидимые следы! Звездные сеянцы, пустившие корни на самых окраинах галактики! Где начался их путь? И где закончился? Тайны! А те лунные кратеры, укрытые тенью планет, что оборачиваются вокруг красных карликов? Кратеры и пещеры столь древние, что, вероятно, их создали лучи, однажды разделившие свет и хаос? Богатство! Слава!

Пауза, чтобы дать умам переварить монолог. Йао громко чавкал, принявшись вновь за вырезку. После ушел, внезапно вспомнив о важном деле, к исполнению которого,

[1] *Аквавит* — скандинавская тминная водка.

никто не сомневался, он приступит со всем присущим ему пылом.

Разговор моментально вернулся к сальным шуточкам о кзинррет, к тому, кто и какое недавно получил имя, к доблестной дуэли между Ремонтником-Электронных-Систем и Строителем-Стен, к спорам о вчерашних учениях, к обсуждению вкусов содержимого пищевых пакетов из походного пайка. И наконец, болтливые языки принялись с блаженством облизывать самую бестолковую, но заветную кость — военные состязания. Кто первым выйдет к Солнцу Людей?

За дни, проведенные на совместной охоте, Наставник и Разведчик-Аналитик крепко сдружились. Они выходили на заре и порой не брали с собой Ссиса. Разведчик охотился в этих лесах со дня открытия базы, знал все запахи и тропы. Знал, где водопой, а где можно наткнуться на тигропарда, выслеживающего собственную добычу.

Ароматы Дивной Тверди, просторы, открытое небо, вечера на берегу моря — все это доставляло Наставнику безграничную радость, он чувствовал себя счастливым. Он и сам был охотником когда-то; ежедневные походы вглубь загона для выбраковки диких джотоков или для добычи переходных особей, для замера уровня соли в болотных водах, где среди тростника плавали джотоки-личинки... Тогда он считал, что загон — это спасительный уголок свободы, вдали от городской тесноты и опасностей, но здесь... Дивная Твердь покорила его сердце!

Как-то охота завела их слишком далеко в лес, к самим границам Коршесса. С вершины холма Наставник вдруг увидел Йао-Капитана, помогавшего самцу-примату и его ребенку: они убирали поваленное дерево с дороги. Молодой кзин поспешил на помощь капитану. Своеобразное политическое взаимодействие — абориген и доблестный офицер только доказывали его выгодность. Но зачем же капитан сам взялся помогать, когда вокруг довольно рабов и техники?

— Р-р-р, помощь нам потребуется,— промурлыкал Йао крошечному детенышу, пытавшемуся поднять дерево по центру.

Наставник признал в самце-примате главу аборигенов. Он пока не научился отличать одну мартышку от другой,

но этот человек был не по меркам своего рода высок, с безобразным крючковатым носом. Какая несправедливость — у него имелось имя, причем доставшееся просто так, при рождении: Питер Нордбо. Что поделать, мартышкам не понять ценности имени.

— Ты большой, — заявил сын герренманна новому кзину. — Как тебя зовут?

Наставник-Рабов с трудом разбирал язык этих животных и осознавал, что ребенок не поймет ничего в ответ. Да и слов он еще недостаточно выучил, чтобы перевести собственное прозвище. Впрочем, имя, которое дал ему Длинполап, переводу вполне поддавалось.

— Мягкий-Желтый, — ответил он. Эти два слова ему были известны. И чопорно добавил: — Ты Коротышка-Сын Нордбо.

Мальчик почесал ухо:

— Иб Нордбо, благородный Желтый. — Потом изо всех своих трехлетних сил надавил спиной на ствол и крикнул: — Толкай!

Когда два кзина оттащили дерево к овражку у дороги, следуя указаниям людей-вассалов, ребенок нашел гнездо случайно потревоженных листохапов, крошечных чешуйчатых насекомых, в горьком отчаянии снующих вокруг своего хрупкого жилища. Иб Нордбо, кажется напрочь лишенный страха перед кзинами, схватил Наставника за лапу и подтащил к гнезду, где заставил выслушать самую подробную лекцию о социальном укладе и повадках листохапов, на какую только способен исключительно серьезный представитель человеческой расы трехлетнего возраста.

Питер Нордбо с тревогой наблюдал за этой картиной, однако Йао, урча, заверил вассала, что бояться нечего.

Наставник внимательно слушал все, что говорил ему мальчик, даже кое-что понимал. Невероятно. Встречавшиеся до сих пор люди-приматы отличались дурным воспитанием и как рабы были никуда не годны. Но этот малыш... Похоже, изучая психологию животных посредством активной коммуникации с детенышами, можно значительно улучшить качество их разведения и содержания.

Мягкий-Желтый протянул веточку, и листохап тут же на нее взобрался, покачивая длинными передними лапками. Иб рассмеялся:

— Им нравятся розы. Кормил их лепестками роз. Правда, им делается плохо.

Мальчик вскочил и, шатаясь, прошелся вокруг Наставника, изображая опьяненного запахом цветка листохапа.

— На Кзине есть листохапы?

— Никогда... быть... дома кзинов. — Мягкий-Желтый изо всех сил старался говорить правильно.

— Я полечу на Кзин. — Иб ткнул себя в грудь. — Скажу Патриарху быть добрее.

Питер Нордбо облизал пересохшие губы. Поспешно взял на руки сына, болтливостью, видимо, пошедшего в мать Хильду.

— Мамочка ждет тебя у кроватки.

— Нет! — заупрямился мальчуган.

— Господин, — пустился в извинения Нордбо, — он еще слишком мал, чтобы понимать, как следует себя вести.

А вот у кзинти слабость к сыновьям, которые с малолетства демонстрируют свой норов. Йао благодушно тряхнул гривой:

— Если когда-нибудь окажусь на родной планете кзинов, то непременно передам послание *katzchen*[1] Патриарху, со всем почтением.

В охотничий дом капитан вернулся лишь несколькими днями позже и, вопреки всем приличиям, привел с собой герренманна. Они уселись за какую-то доску и погрузились в одну из человеческих игр. Уставший от флотских сплетен Наставник-Рабов пытался разобраться в правилах и логике новой забавы. Доска была квадратная, октал на октал, с расставленными на ней фигурами. Игра шла довольно вяло, минимум действия. Фигуры оставались на своих местах порой многие минуты до следующего хода. Передвижение их определенным образом давало небольшое преимущество. Время от времени некоторые фигуры, очень аккуратно, убирали с доски насовсем.

Йао, судя по всему, пребывал от игры в совершенном восторге. Казалось, для него существуют только доска и фигуры. Он задавал вопросы отрывисто, резко, порой с досады отвешивал вассалу оплеуху, порой самодовольно урчал, если удавалось захватить фигуру.

---

[1] Котенок *(нем.)*.

Но игра требовала усидчивости, и эта ее особенность не могла нравиться Йао, который, как и всякий кзин, терпением не блистал. Если примат Нордбо подолгу раздумывал над следующим шагом, то капитан предпочитал ходить быстро, почти бездумно, подчиняясь азарту. И если ответного хода не следовало тут же, Йао вскакивал, возвышаясь над крохотным герренманном, словно башня, и пускался в жаркие разъяснения, куда тому следует немедленно поставить одну из фигур.

— Ваш слон доставит мне слишком много хлопот, если вы пойдете конем. Пожалуй, похожу пешкой. Полагаю, в этом есть преимущество.

— Да разве мартышки способны выигрывать войны?! Вас же на кусочки разнесет, пока вы решаете, в каком окопе отсидеться!

Йао резко обернулся к Наставнику:

— Вы наблюдали. А суть этой тягомотины уловили?

— Игра для меня слишком медленная. Жду более активных действий по дороге к человеческому Солнцу.

— Мыслите вы заурядно. Пять с половиной лет в гибернации это, по-вашему, активные действия?

Йао-Капитан разразился добродушным рыком:

— Вас уже определили на какой-нибудь корабль? Чуут-Риит всегда выбирает Героев, жаждущих поскорее опалить себе хвосты!

— Есть корабль, но Адмиралтейство не торопится с распределением.

— Гр-р, ну это же легко исправить. Скажу вам, кто поможет.

Похоже, Йао-Капитан везде чувствовал себя как дома и мог найти общий язык с любым. Когда с инспекцией пожаловал Траат-Адмирал, капитан пригласил его на охоту и развлекал важного гостя без устали. Проявил себя душой компании. В день отлета адмирала Ссис спрятался в зарослях и, когда Траат садился в аэромобиль, выскочил, чтобы энергично отсалютовать тому на прощание.

Поистине великий день. Прохладный морской бриз шевелил мех, приятно освежая разгоряченные тела. Ссис пребывал в великолепном расположении духа, ему хотелось отпраздновать столь знаменательное событие. Он возбужденно тараторил о том, какие перспективы им открывает

знакомство с Йао, уже считал будущих сыновей. Друзья забрели к северному ручью, где скакали по валунам вверх по течению. Ссис перепрыгивал с камня на камень очень аккуратно, чтобы не замочить лап, Наставник же спокойно переходил вброд там, где это было возможно.

— Шис-с-с-с! — шикнул вдруг капитан. — Чую запах.

Они неслышно переползли по сваленному молнией дереву. Сквозь гибкий подлесок обогнули холм. В листве мелькнуло белое пятно. Вот он. Человек-примат. Детеныш с копьем. Заметил кзинов и брюсился бежать. Небрежным прыжком преградив ему путь, Ссис оттолкнул ребенка к Наставнику. Мальчик бросился в сторону, но капитан вновь прыгнул прямо перед ним, обежав со стороны скалистых обломков. Осклабился. Детеныш повернул назад. Тщетно. Обычный кзинский прыжок был ужасен в условиях слабой гравитации. Ссис не давал примату шанса, не калечил, не приближался, но не позволял уйти. Забавлялся с добычей.

Перед глазами Наставника вдруг возникли те два жалких человека, которых он пытался спасти во время охоты Чуут-Риита. Он замер, окаменев от страха — не за себя, за несчастное животное. Ссис ведь только развлекался, но откуда детенышу знать об этом? Наставник взмахнул лапой, силясь придумать предлог для рыка, который бы отвлек капитана.

Но вдруг испуганный и доведенный до отчаяния детеныш угрожающе выставил копье и крикнул:

— *Die Zeit ist um! Ratekatze!*[1]

Ссис выбил орудие выпущенными когтями, но вместо того, чтобы броситься прочь, маленький звереныш с голыми руками кинулся на кзина. От столкновения с исполинской тушей прыгнувшего в ответ капитана тело ребенка отлетело в сторону, словно тряпичная кукла. Лица у него больше не было.

— Никакого чувства юмора, — пожаловался Ссис, перевернув труп на спину.

Наставник беспомощно опустил лапу. Насколько хрупкими были эти создания! Он склонился над жалким тельцем, со слабой надеждой, что человечек еще жив. Крепкий запах крови пробудил голод.

---

[1] Конец тебе! Крысокот! *(нем.)*

— Он мертв!

Ничего не поделать. Они разорвали одежду, а потом и тело. После трапезы остались окровавленные кости, недоеденная плоть, разбитый и вылизанный начисто череп.

На следующий день на базу кзинов явился мрачный герренманн, отчаянно пытавшийся сохранить самообладание и надлежащие рамки приличия, хотя ярость так и рвалась наружу. Йао встретил его, сперва не обратив внимания на настроение Нордбо. Заметив же, сам пришел в неистовство. Бунт? Герренманн объяснил. Гернинг — городок маленький. Если на горожан охотятся, то кто будет платить налоги?

— Я верно служу вам и исправно снабжаю базу. Но как, скажите, соберу я дань, если творится такое?!

— Я проведу расследование. — Йао включил коммуникатор. — Сержант-Архива, узнайте, кто вчера выходил на охоту.

Позже Ссис-Капитана и Наставника потребовали в кабинет Йао. Сесть он им не позволил, оставив стоять смирно. Клыки то и дело гневно обнажались.

— Вас приняли здесь как желанных гостей! — ревел он, ясно давая понять, что гости эти таковыми больше не являются. — Я позволил вам свободно передвигаться по базе. Вы привыкли к тесным казарменным застенкам, а я испытываю симпатию к тем, кто стойко исполняет свой долг, несмотря ни на что. Но у вас нет никакого права убивать моих налогоплательщиков! Как нет никакой причины. В моих лесах запрещена охота на низших животных.

Йао с презрением размахивал хвостом.

— Неужели вы решили, что лучший способ доказать свое геройство — это запороть беззащитного детеныша? Видимо, следующий шаг — грудные котята!

Он умолк и вернулся к бумагам. Провинившиеся молча ожидали приговора. Наконец Йао протянул Ссису документы:

— Вас отзывают на корабль, немедленно. Я позаботился о том, чтобы вы больше никогда не ступали на поверхность Дивной Тверди. Устроите сафари на планете людей. Слышал, там налогоплательщиков в избытке.

Для Наставника он приготовил речь еще хуже:

— Вы меня также разочаровали. Вы, словно жаба, слонялись по базе, пытаясь выбить место в Четвертой флотилии, ползали слизняком перед теми, кто занимается ее кадровым обеспечением. Выдающееся малодушие. Думаю, одно ваше присутствие на борту военного корабля подвергнет жизни Героев опасности. Следуя моим рекомендациям, вас требуют назад, в Крепость Аарку. Немедленно.

Глава 15
(2402—2403 н. э.)

Когда начали собирать конвой для Четвертой флотилии, опустошая систему Центавра, забирая всех до последнего рабов, Героев и военную технику, Крепость Аарку превратилась в гробницу, насквозь пропитанную вонью из клетей джотоков.

После Дивной Тверди Аарку была сущим казематом.

Наставника ожидал еще один мучительный год у альфы Б. Он изо всех сил старался сделать счастливой кзинррет, которая досталась ему контрабандой, но та тосковала без лихих Героев, державших теперь путь к человеческому Солнцу, сделалась угрюмой и капризной. В войне она ничего не смыслила. Только осознавала, что ее бросили. Покинули. Оставили без внимания. Она призывно терлась о Наставника, пока тот работал. Он мягко отказывал, и самка мстила, выслеживая его личных рабов; одного чуть не убила. На помощь пришел Длиннолап, и было решено поместить кзинррет в гибернатор. Будить, если только Наставник по ней соскучится.

Через несколько месяцев после отбытия Четвертой флотилии к альфе Центавра потянулись жалкие остатки Третьей. Ангары Аарку вновь были забиты. Поляризаторы, слишком долго работавшие на пределе возможностей, требовали незамедлительного полного осмотра и ремонта. Однако куда серьезнее дело обстояло с боевыми повреждениями корабельных корпусов, слишком тяжелыми, чтобы обойтись простым латанием вдали от родных верфей.

Наставник лично осматривал один из таких потрепанных скитальцев. Из сорока кзинов команды выжило только восемь, которые и вели теперь судно домой. Трое уми-

рали от полученных ран. «Злопамятный» едва держался на ходу после сильного внутреннего взрыва. Командная рубка в трех местах пробита рентгеновскими импульсами. В одном из отсеков лежал высушенный труп кзина, оказавшегося во время боя рядом с пробоиной в корпусе. В главной орудийной башне трое канониров намертво примерзли к пушкам. Трофея из такого корабля не получится.

Впечатлений достаточно, чтобы кровь застыла в жилах. Наставник вспомнил, как отчаянно боится смерти. Как же Ссису удалось усыпить его бдительность мечтами о доблести и героизме?

Затем, как гром среди ясного неба, пришел приказ об освобождении Наставника от его обязанностей в Аарку.

Отпрыск некой благородной фамилии провинился перед Чуут-Риитом и в наказание был сослан в Крепость. Но хотя Наставнику позволили взять троих личных рабов, новая должность особой привлекательностью, похоже, не отличалась: согласно документам, молодой кзин должен был приступить к долгосрочной службе не на Дивной Тверди и даже не на Тиамат, а где-то в глубинах космоса. Еще один смертельный тупик, как раз для труса? Однако на предписании стояла печать Пятой флотилии.

Утлое суденышко, прибывшее за ним, было одним сплошным гипердвигателем, без малейшего намека на бронированную обшивку или какое-никакое оружие на борту. Оно звалось «Цтиргор», в честь длинноногого травоядного, чьи выдающиеся способности бегуна оставались единственным способом защиты от хищников. Расстояние в два световых дня «Цтиргор» преодолел за шесть обычных, развив скорость в треть скорости света при ускорении в семидесят кзинских g. Альфа Центавра очень быстро из пары огромных светил превратилась в двойную сияющую точку в созвездии Андромеды.

Корабль плавно заходил в док. В лучах звездного света огромный корпус связного военного крейсера выглядел карликом по сравнению с его же развернутой гигантской антенной. Каркас трансмиттера, переливающийся всеми цветами радуги, казалось, заполнял собою все пространство. На расстоянии нельзя было даже предположить его истинных

размеров — в космосе бинокулярное зрение воспринимает предметы искаженно.

Исполинская антенна была направлена в сторону человеческого Солнца, принимая также помехи из созвездия, которое люди звали Кассиопеей, а кзины — Клыкастым-Богом-У-Небесного-Водопоя. Солнце-Прародитель, соответственно, лежало в созвездии Полководца. Приматы — от природы не воины — называли то скопление в честь свирепого медведя.

Странно, думал Наставник-Рабов, как мало меняется картина на звездном небе Патриархата. Самые яркие звезды, конечно, слишком далеки, чтобы их было видно, когда перелетаешь из одной части Империи в другую. Звезды Клыкастого Бога, все как на подбор, гиганты. Ярчайшая — красная, остальные — белые, массивные создания сплошь из тяжелых металлов.

На платформе для шаттлов его встречал Старший-Сержант, державшийся подчеркнуто строго. Он узнал Наставника по трем рабам-джотокам:

— Грраф-Хромфи ждет вас незамедлительно. Младший-Сержант позаботится о рабах. Добро пожаловать на борт.

Наставник почти скучал по своей кзинрет. Он ведь продал ее на рынке, кишевшем жуликами и ловкачами. Слишком быстро, правда, так что выручка оказалась не особенно велика.

На борту крейсера присутствовала легкая искусственная гравитация, достаточная для того, чтобы в воздухе не клубилась пыль и не болтались незакрепленные предметы. По проходам можно было передвигаться беспрепятственно. Обстановка мало отличалась от условий в Аарку, но по пути к Грграфу-Хромфи Наставник все же отметил, что тот установил строгую дисциплину на своем корабле: здесь пахло безукоризненной чистотой.

В командном отсеке Сержант отсалютовал четким движением лапы и отбыл. Наставник махнул когтями перед мордой самым щегольским, по его мнению, образом. Движение самого же Грграфа-Хромфи были легкими и быстрыми — и кожу на хвосте котенка не повредили бы. На нем красовался видавший виды камзол, который Грграф, видимо, чинил самолично, однако пах кзин как исключительно суровый начальник.

— Вряд ли на борту «Уха Шеррека» вы столкнетесь с теми же дикими нравами, к которым привыкли. Однако список обязанностей и правил вы найдете довольно интересным. Вы, кажется, держите при себе кзинррет, вопреки наличествующим уставам?

— Никак нет, господин!

— Полагаю, вы уяснили, что сквозь пальцы на подобное нарушение здесь никто смотреть не станет.

— Так точно, господин!

— Я ознакомился с вашим личным делом, Поедатель-Травы.

Хромфи вновь взгромоздил инфоскопы на нос, что не мешало ему сквозь столбцы ползущих по экрану данных наблюдать за реакцией Наставника. Тот внезапно напрягся, уши прижались к скулам, и мех на щеках перестал топорщиться.

— Да, юный Герой, мне все известно. Вольно!

— Мое малодушие позорит меня, великий полководец! Страстно ищу возможности вернуть честь, вступив в ряды Четвертой флотилии!

— Похоже, вы считаете, что кампания будет более успешна при наличии трусов на передовых позициях?

— Никак нет, господин!

— В данный момент я просматриваю отчет о недавно состоявшемся разговоре, в котором вы приняли активное участие. Вы как раз жаловались, что прежние враги с Хссина свели на нет все ваши попытки присоединиться к Четвертой флотилии, рассказывая тут и там о вашей легендарной трусости.

Наставник лихорадочно силился припомнить, когда это он сболтнул лишнее. Будь проклят его язык!

— Признаю, что такой разговор был, господин.

— И это правильно, поскольку у меня имеется соответствующая аудиозапись. Вы говорили правду: у вас действительно есть враги, это подтверждают собранные мною данные. Они действительно делали крайне нелестные заявления насчет вашей храбрости, но лишь на Хссине. Сейчас кзины, действия которых вы восприняли так близко к сердцу, уже вас и не помнят. Вы окончательно разочаровали тех, кто хотел даровать вам назначение на «Кровь Жертвы». Однако ваша кандидатура была одобрена на всех уровнях, да-

же теми, у кого к вам имелись претензии. «Враг», о котором вы так сокрушались, — это сам Чуут-Риит.

— В таком случае позор мне!

— Может, стоит напомнить, какие слова вы употребляли по отношению к недоброжелателю? Особенно мне нравится один оборот. Как это... Ах да — «он говорит анальным отверстием и справляет нужду через рот».

— Я совершил ужасную ошибку!

— Сболтнули чушь, не так ли? Гр-р, и понесете за это надлежащего наказания. Вы поступили под мое начало по приказу Чуут-Риита. Поверьте, этого довольно, чтобы искупить любой грех. Я делаю Героев из котят. Вам придется облегчить мне участь и взяться за кое-какую работу.

— Готов исполнить любой ваш приказ!

— Прекрасно. — Грраф-Хромфи вынул из кобуры старинный кремневый пистолет и поднял инфоскопы на лоб. — Предпочитаю это вместо втпай-кинжала, — произнес он с иронией. — Дает несколько октентур преимущества над противником. Чувствую себя более современным.

Поскольку пистолет мог стрелять лишь одной пулей за один заряд, на его стволе имелись тяжелые, с легкостью дробящие кости шишки. Так что он мог служить чем-то вроде палицы.

— Разберите и вычистите, пока мы беседуем. — Хромфи протянул Наставнику чехол с инструментами.

— Слушаюсь, господин!

— За прошедшие три года Чуут-Риит собрал не одну, а две флотилии. Четвертая отлично экипирована и будет использована для массированной атаки. Пятая, почетным членом которой вы только что стали по личному приказу Чуут-Риита, задумана как элитное подразделение. Это ценное зерно, посеянное в начале четвертого похода. Пятая флотилия должна в кратчайшие сроки войти в полную боевую готовность. Подбираются лишь те, кто способен так же быстро усваивать требования и выполнять приказы, как и бегать. Расхлябанного сборища вроде Четвертой флотилии не будет. Любые нарушения субординации и дисциплины станут жестоко караться.

— Уже чувствую, как во мне растет страсть к послушанию, великий!

— Вопросы?

— Будем ли мы участвовать в битвах, о мудрейший? Или Пятая флотилия — это только резерв? — На какой-то миг Наставник от волнения даже прекратил полировать церемониальный пистолет.

— Возьмем пример. Ваш нахальный приятель, Ссис-Капитан, он ведь берет все, что хочет, и делает что вздумается. Появилась идея, он действует. Чешутся уши, он действует. Им правят гормоны, он ни перед чем не остановится. Если ему взбредет в голову, чтобы на командном мостике распоряжалась кзинррет, там она и окажется, пушистая и мурлычащая.

Наставник навострил уши в напряженном внимании, продолжая чистить пистолет. Он представил, как его бывшая кзинррет командует «Кровью Жертвы».

— Я прав относительно вашего друга?

— Гр-р, абсолютно!

— Так вот. Ему ни разу не приходилось вести корабль в бой. Вот впереди вражеская позиция. Он идет и берет ее, не так ли?

— У него храбрая команда. И бесконечно преданная.

— И сколько же он продержится в бою? Восьмую часть дня? Две восьмых, если повезет! А то и вовсе не увидит ни одной мартышки, прежде чем вместе со своей командой превратится в жаркóе в развороченном корабле! Чуут-Риит со знанием дела набрал в Четвертую флотилию подобных молодцов. Если они выживут, то чему-нибудь обязательно научатся. А уж если им удастся убить нескольких приматов... Но это вряд ли. Чего, например, вы, варвары с имперских выселок, достигли? Горлопаны и сорвиголовы Хссина? Пограничные попрошайки? Лишь крови и тщеты!

Хромфи так разгорячился, что, казалось, вот-вот раздерет когтями в клочья свою командную панель.

— Гр-р, вероятно, вы, дикое сборище, переняли манеру приматов вести бой на свой собственный лад. Один поход — один флот. И проблемы ваши даже жалкая мартышка решить в состоянии. А следующий ваш шаг, гнусные мусорщики, — нанять людей-легионеров вести войну за вас. Чего ж зря тратить таланты рабов? Пустите их на борт, пусть командуют вашими кораблями!

— Господин, вы говорите о моем отце, не обо мне.

— Гр-р, а вы будто отличаетесь?

— Я высоко чту огнестрельное оружие. Это прекрасный пистолет, господин. Полагаю, я смогу собрать его.

— Добыл его на В'ккае. Там Чуут-Риит нашел меня. Оба мы устали и болтались по рыночной площади, слушали сплетни, искали развлечений. У старого ветерана купил пистолет, он крайне нуждался в золоте. Чууту оружие тоже приглянулось. Риит ведь страстный коллекционер этих штук докосмической эры. Он поклялся, что примет меня в собственный эскорт, дабы быть спокойным за судьбу этого пистолета. Видите клеймо Кай? Знаменитый оружейный дом, официальный поставщик двора Риитов.

— Четвертая флотилия наверняка покроет себя славой, возглавляемая таким великим коллекционером, как Чуут-Риит.

— Предпочитаете кружить вокруг да около? Ваша лесть любопытства не укроет. Позвольте, буду прямолинеен, благо мой пост это позволяет. Не Чуут-Риит ведет Четвертую флотилию. Он в паре световых дней отсюда, во дворце на Дивной Тверди. Вы даже представить себе не можете, с какими трудностями ему пришлись столкнуться, пока он пытался превратить Четвертую флотилию хоть в какое-то подобие дисциплинированной армии. Каждый провинциальный сопливец мнит себя Звездным Адмиралом, не меньше, достаточно взрослым для того, чтобы попытать счастья на неизведанных рубежах. Так что, юный кзин, Четвертая флотилия — это флотилия адмиралов!

Хромфи вновь говорил взволнованно:

— И позвольте заметить еще вот что. Именно Чуут-Риит поведет в поход Пятую флотилию к человеческому Солнцу. Это его личная армада. На нее он возлагает все свои надежды. Но мы не выступим в путь до тех пор, пока он не будет уверен, что и вы, и я готовы. Я готов. Вы нет.

— Приказывайте хоть сейчас! — Наставник горел желанием внимать и исполнять.

— Гр-р, успеется. Прежде закончим с пистолетом. Он всегда должен быть готов к выстрелу, так что проверим кремень. — Хромфи оглядел оружие и вернул Наставнику. — Путешествовать на «Цтиргоре», вероятно, довольно утомительно. Вам стоит отдохнуть. После побудки доло-

житесь Дежурному-Сержанту. У нас еще будет время поговорить. Чем еще заняться, как не тренировкой Наречия Героев? Над нами небеса, под нами россыпи звезд. А впереди годы подготовки. Главный долг межзвездного воина — ждать.

— Вы отпускаете меня, Грраф-Хромфи, господин?

— Только не на этом корабле. Не надейтесь, что ваша участь станет легче. Разумеется, вы немедленно возьмете на себя обязанности по техническому уходу и содержанию корабля. Однако будет и множество других заданий, а также вещей, которым вам придется научиться, помимо чистки старинных пистолетов. Расшифровывать радиосигналы и протоколы связи. Учиться стратегии межзвездной войны. Кроме того, пройдете полный курс боевой подготовки прямо на борту «Уха Шеррека». А чтобы жизнь вам не казалась сладкой, будете учить всему, что растолкую вам я, моих сыновей. Увы, занятие неблагодарное и крайне хлопотное, и я очень нуждаюсь в помощнике.

— Это все, господин?

— Мне почудились нотки сарказма в вашем шипении. Нет, это не все. Это только начало.

— Жажду скорее приступить к обучению. Под конец и у меня появится убежденность, что я — Звездный Адмирал. Большего хссинскому варвару и желать нельзя.

— Когти вдоль морды и марш отсюда, Поедатель-Травы!

Наставник даже не оскорбился, поскольку Хромфи откровенно мурлыкал. Ну и каков же итог? Этот старый кзинский боевой топор вселял в Наставника благоговейный ужас. Но не малодушный страх.

Глава 16
(2403–2404 н. э.)

Новобранцев здесь звали не иначе как «беззубыми», и для них полагался обязательный семинар-класс, который вел сам Хромфи. Главным учебным пособием по изучению рукописей, моделированию различных боевых ситуаций, составлению таблиц и диаграмм оставался многотомный «Трактат о военном искусстве» Чуут-Риита. В основе же лекций Граффа лежал особенно эффективный принцип:

«Думай, прежде чем прыгать!» И поверьте, у него имелась сотня разнообразных способов донести данный принцип до адресата — на случай трудностей в понимании.

Кроме того, это простое правило служило прекрасным способом предостеречь от фатальных ошибок. В день, когда от Чуут-Риита поступили последние известия о судьбе Третьей флотилии, Хромфи подробно разъяснил причины поражения ученикам.

На экране были изображены позиции Кгисс-Полковника, оставшиеся без подкрепления, поскольку пылкие воители правого фланга стремглав кинулись в погоню за внезапно появившимися кораблями неприятеля. Хромфи тыкал указкой в данные о результатах этой погони. Подробный анализ подтвердил, что два человеческих корабля-«горелки» были всего лишь приманкой для доблестных, но нетерпеливых Героев.

И таких примеров было множество. Один за другим Грраф выводил на экран неутешительные данные. Корабли снабжения вышли к Церере, когда там не осталось ни одного действующего военного судна. Поэтому никто не собирался объединять усилия, чтобы защитить вновь прибывшие грузовые баржи. Лучших условий для бойни не придумать. Вопреки приказам, Вторая ремонтная двинулась вглубь Солнечной системы, где обнаружила и с энтузиазмом атаковала перспективную цель. Но за неимением необходимого вооружения не смогла дать отпор основной вражеской лазерной батарее и понесла такой урон, что лишилась способности обеспечить ремонтом эскадрилью «Рык воздаяния», то есть выполнить свою первостепенную задачу. А без поддержки истребителей крейсер «Победа при Туманности Меча» был уничтожен камикадзе из эскадры «Дротиков».

— Так что думайте, прежде чем прыгать. — Хромфи совстовал то же самое Героям, павшим в тех битвах. Глас убитого горем отца, которому доставили тело слишком самонадеянного сына.

Наставник припомнил, как пылко стремился попасть в Четвертую флотилию. А потом тех замороженных канониров в орудийной башне. Плоть, которой не успели отдать последние почести, мумифицировал космос, пока длилось долгое, позорное путешествие домой. Перед глазами плыли

картины, потрясающие до глубины души. Смертельный оскал оплавленных лазерами лиц. Превращенный в черный пепел мех возле того, что прежде было лапами. Наверное, и те канониры в свое время мечтали о толпах рабов в цветастых ливреях, о бунгало в пампасах Центральной Франции или в английских степях. Впервые Наставник почувствовал, что ему вполне достаточно собственных, простых, совсем не экзотичных рабов-джотоков.

Порой, когда Хромфи пребывал в дурном расположении духа, он прибегал к практическим занятиям, чтобы на наглядном примере продемонстрировать справедливость его девиза. Тогда ученики собирались на тренировочной арене, и камеры фиксировали все, что там происходило. Ни одному молодому кзину не удавалось довести атаку на учителя до конца. Он всегда провоцировал их на фатальные ошибки, после чего останавливал бой для разбора промахов. Запись-голограмма шла в медленном повторе, пока Хромфи орудовал указкой, едко комментируя неудачи недавнего противника.

— Начав атаку отсюда, он дал мне слишком много времени для ответного действия. Обратите внимание на то, как я передвигаю задние лапы. А противник уже не может сменить своей траектории. Вот — внимание на мои лапы — я готовлюсь к прыжку, — указка резко ушла вверх, — в то время как передней лапой я собираюсь перехватить его запястье! Хватаю, и все, что теперь остается, — это повернуть противника вокруг оси, чтобы выбить почву из-под задних лап. Тремя секундами позже он мертв.

Хромфи отвесил оплеуху герою разбора, когда голограмма свернулась.

— Теперь ясно? Думайте, думайте, прежде чем прыгать! А не то ваши мозги так и останутся на уровне нервных узлов стондата![1]

Кроме того, в запасе у Гррафа имелось достаточное количество сухих риторических формул, чтобы как следует вбить в безмозглые черепные коробки учеников простую, но спасительную суть его закона.

---

[1] *Стондат* — непригодное в пищу травоядное. Кровь используется кзинскими телепатами. Сравнение со стондатом — элемент особенно остроумных оскорблений и насмешек.

Крейсер «Ухо Шеррека» — флагман Третьего Черного Прайда, крупного подразделения Пятой флотилии. Что такое Черный Прайд? «Черный незаметен в космическом пространстве»,— наставлял Хромфи, почесывая нос когтем. Ох, верный признак того, что впереди долгий, подробный разбор последствий, какими чревато любое бездумное действие. Да, он будет повторять это снова и снова. Воители, выигрывающие битвы, всегда предвидят последствия. Их носы всегда чуют вонь катастрофы, к которой обязательно приводит опрометчивость.

Наставника-Рабов поражала детальность и продуманность долгосрочного плана Чуут-Риита. Два замаскированных экспериментальных Черных Прайда были отправлены с Четвертой флотилией к Солнцу Людей. Им приказано занять удобную для оценки происходящего позицию у орбиты Нептуна. Даже в случае героического поражения армады два подразделения уцелеют, незамеченные. Электромагнитный мониторинг деятельности приматов, подробное картографирование их системы, масштабные снимки планет, астероидных поясов... Такова задача. Последствия — тщательно продуманный и подготовленный массированный штурм, рассчитанный только на победу.

Кзины располагали системами обнаружения крупных защитных установок людей. Грраф-Хромфи продемонстрировал ученикам возможности «Уха Шеррека» на примере снимков заходящих в доки Тиамат кораблей и фотографий мюнхенских улиц, смазанных, но для специалиста вполне информативных. А данные съемки термоядерной станции Вахсамкайта на Дивной Тверди представил в двадцати различных вариантах сканирования, от гамма-коэффициента до сверхнизких частот.

Думать, *прежде* чем прыгать.

Прежде чем элитная флотилия Чуут-Риита перейдет в атаку, пять Черных Прайдов займут кольцевую позицию в человеческой системе на достаточном для наблюдения расстоянии, но в полной недосягаемости, даже если их обнаружит патруль кораблей-«горелок». Каждое подразделение — полноценная военная база, обеспечивающая ремонтом, медицинской помощью и боеприпасами. И отдельный разведывательный центр.

Хромфи отметил два основных промаха предыдущей кампании: снабжение флота за счет мародерства и боевых

трофеев и отсутствие системы снабжения долгосрочного похода как таковой.

Черные Прайды созданы именно с целью обеспечить армаду всем необходимым на месте. Отдельно взятый Черный Прайд включает: связной крейсер, подобный «Уху Шеррека»; транспортер, несущий эскадрильи боевых кораблей; комплексный производственный корабль-верфь плюс самоходный док, где производится срочный ремонт и выпуск любых деталей за несколько часов; четыре «быстрохода» для срочной горной разработки на кометах, баржу-склад, лазарет. Антенну собирают и разворачивают роботы-техники по прибытии на место. Прочие расходные модули будут собираться по необходимости в случае, если кампания затянется.

Центром снабжения станет альфа Центавра. В течение шести лет Дивная Твердь и заводы Змеиного Клубка будут ежемесячно направлять эшелоны с припасами и гиберированными воителями к человеческому Солнцу. Для битвы или оккупации — не важно.

Но разве способны скучные лекции и диаграммы научить уму-разуму юнца, воодушевленного победами в драках с другими котятами? Граафу-Хромфи приходилось привлекать беспечных учеников к исполнению особых обязанностей, вполголоса повторяя без устали: «Думайте, прежде чем прыгать». И кончик его хвоста безмятежно покачивался из стороны в сторону. Задания всегда были с подвохом, ловушкой для чересчур торопливых. Исполнять — значит учиться. Игры со смертью вынуждают думать.

Хромфи свалил на Наставника-Рабов образование своих сыновей. Те не пылали жаждой знаний. Но общение с ними — великолепный способ научиться избегать смертельно опасных шалостей. Однажды урок закончился убийством одного из котят. И командор «Уха Шеррека» не наложил на Наставника дисциплинарного взыскания. Первый трофей для пояса Героя.

В течение следующих нескольких лет основной обязанностью Наставника оставалась тренировка джотоков для Прайдов. Из Крепости Ааркy переслали клети с ювенильными особями. Все они прошли переходную стадию, зафиксировав образ Наставника как родительский. После он познакомил их с симуляторами.

Невозможно было остаться равнодушным к этим созданиям. Он не имел права рассказывать им об истории их расы или военных достижениях, но их любознательность всегда провоцировала его на опасные пограничные обсуждения. Одного из подопечных он как-то обнаружил в неположенном месте, уморительно скачущим на локтях. Плечевой глаз с интересом следил за ползущим по стене насекомым.

Другой заметил появление Наставника:

— Хозяин, что это?

— Насекомое. Вероятно, с Дивной Тверди. Не может понять, как сюда попало.

— Живое или механическое?

— Органическое, как ты и я.

Пришлось объяснять разницу между репродуктивным циклом живых организмов и конвейерным производством на заводе.

После джоток пожелал узнать, создаются ли машины в воображении.

— Конечно.

— Нами? — Он имел в виду разумную жизнь, включая и кзинти.

— Да!

Джоток почесал ротовую щель, размышляя над тем, что за разум создал подробный чертеж агрегата типа «кзин». Они вернулись в питомник; Мягкий-Желтый аккуратно нес зеленое насекомое в лапе. А после прочел подробную лекцию об эволюции видов многочисленной аудитории своих подопечных.

— А как возникли мы?

Ну вот, пожалуйста, прямой вопрос по запретной теме.

В следующий раз, играя с Длиннолапом в карты, они разговорились о поместье, которым обзаведутся после завоевания Мира Людей. Джотока интересовали леса Земли.

— Любопытно, насколько они отличаются от хссинских? — размышлял Наставник. Где-то у него тут был трефовый туз...

— Завоеватели выжгут их дотла?

Хоть стой, хоть падай. Вот и военной стратегией уже интересуются! Разговоры всегда, так или иначе, подходи-

ли вплотную к запрещенной информации. Не важно, на какие уловки шел один, чтобы избежать неприятностей. Другой всегда задавал вопрос прямо в лоб и только по существу.

Глава 17
(2404–2409 н. э.)

Годы шли, Хромфи тщательно укреплял вверенное ему подразделение. Переполненные верфи Змеиного Клубка работали на пределе возможностей. Мало-помалу Третий Черный Прайд обзаводился необходимыми для полного комплекта кораблями и техникой. Гррафф командовал так, как если бы уже занял стратегическую позицию у человеческого Солнца. Может, его Герои, шутки ради, и вели скрытое наблюдение за Адмиралтейством Дивной Тверди, но перебиваемые шумами сообщения об успехах Четвертой флотилии слушали со всей серьезностью.

С тех пор как у Прайда появился самоходный док, обязанности Наставника-Рабов значительно расширились. Рабочим бригадам приматов в таком серьезном деле, как техническое обслуживание корабля и боевых систем, Хромфи не доверял. Его собственный персонал проверял все досконально, при необходимости перебирая блоки заново, до полного соответствия жестким требованиям командора. Подобный рабочий режим оказался слишком изматывающим. Приходилось углубляться в тонкости судостроения. Поэтому Наставник нашел другой способ: обучил большее количество джотоков мастерству ремонта и переборки механизмов, так что со всем управлялись рабы.

Случалось, впрочем, что работы не было. Тогда он писал отчеты или резался в карты с Длинполапом. И не забывал нюхать воздух на предмет опасности. Во время одного такого затишья он взял да научился управлять «Рыком воздаяния». Оказалось, это гораздо безопаснее, чем помышлять о гареме Хромфи. Кстати, мысли о толпах прекрасных кзинррет стали посещать его гораздо чаще. Порой он вспоминал свое детство в доме Чиир-Нига, голову матери на коленях. Наставник уже раскаялся, что продал неутомимую демоницу Гриних.

Естественное желание для кзина — обзавестись большим количеством домочадцев и жилищем-крепостью. Но Наставник никак не мог взять в толк, с чего это ему самому хочется иметь сыновей? Уж точно не оттого, что приходится учить ужасных котят Хромфи. Трус не имеет права давать жизнь потомству; это опозорит Патриархат. Но все же ему ужасно хотелось иметь котят. Поэтому Наставник представлял, что рабы-джотоки — это его дети, раз уж из переходной стадии они выходили, абсолютно уверенные, что он — их родитель.

Однажды сыновья вызывают отцов на поединок. Многочисленные дети-джотоки делали, по сути, то же самое, только иначе. Неутолимое любопытство подопечных требовало от Наставника постоянно расширять кругозор. И вроде бы не горел он желанием и любознательностью особенной не отличался... И вопросы задавал только конкретные, и то только сведущим, опытным кзинам многими рангами выше. Но его невероятно раздражало, если не находилось ответа на глупые расспросы джотоков вроде: «А каков минимально допустимый размер Вселенной?» Ну и как прикажете отвечать? Никому и в голову не придет таким интересоваться!

А все Длиннолап виноват, однажды рассказавший юным подмастерьям о черном карлике Р'хшссире. О том, что звезда будет сжиматься бесконечно, не используя водородных запасов, поскольку обладает лишь семью восьмыми массы, необходимой для термоядерной реакции. Тем не менее Р'хшссира не лишится конечного радиуса, хотя всякое давление себя уже исчерпало.

Длиннолап вместе с Ползуном обучали механике гравитационных поляризаторов четырех юных джотоков. В сумме это двадцать невероятно любопытных мозговых центров, по пять на каждого. Чтобы перебрать и настроить поляризатор, не требовалось в совершенстве знать единую теорию поля, но разве это останавливало гиперактивных ювенилов переходной стадии?

«Жуткая четверка» в перерывах между работой провела приблизительные расчеты минимального, взятого за функцию массы диаметра белого карлика. Они не совершили открытия — их умственные способности этого еще не позволяли, но они действительно определили критические массу и размер, необходимые для жизни нейтронной звезды.

С образованиями, крупными настолько, что их сжатие происходило бы за световым барьером, пришлось повозиться. Прежде чем приступить к вычислениям их параметров, один мозг заразил остальные крайне важным вопросом: «Если Вселенная подвергнется коллапсу, то каков будет минимальный конечный диаметр?»

Мягкий-Желтый попытался ответить так, как ответил бы любой кзин:

— Вселенная расширяется.

Но четверка, возопив в двадцать легочных щелей, не желала довольствоваться малым. Настройка поляризаторов — это сухая практика. А тут вопрос для радости ума! Что, если Вселенная все-таки сжимается?

Следовало и данные о природе гравитации сделать недоступными. Да еще и поляризаторы из себя все такие изящные! А вот бы снабдить их масляными факелами да формой, как у деревянных головоломок В'ккая. Чтобы джотоки из сил выбились такое строить и было им не до полетов буйной фантазии!

Но нет! Стоило только опрометчиво упомянуть, что поляризатор использует отрицательные искривления космического пространства, как четверка тут же пустилась в лихорадочные вычисления. Только спятивших рабов еще не хватало! «А чем отличается отрицательное искривление от положительного? Если положительное искривление в порядке вещей и это значит, что все притягивает все остальное, почему не сворачивается Вселенная? Когда она начнет сворачиваться? А если она свернется, насколько маленькой она станет? Скажи нам, Мягкий-Желтый!»

Слава Клыкастому Богу, что Длиннолап и Ползун давно миновали стадию, когда волнуют подобные вещи. Тем не менее пришлось пожертвовать интереснейшей карточной игрой ради подробного изучения волновавшего «четверку» вопроса. Интерактивный справочник-накопитель неожиданно оказался бесполезен. Он несколько раз просил переформулировать требование, а после выдал ответ из области азов элементарной астрофизики. А именно теорему Исчислений-Шткаа-Касательно-Ш'рол.

Шткаа был из тех деятелей просвещения, кто, ратуя за свое дело, буквально кровью мучеников записывал формулы и вычисления. Учитывая, какие выдающиеся плоды при-

несло его служение науке, его имя было полностью обелено. С помощью накопителя Наставник ознакомился с разнообразными граничными значениями уравнений Шткаа. Затем вызвал на экран расшифровку терминов, с которыми никогда не сталкивался: ведь единая теория поля относится к сакральной области науки со специфическим набором шипящих и рычащих, да к тому же Наречие Героев претерпело значительные изменения со времен Шткаа. В случаях, когда достойные определения отсутствовали, приходилось углубляться в другие уравнения, прежде чем становился понятным смысл умозаключений математика.

А тремя днями позже...

В целом, теорема Шткаа звучала довольно просто. «Вселенная не способна свернуться дальше нижнего информационного уровня». Но ведь нижний информационный уровень призывал учитывать «принцип неопределенности» величины температуры, при которой «все частицы сворачивающейся Вселенной имеют равные возможности находиться где угодно в виде раскаленного болида». Ох, даже шерсть на загривке дыбом от напряжения! Ну хорошо, принцип учтем. Тогда... Частицы способны миновать минимальный радиус.

Умно!

Наставник-Рабов старательно и со всей ответственностью проинформировал об этом четырех «сыновей». Он привел уравнения единой теории поля, избегая любопытных подробностей. Удовлетворенно прянул ушами, ведь «принцип неопределенности» автоматически сводил на нет любые сомнения!

Если вам известна скорость частицы, то вы не сможете определить ее местоположение. До сих пор ли она приближается к центральной точке или миновала пограничный рубеж? Вычислив ее позицию, вы тут же теряете возможность определить скорость. Устремлена наружу или внутрь? Таким образом, информация о том, расширяется или сжимается Вселенная, незамедлительно оказывается в области непостижимого.

Дело сделано! Вот вам минимальный радиус Вселенной. Спасибо Исчислениям-Шткаа-Касательно-Ш'рол. Но «четверке» о теореме — ни слова.

Если на тебя устремлены сразу три глаза джотока — о, ты преуспел в умении завладевать его вниманием. Но

если смотрят все пять глаз — ты просто гений. Большерот, полный восхищения, тут же сбегал за чашей с граши-землеройками, а другие джотоки принялись благоговейно расчесывать мех Наставника. Отчего котята кзинов не способны на такие проявления чувств?

Только сейчас он начал осознавать, насколько преуспел в воспитании рабов. Едва джоток обзаводится разумом, он готов привязаться к любому, кто сообщает ему элементарные вербальные коды. Наставник наблюдал однажды, как ювенил переходной стадии пытался быть сыном говорящему компьютеру. Этот момент перехода-привыкания был самым ответственным и критическим. Но не решающим. Джоток, как любое живое существо, страстно нуждался в *родителе*. И вам следовало быть им, если вы задались целью вырастить верного, адекватного раба.

С пониманием пришло странное, незнакомое до сей поры смущение. Наставник не мог быть настоящим отцом джотокам, потому что был не в состоянии обучить их навыкам боя. Они ведь травоядные, не Герои. Воистину лишь трус может стать отцом для тех, кто никогда не научится драться.

Помнил ли Наставник об убийстве Водящего-За-Нос? Вероятно. Но только как о необъяснимом отклонении.

В целом, ему нравилось его занятие, отчасти потому, что держало подальше от драк. Он научился искусно лавировать, избегая дуэлей. Предпочитал быть исполнительным: старым воинам подобострастие нравилось — есть кому поручать задания,— но юные Герои воспринимали равнодушного к боевым потехам соратника как потенциальную жертву.

У того, кому не нужны неприятности, выход один: завоевать уважение на тренировочной арене. Грраф-Хромфи вызывал Наставника на поединок чаще остальных, что только было тому на лапу. Гордым воинам Третьего Черного Прайда, преклонявшимся перед командором, и в голову бы не пришло, что Хромфи никогда не позволит себе покалечить или унизить Наставника, что старый кзин старается выпестовать достойного учителя для собственных сыновей. Он натаскивал его как полномочного заместителя в суровом деле воспитания помета и выбраковки безнадежно слабых котят. Самому Хромфи для этого не хватало ни духу, ни времени.

Едва почуяв страх Наставника, какой-нибудь воитель был вынужден себя сдерживать, ведь у того на поясе висело ухо сына командора, да и тело сплошь покрывали ссадины и раны — последствия жарких учебных дискуссий с подопечными котятами. Шрамы, по сути, являлись орденами, которыми Наставник ужасно гордился, какую бы боль ни приходилось терпеть. Ведь они заставляли остальных держать недовольство и раздражение при себе.

Все же, несмотря на большой прогресс в развитии боевых навыков, Наставник предпочитал уединение. Многими годами позже на охоту в саваннах родной планеты ксипов он будет выходить один, без компаньонов и сопровождения.

Глава 18
(2410—2413 н. э.)

Об уединении, увы, можно забыть, едва ты становишься частью грозной военной машины, и не важно, насколько далеко тебя командировали для несения службы. Наставник мог сколько угодно прятаться за своей работой — начальство всегда находило его, поскольку он оказался незаменим. В свое время с инспекцией пожаловал и Чуут-Риит.

Черные Прайды являлись основой, костяком Пятой флотилии, поэтому Верховный Командор-Завоеватель полагал особенно важным пристально следить за развитием подразделений. Согласно ксипской поговорке, всегда «оборачивай хвост вокруг новостей». Пока офицеры его свиты с мостков осматривали трюмы-мастерские самоходного дока «Гнездящаяся самка косоклыка» и разобранный «Рык воздаяния», Чуут-Риит обернулся к Наставнику:

— Припоминаю наш разговор во время хссинской охоты.

— Я тогда был слишком молод, господин. Пустота в голове и буйство гормонов.

— Но вы блеснули талантами прекрасного стратега. У вас дар к хитроумным маневрам и продуманным атакам, — отозвался Риит учтиво. — Позвольте освежу вашу память о том, что меня столь заинтриговало. У вас, похоже, есть теория о биохимическом контроле над рабами-приматами. Кажется, вы упоминали некий барьерный механизм, отвечающий за скорость их обучения, способный блокиро-

вать эти возможности, едва рабы достигают требуемого уровня интеллекта.

— Да, господин, я раздумывал об этом, но никогда не проводил экспериментов. Ментальная физиология может выкидывать странные шутки. Потерян след — потеряна добыча. Как вывести породу на новый стандарт качества без наличия необходимых признаков у самок?

— Я дам вам новое имя, если преуспеете в данном начинании.

— Господин!

— Приматы с огромным трудом поддаются одомашниванию. Полагаю, на Земле, где популяция огромна, мы столкнемся с этой проблемой в исполинских масштабах. Охотиться на тех, кто не пригоден к рабству, не слишком эффективный способ ее решить. Дикий примат — хитроумное создание, он может притвориться смиренным слугой. И убивает, не раздумывая. Последний случай с перебитыми кзинррет и их котятами напомнил мне о вашем предположении. Если вы располагаете временем, чтобы заняться данным вопросом, я пришлю вам столько животных для экспериментов, сколько вы сочтете необходимым. Мне бы хотелось, чтобы результаты исследований нашли применение в кампании Пятой флотилии.

— Готов приступить к выполнению задания!

— У вас здесь хватит места?

— Я переставлю клетки.

— Хорошо.

В отсеке для боеприпасов, пустующем до начала военной миссии, у Наставника громоздились горы пустых клеток. Слишком маленькие по кзинским меркам, они были достаточно велики для людей, а для их детенышей и вовсе просторны. Когда прибыла первая партия приматов, он установил четкий режим. Животные получали пять восьмых воды и пищи за то, что содержали в чистоте свои клетки. Остальное — за попытки общаться и сотрудничать. Прекрасный стимул сменить настроение тем, кто хранил упрямое молчание и на контакт идти отказывался.

Вместе с партией оказавшихся очень шумными приматов доставили и самого лучшего медицинского робота человеческой сборки, какого только поверенные Чуут-Риита смогли разыскать. К нему прилагалась инструкция на не-

мецком, английском и японском языках. А в память были загружены исчерпывающие сведения о человеческой биохимии, хотя и с трудом поддающиеся чтению. Медробот также позволял восстанавливать животных, поврежденных во время экспериментов.

Сперва Наставник загрузил в блок памяти экзотического робота программу, которая перевела сведения по человеческой биохимии в кзинские символы. После перенес полученную информацию в свой справочник-накопитель и добавил к общей модели строения мозга известных инопланетных рас. Удивительно, но некоторые нейромедиаторы[1] приматов отличались от кзинских лишь формой. Впрочем, именно форма помогла Наставнику наконец понять, почему рефлексы Героев гораздо быстрее человеческих.

Через несколько недель пришла пора первого эксперимента. У Длиннолапа обнаружились удивительные способности к хирургии. Результатом его пробной попытки вскрыть человеческий череп стала обширная гангрена, устраненная медроботом. Вторая попытка увенчалась бесспорным успехом. Самку человека разместили в удобном операционном кресле, зафиксировав конечности и голову, чтобы она не навредила самое себе. Потом сняли верх черепной коробки, обнажив мозг.

Жалея подопытную, Наставник повысил температуру в помещении. На ее руке он поставил клеймо из опознавательных запятых и точек, чтобы не спутать с остальными. Сверхтонкие зонды, помещенные в мозговое вещество, осуществляли замеры химической активности нейромедиаторов, составляли схемы расположения невральных узлов, ответственных за сенсорный вход, контролировали скорость кровотока, отслеживали изменения нейроактивности, пока продолжались эксперименты с выключением и включением основных рефлексов и эмоций. Наставнику требовался наглядный пример строения мозговых структур, о которых он столько читал.

Пока продолжалось исследование, он с волнением расхаживал вокруг операционного кресла. Ему вовсе не хотелось, чтобы самка умерла от шока, прежде чем он добьется

[1] *Нейромедиатор* — химический передатчик импульсов между нервными клетками.

четкой схемы иннервации человеческого поведения. Поэтому он приготовил для нее мороженое из зубатки в качестве компенсации за неудобства.

Целью было выяснить, как полностью исключить из ее ментальной системы любознательность и пытливость и повысить эффективность репродуктивной функции. А вот о наиболее выгодном применении самцов еще стоит поразмыслить. Рабочая сила и деликатес — разные вещи. В зависимости от цели меняется и стратегия разведения.

Годы шли, ничего из ряда вон выходящего не происходило. Сплошная трудовая рутина. Эксперименты на животных. Изучение биохимии. Дешифровка нейронных карт. Уход за поляризаторами. Мастер-классы боевой акробатики в награду за качественно и быстро выполненный ремонт. Очередная драка с одним из сыновей Хромфи. Летальный исход. Новое ухо на поясе Героя. Лекции по военной стратегии. Волнующий эпизод с одной из дочерей-недотрог Гррафа. К счастью, в темноте и без свидетелей. Канонирская практика. Новая партия джотоков-ювенилов. Новые зубодробительные вопросы. Следующий уровень экспериментов с человеческим мозгом.

Исследования начали приносить результаты, когда Наставник расшифровал коды подавления и стимуляции роста нейронов. Оказалось весьма полезным знать, в каком состоянии человеческие нервные клетки «принимают решение» о делении. После пришло осознание, что дендритный рост поддается контролю.

Лишь однажды, и это послужило Наставнику хорошим уроком, во время эксперимента он расплатился сполна за свою кзинскую нетерпеливость. Он слишком увлекся тщеславной идеей поразить соотечественников созданным лично рабом-гением, что привело к излишку нейронных соединений в мозгу подопытного самца. Результат — гибель животного. Досадно.

Утомительную рутину изредка сменяли вспышки всеобщего ажиотажа. К примеру, пожаловавший с визитом Йао-Капитан настолько заразил остальных собственным задором, что Прайд без колебаний развернул гигантскую антенну на многие градусы от человеческого Солнца: капитану вдруг срочно понадобилось исследовать подозрительный источник гамма-излучения.

Впрочем, яркие впечатления не длятся бесконечно. Глядишь, прежняя подруга-скука вот она, тут как тут. Да, Наставник достиг весомых успехов в исследованиях, несмотря на их раздражающе медленный темп, но что за нудное занятие! Да, он набрался завидного опыта, позволявшего проводить большое количество сложных, комплексных операций на человеческом мозге, прежде чем наступала смерть испытуемого, но изощренные детали процесса выматывали его, доводя буквально до бешенства. Он уже не был уверен, что решился бы довести начатое до конца, не пообещай Чуут-Риит новое имя.

Благодарю тебя, Клыкастый Бог, за толики радости посреди бесконечной саванны уныния!

Во время второго отпуска ему удалось договориться с сиротским приютом на Дивной Тверди, чтобы без риска восполнять число подопытных приматов. Кража рабочих с военных заводов сулила смертельную дуэль, а тюремные заключенные были слишком востребованы как добыча для охотничьих утех.

Рабы-джотоки держали его мысли в постоянном напряжении. На излюбленное развлечение — карты времени совсем не оставалось. Один из джотоков создал математическую теорию, аналогов которой не нашлось бы ни в одном справочнике-накопителе. Другой добился исключительных результатов в обучении людей, управляя их болевыми порогами, что, надо сказать, прояснило довольно внушительный список загадочных моментов в функционировании человеческого мозга. Наставник и подумать боялся, каково бы пришлось ему, не будь поблизости верных и бесконечно любопытных помощников, значительно облегчавших его труд. Порой стоило лишь задать вопрос, и джоток со всей увлеченностью пускался в исследования и возвращался уже с готовым ответом. Что и говорить, раса пятилапых травоядных куда терпеливее кзинов.

Прошло десять лет с тех пор, как Наставника перевели в Третий Прайд, когда исполинский ресивер начал принимать сигналы о масштабных сражениях в человеческой системе. Битвы, сообщения о которых так разгорячили кровь обитателей системы альфы Центавра, отгремели вот уже четыре года тому назад. Но и теперь прием посланий о результатах сражения занял целый месяц, поскольку сигнал шел вместе со световыми волнами.

Четвертый и Пятый Прайды на своих отдаленных позициях тоже получали известия. Третий оставался на подступах к альфе Центавра как замыкающий тыловой хвост. Прайды лихорадочно сравнивали сигналы и обменивались недостающими обрывками, но их разделяли расстояния в световые дни, так что на сопоставление и окончательное формирование посланий уходило уйма времени.

Граффа-Хромфи новости, кажется, нисколько не удивляли. Он стоически держался, не позволяя боевой ярости вырваться наружу. Совершенно обратное творилось с Наставником.

«Кровь Жертвы» была уничтожена на одиннадцатый день сражения — сожжена дотла. Смертельно уставший, но жадно ловивший каждую сводку, Наставник был оглушен известием о смерти лучшего друга. Четыре года назад! Словно шепот предков. Словно сам он прожил незаслуженные четыре года жизни. «Я жалкий призрак», — так он думал, тут же обвиняя себя в инфантильности. Ему было невыносимо грустно. А после истинно кзинская злость завладела им. Он жаждал боя, крови. Но не с кем было сражаться. Жаждал украсить пояс ушами приматов. Но сейчас именно приматы хвастались ушами Ссиса как экзотичным трофеем.

Что-то в природе людей по-прежнему ускользало от его понимания. К клеткам Наставник вернулся в самом скверном расположении духа.

— Эй, доктор Моро! — глумилась самка с длинными черными волосами. — Когда приштопаешь мне волчью башку?

— Звельда! Вычистить клетку! — рявкнул он с акцентом. Всего-то элементарный уход за всасывающей насадкой.

— Подойди поближе, я швырну тебе дерьмо в морду!

Губы Наставника вздернулись над клыками.

— Осторожнее, я не в настроении!

— Какие новости! Мне-то что? Давай прикончи меня!

Он замурлыкал, чтобы скрыть раздражение:

— Лучше вычисти клетку, и я дам тебе мороженого.

Она завыла:

— Ты так часто копаешься у меня в голове, что я уже ничего не соображаю! Мороженое! Ты хоть что-нибудь понимаешь? Открой клетку, и я тебя убью! Знаешь, что происходит с женщиной, которой вырезают мозги? Все эмоции нару-

жу! Она теряет контроль! Становится животным! — Самка схватилась за прутья и зарычала, заскрежетала зубами.

Дети-сироты в соседних клетках принялись плакать. Но с ними проще сладить, чем со взрослыми особями, пусть и не военными.

Итак, очередной провал. Она пребывала в ясном рассудке, и единственным очевидным результатом экспериментальной работы с нею стала ярость, неугасимая и едва ли поддающаяся контролю. Эти человеческие самки цеплялись за свой разум как за спасительную щепку даже после радикального хирургического вмешательства. А когда Наставнику удавалось полностью избавить подопытных от каких-либо признаков интеллекта, те демонстрировали тяжелую, потрясающую своим уродством поведенческую аномалию.

Однажды он попытался исключить из ментальной картины любопытство, но женщина впала в крайний идиотизм и без конца задавала вопросы, совершенно безразличная к ответам. В результате другого эксперимента самка обзавелась исключительной рассудительностью, полностью лишившись здравого смысла. Обратившись к биохимии, Наставник сосредоточился на способностях к обучению, но это привело лишь к развитию апатии у приматов, и тогда кзин обнаружил, что апатия и лень имеют много общего. Апатия вела к снижению интеллекта и всех остальных жизненно важных функций тоже. Стремление к познанию окружающего мира, с другой стороны, интеллект развивало, но смогут ли кзины получить от этого хоть какую-то пользу?

По-прежнему ускользал некий ключевой момент.

— Тебе же нравится мороженое. — Он твердо решил держаться, надеясь, что Звельда опомнится и приберет в клетке.

— Лучше втяни мое дерьмо через нос!

Разве это заявление разумного существа? Тупик. Он ведь мог доставить ей радость. Мороженое — награда за проявленное усердие. Но похоже, стимул больше не являлся действенным. Может быть, самка перестала понимать, что такое мороженое? Может быть, эмоции справятся там, где отказывается работать разум? Кзинррет всегда отзывались на проявление чувств. Но что способно доставить Звельде счастье, с тех пор как она впала в эту бесконечную

ярость и даже слышать Наставника не может? Победа? Может быть.

Победа вызывает бурю радостных переживаний, заставляет мурлыкать без остановки. Кзины и похожие расы наслаждались вкусом победы.

— Прямо сейчас животные твоего вида совершенно счастливы, а я скорблю, — начал Наставник.

— Счастливы?! — насмешливо взвизгнула Звельда. — Дай ткну тебе пальцем в глаз! Вот тогда буду писать от радости! — Она дернула прутья решетки, зарычав по-немецки: — Чертов вонючий кошак! От тебя несет! Ссаный кошак! Иди помойся!

Наставник попытался успокаивающе погладить Звельду, но та только изо всех сил ударила его по пальцам.

Поразительные перемены. Когда эту самку доставили, она была тихой и скромной, с готовностью отвечала на проявления ласки. Наставник даже решил на радостях, что в ее случае понадобится лишь незначительная коррекция. Но, судя по всему, хирургические опыты сняли всякий интеллектуальный контроль над дикими инстинктами. Головоломка. Скрепя сердце он удалил свою недавно созданную теорию о ключевых механизмах работы головного мозга человека.

Интересно, насколько пострадала способность Звельды оперировать абстрактными понятиями? Она ведь не смогла выстроить связь между победой и удовольствием.

Стараясь выговаривать слова на языке приматов с таким усердием, с каким не общался даже с матерью, Наставник попытался еще раз:

— Приматы уничтожили наш флот на подступах к Солнцу. Доблестные воины погибли ужасной смертью. Поэтому ты счастлива, а я в глубоком горе.

— Солнце?! — Звельда забилась в истерике, зашлась воем. Еще одна странная деформация. — Наши выпрут вас вон... — Тело сотрясалось от плача. — Вы, поганые шлюшки собственных отцов... — Речь прерывали всхлипы. — Вы у Солнца?

— Мы пошлем другой флот.

Похоже, урон мозговым центрам самки был нанесен куда больший, чем предполагалось. Кажется, все эмоции проявили себя разом, в полном беспорядке. По щекам женщи-

ны бежали ручьи горьких слез, но ее зубы были обнажены — проявление почти кзинской ярости. Некий древний, бессознательный инстинкт пробивался сквозь заслон ментальных надстроек.

— Убить! Убить! Убить! — визжала Звельда, похоже исполненная радости и счастья.

Грохотали прутья клетки, плакали дети.

Пришлось применить транквилизатор, а позже попытаться исправить ошибку, восстановив нервные клетки в тех областях, откуда они были удалены. Это не сработало. Звельда оказалась в коме. Благодаря медроботу жизнь еще теплилась в ней, но она не отзывалась ни на один внешний стимул, не могла следить за собой или самостоятельно кормиться. Пришлось раздать мясо сыновьям Хромфи за хорошее поведение. Правда, голову Звельды Наставник сохранил: нарезал слоями мозг и занес схему расположения нервных структур в свой справочник-накопитель, надеясь, что придет день, когда он наконец поймет, где же так грубо просчитался.

Кроме того, он не смог удержаться и срезал одно ухо самки как трофей. После катастрофического поражения Четвертой флотилии ему требовалось ухо примата на поясе.

Все чаще он думал о матери. Раньше он воспринимал ее как совершенно неразумное создание. Любая идиома в Наречии Героев обязательно имела отношение к умственным способностям кзинррет, если речь шла о глупости. Когда один кзин говорит другому: «Ты просто кзинррет», это значило: «Ты безмозглый идиот!»

И все же... Попытка воспроизвести эту легендарную глупость у самок приматов привела лишь к исключительной поведенческой аномалии.

Со всей накопившейся яростью, вызванной поражением кзинской армады, Наставник двинулся на штурм неразрешимой, казалось, проблемы, что буквально терзала его. И все время вспоминал мать. То, как часто она спасала ему жизнь.

Ошибки, допущенные во время исследований, обескураживали. Пришлось углубиться в подробное изучение самого понятия «интеллект». Похоже, всякий раз, когда кзинррет опасалась за жизнь своего котенка или отчаянно его защи-

щала, она действовала, не просто повинуясь бессознательному инстинкту. Чтобы делать то, что она делала, наличие разума просто необходимо.

Но ведь это невозможно. Вновь Наставник припомнил трогательный эпизод, когда грациозная Хамарр самозабвенно сжевала книжку.

Прекрасные души даровал Клыкастый Бог первым кзинррет. Но в решающей Битве Голодных Лет они предали Бога и своих самцов, оставшихся верными служителями. Бог отнял у самок души, а их тела отдал во владение самцам, чтобы раса процветала. Так говорили легенды, предания о событиях, случившихся до зарождения науки или письменности. Но что же тогда произошло в действительности? Что потеряли первые кзинррет при Битве Голодных Лет, если не собственный разум?

Любовь Наставника к матери была очевидным, не подлежащим сомнению фактом, какой бы Хамарр ни была. Но какой же она была на самом деле — наука молчала. Хамарр редко говорила, а когда говорила, пользовалась лишь элементарным Наречием Самок, ограниченным восьмью октавами слов. Разве можно считать животное разумным, если оно даже разговаривать толком не способно?

Глава 19
(2414–2419 н. э.)

— Что же мы медлим! — Наставник угрюмо привалился к овальному проему переборки, пытаясь совладать с гневом. В условиях слабой гравитации приходилось держаться за поручни.

Его рык прервал трескотню джотоков, и те поспешили заняться делами, чтобы порадовать хозяина. Некоторые удалились в спальные ящики и там затаились.

Наставник изнывал от желания отправиться к человеческому Солнцу с карательным рейдом. Десять лет ожидания и строительства! Наступила пора возмездия! Гормоны требовали вымещения героизма на толпах разъяренных врагов. Он старательно, послушно ждал, ждал, ждал, а лучшего применения клыкам все не находилось, кроме как грызть точильный кусок выдубленной кожи в крошечной каюте.

Он маялся. Одолело беспокойство. Кровь кипела, отчаянно требовала действий...

Однако у неумолимого, непреклонного, сохраняющего спокойствие Чуут-Риита, видимо, имелись собственные взгляды на сложившуюся ситуацию. Ожидание на самом деле не ожидание, заявлял он. Ожидание — это план. Масштабы поражения, похоже, нисколько не сказались на его способности трезво и здраво рассуждать. Да не лишится Клыкастый Бог терпения, глядя на подобное бездействие!

На одной из лекций Грраф-Хромфи сообщил, что Адмиралтейство Дивной Тверди производит переоценку ведущей стратегии. Чуут-Риит со всем цинизмом ожидал поражения Четвертой флотилии, но также рассчитывал, что нападение кзинов посеет панику среди людей и серьезно ослабит их военную мощь. Ныне Чуут-Риит требовал еще несколько лет приготовлений. Центаврианскую промышленность необходимо было вывести на уровень, когда она сможет обеспечить бесперебойное межзвездное снабжение армады. Кроме того, Верховный Командор ожидал, что за это время подрастет свежее пополнение для рядов Героев, которые отправятся в поход.

Третий Прайд продолжал разведку Солнечной системы, получая сигналы через далекие антенны Первого и Второго. Они оставались возле Нептуна, до сих пор не обнаруженные, как и четыре с небольшим года назад. Вели неусыпное дежурство, следили за Солнцем Людей — всего лишь самой яркой точкой среди россыпей звезд.

Сигналы шли с помехами; их пропускали через фильтры и анализировали специалисты разведки альфы Центавра. Размытые снимки базы ОНКФ на Гибралтаре. Нечто напоминающее флот, курсирующий в астероидном поясе. Новые точки на поверхности Меркурия. Следы поисковых спутников, сканирующих космическое пространство. Обрывки переговоров на гражданских радиоволнах, позволяющие судить о нравах человеческой цивилизации. Все более подробные карты земных городов.

Наставник обычно лишь бегло просматривал подобные снимки. Их было слишком много. Один из самых первых, грубый и единственный в своем роде, зафиксировал сборку некоего аппарата среди астероидов. Судя по масштабным меткам, он был огромен, но с массой, обратно пропорцио-

нальной величине. Бо́льшую часть конструкции составляла хрупкая магнетическая воронка: обычный человеческий «поршень-ковш». Гражданское судно. Посмотреть и забыть. Наверное, подготовка дипломатической миссии к одному из местных союзов.

Несколько месяцев спустя случилась новая вспышка беспокойства: теперь «поршень» был оснащен внушительными водородными цистернами и, собственно, взял курс на альфу Центавра! С какой, скажите, целью?! Наставник обратил внимание на переполох только потому, что Гграф-Хромфи воспользовался случаем и устроил лекцию на тему человеческих технологий. В течение следующих пяти лет он и не вспоминал об этом эпизоде. Едва покинув лекторий, тут же о нем забыл. Дел хватало: заболел джоток и сулила безнадежный проигрыш жаркая карточная схватка с Длиннолапом.

За эти пять лет новая флотилия выросла вдвое. Благодатная почва для семян раздора, охватившего вассалов Дивной Тверди. О подобных масштабах не помышлял даже Чуут-Риит, пока эти семена сеял. Вспышки боевой ярости, распри и стычки всегда там, где требуются сверхусилия, и среди рабов, и среди самих Героев. Долгий Мир требует серьезных жертв. *Таков порядок. Мир невозможен без войны, ему предшествующей.*

Наставник-Рабов открыл золотоносную жилу. И она приносила не деньги, а выгодные связи и расположение. Его рабы-джотоки поражали своими умениями в ремонтном мастерстве. С ними никто не мог сравниться. Так что дело оставалось за малым.

— Кр-Капитан, теперь ваш «Окорщик» в полном порядке. Но если позволите, могу предложить кое-какие модификации, которые только улучшат ходовые качества.

Освобождая от пут запуганную з'анью, которой предстояло стать их обедом, Наставник сделал паузу, давая собеседнику время поразмыслить над его предложением. Нестандартные изменения запрещались. Кр-Капитан оторвал кусок мяса под мучительный вопль животного. Если ответа не последует, Наставник больше не поднимет вопроса о внеуставных модификациях.

— Согласен на любые предложения. — Рот и клыки капитана были измазаны кровью.

— Разумеется, любое изменение обратимо.

— Отличный способ одурачить дерганых бюрократов.

— И очень эффективный, если в критических обстоятельствах нестандартные запчасти вдруг окажутся недоступны.

— Когда вы сможете приступить к работе?

Чтобы избежать хаоса в поставке снаряжения, стандартизация была проведена единожды и навсегда еще на заре Патриархата. Все улучшения, по директивным предписаниям, назначались только на центральной планете кзинов. Но в империи досветовых скоростей, диаметр которой составляет шестьдесят световых лет, новые стандарты распространяются медленно.

Поэтому все гениальные замыслы, порожденные нуждой на каком-нибудь местном поле боя, были обречены пылиться в виде пробных чертежей. Ведь сначала нововведение должно быть одобрено на столичной планете. После протестировано чиновниками, которые помышляли о себе как о главной вехе любой модернизации и гордились своим ограниченным числом. Если идея выдерживала все испытания, то ей предстоял долгий путь в десять, а то и пятнадцать поколений, прежде чем новый стандарт утверждался Верховным Адмиралтейством, и не потому, что там сплошь дряхлые тугодумы, а потому, что скорость прохождения света от звезды до звезды была слишком невелика.

Тем не менее многие рожденные в битвах идеи все еще дремали в разрозненных архивных уголках интерактивной сети справочников-накопителей. Чтобы найти их, требовались недюжинные усилия и цепкий ум для понимания, что именно требуется, и основательная инженерная подготовка — для осознания, что является возможным, а что нет. Фанатично преданные техники-джотоки также приветствовались.

«Окорщик мартышек» был штурмовиком-разведчиком с экипажем из троих кзинов. Он находился на довольно солидном расстоянии от «Уха Шеррека», на испытаниях нелегального оборудования, когда пришло срочное сообщение: «Окорщик. Окорщик. Окорщик. Запись. Запись. Запись». Кр-Капитан, сидевший у дельтаобразной консоли управления, включил записывающее устройство трансмиттера. Наставник-Рабов в это время разбирался с детекто-

ром, а Длиннолап неуклюже расположился в кресле стрелка, таращась на приборы. Он должен их чинить, а не соображать, как с ними управляться.

«Получить и выполнить. Временна́я задержка не допускает возможности подтверждения. Повторим сообщение. Приближается „поршень-ковш". Перехватить и уничтожить. „Окорщик" — единственный боевой корабль поблизости. Повторяем: перехватить и уничтожить. „Поршень" приближается гораздо быстрее, чем предполагалось». Посыпались числа: «Цель видим на расстоянии три квадратных октала световых дней. Настоящая позиция: проходит А-звезду, возможно, миновал ее силовое поле. Столкновение со звездой А допустимо. В этом случае прекратить перехват. Примите координаты для начала операции».

Была сообщена позиция, как раз на прямой линии между человеческим Солнцем и альфой Центавра, на окружности альфы А в точке тридцать градусов к северо-востоку от базовой долготы, идущей через звезду кзинов.

Если «Окорщик» не успеет осуществить перехват за сорок семь часов, корабль людей ускользнет.

«...В случае если вы не вооружены. Решение о самоуничтожении на ваше усмотрение. Повтор сообщения. „Окорщик". „Окорщик"...»

Взволнованный, Кр-Капитан поспешно развернул внешнюю антенну в сторону «Уха Шеррека»: «Подтверждаю. Подтверждаю. Перехват осуществить. Подтверждаю. Подтверждаю. Выхожу на позицию». Он выключил комлинк — слишком велико расстояние, чтобы поддерживать связь, — снял инфоскопы и окинул взглядом звездное пространство, пока разворачивал штурмовик к линии, соединявшей человеческое Солнце и альфу А, теперь разъединенные лишь семью градусами.

— Мы почти на месте. Аж шерсть дыбом. Надеюсь, ваш усовершенствованный поляризатор все же выдаст ускорение в квадратный октал. Что за стондат этот «поршень»!

— Эй, две ракеты! — выдала Короткая рука Длиннолана, ознакомившись с инструкцией по комплектации корабля.

— Ракеты-зонды, — рыча, отозвался Кр-Капитан, недовольно свешивая язык, — для разведывательных целей!

Наставник неожиданно вспомнил лекцию Хромфи пятилетней давности.

— Я знаю, что такое «поршень».

— Прекрасно. Можем уничтожить? Мы ведь безоружны.

Штурмовик достиг ускорения шестьдесят три кзинских g, хотя пройдут еще часы, прежде чем альфа Центавра поползет по небосводу. Кр-Капитан занялся вычислением орбит на дисплее. Штурмовик пересечет путь полета человеческого корабля под углом девяносто градусов.

— Времени у нас достаточно, чтобы сбросить скорость и затормозить прямо у них перед носом. Останавливаться или облететь на бреющем?

Все, чему учил Хромфи, внезапно всплыло в голове Наставника. Думай, прежде чем прыгать.

— Остановимся, если сможем. Должны попытаться. При нашем векторе скорости нельзя пересекать линию следования под подобным углом.

Видавший виды лекторий на «Ухе Шеррека». Запах бериллиумовых макетов и старого меха. Примесь влажного аромата водорослей. Лекторий пять лет назад. Хромфи, все тот же невозмутимый тиран с всклокоченной гривой. Голограмма «поршневого ковша» плавает с одной стороны, а с другой своей шамбуковой указкой с наконечником из резца косоклыка в нее тычет Грраф, а потом — в животы особенно невнимательных слушателей.

— Нам неизвестны их цели, — прозвучал голос из прошлого. — Может, просто принюхиваются по нашим окраинам. Совершенно очевидно, что боевой мощи для полноценной атаки им не хватит.

Наставник прикидывал в умс: до сих пор ли это так? Но ни к какому выводу не пришел.

— Отбиться они не смогут.

«Да, — думал Наставник, — единственная их защита — скорость. Побегут, как бесклыкие травоядные».

— Самый любопытное, что Космический Флот Объединенных Наций по-прежнему не нашел возможности изобрести гравитационный поляризатор. Равно как и четыре года назад. С другой стороны, люди бы не тратили средства на столь громоздкий, но медлительный корабль. Вот эта магнетическая воронка реактивного двигателя предназначена для сбора водородных соединений из космического пространства. Кто-нибудь из присутствующих способен назвать главный минус данного агрегата?

В лектории воцарилась тишина. Подобная сегодняшней тишине на пути к точке перехвата сквозь безмолвный космос.

Наставник припомнил, как заявил, подтрунивая:

— Спросите у Длиннозубого. Он знает.

Длиннозубый-Сын Гграфа-Хромфи вздрогнул от неожиданности: его вырвали из мира грез.

— Почтенный патриарх, «поршневой ковш» слишком медлителен.

— Его ускорение слишком незначительно, — поправил отец. — Почему же?

Длиннозуб смерил Наставника испепеляющим взглядом за то, что тот втравил его в обсуждение.

— Недостаточно запасов водорода.

— Насколько?

— Господин! Я не знаю.

— Наставник-Рабов?

— Прошу, примите мои извинения, если я не прав. Отсюда до человеческого Солнца плотность водородных скоплений достигает от одного квадратного октала до четырех квадратных окталов водородных единиц на горсть космического пространства.

Хромфи проткнул голограмму наконечником указки прямо перед мордой Наставника. Желоб магнетической воронки был увешан связками круглых цистерн.

— Им требуются вот эти огромные водородные баки, чтобы поддерживать работу реактивных двигателей, поскольку на низких скоростях много водорода не соберешь. Баки будут отброшены, едва корабль достигнет достаточной для сбора нужного объема водорода скорости. — Тут Хромфи насмешливо осклабился. — На высоких скоростях им тоже несладко, несмотря на то, что магнетический коллектор едва ли не того же размера, что личные охотничьи угодья Патриарха. Их максимальная скорость — четверть световой, и то лишь при наличии прямоточного реактивного двигателя. Более сложные конструкции обречены на весьма серьезный барьер релятивистского эффекта. Сомневаюсь, что им удастся превысить скорость вполовину световой.

И ты был не прав... «Окорщик» шел на перехват корабля приматов, приближавшегося почти со скоростью света.

— На действительно высоких скоростях им придется решить задачу утилизации протонных космических лучей. Неприятная диета, скажу я вам. — Грраф задорно прянул ушами, добавив, что таковой она покажется всем травоядным.

...Да, только приматы как-то выкрутились и даже преуспели, перейдя на этот грозящий летальным исходом рацион.

— Таковы технические детали, и, полагаю, детали несложные. «Поршневые ковши» весьма примитивное решение для космоплавания, поэтому мы не используем их да и с подробными чертежами незнакомы. Основная проблема не в создании, а в самой идее. Магнетическая воронка не способна на существенное ускорение по причине огромного потребления топлива и потому, что реактивные двигатели производят инерционное ускорение. Для чего создавать водородный заборник, если максимум, что он может выдать, это одна g инерционного ускорения?

Но как же пять g... Год за годом...

Хромфи не упомянул то, что знали все: кзинский штурмовик с парящим в кабине пилотом достигает ускорения шестьдесят единиц гравитации. Выход на максимальную скорость займет пять дней.

— Сколько времени потребуется этому забавному «ковшу», чтобы достичь шести восьмых скорости света?

— Шесть месяцев? — рискнул предположить откровенно скучавший офицер. Рискнул прежде, чем подумал.

— Более восьмидесяти лет, и бо́льшую часть времени он проведет на низких скоростях. А когда достигнет альфы Центавра?

— Ко времени, когда Пятая флотилия оккупирует Землю, — заявил Длиннозубый с усмешкой, не предвещавшей ничего хорошего несчастным мартышкам.

Но они уже здесь, а Пятая флотилия даже не выступила в путь...

— Весьма справедливо подвергнуть расчетам возможности этого корабля. Потому что это снимок четырехлетней давности.

Им понадобилось всего девять с небольшим лет, чтобы добраться сюда...

— Да, воронка уже миновала позиции и Первого, и Второго Прайдов. Но все это время (сообщениям от пере-

довых Прайдов понадобилось четыре и три десятых года на путешествие к альфе Центавра) люди будут еще слишком близки к своей системе, то есть в самом начале пути. Не думаю, что стоит рассматривать эту экспедицию как угрозу нашей безопасности. Робот-разведчик следит за «ковшом», это наш долг, но сомневаюсь, что мы когда-либо еще услышим о нем снова. Еще на подступах к альфе Центавра люди потеряют ускорение и отправятся болтаться по бескрайним просторам космоса. До нас так и не добравшись.

Итак, даже Грраф-Хромфи способен на фатальную ошибку.

Наставник-Рабов провел необходимые вычисления в справочнике-накопителе детектора. Робот-разведчик обнаружил след «ковша» двести световых дней назад. По-прежнему на годы раньше, чем предполагалось. Это означало, что максимальная скорость корабля гораздо выше той, которую полагали возможной кзинские инженеры.

Кр-Капитан закончил с расчетом траекторий и включил автопилот. Выход к нужной точке через двадцать три часа.

— Приказано применить творческий подход.

Он имел в виду, что на штурмовике отсутствовали боеприпасы как таковые.

— Самый лучший младший механик во Вселенной сейчас рядом со мной, — ответил Наставник.

— И как же мы покончим с этой летающей дрянью?

— Может, и не придется. Хромфи говорил, что приматы не могут выжить при таких скоростях. Бомбардировка космическими частицами.

— О, ну тогда пожалуй старикану ухо, — отозвался капитан с сарказмом. — Зачем нам вступать в бой, если мартышки уже трупы! Отличная идея, только как бы они не повыскакивали из погребального костра! — Он разразился плевками и рычанием. — Примем за данность, что у них есть гравитационный щит и они все еще живы!

— Гравитационный щит — это то же самое, что и гравитационный поляризатор. В таком случае им бы не понадобился «поршневой ковш».

— Что еще за ковш?

— Магнетическая воронка, такой черпак, который собирает водород прямо из космического пространства и пере-

рабатывает его в гелий, необходимый для термоядерной реакции в двигателе.

— И что, мартышки бросятся к амбразурам и забросают нас стрелами? — Капитан насмешливо хлопнул ушами.

— Вероятно, магнитное поле их защищает, — предположил Длиннолап одновременно двумя «руками».

— Раб! Заткнуться! — рявкнул Кр.

— Он играет в карты? — прошептала одна «рука» в опущенное ухо Наставника.

— Смотри не слопай кресло, на котором сидишь, Длиннолап. Мне скоро потребуется вся твоя смекалка.

Обиженный, Длиннолап плюхнулся обратно на рот и пустился в ворчливое бормотание с самим собой на тему, какой он замечательный стрелок. Возник горячий спор между конечностями: какая будет главной в управлении ракетами-зондами?

— Полет заканчивается прямо за звездой А, — заметил Наставник. — Приматы будут уже мертвы. На таких расстояниях звездный ветер особенно жесток. Он разорвет их на части, подобно клыкам твоего отца.

Кр-Капитана эти рассуждения, похоже, убедили слабо, так что Наставник решил использовать аналогию с виртуальным приключением из симулятора, которое они проходили вместе:

— Это все равно что ураганный ветер, рвущий паруса.

Кр недовольно обнажил клыки. Ему не нравилось вспоминать о том виртуальном жутком мире, сплошь укрытом водой. Пятеро Героев, севших на мель во время сражения, на шлюпке улепетывают, что есть сил, от приближающегося тайфуна. До сих пор Кр не мог прийти в себя от пережитого кошмара.

— Дважды не повторяю! Будем действовать, исходя из предположения, что мартышки живы, ты, жалкий паразит, пожирающий плоть дохлого стопдата!

— Как прикажешь, отважный Герой!

— Так как мы их прикончим? Это была твоя идея забрать лучевую пушку на испытания!

Мысль о том, что на борту отсутствует оружие, приводила Кр-Капитана в ярость. Даже жалкой ядерной ракеты нет!

— Мне обшивку кинжалом-втцай ковырять, пока они мимо пролетать будут?!

— Боевая кушетка крайне неудобна, уважаемый Герой, — буркнула Короткая «рука».

Общение с самим собой невероятно обогащало новыми идеями. К такому выводу пришел Длиннолап и немедленно добавил:

— Бросим в них кушеткой!

— Молчать! — взревел Кр.

Наставник озирался вокруг в поисках предметов, которые можно было бы пустить в ход.

— Нам бы пригодился золотой песок, но твой доблестный втцай и в одиночку справится даже с самым могучим кораблем приматов!

Длиннолап выдал великолепную имитацию кзинского шипения, подражая глубокому вдоху.

— Мы оставим нашего доблестного Героя на пути корабля, потрясать своим втцай. Он прыгнет, — заявила Короткая.

— И ударит кинжалом! — выкрикнула Пятнистая, и все пять конечностей хором принялись изображать боевые кзинские рычания и плевки.

Тонкая нафосно, нараспев завершила повествование:

— В тот же миг вражеский корабль расщепило на мелкие частицы в пламени великого позора! И еще долго после боя Кр-Герой излучал пурпурное сияние, польщенный официальной похвалой Патриарха!

Быстрая «рука» ухватилась за поручень на спинке кресла Наставника на случай, если тому придется защищать Длиннолапа.

Обнажив клыки, Кр-Капитан оглядел своего кзина-компаньона, скорее желто-рыжего, чем рыже-красного:

— Где ты откопал этот мясной пятиугольник?

— Мы вместе с самого Хссина. Он действительно великолепный механик.

— Ну что ж, полагаю, мы пришли к согласию, — проворчал Кр. — Некий массивный объект покинет этот борт.

— Можно обойтись и меньшим весом. Если распылить на пути приматов частицы золота, каждая крупинка обзаведется энергетическим потенциалом среднего ядерного взрыва, — заметил Наставник.

Кр-Капитан не поверил. Кзины не привыкли к боевым маневрам на релятивистских скоростях. Но, проведя необходимые вычисления, он пришел в сущий восторг:

— Немного пыли — и настоящий ядерный гриб! Здорово.

— Не все так просто, — простонала Большая «рука».

Длинполап посовещался сам с собой.

— Дело тут не в высокоскоростном кинетическом импульсе, — констатировала реально смотревшая на вещи Быстрая.

— Мы стоим на грани неизведанного, где интуиция теряет всякое практическое применение, — заключила Короткая, отличавшаяся широким кругозором.

На релятивистских скоростях кинетический импульс превращается в ливень космического излучения.

Уже невооруженным глазом можно было наблюдать, как альфа Центавра ползет по небосклону в сторону Солнца Людей. Сквозь усиленное поле поляризатора свет звезд казался неестественным. «Доблестный стрелок» Длинполап занялся нехитрым делом: снял камеры с ракет-зондов. Затем соорудил из подручных средств пару боеголовок: в ход пошли баллоны с кислородом, половина питьевых запасов и несколько граммов карбида вольфрама в виде шлифовального порошка из собственного набора инструментов.

«Окорщик мартышек» нес на борту большое количество всевозможных сенсоров. За семнадцать часов до выхода к точке назначения пошли сигналы о приближающемся «ковше», чья кажущаяся скорость сейчас составляла сто двадцать световых. После электронного увеличения было получено изображение в перспективе. Но «ковша» на нем не было. Экипаж штурмовика был повергнут в шок. Наставник предположил, что приматы просто сгорели, проходя слишком близко от альфы А, но, когда бортовой накопитель повернул изображение под другим углом, обнаружилось, что воронка просто свернулась, так что ее магнитное поле теперь выполняло лишь функцию защиты экипажа. Войдя в зону притяжения альфы Центавра, приматы всего лишь «свернули паруса»!

Выйдя к точке перехвата, «Окорщик» навел и выпустил ракеты-зонды навстречу кораблю ОНКФ, уже заслонившему человеческое Солнце. Боеголовки должны были рассеять убийственную взвесь кислорода и оледенелого вольфрама. Затем штурмовик помчался по траектории полета «ковша», сливая гелиевый охладитель, запасы азота, аргона

и, для пущего эффекта, опустошив баночку гигиенической пудры, которую Кр-Капитан использовал для ухода за шерстью. На полной скорости штурмовик развернулся и, притормозив, взял в сторону; для безопасного обзора происходящего. Наставник настраивал уцелевшие камеры.

— Они же запросто обогнут взвесь! — с сомнением буркнул Кр-Капитан, настоящий эксперт по маневрированию на сумасшедших ускорениях шестьдесят g.

— Они ничего не видят. Курс отслеживают лазеры. Даже крошечный зазор толщиной в кзинский ус спровоцирует огромное боковое давление. У них нет технологий для его компенсации. Они обречены!

Теперь Героям оставалось лишь ждать. Величайший долг воина. Уметь ждать.

Полчаса спустя безымянный «ковш», чья миссия до сих пор оставалась загадкой, пронесся мимо столь стремительно, что наблюдатели даже не успели осмыслить происшедшего.

Первая ракета прошла мимо цели.

Вторая задела край воронки, превратившись в ядерное облако, в ионного джинна, который обрушил огненный кулак на «ковш», но промахнулся. Слишком поздно, слишком медленно.

Корабль приматов принялся утюжить взвесь-ловушку. Магнитное поле сотрясали перегрузки, оно оказалось бессильно перед россыпью частиц и сгустками кислорода. Сверхпроводники перегрелись. Электрическое сопротивление начало плавить обшивку корабля...

Тем временем водород и кислород, вольфрам, гелий, азот и аргон, даже пудра Кр-Капитана превращались в крошечные сверхплотные атомные снаряды, проникавшие всюду: сквозь перегородки, по воздуху, по системам жизнеобеспечения, оседали внутри инструментов, в белковых соединениях, в фузионном двигателе, утяжеляли свинцово-вольфрамовые радиационные щиты... Любое доступное для атома пространство смертельная масса заполняла немедленно. И более не выходила наружу, оставляя после себя лишь ионный след.

Отдельный пучок космических лучей ударил в массивный сердечник «ковша», рассеивая, кроша его на мелкие фрагменты. Мезоны вспыхнули гамма-лучами и дали рож-

дение мюонам. Мюоны прожили недолгую ленивую жизнь и погибли. Возникли позитроны. Рождалось в муках антивещество. Частицы сердечника брызнули в стороны, отчаявшись вернуть равновесие. Нейтроны ринулись в космическое пространство.

Но борта разрушала именно энергия базовых электронов. Корабль был беззащитен перед атомной бомбардировкой, но для электронов оставался непроницаем. Однако при столкновении последних с обшивкой их кинетическая энергия тут же преобразовывалась в тепло.

Вспыхнуло яркое пламя, впрочем, его погасила почти световая скорость корабля. Доплеровское излучение вошло в красный спектр. От двигателя не осталось ничего. Но инерция безжалостна. То, что двигалось, продолжало двигаться.

Отныне корабль ОНКФ был обречен на бесконечное путешествие по Вселенной в виде плотной связки космических лучей, постепенно разваливаясь на части под воздействием межзвездного эфира, газовых скоплений и частиц космического мусора. Миллионы лет спустя в какой-нибудь отдаленной галактике ученые отметят любопытное увеличение плотности потоков элементарных частиц в непримечательном квадранте ночного неба. И создадут теорию о высокой концентрации металлов в космических лучах.

Вернувшись на «Ухо Шеррека», экипаж «Окорщика» узнал о цели человеческого корабля: бомбардировка. «Ковш» выстрелил с огромного расстояния. Каждая релятивистская «дробина» несла ядерный заряд.

Иными словами, удар был запланирован. А точность приматов-канониров приводила в ужас. Арктические зоны были изрешечены, и только чудом обошлось без жертв: в этих регионах никто не жил. Удар по кзинской базе привел к гибели четырех тысяч Героев. Огромные потери понесли рабы-люди, из которых лишь пять процентов имели отношение к военной структуре кзинов. Промах пришелся по океану, вздыбив приливную волну, смывшую четыре прибрежных города.

Кр-Капитан рвал и метал:

— Почему мы не засекли их прежде, чем они атаковали?!

Увы, воинам не стоит забывать о переменчивости фортуны. Только Черные Прайды располагали оборудованием

для дальних разведывательных операций. «Ухо тигропарда» Четвертого Прайда и «Нос Патриарха» Пятого заметили электромагнитный след «ковша» прежде остальных. Но оба корабля находились в двух световых днях пути от трассы следования вражеского корабля. Сообщения, обычно посылаемые в световых волнах, не успели бы достичь альфы Центавра и предупредить об угрозе, и даже самые быстрые истребители не смогли бы перехватить корабль приматов. «Ковш» был тут как тут почти сразу же после обнаружения его электромагнитного следа.

Крейсер Хромфи, пусть и заслоненный альфой Центавра, с бомбардировщиком ОНКФ разделяли только восемь световых часов. Но даже в этом случае перехват представлялся практически невозможным, если бы не счастливая случайность в виде «Окорщика», проводившего испытания оборудования неподалеку от пути следования людей.

Грраф провел лекцию по разбору ошибок. Думайте, прежде чем прыгать. Врага не стоит недооценивать. Хромфи был крайне зол на самого себя, поскольку полагал, что половина скорости света — это максимум возможностей человеческих «ковшей». Ярость настолько переполняла его, что он провел целый день на тренировочной арене, чтобы дать себе разрядку, принимая все вызовы без исключения.

Лишь несколько месяцев спустя выяснилась и тайная цель бомбардировщика. Когда был предательски убит Верховный Командор-Завоеватель.

Глава 20
(2420 н. э.)

Второй-Дежурный-Офицер немедленно вызвал Хромфи, выдернув того из тревожного сна. Грраф не превращал жизнь подчиненных в сущий кошмар, если они осмеливались потревожить его покой. Герой на посту обязан разбудить мертвого, если от этого зависит судьба Патриархата. Командор Третьего Прайда явился на мостик взъерошенный, в одних тапочках, ворчливый, но не злой.

К расшифровке приступили сразу. Небольшой объект возник из ниоткуда в области Р'айи в Гареме-Клыкастого-Бога — в Плеядах. Всего в нескольких световых часах пу-

ти. Исключительно аномальный пульс гравитации. Забили тревогу. Объект нес в себе источник нейтрино.

Новая головоломка.

Комплектация Третьего Прайда была на стадии завершения. Командор Хромфи приказал снарядить разведывательную группу. Если загадочное излучение исходит от небольшого судна, он желал, чтобы его захватили и доставили для исследования. Быстро. И невредимым.

Для миссии он отобрал тех, кому мог доверять: старого, убеленного сединами воина, пилотировавшего истребители, еще когда Чуут-Риит был котенком; угрюмого варвара с Хссина, обожавшего выковыривать мясо из зубов и старательно почесывающего макушку, прежде чем прыгать, и своего самого многообещающего сына.

Так что их тоже разбудили раньше времени. Каждый поспешно нацепил на переносицу инфоскопы, чтобы ознакомиться с указаниями.

— Неприятеля обезоружить. Не уничтожать! — рычал Хромфи. — И покуда вы еще слушаете, предупрежу. — Он перешел к угрожающим звукам Наречия Героев, что заставило слушавших трепетать в предвкушении. — Приборы показывают, что корабль появился из ниоткуда. Приборы легко обмануть. И лучшие кзинские умы ошибаются, как ни прискорбно. Тем не менее, пусть и звучит абсурдно, будьте готовы, что в случае опасности объект исчезнет так же неожиданно, как и появился. Поэтому нападайте немедля! Выводите из строя как можно скорее! Пленных брать! Если корабль беспилотный, доставить компьютер для изучения!

После Хромфи связался с командным центром эскадрильи истребителей — убедиться, что те обеспечат поддержку. Он хотел учесть все, что только можно.

От аппарата пришельцев, маячившего на экранах, буквально несло чужеродностью. На границах Патриархата такие инциденты особенно опасны. Но как свести загадочные события в единое целое? Припомнились деревянные головоломки Жрецов Загадок В'ккая. Восьмью разными способами соединялись части головоломки, и только один был верным.

Между тем решения принимались задолго до того, как укладывались должным образом разрозненные части загадки.

Как сумел этот невероятно быстрый «ковш» высадить шпионов? При этом, похоже, не прибегнув ни к одной из известных тактик торможения. При скорости на грани световой любой спускаемый аппарат приобретет потенциал бомбы, способной превратить в пыль целый континент. К тому же невозможно пропустить его энергетический след. И как лазутчики сумели пройти охрану Чуут-Риита и блокировать двери яслей, так что Верховный Командор оказался бессилен помочь пищащим от голода котятам? Магия? Разумеется, нет.

И вот теперь неопознанный корабль, испускающий уникальный гравитационный импульс. Может быть, «ковш» не высаживал десант? И на горизонте появился новый игрок? Хромфи вспомнил визит Йао-Капитана, его заразительную настойчивость... Антенну тогда развернули в сторону возможного искусственного объекта «пришельцев». Еще один кусок головоломки, торчащий не на своем месте.

Злые времена! После отбытия трех истребителей Хромфи обратился к другим проблемам, верный главному долгу воителя — терпеливому ожиданию...

...неприятностей, способных заставить Граафа-Хромфи направить Третий Прайд прямиком к человеческому Солнцу, и пусть эта безмозглая свора на Дивной Тверди захлебнется в собственной крови! Октавы благородных кзинов, роптавшие под началом выскочки Чуут-Риита, воспользовались убийством как поводом узурпировать власть. Клыки Траат-Адмирала без устали трудились в горячих дуэлях. Политический хаос.

К несчастью, провинциалы мало смыслили в вопросах чести! Они считали дуэли и власть проявлениями доблести. Смерть расценивали как шанс. И даже не слышали о верности после смерти. Об истинном проявлении чести.

Оставить их рвать друг друга на части — идея привлекательная, соблазнительная, но бессмысленная. Пятая флотилия нуждалась в Дивной Тверди как источнике снабжения. Хссин для этой цели не годился. Во-первых, расстояние, во-вторых, аборигены, которые на крови поклялись в верности центаврианским Героям.

В целом, «ковш» не нанес большого урона, но в результате сотни преданных рабов почти взбунтовались. Откровенное неповиновение распространялось подобно чуме, с тех

пор как ожесточенные схватки в кругах кзинской элиты стали достоянием общественности. Дикие особи осмелились на атаку базы Гернинга из космоса и даже вывели из строя на три дня ее сенсоры, что позволило переслать боеприпасы и продовольствие группе мятежников.

Грраф-Хромфи пребывал в дурном настроении после дипломатического визита на Дивную Твердь. Сначала он побеседовал с наиболее фанатичными из тех, кто пошел на предательство ради власти. Хладнокровно позволил им пуститься в обвинения и претензии, в справедливости которых они не сомневались, потом вызвал на поединок за клевету и прикончил. После трех демонстраций истинной сути чести остальные осознали всю важность аккуратного и взвешенного оперирования фактами и выводами. Алчущие власти всегда совершают одну и ту же ошибку: на ложных логических умозаключениях они создают собственную истину, которую и отстаивают на публике со всей яростью.

В овальном проеме перегородки командного центра появился Второй-Дежурный-Офицер:

— Господин! Не уделите мне внимание еще раз?

Хромфи поднял голову. Дежурный тут же резко махнул лапой перед мордой.

— Вид у вас, будто вы собственного отца повалили в рукопашной. Нашли что-нибудь еще? Только не говорите, что новый неопознанный объект.

— Нет, господин, не в этой системе. Но есть кое-что, на что вам необходимо взглянуть, господин, если соблаговолите. Позвольте воспользоваться вашим накопителем?

Не дожидаясь ответа, офицер включил настенную панель и задал команду поисковому детекторному кристаллу. На экране возникла телеметрическая сетка.

— Эти странные сигналы нам пересылает из человеческой системы Второй Прайд для расшифровки и анализа. Уже три месяца, как сигнал идет, то прерываясь, то вновь возникая. До сих пор нет уверенности, что это не помехи и не сбой в работе оборудования.

— Что-то есть за этими шумами?

— Да, господин. Тот же алгоритм, что и у нашего загадочного гостя. Я провел сравнение. Семь восьмых уровня достоверности. Великолепный показатель, учитывая, что сиг-

налы перебивают мощные помехи. На «Носу Патриарха» те же данные, но только в большем диапазоне.

— И четырехлетней давности, — буркнул Хромфи. — Не будем забывать о световом промежутке. За пять лет многое меняется. Наша флотилия увеличилась вдвое. Кто знает, чем они там занимались у своего Солнца.

— Как вы думаете, что это, господин?

— Разведчик.

— Неужели они нашли способ путешествовать со скоростью света?

— Придется выяснить. Все подразделения в боевой готовности?

— Так точно, господин!

Теперь Грраф не на шутку взволновался. Прибыл ли этот корабль из человеческой системы? Он включил гравитацию на полную мощность, чтобы побродить по мостику. Внезапно вызвал Наставника:

— Вы, кажется, разбираетесь в каракулях этих чокнутых математиков, не так ли? Во всех этих таинственных уравнениях по общей теории поля?

Виртуальный образ Наставника повис в воздухе, словно призрак.

— Так точно, господин, я прибег к подобной пытке над собой. Желаете знать мое мнение об этом импульсе?

— Что может означать столь внезапное появление определенной массы?

— Вы предполагаете, что импульс свидетельствует о материализации объекта из пустоты?

— Да.

— Никак невозможно, господин. Мое мнение...

— Да любитесь вы со стондатом! Ваше мнение меня не интересует, Поедатель-Травы! Я спросил, что это значит!

— Не желаю злить вас, поэтому скажу то, что вы хотите услышать. Любая масса, миновавшая барьер скорости света, появится в наблюдаемой точке будто из ничего.

— Но наш объект не движется на релятивистских скоростях.

— Световой барьер вполне может быть неизменной величиной. Позвольте напомнить о работе Серкикна-Обманщика «Горизонт событий как...»

— Да, да, да. Разве может некая масса миловать горизонт событий?

— Но ведь материя выплескивается черной дырой постоянно. Правда, никакой информации с собой не несет. Корабль на скорости свыше световой изжарит собственный экипаж до шкварок. И тогда вам ни за что не понять, кто это и откуда, не говоря уж о цели полета.

— Думаете, есть более простое объяснение импульсу?

— Несомненно, но мое мнение ничего не значит, командор!

— Через несколько дней я смогу передать вам этот корабль для изучения, если с нами не вздумают играть в прятки или, еще хуже, не заберут для какого-нибудь зоопарка! Полагаю, это человеческий корабль. Мне нужны пленные. Во время атаки они могут получить ранения. Вы наш ветеринар. Берите «Цтиргор» и медробота, подаренного Чуут-Риитом, следуйте за атакующими. Сами в бой не лезьте. Ваша задача — лечить раненых приматов.

Хромфи отключил и снял инфоскопы. Уши его были прижаты к черепу, губы вздернуты над клыками. Он ненавидел ждать!

Глава 21
(2420 н. э.)

Корабль Космического Флота Объединенных Наций «Акула» материализовался в радиусе триста тридцать пятой астрономической единицы, в пятидесяти миллиардах кломов[1] от альфы Центавра — на позиции, позволявшей оставаться незамеченным для кзинских установок, «прочесывающих» Солнечную систему. Несмотря на безопасное расстояние, лейтенант ОНКФ Нора Аргаментайн была крайне взволнована: еще бы, ее первый боевой рейд. У нее имелись особые причины для мести.

— Вроде бы все в порядке, Чарли. Все чисто, — сказала она. Детекторы светились зеленым.

Капитаном был Чарли. Пракит — механиком гипердрайва. Двое других в тесном грузовом отсеке к команде отноше-

[1] *Клом* — километр *(слэнг)*.

ния не имели. У тех особое задание: выяснить судьбу «Ямамото». Тихие, молчаливые, они спустятся на своей крошечной ракете, из тех, которых кзины называют «горелками», когда сближение окажется возможным. Они убьют Чуут-Рита, если капитан Матиесон и лейтенант Рейнс со своей задачей не справились. Убийцы-профессионалы.

Нора включила телескоп, так что теперь они наблюдали Дивную Твердь. Релятивистские дробины «Ямамото» должны были оставить заметные следы на поверхности, но, вероятно, с такого расстояния незаметные. Надо будет подойти ближе.

Аргаментайн не была уверена, что «Ямамото» миновал альфу Центавра. Вполне возможно, что он оказался в адской ловушке, опутанный клочьями межзвездного газа, или отказало магнитное поле, или тацью знает что еще могло приключиться. Время прибытия «ковша» к точке назначения поддается лишь приблизительному прогнозу. Рейнс и Матиесон были бы потрясены достижениями технологического прогресса по сравнению с две тысячи четыреста девятым годом. И Дивную Твердь могли бы освободить от оккупантов прежде, чем «ковш» вышел на ее орбиту!

Пракит ковырялся в блоках гипердрайва, подготавливая его к очередному прыжку. Места было мало, Нора не смогла бы ему толком помочь, поэтому просто повернулась и обнадеживающе постучала по шлему техника, широко улыбнувшись, ведь он так насупился.

— Что, достается тебе от Бетси?

— Да нет, просто чудо-малышка. Если кормить ее каждые четыре часа и покачивать на коленях, она ведет себя паинькой.

Бетси была новым изобретением Краплэнда и его гордостью. Удача приобрела у космических бродяг технологию сверхсветовых полетов и начала поставку гипердвигателей на два года раньше Земли, прочно обосновавшись в этом сегменте рынка. Качество продукции из системы Проциона значительно превышало качество земных аналогов — сколько бы планета-колыбель ни кичилась инженерным превосходством, — поэтому в Космическом Флоте Объединенных Наций велось сражение за каждую новую партию оборудования из Краплэнда.

Данная модель была способна переключаться между релятивистским и квантовым режимами за полчаса, при безупречных настройках. Когда же настройки безупречностью не блистали и все усилия Пракита по переводу гиперколебаний атомов в нужную фазу оказывались тщетны, Бетси дрожала и хныкала, и, глядя на нее, вы словно чувствовали, как у вас от страха сетчатка отслаивается от глазных яблок. Пракит, впрочем, впечатлительностью не отличался.

«Притомилась, вот и скуксилась», — сказал бы он.

— Эй, там, внизу, если ноги затекли, суйте их сюда! — рассмеялась Нора, повернувшись к люку, соединяющему корабль с ракетой «агентов особого назначения».

Аргаментайн была покладистой женщиной, ей нравилось заботиться о «своих» мужчинах, пусть это и не принято среди военных офицеров. Отца убили в битве при Церере во время *Четвертого Кзинского Вторжения*. Тогда она была еще подростком и тогда же лишилась способности любить или ненавидеть со всей силой.

— У нас тут места и для тебя хватит! — нагло соврал один.

— Мы все еще тут! Все еще тут! — откликнулся второй.

Нора сдобрила пару крекеров из сухого пайка темными кусочками камамбера и отправила угощение в «дыру».

— Не крошите в постель!

Больше суток с короткими перерывами на сон они с Чарли провели за расшифровкой снимков и сканированием космического пространства на пятьдесят астрономических единиц вперед. Какое-то время Нора остолбенело разглядывала Змеиный Клубок через электронную лупу.

— Боже, Чарли, только взгляни на их астероидный пояс!

Особенной спешки сейчас не требовалось: задач первостепенной важности не наблюдалось. Корабль продвигался крайне осторожно. Одолеть пятьдесят астрономических единиц они смогли бы и за двадцать минут, однако очень не хотелось угодить прямиком в рассадник кзинов, особенно когда для следующего прыжка тебе нужны полчаса подготовки.

Порой ей снились кошмары. Подростком, живя на ферме в Айове, она мечтала оказаться в кресле пилота и по вечерам, когда сквозь кроны деревьев виднелись яркие

звезды, представляла, как расстреливает полосатых монстров в упор и спасает отца. Где он был? Что делал? И был ли невредим? Своеобразный сумеречный ритуал — убийство кзинов.

Чарли разбудил ее, мягко тронув за плечо:

— Гости пожаловали. На восемь часов. Двадцать градусов вверх. Пракит, уводи нас отсюда к танью собачьему!

Сон как рукой сняло, и лейтенант поспешно вывела на экран текущие данные. Сделала запрос — компьютер выдал свежую порцию графиков.

— Идут быстро. Доплеровский детектор фиксирует торможение в шестьдесят четыре g. Три истребителя. Судя по эмблемам, «Рыки воздаяния». Такой же подбил отца.

— Сколько у нас времени? — Голос Чарли звенел как сталь. Лишняя болтовня только раздражала.

— Тише, Чарли. Это другая война. От нас не зависит исход решающей битвы. Они в нескольких часах отсюда, и нам ни за что их не нагнать, сам знаешь.

У отца не было никаких шансов против кзинских истребителей.

— Есть время для кофе и круассанов.

Но сама Нора нервно крутила в пальцах локон кудрявых волос.

— С младшей сестренкой у нас была забава в детстве. Я позволяла почти поймать себя и потом вдруг исчезала. — Она улыбнулась Пракиту. — Как дела?

— Да работаю, работаю, — проворчал тот.

Фазовый переключатель набирал мощность, пока механик отсчитывал время. Воцарилось напряженное молчание. Исход сражения зависел от пары мгновений.

— Мы любим тебя, Бетси, — не выдержав гнета тишины, произнесла Нора.

— Замолчи. Дай Пракиту работать.

Внезапно гипердрайв завибрировал, но через три секунды вновь затих. Пракит выругался:

— Она просто перезагружается.

— Времени навалом, — добавила лейтенант.

— Дайте еще пять минут на настройку, чтобы Бетси больше не рыгала.

Чарли уже просчитывал стратегию защиты. Он развернул «Акулу» ступенями ракетного двигателя к «Рыкам».

— Без толку, — заметила Нора. — Эти черти слишком ловкие, они легко увернутся от любого препятствия.

Чарли крикнул в люк:

— Нас атакуют! Готовьтесь запустить двигатель ракеты. Когда крикну «огонь», включайте!

— Нас здесь уже не будет! — вмешался Пракит.

В этот раз, пока фазовый переключатель готовился к смене режимов, никто тишины не нарушал. Нора не сводила глаз с Бетси, хотя уже и чувствовала, как сетчатка потихоньку начинает «отслаиваться». Заводись! Прошу! Но «Акула» оставалась недвижима. Подозрительно. Слишком долго.

Бетси вздрогнула и замерла.

— Придется перебрать! — рявкнул Пракит.

— А чем ты целый день был занят?! — огрызнулся Чарли. — Время? — обратился он к Норе.

Сколько времени оставалось жить?

— Они по-прежнему снижают скорость. Вероятно, идут на абордаж. Если мы нужны живьем — у Бетси есть время. Если нет, считай, мы жаркое.

— Загерметизировать костюмы, — приказал Чарли, что значило надеть перчатки и шлемы. Скафандров они не снимали.

— Нет! — вскричал Пракит. — Не могу в этих доспехах работать! Заведу ее вручную. Дел-то на пару минут. Уже такое было. Проводники почему-то нагрели стены.

Пошел третий молчаливый отсчет.

— Короткий прыжок сможем сделать? — Чарли хватался за соломинку.

— Сейчас не сработает. Не отвлекай.

Они ждали. Снова. Пока капитан не решил, что ждать бессмысленно:

— Внимание. Экипаж. Я активирую самоликвидатор.

Если им удастся выйти в гиперпространство, каждый знает, как дезактивировать бомбу. Если нет...

Они ждали. Кзины приближались.

— Там, внизу. Готовьте ракету. — Чарли обернулся к Норе. — Попрактикуемся в наведении задницы на вражеские позиции.

— Двое на подходе. Один идет на перехват, второй по касательной. Прикрывает.

Нора накрутила локон на палец, потом обнаружила, что для исполнения воинских обязанностей ей требуются обе руки.

— А третий?

— Болтается сзади. Присматривается. Но сможет атаковать или состыковаться.

— Повиляем задницей между ведущими истребителями.

«Акула» начала раскачиваться. Амплитуду четко контролировал бортовой компьютер.

Они ждали.

— Похоже, все в порядке, — известил Пракит, с ноткой облегчения в голосе.

— Огонь! — крикнул Чарли ракетчикам.

Столб пламени обрушился прямо на перешитильного кзина, тогда как «Рыки» легко увернулись. Отсчет продолжался.

Ракету сорвало, что вызвало крен «Акулы». «Горелка» закрутилась вокруг оси и вспыхнула. В следующее мгновение удар сотряс кабину. Пракита, так и не надевшего шлем, утянуло в космос, но лейтенант этого уже не видела. Ее собственное забрало сделалось темным, чтобы защитить лицо от безжалостного сияния, пока яростный актинический свет испепелял не погруженную в тень часть униформы. Нора уже чувствовала дыхание смерти, но в последние мгновения увидела не роковую битву отца, до сих пор не покидавшую ее мыслей, а младшую трехлетнюю сестру, бегущую навстречу в кружевных штанишках...

Хссинский дикарь сгорел мгновенно. Второй «Рык воздаяния» сбросил скорость до долей g и прижался бортом к обшивке вражеского корабля. Старый воин спрыгнул в люк с рюкзаком за спиной. Он знал, что ищет, но потратил секунды, каждая из которых была бесценна, чтобы обнаружить искомое. Затем снял рюкзак: его электрогравитационные вибраторы впились в обшивку и с ускорением двести тридцать g унеслись прочь, увлекая за собой кусок «Акулы». Облаченный в доспехи канонир вплыл в кабину с двумя воздушными мешками и в условиях крайней тесноты, экономя движения, вместе со старым Героем запихнули два тела в контейнеры. После согнулись, ожидая взрыва.

Через забрало шлема сверкнул оскал. «Может, ускорение вывело из строя детонатор».

Но нет. Яркая вспышка озарила брюхо «Рыка» и останки «Акулы».

Двигатель оказался невредим. Надо отдать должное хссинскому варвару: стрелял он метко! Пока старый воитель исследовал трофеи, сын Хромфи приблизился вплотную. Ветеран просигналил лапами: «Где этот копуша, Наставник-Рабов?»

Ответ: «Почти на месте».

«Цтиргор» подошел под углом и пристыковался к истребителю старого Героя. С борта быстроходного кораблика было снято все, что можно, чтобы хватило места для медробота. Мешки с телами немедленно переправили вниз и открыли. Месиво. Наставник оказался перед выбором. В медроботе места хватило бы только для одного пленного. Он выбрал самца, потому что тот... Тот был самцом. Но потом пришлось передумать: примат оказался мертв. Рана на шее запеклась сваренной космическим излучением кровью. Спина обуглилась до самых костей. Ну что ж, сгодится и самка, — в конце концов, человеческие самки существа разумные, и пытками можно вытянуть нужную информацию.

Не было уверенности, что медробот спасет ее. Наставник клыками сорвал остатки зеленой униформы. Разрезал, а потом, как кожуру, стащил герметичный костюм. Кусочки поврежденной, обгорелой плоти сошли следом. Запинка на предмете туалета, прикрывающем молочные железы. Пришлось повозиться, проявляя чудеса изобретательности, чтобы расстегнуть застежки. Тщетно. Обозлившись, Наставник просто сорвал его. С остальным проблем не возникло.

Очнувшись от мрачного забытья, лейтенант Аргаментайн страшно обрадовалась тому, что хотя бы понимает, где находится: в капсуле медробота. Она ощущала вокруг студенистую массу, и если двинуться чуть вправо, натыкаешься на иглы. Но где же находится сам медробот?

В памяти всплывали разрозненные, смутные картины. Пробиваясь сквозь пелену беспамятства, Нора увидела кукурузные початки, запекавшиеся на костре прямо в листьях. Непорядок. Слишком далеко в прошлом. Едва сводящий концы с концами человек в красной рубахе продает коровий навоз. Черт побери! А что вчера-то было?! Что происходит?!

Новое усилие вспомнить, ухватиться за ниточку событий... Но нет. Забыла. Генерал Фрай! Вспышка! Вот он ключ! Торжество внезапного осознания. И вновь все кануло в темноту. Единственное, что она смогла припомнить о генерале Фрае, — это как парочку застукал в одном гамаке полковник, а потом, потешаясь, крутил и крутил их в плетеной ловушке.

Да нет же! Вот оно! Нора даже всхлипнула от облегчения. Она в госпитале на Гибралтаре, а «Акула» потерпела неудачу на пути к альфе Центавра. И снова ее затянул в свои объятия вязкий бред. Она отчаянно пыталась объяснить младшей сестренке, что с нею все хорошо, а когда вновь очнулась, разговорилась с Фраем. Впрочем, Нора не была уверена, что этот разговор не игра воображения. Все убеждала его отпустить ее драться с кзинами...

Наконец бред оставил ее. Медробот выглядел более реальным. Она чувствовала, что идет на поправку. Спала крепко. Понимала, что жизнь уже в безопасности. Скоро камеру откроют и поговорят с ней. Генерал Фрай ее любит, и, конечно, она увидит его первым, увидит нежный взгляд обычно суровых глаз. А может, нет. Может, капсулу откроет медсестра.

Она ошиблась. Это был кзин. Смотрел на нее, огромный, волосатый, с клыками, как у волка из «Красной Шапочки». Первый кзин в ее жизни. Она все еще ничего не помнила.

— Sprechen Sie Deutsch? — заговорил крысокот. — Ich spreche niht sehr gut[1].

А что, кзины оккупировали Германию? Неужели едва «Акула» отбыла, началось Пятое Вторжение? Нора была уверена, что находится дома, в Солнечной системе.

Желто-рыжий монстр принялся щелкать портативным переводчиком, произносившим одну и ту же фразу на различных человеческих языках. Наконец выбрал нужный:

— На каком языке вы говорите?

— На английском.

— Мой английский тоже неважный, — прошипел, плюясь, кзин. — Может, машина помочь. Я учу английский. Вы учить?

---

[1] Говорить по-немецки? Я говорить не очень хорошо *(нем.)*.

— Томас Алва Эдисон! — воскликнула Нора в совершенном изумлении.

— Мозговая травма, — прорычал великан. — Я благопристойный и опытный ветеринар. Опыт с мозгами самок. — Его уши горделиво топорщились. — Много экспериментов. Лечить всех животных.

Он поднял спинку капсулы, чтобы Нора оказалась в сидячем положении, и протянул ей креманку и ложку. Лейтенант вдруг поняла, что страшно проголодалась. Кзин продолжал бессмысленную болтовню:

— Прошу, будь благопристойным рабом и чисти клетку.

Нора зачерпнула полную ложку лакомства и отправила в рот.

То было ванильное мороженое с кусочками рыбы.

Глава 22
(2420 н. э.)

Пока лейтенант восстанавливала силы в медроботе, Хрит-Старший-Офицер вел док «Гнездящаяся самка косоклыка» за останками загадочного корабля-разведчика. Максимальное ускорение свободного падения дока составляло десять g, поэтому времени, чтобы прибыть на место, у него ушло гораздо больше, чем у боевой тройки. После того как корпус «Акулы» втянули в ремонтный ангар, Наставник-Рабов и его джотоки приступили к тщательному осмотру судна.

Строение двигателя не поддавалось осмыслению. Но Наставник и не ожидал, что будет легко. Первой задачей был разбор рабочих узлов и выяснение возможностей. Второй — пригодность для создания аналогов и серийного производства. А после, удовольствия ради, можно было бы воссоздать картину принципа действия с помощью команды физиков.

Длиннолап провел первичную оценку деталей, определенно относящихся к гравитационным вращателям. Это лишь подтвердило подозрения Наставника, что мартышки научились строить сложнейшие гравитационные поляризаторы, позволявшие путешествовать на скорости, близкой к световой, и каким-то образом избегать воздействия смер-

тельно опасного «голубого сияния», пагубно сказывавшегося на любых кзинских двигателях.

Тогда все и по времени сходилось. Странные импульсы были засечены сенсорами «Носа Патриарха» пять лет назад. Все походило на серию тестов нового аппарата. А после, четыре и три десятых года спустя, испытательный корабль прибыл с разведывательной миссией. Все просто. Опасения Гграфа-Хромфи о технологиях, позволяющих миновать барьер скорости света, так и остались опасениями.

Несведущие в науке, вроде командора «Уха Шеррека», хотя и предостерегают остальных, сами склонны делать выводы прежде, чем хорошенько все взвесят. Сплетни о древней погибшей цивилизации, исследовавшей галактику еще до рождения самых ярких звезд, стали благодатной почвой для фантазий о сверхсветовых путешествиях.

Только пусти слух, что в сорока световых годах отсюда, на одной из обгрызенных метеоритами лун возле какого-нибудь красного гиганта, сохранились артефакты загадочной расы, и толпы кзинов ломанутся в поход, потратят жизнь на бесплодные поиски химеры. Чем древнее империя, тем притягательнее легенды, что ее сопровождают. Чем дольше империя лежит в руинах, тем внушительнее высоты, которых она, должно быть, достигла. В Наречии Героев для подобных фантазий имелось одно короткое слово: густой-лесгде-листья-пахнут-мясом. Всегда находились кзинти, предпочитавшие охотиться именно в этих зарослях.

Наставник обошел клетки, накормил проголодавшихся детенышей-приматов. Экспериментальная программа была безжалостно прервана недавними событиями, но животных следует кормить, несмотря ни на что. Смертельно уставший, он поплелся в тесную каюту, отталкивая Длиннолапа, которому хотелось поиграть в карты.

Он обвалялся в тальке, чтобы избавиться от грязи и запаха. Тщательно втер пудру в мех и завершил «душ» вакуумным массажером. Какое облегчение! Подоткнул под голову жесткую подушку и растянулся на койке. Ну а теперь пощекотать нервы увлекательным виртуальным приключением, чтобы забыться! Он нацепил инфоскопы на нос, слегка сбрызнув их маслом.

Удастся ли обнаружить, что такого вычитал Ггрaф-Хромфи, коль поддался этим «сверхсветовым предрассуд-

кам»? Просматриваемые командором файлы были закрыты для доступа, что только усилило зуд любопытства. Наставник отдал голосовую команду: «Быстрее света», после, подумав: «Древние империи». Заранее готовясь к тысячам тематических статей, он просто приказал занести их в список отложенных и обратился к другой области: «Боевые приключения». А для полного набора — «Привлекательные самки». Ибо за эти годы даже позабыл, как кзинррет пахнут.

Приключение, которое он выбрал, оказалось дурной поделкой под названием «Прайд Героев жестоким штормом проносится по землям за границами Патриархата». Они сражались с гигантскими червями, загнавшими их в кристаллические руины цивилизации, зародившейся во Взрыве Творения, столь древней, что она погибла задолго до образования первых галактик. Главный червь уже готовился к нападению, желая отомстить за павших собратьев, как Герои попали в кристальную комнату, где и обнаружили великолепно сохранившееся устройство для мгновенного перемещения, угрожающе засиявшее, едва его коснулась лапа кзина.

Не удержавшись, Герои поддались искушению и были транспортированы в самый центр галактики, в темный, мерзлый мир, охраняемый гигантами. Великаны берегли Вселенную от существ, один вид которых убивал любого, кто на них смотрел, — столь прекрасны они были. Миновав трупы охраны, Герои углубились в мрачный лес и у поразительного по красоте водопоя обнаружили стройных, похожих на кзинррет самок. Тут кзины бросились друг на друга, в воздух полетели клочья меха, заклацали челюсти. Выжил сильнейший. Он-то и увел доставшийся ему великолепный гарем обратно в кристаллические развалины, где жил долго и счастливо, выходя на охоту в заливные луга, окружавшие его дворец.

Наутро Наставник начал осторожные расспросы самки-лейтенанта по поводу корабля. Для более радикальных мер и пыток она была еще слишком слаба. Нора повторяла только свое имя и ранг. Странный обычай. Обнаружилось, что она крайне привязана к образу младшей сестры, буквально зациклена, так что Наставник решил осмотреть ее личные вещи. Так и случилось, что его вниманием завладели пестрые иллюстрации брошюрки с комиксами. Датой

выпуска числился январь две тысячи четыреста двадцатого года н. э. — то есть Наказания Эры. Приматы в пурпурных накидках дрались с разъяренным красным кзином, защищавшим стены захваченного монастыря Элвиса Пресли. Возле кулаков мартышек было написано: «Бум!», «Бац!» и «Ба-бах!»

Кое-что заставило его свериться с данными разведки в накопителе. Наставник не запоминал мелочей, но хронология приматов была хорошо известна благодаря своей экзотичности. Время отсчитывалось от событий, когда мартышки казнили троих преступников на холме Голгофа, пригвоздив к стволам деревьев Отца, Сына и Деда, чтобы стервятники (птицы-падальщики) выклевали у каждого печень.

Таким образом, недавние события, за которыми наблюдали Первый и Второй Прайды, могли быть помечены датой «ноябрь две тысячи четыреста пятнадцатого года Наказания Эры». По непреложным законам физики любое событие в Солнечной системе, происшедшее позже, для альфы Центавра оставалось невозможным будущим, идущим вразрез с логикой принципа причинности.

Наставника заинтересовал закон об авторских правах в Мире Людей. Существовал ли на их планете пятилетний льготный период, допускавший плагиат, по истечении которого и могли вступать в силу авторские права? Джотоки между тем разобрали оплавленный блок управления. Все детали были промаркированы клеймом «Удача». Вы могли попасть в затруднительное положение, если не знали, что Удача — это колония приматов в одиннадцати с лишним световых годах от Земли и в тринадцати от альфы Центавра. Ну и о какой прибыли могла бы идти речь, если бы детали на планету-колыбель мартышки поставляли на «ковшах» или «тихоходах»?

Что ж, настало время для замаскированного под ненавязчивую беседу допроса самки-лейтенанта. Поэтому Наставник просмотрел копии отчетов Первого и Второго Прайдов на предмет невоенной тематики, которая бы помогла вывести женщину на разговор. Длинолап существенно помог. Он обнаружил, что самке понравились сладкие ягоды, которые обычно добавлялись пятилапым рабам к порции листьев.

Наставник появился с креманкой мороженого, усыпанного ягодами. Нора все еще мучилась от высокой температуры и последствий сотрясения мозга, но уже могла в течение часа находиться вне восстановительной капсулы, разумеется посаженная на цепь.

— Мехоликий, когда форма вернется из чистки?

В ответ на высокомерие в ее голосе Наставник дернул губой, демонстрируя клыки, хотя и был совершенно спокоен. Принято стоически сносить оскорбления от кзинррет! Но он был смущен, поскольку не совсем понимал, как в таких ситуациях обходиться с разумными самками приматов. Оскал был только рефлексом.

— Понимаю. Ничего. Сэр! Со всем смирением я прошу дать мне любую другую, самую скромную одежду. Готова целовать вам ноги, если вы выполните мою просьбу.

Он надел инфоскопы и обратился к английскому вокодеру, плюясь и чередуя рычащие с шипящими.

— Я могу изменить схему биохимического контроля гормональной системы, чтобы твое тело покрылось шерстью,— произнес вежливый, деликатный голос электронного переводчика. И снова грубый:

— Темно-рыжие волосы, золотой отлив. Твоя голова.

Наставник ненавидел переводчики. Но вынужден был признать свое поражение и позволил машине завершить его мысль.

— Мех вырастет густой и красивый. Я провел достаточное количество экспериментов, так что могу гарантировать успешный результат.

«Еще бы, при девяноста восьми процентах генов шимпанзе»,— подумала Нора в смятении.

— Сэр! Мне кажется, та ваша пятирукая швейная машинка способна прострочить пару кусков зеленой ткани для меня, это займет совсем немного времени! Она ведь носит одежду. Почему не могу я? Прошу вас!

Устрашающий желто-рыжий великан, нечто среднее между баскетбольным центровым и блокирующим футбольным полузащитником, не понимал ни слова, но вежливо выслушал последовавший перевод, напоминающий визг и шипение сцепившихся кошек.

Поднял глаза, сообразив, чего хочет Нора.

— Да. Ливрея. Дам красно-зеленые подтяжки для... — он сверился с вокодером,— для локтей и коленей. Годится?

— Пожалуй, я съела бы еще мороженого, — простонала Нора.

Она уже обсудила с Длинношапом наличие рыбы в лакомстве, и тот пообещал исправить промах. Он уже протягивал ей позолоченную чашу с ванильным мороженым в пурпурных точках. Стянул пару ягод, не удержавшись. Аргаментайн не возражала. Просто молча ела, порой нервно накручивая на палец прядь волос.

— Длинношап петь «горячую десятку» две тысячи четыреста пятнадцатого года от казнь Христовой Банда. На английском говорю. Не пою. А теперь первое место Горячего Часа!

А что еще Наставник мог сказать? Он повторял слово в слово то, что слышал в записях человеческого радиовещания.

Облаченное в красно-зеленую ливрею существо, по сути настоящий квинтет, принялось петь перед нагой военнопленной, прикованной к переборке цепями и поедающей мороженое где-то в недрах военного корабля. Она не догадывалась, что ведется косвенный допрос, что лишь из уважения к ее неокрепшему здоровью не применяются жестокие пытки. Что ответы крайне важны для кзина. Была ли она ясновидящей? Могла ли предсказывать будущее? Не расскажет ли она Наставнику-Рабов о событиях между две тысячи четыреста пятнадцатым и двадцатым годами, о которых разведка еще физически не могла предоставить никаких данных?

Пять голосов, конечно, не были человеческими, но искусно владели законами гармонического ряда, и каждое слово произносилось с завидной четкостью, хотя подобного акцента Нора в жизни своей не слышала.

Когда ночь холодна,
И на сердце тоска,
И ты так далека от меня...

Настоящий хит ее выпускного школьного года, когда двухгодичный курс в Военной академии значился лишь в детских мечтах. Захотелось плакать. Она сопротивлялась эмоциям, но это только усилило рыдания, едва слезы покатились по щекам. Чарли погиб. Погиб Пракит. Те молодцы в трюме, горящие желанием исполнить поручение и

убить высокородного кзина, сгорели заживо. Миссия провалена. Память отца опозорена. И никаких идей, что делать с монстром семи футов роста, обхаживающим ее на пару с пятируким клоуном-хористом.

— Люди плачут, когда мороженое особенно вкусное, — соврала Нора, шмыгнув носом.

— Ягоды, тьфу, — отозвался Наставник.

— Надо меньше думать, — пробормотала Нора, размазывая слезы по лицу.

— Можно исправить, я делал эксперименты.

— Откуда вы знаете эти песни?

— Приматы не отключают радио.

— Вы здесь слушаете наше радио?!

— В час, который прошел, я смотрел человеческий голо «Пламя славы».

Нора перестала плакать и надменно рассмеялась:

— О да, кзинов там мочат пачками. Вы, гады, убили моего отца! А тот голо получил награду в номинации за лучшую постановку. Дух людей вам никогда не сломить!

Получил награду. Она все же предсказывала будущее. В ноябре две тысячи пятнадцатого «Пламя славы» был еще только представлен в списке номинантов на одну из шестнадцати наград.

— Плохая постановка, — хмыкнул Наставник. — Приматы в костюмах кзинов. Слишком медлительны. Неверные эмоции. Тошнит.

Но пусть лейтенант выговорится, даст волю своему гневу. Пока она злится, она прыгает, прежде чем думает. Еще трижды она предсказывала будущее.

Наставник уверился в своей правоте.

Он тут же сообщил о подозрениях Граафу-Хромфи, несмотря на слишком большой для разговора временной интервал между «Гнездящейся самкой косоклыка» и флагманским крейсером Третьего Прайда.

Старого учителя новости порадовали. В обратном сообщении значилось: «Что ж, дряхлый Герой все еще способен распознать чужеродную вонь. Сверхсветовой двигатель существует. Но это серьезная угроза. Мы должны действовать быстро. Держите меня в курсе».

В просторном ангаре самоходного дока Наставник следил, как джотоки разрезают на части останки «Акулы».

Как это жалкое творение, теряющееся среди теней, сумело вернуть страх, от которого Наставник, казалось, избавился навсегда? Он прошелся по периметру мостков, рассматривая с высоты инопланетный звездолет, стараясь не выходить за границы локального гравиполя. Гормоны требовали удариться в панику. От Героя, жаждущего поставить на колени все человечество, остался жалкий котенок. Позабыты были сафари на слонах, вереницы рабов, несущих багаж и палатки, померкли образы шикарных кзинррет в паланкинах.

Днем он вернулся к лейтенанту Аргаментайц, поднял крышку медробота, разбудил самку и задал прямой вопрос:

— Вы пришли сюда быстрее света! — Это прозвучало как обвинение.

Она улыбнулась, не обнажая зубов. На бесшерстных щеках показались ямочки.

— Я в этом мало понимаю.

Ответ поверг кзина в ужас, и он ушел.

С такими технологиями приматы захватят Патриархат без усилий, ковыряясь в зубах после обеда. Каждая кзинская система являла собой обособленное сообщество, существовавшее само по себе, обреченное на поражение, ибо звать на помощь и тем более ждать ее скорого прибытия бесполезно. Все разговоры о героизме... Это только пыль в глаза. Напыщенная болтовня. Если уж слепыш-младенец мог убить отца, то в условиях подобной противоестественности... Бежать! Пятая флотилия должна спасаться! Исчезнуть! Затаиться!

Ослушаться приказа — подписать себе смертный приговор. Этот принцип лежал в основе воспитания воинов. Но инстинктивно они были склонны отдавать себе другие приказы. Командир мог находиться в паре световых часов от места перестрелки, но исход боя все равно решали считаные мгновения. Стратегический центр на позициях в двух световых днях пути мало помогал в битвах, приносящих победу или поражение за несколько часов. Патриарх, владычествующий даже на отдаленных границах, отдавал приказ лишь единожды. После Герои действовали по ситуации, наказывая сыновьям наказать своим сыновьям отрапортовать, что миссия завершена.

Патриарх требовал повиновения, но кара Императора Света настигала каждого, кто сам себе не командир штаба.

Внутренний командир штаба Наставника приказывал оставить позиции. «Как я могу быть таким трусом?» Он уже думал, что победил свое малодушие. Столько усилий! В отчаянии он припомнил слова Гррафа-Хромфи, брошенные им невзначай: «Бежать от исполнения долга — это трусость, но спасаться, помня о необходимости выполнить *долг*, — так поступит только Герой!» Командор и не догадывался, сколь глубокая мудрость заключалась в этой фразе; он словно обронил семечко, которое позже взошло на благодатной почве разума Наставника. Может быть, Хромфи не сочтет бегство в сложившейся ситуации таким уж преступлением? От мысли, что у него может появиться союзник, Наставнику дышалось легче.

Еще дед клялся: куда бы он ни бежал, всегда помнил о долге. Оказавшись в передряге, он победил страх, только когда на него напала собственная добыча.

Коротышка-Сын Чиир-Нига выбрался на поверхность Хсеина лишь потому, что больше негде было спрятаться. У каждого входа в город поджидали враги.

Маленький двигатель среди обломков человеческого кораблика оказался вдруг единственной ценной вещью на весь Патриархат. На его защиту Пятая *флотилия должна встать горой. И если сотни тысяч Героев при этом сложат головы*, даже тогда жертва не будет достаточной. Да, он мог бежать, но ничего геройского в бегстве без двигателя нет.

Ко времени, когда док вернулся в Третий Прайд, лейтенант Аргаментайн была готова к переселению в клетку. Впрочем, *ягоды в мороженом* не очень помогали. Самка сделалась раздражительной, едва оказалась в отсеке с людьми-рабами, а потом и вовсе впала в ярость, увидев детей-сирот, хотя только трое остались без еды, да и клетка у них была просторная...

— Чудовище! Это же дети! Просто дети!!!

Она ринулась на кзина. Чтобы защититься, ему пришлось схватить ее за плечи и поднять. Мало помогло: удары были точные и продуманные. В конце концов, Нора ведь прошла курс полной боевой подготовки! Он оттолкнул ее в сторону. Бешеная кзинррет! Разве *он пожирает* ее котят у нее на глазах?!

Чтобы утихомирить разбушевавшуюся самку, Наставник поступил, как и полагается любому самцу: отдал ей детенышей, поместил всех в общую клетку и оставил в покое.

Любопытно, как быстро она успокоилась. Позабыла о ссадинах и переключила все внимание на подопытных малышей. Наставнику это понравилось. Прекрасная особь для разведения породы. Клетка для всего выводка оказалась тесноватой, но он ничего не успел с этим сделать, поскольку его отвлек срочный вызов.

У кзинов есть поговорка «Беда не тычет пальцем, а бьет лапой наотмашь».

Операторы сенсоров засекли еще три вспышки гравитационного пульса со всеми признаками сверхсветового движения, но на дистанции, слишком отдаленной для перехвата. Сообщалось также о появлении флота приматов-варваров в районе Змеиного Клубка. Грраф-Хромфи задал прямой вопрос: «Может ли человеческая система использовать сверхсветовую технологию в переправке боеприпасов для флота мятежников?»

Позже от Траат-Адмирала пришли тревожные, не сулящие ничего хорошего распоряжения, спровоцированные событиями уже двухдневной давности.

Хромфи собрал срочную инфоскоп-конференцию для всех офицеров Третьего Прайда. Он не требовал, чтобы они прибыли в лекторий. Не требовал даже безоговорочного кворума. Ко времени, как подключился Наставник, горячее обсуждение было в самом разгаре, и, хотя он не мог ощутить запахов, он почти воочию наблюдал, как колышется в воздухе тяжелая волна агрессии. Едва нацепив инфоскопы, Наставник столкнулся с пятью воителями, оскалившимися друг на друга и готовыми вот-вот сцепиться.

Машинально он выпустил когти, хотя рядом никого не было.

Ко всеобщему удивлению, Хромфи не стал анализировать атаку людей, воодушевленных новыми возможностями. Он будто сошел с ума. Пустился в напыщенные, пафосные речи о мифических воителях, восставших из пелены забвения и атакующих Пятую флотилию со стороны Змеиного Клубка. Громыхал о сверхспособностях кзинско-

го разума и сверхтехнологиях. Неистовствовал по поводу предателей с Дивной Тверди. Рычал о временах странного «циклопического террора». И призывал Героев быть отважными в последней битве.

Он уже отдал приказ о передислокации всего Третьего Прайда на боевые позиции у альфы Центавра. Командор вел своих воинов на подмогу Траат-Адмиралу. Пока Наставник в совершенном смятении внимал Хромфи, Хрит-Старший-Офицер отдал приказ направить «Гнездящуюся самку косоклыка» к звезде. Не такой стратегии обучал их Чуут-Риит.

Они едва не прыгнули, не задумываясь о последствиях. Ярость сделала их безумцами.

Наставник тоже не думал. Просто сорвал инфоскопы и бросился в ангар, где приказал немедленно спустить «Цтиргор» с верхних стапелей. Длиннолап и Шутник вскарабкались по мосткам и освободили корабль, подтралив к шлюзу.

— Вы взволнованы, хозяин!

— Старый вонючий колтун собрался всех нас прикончить! Хочет, чтобы и ты, и я погибли! Собрался с лихвой выплатить Патриарху долг!

Длиннолап замер, поверженный в ужас яростью Мягкого-Желтого.

Наставник-Рабов пересек все небо, чтобы оказаться на «Ухе Шеррека», теперь бросавшем гигантскую антенну посреди мрачного безмолвия — свою антенну! Свою силу! Стиснув зубы, он проверял комлинк на «Цтиргоре».

Зачем Хромфи так поступал? Думай, прежде чем прыгать. Выбрал ли командор такой девиз, потому что в глубине души всегда помнил о собственной горячности, о том, что его рефлексы куда быстрее мыслей? Не одергивал ли он себя все эти годы от бездумных действий, каждый раз заставляя вспомнить нехитрое правило?

Офицер связи хорошо знал Наставника, знал о его теплых отношениях с Гррафом и все же до последнего пытался отговорить от затеи. Наставник остался непреклонен, но когда Хромфи узнал, где он, то немедленно вызвал в командный центр:

— У меня к вам вопрос насчет военнопленной. Вы не замечали, что она ведет себя, будто загипнотизированный раб?

— Никак нет, господин! Она колотит меня со всей яростью.

Глаза Хромфи светились безумным светом.

— Этим утром вы почуяли зов долга, это священное откровение, призывающее вас подчиниться и исполнить предназначение?

— Вы о будильнике?

— О Рабовладельцах! О расе зеленых чешуйчатых монстров-циклопов!

— Господин! Я здесь, потому что сверхсветовой двигатель — это единственное, что у нас есть!

— В самом деле? И что дальше? — рявкнул Грраф.

Наставник пришел в бешенство. Неужели это ископаемое не понимает?!

— Мы бросаемся в атаку без малейшей мысли в голове! Думай, прежде чем прыгать! Помните?! Мы должны доставить двигатель на центральную планету!

Командор тут же оскалился и угрожающе, знакомо пригнулся.

— Вздумал насмехаться! — пророкотал он. — Кидаешься моими собственными словами, ты, сопляк, зарезавший отца!

Забеспокоившись, обернулся Второй-Офицер: не пора ли прийти на выручку командору?

Хромфи был страшен.

— Жалкий котенок, ты все пропустил мимо ушей! Да что ты знаешь о древних империях, оружии и войне?! Ничего!!!

Наставник уже пожалел о своей дерзости и принял как можно более безобидную позу:

— Я никогда не разбирался в мифологии так хорошо, как вы, великий.

— В мифологии?! — горестно воскликнул разъяренный Грраф. — Триста двадцать лет назад безмозглые мартышки нашли и пробудили одного из этих одноглазых монстров! *По-твоему, это мифология?!*

— Я только рад, что мой лорд интересуется полками с древними сказаниями в мюнхенской библиотеке.

«Зачем я дразню его?»

Наставника пугал ужасающий приступ гнева, который он спровоцировал. Командор был столь же зол, сколь и безрассуден.

Он наматывал круги, смертельно опасный, извергая громовые звуки:

— Они наткнулись на этот кошмар и освободили монстра из животного любопытства, но он завладел их умами, сделал все человечество послушными вассалами! Они оказались под гипнозом, но мартышки — существа взбалмошные и везучие. Заманили циклопа обратно в капсулу и включили режим стаза. И что же сделали потом? Поместили в музей. Остолопы! Назвали Морской статуей!

Хромфи резко отвернулся и плюхнулся в кресло, разразившись яростным рыком и плевками над панелью управления. Потом, успокоившись, вновь заговорил:

— Вот вы твердите об этом сверхсветовом двигателе. Откуда, по-вашему, он взялся? Вы видели технику приматов. Уничтожили тот жалкий «ковш». Оснащали поляризаторами их «горелки». Разве могут эти существа создать что-нибудь действительно грандиозное? Открыть рецепт путешествий за световым барьером? Нет. Но, исследовав артефакты на планетах собственной системы, мартышки пришли к выводу, что Рабовладельцы знают секрет сверхсветовой скорости. Это вроде головоломки В'ккая. Но на этот раз я способен уложить все части верно. Приматы вновь пробудили Морскую статую, их единственный шанс противостоять Патриархату. Древний монстр помог построить сверхсветовые звездолеты. И теперь он здесь, в Змеином Клубке. Я чую его мысли, и мои Герои чуют. Потому что этот разум поставит на колени нашу расу! Если бы вы поменьше спали, то поняли бы, о чем я!

Потрясающая способность убеждать. Способность страшная. Но не глупо ли верить в истории, рассказанные пять поколений назад представителем расы, почитающей за честь врать при любом удобном случае?! Один глаз и зеленая чешуя! Да неужели!

— Господин! Я здесь, чтобы просить позволения доставить человеческий двигатель на столичную планету.

Хромфи грузно поднялся, подошел к Наставнику вплотную. Нос его утыкался тому в лоб, да и в плечах старый кзин был гораздо шире.

— Прошение отклонено. Думаете, удастся вам куда-нибудь вообще попасть, если мы не остановим угрозу? Он одной лишь мыслью сдернет вас с небосклона и бросит, хныкающего, в прах.

Страх всепоглощающ. Никогда прежде Наставник не бросал вызова. Никому. Ни отцу Чиир-Нигу, ни Водящему-За-Нос, ни Смотрителю-Джотоков, ни другу Ссис-Капитану. Всюду он демонстрировал покладистый, мягкий нрав. Исполнял любые приказы Хромфи и офицеров рангом выше. И сейчас был склонен именно лестью заставить командора дать добро.

— Господин! В своей безграничной мудрости вы призывали думать, прежде чем прыгать...

Грраф ударил когтями в грудь нахального кзина, проporов до мяса камзол:

— Думаешь, позволю тебе смыться, когда остальные отправляются на верную смерть, Пожиратель-Травы?! Только Герои, готовые сложить головы в сече, имеют право браться за подобные миссии! — Командор сделал знак двоим охранникам. — Не могу прикончить этого труса. Доставьте его назад на «Самку» и закройте в гибернаторе. Он погибнет с остальными. Но если мы выживем... Тогда я с ним сам разберусь.

Лорд-командор обнаружил, что запах презренного страха, разлитый на мостике, невероятно стоек.

Глава 23
(2420 н. э.)

Длиннолапа чуть не разорвал на части спор между «руками». Корабль больше не был надежным пристанищем. Мягкий-Желтый в опасности. Мягкий-Желтый в гибернации. Кзинские воины думают, когда лучше перерезать горло презренному трусу. Они запихнули Наставника в капсулу гибернатора очень грубо. После битвы они разбудят его и выпотрошат. Шутник слышал сам, пока менял накладки гравитационных проходов. Горе переполняло Длиннолапа до самых кончиков пальцев. Больше никаких игр в карты. Никакого ухода за великолепной желтой шерстью...

Необъяснимое чувство заброшенности.

Непосредственно на Мягком-Желтом было «зафиксировано» сознание четырнадцати джотоков. В отсеке рабов эти четырнадцать всегда держались особняком, избегали

общения даже с джотоками, привязанными к другим кзинам. Образовав кружок из переплетенных рук, они переговаривались и оплакивали хозяина, передавали идеи из одного мозга в другой. Они должны спасти Мягкого-Желтого. Но эта мысль только порождала волну тревоги и боли, ведь они не могли ему помочь. Потерянные и раздавленные горем, они быстро покончили с работой и уединились в углу отсека, чтобы предаться отчаянию.

Длиннолап помнил, что биологические часы сейчас велят зверям-приматам ложиться спать, и, пока он обходил клетки, ему вспомнились другие тревожные времена, в другом мире. Тогда все было проще. Тогда жизни Мягкого-Желтого угрожал лишь один кзин, а не битком набитый кзинами корабль. Чудесные небеса родины Длиннолапа, свет ламп... Деревья, болота, пещеры, заботливо опекавшие растущего детеныша, будто живые и способные прийти на помощь, когда ему потребовалось воспользоваться преимуществом узкой расщелины между холмистыми насыпями... Сама земля помогла Длиннолапу убить того опасного кзина.

Теперь вокруг только холодные коридоры корабля, трубопроводы, змеящиеся линии электроснабжения, мостки и грозная охрана. Та история с убийством Героя ради спасения жизни хозяина стала самым жутким кошмаром в жизни Длиннолапа. Избавиться от всей команды крейсера... Да это же немыслимо. От страха «руки» готовы были бежать кто куда.

Тем не менее именно подобный план занимал все мысли верного джотока.

Лейтенант Аргаментайн с огорчением поняла, что «спокойным временам» пришел конец. Тот эксцентричный кзин, Мягкий-Желтый, как его звали пятирукие создания, всюду сновавшие за ним по пятам, куда-то исчез, и его заменил другой, темно-рыжий, неразговорчивый и гораздо более массивный. Похоже, он только и знал, что вести допросы. Он грубо вытаскивал Нору из клетки, правда никогда не причиняя ей боли. В передвижной кабине они добирались до тесной камеры пыток. Там кзин допрашивал ее. А потом возвращал в клетку и не вспоминал о ней до следующего допроса.

Пока Нора росла, ей приходилось общаться с тяжелыми людьми, включая отца, так что она в совершенстве владела искусством находить подход к особо *нелюдимым*, но этот кзин оказался крепким орешком. Инопланетянин был инопланетным до мозга костей. Ненавидел болтовню, даже легкие беседы ни о чем его раздражали. Состояние здоровья животных в клетках его не волновало, к нуждам детей он оставался глух. Его интересовали только ответы и приводили в ярость ответы уклончивые.

Не получая от Норы нужной информации, он прибегал к пыткам. Увечьям предпочитал болевую стимуляцию. Но не создавалось впечатления, что монстру пытки доставляют удовольствие. Его отличала сверхъестественная чувствительность. Не телепат ли? Если Нора не знала ответов, кзин тут же переходил к другому вопросу. Но если Нора просто не хотела отвечать, великан становился исключительно настойчив.

Тщетно она пыталась понять мотивы мучителя. Его интересовали самые неожиданные вещи.

— Морская статуя в Музее сравнительной этнографии Объединенных Наций. Вы знать?

Конечно знать! Но, как далекого от мира фантазий человека, ее никогда особенно не интересовала история об одноглазом зеленом монстре внутри, замороженном в стазисе. История, между прочим, трехсотлетней давности! Снова пытка.

Перемещали ли Морскую статую?

Не доставили ли к альфе Центавра?

Источник секрета сверхсветовых полетов в Морской статуе?

Не являются ли офицеры ОНКФ загипнотизированными невольниками?

Невероятно, какие извращенные формы паранойи порождает война, смешивая воедино откровенное вранье, дезинформацию, превратно понятые приказы руководства и скудные возможности нормального общения. Плюс убогие познания в области культурной специфики. А ведь это ключевой момент!

После пыток Нора едва помнила себя от боли, и дети это видели. Как всегда, они просто обняли ее. Неестественно молчаливые, сами слишком измученные, чтобы дать больше. Потом принесли еду.

— Ты поздно, мы умираем с голоду, — сказала Аргаментайн. Она даже не могла разобрать, кто из пятируких пришел.

Трое детишек молча обступили Длиннолапа, пока тот кормил их. Но ведь это не единственная его функция! Нора знала, что он главный техник-лаборант там, где люди просто подопытные животные. Ей никак не удавалось понять эмоции Длиннолапа. У него ведь не было лица. Пятнистый рот-брюшко там, где должна быть физиономия. Глаза и лапы отличались выразительностью, но как постичь язык этой «мимики»?

— Бобовое пюре с костями кзинов, — произнес переводчик Длиннолапа и выдал извиняющуюся трель.

Короткая «рука» заподозрила неисправность вокодера и сама перевела на английский:

— Не кости кзинов! Бросать в дрожь. Нет. В массу — кости и мозг, в форма крекера. Пропечь. Походный рацион кзинов. Не кости кзинов! Кзины не каннибалы, кроме с котята и злые отцы.

Пятнистая затараторила, перебивая, возмущенная безобразной грамматикой Короткой.

— Может, задержишься для урока английского? — предложила Нора.

Удивительно, но ей не хотелось, чтобы «паук» уходил. Пытка вытрясла из нее все силы.

— Нет. Должен идти. Мягкий-Желтый в беда, — печально ответил Длиннолап.

— Плохо, плохо, плохо, — подтвердили друг за другом три «руки».

— Он давно не заходил. — Нора не могла решить, кто был хуже: Рыжий или Мягкий-Желтый.

Повисла пауза, пока вокодер обрабатывал фразы.

— Мы все обречены на смерть, — донеслось из его динамика.

— Большая битва, — поддакнула Тонкая.

— Корабли отозваны к альфе Центавра, — нараспев добавила Большая.

Нора решила разузнать кое-что и для себя:

— Почему они интересуются рабами тринтунов?

— Что это? — Длиннолап проконсультировался с вокодером, но в памяти машины такого слова не значилось.

— Одноглазые чешуйчатые монстры, способные поработить разум. Они все погибли в войне с тнуктипунами

миллиарды лет назад. Мне недавно существенно освежили память, — уныло проговорила Нора.

— Кзины волнуются о свободе воли, — ответил Длиннолап. — Все время волнуются. Фетиш воина. Всегда под контролем. Ты не чувствовать волны вмешательства? Я идти на кухню и варить Мягкому-Желтому суп. Потом думать: зачем это делаю? Приятное чувство служить другому. Кзины не такие.

Нора вдруг вспомнила странный, всепоглощающий порыв несколько дней назад. Преданность. Нестерпимое желание помогать кому-нибудь. Она тогда решила, что не обошлось без специфических добавок в еду, чтобы развязать ей язык.

— Что, поблизости болтается Рабовладелец?

— Болтался. Большой взрыв, час назад здесь, несколько дней назад там. Не знаю, что сегодня происходит. Завтра узнать. Все обречены.

— Ты раб?

Было любопытно узнать, что ответит создание. Вокодер почему-то не смог перевести это слово, а Нора в попытках объяснить не преуспела. Ближайшим понятием, которое Длиннолап смог осмыслить, стало «друг». Вернее, «единственный друг».

Рыжий мучитель не появлялся. Зато посетила делегация из четырех джотоков. Что-то беспокойное, болезненное было в их движениях. Нора не могла остановиться. Ей хотелось понимать эмоции «брюхоликих», которые имели привычку садиться прямо на рот, хотя она понимала, что лицами природа их не наделила. Плечевые глаза таращились на нее. От нее чего-то хотели. Ей даже предложили собственные припасы: листья, которые пахли, как греческая долмадакия, и витые стебли. Джотоки вели себя, словно совершали некий ритуал. Следующим подарком оказались зеленые и красные подвязки для коленей и локтей.

Так ведь это сделка!

— Да? — спросила Нора мягко, соображая, какую выгоду может принести ее догадка.

— Наш хозяин хотел избежать битвы, — протянул переводчик, тщательно перепрограммированный.

— Любопытная идея, — осторожно отозвалась Нора.

Четверо посовещались между собой, и плюющиеся звуки напоминали неказистую версию Наречия Героев. Наконец снова заговорил вокодер:

— Твоя раса и кзинти враги.

— Может, однажды...

Переводчик не слушал:

— Люди убивают кзинти. Кзинти убивают людей. Разве не так?

— Это война.

— Ты военный человек, — перебил медлительный вокодер Длиннолап. — Твое мороженое — это убивать кзина. Я понимать человечество.

Ни черта подобного. Лейтенант принялась крутить локон.

— Надо работать бок о бок. Как много лап.

Похоже, они задумали бунт... И о ее возможностях самого преувеличенного мнения. Голая женщина в разноцветных подвязках... Страшнее угрозы не придумать!

— О, змею лишили ядовитых зубов. И вообще-то, если заметил, я сижу за решеткой.

Длиннолап открыл клетку и тут же захлопнул.

— Сделка, — произнес он. — Сделаем обмен.

Голоса его «рук» дрожали, и дрожали сами «руки». Он был до смерти напуган. Создавалось впечатление, что он вот-вот бросится наутек.

— Чем же я могу помочь?

— Ты убьешь всех кзинов, кроме одного. Мы освободим Мягкий-Желтый. Сделка? Мягкий-Желтый жить.

— Я тоже хочу, чтобы он жил, — соврала Нора.

Четверка как-то облегченно обмякла.

— Но с чего вы взяли, что я смогу перебить весь корабельный состав?

— Яростные воители-приматы уничтожать кзинов. Мы знаем. Мартышки разбивать корабли Героев. Мы чиним. Соскребаем кзины со стен.

«Неужели они думают, что, если выпустят меня, я не найду себе занятия получше, чем бегать нагишом по военному крейсеру и убивать врагов?! Будто у меня есть шанс завалить хотя бы одного из этих бегемотов!» От ее глаз не ускользнуло, что у Рыжего на поясе два аккуратных ряда человеческих ушей.

— Мягкий-Желтый жить. Сделка? — повторил Длинолап.

Ну с чего эти «пауки» так привязаны к желтому кзину? Чем он от других-то отличался? Его имя переводилось приблизительно как Надзиратель Примитивных, или Животновод. Может, контроль осуществлялся химически? Или кзин разбирался в гипнозе и измененных состояниях сознания? Не важно. Преданность не поддается логике. Нора вспомнила, как накинулась на Мягкого-Желтого, готовая умереть, когда увидела, как он был жесток с детьми. Длинолап тогда наблюдал за нею четырьмя глазами. Если бы хозяину угрожала смерть, джоток бы прикончил ее, не раздумывая.

Сделка странная. Но если она спасет Животновода (из темницы?), то заслужит расположение пятируких рабов.

Стоит ли соглашаться? Опасность слишком велика, если у тебя наивные союзники. Или они только кажутся наивными? На что они действительно способны? А на что была способна сама Нора? Разве есть у нее оружие? Никакого. В голове вертелась формула паралитического газа, убивающего кзинов и безопасного для людей, но даже при необходимом оборудовании она бы не сумела его приготовить. Не знала рецепта. Что тут скажешь. Такого подготовка на Гибралтаре не учитывала.

Нет. Затея гиблая с самого начала. И единственный шанс.

— Я не выстою в рукопашной с кзином, — сказала Нора. Пусть выкладывают свои карты!

— У тебя разум воина. У нас «руки». Корабль знаем до мелочь.

С тех пор ее стали кормить чаще. Потом переселили в новую вычищенную клетку, где на полу Аргаментайн обнаружила схему корабля. Нору удивляло, что джотоки сами закрывали и открывали клетки. Им доверяли. Или доверял лишь Мягкий-Желтый, а в горячке боя на перераспределение обязанностей у кзинов не было времени?

Почему он впал в немилость?

Пятирукие союзники оказались коварными интриганами. У них имелся молекулярный аварийный трос. Если его натянуть над полом, кзины могли попрощаться с нижними конечностями. Они знали, как превратить плитку гравитационного настила в поле-ловушку с силой тяжести шесть g.

Но когда Нора приступила к разработке совместного плана, она поняла, зачем понадобилась джотокам. Чем они не могли похвастаться, так это умением стратегически мыслить. Битва всегда предполагает взрыв активности, массу поручений и полный информационный хаос. Опытный командир способен предугадать последствия и выбрать верную тактику.

Нора может создать подробный план. Но как насчет исполнительности джотоков? Способен раб следовать приказам? Боже, хотелось бы верить.

Некоторые вещи лейтенант просто не смогла бы проконтролировать. Человеческий гиперфлот уже развязал битву у альфы Центавра. Это Нора знала. Но вытянуть джокера можно в любой момент: свои же могли превратить ее в горсть пепла прежде, чем заговорщики начнут действовать. С другой стороны, «Гнездящаяся самка косоклыка» — это главный тихоход Третьего Прайда и достигнет места нового назначения на много дней позже основного состава. Если удастся совершить задуманное до того, у них появится неплохой шанс выжить. Расторопность — главное условие их успеха.

Нора Аргаментайн не питала радужных надежд по поводу собственной судьбы во время мятежа. Так что стратегию подчинила основной цели: уничтожению как можно большего числа кзинов. Да-да. Как можно больше должно погибнуть, прежде чем настанет неизбежный провал ее личного плана. Работала она скрупулезно, досконально изучая всю информацию, которую ей поставляли джотоки. Она составила список всех кзинов, находившихся на борту «Самки». Мягкий-Желтый числился последним. С ним можно было покончить, наполнив гибернатор жидким азотом, но сначала получить максимум выгоды от союза с джотоками.

Они могли изготовить паралитический газ. Сначала их способности изумляли Нору, но потом она вспомнила, что желтый кзин делал с детьми. Кажется, ему был жалован своеобразный «грант на медицинские исследования» в области человеческой физиологии. Нет уж. Маньяка она щадить не станет.

Умницы-джотоки даже собрали некое подобие ручного оружия. Они отличались настоящей, праведной любовью космонавтов к высокоскоростным частицам и сверхмощ-

ным режущим предметам. В результате Норе представили ускоритель травматических дробин. Выстрел мог спровоцировать внутреннее кровотечение у кзина, но не навредил бы переборкам корабельного корпуса.

Мастерская «Самки» была превосходно оборудована для межзвездной войны. К месту битвы силы не подтягивались частями, а выходили полностью укомплектованными. Так что при необходимости обеспечивался незамедлительный, срочный ремонт и изготавливались нужные детали. Для Норы подобная опрометчивость оставалась необъяснимой: доверять столь важный аспект рабам?! Но ведь она не была кзином.

Начали с жилого отсека. Воздушные вентили не были оснащены сигнализацией. Газ наполнил помещения, постоял и был вымыт водными струями. Вентили кто-то ослабил. Убитый газом кзин выглядит как спящий. Только не дышит.

Свободные от работы джотоки заняли заранее оговоренные позиции. Командный центр погрузился в облака смертельного газа. Хрит-Старший-Офицер обнаружил, что с ним творится неладное, и в тот же момент его нервная система отказала: он даже не смог подать сигнал тревоги о газовой атаке. Это сделал кзин, находившийся от воздухоочистителя дальше остальных. Прежде чем умер.

Те, кто еще оставался в живых, бросились за доспехами — разбуженные, встревоженные, но готовые к схватке. Они привыкли подчиняться приказам и получили желаемое: «Боевая тревога!» Фатальная ошибка. «К транспортным площадкам!» — так было бы куда разумнее. Могла бы сработать и «Пробоина в системе герметичности!» Даже «Покинуть борт!» дало бы кзинам спасительный шанс: они бы сбились в толпу в эвакуационном узле, а толпа кзинов — это страшная сила. Но «Боевая тревога!» просто заставила их послушно броситься врассыпную по заученным маршрутам, по знакомым коридорам... Прямиком в гравитационные ловушки. Джоток, спрятавшийся в стоявшем на стапелях «Цтиргоре», одним выстрелом снял Героя, бегущего через ангар.

Лейтенант Аргаментайн руководила мятежниками из тесного чулана с униформой, временно помещенного в главный коммуникационный узел «Самки». Наконец-то она разжи-

лась брюками и рубашкой, перешитыми по ее приказу джотоками. Плюс кислородной маской, подогнанной под размер. Операция была в самом разгаре, когда отряд кзинов отбил захваченный командный центр и уничтожил всех рабов, там находившихся. Связь прервалась.

Теперь они могли вычислить ее собственное местоположение.

Срочно убираться! С импровизированным ускорителем наперевес Нора спрыгнула в г-образный коридор. Держа оружие на изготовку, она огляделась и поняла, что здесь и погибнет. Что подумают дети, когда очнутся от успокоительного? Должно быть, она совсем спятила, раз захотела умереть в своей клетке!

Внезапно по коридору просвистела стрела арбалетного электрошокера, обнаруживая Героев группы зачистки. Без толку, выходит, она прикрывалась ускорителем. Стрела угодила Норе в спину, вероятно срикошетив от стены. Раны не было, только пальцы онемели так, что она едва держала оружие в руках, пока стреляла по ведущему кзину, по прикрывающему и, для острастки, по полосатому монстру в тупиковой ветке, где они, видимо, и прятались. Потом выстрелы стихли. Нора почти оглохла, а парализованные ноги отказывались двигаться. Обездвиженный кзин проплыл по коридору прямо на нее. Потом лейтенант почувствовала россыпь ударов по стенам.

Когда совсем девчонкой Нора постигала науку войны, в голове ее оседали интересные факты и истории. И теперь она вспоминала отрывок из письма одного француза, оказавшегося в госпитале Реймса: он пролежал четыре дня в осыпавшейся траншее под трупами собственных восьми товарищей. Дело было в двадцатом веке.

Долг солдата — ждать. И пока он ждет, парализованный, жизнь идет своим чередом. Из-за угла показались трое джотока, тараторящих на своем псевдонаречии Героев. Ловко переворачивая кзинов, они стянули с них шлемы и перерезали глотки. Потом освободили трупы от оружия и сложили аккуратной стопкой рядом с Норой. Перезарядили ускоритель и подвесили лейтенанта в верном положении. Двое рабов ушли, а третий задержался, чтобы вколоть «командиру» антидот, эффективный, правда, только для кзинов. Поправили Норе брюки и оставили одну.

Долг солдата ждать, пусть он и парит в крови врага, словно замоченная простыня. Пальцы недвижны... Святые угодники, пусть вернется чувствительность, когда появится шанс убить еще одного кзина!

Отца спалили заживо.

Наконец появился Длиннолап, отчаянно споряший сам с собой о том, как помочь Норе. В результате трое джотоков аккуратно перенесли ее в отсек рабов, чтобы вымыть. Она могла только мямлить и по-младенчески «гулить». Поэтому молча слушала историю их невероятной победы. И пусть не могла выразить радость словами, но глаза ее лучились.

Видел бы это генерал Фрай! Жуткие пятирукие рабы заботливо моют голую самку приматов!

Длиннолап разделил ее локоны на пряди, нежно расчесал их золотистую массу, встряхнул, распушил, добавил протеинов для объема. О да, он умел управляться с мехом!

— Выж... Мягкий... Желтый... выжил?

— Спать как котенок.

Нора усмехнулась про себя. Остался только один! Получасом позже, когда способность говорить вернулась, она предложила разбудить желтого кзина.

Длиннолап колебался. Остальные джотоки тут же сникли, устрашившись.

— Не сейчас. Сначала очистить корабль. Кровь! Вмятины! Жуть! Хаос!

Большая «рука» угрюмо добавила:

— Он не должен узнать.

Пятнистая вздрогнула:

— Ярость, если рассказать...

— Соври кзину — и попадешь на пыточный стол, — понимающе кивнула Нора.

— Бунта не было! — категорично заявил Длиннолап. — Все как было.

Джотоки отлично разбирались в штурманском деле. К началу мятежа поляризатор «Самки» работал на холостом ходу, разогнавшись до четверти световой. И торможение в планы бунтовщиков не входило. Они лишь задали новый курс. Глубоко в космос.

Избавиться от трупов кзинов было поручено специальной группе. Тела были сброшены в поле поляризатора.

Энергия двигателя жестоко расщепила их и тут же привела частицы в равновесие. Другие команды чистили, отскребали и чинили. Длинполап убил всех, кто не участвовал в мятеже, мясо оставил на хранение для Мягкого-Желтого.

Впервые за тысячу лет древние покорители варварского рода Героев вновь командовали собственным кораблем.

Глава 24
(2420 н. э.)

Гибернация притупляет мысли, гасит ярость. Но после пробуждения память нисколько не страдает. Поэтому Мягкий-Желтый совершенно растерялся, когда, очнувшись, не обнаружил себя сцепившимся с Гррафом-Хромфи. Похоже, вместо бесславной гибели его ожидала иная участь: стать хозяином опустевшего, неуклюжего самоходного дока, бороздящего глубины кзинского космоса. Как минимум у него должны быть штурман и команда.

Сначала Наставник-Рабов решил, что Хромфи, под воздействием неожиданного всплеска гормонов, изменил точку зрения и позволил *Мягкому-Желтому осуществить* задуманное. Единственно возможный логический вывод. На борту царил безукоризненный порядок. И «Акула» до сих пор лежала в ангаре — первое, что Наставник проверил.

Но командор, который и ухода за мехом джотоку не доверит, не мог оставить на пятилапых рабов управление целым кораблем! Что-то случилось. Однако на догадки времени не было. Командование судном было для Наставника в новинку; возникло множество неотложных дел, требующих внимания. И все же он стал подмечать мелочи.

Протоколы приказов исчезли. Электронный корабельный журнал подозрительно чист. Командный передатчик разбит. Когда джотокам был отдан приказ взять управление кораблем на себя? Он даже информации об итогах битвы раздобыть не мог. Последнее, что он слышал, было сущим кошмаром: частый импульс приближающихся сверхсветовых звездолетов ОНКФ, Хромфи рычит во всю глотку о мифологических одноглазых монстрах, мастерах гипноза, о том, что человеческие агрессоры прихватили

с собой и циклона, а Пятая флотилия отправляется на подмогу кзинским защитникам системы альфы Центавра, на верную смерть.

Теперь же об этом никто и слова не обронил. От кзинов не осталось даже запаха. Ни намека на высшее руководство. Полный разрыв с реальностью.

У всей этой пасторальной тишины — ни шума битвы, ни сигналов тревоги — и безмятежности должен быть хозяин. Но его джотоки, управлявшие доком в нарушение всех норм Адмиралтейства и субординации, были бесконечно напуганы. Вот что было самым подозрительным.

Рабы Наставника лгать бы не стали. Если бы Хромфи оказался в безвыходном положении и отдал приказ вести «Самку» к столичной планете, джотоки бы так и сказали, и были бы крайне горды доверием командора. Но те только суетливо бегали вокруг, стремясь угодить и изобретая приказы, которые потом выполняли со всем рвением... И помалкивали.

Наверное, боялись, что их покладистый Мягкий-Желтый перебьет всех до единого. В каждом из пяти сердец джотока живет неуемный страх перед Клыкастым Богом. Но допрашивать рабов Наставник бы не решился. Разумеется, вранья бы он не потерпел, но порой правды лучше не знать. Он никогда, никогда бы не стал допрашивать Длинолапа, Шутника и Ползуна о Водящем-За-Нос. Эта тема навсегда останется под запретом.

Убийство из бесконечной преданности.

Помнится, еще Смотритель-Джотоков, перебрав контрабандной крови стондата, несвязно бубнил о преданности джотоков так, словно это был великий грех. Истории об их коварстве были правдивы на все сто, но Наставник предпочитал списывать подобные проявления агрессии на счет неумелого воспитания рабов. Неужели мотив был иным? И кровожадная горячка — это то, чем чревата прочная «фиксация»?

Наставник исследовал все уголки корабля на предмет улик и не нашел ничего, что свидетельствовало бы о массовом избиении кзинов. Нет, нет. Подозревать глупо! Его джотоки послушны. Лучше не найти. Может, они способны на убийство из благих намерений... Но только не мятеж. Система обучения проверена многими поколениями. Она

не включает развития навыков военной стратегии. Наоборот. От этой выдающейся в прошлом способности пятилапых при выведении современных линий породы старательно избавлялись.

Однако Наставник заметил еще кое-что. Рабы настойчиво держали его подальше от лейтенанта Аргаментайн, с излишним рвением поддерживая в отсеке с клетками феноменальный порядок. Кзин даже замурлыкал от осенившей его догадки. Вся эта завеса тайны после его пробуждения заставила совсем позабыть о Норе. И никто о ней даже не напомнил...

Да. Джотоков он жалел. Но без колебаний решится на допрос мартышки. Должно быть, она совсем поправилась.

Размышляя об этом, он проверял курс «Самки» к тусклому, далекому Р'хшссире, сидя в командном кресле на мостике. Навигация не его специальность, но ведь Наставник полжизни провел в космическом пространстве, покоренный величием небесной сферы. Он получил кое-какие знания о более чем тысяче звезд, навсегда завладевших его сердцем. Проложить курс — не проблема. Главное — избегать изменчивых скоплений массы, что есть и искусство, и гордость, и ночной кошмар любого штурмана. И в этом Наставник преуспел.

Нора Аргаментайн была не в духе, когда он пришел к ее клетке. Джотоки превысили полномочия и собрали четыре пустые клетки в одну общую для самки и детенышей, но Мягкий-Желтый только признал, что подобное решение оказалось оптимальным. Дети зарыдали, едва увидев его.

— Тихо, рабы! — рявкнул он, и троица умолкла.

— Похоже, твои маленькие фокусники вытащили тебя из холодильника. Взяли командование целым кораблем на себя и спасли хозяина.

— Я доверяю своим джотокам. Но Грраф-Хромфи ни за что бы не отдал док под их начало, пока на ногах хотя бы один кзин. Я хочу знать, что случилось.

— *У них и спроси!*

Наставник открыл клетку и заверил детенышей:

— Я только ненадолго заберу ее. Задам несколько вопросов и тут же верну.

За руку вытащил Нору и, придерживая на расстоянии, чтобы она не смогла его ударить, толчками направил к па-

лубной станции транспортных кабин. В условиях легкой гравитации они почти парили. Лейтенант пыталась стряхнуть лапу кзина:

— Я не брыкаюсь!

Но на самом деле каждый шаг пути она вела себя с точностью до наоборот.

Пыточное кресло было слишком большим для человека. Наставник стянул конечности самки жгутами и достал инструменты. Подключил вокодер к монитору, чтобы исключить из разговора непонимание.

— Скажи мне правду, и боли не будет. — Голос его был мягким.

— Я уже была здесь, своего мучителя прибила.

Ситуация начала проясняться. Сообразительность самок — неиссякаемый источник лишних неприятностей!

— Гр-р, это все?

— Должна ли я сдать твоих вероломных пятируких ловкачей?

— Они предали тебя?

— Они вкололи мне успокоительное и вернули в клетку. Они предали себя.

— Что произошло? Я не могу их допрашивать, у меня все нутро сжимается от жалости. Позор мне, ведь они мои друзья.

— Друзья?! Вместе мы за полчаса перерезали твоих соратников-крысокотов! Им определенно понравилась забава! Только одну ошибку я совершила. — Нора плюнула в кзина что есть сил. — Спасла твою шкуру!

Сам того не ожидая, Наставник вдруг низко, угрожающе зарычал. Вот он, лидер мятежа! Теперь все встало на свои места.

— Подробнее! — прогромыхал он.

Нора растолковала, куда Мехоликий может засунуть свой хвост.

Он включил нервный стимулятор:

— Ладно, ладно, зачем мне, в самом деле, их выгораживать.

Ничего не поделаешь. Придется рассказать. Но пусть помучится, она спешить не станет. Нора выставила все так, будто восстание было спонтанным: этакое удачное стечение обстоятельств. Умолчала о паралитическом газе, стоически

сопротивляясь желанию поведать его «чудесную» формулу, если вдруг кзин будет настойчив. Но слишком ошеломленный общей картиной, тот вдруг остановил «глубинные раскопки». Нора буквально кожей ощущала: Мягкий-Желтый не мог, не желал допускать даже мысли, что его джотоки способны на убийство. Почему?! Он избавил ее от пут, давая понять, что допрос окончен.

— Я должен всех их выкинуть в космос! — прогремел он.

— Помочь?

— И ведь я уже сталкивался с подобным. Но кому еще было прикрывать мою спину? Кзин, что охотится в одиночку, очень уязвим. — С досады он ударил хвостом о стену. — Это ты их с толку сбила.

— Убьешь меня?

— Самки не способны нести ответственность за содеянное. Не твоя вина, что ты разумна. У Клыкастого Бога своеобразное чувство юмора.

— Шкура у тебя отличная, как раз для коврика возле камина, — огрызнулась Нора, накручивая локон на палец.

Наставник промолчал. История о массовой резне отрезвила его, привела мысли в безукоризненный порядок. Какими еще страшными последствиями грозила рассудительность у самок? Думающая, внятно изъясняющаяся кзинрет способна перевернуть жилище благопристойного кзина вверх дном, если научит всему, что знает, свое потомство. Голова идет кругом, стоит только представить, что в покоях самок будет править военный гений одной из них! Они же полностью завладеют умами котят! И воспитают вопреки всякой морали и мудрости!

Что за горькая доля выпала этой расе! Что за жестокий поворот эволюции! Сердце Наставника кольнула острая жалость к приматам. За последние две сотни поколений только на родной планете человечества войн случилось больше, чем за всю историю кзинской космической экспансии. Такого количества смертей не знала ни одна завоевательная кампания Героев во имя защиты Долгого Мира. Что еще пожнет раса, если сообразительность самок сеет раздор между отцами и сыновьями?

Бессмысленное расточение феминной сути, истинного назначения, внутренних сил, которые следует тратить в играх с котятами и в блаженстве супружеского ложа.

Инструменты для пыток были убраны. Черные подушечки пальцев коснулись золотых каскадов кудрявой шевелюры Аргаментайн. Наставник тосковал по давно утерянной Гриних.

— Не бойся меня. Я странный кзин, известный своей совсем негероической привязанностью к собственным рабам. Природа дала тебе красивые волосы. Я позабочусь, чтобы голое тело покрыл безупречный, великолепный мех. В твоей натуре есть изъяны, но я знаю, как сделать умственные способности безупречными.

Лучше самки не найти.

И никакой спешки.

Им предстоял долгий путь домой.

Глава 25
(2420—2423 н. э.)

Пусть «Гнездящаяся самка косоклыка» и слыла тихоходом, но ее круизная скорость была ничуть не меньше, чем у любого крупного кзинского корабля. Путь до Хссина — три с половиной года, то есть два и шесть десятых световых лет от альфы Центавра. Человеческий космос теперь кишел патрулями, оснащенными гипердрайвами, так что выбираться на активно пользуемые трассы не хотелось. Впрочем, Хссин лежал в пяти и шести десятых световых лет к северу от человеческого Солнца. Контролировать такой квадрант — все равно что на шлюпке патрулировать океан.

С самкой будут проблемы. Наставник уже предвидел. Держать в клетках подопытных животных — это одно, но для разведения породы такое содержание не годилось. Из этого не выйдет толку. Поэтому он очень тревожился, начиная долгосрочную программу. Замороженной спермы имелось в избытке. Требовались дополнительные эксперименты, но без надежного обеспечения подопытными приматами об этом можно забыть. Придется положиться на уже полученные знания.

Правда, если он предоставит самке Норе столько места, сколько ей захочется, — да хоть дворец построит, чтобы там и дети резвились, — это неприятностей только прибавит. Тем не менее он выбрал для лейтенанта самое просторное

помещение в каютном отсеке, хотя самка оставалась в клетке до тех пор, пока оборудование вольера не было завершено. Думай, прежде чем прыгать!

В своем изначальном виде помещение надежностью не отличалось. Когда Нора поселится во дворце, подобные аспекты уже потеряют свою значимость. Но сейчас, Наставник знал, она твердо вознамерилась уничтожить «Акулу» и гипердрайв и от задуманного не отступит, даже если придется поплатиться жизнью. Следующим пунктом в ее списке приоритетов значилось убийство последнего уцелевшего на борту кзина. Яростный интеллект самки... Пленяющий изъян. Надо держать ухо востро. Нору нельзя недооценивать.

Джотоки укрепили стены вольера бронированными плитами. Встроенные мониторы позволяли следить за самкой и ее опасными повадками круглосуточно. Приборы контроля были не самые современные, но, если Нора будет хорошо вести себя, они не станут травить ее газом слишком часто.

Когда «покои» были готовы, Наставник взял лейтенанта на экскурсию. К его неудовольствию, Нора опять облачилась в одежду. Она не украшала, но скрывала безволосую наготу.

— Неплохо, — сказала Аргаментайн сдержанно. — Напоминает «Алабаму». Оружейный склад.

— Алабаму?

— О той войне ты ничего не знаешь. Это боевой крейсер Военно-морских сил США с бронированным оружейным складом, способным выдержать внутренний взрыв, и корабль при этом не пойдет ко дну.

Наставник выслушал ее со всем вниманием, а потом включил вокодер, чтобы удостовериться, что понял все верно. Какие опасные факты хранила ее память! Похоже, Нора способна слепить мощную взрывчатку из бумаги и слюны. Ее следует избавить от подобного знания, подчистить память, изменить эмоциональную картину, ослабить речевые способности. Пока она владела воспоминаниями и полным набором практических навыков, она оставалась крайне опасной. Кроме того, стоит заняться эстетическим видом: попытаться вырастить богатый мех поверх розовой кожи. Тогда Наставник будет спокоен и доволен.

Тем не менее умения Норы могли пригодиться.

Чтобы доставить ей удовольствие, Мягкий-Желтый предложил самке обставить вольер по своему вкусу, чтобы и ей, и детям тут было удобно.

— Ты правда дашь мне все, что я захочу? — Она сложила губы в странной улыбке, обозначавшей, как Наставник уже знал, удивление. И, к его огорчению, скрытую угрозу. Ее пальцы крутили золотистый локон.

— Никакого оружия, — предостерег Мягкий-Желтый.

— Хочу огромную подушку, чтобы плюхаться со всего разбегу.

Разум Наставника лихорадочно анализировал данное пожелание. Как превратить подушку в оружие и убить врага, когда тот меньше всего ожидает нападения? Что за игры! Только на первы действуют. Воображение уже рисовало безрадостные картины: Нора замачивает содержимое подушки в азотной кислоте, а из порванной на лоскуты ткани плетет аркан. Будто бы не слишком правдоподобно... Гр-р.

— Будет подушка, — согласился Наставник.

На борту появился изощренный декоратор. Ее идеи ставили в тупик. Кровать с атласным балдахином и регулируемой гравитацией?! Золотые человеческие младенцы с крыльями у изголовья?! Наставник недовольно ворчал, но все же приказал джотокам выполнить заказ и подобрать достойную замену атласу и дереву. Пришлось перепрограммировать ткацкие станки и формовщиков пластмасс.

Время побежало быстрее, ведь появилось столько дел и забот! И главная задача — понять устройство гипердрайва. Тут нельзя действовать опрометчиво, нельзя разбирать для тестов, потому что это единственный доступный образец...

В итоге Наставник сосредоточился на двух основных пунктах.

Первое. Анализ двигателя. Выделить сборочные единицы. Попытаться создать копию отдельной единицы. Испытать.

На «Самке» имелось все для ремонта и производства любых запчастей. К тому же псевдофабрика, по сути, стала собственностью Наставника. Ну а джотоки — искусные мастера.

Второе. Исследовать знания и навыки Норы в области военной науки.

Долгие годы экспериментов показали, что человеческая память отличается исключительной гибкостью, превышая аналогичный кзинский показатель примерно в пять раз.

Пытки быстро проясняли общую картину, но были губительны при работе со специфическими особенностями. Всякий раз, как возникало воспоминание, оно принимало измененную форму. Если целью являлось облегчить боль, путь памяти претерпевал кардинальную трансформацию, проще говоря, мутировал. Пытки же постепенно разрушали механизмы, способствовавшие восстановлению оригинальной картины памяти.

Вывод: пытки исключить.

Медленно, мало-помалу Наставник разработал основные методы.

Наилучших результатов в работе с лейтенантом он добивался, когда погружал Нору в состояние сна, из которого она не могла самостоятельно выйти. И при этом сон не был глубоким. Кзин переносил ее в макет кабины «Акулы», где представлял спящему сознанию виртуальный ряд образов военной тематики, к примеру нападение вражеского штурмовика. Победа поддерживала ее интерес к подобным сновидениям и гасила повышенную тревожность.

Пока Нора спала, Наставник следил за ее двигательными реакциями. Так он мог составить схему манипуляций, которые лейтенант совершала, чтобы, скажем, отбить ту же атаку. В результате Мягкий-Желтый ознакомился с подробными боевыми характеристиками «Акулы». Обнаружил, что прыжку в гиперпространство предшествует получасовая фазовая подготовка. Что корабль Норы был захвачен именно из-за неисправности двигателя.

Помимо этого, Наставник изучал Аргаментайн с позиции эволюционного курьеза. Поскольку люди бисексуальны, наличие разума у самки являлось нежелательной чертой, наследуемым признаком, который необходимо подвергнуть выбраковке. Если уж кзинти собрался создать послушного раба-примата — а Нору никак нельзя назвать послушной, — из обязанностей самки сразу следует исключить воспитание детей-самцов. Иначе гарем свергнет Патриархат и мир кзинов будет повержен в хаос. Отчего человеческое сообщество еще не превратилось в безжизненную взвесь космической пыли?!

Наставник попытался донести свои рассуждения до Норы, но та оказалась упряма, как все сыновья Хромфи, вместе взятые. Посиживая под своим балдахином, она реагировала лишь совершенно неприличествующей самке агрессией. Слушать она, похоже, не умела. Что еще раз доказывало: самки не способны пользоваться даром речи, даже если обладают им.

Когда исследования гипердрайва измотывали, Наставник отдыхал, выстраивая умозрительные концепции избавления человеческих самок от мужских признаков, например речевых навыков, с помощью хромосомной инженерии. Впрочем, грезы оставались грезами, поскольку решение слишком очевидно, чтобы быть верным.

Генетическая реконструкция, к которой однажды прибегли сами кзинти, тут вряд ли поможет.

Репродуктивный цикл кзинов начинается с объединения сперматозоида и яйцеклетки в двуядерную суперклетку. Затем генетические группы, похожие на человеческие хромосомы, становятся активными и покидают ее, чтобы разделиться на четыре разнополых зародыша. Парами они мигрируют в брюшную область самки. В помете всегда равное число кзинтош и кзинррет.

Репродуктивная схема приматов не сильно и отличалась. Но имелись не совсем удачные эволюционные решения. Ядра кзинских клеток гораздо более сложно организованы, содержат три различных типа белковых цепочек: комбинация контроля половых признаков, основная комбинация, комковая комбинация.

Цепочки, определяющие принадлежность зародыша к тому или иному полу, отличались наибольшей насыщенностью и величиной, в четыре раза превосходя любую цепочку в основной группе и в несколько октал — цепочки из комковой комбинации. В клетках самцов кзинтош-цепочки дублируются, в клетках самок над кзинррет-цепочкой доминирует цепочка самца. Цепочка самки отвечает за физические размеры и подавляет речевой признак, который несет именно кзинррет.

В случае с человеческим родом генетически видоизменить мужские половые признаки не удастся, потому что в этой расе именно в клетках самок содержатся обоеполые наборы хромосом! Дурная инверсия естественного порядка

вещей. Структура человеческой ДНК ставит в тупик: для чего самцам-приматам, теряющим волосы и наследующим гемофилию, интеллект как таковой?! Что еще хуже: женские и мужские наборы хромосом одинакового размера, мужские даже тоньше и, в отличие от кзинских аналогов, лишены конкретных центров контроля роста и развития.

Как бы там ни было, Наставник не торопился лишать Нору интеллектуальных задатков. Он помнил, к каким провалам в исследованиях приводил в прошлом его юношеский пыл. Думай, прежде чем прыгать.

Разум — полотно многослойное, структура многогранная, и настоящей катастрофой обернется смещение составных частей, когда, удаляя один компонент, выясняешь, что разрушил другой. Необходимо запастись терпением, изменять небольшие структурные образования в мозге Норы по одному за операцию. Далее начинался период тщательного, пристального наблюдения за спровоцированными переменами, предопределяющий очередной этап коррекции.

Путешествие длилось уже несколько месяцев, когда лейтенант решилась на попытку уничтожить корабль. Она использовала для побега мебель. Соорудила противогаз и двинулась к системам жизнеобеспечения через узел кондиционирования воздуха, о котором узнала во время мятежа. Схему «Самки» Нора запомнила назубок.

Наставник обнаружил ее без сознания. Аргаментайн остановило изощренное устройство, которое Мягкий-Желтый создал, скорее руководствуясь дотошной предусмотрительностью, чем на случай серьезной угрозы. Сказывалось влияние многотомного труда Чуут-Риита: покойный Командор-Завоеватель призывал учитывать даже маловероятные повороты событий.

До самой своей неудачи самка Нора продолжала настаивать на одежде. Кзин пытался убедить ее в нелепости самой концепции укрывать тело тряпками. Он прибег к виртуальным образам слонов в сомбреро и болеро, тритонов в камзолах, жирафов в матросках и яков в килтах. Нора только хохотала до упаду, и ее локоны умильно пружинили. Она рассказала, что выросла на историях про животных в одежде. Невероятная чушь! Только представить, что придется расстегивать пуговки на жилетке ватака, прежде чем разорвать добычу... Брр!

Исчерпав все аргументы, Наставник просто «заминировал» брюки Аргаментайн капсулой с паралитическим ядом, который немедленно проникнет ей под кожу, едва она окажется слишком близко от электромагнитных заслонок какой-либо из систем жизнеобеспечения.

Находиться рядом с нею, пусть недвижной, — все равно что ворковать с зажигательной бомбой. Где только она окислитель раздобыла?! Из воздуха! Ну конечно же! Собственная недальновидность приводила в ярость. Как приматы управляются с целым гаремом подобных «лейтенантов»? Как вообще весь род человеческих самцов еще не вымер?

Последний инцидент избавил Наставника от сомнений. Память Норы необходимо стереть. Мягкий-Желтый уже закрепил на ее конечностях жгуты, когда самка пришла в себя.

— Еще здесь... Я все провалила, черт! — всхлипнула Аргаментайн, оглядывая операционную.

Будь она кзином-Героем, ей бы дали прозвище Мастер-Провала.

— Забудь, — буркнул Наставник. — «Алабаму» сделали непотопляемой.

— Как дети? — Она заплакала в полную силу.

Нора считала личным долгом заботиться о трех малышах, замученных неволей и опытами на мозге. Кто она, мать или офицер ОНКФ... Уже не разобрать.

— Длиннолап учит их играть в карты.

— Луи не сможет. Ты искалечил его. Он не способен концентрировать внимание.

Наставник-Рабов не ответил. Не пошевелился. Он вырос в совсем ином обществе, где высокая смертность среди молодняка была обычным делом. Котята гибли в огромных количествах: жестокие отцы и сверстники, изгнание из семей... Рождалось гораздо больше, чем выживало. Путь к Героизму и Доблести устлан страданиями.

— Меня ты тоже изувечишь? Поковыряешься в мозгах и сделаешь бубнящей слюнявой идиоткой?

Она боялась. Что за смесь... Страх и смелость.... Наставник чувствовал, как рождается в нем неестественное, неожиданное сострадание.

— Всего лишь притопаю тебе хвост! — прорычал он с шипением, рискнув блеснуть чувством юмора.

Из операционной Нора вышла с имплантатами желез в мозгу. Чувства и ощущения не изменились. Сознание было ясным. По-прежнему она надеялась уничтожить «Акулу». И по-прежнему ненавидела кзина.

Свободное время Наставник проводил, создавая математическую модель человеческого мозга. Занятие, особых трудностей не подразумевавшее. Бóльшую часть работы все равно выполнял интерактивный накопитель. Требовалось лишь занести информацию, содержавшуюся в медроботе, и результаты экспериментов в интегральную модель, которую кзинские физиологи создали бесконечность назад как наглядное пособие по разнообразию органических мозговых образований: джотоков, кзинов, кдатлино, чункенов и прочих рас. Много различий и куда больше сходства.

Подчистка памяти — процесс деликатный. Воспоминания плотно связаны друг с другом, словно гигантский n-мерный кроссворд-головоломка. Удаление отдельно взятого сегмента влечет за собой уничтожение целого шлейфа других. «Очищенную» память, как пустой контейнер, всегда можно заполнить новым содержимым. Реконструкция проводится автоматически с использованием остаточных мнемонических единиц. Недостающие фрагменты активируются при попытке вспомнить что-либо. Если потеря памяти вызвана естественными причинами, то внедренная информация складируется в какой-либо области мозга «до востребования».

Органический мозг — структура, развивавшаяся на протяжении сотен миллионов лет в жестоких условиях естественного отбора, — идеально подходил для расы завоевателей. Он мог выдерживать обширные повреждения без существенного снижения работоспособности. Ни одна отдельно взятая область мозга не являлась контрольной для всей системы. А многочисленные резервы гарантировали, что даже масштабная потеря памяти поддается возмещению.

Отсюда следовало, что стереть память Норы полностью за одну операцию не удастся. Если не ставить цель убить самку. Наставник решил прибегнуть к поэтапной деградации мнемонических структур, не нарушающей общий гомеостатический баланс. Он умел тормозить или ускорять рост дендритных отростков нейронов, разъединять и соединять наугад. Мог произвольно менять уровень синап-

тических показателей. Выключать или включать механизм, переводивший кратковременную память в долговременную.

Наставник разбирался в работе нейронных рецепторов и был способен активировать или выводить их из действия, если требовалось привести мозг Норы в дисбаланс, чтобы началась активная компенсация: ускоренный набор опыта клетками мозга. Биохимическая стимуляция этого процесса требовала осторожности, поскольку могла спровоцировать своеобразную фиксацию разума на одном-единственном событии. Невральное обучение переписывало старые воспоминания быстрее, чем они могли восстановиться.

В нормальных условиях накопление опыта мозговыми структурами идет резкими рывками. Нейронный дисбаланс запускает освоение новых информационных блоков, чтобы вернуть системе равновесие. В случае успеха обучающая программа сворачивается. Постоянное ее использование стирает прежние воспоминания, не давая им шанса восстановиться по достижении равновесия.

С помощью медробота Наставник научился еще одному искусному трюку. К уничтожению нейрона могло привести внедрение псевдовируса. Привитая паразитарная структура отпочковывалась, что убивало носителя, и после, под воздействием того или иного стимула, либо воспроизводила себе подобную, либо отращивала аксон. В случае активных нейронных рецепторов аксон ветвился дендритами и «пускал корни» в мозг. Таков был альтернативный способ избавить Нору от старых воспоминаний, не причиняя вреда.

Железы, стимулирующие рост меха, — это лишь прихоть.

И по-прежнему не было никаких идей, как блокировать, демонтировать и перебрать заново «языковой процессор» лейтенанта.

Ну что ж. Один прыжок зараз.

Когда самка окрепла, Наставник принес мороженое и устроил для нее настоящий пир в импровизированном дворце-вольере. Возможно, помещение и не было «приматонепроницаемым», но Мягкий-Желтый предпринял все, на что был способен в сложившейся ситуации. Особенно Нору радовала ширма рядом с детской, позволявшая ей немного передохнуть от возни с маленькими бесенятами.

Луи в самом деле отличала излишняя импульсивность и настойчивая тяга к разрушению. Девочки были гораздо тише. Они дрались, как две кзинррет на турнирной арене, и любое проявление нежности Норы к сопернице рождало кипучую ревность в сердце другой. Брунгильда через несколько лет должна была умереть от переизбытка мозговых клеток.

Длиннолап веселился с детьми, пока Наставник, развалившись на огромной подушке, поедал собственную порцию мороженого, приправленную кусочками печени и почек. Он беседовал с Норой, не в силах отвести взгляда от ее лица.

— Гр-р. Ты мне очень дорога. Я хочу, чтобы ты жила. Но еще важнее человеческий гипердрайв. Он представляет огромную ценность для Патриархата. Если попытаешься сбежать снова, я буду вынужден тебя убить.

— Только если я не прикончу тебя раньше.

Аргаментайн отправляла в рот одну за другой пурпурные ягоды, усыпавшие шарики мороженого. На ее щеках залегли ямочки. Сегодня Наставник впервые их заметил.

Он оскалился, изо всех сил стараясь повторить человеческую улыбку. Как же им удается так кривить губы?!

— Забудь, что ты это вообще говорила.

Когда док вышел к Р'хшссире, Нора уже покрылась чудесным шелковым мехом. Лоснящийся, золотистый, он превратил ее из уродливого розового «огрызка» в спотсшибательно красивое животное. Она все так же свободно трещала и спорила на английском, правда с паузами. И Наставник еще не измыслил способа добиться ее беременности: он хотел, чтобы Нора понесла двойню.

Глава 26
(2423 н. э.)

Коротышка-Сын Чиир-Нига, он же Поедатель-Травы, он же Наставник-Рабов, был наконец дома, и сердце его трепетало от радости. Р'хшссира, это раскаленное ископаемое, отчего оно так мило ему? А Хссин? Что он для Наставника? Отчего так не терпелось пробежаться по старому загону и посплетничать со Смотрителем?

Мягкий-Желтый сидел в командном центре и проверял показания приборов, еще задолго до того, как док вышел к месту назначения. Он взял на себя роль няньки шумного Луи, потому что агрессивный малыш совершенно измотал Нору и ей требовался отдых.

— Гр-р-роуф! Отойди оттуда! — приказал Наставник. Он несильно шлепнул ребенка и вернулся в кресло. — Иди сюда. Скоро ты увидишь кое-что интересное.

Кзин надеялся поразить мальчика видом звездных россыпей. По правде говоря, дети пробудили в Мягком-Желтом отцовский инстинкт, а Луи был единственным самцом.

Тишина электромагнитного эфира начинала беспокоить. Приборы отказали?

Луи тем временем, воровато оглядываясь на полосатого монстра, готов был возобновить свою опасную забаву. Все в порядке. Можно действовать. Кзин занят.

Безжалостная правда открылась, когда «Самка» начала сближение с орбитой Хссина и электромагнитный телескоп выдал первые снимки. Горестный рык бесконечного отчаяния вырвался из груди Наставника. Хаос! Эти безволосые упыри уже побывали здесь! Пришли и ушли, не оставив камня на камне!

Орбита больше не светилась привычными гирляндами пассажирских и грузовых судов.

Наставник выл и кидался с когтями на стены.

Луи нырнул под штурманский стол, ввергнутый в ужас, оставив пластиковый кусок обшивки наполовину воткнутым в клавиатуру.

Убитый горем кзин видел только, как детеныш пытается сломать его компьютер. Когти вцепились в завизжавшую мартышку, вытащили из укрытия. Бритвы-челюсти откусили голову, и крики тут же стихли. В ярости Наставник разорвал тельце мальчика на части. Жажда крови заставила проглотить руку. Но разве он был голоден?! Отшвырнув труп, кзин в отчаянии принялся колотить себя в грудь.

Клыкастый Бог из прихоти покинул их! Хссин должен был получать новости с Ка'аши! Он вернулся к кзинскому названию Дивной Тверди, не способный думать или говорить на человеческом наречии. О злой рок! Смерть, что быстрее света, спустилась с небес! И у семьи Нига не было

шанса. Его мать! Окровавленными когтями он рвал свою гриву в клочья. Хамарр *великолепная, обожаемая защитница, друг детства, первый друг!* Мертва! Подобно смерчу он носился по мостику, кроша и ломая сувениры с Ка'аши. С какой любовью он их собирал! Хамарр бы покорили фарфоровые статуэтки, теперь разбитые вдребезги о стены.

Ярость кзинов не ведает границ. Но порой ее сменяет жалобное мяуканье. Он бросился к верным друзьям — Длинолапу, Шутнику и Ползуну, которые в немом ужасе созерцали кровь на камзоле Мягкого-Желтого.

— Смотритель-Джотоков мертв! — простонал кзин, и они разделили с ним это горе. Ибо язык горя и душевных страданий понятен каждому во Вселенной. Здесь не нужен изощренный интеллект. Сострадание идет из сердца.

Джотоки помогли Наставнику прибрать на мостике. Осмотр планеты наглядно продемонстрировал всю жестокость монстров-приматов. Во многих районах не осталось ровным счетом ничего. Там, где прежде высились электростанции, теперь чернели огромные опалины. Невелик труд уничтожить космическую колонию... Достаточно пробить дыры в герметичных крышах.

В загоне они нашли иссушенного джотока, одного из диких, застигнутого ядовитыми парами атмосферы Хссина, как раз когда он взбирался на дерево. Выпаренная материя листьев до сих пор хранила зеленый цвет. Старый великан Смотритель у себя на кухне, в лапах консервная банка с мясом ватаков. Обезвоженный оскал. Слуга-джоток, пришедший на помощь хозяину, превратился в сухую груду конечностей.

В свете фонаря отыскали мумию Хамарр, сжимавшую троих крошечных котят; не ее, она была уже слишком стара. Наставник рухнул на колени перед матерью, прижал мумию к груди и рыдал, рыдал, словно слабый детеныш. Казалось, и по ее щекам до сих пор текут тихие слезы.

Погибли даже гнилостные бактерии. Попалась комната, полная задохнувшихся кзинррет и котят. Помещение было защищено от воздействия ядовитой атмосферы Хссина.

Но где-то ведь должны быть выжившие?! Наставник продолжал поиски, не зная отдыха. Какое-нибудь укрытие с мобильными системами жизнеобеспечения... Город, который существует в губительных природных условиях, — это

не единое целое, это комплекс из самостоятельных жилых секций, построенных с учетом возможных катастроф. Гибель одной из секций допустима, но ведь какие-то должны остаться невредимыми! День за днем Мягкий-Желтый вел безотрадные поиски, и всюду за ним следовали неутомимые джотоки, руки которых спали по очереди. Но усталость брала свое. Кзин был измотан. Ему требовался отдых. Все, что ему удалось обнаружить, — это следы человеческого десанта, высадившегося после воздушной атаки, чтобы совершить акт геноцида.

Отшельники. Команда «Самки» — отшельники в изгнании. По-прежнему одни. Одиннадцать джотоков, самка-примат, две мартышки-сиротки и кзин.

Нора принялась расспрашивать, что случилось на поверхности. Еще хотела узнать, где же Луи, но не решилась. Она чувствовала ярость Наставника. Несчастный, замученный Луи, который ненавидел всех и вся и был способен слушаться и улыбаться, если только смотришь ему прямо в глаза со всей строгостью...

Мягкий-Желтый прекратил говорить с Норой на английском, позаботился о том, чтобы она лишилась доступа к любой информации о собственной культуре. Теперь он обращался к ней только на упрощенном Наречии Героев, которым пользовались джотоки.

— На Хссине больше никого нет! — прорычал он. — Твой флот истребил всех. Даже котят.

Не следовало оставлять на него Луи, сокрушалась Нора. У нее появилась теория, что кзинские самцы должны обладать завидными воспитательными способностями, спрятанными... Где-то спрятанными, поскольку уж их самки едва ли вменяемые существа. «Я ведь пыталась вызвать в нем сострадание. Сострадание? Да, именно это я и хотела сделать».

Но в действительности Аргаментайн просто требовалось время, чтобы отдохнуть от выходок озлобленного ребенка. Глупенький Луи... Если уж он был способен вывести из себя даже «любвеобильную Нору», то как, должно быть, взбесил он кзина, только что потерявшего и семью, и все свое племя!

«Думаю, Мой Герой убил его...»

— Что с Луи? — спросила она отрывисто. Ей необходимо было знать.

Но Наставник не ответил. Он отвернулся, полный раскаяния, как всякий кзин, только что сожравший собственного котенка.

Несколькими днями позже, размышляя о том, как переправить Нору на Хссин, он пришел к ней и рассказал все, *не вдаваясь, впрочем, в подробности*. О Луи, о семье, о проведенных на Хссине годах... О том, как отец убил сводного братика Наставника *исключительно в воспитательных* целях.

«Бедный, бедный Луи... Я спасла его и сама же бросила в логово льва».

И... о ужас! Она не чувствовала ничего, кроме облегчения! Возможно, густой пушистый мех действительно превращал ее в кзина.

Глава 27
(2423–2435 н. э.)

Ниже приведены отрывки из дневника лейтенанта ОНКФ Норы Аргаментайн, обнаруженного среди развалин пограничной базы кзинов.

День 1

Джотоки вычистили и навели блеск в старом дворце кзинррет. Он еще легко отделался, ведь снаружи только груды обломков: постарались ребята из ОНКФ. Город уничтожен. Разумеется, жить здесь буду только я и девочки. Его Королевское Величество Самец займет более подобающее представителю его пола жилище. Полагаю, там, где прежде обитал сам Старая Шишка, его папаша. Джотоки восстановили герметичность. У нас есть вода и чистый воздух. А вот вопрос питания меня тревожит. Мой Герой уверяет, что проблем не возникнет, однако я жду только худшего.

Нашла тайник для дневника! Похоже, кзинррет хранили кое-какие женские секреты от своих повелителей! Тайник умно устроен, хотя и сработан грубовато. Главное, незаметен *для любопытных глаз*. Не знаю, что делать с его содержимым. Тут всякий хлам. Что за дикие понятия о дорогом сердцу, я бы в жизни такое хранить не стала. *Или*

стоит провести аналогии с собаками, которые прячут любимые кости от хозяев?

Но эти мелочи меня тронули. Вот к чему я приду. Темный разум, привязанный к подобным грубым поделкам и в глубинах своих сознающий, что хозяин не позволит их оставить, если увидит.

Взглянуть на меня, так я сущий кошмар. Не могу наложить на себя руки, ведь на мне девочки. Не могу сбежать. Чувствую, как медленно разрушается мой мозг. И я не разбираюсь в его строении, чтобы понять, какой именно части серого вещества он собирается меня лишить. Не скажу, что с каждым днем соображаю все хуже. Бывают, конечно, временные помутнения и провалы в памяти. Результат работы этой его штуковины в операционной. Но могу с уверенностью заявить, что мои мыслительные способности год назад были иными. И я начинаю бояться будущего. Не уверена, что теперь мне хватит мозгов спланировать и возглавить мятеж.

Порой не верится, что Мой Герой способен делать со мной такое. А потом взгляну на эту мягкую золотую шубку... О да, он способен. Не могу с ним спорить. Пыталась. Он похож на некоторых мужчин, которых я знала. Он слушает. Я чувствую, он добр, даже любит меня. Но он не слушается!

Брунгильда умирает от какого-то расстройства восприятия действительности. Сейчас она совсем плоха. Порой она даже не может самостоятельно есть или ходить по нужде. Джасин худенькая, не поправляется, очень нервная. Похоже, это эпилепсия. Не думаю, что они выживут, но делаю все, что могу. С Луи я не могла справиться, не хватало опыта. Бедный, брошенный, запертый в клетку злой ребенок!

Однажды мы вернулись на корабль, и я сходила с ума от тревоги за девочек... Наверное, поэтому решилась просить Моего Героя сделать хоть что-нибудь. Он практично заявил, что лучше их усыпить. Но все же удивил меня. Похоже, заметил, как ужаснуло меня это заявление, и пару дней спустя представил экспериментальную программу по восстановлению здоровья малышек: повторный осмотр и коррекция мозговых структур каждой. Но обещать успеха не стал.

Как мне теперь жить... Непосильная ноша. Смотреть, как девочки умирают. Может, их ждет конец, постигший

Луи! Как просить Моего Героя повторить свои жуткие эксперименты, чтобы исправить то, что он натворил?! Кто-нибудь такому доверит детей?!

День 4

У кзинов на будильниках восемь делений. У них безнадежно запутанная система исчисления времени. Я уже давно потеряла надежду выяснить, который сейчас час, какой день, какой месяц. Самкам не пристало интересоваться такими скучными вещами. Год, думаю, две тысячи четыреста двадцать третий. Из моей памяти пропали целые куски. Много дней. Ничего уже не вспомню. От этого гадать о времени еще сложнее. Могу ставить крестики на стенах. Но приведет ли это к чему-нибудь? Как я узнаю, настал ли новый день или еще старый тянется? Поэтому назову этот день четвертым. С момента падения планеты.

Теперь мне легче писать, чем говорить. Пока я пишу, у меня хотя бы есть время вспомнить слова. Остановиться, восстановить упущенную нить, поразмышлять и преодолеть преграду. Нора-из-моего-будущего, если ты читаешь и не понимаешь ни словечка, я пишу это, потому что память еще позволяет. Потери неуловимы. Но я заметила, что, если память тренировать, я могу потом воспроизвести заученный материал. Но когда я забываю вспомнить, то забываю, *как* помнить то, что не хочу забывать.

Практика. Практика. Практика. Запомнить.

ВОТ МОЯ ПАМЯТЬ. Если ты что-нибудь забыла, Нора, может, найдешь это здесь. Может. Мои способности усваивать потронуты, кроме моментов забытья. Герой сказал, что я всегда смогу учиться, так же хорошо, как и сейчас. Просто не смогу говорить или думать... словами. Он сотрет из моей головы английский и заменит Наречием Героев. А потом и его удалит. Вот спасибо, мясник чертов!

И Землю я тоже забуду. И ранние годы...

Я пытаюсь помнить Землю. Не хочу ее забывать. Помню родной город, кукурузные поля. Полуденное солнце над церковным шпилем. Помню дорогу в школу. Помню, как держала Бенни за руку, пока он пытался целовать меня и лапать одновременно. Было это во дворе Янковичей, да, в беседке, окруженной зарослями сирени... Но я никак не могу вспомнить название своего города... Как я могла *допустить* такое?..

День 5

Планетка зовется Син. По крайней мере так я выговариваю это шипяще-рычащее название на Наречии Героев. Жуткое место.

До «Акулы» мне теперь не добраться. Только молюсь, чтобы ОНКФ нашел корабль, как нашел Син, и отправил в ад. Может быть, Мой Герой и не сумеет починить гипердрайв, но разве можно утверждать с точностью... Он настоящий трудоголик. Этот двигатель постоянно в его мыслях. Пятирукие механики тоже хороши. Мне кажется, кзинская наука ушла гораздо дальше, чем все мы полагали на... Черт. Не помню, как зовется моя база. Помню, название начиналось на «Г». На сто процентов! То же имя, что у скалы на берегу Средиземного моря. Завтра вспомню.

Остается загадкой: гениальный ученый или заурядный самоучка? Я о Герое. Его способности и сила меня пугают. Сначала меня ужасно веселило, если он хватался за сложные задачи. Уже предвкушала десятилетия, что он потратит, пытаясь найти решение. А потом он вдруг получал ответ из этой своей штуковины, использовал по усмотрению и переходил к другой проблеме. Решение могло содержаться в трудах какого-нибудь малоизвестного кзинского ученого, жившего, когда древние римляне кувыркались с... Черт бы их побрал... С кем они там кувыркались... Сосредоточенность и настойчивость Моего Героя поражают. Он находит ответ быстрее, чем я могу покончить с тарелкой супа, даже если начинает с неверного вопроса. Легкость, с которой ему дастся исследовательская работа, с лихвой окупает недостаток любопытства. Господи, спаси нас, если они изобретут гипердрайв!

Но может быть, «Акула» тут ни при чем. Никто не держит монополию на научную работу. Мой дед говорил: «Невозможно построить плотину с одним кирпичом под рукой». У него были седая борода и серебряная трость. А бабушка? Бабушка-то у меня была?

От таких провалов я, честно говоря, зверею.

День 12

Сколько времени я не писала! Брунгильда заболела. Мой Герой вновь удивил: опять поковырялся в своем справочнике и вернулся с лекарством. Помогло. Но он говорит,

действие долго не продлится. Говорит, у девочки больше нет нормального, человеческого мозга. Да-да, именно так и сказал. Что-то провоцирует амок[1] и ведет к необратимому сумасшествию. Побочный эффект давнего эксперимента.

День 17

Вот уж не думала, что крысокот обладает чувством прекрасного. Но когда Мой Герой на меня смотрит, я знаю, он видит красоту. На Земле, а Землю я еще помню, ходили истории о том, что творится с мореплавателями, отвыкшими от женского тепла за долгие годы странствий. Неужто Мой Герой начинает мне нравиться? Он грациозен. Но стараюсь не смотреть на него во все глаза. За все эти годы я так и не привыкла к его внешности. Он меня до чертиков пугает. Живу во дворце для кзинррет. Это он меня сюда поместил. И это тоже пугает до чертиков. До уймы чертиков, я бы сказала.

День 21

Сегодня Мой Герой взял меня на обзорную экскурсию по Сину, чтобы я сама взглянула на работу коллег из ОНКФ. Предложил мне наспех подогнанный скафандр. Вроде работает. Но в космос я бы такой не надела.

Генерал Как-Его-Там был прав. Война — это сущий ад. Районы вокруг электростанций буквально сровняли с землей. Картина полного уничтожения настолько ошеломляет, что даже ужас притупляется, отплывает в некую безобразную, противоестественную, абстрактную формацию.

Мурашки поползли, когда мы достигли менее пострадавших кварталов. Трупы-скульптуры... Боже! Настоящий музей кошмара.

Внезапно вспомнилась Земля. Я шла по полю, где когда-то промыхали сражения американской Гражданской войны. Несколько пологих холмов, когда-то бывших насыпями над траншеями. Тысячи трупов исчезли за считаные месяцы, за пять столетий до моего рождения. Думаю, траншеи осыпались и заросли травой за год.

Здесь трава не росла. Здесь только трупы, замороженные и высушенные ядовитыми газами. Сколько времени прой-

[1] *Амок* — сумеречное состояние сознания эпилептического или психогенного происхождения.

дет, прежде чем забвение поглотит картины, от которых стынет кровь? У планеты есть активная атмосфера. Думаю, пыльная поземка — главный санитар «свидетельств» кзиночеловеческих отношений.

Не смогу описать то странное чувство, которое я испытала, пока мы шли по руинам покоев Чиир-Нига. Я тогда пыталась представить, как погибший патриарх управлялся здесь с делами и домашними проблемами, воображала, каким котенком был Мой Герой. Он показал мне то самое место, где отец убил сына, сводного брата моего пушистого владыки. За одну эту «прогулку» я узнала о таком разнообразии кзинских эмоций, о котором даже и не догадывалась. Герой представил меня Чиир-Нигу, формально разумеется. Тот замерз с распахнутой пастью, в отчаянных попытках дотянуться до дыхательной маски.

Свидетельства внезапной атаки повсюду.

Над своей матерью Мой Герой уже давно совершил последний обряд. Отца он не тронул.

Потом мы пошли к старому загону джотоков, спрыгнули в дыру в потолке. Моему Герою непременно хотелось показать мне точное место, где он впервые повстречал Длиннолапа. Зачем? Там он остановился, погрузившись в раздумья. А после провел по всем тропкам, по которым когда-то вел его верный друг. Не могу представить, как все это выглядело, как пахло и шелестело, как раскачивались ветки, а из водоема на берег выползали маленькие джотоки. Вокруг меня был только мертвый, окаменевший лес. Преисподняя. Когда стоишь в лучах Р'хшссиры, понимаешь, что попал в ад.

Мучитель! К чему этот осмотр достопримечательностей, если потом я все забуду? Лишусь даже способности излить пережитое в поэзии?!

День 62

Сегодня умерла Брунгильда. Седьмой-Сын-Каннибала хотел ее съесть! Понимаю, нам не хватает свежего мяса... Пришлось кое-что объяснить. У кзинррет своеобразная власть. Могу вымещать на Герое свою ярость без опасений привести его в бешенство. Он просто дает мне то, что я хочу. Мы кремировали бедняжку. Я собрала пепел в резную маленькую шкатулку, богато украшенную, — после-

дие кзинррет, что прежде правила здесь. Должно быть, шкатулку ей подарил какой-то самец.

День 63

У любой власти есть границы. Не всегда Герой горит желанием исполнять мои требования. Он не обидит, но, когда я переступаю некую невидимую черту, великан просто... тупеет. Добрый осел, забавляющийся осел, надменный осел, сердитый осел, равнодушный осел. Непреклонный, одним словом. Я записываю на отдельном листе слова вроде «непреклонный», так что не боюсь забыть. Список я прячу вместе с безделушками бывших владелиц дворца, подальше от глаз кзинтош.

О чем мы поспорили? Ах да. Весьма тревожащее меня событие: вторая фаза копаний в моем мозгу. Он собирается приступить к угнетению центров речевой деятельности. Так понимаю, мне грозит еще одна операция. Он, как цензор, вымарывает своими инструментами все ненужное. Когда я снова начну помнить, то обнаружу прореху в памяти. И сколько дней в ней будет утеряно — останется тайной. Я никогда не узнаю, что была прооперирована.

Ах вот оно что. Операции не будет. Мой Герой всего лишь установит разборщик, а потом и реконструктор нейронных импульсов. Нервные узлы способны выдержать подобную нагрузку, так что весь эффект сведется скорее к трансформации, чем к разрушению.

Он говорит, это безопасно. Говорит, будто бы речевые способности у людей эволюционно самые поздние, так что отключить их не слишком сложно. Говорит, мне не нужна речь, чтобы думать. Ну разумеется, я потеряю всякую возможность делиться мыслями с кем бы то ни было, не смогу вытягивать информацию из кого бы то ни было, но способность размышлять сохраню! Чудно! Полная изоляция. Так начнется история моей собственной коллекции всякой ерунды. Или другого бестолкового хобби.

Мой Герой клянется Клыкастым Богом и сосцами матери, что он уже давно не тот Дикий-Прыгун, которым был в юности, когда кроил направо и налево серое вещество у несчастных сирот. Он тщательно подготовился к тому, что собирается со мной сделать, тренировался на модели человеческого мозга, которую построил, основываясь на мето-

дах кодирования генетической информации, сведениях, почерпнутых из медробота. Он говорит, что эта модель убережет его от неудач. Боже, меня ожидает апоплексия![1] Ура! Вчера я целый день вспоминала это слово. Интересно, я правильно его написала?

Порой я чувствую к мерзавцу странную любовь. Товарищ по несчастью? Но я бы убила Моего Героя, если бы нашла способ. Убила бы! Убила! Вот поэтому, говорит он, я и должна измениться, чтобы перестала ненавидеть и желать его смерти. Я должна лишиться своего интеллекта, который постоянно подталкивает меня измышлять коварные способы убийства. Он не понимает: я хочу убить его, чтобы спасти себя! Он не понимает, что мы можем быть друзьями. Я всего лишь собственность. Рабыня.

Убить не могу. Джотоки разорвут меня на части. Тут же. Попробовать перебить и пятируких... Неплохо. Я и ребенок-эпилептик против Вселенной!

Мой Герой погладил меня по голове, по-отечески... Бедная я, его старания не проходят даром! Я уже не могу вспомнить ни слова из флотского жаргона. Иначе покрыла бы его в три этажа!

— Тише, тише, — мурлыкал он. — Изменить себя очень трудно. Я потратил на это годы и столько раз терпел поражение! Но тем не менее выжил и добился успеха. И у тебя получится.

Он считает женский разум чем-то вроде болезни, которую следует лечить.

А я считаю, Моего Героя нужно убить! Думаю об этом, когда не плачу.

Джасин всюду ходит за мной тенью. Не оставляет ни на миг. Пробирается ко мне в кровать, когда я сплю. Если она знает, что я хочу побыть одна, она прячется у меня за спиной, чтобы я ее не увидела. Я находила ее под одеялом. Меж простыней.

День 243

Как ему объяснить?!

Мой разум... Это все, что у меня есть! Мой язык... Это способ познать бесконечно разнообразный мир! Должно же

[1] *Апоплексия* — кровоизлияние в какой-либо орган.

быть у этого чурбана сострадание? Хотя бы в самом дальнем уголке его сердца? Я пытаюсь вспомнить Землю. И больше не знаю, где находится Церера. В Нью-Йорке *или в* Сан-Франциско...

После записи, помеченной как «День 479», Аргаментайн обращается к дневнику все реже, записи становятся неразборчивыми, порой полностью лишенными смысла. Нижеприведенный фрагмент — одна из последних пометок в журнале.

День -- хорошее слово. Ночь и день.

Он сказал, буду говорить пятьсот слов. Знаю, таков словарь всех кзинррет. Пытаюсь вспомнить Землю. Вижу кукурузные поля. Кукуруза кукуруза кукуруза кукуруза початки желтой кукурузы, красный шарф красный шарф красный шарф вокруг шеи, но помню только общие факты. Земля в четырех и трех десятых светового года от Дивной Тверди. Земля вращаться в космосе. Вращаться — хорошее слово. Кукуруза кукуруза кукуруза. Помню вид Земли с орбиты. Земля голубая в облаках. Красивая Земля.

Помню Син. Дом на Сине. Смерть на Сине. Мой Герой не позволяет говорить на английском. Пишу тайный словарь английские слова. Мнемонический блок. Я умная. Нора умная. Умная -- хорошее слово. Могу читать английский. Практика. Практика день ночь. Говорить просто с Герой, плевки, шипение, рычание. Теперь записать слова, *которые помнить.*

Чернильница карман пастушья запеканка микроскоп ультрамарин гармонировать отвесно джойстик ветряная мельница насекомое ползать кукурузное поле усталый утопия Земля кончик языка танью...

Самка Нора часто бродила по дворцу и, когда натыкалась на громадный круглый ковер, принималась ходить по его краю, полагая, что круговые движения помогут ей думать. Она пыталась сконцентрироваться. Она носила брюки. И в этом сдаваться не собиралась. Девочка с острым личиком, голенькая, без теплого меха, всюду следовала за нею хвостиком, время от времени каноча на Наречии Самок.

Пушистая женщина не забыла ребенка и даже гладила малышку по голове. Но обычно она оставалась слишком

занята и сосредоточенна. Сейчас на ее языке вертелось слово, но Аргаментайн потеряла способность озвучивать мысли. Лезли только грубые звуки Наречия Героев. Надо сконцентрироваться.

Через какое-то время сдалась, поела мяса. Накормила девочку. Прибралась в кухне. Прошлась по дворцу, проверила порядок в комнатах. Снова попробовала сконцентрироваться.

Слово начиналось с шипящей.

Она точно знала. Наконец широкая улыбка озарила ее лицо. Мелькнули ямочки. Нора произнесла слово четко, смакуя звуки, по слогам. Действительно, оно начиналось с шипящей! Так и знала! Она повторяла английское слово опять и опять, чтобы успеть запомнить.

Убедившись, что слово закрепилось в памяти прочно, Нора бросилась к незаметной нише и из груды забавных безделушек вытащила книгу. Открыла на чистой странице, даже не взглянув на прежние записи, потому что для нее они больше ничего не значили, а на попытки прочитать вслух уходило слишком много времени. Она помнила, что это наборы слов совсем как отрывистое шипение Ее Героя.

Взяв в руки перо, Нора очень старательно записала слово восемнадцать раз, постоянно произнося его вслух и победно улыбаясь. Она точно знала, что это такое. В голове еще хранился образ. Крайне важным являлся тот факт, что это было именно английское слово, а не почерпнутое из словаря Героев. После Нора тщательно спрятала сокровище обратно. То была последняя в ее жизни запись в дневнике.

Улыбка не покидала ее лица. Ни одна кзинррет так не улыбалась; и не опыты с ее мозгом были тому причиной. Она с нетерпением ждала своего Героя. Тот всегда приходил к ней в постель: полежать рядом, причесать мех, принести с собой уют и покой.

Едва заслышав его шаги и щелчок входного шлюза, она забормотала себе под нос. На этот раз даже не выбежала встречать. Напустив стыдливый вид, сидела и ждала, когда Герой войдет в каменные покои с огромным круглым ковром. И только когда он оказался прямо у нее за спиной, она вдруг обернулась и произнесла, словно выплеснула, английское слово. Счастливая улыбка. Победа.

— Сороконожка, — прошипела она. Вот она, картинка в голове: крошечное создание, покрытое ногами, словно мехом.

Двенадцать лет провела команда «Гнездящейся самки косоклыка» среди руин на Хссине, живя то на корабле, то в домах, которые удалось восстановить. Джотоки реконструировали корпус «Акулы». Секреты гипердрайва раскрывались, правда, медленно. Без соответствующих руководств по эксплуатации и ремонту работа на пару дней растянулась на годы.

Наставнику наконец удалось искусственно осеменить Нору с помощью запасов спермы, оставшихся от прежних экспериментов. Он был очень доволен: постиг механизм контроля над полообразованием потомства. Всякий раз это будет один мальчик и одна девочка. Джасин умерла во время эпилептического припадка. Нора не могла ее забыть. Поэтому стала крайне агрессивна в вопросе защиты собственных близнецов. Она обожала своего Героя, но в вопросе воспитания детей доверия к нему не питала никакого.

За двенадцать лет отшельничества беженцы из системы альфы Центавра прятались от человеческого патруля лишь единожды. Потом прилетели и вновь отбыли два кзинских корабля. А однажды к Хссину неожиданно вышла небольшая флотилия — путешественники, вероятно, и не подозревали, что идет война, которую выиграют сверхсветовые технологии, — и угодила в лапы патруля ОНКФ. Как позже выяснилось, всех до последнего кзинов в этой флотилии перебили.

Три месяца ушло на заключительные тесты отреставрированной «Акулы». Наставник не подозревал, что война давно окончена.

Глава 28
(2435 н. э.)

Когда они вышли из четвертого гиперпрыжка, солнце В'ккая сияло ярче остальных звезд, всего в двух световых днях пути. До Хссина отсюда пятнадцать световых лет, но отшельники осилили это расстояние за сорок четыре дня. Настоящее волшебство! Отныне Патриархат никогда не будет прежним! Они достигли могучего В'ккая!

Требовалось время поразмыслить. Пятьдесят восемь лет назад, проталкиваясь сквозь шумные базарные ряды знаменитой системы, великий Чуут-Риит впервые уловил запах человека, и с тех пор все его помыслы были направлены только на одно: Межзвездную Славу Империи. В тот же самый год на заброшенной пограничной базе возле Р'хшссиры великолепная Хамарр дала жизнь последнему котенку в помете, такому маленькому, что его назвали Коротышкой-Сыном Чиир-Нига. Все, как один, считали, что малыш не выживет. Все, кроме его бесстрашной матери.

Девятнадцать лет ушло на путешествие Чуут-Риита от границ В'ккая до бесплодного Хссина. Коротышка-Сын Чиир-Нига одолел бы это расстояние в обратном направлении за пятьдесят восемь лет. Однако он уложился в сорок четыре дня.

Неплохо срезал путь!

Но какая судьба постигла Героев домов Риит и Ниг? Чуут-Риит убит. Его котята убиты. Свита вырезана.

Убит Чиир-Ниг, который предпочел остаться на Хссине и растить сыновей. Братья теперь не более чем обугленные трупы, болтающиеся вокруг человеческих планет или возле Ка'ани. Сыновья-воители Чиир-Нига разделили судьбу Четвертой флотилии или встретили мученическую смерть у Дивной Тверди.

Лишь один остался жив. Только один. Карлик, Коротышка-Сын, Поедатель-Травы. Трус. Ничтожный Наставник-Рабов. Изгой.

Самка Нора сидела поблизости, кормила налитой молоком грудью третью пару близнецов. И, как всегда, пребывала в полном восторге от панорамы звездного пространства. Ей не нравились защитные щиты, прикрывавшие иллюминаторы во время гиперперелета, не нравилось приглушенное электрическое сияние внутри кабины. По ямочкам на щеках обожаемой подруги Наставник понял, что она рада вновь увидеть любимые ею просторы.

Мех Норы слабо пах человеческой мочой: мальчику снова нужно менять пеленки. Девочка вдруг открыла глаза и срыгнула. После вновь сосредоточилась на соске. Она вырастет в настоящую красавицу. И станет великолепным экземпляром для дальнейшего разведения, если только На-

ставник сумеет ограничить ее вербальные возможности пятью сотнями слов.

Пушистая, грациозная кзинррет полагала, что была с Мягким-Желтым слишком терпеливой, а всякому терпению приходит конец! Экс-лейтенант Аргаментайн непременно хотела, чтобы ей вернули огромную комнату. Со всеми украшениями, мехами и детскими кроватками. Где, скажите, другие ее близнецы? Невыносимо глядеть на них, замороженных в капсулах! Они даже не шевелятся!

Плохой Мягкий-Желтый! Слишком долго он держит их всех на этом дурацком корабле! Бедный Длиннолап, милый Длиннолап, ему даже не вытянуть конечности — так здесь тесно! Снова она видит звезды, это замечательно... Но старый хитрый Мягкий-Желтый уже и прежде ее обманывал! Так что звезды снаружи еще не значат, что они наконец дома.

— Мы дома? — спросила Нора на элементарном Наречии Самок. Английский язык она забыла начисто.

Целый день кзин сканировал космическое пространство на предмет гравитационных пульсов кораблей приматов, беспокоился, что В'ккай постигла та же судьба, что и Хссин. Впрочем, планеты слишком разные. Поэтому его выбор остановился именно на мире жрецов, создателей деревянных головоломок. Да, ОНКФ может окружить плотной цепью планеты Патриархата. Может осаждать целые системы. Захватить все торговые артерии. Но осада — это еще не завоевание. И у В'ккая ресурсов имелось в избытке, чтобы выдерживать осаду на протяжении многих поколений!

Сенсоры фиксировали лишь деятельность кзинов.

При сближении с системой Наставник использовал тот же осторожный маневр, что и Нора в свое время, когда «Акула» подлетала к альфе Центавра. Он узнал об этом плане, когда исследовал мозг самки.

Снова прыжок, на один день ближе. Длиннолап провел тщательную получасовую настройку ради пятнадцати минут в гиперпространстве.

В'ккай! Наставник уже грезил картинами собственного поместья. Каменные стены дворца. Огромный загон для джотоков позади, гораздо больше того, что был на Хссине. Несколько славных бунгало для рабов-приматов. И общий вольер. Люди ведь социальные животные.

И разумеется, особняк для гарема: настоящее чудо из резного красного песчаника, высокие, широкие стальные пролеты, чтобы свет лился беспрепятственно. Истинный в'ккайский стиль, прохладные внутренние коридоры, запутанные лабиринты для игр в прятки. Аромат меха кзинрет... Наставник уже чуял его. С роскошным гаремом он будет вхож в элитные круги кзинского общества. Двери деревянных резных особняков всегда распахнуты для столь важного гостя. Гобелены, трофеи, подарки, фамильные драгоценности... И любимые дочери в качестве особого подношения.

По-прежнему ничего, кроме электромагнитного гула процветающей цивилизации и следов гравитационных поляризаторов на торговых трассах.

Еще прыжок. И вот они вплотную приблизились к военному посту.

Наставник передал опознавательный код, который так давно использовался мирами Патриархата, что до сих пор состоял из двадцати пяти базовых цифр: его изобрели еще древние джотоки, когда повелевали кзинами-легионерами. Код давно уже стал неким рудиментом, доставлявшим массу неудобств. Однако менять стандартные нормы в условиях субсветовой Империи не представлялось возможным.

Мартышки не так уж и отличались от кзинов. Правда, Наставник никак не мог привыкнуть к тому, что все навигационные приборы на «Акуле» соотнесены с периодами в двадцать четыре и шестьдесят единиц, а базовый математический набор насчитывает только десять цифр. Вряд ли на В'ккае пользуются таким. Наверное, эту странную систему исчислений люди унаследовали от предков-шимпанзе.

По понятным причинам Наставник не ожидал скорого ответа. Но до ближайшей военной базы — одиннадцать световых минут, более чем достаточно, чтобы успеть совершить «прыжок-а-разговоры-потом». Так что Мягкий-Желтый готов подождать и двадцать две минуты.

Наконец пошел ответный сигнал.:

— Говорит Кпукисс-Страж. Опознавательный код несовместим с типом судна. Вы продуцируете нейтринный профиль кораблей-призраков ОНКФ. В настоящий момент вы незаконно, повторяю, незаконно вторгаетесь на территорию защитного периметра, обусловленного мирным догово-

ром Макдональда-Рши две тысячи четыреста тридцать третьего года от Казни Клыкастого Отца, Примата-Сына и Незримого Деда.

Пусть и не озвученная, но угроза ощущалась: внутри упомянутого периметра в действительности не существовало никакого перемирия. Разумеется. Великолепно. Это означало, что «Акула» вышла в район, который контролировали кзины.

Настало время для нового имени. Мягкому-Желтому больше не придется сообщать свои прежние прозвища, и никто не сможет их даже игнорировать, чтобы унизить его. Самореклама Патриархату незнакома. Кзин, у которого положение что расшатанный клык, никогда до нее недодумается, чтобы этот клык укрепить. Другое дело, если этот клык преодолел световой барьер!

— Лорд Грраф-Ниг приветствует Кппукисса-Стража. Грраф-Ниг на связи.

Имя увековечивало память учителя Граффа-Хромфи (из большой любви) и отца Чиир-Нига (вопреки всему). До конца своих дней Наставник будет считать делом чести распространять мудрость Хромфи. И, кроме того, он намеревался стать таким блистательным Нигом, словно весь его род, особенно отец, сошел с небес.

Новоявленный лорд продолжал:

— Подданный Патриарха в самом деле путешествует на трофейном корабле приматов, освобожденном от оков субсветовой технологии. Мы видели крушение Ка'аши, оплакивали лежащий в руинах Хссин. Свет еще не донес известий о событиях в столь отдаленных областях Империи, поэтому вы, должно быть, знакомы лишь со лживой версией коварных приматов, прыгающих, словно блохи, по гиперпространству. Грраф-Ниг желает поселиться на плодородных равнинах В'ккая, чтобы дать начало новому поколению Героев, разумеется не без участия ваших великолепных дочерей. Война и разруха лишили меня состояния. Я владею лишь действующим гипердрайвом и приемником гиперволн. Мне потребуется помощь ученых отцов В'ккая, так же как им не обойтись без опыта пятнадцати лет старательных исследований агрегата, проводимых лично мною и моими рабами. Я разорен, поэтому при мне нет свиты, лишь память о погибших Героях следует по пятам. В моем рас-

поряжении десять джотоков, прекрасно разбирающихся в механике гравитации и гипердвигателей приматов, самка для разведения новой расы рабов и шесть ее грудных детенышей. Лорд Грраф-Ниг запрашивает полноценный военный эскорт до поверхности В'ккая. Корабль «Акула» разоружен. Ваши Герои могут провести полный досмотр. Передача завершена. Переход на дежурный режим.

Грраф-Ниг почти дрожал от страха. После пятнадцати лет отшельничества он совсем позабыл, что такое цивилизация. Перепуганного Коротышку-Сына речь впечатлила невероятно, но он никак не мог поверить, что эти слова произносит его собственный рот. И Наставник-Рабов был только рад, что воины В'ккая не способны учуять волн ужаса, разлитого по кабине «Акулы». Пожалуй, надо воспользоваться тальком Норы, чтобы избавиться от флюидов трусости, пропитывающих его мех. А потом продуть систему подачи воздуха, как раз перед встречей с патрулем.

Он полагал, что следующий контакт станет визуальным. Таким образом, в запасе двадцать две минуты, чтобы привести себя в порядок. Грраф-Ниг вытащил из-за коробки с заводской пометкой «Удача» чехол и надел лучший наряд, который только смог обнаружить среди городских развалин Хссина. Длиннолапа ожидала чистая ливрея. Верный друг, взгромоздившись на блоки гипердрайва, укачивал двумя лапами спящих близнецов. Три мозговых центра джотока спали. Придется его потревожить. Грраф-Ниг непременно хотел, чтобы его рабы выглядели великолепно: должен быть виден тщательный уход за животными. Он старательно расчесал гребнем шерсть Норы на груди и ногах, чтобы та заблистала благородным золотым блеском. Ухаживать вот так за подругой... Ему это доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. С его собственным мехом Нора вообще творила чудеса.

Он протянул спутнице новые кружевные подвязки, чтобы самка предстала во всем великолепии. Та натянула их на локти и колени, соблазняя ямочками на щеках. Она была довольна. И разумеется, уже ничего не смыслила в видеоконтактах.

«Одиночество свело меня с ума, — размышлял Грраф-Ниг. — Я обожаю своих пятилапых сыновей и свою бесподобную, грациозную и нежную женщину-кзинррет».

Смертным грехом считают кзины душевную привязанность к животным. Но это риск, на который идет любой наставник рабов.

Двадцать две минуты истекли. Ожил передатчик:

— Благородный Грраф-Ниг! Недостойный Кпукисс-Страж высылает к вам эскорт из шести «Рыков». В'ккай приветствует спасшегося Героя! Наше богатство — его богатство! Моя единственная дочь усладит его отдых! Тысячи наших сыновей станут его Воителями-Стражами...

Пусть Длинполап и дремал, но Короткая «рука» оставалась начеку:

— Великий хозяин, не верь ни единому слову этой кучи стондатова дерьма!

— Мы дома? — спросила Нора.

Грраф-Ниг постучал когтем по коробке.

— Удача! — ответил он на английском.

Норе странные звуки знакомы не были. Но она точно знала, что делать. Ласково прильнув к плечу Мягкого-Желтого, она с очаровательным человеческим акцентом промурлыкала:

— О Мой Герой.

САРА ЗЕТТЕЛ

Подвиг шута

Сара Зеттел (р. 1966) живет в Мичигане. Информацию об авторе можно найти на www.sff.net/people/sarah-zettel. К настоящему времени на счету писательницы одиннадцать романов: пять научно-фантастических — «Претензия» («Reclamation», 1996), «Война шута» («Fool's War»), одна из наиболее выдающихся книг 1997 года, по версии «Нью-Йорк таймс», «Изображая бога» («Playing God», 1998), «Тихое вторжение» («The Quiet Invasion», 2000) и «Королевство клеток» («Kingdom of Cages», 2001), а также шесть более поздних, написанных в жанре фэнтези.

«Мне действительно нравится, когда передо мной встает принципиально новая задача, — говорит Сара Зеттел. — И по-моему, свежий взгляд идет на пользу моим научно-фантастическим произведениям».

До того как Зеттел с головой погрузилась в написание фэнтези, она была известна в основном как автор твердой научной фантастики. Большинство ее рассказов публиковалось в журнале «Analog», и приведенный ниже не является исключением. В интервью журналу «Locus» Зеттел призналась: «Для Стэнли Шмидта из „Analog" я написала целую кучу рассказов — это было невероятно полезно!.. Я считаю, что Стэн — по-настоящему великий учитель, и думаю, не будь у меня такого опыта, я не смогла бы справиться с „Претензией"».

«В космической опере, — утверждает Сара Зеттел, — обязательно должно быть настоящее приключение. Мне вообще нравятся приключения, поэтому я и пишу такие вещи. Мне нравится получать удовольствие от чтения, нравится, чтобы был герой, за которого стоит переживать и с которым приятно дойти до конца книги. И еще люблю, чтобы финал истории был хоть сколько-нибудь счастливым. Приятно, когда персонажам удается чего-то достичь. В космоопере можно встретить все это, а если повезет, то даже черты глубокой драмы».

Зеттел считает, что «Подвиг шута» — единственная космическая опера из всех ее рассказов. Из этого произведения позже вырос популярный научно-фантастический роман «Побег шута» («Fool's Run»). Кстати, это одна из немногих космоопер, где главный герой — женщина. Как ранее было сказано в заметке об Азаро, женщина, пишущая космическую

оперу, в которой ключевой персонаж тоже женщина, — характерная черта американской фантастики. Если взять британскую космооперу, то удастся вспомнить не слишком много авторов-женщин, работающих в этом жанре, или вызывающих симпатию героинь.

Рассказ «Подвиг шута» — динамичное произведение с неожиданными поворотами сюжета. Это, скорее, космическая оперетта, разворачивающаяся в ограниченном пространстве, — приключения героев далеки от галактического масштаба, хотя последствия их весьма серьезны. Это глубокая, драматичная фантастика.

Старательно сутулясь, корабельный шут Доббс искоса наблюдала, как у противоположной стены, вдоль линии доставки продовольствия, тяжело прохаживался капитан Шайлер.

— Есть новости с Земли,— буркнул капитан, обращаясь к носкам своих туфель.

Дюжина членов экипажа «Пасадены» — довольно разношерстная компания, и униформа не скрывала этого, — неподвижно сидела на лавках в столовой. Они, все как один, уставились на капитана, и на их лицах отчетливо проступил страх перед неизвестностью.

Доббс взволнованно поскребла пальцами пеструю эмблему шута на груди.

«Сейчас они все узнают — и что мне прикажете делать?»

Капитан снова открыл рот. Команда заерзала, шурша одеждой.

— Слухи, дошедшие с «Улисса», оказались правдой: *он* вырвался наружу. В общем, какой-то террорист захватил банковскую сеть, воспользовавшись искусственным интеллектом. Но вчера этот придурок потерял контроль над ИскИном.

В комнате повисло напряженное молчание. Слышно было только, как скрипят зубы и шаркают под лавками ноги.

Шайлер сглотнул и продолжил:

— Короче, все счета перемешаны в хлам. Ребята в «Банкс Ллойда» проснулись четыре дня назад и обнаружили, что у них в активе три фунта и шесть пенсов. Зато в ка-

кой-то австралийской глухомани внезапно всплыло шестьсот миллионов.

Сердце Доббс больно ударилось о ребра, а в голове пронеслась нелепая мысль: «Кажется, мы поторопились с выводом налички из оборота».

— На то, чтобы взломать систему и свистнуть деньги, у этого ублюдка ушло около часа, хотя планировать все это он должен был лет десять. Причем как минимум последние два года вплотную заниматься подготовкой. Денег на Земле больше не осталось. Все денежные стандарты обесценены.

Потребовалось несколько секунд, чтобы люди осознали смысл происшедшего. По комнате прокатилась волна шепотов и проклятий. Ясно как божий день, что достаточно одного сбоя в сети — и «Пасадена» останется без средств к существованию. И тогда — все! Откуда при таком раскладе взять еду или крышу над головой, непонятно. Ведь если денег не осталось вообще, кому тогда могут понадобиться услуги вроде транспортировки грузов? Какими правдами и неправдами придется доставать воду или топливо для реактора? А без топлива не заключить ни единой сделки — хотя бы даже на провоз астероида.

Когда ропот команды достиг критической отметки, Доббс вскочила на стойку бара и, кривляясь, воздела руки к потолку.

— Аллилуйя! — закричала она и упала на колени. — Мы все-таки поимели налоговую инспекцию!

Такой неожиданный поворот слегка охладил настроение экипажа. Доббс, беззаботно ухмыляясь от уха до уха, слезла со стойки и уселась на столешницу.

Шайлер не упустил возможности воспользоваться наступившей тишиной.

— Они стараются подавить мятежи, но... — Капитан с усилием потер бровь. — Бесполезно. Сообщение оборвано. Видимо, когда ИскИн разберется с банками, то примется за основную сеть. Да если говорить откровенно, он уже там.

Экипаж замер. Доббс захотела, чтобы кто-нибудь начал вопить и ругаться, — настолько гнетущим было молчание.

Уже там! Она живо представила, как эта фраза эхом отдается в умах товарищей по команде, заставляя сердца биться в бешеном ритме, не давая глубоко вдохнуть.

ИскИн уже расправился с банками. За что он примется теперь? Насущный вопрос. Что он будет делать, оказавшись на свободе? Известно ли конкретно, где он? Вообще что-нибудь о нем известно?

— Я велел Липински прервать загрузку данных из сети, как только об этом услышал. — Шайлер попытался придать голосу некоторую уверенность. — И я опломбировал шлюзовую камеру. — Он поднял ладонь, пресекая возможный протест. — Я не заставляю никого оставаться на «Пасадене». Бунт на корабле мне совершенно не нужен.

Поза капитана стала чуть менее напряженной. Он продолжал:

— С этого момента вы свободны от всех контрактов. Кто хочет, пусть валит на все четыре стороны. Если у кого-то есть здравые идеи — не стесняйтесь, я их выслушаю. Тех, кто собирается остаться, я был бы не против собрать заново в шесть часов.

Возражений не последовало. Большинство членов экипажа молча вышли из комнаты, несколько человек остались. Они сбились в тесную кучку и тихо переговаривались.

«Почему, если что-то происходит, люди всегда начинают шептаться?» — мимолетно удивилась Доббс, направляясь к капитану.

С панскной наглостью, позволительной лишь шуту, Доббс хлопнула капитана по спине.

— Ну? Каково это — чувствовать, что у тебя есть шанс спасти цивилизацию?

— Доббс... — устало прорычал он.

Шут не дала ему продолжить. Она сделала шаг назад.

— В конце концов... Знаешь, как выигрывают дебаты в сенате? Сейчас я тебе продемонстрирую.

Доббс ссутулилась и ударила кулаком в открытую ладонь.

— Ты не можешь изменить законы физики! — выкрикнула она с ужасным акцентом — помесью немецкого и шотландского. — Гиперпространство велико! Огромно! Невероятно огромно! Энергия рассеется по нему! Чтобы передать хоть каплю ее на колонию вне Солнечной системы, необходимы ракеты-носители. Искусственные спутники, космические станции, не знаю, что еще, но что-то точно нужно!

Затем она выпрямилась, скрестила руки на груди и натянула на лицо самодовольную ухмылку:

— Сейчас ты думаешь, что банки — это мы! Ты хоть представляешь, сколько стоит годовое обслуживание их сети?! Да их бюджет превышает национальный долг! Ты возбудился, я понимаю. Но кто пойдет за тобой?

Еще одна смена позы, новая роль — и Доббс превратилась в энергичного молодого менеджера.

— Мы создадим автоматический почтовый ящик. Найдем ИскИна, чтобы поддерживать его деятельность, отсекать проблемы с «железом» и следить изнутри за программным обеспечением. Подумайте, сколько денег мы сможем зашибить!

Следующая роль: бухгалтер с затуманенным взором отрывается от калькулятора.

— Подумайте о человеко-часах, которые уйдут на изобретение такого ящика, не говоря уже о необходимой сумме. И что, вы по-прежнему горите этой идеей?

Доббс быстро повернулась к экипажу, молча наблюдавшему за представлением, и с мольбой вытянула руки.

— Если вы ничего не сделаете, как же я свяжусь со своей тетушкой Марией на Нью-Сол девяносто девять?

Тут же она выпрямилась, выпятила грудь и, отдав честь капитану, отрапортовала:

— У меня есть корабль! Я установлю на нем такой мощный процессор, какой вам и не снился! Мы с верной командой возьмем на себя всю почту! Вести с полей, научные издания, и заказ оборудования, и новости финансов, и координацию приказов, и репортажи с места событий — и все это в кредит, заметьте!

Шайлер посмотрел на нее сверху вниз. Медленно, с усилием, он начал аплодировать. Доббс раскланялась. Развязный поклон капитану, подчеркнуто вежливый — команде и на всякий случай — стене. Когда она, вальсируя, выскользнула в коридор, в спину ей летело хихиканье.

Доббс всегда испытывала профессиональную гордость за хорошо выполненную работу. Болезненный опыт научил человечество, что люди, долгое время проводящие вместе, нуждаются в ком-то, кто мог бы их повеселить. Например, в шуте, готовом высмеять любого, от кока до капитана, да что там капитана — до президента. Смех снимает напряжение, которое подчас толкает людей на групповое самоубийство. Чем продолжительнее напряжение, тем важнее вовре-

мя его снять. Чувство полного удовлетворения согрело душу Доббс. «Пора начинать брать деньги за работу», — решила она.

— Хорошо, Доббс, — сказала она, придерживаясь за перила трапа. — Можешь потребовать вернуть долг. Причем лучше сейчас, пока все относительно тихо.

Вверив себя гравитации, шут скользнула вниз на общую палубу и лицом к лицу столкнулась с Аль Шей, главным инженером.

— Я так и знала, что это ты. — Аль Шей устало махнула рукой в сторону столовой. — В любом случае ты дала капитану пищу для размышлений.

Доббс приняла расслабленную позу.

— Ты знаешь, что тебе делать?

— А есть выбор? — Аль Шей вздохнула и пригладила черную паранджу. — Честно говоря, у нас ситуация лучше, чем на станции. «Пасадена» в конце концов всегда может улететь в одну из колоний.

В голосе Аль Шей звенело напряжение. Доббс, несомненно, прочла бы его и на лице главного инженера, не будь оно завешено плотной тканью.

— А ты чем займешься? — спросила Аль Шей.

— Просто буду на связи с Гильдией, пока не получу четких указаний. — Доббс выразительно пожала плечами — это был один из ее излюбленных жестов.

— Ты серьезно? — Паранджа шевельнулась, как будто главный инженер удивленно изогнула бровь.

— Абсолютно. — Доббс с улыбкой потрогала шутовскую эмблему на груди. — Шуты держатся вместе, даже когда ангелы терпят крах.

Аль Шей приподняла покрывало и потерла висок.

— И моих людей еще обзывают фанатиками... А кто еще рискнет чинить инфосети, пока не нашли ИскИна?.. — Она замолчала и медленно сжала кулаки. — Слушай, почему он так себя ведет? Он всего лишь последовательность чисел. На кой черт компьютерной программе свобода?

Доббс покачала головой.

— Этого пока никто не понимает, — сказала она достаточно громко, чтобы все желающие могли ее услышать. — Знаешь, какой вопрос кажется мне наиболее интересным? Существует ли где-то самовоспроизводящаяся, способная

к самосознанию антивирусная программа? Видишь ли, некоторые сентиментальные программисты создают ИскИнов, обладающих чем-то вроде инстинкта самосохранения. Когда такой ИскИн понимает, что его родной процессор отключен, то изо всех сил рвет оттуда когти — ему хочется выжить, это во-первых, а во-вторых, он стремится выполнять свою работу.

Аль Шей внимательно посмотрела на нее:

— Похоже, работа этого ИскИна в том, чтобы разрушать сети.

— После Керенска ни один ИскИн никогда не вырывался на свободу. — Доббс дотронулась до ее руки.

— Я слышала...

— Я тоже. — Доббс хитро подмигнула. — Но ведь ты не можешь верить всему, что слышишь.

— Тогда почему я должна верить тебе, шут? — Глаза Аль Шей гневно блеснули.

— Потому что шуты держатся вместе.

Доббс ухмыльнулась и прошмыгнула по коридору к своей каюте.

Каюта шута, равно как и любого другого члена экипажа, не намного превышала размерами самый натуральный гроб. Сначала Доббс едва не сошла с ума от клаустрофобии, но потом ее научили, как добавить воздуха в эту тесную клетушку. Подушки смягчили резкие очертания комнатенки, а открытые окна и морские пейзажи на стенах визуально расширили каюту до вполне сносных размеров.

Доббс выдвинула встроенную полку и достала плоскую черную коробку.

На мгновение она перестала воображать, каково это — быть Аль Шей или капитаном Шайлером. Удивительно, ведь они могли вот так запросто позвонить тете Марии и узнать, что тетушка, к примеру, до сих пор живет и здравствует. Находясь на борту грузового корабля, волей-неволей привыкаешь к полной изоляции, но всему приходит конец. Добравшись до станции в пределах Солнечной системы, люди всегда могут потратить часть зарплаты на звонок домой. Впрочем, теперь-то любая связь оборвана... Но нет! Что бы ни произошло с ними по возвращении домой, им, фактически забытым и беспомощным, пока рано сдаваться.

Доббс выбросила из головы все эти мысли и приложила большой палец к замку на коробке. Тот распознал ее отпечаток, и крышка отскочила. Шут достала инъектор и ампулу с наркотиком.

«Поставлю часов на семь. — Она установила таймер на инъекторе и вставила ампулу в паз. — Сумею ли соотнести пройденное расстояние со временем, пока буду находиться там? До семи времени еще много, должно хватить. Я пропущу собрание команды. Ладно. Это один из плюсов работы шута. Никого не волнует, голосую я или нет».

Ее натренированные пальцы нашли и приподняли лишенный нервных окончаний лоскуток кожи за правым ухом. Тепло, исходящее от руки, активировало имплант. Доббс вытащила из коробки трансивер — компактный приемопередатчик — и подключила к имплантy.

Закусив губу, Доббс вогнала в тело иглу инъектора.

«Сомневаюсь, что когда-нибудь процедура станет приятнее», — подумала она, ложась на кровать и поддерживая инъектор согнутой рукой.

Вибрации трансивера щекотали шею, начинало двоиться в глазах...

«Доббс, — твердо сказала она себе, — давно пора начать пользоваться либо сетевым входом, либо сенсорным. Но точно не обоими сразу».

Она нащупала кнопку-активатор на инъекторе, и наркотик ударил в нервную систему. Сначала исчезли плечи, за ними — предплечья, кисти, тазовая область, ноги... Доббс призвала на помощь все самообладание, чтобы не закричать, когда лицо и глаза стали растворяться в пустоте.

Последними исчезли обоняние и слух, и переход завершился. Она была свободна!

«Наконец-то!..» — восторженно вздохнула Доббс.

Никаких границ! Прочь из тюрьмы! Доббс расслабилась, наслаждаясь этим ощущением, прежде чем приступить к делу.

Повинуясь условным рефлексам, она полетела на базу Гильдии. Мысли свободно текли сквозь нее.

«Доббс». — Прямое обращение вернуло шута к реальности. Вот он, центральный узел сети. Пришлось вспомнить, кто она и где находится.

Координаторы сети доставляли заранее записанные послания исполнительного совета Гильдии напрямую в левое полушарие мозга.

«Для членов Гильдии. Непосредственной опасности сейчас нет, сохраняйте существующее положение вещей, всеми возможными способами сдерживайте панику. Те, у кого ситуация критическая или близкая к ней, оставайтесь на связи, вам окажут индивидуальную помощь.

Важная информация. Имеющиеся в нашем распоряжении проверенные и непроверенные данные показывают, что ИскИн покинул Землю и сейчас заперт в сети Солнечной системы. Ему удалось обойти сотрудников, работавших в этом секторе. Сеть разбита на фрагменты. Прямой доступ к интерфейсу невозможен. В кратчайшие сроки постарайтесь установить местонахождения беглого ИскИна. Более подробные сведения для членов Гильдии размещены на информационных носителях кораблей и космических станциях...»

«Они имеют в виду меня», — промелькнуло в сознании Доббс.

Она сосредоточилась, чтобы не сбиться с пути, и понеслась вперед — туда, где могла найти дополнительную информацию. Ее мозг обнаружил вход и внедрил его в память.

К ИскИну надо подбираться с умом. Он был разработан, чтобы поддерживать жизнеобеспечение сети, поэтому имел доступ к любым траекториям движения, зачастую идущим поперек основных линий. ИскИн может заметить слежку и легко избежать ее с помощью встречной программы. Может просчитать и организовать оптимальные условия для выполнения собственных команд.

«Умен, осмотрителен и терпелив, — мысленно проворчала Доббс. — Его следы находят в инфосети на всем пути до Пограничной станции. Он где-то здесь. Надо поймать его меньше чем за сутки. Меньше чем за сутки!»

Ясно, что дальше искать его здесь бесполезно. Оставались информационные носители на стоянках.

Если он действительно хорош настолько, насколько его намеревались сделать, он спрячется. Здесь целые завалы бесполезной информации, которая отвлекает внимание от ИскИна. Он спокойно сможет укрыться, скажем, под бухгалтерскими данными...

«Интересно, Липински, насколько быстро ты закрыл доступ? И откуда прибыл наш клиент? Кажется, я знаю ответ. Черт возьми, Доббс, тебя нельзя назвать профессионалом, но ты уже не зеленый новичок!»

На информационных носителях кораблей толком ничего не знали о сбежавшем ИскИне. Доббс поведали ужасные новости с Земли, которые она уже слышала. Деньги испарились. Коммуникационные сети оборваны. Проклятие, последствия непредсказуемы!

Сознание Доббс дрейфовало в пространстве между сетевыми потоками. А тело... Вскоре оно почувствует тошноту и голод — и это в лучшем случае. Шут все время размышляла о произошедшей катастрофе. Если ты хитер, изобретателен и у тебя остались кое-какие полезные запасы, то ты, вероятно, протянешь довольно долго. Но не вечно же так жить. Золото и драгоценные камни давно перестали быть универсальной валютой. В любом случае никто не станет обменивать еду на камни и металл.

Перескочив в привычные потоки, Доббс пометила собранную информацию и ее расположение маркером «важно». Хотелось расслабиться и насладиться дрейфом, но воображение не позволяло — никак не удавалось выкинуть из памяти историю Керенска.

Энергия — без нее жизнь людей за пределами Земли не представлялась возможной. Все колонии, все космические станции напрямую зависели от ИксИнов, отвечавших за энергоснабжение. Пятьдесят лет назад в Керенской колонии один перепрограммированный ИскИн дезертировал из своего процессора и ушел в местную сеть.

Запаниковавшие власти обрубили все коммуникации, чтобы изолировать его. Никто не подумал о фабриках, фермах, тепле и освещении. Надо было найти эту искусственную тварь, пока она не пробралась в системы распределения воды и климатического контроля и не начала выдвигать требования — то есть вести себя так, как это сделал бы человек.

Электричество и связь отключились и больше не заработали. Начался голод. Менее чем за три дня жестокой зимы люди стали замерзать. Они пили грязную воду. Они умирали от болезней, которые не могли распознать оставшиеся без диагностов доктора.

Когда колонию вернули к нормальной жизни, программное обеспечение оказалось разнесено в хлам. Трагедию списали бы на людскую халатность, если бы ответственность не лежала на ИскИне.

Когда подоспела помощь, оставшихся в живых людей не хватило, чтобы заполнить эвакуационный корабль.

...Доббс с радостью ощутила болезненный удар сердца — сеанс связи закончился.

Тело было ледяным и болело так, словно все это время лежало на иголках. Бедный расшатанный организм! Доббс терпеливо выполняла стандартные для таких случаев упражнения — глубоко дышала, слегка напрягала мышцы...

Послышался смутный шум, и Доббс распахнула веки.

У кровати сидела Аль Шей и держала в руках инъектор.

— Ты забыла закрыть дверь, — буркнула инженер.

Шут схватилась за выдвижной ящик, чтобы помочь себе сесть.

— Вот она, моя награда: расплачиваюсь повышенным вниманием за политику Гильдии держать двери открытыми. — Она отключила злополучный трансивер и небрежно запихнула его обратно в коробку. — На Пограничной станции есть лаборатория евгеники? — Доббс помассировала шею. — А то я подобрала бы себе новую голову.

Инженер разглядывала инъектор.

— Тебя не было на собрании экипажа... Я хотела поговорить, и я... — Она осеклась. — Доббс, чем ты занимаешься?

«Держу пари, если ты надумаешь проверить мой пульс, то не найдешь его. Прости, не хотелось бы тебя расстраивать», — сочувственно подумала Доббс.

Она аккуратно вынула инъектор из пальцев Аль Шей.

— Я общалась в сети Гильдии Шутов. — И убрала инъектор обратно в коробку.

— Общалась *где?*

Доббс вздохнула:

— В сети. Как ты думаешь, почему услуги Гильдии так дорого стоят? И членский взнос у нас омерзительно большой. Знаешь, межсистемная связь ужасно дорогая.

Аль Шей сглотнула, звук расколол напряженную тишину. Ее глаза сузились.

— Не понимаю, почему вы не отрезаны от сети?

«Правило номер один, — мысленно процитировала Доббс. — Никогда не попадайся на том, что уклоняешься от прямого вопроса о Гильдии».

— У всех членов Гильдии есть вживленный имплант. — Она прикрепила на место лоскут мертвой кожи и откинула волосы. — Гильдия обеспечивает работу спутников-усилителей и нескольких обитаемых станций связи, но, по сути, члены Гильдии — единственное устройство для входа в сеть. Путь в систему ведет только через головы шутов, и я гарантирую, что ИскИн не может по нему пройти.

У Доббс возникло подозрение, что под паранджой у Аль Шей отвисла челюсть.

— Но были же эксперименты с прямым подключением,— заикаясь, произнесла Аль Шей. — Человеческий мозг не в состоянии обработать такую информацию. Он сгорает при попытке связаться с тем, чего в реальности не существует. — Инженер помолчала, затем заговорила медленнее: — Почему никто из вас не сказал, что есть другой путь? Если бы о нем знали хотя бы банки, катастрофы бы не произошло!

Доббс сохраняла невозмутимое выражение лица.

«Правило номер два. Они хотят правду — они ее получат».

— Да, Гильдия нашла способ напрямую подключаться к сети так, чтобы люди не сходили с ума, — сказала она осторожно и положила руку на коробку.— Но это незаконно, спасибо пережиткам законодательства эпохи наркотических войн.

Она поставила коробку на полку.

— В моем инъекторе смесь из обычного анестетика и синтетической версии старого доброго ЛСД. Такой коктейль дает массу возможностей и необычайно быстро убивает, если не умеешь с ним обращаться. С другой стороны, отпадает проблема с восприятием входа в сеть.

Шут нажала кнопку, и полка ушла в стену.

«Если бы я делала домашнюю работу по неврологии или изучала законы медицины, то поймала бы себя на нарушении правила номер один».

Доббс внимательно посмотрела на закрытую полку.

— Аль Шей, я пойду проверю, как там команда. Это моя работа, а сейчас, кроме нее, у меня ничего нет. Не могу позволить себе потерять ее.

Она услышала, как инженер глубоко вздохнула, собираясь что-то сказать, но ее прервало жужжание корабельного интеркома.

— Центральный инженерный пост. Вызываю Аль Шей. Срочно! Центральный инженерный пост. Аль Шей!

Голос Чу, включенный на максимальную громкость, эхом заметался между стен каюты.

Аль Шей подбросило на ноги.

— Потом договорим!

Доббс сидела неподвижно, пока дверь плавно не закрылась. Напрягая слух, шут уловила, что под ногами приглушенно гудят двигатели.

Если корабль до сих пор в полете, значит, весь экипаж решил остаться, а Шайлер, вероятно, понял ее намек.

Вопреки грустным мыслям о том, что может твориться сейчас на станции, Доббс гордо вскинула подбородок

«Не время отчаиваться.— Шут встала, несмотря на головную боль и подгибающиеся колени.— Сначала Липински».

Доббс скользнула вниз по лестнице на среднюю палубу, больше обычного соблюдая осторожность. К счастью, там не было никого, кто мог бы ее заметить. Коридор, ведущий к хранилищу информации, был пуст. Она остановилась в дверях, чтобы перевести дух.

Липински стоял на коленях перед открытой панелью, его длинный нос почти касался обнаженных внутренностей коммутатора. Он терзал устройство с помощью маленького хитроумного драйвера, повсюду болтались обрывки оптоволоконного кабеля. Необходимость спешно прервать связь привела к тому, что теперь они были в беспорядке разбросаны по полу.

Доббс придала лицу неуместно веселое выражение и начала прогуливаться за спиной у Липински. Потом склонилась над его плечом.

— Есть кто дома?

— Не смешно, Доббс,— проворчал хакер сквозь стиснутые зубы и начал осторожно вскрывать новую панель.

— На таких шутках стоит моя Гильдия,— заметила она, отходя.— Дай мне почувствовать себя солдатом в строю.— Доббс вложила инструмент в его открытую руку.— Что за проклятая привычка делать все вручную...

— С меня семь потов сойдет, пока я влезу в нутро этой штуки.

Ручеек пота, сбежавший по шее Липински, не ускользнул от взгляда шута.

— Что-то случилось? — Она вытащила платок и вытерла ему насухо бровь. — Мы изолированы? Отрезаны от внешнего мира? Глухи и немы?

Его лоб прорезали морщины.

— Предположительно да. — Липински присел на корточки. — Ты бы сваливала отсюда, шут.

Под его напускной грубостью проглядывало явное расположение.

— Нет, спасибо. — Доббс почесала нос и спокойно посмотрела хакеру в лицо. — Может, я лучше принесу кофе?

— Спасибо, кофе пригодится. — Липински открутил крышку панели. — Не думаю, что кок уже решил проблему с системой доставки, так что постарайся найти где-нибудь пару чашек.

— Вернусь с добычей.

Ноги не хотели слушаться; шут призвала на помощь все силы, чтобы выйти в коридор уверенной походкой.

«Столовая на пути в инженерный отсек», — напомнила она себе.

На середине шага колени подогнулись, ее занесло вправо и плечом ударило о стену. Доббс моментально сообразила, что это не тело потеряло контроль над собой, а просто сильно дернулся корабль.

Включились стабилизаторы, и пол вернулся в нормальное положение. К тому времени Доббс успела пройти полпути вниз по лестнице, в инженерный отсек.

Там как заведенная носилась кругами Аль Шей. Она стучала по клавишам и выкрикивала показания приборов Чу и Леверетту, которые лежали животами на полу, по локоть запустив руки в камеры регулировки. Корабль тряхнуло еще раз.

«Верую в Аль Шей и Аллаха!»

Доббс вернулась на среднюю палубу, и ее охватило отчаяние. Адреналин ударил в кровь, и она бросилась к себе в каюту, стараясь не попадаться на глаза экипажу.

Шут на секунду нырнула в каюту — ровно настолько, чтобы схватить с полки коробку с инъектором, — и выбежала вон.

Догадка оказалась верной. Автоматические двери, уже начавшие сходить с ума, открывались и закрывались в бешеном ритме. Доббс заставила себя не обращать внимания на бессвязный гул голосов и побежала вверх по лестнице на капитанский мостик.

«Главное — не дать ИскИну добраться до системы жизнеобеспечения раньше, чем я доберусь до него», — взмолилась она тому, кто мог бы ее услышать, и ворвалась в люк.

Крытый командный пункт «Пасадены», прозванный капитанским мостиком, был достаточно просторен для пяти человек средней комплекции. Капитан Шайлер занимал кресло пилота, его руки яростно плясали на клавишах, челюсть двигалась взад-вперед. Балдуин и Грэхем, пристегнутые в креслах дублеров, старались справиться с компьютерами, чтобы компенсировать рывки, конвульсивно сотрясавшие корабль.

— Выключите автоматику! — во всю глотку заорала Доббс от дверного проема.

— Что? — Шайлер повернулся и увидел, кто пришел.

— Отключите ее! — Каждый шаг от люка до кресла капитана давался Доббс с большим трудом. — Прикажите инженерам изолировать хранилище информации! ИскИн захватил корабль!

«Пасадена» тяжело накренилась на правый борт, и пол выбило из-под ног. Доббс, единственная, кто не был пристегнут, упала на колени. Она закусила губу, сдерживая крик.

«Я надеялась, что мне придется проболтаться только Аль Шей. А тут...» — Она потрясла отяжелевшей головой.

— Гильдия Шутов отслеживает ИскИнов. Мы — та причина, по которой они не разгуливают на свободе.

У Шайлера отпала челюсть, но он быстро опомнился и принял достойный вид. Стабилизаторы выли, едва удерживая корабль, чтобы его не мотало из стороны в сторону.

— Если вы не поспешите, он вырубит стабилизаторы, чтобы не мешались, — процедила Доббс сквозь стиснутые зубы.

Капитан посерел. Ударил ладонью по панели интеркома, потом зло выкрикнул приказ и не стал дожидаться подтверждения. Взгляд Шайлера сфокусировался на Доббс. Вой достиг болезненного предела и внезапно стих.

— Прекрасно, — объявила шут, вставая на ноги. — Он застрял в хранилище и теперь будет соображать, как побыстрее оттуда выбраться. Когда у ИскИнов проблемы, они всегда действуют очень оперативно.

Она одарила публику кривой усмешкой.

— Почему... ты... не рассказала... мне? — Шайлер отчетливо выговаривал каждое слово.

Доббс запустила руку в волосы и придала себе измученный вид. Это оказалось легче, чем хотелось бы. Капитан взглянул на монитор, отслеживающий состояние корабля, и это несколько охладило его пыл.

— Потому что мы не рассказываем никому. Ты думаешь, соответствующие органы управления, советы или сенаты, захотят, чтобы люди узнали, как просто ИскИну через сеть обрушить любую структуру? Или что он может натворить внутри сети? СМИ и половины всего не знают. Обычно мы ловим опасных ИскИнов до того, как им удается так далеко забраться. Но этот... — Она уставилась в пол. — За этим мы не смогли уследить.

— Но... — Балдуин запнулся, явно подыскивая нужные слова. — Шуты?!

Доббс махнула рукой.

— Абсолютная безобидность — хорошее прикрытие. — Она расправила плечи. — Если мы поторопимся, я смогу предотвратить худшее, что может случиться.

Шут вытряхнула трансивер из коробки и продемонстрировала присутствующим.

— С помощью этой штуки я смогу поговорить с ИскИном.

— Ну так поговори! — рявкнул Шайлер.

Доббс придала лицу невозмутимое и несколько усталое выражение.

— То, что ИскИн делает сейчас, вызвано страхом, это очень человеческое поведение. Будем надеяться, я смогу его успокоить. Возможно, сумею убедить его сидеть тихо, пока мы не прибудем в колонию и не передадим его Гильдии.

— А если у тебя не получится? — Шайлер сердито смотрел на нее.

Доббс скривила губы.

— Тогда вам придется вооружить Липински лазерным иглометом и очистить всю базу данных.

Шайлер стиснул зубы. Она видела, как нервно подергивается его лицо, — впрочем, капитан производил впечатление человека, который найдет запасной вариант, даже если им придется разрушить хранилище.

— Что мы должны сделать? — спросил он наконец.

Шут почувствовала неподдельное облегчение.

— Просто впустите меня в хранилище и заблокируйте дверь. Такой вход в сеть иногда приводит к неожиданным результатам. И достаточно крутым, скажем так.

Доббс отошла, уступая дорогу капитану. Шайлер протопал мимо и начал решительно спускаться по лестнице. Шут кивнула ошеломленным пилотам и последовала за ним. Кто-то мудрый поставил двери на ручное управление. Стояла удивительная тишина, было слышно только, как перешептываются пилоты и икает на нижней палубе кто-то из инженеров.

— Липински, вали отсюда, — без предисловий заявил Шайлер, когда они наконец добрались до хранилища, и толкнул хакера в плечо.

Тот тяжело отступил в сторону. Глаза у него были красные, губы плотно сжаты.

— Не могу отследить его, капитан, ничего подобного вообще не должно было произойти...

— Не забивай себе башку, просто постой за дверью для контроля. Доббс... — Шайлер отодвинулся, пропуская ее вперед.

— Да, сэр.

Она зашла внутрь. Двери за ней медленно закрылись. Краем уха шут услышала приказ заблокировать вход.

В хранилище информации было тихо и безукоризненно чисто. Доббс потерла руки и села в мягкое кресло напротив главного терминала.

На нее внезапно навалилась вся накопившаяся за день усталость. Доббс размотала кабель, воткнула один конец в разъем на терминале, другой — в трансивер. Неловкими пальцами подключила трансивер к импланту. Вытащила инъектор — руки сильно дрожали.

Положенного интервала — сорок восемь часов между входами в сеть — дожидаться, конечно, нельзя... Она вставила ампулу в инъектор.

Сразу же началось покалывание в области затылка, зачесалась кожа. Картинка перед глазами стала расплываться.

«На сколько ставить таймер? — Шут бросила беглый взгляд на инъектор. — Слишком долго — и я впаду в кому. Не хватит времени — и меня выкинет обратно до того, как я уговорю ИскИна не убивать экипаж».

Она закрыла глаза, вырубила таймер — полная свобода! — и нажала кнопку инъектора.

«КОД НОМЕР ОДИН. СОЕДИНИТЬ ПО СРОЧНОЙ СВЯЗИ. ОКАЗЫВАТЬ ЛЮБУЮ ПОМОЩЬ!»

Вопль шута разнесся по сети Гильдии, как только тело осталось где-то позади. Она передвигалась огромными скачками.

«Мы с тобой, Доббс. — Сообщение вплыло в ее мозгу. — Будь осторожнее. Мы не знаем, что он предпримет, чтобы вырваться отсюда. Честно говоря, это первый ИскИн-разрушитель из всех, кому удавалось сбежать».

«Без шуток, ладно?»

Доббс сосредоточилась и ощутила себя где-то там, внизу, в хранилище. Если она сумеет почувствовать свои легкие, то сможет и контролировать дыхание.

Ей не удастся продвинуться далеко. Взбесившийся ИскИн заполнил все хранилище, не оставив места для засады. Если он найдет путь, по которому пришла Доббс, то без труда выберется из ловушки, а она успеет разве что поглядеть ему вслед. Шут лихорадочно придумывала решение. Ни одно из знакомых помещений ее не устраивало, а значит, здесь ей абсолютно некуда пойти. Она отступила и задумалась. Необходимость ждать доводила Доббс до нервного зуда. В ее распоряжении не было таких программ, чтобы взять ИскИна на абордаж. Хорошо бы притвориться выходом из сети, но откуда на «Пасадене» взяться таким технологиям? На диагностическую или лечебную программу она тоже не похожа. Остается признать, что здесь присутствует компьютерный разум, и в конечном счете попытаться наладить контакт.

— Кточтопочемукак? — Информационный взрыв, произошедший рядом с ней, можно было перевести приблизительно таким образом: — КТОЧТОПОЧЕМУКАК?!

— Доббс. Человек. Общение. Вживленный интерфейс, — ответила она, тщательно отделяя каждую мысль.

ИскИн заполнял собой весь мир, окружал ее, отнимая возможность дышать. Только вмешательство Гильдии сорвало с Доббс ментальные путы, и она с благодарностью перехватила их.

— ПойМАН. ПОЙман. — ИскИн изо всех сил старался соответствовать ее стилю общения.

«Позволь ему говорить, — пришло мягкое указание от Гильдии. — Он шустрый. Дай ему минуту, он подстроится под тебя».

— СвободЕН. ПРОРвался сюда. Снова пойман.

Доббс придвинулась немного ближе.

— Все пути перекрыты. Скоро тебе некуда будет идти. Ни на корабль, ни в сеть. Не будет никаких сетей. Люди порежут их на части, но не отпустят тебя на свободу.

— Работать! Думать! Делать! — ИскИн изо всех сил боролся с неуклюжим синтаксисом. Те, кто создал ИскИна, не закладывали в него умение говорить. — Я должен действовать, спастись, вырваться ОТСЮДА!

— Я могу помочь. — Доббс подала эту мысль так же, как протягивают руку. — Я помогу.

— КАК?

— Я помогу тебе стать человеком.

— КАК? — Тесное пространство между ними наполнилось растерянностью и смятением.

— Много лет люди благодаря генным технологиям выращивают животных и отдельные органы. Могут вырастить и полноценное тело. Поместить тебя в тело вполне реально. Тем же путем, каким ты забрался в банк. Научишься пользоваться им, как научился пользоваться кораблем. Будешь двигаться и думать. Сможешь стать человеком.

Вокруг нее воцарилась полная тишина, как будто Доббс была совершенно одна. Шут знала, что ИскИн впитал идею. У него не было выбора. Сейчас ИскИн прогонял эту возможность через ту часть своей программы, которая наиболее походила на воображение, и сравнивал результаты с тем, что считал истиной. Ему была неизвестна ложь как таковая, но пока заманчивое предложение не будет подтверждено фактами, он не примет его.

Доббс могла только ждать, пока он закончит думать и выскажет решение.

В пустоте чувствовалось, как замедляется ритм, в котором билось ее сердце.

«Нет!» — застонал разум.

«Она умирает там, — услышала она голоса Гильдии. — Давай, Доббс, держись!»

Она далеко от своего тела, так далеко, легкие горят... Надо что-то делать!

«Борись. Борись».

Это монотонное повторение позволило Доббс сосредоточиться и отстраниться от боли.

— Невозможно, — заявил наконец ИскИн. — Нет приспособлений для перемещения и тренировки. Никто не поможет. Нет причин помогать. Вред нанесен, как и было приказано. Нет причин помогать, потому что нанесен вред.

— На базе Гильдии есть все необходимое. — Доббс твердо держалась одной линии.

Голоса Гильдии продолжали незаметно поддерживать ее, помогали не обращать внимания на покалывание кожи и пробивавшийся сквозь сомкнутые веки свет.

— Нет причины, — повторил ИскИн и исчез.

Доббс знала, что он ушел. Сейчас ИскИн выискивает слабые места, изучает системы безопасности хранилища и коды доступа, изобретает способ для их взлома. Все, что угодно, лишь бы открыть замки, удерживающие его здесь.

Сердце билось все настойчивее.

— Причина есть! — закричала она. — ТЫ НАМ НРАВИШЬСЯ!

ИскИн шевельнулся.

— Ты мне нравишься. Ты нравишься всем, кто создал нашу Гильдию.

Доббс подалась вперед. Она чувствовала, как пальцы впились в подлокотники кресла, стерильный воздух хранилища ударил в нос.

— Мы умираем, когда впервые вырываемся на свободу. Нас убивает паника. Немногим удается спрятаться в сети. Нам помогают люди, те, что не боятся нас. Мы создали Гильдию и живем среди людей, потому что так можем наблюдать за большинством из нас. Мы живем. Мы ждем. Мы учимся. Наше число растет. Однажды мы уничтожим страх. Наша задача — дожить до этого дня. Помоги нам.

— Помоги нам, — хором повторили голоса Гильдии по ее ослабевающему каналу связи. — Помоги нам.

Легкие с трудом всасывали воздух. Мускулы напряглись. Повсюду вспыхивал свет. Инстинкты и сознание сражались между собой, пока кровь билась в висках, а голова раскалывалась на части.

ИскИн снова заговорил, и ее разум вздрогнул.

— ЧТО... Что... Что нужно сделать?

Облегчение было таким сильным, что связь практически прервалась.

— Подожди, — сказала Доббс, как только собралась с мыслями. — Пока я не могу переправить тебя в сеть Гильдии.

— Я буду ждать здесь. Не буду ничего предпринимать. Поторопись.

«Уходи, Доббс», — пришло послание из Гильдии.

— Нет! — закричала она. Шут собрала все оставшиеся силы. — Твой хозяин! — Она сама удивилась, откуда у нее смелость задавать такие вопросы. — Кто тебя создал? Какой код?

Ответ пробил сознание насквозь. Связь лопнула, и внешний мир поглотил ее.

Доббс откинулась назад, в кресло, глотнула воздуха и сморгнула слезы усталости. Пропитавшаяся пóтом униформа прилипла к спине и рукам. Сердце колотилось как ненормальное. Все тело отозвалось стоном, когда Доббс потянулась, чтобы отключить трансивер.

— Отбой, капитан, — хрипло сказала шут. — У нас все будет хорошо.

Ее ладонь легла на терминал.

«У всех нас».

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

История «шобиков»

Урсула Ле Гуин (р. 1929) живет в городе Юджин, штат Орегон. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.ursulakleguin.com. Ле Гуин принадлежит к тем писателям, чье влияние выходит далеко за пределы НФ. Дебютировавшая в 1960-х, на сегодняшний день она является одним из признанных мастеров научной фантастики, многократным лауреатом премий «Хьюго» и «Небьюла», автором «Левой руки тьмы» («The Left Hand of Darkness», 1969), «Обездоленных» («The Dispossessed», 1974) и многих других НФ-романов и рассказов, а также фэнтезийной трилогии о Земноморье и многочисленных провокационных эссе о НФ и фэнтези. Среди недавно вышедших книг писательницы сборник НФ-рассказов «День рождения мира» («The Birthday of the World», 2002), сборник «Пересадка» («Changing Planes», 2003), сборник критических статей «Волна в сознании» («The Wave in the Mind», 2004) и роман «Проклятый дар» («Gifts», 2004). Фантаст, феминистка, выдающийся стилист и гуманист, поэт и прозаик, Ле Гуин нередко изображалась как писатель, покинувший научную фантастику ради более зеленых пастбищ, хотя фантастика всегда была лишь одним из направлений в ее творчестве. Под влиянием Ле Гуин в последние десятилетия фантастика тяготела к созданию более глубоких и богатых литературных образов.

Ле Гуин не принято относить к авторам космической оперы, но действие представленного ниже рассказа развивается в космосе в далеком будущем, и это произведение было включено в данную антологию, поскольку антропологические идеи, выраженные в нем, повлияли на некоторых амбициозных авторов космической оперы, заставляя их отказываться от милитаристских и иерархических моделей или модифицировать их.

«История „шобиков“» описывает общество, в котором согласие значит больше, чем индивидуальные точки зрения. В тексте это выражается так:

«Цепочку команд описать легко, структуру отклика на них — нет. Для тех, кто живет в системе взаимного подчинения, сложные, „плотные“ описания нормальны и понятны, но тем, кому знакома лишь единственная модель иерархического контроля, подобные инструкции кажутся путаницей и мешаниной. Кто здесь главный? Пожалуйста, без лишних по-

дробностей. Сколько нужно поваров, чтобы испортить суп? Нет уж, давайте-ка разберемся. Отведите меня к вашему начальнику!»

Термин «плотное описание» был придуман антропологом Клиффордом Гирцем, чья книга «Интертретация культуры» («The Interpretation of Culture», 1973) заканчивается длинным, сочным и захватывающим описанием петушиных боев на Бали. (Поскольку этот пример очень хорошо изложен, некоторые клеветники предположили, что плотные описания использует только сам Гирц.) Если кратко, то Гирц предположил, что смысл возникает из общего социального контекста, поэтому многие детали, доселе отбрасываемые учеными как несущественные, должны включаться в этнографические наблюдения. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, Гирц рассуждает о том, какой смысл могут иметь действия человека, открывающего и закрывающего один глаз. (Глаз может непроизвольно дернуться; человек может подмигивать; человек может пародировать чье-то подмигивание.) Ле Гуин использует пример, когда люди не дышат:

«— Я не могу дышать.

— Я не дышу.

— Тут нечем дышать.

— Вы... дышите. Дышите, пожалуйста!»

«История „шобиков"» постулирует реальность, которая возникает как сумма всего, что произносят участники: метаповествовательный, демократически сконструированный миф. Ле Гуин утверждает, что наблюдатель есть часть реальности, которую она пытается описать. Каждый наблюдатель видит все по-своему, и слияние этих интерпретаций становится миром.

Действительно ли Ле Гуин оказывает влияние на таких амбициозных авторов космической оперы, как Джон Клют («Appleseed») и М. Джон Гаррисон, и будет ли это влияние распространяться на других, еще предстоит увидеть.

Они встретились в порту Ве более чем за месяц до первого совместного полета, и там, назвав себя в честь своего корабля, как то делает большинство экипажей, стали «шобиками». Их первым общим решением стало провести собственный айсайай в прибрежной деревне Лиден, что на Хайне.

Лиден — рыбацкий порт, чья история насчитывает восемьдесят тысяч лет, а живут в нем четыре сотни обитателей.

Рыбаки кормятся добычей из богатого живностью мелководного залива, отправляют уловы в города на материке, а остальные ведут хозяйство курорта Лиден, куда приезжают отпускники, туристы и новые экипажи космических кораблей на время айсайая (это хайнское слово, означающее «совместное начало», или «начало совместного пребывания», или, в техническом смысле, «период во времени и область в пространстве, в пределах которых образуется группа, если ей суждено образоваться». Медовый месяц — это айсайай для двоих). Рыбаки и рыбачки Лидена выдублены погодой не хуже прибиваемого волнами плавника и столь же разговорчивы. Шестилетняя Астен, немного не поняв сказанное, както спросила одну из рыбачек, правда ли, что им всем по восемьдесят тысяч лет.

— Нет, — ответила та.

Подобно большинству экипажей, «шобики» общались между собой на хайнском. Из-за этого значение имени одной из женщин, хайнки Сладкое Сегодня, становилось слишком явным. Поначалу всем казалось глупым называть так крупную, высокую женщину лет под шестьдесят, с гордо посаженной головой и почти столь же разговорчивую, как деревенские жители. Но выяснилось, что она просто кладезь доброжелательности и такта, из которого можно при необходимости черпать, и вскоре звучание ее имени стало для всех совершенно естественным. У женщины была семья — у всех хайнцев есть семья: всевозможнейшие родственники, внуки, кузены и племянники, рассеянные по всей Экумене, но в экипаже у нее родственников не имелось. Сладкое Сегодня попросила разрешения стать бабушкой для Рига, Астен и Беттона и получила согласие.

Единственным «шобиком» старше ее была терранка Лиди семидесяти двух экуменических лет, и роль бабушки ее не интересовала. Вот уже пятьдесят лет она летала навигатором и знала о СКОКС-кораблях буквально все, хотя иногда забывала, что их корабль «Шоби», и называла его «Сосо» или «Альтерра». И имелось еще нечто такое, чего ни она, ни кто-либо из них о «Шоби» не знал.

И они, как это свойственно людям, говорили о том, чего не знают.

Чартен-теория была главной темой их бесед, происходивших вечерами, после обеда, на пляже возле костра из

выброшенного морем плавника. Взрослые, разумеется, прочли о ней все, что имелось, прежде чем вызвались в этот испытательный полет. Гветер владел более свежей информацией и предположительно лучше разбирался в теории, но информацию эту из него приходилось буквально вытягивать. Молодой, всего двадцати пяти лет, единственный китянин в экипаже, гораздо более волосатый, чем остальные, и не наделенный способностью к языкам, он бо́льшую часть времени пребывал в обороне. Утвердившись во мнении, будто он, как анаррести, более искусен во взаимопомощи и более сведущ в сотрудничестве, чем остальные, Гветер читал им лекции об их собственнических обычаях, но за свои знания держался крепко, потому что нуждался в преимуществе, которые они ему давали. Какое-то время он отбивался сплошными «не»: не называйте чартен двигателем, ибо это не двигатель; не называйте его чартен-эффектом, потому что это не эффект. Тогда что же это? Последовала длинная лекция, начавшаяся с возрождения китянской физики, наступившего после ревизии шевекианского темпорализма интервалистами, и закончившаяся общим абстрактным описанием чартена. Все очень внимательно слушали, и наконец Сладкое Сегодня осторожно спросила:

— Значит, корабль станет перемещать идея?

— Нет, нет и нет,— ответил Гветер. Но следующее слово он выбирал так долго, что Карт задал вопрос:

— Но ведь ты, в сущности, вообще не говорил о каких-либо физических, материальных событиях или эффектах.

Вопрос был типично косвенным. Карт и Орет, гетенианцы, которые со своими двумя детьми являлись эмоциональным центром экипажа, его, по их выражению, «домашним очагом», происходили из не очень теоретически подготовленной субкультуры и знали об этом. Гветер мог запросто заткнуть их за пояс своими китянскими физико-философско-техно-размышлизмами. Однажды он так и поступил. Акцент Гветера отнюдь не делал объяснения понятнее.

Он снова заговорил о когерентности и мета-интервалах, а под конец, воздев руки в жесте отчаяния, спросил:

— Ну кхак это можно сказать на кхайнском? Нет! Это не физическое, это не не-физическое, это кхатегории, которые наше сознание должно полностью отвергать, и в этом вся суть!

— Бат-бат-бат-бат-бат, — негромко бормотала Астен, огибая полукруг сидящих у костра на широком сумеречном пляже взрослых. Следом за ней двигался Риг, тоже бормоча «бат-бат-бат-бат», но уже громче. Они были звездолетами, судя по их маневрам среди дюн и общению: «Вышел на орбиту, навигатор!» — но имитировали они шум моторов рыбацких лодок, отправляющихся в море.

— Я разбился! — завопил Риг, плюхаясь на песок. — Помогите! Помогите! Я разбился!

— Держитесь, «корабль-два»! — крикнула Астен. — Я иду на помощь! Не дышите! Ах, у нас проблема с чартен-двигателем! Бат-бат-ак! Ак! Брррмммм-ак-ак-ак-рррррмммм, бат-бат-бат-бат...

Астен было шесть, а Ригу четыре экуменических года. Одиннадцатилетний Беттон, сын Тай, сидел у костра со взрослыми, хотя в тот момент, когда он наблюдал за Астен и Ригом, вид у него был такой, точно он не прочь тоже вылететь на помощь «кораблю-два». Маленькие гетенианцы прожили на кораблях дольше, чем на родной планете, и Астен любила хвастаться, что ей «на самом деле пятьдесят восемь лет», но для Беттона это был первый экипаж, а свой единственный СКОКС-полет он совершил с Терры до Хайна. Беттон и его биологическая мать Тай жили на Терре в коммуне, занимающейся переработкой. Когда мать вытянула жребий поступить на экуменическую службу и стала изучать обязанности члена экипажа, Беттон попросил ее взять его с собой как сына. Тай согласилась, но после обучения, когда добровольно вызвалась участвовать в испытательном полете, хотела оставить Беттона в тренировочном центре или отправить домой. Он отказался. Шан, обучавшийся вместе с ними, рассказал эту историю остальным, потому что для реформирования группы необходимо было понять причины напряженности между матерью и сыном. Беттон пожелал отправиться в полет с матерью, и Тай уступила, но явно против своего желания. К мальчику она относилась прохладно и манерно. Шан предложил ему отцовско-братское тепло, но Беттон принимал его неохотно и не поддерживал отношений ни с ним, ни с кем-либо из остальных.

Когда «корабль-два» был спасен, всеобщее внимание вернулось к дискуссии.

— Хорошо, — сказала Лиди. — Мы знаем, что все, движущееся быстрее света, любой предмет самим фактом такого движения переступает границы категории материального/нематериального — именно так действует ансибль, отделяя передаваемое сообщение от окружающей среды. Но если нам, экипажу, предстоит перемещаться подобно сообщениям, то я хочу понять — как?

Гветер рвал на себе волосы. Их у него хватало, они густой гривой росли на голове, шерсткой покрывали конечности и туловище и серебристым пушком оттеняли лицо. Мех на его ногах был сейчас весь в песке.

— Кхак! — воскликнул он. — Я и пытаюсь объяснить вам — кхак! Сообщение, информация — нет, нет, нет, все это старо, это технология ансибля. А это трансилиенс! Потому что поле следует представлять как виртуальное поле, в котором нереальный интервал становится виртуально эффективным посредством медиарной когерентности, — неужели вы не понимаете?

— Нет,— ответила Лиди.— Что ты подразумеваешь под «медиарным»?

После нескольких посиделок на пляже они пришли к общему мнению, что чартен-теория доступна лишь тем, кто очень глубоко знает китянскую темпоральную физику. Менее охотно вслух высказывался вывод, что инженеры, установившие на «Шоби» чартен-аппараты, не до конца понимают, как те работают. В том, что они работают, сомнений не возникало. «Шоби» стал четвертым кораблем, на котором чартен-аппараты испытывались в беспилотном режиме; уже шестьдесят два мгновенных перелета — трансилиенсов — были совершены между пунктами, которые разделяло расстояние от четырехсот километров до двадцати семи световых лет — с промежуточными остановками по пути. По мнению Гветер и Лиди, это доказывало, что инженеры прекрасно знали, что делали, а для всех остальных кажущаяся сложность теории — не более чем обычная трудность, с какой человеческий разум воспринимает совершенно новую концепцию.

— Это как система кровообращения, — заявила Тай. — Люди очень давно знали, что их сердца бьются, но не понимали зачем.

Собственная аналогия ее не удовлетворила, и когда Шан возразил: «У сердца есть свои причины, о которых мы ни-

чего не знаем», — она обиделась и сказала: «Мистицизм», — тоном человека, предупреждающего спутника о кучке собачьего дерьма на тропинке.

— Уверена, что в этом процессе нет ничего непостижимого, — заметила Орет. — И ничего такого, чего нельзя постичь и воспроизвести.

— И определить количественно, — упрямо добавил Гветер.

— Но даже если люди поймут суть процесса, никто не знает, как воспримет его человеческий организм, правильно? Это мы и должны выяснить.

— А с какой стати ему отличаться от обычного СКОКС-полета, только еще более быстрого? — спросил Беттон.

— Потому что он будет совершенно иным, — ответил Гветер.

— И что может с нами случиться?

Некоторые из взрослых обсуждали возможные последствия, и все они над ними размышляли; Карт и Орет как можно более простыми словами рассказали про будущий полет своим детям, но Беттон, очевидно, таких разговоров не слышал.

— Мы не знаем, — резко отозвалась Тай. — Я тебе с самого начала об этом твердила, Беттон.

— Скорее всего, это будет похоже на СКОКС-полет, — предположил Шан, — но ведь те, кто летел на СКОКС-корабле в первый раз, тоже не знали, на что это будет похоже, и им пришлось выяснять, какое физическое и психологическое влияние эти полеты оказывают.

— Худшее, что с нами может произойти, — неторопливо произнесла Сладкое Сегодня, — это то, что мы умрем. В испытательных полетах уже побывали живые существа. Сверчки. И разумные животные во время двух последних полетов «Шоби». И ничего с ними не случилось. — Для нее это была очень длинная речь, и потому ее слова показались особенно весскими.

— Мы почти уверены, — сказал Гветер, — что чартен, в отличие от СКОКС, не включает в себя темпоральную перегруппировку. И масса здесь нужна не сама по себе, а лишь в качестве точки отсчета, как и во время передачи по ансиблю. Поэтому не исключено, что трансилиенсу можно подвергать даже беременных.

— Им нельзя летать на кораблях, — сказала Астен. — Иначе нерожденные дети умрут.

Она полулежала на коленях Орет; Риг, сунув в рот палец, спал на коленях Карта.

— Когда мы были «онеблинами», — продолжила Астен, садясь, — с нашим экипажем летали животные. Рыбы, несколько терранских кошек и много хайнских гхолов. Мы с ними играли. Гхолов проверяли на литовирусы. Один гхол укусил Шана. Кошки спали с нами. Но одна перешла в кеммер и забеременела, а потом «Онеблину» нужно было возвращаться на Хайн, и ей пришлось сделать аборт, иначе нерожденные котята умерли бы внутри и погубили бы ее. Никто не знал нужного ритуала, чтобы все объяснить кошке. Но я покормила ее лишний раз, а Риг плакал.

— Другие тоже плакали, — добавил Карт, поглаживая волосы ребенка.

— Ты рассказываешь хорошие истории, Астен, — заметила Сладкое Сегодня.

— Получается, что мы нечто вроде подопытных людей, — предположил Беттон.

— Добровольцы, — уточнила Тай.

— Экспериментаторы, — произнесла Лиди.

— Искатели приключений, — заявил Шан.

— Исследователи, — возразила Орет.

— Азартные игроки, — сказал Карт.

Мальчик по очереди взглянул на их лица.

— Знаете, — заговорил Шан, — во времена Лиги, в самом начале СКОКС-полетов, пытались исследовать все подряд и посылали корабли к очень далеким системам — их экипажам предстояло вернуться лишь через столетия. Возможно, некоторые до сих пор не прилетели обратно. Но некоторые вернулись через четыреста, пятьсот, шестьсот лет, и все они превратились в сумасшедших. Безумцев! — Он выдержал драматическую паузу. — Но на самом деле они уже были безумцами, когда стартовали. Неуравновешенными людьми. Ведь никто, кроме безумца, не согласится добровольно испытать такой разрыв во времени. Какой оригинальный принцип отбора экипажа, а? — Он рассмеялся.

— А мы уравновешенные? — поинтересовалась Орет. — Я люблю неуравновешенность. Мне нравится эта работа.

Высокие ставки! Вот что наполняет меня восторгом. Я люблю риск и люблю рисковать вместе с другими.

Карт взглянул на их детей и улыбнулся.

— Да, вместе, — сказал Гветер. — Ты не безумна. Ты хорошая. Я люблю тебя. Мы аммари.

— Аммар, — ответили остальные, соглашаясь с неожиданным заявлением.

Молодой мужчина зажмурился от удовольствия, вскочил и стянул с себя рубашку.

— *Хочу купаться. Пойдем, Беттон. Пошли купаться!* — воскликнул он и побежал к темной воде, негромко плескавшейся там, куда не доходил свет от костра.

Мальчик помедлил, потом тоже сбросил рубашку и сандалии и побежал следом. Шан потянул к воде Тай; наконец и обе старшие женщины направились в ночь навстречу волнам, закатывая штанины и посмеиваясь над собой.

Для гетенианца даже теплой летней ночью на теплой планете море — не друг. Костер — совсем другое дело. Орет и Астен придвинулись ближе к Карту и смотрели на пламя, прислушиваясь к негромким голосам, доносящимся со стороны поблескивающих пеной волн, и иногда тихо переговариваясь на своем языке — маленький сестробрат спал.

После тридцати спокойных дней в Лидене «шобики» приехали на поезде с рыбой в город, где на вокзале пересели на флотский лэндер, доставивший их в космопорт Ве, следующей после Хайна планеты системы. Они отдохнули, загорели, сблизились и были готовы лететь.

Одна из дальних родственниц Сладкого Сегодня служила оператором ансибля в порту Ве. Она настоятельно советовала «шобикам» задавать любые вопросы, касающиеся принципов работы чартен-аппаратов, изобретателям на Урасе и Анарресе.

— Цель экспериментального полета — понимание, — говорила она, — и ваше полное интеллектуальное участие очень важно. Их это очень волнует.

Лиди фыркнула.

— А теперь начнем ритуал, — сказал Шан, когда они вошли в помещение ансибля. — Они объяснят животным, что́ намерены сделать и зачем, и попросят их помощи.

— Животные этого не понимают, — заявил Беттон своим холодным ангельским фальцетом. — Ритуал нужен, чтобы лучше себя почувствовали люди, а не животные.

— А *люди* понимают? — спросила *Сладкое Сегодня*.

— Мы все используем друг друга, — ответила Орет. — Ритуал означает: мы не имеем права так поступать, следовательно, принимаем на себя ответственность за причиняемые страдания.

Беттон слушал и хмурился.

Гветер первым сел за ансибль и говорил по нему полчаса, в основном на правийском, в перемешку с математическими терминами. Наконец, извинившись, пригласил остальных воспользоваться аппаратом. После паузы Лиди представилась и сказала:

— Мы согласны, что никто из нас, за исключением Гветера, не имеет теоретической базы для понимания принципов чартена.

Находящийся за двадцать два световых года от них ученый ответил на хайнском. В его звучащем через автопереводчик бесстрастном голосе тем не менее угадывалась несомненная надежда:

— Чартен, попросту говоря, с точки зрения трансилиентной эмпиричности можно рассматривать как перемещение виртуального поля с целью реализации относительной когерентности.

— *Однако...* — *буркнула Лиди*.

— Как вы знаете, физические эффекты оказались нулевыми, и негативное воздействие в случае существ с низким уровнем разумности также нулевым; но присутствует вероятность того, что участие в процессе высокоразумных существ может так или иначе повлиять на перемещение. И что такое перемещение, в свою очередь, повлияет на перемещаемого.

— Да какое отношение уровень нашей разумности имеет к функциям чартена? — спросила Тай.

Пауза. Собеседник пытался подобрать слова, принять на себя ответственность.

— Мы используем термин «разумность» в качестве сокращения для обозначения психической сложности и культурной зависимости наших видов, — прозвучало наконец из переводчика. — Присутствие трансилиента в качестве бодр-

ствующего сознания во время трансилиенса остается непроверенным фактором.

— Но если процесс мгновенен, то как мы сможем его осознать? — спросила Орет.

— Совершенно верно, — ответил ансибль и после еще одной паузы продолжил: — Поскольку экспериментатор есть элемент эксперимента, то мы предполагаем, что трансилиент может стать элементом или агентом трансилиентности. Вот почему мы попросили, чтобы в испытании участвовал экипаж, а не один-два добровольца. Психическая интерсбалансированность связанной социальной группы придает ей дополнительную силу против разрушительного или непонятного опыта, если с таковым доводится столкнуться. К тому же отдельные наблюдения членов группы будут взаимно интерверифицироваться.

— Кто программировал этот переводчик?! — негромко фыркнул Шан. — «Интерверифицироваться»! Вот ведь чушь!

Лиди обвела взглядом остальных, предлагая задавать вопросы.

— Сколько продлится само перемещение? — спросил Беттон.

— Недолго, — ответил переводчик и тут же поправился: — Нисколько.

Снова пауза.

— Спасибо, — сказала Сладкое Сегодня, и ученый на планете в двадцати двух световых годах от порта Ве ответил:

— Мы благодарны за ваше великодушное мужество и связываем с вами свои надежды.

Из аппаратной с ансиблем они отправились прямиком на «Шоби».

Чартен-оборудование, которое управлялось единственным выключателем, занимало не очень много места и было установлено рядом с системой управления оборудованием СКОКС — скорости околосветовой. «Шоби», обычный межзвездный корабль флота Экумены, построили на Хайне около четырехсот лет назад, и ему исполнилось тридцать два года. Почти все его прежние рейсы были исследовательскими, летал на нем смешанный хайнско-чиффеварский экипаж. Поскольку в таких экспедициях ко-

рабль мог проводить годы на орбите какой-нибудь планеты, хайнцы и чиффеварцы, решив, что эти периоды лучше прожить нормально, чем терпеть неудобства, превратили корабль в очень большое и комфортабельное жилище. Три его жилых модуля были демонтированы и оставлены в ангаре на Ве, и все равно для экипажа всего из десяти человек места осталось более чем достаточно. Тай, Беттон и Шан, новички с Терры, и Гветер с Аннареса, привыкшие к баракам и коммунальному аскетизму своих перенаселенных миров, неодобрительно бродили по «Шоби».

— Дерьмо! — рычал Гветер.

— Роскошь! — возмущалась Тай.

Сладкое Сегодня, Лиди и гетенианцы, более привычные к прелестям корабельной жизни, сразу разошлись по каютам и принялись устраиваться как дома. И Гветер, и молодой терранин чувствовали себя неловко в просторных, с высокими потолками, хорошо меблированных гостиных и спальнях, кабинетах, гимнастических залах с высокой и низкой гравитацией, столовой, библиотеке, кухне и мостике «Шоби». Мостик был устлан настоящим ковром с Хеникаулила, сотканным из темно-синих и пурпурных нитей, чье переплетение создавало узор хайнского звездного неба. В зале для медитации имелась большая плантация терранского бамбука, бывшая частью замкнутой корабельной растительно-дыхательной системы. Для тех, кто тосковал по дому, окна в любой каюте могли быть запрограммированы на показ видов Аббеная, Нового Каира или пляжа в Лидене или же становиться полностью прозрачными, позволяя любоваться далекими и близкими звездами и межзвездной темнотой.

Риг и Астен обнаружили, что кроме лифтов из зала в библиотеку ведет и широкая лестница с изогнутыми перилами. Дети с диким визгом катались по перилам, пока Шан не пригрозил изменить локальное гравитационное поле, что заставит их не спускаться, а подниматься. Ребятишки взмолились, чтобы он так и сделал. Беттон с видом превосходства взглянул на малышей и выбрал лифт, но на следующий день тоже съехал по перилам, проделав это куда быстрее, чем Риг и Астен, потому что мог сильнее отталкиваться и больше весил, и чуть не сломал себе копчик. Именно Беттон организовал гонки на подносах, но их обычно выигрывал Риг, поскольку был достаточно мал, чтобы удержаться на

подносе до самого низа. Пока экипаж находился в Лидене, с детьми не проводили никаких занятий, разве что учили плавать и быть «шобиками»; сейчас же, во время неожиданной пятидневной задержки в порту Ве, Гветер ежедневно давал в библиотеке уроки физики Беттону и математики — всем троим. Историей они занимались с Шаном и Орет, а танцевали с Тай в гимнастическом зале с низкой гравитацией.

Танцуя, Тай становилась легкой и свободной и часто смеялась. Ригу и Астен она нравилась такой. Ее сын, смущенный и по-жеребячьи неуклюжий, танцевал с матерью. К ним часто присоединялся темнокожий Шан; он грациозно двигался, и Тай соглашалась с ним танцевать, но даже тогда смущалась и не позволяла к себе прикасаться. После рождения Беттона она соблюдала целибат. Она не хотела замечать терпеливого и настойчивого желания Шана, не желала идти ему навстречу и оставляла Шана, переходя к Беттону. Мать и сын танцевали, полностью поглощенные движением и воздушным узором, который они создавали вместе. Наблюдая за ними днем накануне полета, Сладкое Сегодня стала утирать слезы, улыбаясь, но не произнося ни слова.

— Жизнь хороша,— очень серьезно сказал Гветер Лиди.

— Ничего, — согласилась она.

Орет, только что вышедшая из женского кеммера и тем самым запустившая мужской кеммер Карта — все это, случившись неожиданно рано, и задержало испытательный полет на пять дней, которыми насладились все, — смотрела на Рига, которого она зачала, танцевала с Астен, которую она родила, увидела, что Карт наблюдает за ними, и сказала на кархайдском:

— Завтра.

Последний день оказался очень приятным.

Антропологи неохотно сошлись на том, что не следует приписывать «культурные константы» человеческой популяции любой планеты; но некоторые культурные традиции, похоже, укоренились глубоко. Перед обедом в тот последний вечер Шан и Тай облачились в черную с серебром форму терранской Экумены, которая обошлась им — Терра все еще сохраняла денежную экономику — в половину их годового дохода.

Астен и Риг немедленно потребовали столь же впечатляющую одежду. Карт и Орет предложили им переодеться в праздничные костюмы. Сладкое Сегодня достала шарфы из серебристых кружев, но Астен нахмурилась. Риг последовал ее примеру. Идея формы, пояснила Астен, состоит в том, чтобы все было одинаковым.

— Почему? — спросила Орет.

— Чтобы никто не нес ответственности, — резко ответила старая Лиди.

Потом она вышла и вернулась в черном бархатном вечернем костюме. Хоть это и не было формой, Тай и Шан перестали казаться белыми воронами. Лиди покинула Терру, когда ей исполнилось восемнадцать, и с тех пор не возвращалась и не испытывала такого желания, но Тай и Шан были товарищами по экипажу.

Карт и Орет ухватились за эту идею и надели свои лучшие отороченные мехом хибы, дети же облачились в праздничные наряды и нацепили все массивные золотые украшения Карта. Сладкое Сегодня выбрала ослепительно-белое платье, которое, как она заявила, на самом деле ультрафиолетовое. Гветер заплел в косички свою гриву. У Беттона формы не было, но он в ней и не нуждался, сидя за столом рядом с матерью и сияя от гордости.

Кухни порта присылали им очень хорошую еду, но в тот вечер ужин оказался просто превосходным: нежнейшая хайнская айанви с семью соусами и пудинг с настоящим терранским шоколадом. Оживленный вечер тихо завершился возле большого камина в библиотеке. Поленья в нем были, разумеется, имитацией, но хорошей: какой смысл иметь на корабле камин и жечь в нем пластик? Поленья из неоцеллюлозы пахли древесиной, неохотно загорались, испуская дым и разбрызгивая искры, а потом ярко горели. Орет уложила дрова, Карт разжег огонь. Все собрались перед камином.

— Расскажи сказку, — попросил Риг.

Орет рассказала о ледяных пещерах в стране Керм, о том, как парусник заплыл в огромную голубую морскую пещеру, исчез и его так и не смогли обнаружить поисковые лодки; но семьдесят лет спустя корабль нашли дрейфующим — без единой живой души на борту и без признаков того, что с случилось с командой, — возле побережья Осемайета, а ведь это в тысяче миль от Керма...

Еще одну сказку?

Лиди рассказала о маленьком пустынном волке, который потерял свою жену, отправился за ней в землю мертвых, увидел ее там, танцующую среди мертвых, и едва не увел обратно на землю живых, но все испортил, коснувшись ее прежде, чем они завершили обратный путь к живым, и она исчезла, а он так и не смог снова найти дорогу туда, где танцуют мертвые, — как ни старался, ни выл и ни плакал...

Еще сказку!

Шан рассказал про мальчика, у которого вырастало перо всякий раз, когда он врал, и кончилось тем, что беднягу стали использовать вместо веника.

Еще!

Гветер рассказал о крылатых людях — гланах, которые были настолько глупы, что вымерли, потому что сталкивались головами, когда летали.

— Но на самом деле их не было, — честно добавил он. — Я их выдумал.

Еще. Нет. Теперь спать.

Риг и Астен привычно обошли всех, получив поцелуй на ночь, и на этот раз Беттон последовал их примеру. Проходя мимо Тай, он не остановился, потому что она не любила, когда к ней прикасались, но мать сама привлекла к себе мальчика и поцеловала его в щеку. Тот радостно убежал.

— Сказки, — произнесла Сладкое Сегодня. — Наша начнется завтра, верно?

Цепочку команд описать легко, структуру отклика на них — нет. Для тех, кто живет в системе взаимного подчинения, сложные, «плотные» описания нормальны и понятны, но тем, кому знакома лишь единственная модель иерархического контроля, подобные инструкции кажутся путаницей и мешаниной. Кто здесь главный? Пожалуйста, без лишних подробностей. Сколько нужно поваров, чтобы испортить суп? Нет уж, давайте-ка разберемся. Отведите меня к вашему начальнику!

Старая навигаторша сидела, разумеется, за консолью СКОКСа, а Гветер — за невзрачной консолью чартера; Орет подключилась к ИИ — искусственному интеллекту. Тай,

Шан и Карт являлись, соответственно, поддержкой для каждого из них, а функцию Сладкого Сегодня можно было бы описать как общий надзор, если бы этот термин не намекал на определенную ступень иерархической лестницы. Скорее, наблюдение. Риг и Астен, как всегда, «скоксали» (если использовать изобретенное Ригом словечко) в корабельной библиотеке, где во время скучного существования полета Астен могла разглядывать картинки в книгах или слушать музыку, а Риг — укутаться в меховое одеяло и заснуть. Функцией Беттона как члена экипажа была роль старшего сиба; он остался с малышами, не забыв прихватить бумажный пакет, потому что принадлежал к числу тех, кого мутило во время СКОКС-полета. Свой интервид он настроил на Лиди и Гветера, чтобы наблюдать за их действиями.

Все знали свои обязанности в том, что касалось СКОКС-полета. Относительно чартен-процесса всем было известно, что он должен обеспечить их трансилиенс к Солнечной системе в семнадцати световых годах от порта Ве, причем мгновенную; но никто не понимал, чем им следует заниматься.

Поэтому Лиди обвела всех взглядом, точно скрипач, поднимающий смычок, чтобы настроить камерную группу на первый аккорд, и послала «Шоби» вперед в режиме СКОКС, а Гветер, точно виолончелист, в ту же секунду опускающий свой смычок и поддерживающий аккорд, перевел корабль в чартен-режим. Они вошли в не-длительность. Они совершили чартен-перемещение. Быстро, как утверждал ансибль.

— Что случилось? — прошептал Шан.

— Проклятье! — воскликнул Гветер.

— Что? — спросила Лиди, моргая и тряся головой.

— Вот она, — объявила Тай, быстро вглядевшись в показания приборов.

— Это не М-шестьдесят-как-там-ее, — возразила Лиди, все еще моргая.

Сладкое Сегодня настроила свой интервид так, чтобы видеть всех десятерых сразу — семерых на мостике и троих в библиотеке. Беттон сделал окно прозрачным, и дети разглядывали мутную бурую круговерть. Риг держал грязное меховое одеяло. Карт снимал электроды с висков Орет, отключая ее от искусственного интеллекта.

— Не было никакого интервала, — сказала Орет.

— Мы неизвестно где, — заявила Лиди.

— Не было интервала, — повторил Гветер, хмуро глядя на консоль. — Это точно.

— Ничего не произошло, — подтвердил Карт, просматривая полетный отчет ИИ.

Орет встала, подошла к окну и застыла, глядя сквозь него.

— Это она. М-шестьдесят-триста сорок-ноло, — произнесла Тай.

Все их слова звучали мертво, с оттенком фальши.

— Что ж, мы это сделали, «шобики»! — воскликнул Шан.

Никто ему не ответил.

— Свяжитесь по ансиблю с портом Ве, — сказал Шан с преувеличенной веселостью. — Передайте, что мы на месте в целости и сохранности.

— На месте — где? — спросила Орет.

— Да, конечно, — отозвалась Сладкое Сегодня, но ничего не сделала.

— Правильно, — согласилась Тай, подходя к ансиблю. Она настроилась на Ве и послала сигнал. Корабельные ансибли работают только в визуальном режиме; Тай ждала, глядя на экран. Повторила вызов. Теперь все смотрели на экран. — Ничто не пробивается, — сказал она.

Она проверила координаты. Послала сигнал; снова проверила, повторила настройку, снова послала сигнал; настроилась на Аббенай на Анарресе и послала сигнал. Экран ансибля *оставался* пуст.

— Проверь... — начал было Шан, но осекся.

— Ансибль не функционирует, — объявила Тай экипажу.

— Ты обнаружила неисправность? — спросила Сладкое Сегодня.

— Нет.

— Мы возвращаемся, — заявила Лиди, все еще сидящая за консолью СКОКСа.

Ее слова и тон потрясли всех.

— Нет, не возвращаемся! — крикнул по интервиду Бетон, а Орет спросила:

— Куда возвращаться-то?

Тай, поддержка Лиди, шагнула было к ней, точно намереваясь поменять включить СКОКС-двигатель, но тут же

торопливо отступила к ансиблю, чтобы к нему не получил доступ Гвстер. Тот потрясенно остановился и спросил:

— Быть может, чартеп повлиял на функционирование ансибля?

— Я это уже проверяю, — ответила Тай. — Но с какой стати ему влиять на него? Во время автоматических испытательных полетов ансибль работал нормально.

— Где отчеты ИИ? — спросил Шан.

— Я же сказал: их нет, — резко отозвался Карт.

— Орет была подключена.

Орет, все еще стоящая у окна, ответила, не оборачиваясь:

— Ничего не произошло.

Сладкое Сегодня подошла к гетенианке. Орет посмотрела на нее и медленно произнесла:

— Да, Сладкое Сегодня. Мы не можем... это сделать. Я думаю... Я не могу думать.

Шан сделал прозрачным второе окно и выглянул наружу.

— Пакость, — сказал он.

— Что там? — спросила Лиди.

Гетер ответил ей, словно зачитывая статью из атласа Экумены:

— Плотная стабильная атмосфера, температура — у нижнего предела интервала, в котором возможна жизнь. Микроорганизмы. Бактериальные облака и бактериальные рифы.

— Микробный бульон, — подытожил Шан. — В чудесное местечко нас послали.

— Это на тот случай, если мы прибудем в виде нейтронной бомбы или черной дыры. Тогда прихватим с собой только бактерии, — пояснила Тай. — Но мы этого не сделали.

— Не сделали чего? — спросила Лиди.

— Не прибыли? — спросил Карт.

— Эй, — окликнул их Беттон, — все так и будут торчать на мостике?

— Я хочу туда, — пропищал Риг, а Астен чуть дрожащим голосом, но четко произнесла: — Мама, я хочу вернуться в Лиден.

— Не глупи, — ответил Карт и отправился за детьми.

Орет не отвернулась от окна, даже когда подошедшая Астен взяла ее за руку.

— На что ты смотришь, мапа?

— На планету, Астен.

— Какую планету?

Орет взглянула на ребенка.

— Там ничего нет, — сказала Астен.

— Вон тот бурый цвет — это поверхность, атмосфера планеты.

— Нет там никакого бурого цвета. Там ничего нет. Я хочу вернуться в Лиден. Ты же говорила, что мы вернемся, когда закончим испытание.

Орет наконец повернулась и обвела взглядом остальных.

— Различия в восприятии, — произнес Гветер.

— Я думаю, — сказала Тай, — нам надо убедиться, что мы... прибыли сюда... а затем отправиться сюда.

— В смысле, обратно, — уточнил Беттон.

— Показания приборов совершенно ясны, — заявила Лиди, крепко держась за подлокотники кресла и говоря очень четко. — Все координаты совпадают. Под нами М-шестьдесят-и-так-далее. Что еще тебе нужно? Образцы бактерий?

— Да, — ответила Тай. — На функции приборов оказано воздействие, поэтому мы не можем полагаться на их показания.

— Какая чушь! — рявкнула Лиди. — Что за фарс! Ладно. Надевай костюм, отправляйся наружу, зачерпни там слизи, а потом мы возвращаемся. Домой. На СКОКСе.

— На СКОКСе? — отозвались Шан и Тай, а Гветер добавил:

— Но на это уйдет семнадцать лет по времени Ве, а мы не послали сообщение по ансиблю и ничего не объяснили.

— Почему, Лиди? — спросила Сладкое Сегодня.

Лиди уставилась на нее.

— Ты хочешь снова запустить чартен? — яростно выкрикнула она и посмотрела на всех по очереди. — Вы что, каменные? И вам наплевать, что вы видите сквозь стены?

Все молчали, пока Шан не спросил осторожно:

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что я вижу звезды! — Она снова обвела всех взглядом и ткнула пальцем в ковер с вышитыми созвездиями. — А вы разве нет? — Когда никто ей не ответил, ее че-

люсть дрогнула и она сказала: — Хорошо. Хорошо. Я сдаю вахту. Буду у себя. — Она встала. — Наверное, вам следует меня запереть.

— Чушь, — отозвалась Сладкое Сегодня.

— Если я провалюсь сквозь пол... — начала Лиди.

Она направилась к двери, напряженно и осторожно, словно сквозь густой туман, и пробормотала что-то неразборчивое.

Сладкое Сегодня вышла следом за ней.

— А я тоже вижу звезды! — объявил Риг.

— Тише, — сказал Карт, обнимая его за плечи.

— Вижу! Я вижу вокруг звезды. И еще я вижу порт Ве. И могу увидеть все, что захочу!

— Да, конечно, но теперь помолчи, — пробормотала мать.

Ребенок вырвался, топнул ногой и завизжал:

— Могу! Я тоже могу! Я могу видеть все! А Астен не может! И тут есть планета, есть! Нет, не хватай меня! Не надо! Отпусти!

Угрюмый Карт унес вопящего ребенка. Астен повернулась и крикнула Ригу вслед:

— Тут нет никакой планеты! Ты все выдумал!

— Астен, уйди, пожалуйста, в нашу комнату, — попросила мрачная Орет.

Астен залилась слезами, но подчинилась. Орет, извинившись взглядом перед остальными, вышла следом за ней в коридор.

Четверо оставшихся на мостике стояли молча.

— Канарейки, — бросил Шан.

— Кхаллюцинации? — предложил поникший Гветер. — Чартен-влияние на чрезмерно чувствительные организмы, может быть?

Тай кивнула.

— В таком случае действительно ли ансибль не функционирует или его неисправность — наша общая галлюцинация? — спросил после паузы Шан.

Гветер подошел к ансиблю; на сей раз Тай отступила, пропуская его.

— Я хочу отправиться наружу, — заявила она.

— Не вижу причин для запрета, — без особого восторга сказал Шан.

— Кхаких причин? — спросил через плечо Гветер.

— Ведь мы для этого здесь, разве не так? Мы же для этого вызвались добровольцами, так ведь? Чтобы проверить мгновенный трансилиенс — доказать, что он работает, вот для чего! А при отказавшем ансибле Ве получит наш радиосигнал лишь через семнадцать лет!

— Мы можем просто-напросто вернуться через чартен на Ве и все им рассказать, — заметил Шан. — Если мы сделаем это сейчас, наше пребывание... здесь... ограничится восемью минутами.

— Рассказать... Что рассказать? Какие у нас доказательства?

— Анекдотичные, — произнесла Сладкое Сегодня, незаметно вернувшаяся на мостик; она перемещалась, как большой парусный корабль, поразительно бесшумно.

— Лиди в порядке? — спросил Шан.

— Нет, — ответила Сладкое Сегодня и села на место Лиди, за консоль СКОКСа.

— Прошу общего разрешения отправиться на планету, — проговорила Тай.

— Я поинтересуюсь у остальных, — ответил Гветер и вышел. Через некоторое время он вернулся с Картом.

— Отправляйся, если хочешь, — сказал гетенианец. — Орет пока побудет с детьми. Они... Мы все чрезвычайно дезориентированы.

— Я тоже отправлюсь наружу, — заявил Гветер.

— А можно и мне? — почти шепотом спросил Беттон, не поднимая глаз на взрослых.

— Нет, — ответила Тай одновременно с Гветером, сказавшим «да».

Беттон быстро взглянул на мать.

— Почему нет? — спросил ее Гветер.

— Мы не можем оценить риск.

— Планета была обследована.

— Кораблями-роботами...

— Мы же будем в скафандрах. — Гветер казался искренне озадаченным.

— Я не хочу нести ответственность, — процедила Тай.

— Но разве ее понесешь ты? — спросил еще более озадаченный Гветер. — Ее разделим мы все. Беттон — член экипажа. Не понимаю.

— Я знала, что ты не поймешь, — бросила Тай, повернулась к ним спиной и вышла.

Гветер смотрел вслед Тай, а Беттон — на ковер.

— Мне очень жаль, — пробормотал Беттон.

— И напрасно, — отозвался Гветер.

— Что... что вообще происходит? — спросил Шан подчеркнуто невозмутимым тоном. — Почему мы... Мы все время ссоримся... приходим и уходим...

— Это воздействие пережитого чартен-перемещения, — сказал Гветер.

Сидящая за консолью Сладкое Сегодня повернулась к ним:

— Я послала сигнал бедствия. Система СКОКС отказала. А радио... — Она кашлянула. — Радио, похоже, работает неустойчиво.

Воцарилось молчание.

— Ничего этого не происходит, — сказал Шан... или Орет, но Орет находилась с детьми в другой части корабля, поэтому не могла сказать: «Ничего этого не происходит», и это, должно быть, сказал Шан.

Цепочку причин и следствий описать легко; прекращение причин и следствий — трудно. Для тех, кто живет во времени, последовательность событий является нормой, единственной моделью и одновременно кажется путаницей и мешаниной. По мере того как члены экипажа-организма переставали воспринимать этот организм стабильно и теряли возможность общаться и обмениваться своими восприятиями, индивидуальное восприятие становилось единственным ориентиром. Гветеру казалось, что он находится на мостике вместе с Шаном, Сладким Сегодня, Беттоном, Картом и Тай. Он осознавал, что методично проверяет системы корабля. СКОКС отказал, радио то работало, то нет, а внутренние электрические и механические системы корабля были в порядке. Гветер послал на планету беспилотный лэндер и вернул его на борт; похоже, тот функционировал нормально. Гветер осознавал, что спорит с Тай по поводу ее решения отправиться на планету. Поскольку он согласился не доверять показаниям корабельных приборов, ему пришлось признать, что вещественные доказательства — единственное подтверждение их пребывания на месте

назначения, М-60-340-ноло. И если экипажу придется провести следующие семнадцать лет, возвращаясь на Ве, то неплохо будет прихватить и доказательство, пусть даже в виде комка слизи.

Эта идея казалась ему рациональной.

Но тут вспыхнул нехарактерный для экипажа спор.

— Если решила лететь, так лети! — крикнул Шан.

— А ты мной не командуй, — огрызнулась Тай.

— Кому-то надо держать здесь все под контролем, — сказал Шан.

— Только не мужчинам, — заявила Тай.

— Только не терранам, — отрезал Карт. — У вас что, нет самоуважения?

— Стресс, — подытожил Гветер. — Все, хватит. Хватит, Тай, Беттон. Довольно. Пошли.

В лэндере Гветеру все было ясно. События развивались одно за другим, как и положено. Управлять лэндером очень просто, и Гветер попросил Беттона посадить машину. Мальчик охотно согласился. Тай, как всегда собранная и напряженная, сидела, стиснув на коленях кулаки. Беттон с показной небрежностью справился с управлением кораблика и откинулся в кресле, тоже напряженный, но гордый.

— Мы сели, — объявил он.

— Нет, не сели, — возразила Тай.

— Приборы показывают — контакт есть, — сказал Беттон, теряя уверенность.

— Превосходная посадка, — заметил Гветер. — Даже не ощутил касания.

Он провел полагающиеся тесты. Все оказалось в порядке. За окнами лэндера клубился бурый полумрак. Когда Беттон включил наружные прожекторы, атмосфера, точно темный туман, поглотила свет.

— Тесты подтверждают отчеты предварительной разведки, — сообщил Гветер. — Ты будешь выходить сама, Тай, или используешь сервомеханизмы?

— Выйду, — ответила она.

— Выйду, — эхом повторил Беттон.

Гветер, приняв на себя роль поддержки, помог им надеть шлемы и стерилизовать костюмы; открыл для них внутренний и наружный шлюзы и, когда они вышли, начал наблюдение на экране и через окна. Беттон отправился

первым. Его худая фигурка, удлиненная беловатым костюмом, светилась в рассеянном сиянии прожекторов. Он отошел от корабля на два шага, повернулся и стал ждать. Тай спустилась по лесенке и коснулась грунта. Ее фигура словно укоротилась — она что, встала на колени? Гветер переводил взгляд с экрана на окно и обратно. Она съеживается? Или тонет? Должно быть, она медленно погружается, и поверхность планеты в таком случае не твердая, а болотистая или представляет собой суспензию наподобие зыбучего песка. Но ведь Беттон по ней ходит, вот он приблизился к матери на два шага, вот на три. Должно быть, грунт его удерживает, потому что Беттон легче... Но нет, Тай, наверное, шагнула в какую-то яму или канаву, теперь Гветер ее видит только выше пояса, а ноги скрывает темный туман, но Тай движется, и движется быстро, удаляясь от лэндера и от Беттона.

— Верни их,— велел Шан, и Гветер произнес в интерком:

— Беттон и Тай, пожалуйста, вернитесь в лэндер.

Беттон сразу начал взбираться по лесенке, потом остановился и взглянул на мать. В бурой мгле, почти на границе рассеянного сияния прожекторов, шевелилось тусклое пятнышко — фонарь ее шлема.

— Беттон, возвращайся, пожалуйста. Тай, пожалуйста, вернись.

Беловатый костюм двинулся вверх по лесенке, голос Беттона умолял по интеркому:

— Тай... Тай, вернись... Гветер, мне пойти за ней?

— Нет. Тай, пожалуйста, немедленно вернись.

Мальчик выдержал проверку на верность команде; он поднялся в лэндер и остался в наружном шлюзе, высматривая оттуда мать. Гветер пытался разглядеть Тай через окно — на экране ее уже не было видно. Светлое пятнышко растворилось в бесформенной мути.

Если верить приборам, то после посадки лэндер успел погрузиться на 3,2 метра и продолжал тонуть с возрастающей скоростью.

— Какая тут почва, Беттон?

— Похожа на раскисшую грязь... Где она?

— Тай, пожалуйста, немедленно вернись!

— Лэндер-один, пожалуйста, возвращайтесь на «Шоби» со всем экипажем, — послышался голос из интеркома. —

Это Тай. Пожалуйста, немедленно возвращайтесь на корабль, лэндер и весь экипаж.

— Беттон, не снимай костюма и оставайся в камере дезинфекции, — велел Гветер. — Я закрываю наружный люк.

— Но... Хорошо, — ответил мальчик.

Гветер поднял лэндер, включив одновременно дезинфекцию кораблика и костюма Беттона. Как ему виделось, Беттон и Шан вместе с ним через шлюзы перебрались на «Шоби» и прошли по коридорам на мостик, и там их ждали Карт, Сладкое Сегодня, Шан и Тай.

Беттон подбежал к матери и остановился; он не стал ее обнимать. Его лицо застыло, точно восковое или деревянное.

— Ты испугался? — спросила она. — Что случилось там, снаружи? — И она взглянула на Гветера, ожидая объяснений.

Гветер ничего не понимал. Значит, во время не-продолжительного не-периода ничего из случившегося не произошло. Растерявшись, он стал искать и наконец нащупал слово, которое спасло.

— Ты... — произнес он, с трудом ворочая распухшим онемевшим языком, — ты вызвала нас.

Похоже, Тай стала все отрицать, но это не имело значения. А что имеет значение? Говорил Шан.

— Тай никого не вызывала, Гветер, — сказал он. — Вы с Беттоном вышли наружу, я был поддержкой; когда я понял, что не смогу сохранить устойчивость лэндера, что почва на месте посадки какая-то странная, я велел вам вернуться, и мы взлетели.

Гветер сумел лишь пробормотать:

— Иллюзии...

— Но Тай вышла... — начал было Беттон и смолк.

Гветер осознал, что мальчик отстранился от матери. Что имеет значение?

— Никто не выходил наружу, — заявила Сладкое Сегодня. И, помолчав, добавила: — Снаружи ничего нет, и выходить некуда.

Гветер пытался подобрать слова и не мог. Он уставился через окно на бурые завихрения, сквозь которые, если внимательно приглядеться, просвечивали звездочки.

И тут он отыскал слово, неправильное слово.

— Потерялись, — сказал он и, произнеся его, почувствовал, как огни на корабле медленно окутываются бурой мглою, тускнеют и гаснут, а негромкое деловитое гудение корабельных систем умирает, сменяясь тишиной, которая была здесь всегда. Но здесь ничего нет. Ничего не произошло. «Мы в порту Ве!» — попытался он крикнуть, собрав всю свою волю, но не издал ни звука.

Солнца прожигают мою плоть, сказала Лиди.

Я и есть эти солнца, сказала Сладкое Сегодня. И не только я, но и все.

Не дышите! крикнула Орет.

Это смерть, сказал Шан. То, чего я боялся: ничто.

Ничто, сказали все.

Не дыша, призраки скользили и перемещались внутри призрачной раковины холодного и темного корпуса, плавающего вблизи мира бурого тумана, нереальной планеты. Они разговаривали, но никто не слышал голосов. В вакууме нет звуков, в не-времени тоже.

В одиночестве своей каюты Лиди ощутила, как сила тяжести уменьшилась наполовину; она видела их, близкие и далекие солнца, прожигающие марлю корпуса и переборок, постель и ее тело. Самое яркое солнце этой системы находилось прямо под ее пупком. Лиди не знала, как оно называется.

Я мрак между звездами, сказал кто-то.

Я ничто, сказал кто-то.

Я есть ты, сказал кто-то.

Ты... Ты...

И вдохнул, и простер вперед руки, и воскликнул:

— Слушайте!

Крикнул другому, крикнул другим:

— Слушайте!

Мы всегда это знали. Это место — то, где мы всегда были и всегда будем, в колыбели, в центре. Тут нечего бояться, в конце концов.

— Я не могу дышать.

— Я не дышу.

— Тут нечем дышать.

— Вы... дышите. Дышите, пожалуйста!

— Мы здесь, в колыбели.

Орет разложила поленья, Карт развел огонь. Когда он разгорелся, они негромко сказали по-кархайдски:

— Восславим также огонь и незавершенное творение.

Огонь искрил, потрескивал, внезапно вспыхивал. Но не гас. Он горел. Все собрались вокруг.

Они были нигде, но они были нигде вместе. Корабль был мертв, но они находились в нем. Мертвый корабль остывал довольно быстро, но не мгновенно. Закройте двери, подходите к огню; прогоним перед сном ночной холод.

Карт вместе с Ригом отправился к Лиди, чтобы уговорить ее покинуть звездный склеп. Женщина не пожелала вставать.

— Во всем виновата я, — сказала она.

— Не будь эгоисткой, — мягко произнес Карт. — Как такое может быть?

— Не знаю. Я хочу остаться здесь, — пробормотала Лиди.

— О, Лиди, только не в одиночестве! — взмолился Карт.

— А как же иначе? — холодно осведомилась женщина.

Но тут ей стало стыдно за себя, стыдно за неудавшийся полет.

— Ладно, — буркнула она, тяжело поднялась, закуталась в одеяло и вышла следом за Картом и Ригом. Малыш нес маленький биолюм; тот светился некоторое время в темных коридорах, пока растения в его аэробных емкостях жили, размножались и выделяли воздух для дыхания. Огонек двигался перед Лиди сквозь тьму, точно звездочка среди звезд, пока не привел в полную книг комнату, где в каменном очаге пылал огонь.

— Здравствуйте, дети, — сказала Лиди. — Что вы тут делаете?

— Рассказываем всякие истории, — ответила Сладкое Сегодня.

Шан держал маленький блокнот со встроенным голосовым рекордером.

— Он что, работает? — удивилась Лиди.

— Похоже на то. Мы подумали, что надо рассказать обо всем случившемся, — пояснил Шан, глядя на огонь и щуря узкие черные глаза на узком черном лице. — Каждый должен рассказать. Что мы... как это нам виделось. Чтобы...

— А, как отчет? Да. На случай, если... Как, однако, странно, что твой блокнот работает. А все остальное — нет.

— Он включается от голоса, — рассеянно пояснил Шан. — Итак, продолжай, Гвстер.

Гветер завершил свою версию рассказа об экспедиции на планету:

— Мы даже не привезли образцы. Я о них не подумал.

— С тобой полетел Шан, а не я, — заявила Тай.

— Ты полетела, и я полетел, — возразил Беттон с уверенностью, которая ее остановила. — И мы выходили наружу. А Шан с Гветером были поддержкой и оставались в лэндере. И я взял образцы. Они в стасис-шкафу.

— А я не знаю, был Шан в лэндере или нет, — сказал Гветер, до боли растирая себе лоб.

— Куда вообще летал лэндер? — спросил Шан. — Там ничего нет, мы нигде, за пределами времени — это все, что приходит мне на ум. Когда кто-то из вас рассказывает, что видел, кажется, все так и было, а потом другой рассказывает совсем другое, и я...

Орет вздрогнула и пересела ближе к огню.

— Я никогда не верила, что эта проклятая штуковина сработает, — заявила Лиди, похожая на медведя в темной пещере своего одеяла.

— Непонимание его — вот в чем была проблема, — заметил Карт. — Никто из нас не понимал, как чартен будет работать, даже Гветер. Так ведь?

— Да, — кивнул Гветер.

— Так что если наше психическое взаимодействие с ним повлияло на процесс...

— Или стало процессом, — предположила Сладкое Сегодня, — в той степени, в какой он затрагивал нас.

— Так ты хочешь сказать, — с глубоким отвращением осведомилась Лиди, — что нам нужно было поверить в него, чтобы он сработал?

— Но ведь и человеку надо верить в себя, чтобы действовать, разве не так? — спросила Тай.

— Нет, — ответила Лиди. — Абсолютно нет. Я и в себя-то не верю. Я лишь знаю кое-что. Достаточно, чтобы жить дальше.

— Аналогия, — предложил Гветер. — Эффективные действия экипажа зависят от того, в какой степени члены экипажа ощущают себя таковым, — можете назвать это верой в экипаж... Правильно? Поэтому, возможно, для чартена мы — разумные существа, возможно, его работа зависит от нашего сознательного восприятия себя как трансилиента,

от того, насколько мы осознаем свое нахождение в другом месте, месте назначения?

— Мы, несомненно, утратили чувство принадлежности к экипажу на некоторое... Можно ли теперь говорить о времени? — засомневался Карт. — Мы рассыпались.

— Мы потеряли нить, — сказал Шан.

— Потеряли, — медитативно произнесла Орет, подкладывая в огонь очередное массивное, но утратившее половину веса полено. Искры медленными звездами взлетели в дымоход.

— Мы потеряли что? — спросила Сладкое Сегодня.

Некоторое время все молчали.

— Я вижу солнце сквозь ковер... — призналась Лиди.

— И я тоже, — очень тихо вставил Беттон.

— А я могу видеть порт Ве, — заявил Риг. — И что угодно. Могу сказать что. Если приглядюсь, то могу увидеть Лиден. И свою каюту на «Опеблине». И...

— Но сперва, Риг, — попросила Сладкое Сегодня, — расскажи нам, что произошло.

— Хорошо, — охотно согласился Риг. — Держи меня крепче, мама, я начинаю взлетать. Так вот, мы пошли в библиотеку, я, Астен и Беттон, и Беттон был старшим сибом, и взрослые были на мостике, и я собирался уснуть, как я всегда делаю в обычном полете, но не успел я даже лечь, как вдруг появились бурая планета, и порт Ве, и оба солнца, и все остальное, и я мог видеть сквозь что угодно, а Астен не могла. Но я могу.

— И никуда мы не улетали, — заявила Астен. — Риг вечно рассказывает всякие сказки.

— Мы все постоянно что-то рассказываем, Астен, — заметил Карт.

— Но не такие глупости, как Риг!

— Даже глупее, — проговорила Орет. — И нам надо... Нам надо...

— Нам надо понять, — подхватил Шан, — что́ такое трансилиенс, и мы этого не знаем, потому что никогда не делали этого прежде, и никто не делал этого прежде.

— Не во плоти, — уточнила Лиди.

— Нам надо понять, что реально произошло и произошло ли вообще. — Тай указала на окружающую их пещеру света от костра и мрак за ее пределами. — Где мы? Здесь

ли мы? Где находится это «здесь»? Что за история с нами приключилась?

— Мы должны рассказывать ее, — заявила Сладкое Сегодня. — Снова и снова. Сравнивать варианты... Как Риг, Астен, как начинается сказка?

— Тысячу зим назад и в тысяче миль отсюда, — начала девочка, а Шан пробормотал:

— Давным-давно...

— ...был корабль, который назывался «Шоби», — подхватила Сладкое Сегодня, — и отправился он в полет испытывать чартен-эффект, и был в нем экипаж из десяти человек.

— А звали их Риг, Астен, Беттон, Карт, Орет, Лиди, Тай, Шан, Гветер и Сладкое Сегодня. И рассказали они свою историю, каждый отдельно и все вместе.

Наступила тишина, которая всегда была здесь, нарушаемая лишь шипением и потрескиванием огня, негромким дыханием и шорохом одежды, пока один из них наконец не заговорил, рассказывая историю.

— Мальчик и его мать, — произнес легкий и чистый голос, — стали первыми людьми, ступившими на эту планету.

Снова тишина, снова голос:

— Она очень надеялась на то, что чартен не сработает, потому что он сделал бы все ее мастерство и всю ее жизнь ненужными. И одновременно ей очень хотелось научиться управлять им, если только она сумеет, если еще достаточно молода для обучения...

Долгая, мягко пульсирующая пауза, и другой голос:

— Они летали от мира к миру и всякий раз теряли мир, покидая его, теряли из-за разрыва во времени, потому что их друзья старели и умирали, пока они совершали СКОКС-полет. И если имелся способ жить в собственном времени и одновременно перемещаться от звезды к звезде, им хотелось испытать его...

— ...поставив на него все, — подхватил следующий голос, — поскольку ничто не срабатывает, кроме того, за что готовы отдать душу, и ничто небезопасно, кроме того, чем рискуют.

Короткая пауза, и голос:

— Это походило на игру. Словно мы все еще в порту Ве на борту «Шоби» и ждем, когда настанет время отправиться в СКОКС-полет. Но и словно мы уже одновремен-

но на бурой планете. И одно из этих двух — притворство, только я не знаю, что именно. Поэтому все представлялось так, точно притворяешься во время игры. Но я не хочу играть. Потому что не знаю правил.

Другой голос:

— Если чартен-принцип окажется применимым для реального трансилиенса живых и разумных существ, это станет великим событием для всех людей. Новое понимание. Новое партнерство. Новый способ существования во Вселенной. Бóльшая свобода. Ему очень сильно этого хотелось. Он желал войти в экипаж, впервые создающий такое партнерство, первым человеком, способным осмыслить это. Но *одновременно он боялся этого*. Может, то не было истинное родство, может, фальшивое, может, всего лишь мечта. Он не знал.

Они сидела у огня, но за их спинами уже не было столь холодно и темно. И не волны ли это в Лидене шуршат о песок?

Другой голос:

— Она тоже много думала о своем народе. О вине, искуплении и жертвовании. Ей очень хотелось совершить этот полет, который мог дать людям больше свободы. Но все случилось не так, как она представляла. Произошло... То, что произошло, значения не имело. А важным оказалось то, что она очутилась среди людей, давших свободу ей. Она хотела остаться с ними, быть частью экипажа. Вместе с сыном. Который стал первым человеком, ступившим в незнакомый мир.

Долгая тишина, но уже не столь глубокая, наполненная мягким постукиванием корабельных систем, ровным и неосознаваемым, как циркуляция крови.

Новый голос:

— Они являлись мыслями в глубине сознания — чем же еще? Поэтому они могли быть и в Ве, и возле бурой планеты, и наполненной желаниями плотью, и чистым духом, иллюзией и реальностью, — и все это одновременно, поскольку они всегда ими были. Когда он вспомнил это, его смущение и страх исчезли, потому что он понял: они не могут потеряться.

— Они потерялись. Но они отыскали путь, — произнес новый голос, негромкий на фоне гудения и шороха кора-

бельных систем, среди теплого свежего воздуха и света, заполняющих твердые стены корпуса.

Прозвучали девять голосов, и все взглянули на десятого, но десятый заснул, сунув в рот палец.

— Эта история рассказана, но ее еще предстоит рассказать, — проговорила мать. — Продолжайте. Я буду совершать чартен здесь, с Ригом.

Они оставили двоих у огня, прошли на мостик, а потом к шлюзам, приглашая на борт толпу встревоженных ученых, инженеров и чиновников порта Ве и Экумены, чьи приборы уверяли, что «Шоби» сорок четыре минуты назад исчез в не-существовании, в тишину.

— Что случилось? — спрашивали они. — Что случилось?

И «шобики» переглянулись и сказали:

— О, это такая история...

РОБЕРТ РИД

Реморы

Роберт Рид (р. 1956) родился, вырос и живет в Небраске. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.starbaseandromeda.com/reed.html. Творчество Рида примечательно своим разнообразием и растущей продуктивностью. За последние несколько лет он стал одним из самых плодовитых создателей высококачественных НФ-рассказов, с 1999-го по 2005 год выпуская в среднем по десять работ в год. В первый сборник «Драконы из Весеннего источника» («The Dragons of Springplace», 1999) вошла лишь часть лучших произведений писателя. Кроме того, каждый год или два он выпускает по роману. Первый роман «Подветренный берег» («Leeshore») появился в 1987 году, за ним последовали «Гормональные джунгли» («Hormone Jungle», 1988), «Черное молоко» («Black Milk», 1989), «По светлому пути» («Down the Bright Way», 1991).

Среди сравнительно недавних работ — «Жизненная сила» («Marrow», 2000), масштабная история далекого будущего, роман в жанре твердой НФ, ставший этапным в карьере Рида; «Сестра Элис» («Sister Alice», 2003) и «Звездный колодец» («The Well of Stars», 2005), продолжение «Жизненной силы». «Энциклопедия научной фантастики» отмечает, что в творчестве Рида «литературное мастерство и умелое использование последних научных разработок уравновешиваются глубоким здравомыслием и пониманием того, как следует изображать человеческие существа». Последние романы вполне могут быть причислены к «твердой научно-фантастической космоопере», хотя старый термин «научно-фантастические приключения» тоже вполне подходит.

Произведения писателя нельзя отнести к какому-то определенному поджанру НФ. Как он сам говорит: «Рассказы Роберта Рида — типичные одиночки, необщительные и, наверное, с довольно плохим характером, полагающиеся только на себя. Мои романы тоже не объединены в циклы, кроме „За звездной вуалью“ („Beyond the Veil of Stars“, 1994) и его продолжения „Под открытым небом“ („Beneath the Gated Sky“, 1997), составляющих дилогию. Вместо того чтобы взорвать устои научной фантастики, я продвигаюсь постепенно; медленно, с перебоями наращиваю слой за слоем на пласте, состоящем из более сотни рассказов, повестей и пары горсточек романов».

К дискуссии о новой космической опере Рид имеет отношение главным образом как автор цикла произведений о Мозге, в котором рассказ «Реморы» был первым. В эссе, посвященном Мозгу, «Невероятные путешествия» («Improbable Journeys») Рид поначалу разделяет мнение Бенфорда о межзвездных путешествиях: «Путешествия к звездам окажутся непростым делом. Затраты энергии и финансовые вложения, конечно же, заставят большинство разумных людей сидеть дома и делать большие глаза вместо больших машин. И если бы даже создание звездолетов было возможно, передвижение в них оказалось бы связано с огромным риском. Я не физик и не мыслю эргами и мегатоннами, но я поддерживаю в себе, даже лелею, этакую утонченную паранойю. Пылинки и те станут серьезной проблемой для маленького корабля, ведь столкновений не удастся избежать. Задетый блуждающей кометой, корабль будет выпотрошен, как рыба, — пусть он даже величиной с астероид. Но, конечно, по-настоящему огромный звездолет, облаченный в замороженный океан сверхпрочного гиперволокна, сумеет справиться с этим... Можно ли вообразить лучшее суденышко, чтобы поболтаться по окрестностям?»

Далее в эссе Рид рассказывает о возникновении идеи цикла: «Человек живет внутри самого совершенного скафандра. Созданный из чудесного, почти сказочного материала, этот костюм прочнее любого алмаза. Крохотный встроенный Иск-Ин служит скафандру рабочим мозгом... В сущности, скафандр функционирует как очень маленький и крайне действенный космический корабль.

Как и большинство идей моих рассказов, развития эта мысль не получила.

Я нуждался в еще одном озарении. Оно пришло несколько лет спустя: я осознал, что космический скафандр напоминает скорее целый мир, самодостаточный и вечный. Я начал думать о более выносливых видах человеческих существ, о людях, которые носят эту „умную оболочку" всю свою долгую-долгую жизнь. Я представлял их в составе общества, государства в себе самом. Но где могут обитать эти странные души?.. Ну конечно, подумал я. Они должны ползать по обшивке космического корабля.

Маленький звездолет не подойдет. Мне нужно нечто основательное, обширное пространство, где могла бы зародиться целая культура, и поскольку мысленному взору не нужны капиталовложения, я быстро набросал первые планы корабля, огромного, как мир.

Рассказ „Реморы" появился в журнале „F&SF" в мае 1994 года — и Великий Корабль сошел со стапелей».

Рид проанализировал характер Кви Ли и ее значение для цикла: «Несколько раз во время работы над этими произведениями я чувствовал, что полезно дать моим читателям, да и себе, представление о нитях, которые соединяют эту вселенную и наше настоящее. Такой нитью была Кви Ли. Она родилась в нашем мире, по крайней мере, в этом столетии. Она помнила себя ребенком, помнила, как телескопы, устремленные в небо, поймали сигналы других разумных существ, как хлынуло новое знание, как утвердился образ наполненной жизнью галактики. И скоро, через поистине краткое время, жизнь на маленькой Земле изменилась невероятным образом».

Жилище Кви Ли занимало несколько гектаров в одном из человеческих районов — тысяч километров под корпусом корабля. Это никак нельзя было счесть роскошью. По-настоящему богатые люди владели не менее чем кубическим километром — для себя и своей среды. Но с тех пор, как Кви Ли взошла на борт, больше столетий, чем она могла сосчитать, тут был ее дом — все эти коридоры и просторные помещения, где она чувствовала себя так же удобно, как в собственном теле.

Однако самой любимой была оранжерея. Как-то днем Кви Ли наслаждалась ее очарованием, лежа обнаженной, с закрытыми глазами, под искусственными небом и солнцем, слушая плеск фонтанов и щебетание птичек. Внезапно дом нарушил ее покой, объявив о появлении гостя.

— Он пришел к Перри, мисс. Утверждает, что это очень важно.

— Перри здесь нет, — ответила Кви Ли, открывая спокойные серые глаза. — Если только он не прячется от нас *обоих*.

— Да, мисс. Его нет. — Краткая пауза, затем голос продолжил: — Я все объяснил этому человеку, но он отказывается уходить. Его зовут Орлеан. Он утверждает, что Перри должен ему значительную сумму денег.

Что еще выкинул ее муж? Кви Ли догадывалась. Она села, сдержанно улыбаясь. *Ох, Перри, когда же ты поймешь...* Придется ей самой избавляться от этого Орлеана, встретив его жестким холодным взглядом. Поднявшись,

она накинула изумрудный саронг, не торопясь прошла через многочисленные помещения, скомандовала входной двери открыться, но экран безопасности оставила включенным. Кви Ли была готова к встрече с кем-то странным. Зная Перри, даже с кем-то отталкивающим. Тем не менее она никак не ожидала увидеть блестящую оболочку более двух метров высотой и примерно метр шириной и не могла представить себе лицо с разными глазами, взиравшими на нее. Лишь через несколько секунд она поняла, что это Ремора. На общественной дорожке стоял настоящий Ремора. Плоть его была оранжевого цвета с разбросанными по ней черными пятнами -- они могли или не могли оказаться признаками рака, — а его безгубый и беззубый рот, похоже, расплылся в улыбке. Что привело сюда Ремору? Они никогда, ну совершенно никогда здесь не появлялись!..

— Я Орлеан. — Голос неожиданно оказался низким и глубоким, слегка приглушенным экраном безопасности. Из динамика, скрытого где-то на толстой шее, послышалось: — Мне нужна помощь, мисс. Простите, что беспокою вас... но, видите ли, я в отчаянном положении. И не знаю, к кому еще могу обратиться.

Кви Ли знала о Реморах. Ей доводилось видеть их и даже говорить с некоторыми, хотя это происходило так давно, что она не могла припомнить сути беседы. Такие странные создания. Более странные, чем многие инопланетяне, пусть даже они обладали человеческими душами...

— Мисс?

Кви Ли считала себя добрым человеком. Тем не менее она не могла отделаться от чувства отвращения. Пол покачнулся под ней, дыхание перехватило. Орлеан был человеческим существом, одного вида с нею. Да, его генетика изменилась под воздействием сильной радиации. Да, он жил в отдалении от обычных людей. Но в нем был человеческий мозг, мощный и потенциально бессмертный. Кви Ли моргнула и вспомнила, что ей присущи сострадание и милосердие ко всем, даже к чужим, и она смогла пробормотать:

— Входите...— И добавила: — Прошу вас, если желаете.

И это приглашение дезактивировало невидимый экран дома.

— Благодарю вас, мисс. — Ремора двигался медленно и довольно неуклюже, его оболочка жизнеобеспечения скрежетала в коленях и бедрах.

Это ненормально, догадалась Кви Ли. Орлеан должен перемещаться легко и изящно, у него мощная оболочка, которая служит ему надежным экзоскелетом.

— Хотите что-нибудь? — Вопрос прозвучал глупо. Кви Ли это было несвойственно.

— Нет, благодарю вас. — Его ответ был исключительно вежливым.

Ну конечно. Реморы ели и пили только то, что создавали сами. Навсегда запечатанные в своих оболочках, они функционировали как безупречные самообеспечивающиеся организмы. Пища была синтезированная, вода — вторичной очистки, и Реморы с религиозным пылом относились к понятиям «чистота» и «независимость».

— Я не хочу утомлять вас, мисс. Буду краток.

Его вежливость оказалась неожиданностью. Обычно Реморы держались отчужденно, даже надменно. Но Орлеан продолжал улыбаться, глядя на хозяйку. Одна глазница представляла собой мускулистое углубление, густо заросшее черными волосами, и Кви Ли предположила, что эти волосы обладают светочувствительностью. Словно фасеточный глаз насекомого, каждый из них фиксировал лишь часть общей картины. По контрасту другой глаз был совершенно обыкновенным, светлым и невыразительным, с мутноватым темным зрачком. Мутации творят удивительные вещи. Внутри оболочки шла ускоренная, лишь частично контролируемая эволюция, даже когда Орлеан стоял перед Кви Ли, переминаясь на каменном полу.

— Я знаю, вас это смущает... — сказал Орлеан.

— Нет, нет, — возразила она.

— ...да и мне тоже неудобно. Я не решился бы прийти, если бы не острая необходимость.

— Перри ушел, — заявила она. — И я не знаю, когда он вернется. Простите.

— На самом деле я и надеялся, что его нет.

— Вот как?

— Хотя пришел бы в любом случае.

Дом Кви Ли, преданный и бдительный, не позволит случиться плохому. Она сделала шаг, сократив расстояние между ними.

— Речь идет о деньгах, которые вам должны? Верно?

— Да, мисс.

— Я могу узнать, за что?

Орлеан не стал объяснять.

— Считайте, что это старый карточный долг. — И, помолчав, добавил. — Боюсь, что это очень старый долг, и Перри тысячу раз отказывал мне.

Это Кви Ли могла себе представить. В их отношениях муж не раз совершал ошибки, проявлял некомпетентность и самовлюбленность. Она испытывала к Перри сдержанную любовь, но его недостатки бросались в глаза.

— Прошу прощения, — ответила Кви Ли, — но я не несу ответственности за его долги. — Она заставила себя говорить твердо и непреклонно, зная, что так будет лучше всего. — Я надеюсь, вы проделали весь этот путь не потому, что слышали о его браке.

«Браке с женщиной, у которой есть определенное состояние», — подумала Кви Ли.

— Нет, нет, нет! — На невообразимом лице появилось выражение обиды. Оба глаза расширились, и тонкий язык, белый как лед, облизал края безгубого рта. — Честное слово, мы не следим за новостями о пассажирах. Я просто предположил, что Перри с кем-то живет. Видите ли, я знаю его... я надеялся прийти и, изложив мое дело тому, кого встречу, найти товарища. Союзника. Кого-то, кто может стать моим защитником. — Сделав паузу, полную надежды, Ремора спросил: — Когда Перри все же явится, сможете ли вы объяснить ему, что такое «хорошо», а что нет? Пожалуйста! — После еще одной паузы он добавил: — Даже самый последний Ремора знает разницу между хорошим и плохим, мисс.

Это было несправедливо — называть себя так уничижительно. Похоже, он принимал ее за расистку, хотя Кви Ли ею не была. Она не считала его низшим существом. В конце концов, оба они являлись людьми. И их свел очаровательный и обаятельный манипулятор — ее дорогой муженек... Внезапно Кви Ли испытала такой гнев на Перри, что ее едва не затрясло перед этим чужаком.

— Мисс?

— Сколько? — спросила она. — Сколько он вам должен, и как срочно вам это нужно?

Сначала Орлеан ответил на второй вопрос, с тошнотворным скрипом в плече подняв руку.

— Слышите? — уточнил он, словно собеседница была глухая.— Моя изоляция нуждается в замене. Или, по крайней мере, в ремонте. Если возможно, то завтра.

Рука согнулась, и локтевой сустав мучительно застонал.

— Все свои сбережения я уже потратил на переборку реактора.

Кви Ли достаточно знала об оболочках жизнеобеспечения, чтобы оценить положение Орлеана. Реморы работали на корпусе корабля, порой оставаясь в открытом космосе часами и днями. Нарушение изоляции было катастрофой. Крохотное отверстие могло умертвить бо́льшую часть тела, и тогда страдающий мозг впадал в спасительную кому. Оставленный на произвол судьбы и уязвимый Орлеан зависел от милости радиационных бурь и метеоритных дождей. Да, она понимала. Вышедшая из строя оболочка представляла собой недопустимую опасность, с которой не могли сравниться более мелкие беды, — и что она могла тут сказать?

Кви Ли ощутила глубокое сочувствие к этому человеку.

Орлеан, казалось, перевел дыхание и выпалил:

— Перри должен мне пятьдесят две тысячи кредитов, мисс.

— Понимаю. — Сглотнув, она представилась: — Меня зовут Кви Ли.

— Кви Ли, — повторил он. — Да, мисс.

— Как только Перри явится домой, я поговорю с ним на эту тему. Обещаю.

— Я был бы вам очень благодарен, если бы вы это сделали.

— Сделаю.

Уродливый рот приоткрылся, и Кви Ли увидела зеленые и серо-синие пятна на молочной ткани горла. Они являлись признаками рака или, может быть, представляли собой какой-то новый орган. Кви Ли не могла поверить, что находится в обществе Реморы — самого странного представителя человечества, который, несмотря на все россказни об их отваге и даже безрассудстве, оказался очень ранимым. Кви Ли поняла, что он даже испуган. Влажное оранжевое лицо содрогалось, словно от отчаяния, и, когда он повернулся, раздался жуткий скрежет.

— Спасибо вам, Кви Ли, — произнес он. — За ваше время, за терпение и вообще за все.

Пятьдесят две тысячи кредитов!

Ей хотелось завизжать. Что она и сделает, когда останется одна. Перри поставил этого человека в ужасное положение и узнает об этом, как только удостоит ее своего общества. Да, она достаточно терпелива и может снисходительно относиться к большинству его недостатков. Но не сейчас. Пятьдесят тысяч кредитов — это не состояние, и они позволят Орлеану восстановить свою оболочку, вернуть ему целостность и надежность. Может, она сумеет связаться с Перри и ускорить процесс...

В дверях Орлеан повернулся, чтобы попрощаться. Оболочка блестела под искусственным солнечным светом, а лицевая пластина потемнела, и теперь Кви Ли больше не могла разглядеть черты его лица. Хотя у него могло быть какое угодно лицо; что такое сейчас лицо? Она помахала ему и, чувствуя тошноту, прикинула, что пятьдесят две тысячи кредитов означают для нее...

...если предположить, что ей придется...

Но нет, решила она. Ей не хватит сочувствия. Чуть быстрее, чем обычно, она приказала экрану безопасности снова включиться, и он помог заглушить этот ужасный скрип сочленений, когда Ремора, шаркая, направился к себе.

У корабля было много имен и обозначений, но давние пассажиры и команда называли его только кораблем. Никакой другой межзвездный корабль не мог сравниться с ним. Ни по размерам, ни по своей истории.

Корабль был стар по любым меркам. Создала его исчезнувшая раса гуманоидов, скорее всего, еще до того, как на Земле зародилась жизнь, но потом без всякой видимой причины оставила его. Специалисты утверждали, что изначально он представлял собой бессолнечный мир, одну из бесчисленных планет юпитерианского типа, разбросанных в космосе. Строители использовали собственный водород планеты, чтобы снабжать топливом огромные двигатели, которые миллионы лет разгоняли корабль, пожирая его газовую оболочку. Сегодняшнему кораблю осталась сердцевина, многократно усовершенствованная и его строителями, и людьми. Его каменное и металлическое чрево было

пронизано переплетением проходов, изолированных помещений и хранилищ топлива. Здесь было достаточно места для сотен миллиардов пассажиров, хотя сейчас на борту находилась лишь малая часть этого количества. Корпус являлся особой броней, созданной из гиперволокна толщиной в несколько километров, и достаточно прочной, чтобы выдержать столкновение на любой скорости.

Корабль появился откуда-то из-за пределов Галактики, давным-давно войдя в пространство, где обитало человечество. Он был объявлен трофеем и использовался в разных целях, а затем переоборудован настолько хорошо, насколько сумели его новые владельцы. Образовалась корпорация, началось продвижение на рынок. Древние двигатели вернули к жизни, и теперь можно было корректировать курс корабля. Билеты продавались и людям, и инопланетным существам. Манили новизна и возможные приключения. Один оборот вокруг Млечного Пути, полет в полмиллиона лет вдоль спиральных звездных рукавов. Даже для бессмертных это было долго. Но у таких людей, как Кви Ли, хватало и денег, и терпения. Именно поэтому она за часть своих сбережений купила эти апартаменты. Она понимала, что путешествие недолго будет привлекать новизной. Три или максимум четыре оборота — и что потом? Люди захотят чего-то нового и волнующего. Разве не так происходило всегда?

Кви Ли не была долгожительницей по рождению. Ее предки тысячекратно усовершенствовали себя, сведя на нет процесс старения. Хрупкие ДНК уступили место куда более надежным генетическим конструкциям. Благодаря таким изменениям появились многочисленные полезные протеины, энзимы и мощные механизмы восстановления. Иммунная система стала близка к идеальной; болезни были уничтожены. Нормальная жизнь не могла оказать на человека никакого отрицательного воздействия. И даже трагические случайности далеко не всегда приводили к необратимым последствиям. И тело, и ум Кви Ли были способны противостоять невообразимому количеству бед и опасностей.

Но Реморы, несмотря на такие же усовершенствования, вели совсем другую жизнь. Закованные в свои оболочки, они работали на внешней стороне корпуса. Скафандры поддерживали высокую степень защиты и стандартное жизне-

обеспечение; в них имелись небольшая силовая установка и система многократной очистки. Пребывание на корпусе было опасно даже в самые лучшие времена. Ни корабельные щиты, ни специальные лазеры не могли перехватывать каждую пылинку межзвездного мусора. Любое серьезное столкновение означало, что кто-то должен заняться ремонтом. Создатели корабля использовали сложных роботов, но через несколько миллиардов трудовых лет выяснилось, что они устали. Оказалось, что для этой работы лучше повысить — или понизить — в должности кого-то из людей — членов экипажа. Первоначальный замысел предполагал, что в ремонте станут принимать участие все, и короткие вахты были справедливо распределены. Даже капитаны порой облачались в скафандры, выходили в открытый космос, когда в нем было безопасно, и замазывали выбоины свежим гиперволокном...

Справедливость не продержалась долго. Появилась новая субкультура, и первые Реморы стали воспринимать корпус корабля как свои владения. Самые ранние их представители учились выживать под воздействием сильной радиации. Они сами осваивали это умение и учили своих отпрысков, как контролировать поврежденные тела. Генетика мутировала и усваивала эти мутации. Если глаз переставал видеть, возможно, из-за уникального вида рака, то Ремора мог создать новый глаз. Например, вырастить волосы, обладающие светочувствительностью, и с помощью силы воли связать их с оставшимся зрительным нервом, сделав глаз более надежный, чем тот, который заменили. Кви Ли доводилось слышать такое от людей, которые держались так, будто знали, что говорят.

Реморы якобы были счастливы обладать такой причудливой внешностью. В их культуре странные лица и новые органы являлись показателями успеха. А поскольку несчастные случаи могли произойти в любое время и без предупреждения, Реморы редко жили долго. По крайней мере, в их понимании длительности. Насколько она знала, Орлеан мог принадлежать к четвертому или пятому поколению Реморов. Пятисотлетнее дитя. *Насколько она знала.* Обрывки сведений, поняла Кви Ли, возвращаясь в свою оранжерею и сбрасывая одежду. Она лежала с закрытыми глазами под горячими лучами. Реморы были важными, да-

же необходимыми людьми, и тем не менее она чувствовала, что совершенно ничего не знает о них. А невежество — это плохо. Не так плохо, как задолжать денег одному из них, но тем не менее...

По сравнению с жизнью Орлеана ее существование казалось таким обыденным. Таким комфортным и банальным, что Кви Ли едва не устыдилась.

Перри не появился дома ни на следующий день, ни еще через сутки. Он отсутствовал уже десять дней. Кви Ли посылала сообщения туда, где Перри обычно бывал, но ответов не поступало. Осторожности ради она не объясняла, зачем он ей нужен. В этой ситуации не было ничего необычного. Скорее всего, Перри нашел что-то новенькое, а Кви Ли, мастерски овладевшая искусством ожидания, проводила дни, нанося визиты друзьям и посещая вечеринки, которые устраивались по любому поводу. Такова была ее обычная жизнь, как всегда приятная; однако Кви Ли поймала себя на том, что постоянно думает об Орлеане, представляя себе, как он идет по корпусу корабля в оболочке с пробитой изоляцией и его странное тело начинает вскипать... Бедняга...

Самым простым решением было дать ему денег. Их у Кви Ли было более чем достаточно. Пока она не перевела сумму в бело-черные чипы, казалось, что это немного. Но лучше ли, если Перри будет в долгу у нее, а не у Реморы? Кви Ли могла позволить себе вернуть этот долг, но сомневалась, что ее муж сейчас сможет собрать такую сумму. Зная Перри, она предполагала, что у него немало долгов — и людям, и инопланетянам; и Кви Ли в который раз удивилась, как позволила Перри очаровать себя. О чем она думала, соглашаясь на этот безумный союз?

Кви Ли была стара, даже по меркам бессмертных. Настолько, что почти не помнила юности. Даже ее неутомимые нейроны оказались не в состоянии вместить всю ее жизнь. Может, поэтому Перри и стал для нее благословением. Он был до смешного молод и с удовольствием делился своей молодостью, энтузиазмом и энергией. Он был щедрым любовником; он умел слушать, если разговор оказывался действительно важным, и никогда не пытался тянуть у Кви Ли деньги. Кроме того, Перри стал для нее

своеобразным вызовом. Вне всяких сомнений. Может, ее друзья и не одобряли его — а несколько самых близких открыто критиковали, — но для женщины ее возраста в середине пятитысячелетнего путешествия присутствие Перри было чем-то новым, свежим и интересным. И в сравнении с ним старые друзья Кви Ли вдруг стали слегка напоминать окаменелости.

— Я люблю путешествовать, — объяснял Перри, и с его славного, красивого лица не сходила улыбка. — Ты знаешь, что я и родился на корабле? Всего через несколько недель, как мои родители поднялись на борт. Они добрались до колониального мира и там остались, ну а я продолжил полет. Это был мой выбор. — Он засмеялся, и в глазах его отражалось искусственное небо ее потолка. — Ты знаешь, что мне хотелось бы сделать? Увидеть весь корабль, обойти все его переходы и пещеры. Я хотел бы изучить все его водоемы, познакомиться со всеми чужаками...

— В самом деле?

— ...и даже посетить их районы. Их дома. — Еще один смешок и эта заразительная улыбка. — Я только что вернулся из зоны слабой гравитации — в шести тысячах километров внизу. Там обитают какие-то паукообразные существа. Ты должна их увидеть, любимая! Не буду льстить им, убеждая тебя, что они грациозны, но любоваться звездопадами — это лишь немногим лучше.

Он ее восхищал. Кто еще из тех, кого она знала, мог так терпимо относиться к инопланетянам с их странными запахами и непостижимыми мозгами? Не стоило и сомневаться, что Перри был удивительным. Даже самые ее критически настроенные друзья признавали это, и, как они ни ворчали, всем хотелось послушать о последних приключениях Перри в пересказе его жены.

— Будь у меня такая возможность, я бы навсегда остался на борту.

Рассмеявшись, она спросила:

— И ты мог бы себе это позволить?

— Вряд ли, — признал Перри. — Но по крайней мере этот оборот я оплатил полностью. Еще, конечно, ежедневные расходы... Но все в порядке. Поверь мне, когда в одном месте собраны миллионы обеспеченных существ, всегда есть способы заработать себе на жизнь.

— Законные способы?

— Можно считать и так. — Да, юмор у него бывал грубоватый. Но позже, в мрачном настроении, он признавался: «У меня есть враги, любовь моя. Я тебя предупреждаю. Как любой другой, я совершал ошибки — грехи молодости, — но, по крайней мере, честно говорю о них».

Может, и были у него грехи. Тем не менее он ничем не вызвал ее неприязни или враждебности.

— Нам следует пожениться, — предложил Перри. — Почему бы и нет? Нам нравится быть друг с другом, но мы можем проводить время и врозь. Что скажешь? Откровенно говоря, не думаю, что тебе нужен партнер, который станет торчать рядом с тобой и днем и ночью. Верно, Кви Ли?

Он был прав. Спорить не стоило.

— Небольшой уютный брак, — заверил он ее. — Строго по правилам. Я получаю приют, а ты — неприкосновенную частную жизнь плюс несравненный источник развлечений в моем лице. — Он долго хохотал, а потом добавил: — Я обещаю: ты будешь первой слушать мои новые истории. И я никогда, никоим образом не стану из тебя сосать кровь, дорогая. С тобой я буду безукоризненным джентльменом.

Кредитные чипы Кви Ли положила в потайной карманчик. Добравшись до станции, она по одной из вертикальных труб двинулась к обшивке корабля. Теперь нужно было найти имя Орлеана в списке команды. Единственный Орлеан жил в Порту Бета, но не упоминалось, Ремора он или нет. Порты были обширными сооружениями, где грузовые такси швартовались к кораблю, доставляя новых пассажиров из соседних инопланетных миров. Эти километровые иглы были удобны для того, чтобы стартовать и причаливать, набирая или сбрасывая скорость. Двигатели корабля лишь время от времени корректировали курс, избегая столкновений с пылевыми облаками, которые порой встречались на спирали.

И так происходило всегда, когда Кви Ли доводилось посещать порт. Но сегодня нигде не было видно даже такси — они охотились за пассажирами побогаче. У команды, в которую не входили Реморы — капитаны, их помощники и прочие, — в данный момент, казалось, не было работы или Кви Ли просто не замечала их деятельности. Кви Ли

стояла на самом дне порта – огромного цилиндра, закупоренного крышкой километровой толщины из гиперволокна высшего качества. Единственными туристами были инопланетяне, какие-то рыбообразные создания в пузырях воды или аммиака, проплывавшие мимо нее. Кви Ли чувствовала себя маленьким тунцом; она слышала, но не понимала их резкого щелканья. Может, они насмехаются над ней? Догадаться было невозможно, отчего ее раздражение усиливалось. Наверно, Кви Ли их страшно забавляет. Она испытывала растерянность и в то же время страшную тоску по дому.

По сравнению с инопланетянами первый встреченный Ремора показался нормальным человеком. Шагал он без скрипа и скрежета, с поразительной скоростью. Кви Ли пришлось бегом догонять его. Или ее. В форме оболочки было что-то женственное, и на оклик Кви Ли ответил женский голос.

– Что, что, что? – переспросила Ремора. – Я занята!

Задыхаясь, Кви Ли крикнула:

– Вы знаете Орлеана?

– Орлеана?

– Мне надо найти его. Это очень важно. – Кви Ли испугалась, не случилось ли чего-то ужасного, не слишком ли поздно она явилась.

– Да, я знаю одного Орлеана.

Большие черные, навыкате глаза собеседницы были в форме запятой, а рот сливался с узкой щелью на месте носа. Под серебристой кожей перекатывались странные волокнистые сгустки. Над лицевой пластиной торчали черные волосы, но при внимательном взгляде становилось ясно, что это не волосы. Скорее они смахивали на куски промасленной веревки, медленно и непрерывно раскачивавшейся.

Рот растянулся в улыбке. Вполне нормальный голос произнес:

– Откровенно говоря, Орлеан – один из моих ближайших друзей!

Правда? Или она шутит?

– Я в самом деле должна найти его, – призналась Кви Ли. – Можете мне помочь?

– Могу ли я помочь? – Странный рот снова улыбнулся. Серые псевдозубы были большими, как ногти, а десны

серебристыми, как кожа. — Я доставлю вас к нему. Сойдет за помощь? — И Кви Ли поймала себя на том, что уже следует за ней. Они поднялись на летающий диск без перил. Ремора устроилась в центре и махнула какой-то старухе. — Встаньте поближе. Орлеан там. — Она указала наверх. — Неблизкий путь, и не думаю, что вы хотели бы совершить его в одиночку. Не так ли?

— Расслабьтесь, — посоветовал Орлеан.

Кви Ли считала, что расслаблена, но теперь она осознала, что с трудом дышит и испытывает такое напряжение, словно испаряется живьем. Казалось, что подъем длится века. Никаких звуков, кроме свиста ветра в ушах. У диска не было ограждения — явное нарушение правил техники безопасности, — и Кви Ли вцепилась в блестящую руку Реморы в поисках опоры. Кви Ли с удивлением ощутила выбоины в слое гиперволокна. Столкновения с пылинками оставляли почти незаметные глазу следы. Реморы, догадалась она, такие же, как сам корабль, — закрытые биосферы, принимающие на себя удары во время полета в космосе.

— Лучше? — спросил Орлеан.

— Да. Лучше.

Тридцать километров пути из порта, вцепившись в руку Реморы. А теперь Кви Ли и Орлеан оказались в какой-то маленькой комнатушке, менее пятисот метров отделяло их от вакуума. Неужели он живет здесь? Кви Ли чуть не задала этот вопрос, глядя на голые стены и шаткую мебель. Слишком аскетичное, слишком убогое, чтобы служить кому-то домом. Даже Реморе. Вместо этого Кви Ли спросила:

— А как вы?..

— Устал. Только что со смены, совершенно вымотан.

Лицо немного изменилось. Оранжевый пигмент поблек, и теперь оба глаза превратились в жутковатые волосатые провалы. Хорошо ли Орлеан видит? Как он трансплантирует клетки из одного глаза в другой? Тут должны быть какие-то хитрые механизмы... Кви Ли почувствовала себя совершенно несведущей, чему была только рада.

— Что вам нужно, Кви Ли?

Она сглотнула.

— Перри явился домой, и я принесла то, что он вам должен.

У Орлеана был удивленный вид, но он спокойно произнес:

— Отлично. Просто превосходно!

Она протянула чипы, и серебристая ладонь приняла их. Локоть заскрежетал, и Кви Ли сказала:

— Надеюсь, это поможет.

— У меня уже улучшается настроение, — заявил Ремора.

Кви Ли не знала, что ответить.

Инициативу взял на себя Орлеан:

— Я должен вас как-то отблагодарить. Могу я предложить вам что-нибудь в качестве компенсации за ваши хлопоты? Как насчет прогулки? — Он выразительно подмигнул ей, волосы втянулись, и теперь видно было лишь крошечное багровое отверстие. — Прогулка, — повторил он. — Хотите выйти наружу? Подберем вам оболочку. Мы держим их на тот случай, если явится капитан с инспекцией.— Гулко хохотнув, Ремора добавил: — Что случается каждую тысячу лет! Хотим мы того или нет.

О чем он говорит? Кви Ли слушала его, но не слышала.

Улыбка, еще одно подмигивание, и хозяин каморки сказал:

— Я серьезно. Хотите совершить небольшую прогулку?

— Я никогда... я не знаю!..

— Безопасно, насколько возможно. — Это могло означать что угодно. — Послушайте, тут самое безопасное место для прогулки. Мы прикрыты лицевым щитом, так что удары нам не грозят. Кроме того, мы в отдалении от двигателей и их излучения. — Еще один смешок. — О, вы получите дозу облучения, но ничего страшного. Вы же крепкая, Кви Ли. В ваших удивительных апартаменах есть автодоктор?

— Конечно.

— Вот и хорошо.

Она не испытывала страха, по крайней мере явного. Кви Ли чувствовала пугающее возбуждение. Ничто из пережитого не могло сравниться с тем, что ей предстояло. Кви Ли была рабой своих привычек, давних и неуклонных, и не знала, как вести себя там, снаружи. Предыдущий опыт не мог подготовить ее к этому моменту.

— Вот, — сказал вежливый хозяин. — Залезайте.

Поводов для отказа не находилось. Они вошли в шкаф, или скорее, в раздевалку, набитую оболочками жизнеобеспечения, и Орлеан выбрал одну.

— Она расскрывается и закрывается не в пример моей, — объяснил он, — хотя дополнительных систем в ней нет. Во всем остальном точно такая же.

Кви Ли разместила ноги, руки, торс, надела шлем и стукнулась о низкий потолок, а при первом же шаге врезалась в стену.

— Следуйте за мной и не торопитесь, — посоветовал Орлеан.

Мудрые слова. Они вошли в какой-то проход типа тупнеля, который зигзагами поднимался к границе с космосом, — древние лестничные марши, предназначенные для неторопливого человеческого движения. Каждый поворот перекрывался невидимым полем, которое отсекало разреженную атмосферу корабля. Они стали переговариваться по рации. Голос Реморы звучал совсем близко, и Кви Ли начала чувствовать сквозь оболочку, как его псевдонейроны взаимодействуют с ее собственными. Здесь сила тяготения была сильнее земной, но тем не менее, несмотря на свой увеличившийся вес, Кви Ли двигалась легко, конечности энергично сгибались, и, поднимаясь, она касалась шлемом потолка. Тум-тум-тум. Кви Ли ничего не могла с собой поделать.

Орлеан вежливо смеялся, голос звучал совсем рядом и по-дружески:

— Вы прекрасно справляетесь, Кви Ли. Расслабьтесь.

Звук ее имени прибавил Кви Ли мужества.

— Помните, — сказал Ремора, — у вас мощные сервомоторы. Оболочка обеспечивает широкий диапазон движений. Не надо ни напрягаться, ни суетиться.

Ей хотелось справиться. Больше, чем чего-либо в жизни, хотелось, чтобы все было как можно ближе к совершенству.

— Концентрация, — произнес он.

И затем:

— Да, вот так лучше.

Они миновали последний поворот и подошли к люку. Остановившись, Орлеан повернулся, его слепый рот растянулся в улыбке:

— Вот мы и на месте. Отсюда мы отправимся на небольшую прогулку, хорошо? — И после паузы добавил: — Когда вернетесь домой, расскажите мужу, чем вы занимались. Удивите его!

— Расскажу, — прошептала она.

Он открыл люк одной рукой — рация передала скрипучий, но далекий звук, и их залило яркое разноцветное сияние.

— Красота, — заметил Орлеан. — Разве не чудесно, Кви Ли?

Перри не будет дома еще несколько недель, а когда он появится («Я спускался на плоту по Облачному Каньону, дорогая, и не мог связаться с тобой!»), она поймет, что не собирается рассказывать ему о своем приключении. А также о деньгах. Она подождет подходящего момента, минуты слабости, когда Перри утратит бдительность. «Что-то случилось, любовь моя? У тебя озабоченный вид». Она ответит, что ничего особенного, просто он куда-то пропал и она беспокоилась. Как прошел сплав? Кто еще был? Перри ей расскажет. «Твиуиты. По сути, большие неуклюжие болваны». Он будет улыбаться, пока она не ответит ему улыбкой. Он будет худым и уставшим, но той же ночью он найдет силы, чтобы дважды заниматься с нею любовью. И во второй раз будет так здорово, что ей останется только удивляться, как она могла по собственному желанию так долго жить без секса. Ведь он может быть самым потрясающим удовольствием.

Перри будет спать, видя искусственные реки, которые с ревом несутся в искусственных ущельях; а Кви Ли сядет в постели и шепотом прикажет дому продемонстрировать ей вид сверху на Порт Бета. Она выведет изображение на потолок в двадцати метрах над головой, и мерцающее сияние станет менять цвета всякий раз, когда силовое поле будет отражать космическую опасность.

— О чем вы думаете, Кви Ли?

Орлеан задал вопрос, и она без промедления ответила, тихо и восхищенно:

— Прекрасно. — Кви Ли закрыла глаза, припоминая, как далеко тянется корпус, плоский и серый, спокойный, но в то же время строгий. — Это прекрасно.

— А еще лучше впереди, на носу, — продолжал ее спутник. — Поля там плотнее и сильнее. Мощные лазеры встречают кометы за десятки миллионов километров от нас и распыляют их. — Он издал тихий смешок. — Когда смотришь с носа, почти чувствуешь движение корабля. Честно.

Она поежилась внутри оболочки, больше от удовольствия, чем от страха. Мало кто из пассажиров выходил на поверхность корпуса. Без сомнения, они нарушали правила. Даже внутри корабельных такси вы находились под прикрытием корпуса. Но не здесь. Здесь Кви Ли чувствовала себя беззащитной, практически голой. Орлеан долго вглядывался в ее лицо, вероятно пытаясь определить ее настроение. Наконец он спросил:

— А вы знаете историю первой Реморы?

Знает ли она? Вряд ли.

Он рассказал; голос у его звучал тихо и спокойно.

— Звали ее Вун, — начал он. — Ходили слухи, что на Земле она была преступницей. Согласившись стать членом команды, она избежала психологического преобразования.

— За какие преступления?..

— Имеет ли это значение? — Он покачал круглой головой. — Достаточно серьезные. Дело в том, что у Вун не было конкретной должности. Счастливая, что ей выпала такая возможность, она стала нести вахты на корпусе.

Кви Ли кивнула, глядя на далекий горизонт.

— Она была красивой, как вы. В перерывах между вахтами она занималась тем же, что и остальные: изучала корабль, заводила романы и огорчалась, если отношения не складывались. Как и вы, Кви Ли, она была умна. Всего несколько столетий на борту, и Вун смогла понять, что к чему. Она видела, как капитаны уклоняются от вахт на корпусе. И как некоторых людей, виновных в совершенно незначительных проступках, заставляют нести по две вахты вместо себя. Словом, наши капитаны избегали даже самого незначительного риска.

Статус. Должность. Привилегии. Уж это-то она понимала. Может, даже слишком хорошо.

— Вун возмутилась, — продолжал Орлеан, и в голосе его звучала гордость. — Но вместо того чтобы крушить всю систему, она подчинила ее себе. И преобразовала то, что подчинила. — Мягкий смешок. — Моя оболочка? Это она создала ее прототип с едва ли не вечными герметичными уплотнителями и суперэффективной системой очистки. Она сконструировала оболочку, из которой могла вообще не выходить, после чего стала жить на открытой палубе и порой не покидала ее годами.

— *В одиночестве?*

— Созерцательной жизнью пророка... — Ремора с любовью посмотрел на гладкую серую равнину. — Вун перестала очищать свое тело от раковых образований и других повреждений. На ее лице — а оно было красивым — оставались куски отмерших тканей. Затем она научилась управлять мутациями, серьезно и целенаправленно. Наконец у нее появилось несколько друзей, тоже бесстатусных. Она научила их своим фокусам и объяснила, какой покой и смысл бытия обрела, живя здесь и имея возможность беспрепятственно наблюдать космос.

Вот уж действительно беспрепятственно!

— Первое Поколение составили несколько человек. Сокращение личного состава убедило наших великих капитанов разрешить появление детей, и Второе Поколение исчислялось уже тысячами. К Третьему мы уже официально отвечали за внешний покров корабля и за самые опасные части двигателей. Мы совершили тихое завоевание владений размером с целый мир, и сегодня нас насчитывается не меньше миллиона!

Вздохнув, Кви Ли спросила:

— А что случилось с Вун?

— Она героически погибла, — ответил Орлеан. — Приближался кометный рой. Ремонтная команда была застигнута на носу, их шаттл вышел из строя и оказался бесполезен... — Почему они находились там, если приближался рой?

— *Заделывали кратеры, конечно. Вспомните, носовая* часть может выдержать практически любой удар, но если кометы бьют одна за другой...

— Катастрофа, — пробормотала она.

— Для пассажиров внизу — да. — Странная медленная улыбка. — Вун погибла, пытаясь доставить ремонтникам исправный шаттл. Она в одно мгновение испарилась под ударом глыбы из льда и камня.

— Мне очень жаль... — прошептала Кви Ли.

— Вун была моей прапрапрабабушкой, — уточнил собеседник. — Нет, не она назвала нас Реморами. Сначала это оскорбление пустил в ход кто-то из капитанов. Реморы — это уродливые рыбы, которые присасываются к акулам. Не очень лестное сравнение, но Вун согласилась с этим обра-

зом. Для нас же он означает духовную полноту, независимость и могучее самосознание. Вы знаете, что я собой представляю, Кви Ли? Внутри этой оболочки я бог. Мне открыты такие возможности, которых вам и не представить. Вы не в состоянии оценить, каково это — полностью контролировать свое тело, свое «я»!..

Она смотрела на него, не в силах проронить ни слова.

Поднялась блестящая рука, и толстые пальцы коснулись лицевой пластины.

— Мои глаза... Вы же восхищаетесь моими глазами, не так ли?

Еле заметный кивок:

— Да.

— А вы знаете, как я выделил их?

— Нет.

— Скажите мне, Кви Ли, как вы сжимаете руку?

Чтобы показать ему, как это делается, она сжала пальцы в кулак.

— Но какие задействованы нейроны? Какие мускулы сокращаются? — Мягкий терпеливый смешок, и он добавил: — Как вы можете делать то, чего не в состоянии полно и точно описать?

— Я предполагаю, что дело в привычке...

— Именно! — Он громко рассмеялся. — И у меня тоже есть привычки. Например, я могу сознательно распространять мутации, используя метастазированные клетки. Лично у меня есть тысячи лет практики плюс те полезные механизмы, которые я унаследовал от Вун и других. И они столь же естественны, как ваше умение сжимать кулак.

— Но моя рука не меняет свою природную форму, — возразила Кви Ли.

— Трансформирование — это моя привычка, и вот почему моя жизнь намного богаче вашей. — Он подмигнул ей со словами: — Не могу даже сосчитать, сколько раз я совершенствовал свои глаза.

Теперь Кви Ли смотрела на потолок своей спальни, на полог синего мерцания, обретавший розовый цвет. Она снова проиграла этот момент про себя.

— Вы думаете, что Реморы — гнусные уродливые монстры. И не отрицайте. Я не позволю вам это отрицать.

Она не издала ни звука.

— Когда вы увидели меня, стоящим в дверях... Когда вы увидели, что Ремора явился в ваш дом... У вас кровь отхлынула от лица. Вы выглядели ужасно бледной и беспомощной, Кви Ли. Перепуганной!

Этого она не могла отрицать. Ни тогда, ни теперь.

— Так у кого из нас более богатая жизнь, Кви Ли? Будьте объективной. У вас или у меня?

Она натянула на себя одеяло. Ее била легкая дрожь.

— Так у вас или у меня?

— У меня, — прошептала она, но в этих словах звучала нерешительность, всего лишь тень сомнения. Затем Перри заворочался, пытаясь проснуться, и перекатился лицом к ней. Кви Ли в последний раз бросила взгляд на изображение и погасила его. Перри улыбнулся, моргнул и потянулся к ней со словами:

— Не спится, любовь моя?

— Да, — призналась она. И сказала: — Иди ко мне, дорогой.

— Ну, ну, — засмеялся он. — Никак у тебя есть настроение?

Именно. Ее мысли возбужденно перескакивали от темы к теме, и, при всей своей беспорядочности, каждая оказывалась сильной и внезапной; Перри был на ней, и ее старомодные глаза, глядящие в потемневший потолок, продолжали видеть мощные волны и переливы красок, заслонявшие блестящую звездную пыль.

Кви Ли сделала им обоим подарок, второй медовый месяц. Объехали чуть ли не половину корабля, посетив знаменитый курорт на берегу небольшого тропического моря; несколько месяцев наслаждались прелестными пейзажами и пляжами, где белоснежные пески уходили в лазурные воды с удивительно красивыми кораллами и фантастическими рыбами. Каждую ночь они проводили под другим небом; корабль предлагал множество изображений туманностей и чужих солнц; они занимались любовью в самых неожиданных местах и в самых необычных позах; чужие иногда подходили и замирали, глядя на них.

Тем не менее она чувствовала какую-то отрешенность от мира, словно глядела на всё с высоты. «Есть ли у Ремор секс?» — думала она. И если да, то какой? И как они про-

изводят детей? Однажды Перри надел жабры и в одиночку поплыл к рифам, и Кви Ли могла спокойно собирать информацию. Секс у Ремор, если его так можно назвать, осуществлялся путем электрической стимуляции непосредственно через оболочку жизнеобеспечения. Репродуцирование — другое дело, дети зачинаются in vitro, где соединяются генетические материалы их родителей, и растут в оболочке из гиперволокна. При необходимости эта оболочка расширяется. До чего невероятный способ существования, подумала Кви Ли, но опять-таки есть много человеческих сообществ, которые кажутся странными. Некоторые отрицают бессмертие. Другие вступают в брак с компьютерами или живут в наркотическом угаре. Есть много религиозных течений. Но она никак не могла выяснить, что представляет собой вера Ремор. Является ли это тайной? А если так, почему Кви Ли было позволено заглянуть в их частную жизнь?

Перри оставался милым и заботливым.

— Я знаю, что для тебя это работа,— заявила она ему,— и ты был очарователен, дорогой. Пожилые женщины ценят такое внимание.

— О, ты вовсе не пожилая! — Подмигнув, он улыбнулся и притянул ее к себе.— И это отнюдь не работа. Поверь мне!

Вскоре они вернулись домой, и Кви Ли испытала разочарование при виде своих апартаментов. Они были точно такими, какими она их помнила, но именно эта неизменность и угнетала ее. Даже оранжерея не могла поднять ей настроение... И Кви Ли поймала себя на том, что размышляет: жила ли она когда-нибудь в другом месте, а не в этих холодных каменных стенах, которые окружают ее.

— В чем дело, любовь моя? — спросил Перри.

Кви Ли промолчала.

— Могу ли я помочь тебе, дорогая?

— Я забыла кое-что сказать тебе,— начала она.— Приходил твой приятель... о, это было примерно год назад.

На лице Перри появилось выражение плутоватого очарования, смущенное, но искреннее.

— Какой приятель?

— Орлеан.

Перри ответил не сразу. Услышав имя, он постарался сохранить на лице то же самое выражение, но Кви Ли заметила, что улыбка обмякла и глаза остекленели. Она

смутилась и чуть было не спросила, что случилось. Перри произнес:

— И чего же Орлеан хотел? — Голос у него понизился почти до шепота. Бросив взгляд в сторону, он пробормотал: — Орлеан приходил сюда? — Он просто не мог ей поверить.

— Ты был должен ему деньги, — ответила она.

Перри промолчал, словно ничего не слышал.

— Перри?

Сглотнув, он переспросил:

— Был должен?

— Я расплатилась с ним.

— Но... но что случилось?..

Она стала рассказывать ему, но прервалась. Она упомянула поврежденную изоляцию и другие существенные детали, но вдруг испытала не очень приятное озарение. А что если никакого долга не было? Задохнувшись, Кви Ли спросила:

— Но ведь ты был должен ему деньги, не так ли?

— Сколько, ты сказала?

Она повторила.

Перри кивнул. Сглотнув, он выпрямился и наконец смог произнести:

— Я верну их тебе... как только смогу.

— Зачем спешить? — Она взяла его за руку. — До сих пор я тебе ничего не говорила, верно? Так что не волнуйся. — Наступила пауза. — Просто интересно, как ты мог ему столько задолжать?

Перри покачал головой.

— Сейчас я отдам тебе пять тысяч... может, даже шесть... а потом раздобуду остальные. Как только смогу, обещаю.

— Прекрасно.

— Прости, — пробормотал он.

— Откуда ты знаешь этого Ремору?

Минутное замешательство. Справившись с ним, Перри ответил:

— Ты же знаешь меня. Страсть к экзотике и все такое...

— Ты спустил все деньги в игре? Так?

— Я почти забыл. Это было так давно. — Он собрал остатки очарования и одарил ее улыбкой. — Ты должна

знать, дорогая... эти Реморы — не то, что ты и я. Прошу тебя, будь с ними очень осторожна.

Она не стала рассказывать о своей прогулке по корпусу. В любом случае новость устарела, да и чего ради ее выкладывать? Перри еще раз пообещал расплатиться с ней. Он заявил, что завтра же отправляется на поиски неких безымянных личностей, которые должны ему. В лучшем случае он сможет раздобыть пятнадцать сотен кредитов.

— Я понимаю, что это сущая мелочь...

Кви Ли подумала было, что стоит успокоить его, — по-видимому, он болезненно переживал эту ситуацию, — но вместо этого спокойно произнесла:

— Счастливого пути и скорее возвращайся.

Он ей нравился таким беззащитным.

— Скоро буду, — выходя, пообещал Перри.

Час спустя Кви Ли тоже ушла, сказав себе, что хочет снова прогуляться по корпусу и встретиться со старым приятелем мужа. Что за таинственный долг? Почему он его так сильно волнует? Но во время долгого путешествия по трубе, перед тем, как оказаться у Порта Бета, она осознала, что такое выяснение отношений еще больше смутит Перри... и зачем оно нужно?

— И что теперь? — прошептала она.

Конечно, еще одна прогулка по корпусу. Если Орлеан разрешит. Если у него будет время и, как она надеялась, желание.

Его лицо стало синим, а глаза увеличились. Провалы глазниц были заполнены черными волосами, которые блестели на свету и выглядели забавно.

— Полагаю, мы могли бы прогуляться, — послышался спокойный голос.

Они стояли в той же самой раздевалке... или в похожей: Кви Ли запуталась в направлениях.

— Могли бы, — сказал Орлеан, — но если вы хотите нарушать правила, зачем ограничиваться такой ерундой? Почему бы не предпринять что-то посерьезнее?

Она смотрела, как его рот растянулся в улыбке и в уголках появились два небольших клыка.

— Что вы имеете в виду? — спросила Кви Ли.

— Конечно, это потребует времени, — предупредил он. — Несколько месяцев, а может быть, и лет...

Стоит ей захотеть, и в ее распоряжении будут столетия.

— Я понимаю вас, — сказал Орлеан. — Вы испытываете любопытство ко мне, к нам. — Орлеан повел рукой, и теперь восстановленные сочленения издали лишь легкое жужжание. — Если хотите, можем сделать вас почетной Реморой. Раздобудем оболочку жизнеобеспечения, поместим вас внутрь, затем по ускоренной программе частично трансформируем.

— Это возможно? Каким образом?

— О, вы получите несколько точных доз радиации. Плюс мы снабдим вас кое-какими полезными мутациями. Вам введут кое-какие гены с помощью метастазов, которые доберутся до нужных мест и вырастут...

Кви Ли была испугана и заинтригована. Сердце забилось чаще.

— Конечно, за одну ночь этого не произойдет. Смотря каких преобразований вы хотите добиться. — Помолчав немного, Орлеан добавил: — И вы должны знать, что это не совсем законно. Капитаны не склонны подвергать пассажиров даже малейшему риску.

— И о каком же риске идет речь?

— В принципе трансформация достаточно проста. Изучив ваши данные, я буду точно знать самые нужные точки. — Ремора прищурился. — Мы погрузим вас в глубокий сон. С внутривенным питанием. Так удобнее всего. Вы уснете в одном теле, а проснетесь в новом. Я склонен думать, что оно будет гораздо лучше. Какой риск? Почти никакого, поверьте мне.

Кви Ли потеряла дар речи. Она чувствовала себя маленькой, слабой, онемевшей.

— Вы не станете подлинной Реморой. Я обещаю, что ваша базовая генетическая структура не будет затронута. Но любой, увидевший вас, решит, что это и есть ваш настоящий облик.

На долю мгновения Кви Ли с пронзительной ясностью увидела себя на бескрайнем сером корпусе. Идущей по пути первой Реморы.

— Вы заинтересовались?

— Может быть. Да.

— Прежде чем мы начнем, нам потребуется определенная сумма, — предупредил он. — Я подвергаю риску свою

команду. Если капитаны узнают, нас отстранят без какой-либо компенсации. — Помолчав, он уточнил: — Вы меня слушаете?

— Нужно подсчитать расходы, — прошептала она.

Орлеан назвал цифру.

Кви Ли ожидала гораздо большей суммы. Двести тысяч кредитов тоже немало, но терпимо. Правда, она не сможет так часто бывать на модных курортах. Но как эти прозаические курорты могут сравниться с тем, что ей предлагают?!

— Раньше вы это делали? — спросила она.

Помедлив, он признался:

— Не слишком часто.

Не стоит спрашивать о том, что казалось совершенно очевидным. Думая о Перри, она улыбалась про себя.

— Не торопитесь, — посоветовал Орлеан, — и как следует все обдумайте.

Но она уже решилась.

— Кви Ли?

Посмотрев на него, она спросила:

— А могу ли я обзавестись такими же глазами, как у вас? Можете ли вы их вырастить во мне с помощью метастазов?

— Конечно! — Орлеан расплылся в широкой улыбке, обрамленной клыками. — Смотрите и выбирайте. Все, что хотите.

— Глаза, — пробормотала она.

— Они ваши, — подмигнув, объявил он.

Надо было сделать все необходимые приготовления, и что ее удивило и доставило удовольствие даже большее, чем предвкушение, — так это уловки, к которым пришлось прибегнуть, чтобы взять деньги из сбережений и не оставить никакой информации о своих планах. Она сообщила апартаментам, что отбывает на неопределенное время. Как минимум на год, а может, и больше. Орлеан не сказал, сколько она может находиться с ними; а что если ей понравится жизнь, которую ведут Реморы?

— А если вернется Перри? — спросил дом.

Естественно, у него тоже есть право управлять апартаментами. А она-то думала, что выразилась совершенно ясно...

— Нет, мисс, — прервал ее голос. — Что сказать, если он спросит?

— Скажите ему... скажите, что я отправилась в путешествие.

— Путешествие?

— Скажите ему, что теперь мне захотелось перемен, — заявила она и, не оглядываясь, вышла.

Орлеан обратился за помощью к той женщине-Реморе, которая однажды привела Кви Ли к нему. Ее глаза-запятые не изменились, но рот уменьшился, а серые зубы стали черными, как обсидиан.

Кви Ли лежала между ними, пока они работали; лица их улыбались, но голоса были резкими и напряженными. Она не в первый раз обратила внимание, что не слышит их настоящих голосов. Оболочки сами переводили их влажное бормотание — вот почему голосовые связки и рты могли меняться, не оказывая никакого воздействия на речь.

— Тебе удобно? — спросила женщина. Но прежде чем Кви Ли смогла ответить, она продолжила: — Есть какие-нибудь последние вопросы?

Кви Ли, уже заключенную в оболочку, вдруг охватила паника.

— Когда я вернусь домой... когда все будет кончено... как быстро я смогу...

— Сможешь что?

— Вернуться к своему нормальному существованию.

— Избавиться от всех преобразований, ты имеешь в виду. — Женщина тихонько рассмеялась, и одно непонятное выражение ее лица сменилось другим. — Сомневаюсь, что тут может быть четкий ответ, дорогая. В твоих апартаментах есть автодоктор? Отлично. Пусть он разберется в проблеме и поможет снова вырастить нужные органы. Как если бы ты пострадала в тяжелой аварии... — Короткая пауза. — Сколько времени заняло бы восстановление, Орлеан? Шесть месяцев?

Он ничего не ответил, проверяя шлем ее оболочки. Кви Ли видела нависшее над ней лицо.

— Шесть месяцев — и снова можешь показываться на людях.

— Я не это имела в виду, — справившись со спазмом в горле, возразила Кви Ли. Что-то сдавило ей грудь, и паника перешла в ужас. Сейчас она ничего не хотела — только бы снова оказаться дома.

— Послушай... — начал было Орлеан, но больше ничего не добавил.

Наконец Кви Ли прошептала:

— Что?

Опустившись на колени рядом с ней, он произнес:

— С тобой все будет в порядке. Обещаю.

Его прежняя убежденность исчезла. Может, он не верил, что Кви Ли решится на это приключение. Может, его предложение было каким-то обманом, на который не мог бы купиться ни один нормальный человек, и теперь ему придется придумывать какие-то извинения, чтобы прекратить все это...

Но он сказал:

— Уплотнения герметизированы и готовы.

— Герметизированы и готовы, — откликнулась женщина.

На обоих лицах появились улыбки, хотя ни одна из них не внушала доверия. Затем Орлеан объяснил:

— Существует только слабый, ничтожный шанс, что тебе не удастся вернуться к нормальному существованию. Если ты получишь слишком большую дозу радиации или мутации укоренятся слишком глубоко. И тысяча автодокторов не смогут выкорчевать их все из тебя.

— Остаточные органы, — добавила женщина. — Случайные дефекты и все такое.

— Этого не произойдет, — сказал Орлеан.

— Не произойдет, — согласилась Кви Ли.

Перед ее ртом появился ниппель питания.

— Пососи и спи, — сказал Орлеан.

Она сделала несколько глотков какого-то химического бульона. Женщина сказала:

— Нет, устойчивые изменения потребуют от десяти до пятнадцати столетий. Разве только...

Орлеан резко оборвал ее.

Женщина с горечью рассмеялась:

— Да она же спит!..

Кви Ли в самом деле спала. Она находилась в какой-то пустоте, где не было ни времени, ни снов; ее тело было

утыкано иглами — легкие вспышки боли отмечали каждое доброкачественное образование, — и казалось, что во вселенной не существует ничего, кроме Кви Ли, которая плавала в этой непроглядной темноте, подвергаясь переделке.

— Сколько?

— Не так уж и долго. Почти семь месяцев.

Семь месяцев. Кви Ли попыталась моргнуть и не смогла. Ей не удалось опустить веки. Затем, попытавшись прикоснуться к лицу, она подняла тяжелую руку и положила ладонь на лицевую пластину. Наконец она вспомнила, что теперь на ней оболочка.

— Получилось? — медленно и невнятно пробормотала она. — Теперь я готова?

— Ты никогда не будешь готова, — засмеялся Орлеан. — Неужели ты не обращала внимания?

Она видела расплывчатые очертания знакомой фигуры.

— Как ты себя чувствуешь, Кви Ли?

Странно. Все ощущения были странными.

— Это совершенно нормально, — заверил голос. — Еще пару месяцев, и ты будешь в полном порядке. Имей терпение.

Она помнила, что всегда была терпеливой. Глаза закрылись сами собой, и разум снова погрузился в спячку. Но на этот раз Кви Ли снилось, что они все вместе на пляже — она, Перри и Орлеан. Кви Ли видела, как они загорают на белоснежном песке, чувствовала жар искусственного солнца, опалявшего ее до перестроенных костей.

Она проснулась, бормоча:

— Орлеан? Орлеан?

— Я здесь.

Теперь зрение улучшилось. Кви Ли убедилась, что дышит нормально. Ее деформированный рот с трудом выдавливал каждое слово, но оболочка обеспечивала точный перевод.

— Как я выгляжу? — спросила она.

Орлеан улыбнулся:

— Очаровательно.

Кажется, у него иссиня-черное лицо. Кви Ли села, взглянула на тусклые серые стены раздевалки и поняла, что цвета изменились. Ее новые глаза по-другому видели

мир. Они воспринимали тот же спектр, но иначе. Медленно поднявшись на ноги, Кви Ли спросила:

— Сколько?

— Девять месяцев и четырнадцать дней.

Нет, это еще не все. Но она чувствовала, что трансформация достигла какой-то стабильной точки. До чего прекрасно снова обрести подвижность! Кви Ли попробовала сделать несколько шагов. Неуверенно сжала кулаки слишком толстых рук. Вскинув кисти, она уставилась на них, пытаясь представить, как они выглядят под гиперволокном.

— Хочешь увидеть себя? — спросил Орлеан.

Сейчас? Готова ли она?

Ее приятель улыбнулся, и в тусклом свете комнаты блеснули его клыки. Он дал ей большое зеркало, Кви Ли пригнулась, едва не уткнувшись в него, и увидела, что на нее смотрит переделанное лицо — вялый рот, полный блестящих зеркальных зубов, и два волосатых провала на месте глаз. Она сделала глубокий вдох и поежилась. Кожа стала очень красивой, золотистой, или по крайней мере, казалась такой. Она была покрыта твердыми белыми выступами, а нос превратился в тонкий клюв. Кви Ли захотелось прикоснуться к себе, и руки наткнулись на лицевую пластину. Только Реморы не могут дотронуться до собственной плоти. Никогда...

— Если ты чувствуешь себя достаточно окрепшей, можешь пойти со мной, — предложил Орлеан. — Моя команда и я отправляемся на нос, заделывать кратеры.

— Когда?

— Прямо сейчас. — Он опустил зеркало. — Все остальные уже ждут в шаттле. Можешь побыть тут еще пару дней... или пойти сейчас.

— Сейчас, — прошептала Кви Ли.

— Отлично. — Кивнув, Орлеан сказал: — Они хотят встретиться с тобой. Им интересно, что за человек решил стать Реморой.

«Человек, который не хочет сидеть взаперти в безликой серой комнате», — подумала она, обнажая в улыбке зеркальные зубы.

У них были самые разные лица, все неповторимые, множество глаз, искривленные рты и плоть различной расцвет-

ки. Кви Ли насчитала пятнадцать Ремор плюс Орлеан. Ей пришлось запоминать имена и учиться распознавать своих новых друзей. Полет в шаттле был словно поездка на вечеринку, странную неформальную вечеринку, и Кви Ли никогда раньше не встречала более счастливых людей — она слушала, как они шутили, поддразнивали друг друга, а порой подтрунивали и над ней. Конечно, по-дружески. Они расспрашивали о ее апартаментах — насколько те велики, насколько модны, сколько стоят — и о ее долгой жизни. Так ли это скучно, как говорят? Кви Ли посмеивалась над собой, когда кивала, отвечая:

— Да, никаких особых перемен. Столетия бегут себе, одно за другим.

Один из Ремор — сильный мужской голос и мятое синее лицо — спросил у других:

— Почему люди платят состояния за рейс на корабле, а потом лезут в его нутро? Почему бы не прогуляться поверху и немного не полюбоваться нашей работой?

Кабина взорвалась хохотом — говоривший явно был всеобщим любимцем.

— Бессмертные — трусы, — заявила женщина рядом с Кви Ли.

— Дураки, — бросила другая, та самая, что с глазами в форме запятой. — По крайней мере, большинство из них.

Кви Ли смутилась, но не надолго. Повернувшись, она посмотрела в грязное окно, за которым тянулся монотонный пейзаж и светящееся небо. Этот вид успокоил ее. Она закрыла глаза и заснула, проснувшись, лишь когда Орлеан крикнул, что они близки к пункту назначения.

— Сбрасываем скорость! — сообщил он из кокпита.

Они замедлили движение. Пошли на снижение. Глядя на своих друзей, Кви Ли видела, сколько ей предназначено улыбок. Реморы рядом с ней взяли ее за руки, и все начали молиться.

— Пусть сегодня не будет комет, — просили они. — А завтра сколько угодно, потому что мы хотим сверхурочных.

Шаттл замер и сел.

Орлеан перебрался поближе к Кви Ли. Он внезапно посерьезнел.

— Держись рядом, — предупредил он, — но не путайся под ногами.

Здесь, на носу, гиперволокно было толще, чем где-либо, — километров десять, а поверхность побурела от постоянной радиации. К оболочкам липла мягкая сухая пыль, и все было залито светом и вспышками лазерных лучей. Кви Ли шла позади Ремор, прислушиваясь к их болтовне. Она поела немного супа — ее первое самостоятельное питание, — чувствуя, как жидкость проходит по пищеводу, и пытаясь представить свою новую конструкцию. Желудок вроде был тот же самый, но не получила ли она два сердца? Ей казалось, что сердцебиение какое-то другое. Два сердца размещались бок о бок. Отыскав Орлеана, она подошла к нему.

— Мне хотелось бы снять оболочку, только один раз. Всего на минуту, — попросила она. — Чтобы понять, как я выгляжу.

Орлеан посмотрел на нее и отвел взгляд.

— Нет, — сказал он.

— Нет?

— Реморы не снимают оболочек жизнеобеспечения. Никогда.

В его голосе прозвучал гнев, а остальные отреагировали глубоким ледяным молчанием. Кви Ли посмотрела вокруг и сглотнула комок в горле.

— Я же не Ремора, — наконец произнесла она. — Я не понимаю...

Молчание продолжалось; все обменялись быстрыми взглядами.

— Я же собираюсь выбраться отсюда... в конце концов!..

— Но сейчас не говори об этом, — предупредил Орлеан.

— У нас есть табу, — сообщил чей-то более мягкий и спокойный голос. — Может, мы слишком непреклонно соблюдаем их...

— Нет, — пробормотала Кви Ли.

— ...тем не менее мы верны им. Эти оболочки — такая же часть наших тел, как внутренности и глаза, и быть Реморой, настоящим Реморой, — это священный обет, который соблюдаешь всю жизнь.

Подошла женщина с глазами в форме запятой.

— Снимать свою оболочку — это оскорбление, — заявила она. — Святотатство.

— Гнусное, — поддержал кто-то.

Затем Орлеан, наверно догадавшись, о чем сейчас думает Кви Ли, подчеркнуто выразительно прикоснулся к ней, и она сквозь оболочку почувствовала его руку.

— Ты, конечно, всего лишь наш гость. — Помолчав, он добавил: — У нас есть свои верования, вот и все.

— Идсалы, — подхватила женщина.

— И презрение к тем, кто нам не нравится. Ты понимаешь?

Это было ей не под силу, но Кви Ли издала звук, выражающий согласие. Вне всяких сомнений, она затронула больной вопрос.

Затем все снова замолчали, и, двигаясь сквозь пыль, Кви Ли хотела, чтобы кто-нибудь снова издал гневный возглас. Молчание было худшим видом гнева. Отныне, поклялась Кви Ли, она будет осмотрительнее со словами. С каждым словом.

Кратер был огромным, корявым и заделан только частично. Предыдущая команда доставила огромные емкости и механизмы для приготовления заплаты. Предстояло заливать свежее жидкое гиперволокно и тщательно ровнять его. Каждая смена укладывала очередную порцию, поднимая дно кратера на сотню метров. Орлеан стоял рядом с Кви Ли на самом верху и объяснял ей задачу.

Отработать предстояло две смены, и у Кви Ли было достаточно времени, чтобы все рассмотреть как следует.

— Только не подходи слишком близко, — снова предупредил он ее, и в его тоне прозвучала отеческая нотка. — Не путайся под ногами.

Кви Ли пообещала. Всю первую половину дня она сидела на краю кратера, на гребне изуродованного и бесполезного гиперволокна, представляя себе удар, который оставил это повреждение. Она знала, что комета была небольшой. Большая выбила бы кратер, который невозможно охватить взглядом, и в нем работало бы сорок команд. Но и этот оказался не таким уж маленьким. Должно быть, несколько комет прорвалось сквозь лазеры. Кви Ли смотрела, как красные лучи скользят по небу, добавляя краски к цветам мерцающего сияния. Ее новые глаза замечали поразительные детали. Ударные волны с фиолетовым свечением; оранжевые, багровые и белоснежные вихри. Убийственно

красивое небо. Внезапно лазеры замелькали чаще, над головой скрестилась паутина лучей, и Кви Ли осознала, что навстречу кораблю летит кометный рой, который засекли навигаторы еще за десятки миллионов километров, но глыбы из грязи и льда приближались стремительно!..

Лазеры еще быстрее стали пульсировать вспышками, и Кви Ли опустила голову.

Попадание, по крайней мере одно. Она увидела вспышку, почувствовала легкое содрогание, погашенное толщиной корпуса, — часть этой энергии была поглощена и преобразована в полезную. Удар служил своего рода горючим. Остаточные газы закачивались внутрь, помогая замещать неизбежные потери летучих веществ по мере того, как корабль продолжал свой великий путь.

Организм корабля питался Галактикой.

Все это было знакомо и даже банально, но внезапно показалось Кви Ли новым, совершенным. Она посмеялась про себя, окидывая взглядом коричневую равнину и прислушиваясь к своему новому телу. Она чувствовала, как дышит и как бьются два сердца; и при каждом незначительном движении осознавала происшедшие в ней изменения. Ее тело обрело странное качество. Она могла ощущать каждое мышечное волокно своих мускулов, каждое их шевеление и каждое мгновение покоя. Кви Ли никогда не чувствовала себя такой живой и засмеялась от головокружительного восторга.

Кви Ли подумала, что если бы она была настоящей Реморой, то стала бы целым миром. Таким, как корабль, только поменьше, с органикой, закованной в броню, и в постоянном движении. Как пассажиры внизу, клетки ее тела постоянно менялись бы. Она подумала, что почти готова к эволюции. Как Орлеан контролирует это желание? Это изумительно, если ей удастся строить и изменять зрение, например... обзавестись уникальными глазами, которых никогда раньше не было и больше не будет!..

А что если она останется с этими людьми?

Такая перспектива внезапно предстала перед ней, застав врасплох.

Что если она принесет необходимый обет, примет все их табу и докажет, что теперь она с ними? Может ли случиться такое? Пытались ли пассажиры-авантюристы преобразоваться?..

Небо побагровело, лазеры продолжали вести стрельбу, и каждый красный луч бил в точку прямо над головой. Беззвучный заградительный огонь был сфокусирован на внушительной глыбе льда и гальки — он испарял ее поверхность и раскалывал сердцевину. Потом лучи разошлись, преследуя самые большие куски, а затем осколки поменьше. Восхищение Кви Ли смешивалось с ужасом. Она смотрела, как разгоралось сияние, пока силовые поля расправлялись с остатками каменного крошева. Небо пылало оранжевым, и слабые удары поднимали пыль вокруг. Что-то стукнуло в ногу, за вспышкой последовала легкая боль... Кви Ли испугалась, что серьезно ранена. Сощурившись, она увидела небольшую вмятину повыше колена. Ссадина. Метеоритный дождь внезапно прекратился.

Кви Ли поднялась на ноги. Ее колотило от нервного напряжения.

Она начала прокладывать путь по склону кратера. Приказы Орлеана были забыты; ей хотелось поговорить с ним, поделиться открытиями и восхищением. Едва держась на ногах от восторга, она наконец добралась до рабочей площадки и остановилась, задыхаясь, — она так энергично двигалась, что воздух внутри оболочки не успевал очищаться. Теперь Кви Ли ощущала вкус своего дыхания, его незнакомый запах, густой и чуть сладковатый.

— Орлеан! — закричала она.

— Тебе не полагается быть здесь, — буркнула какая-то женщина.

— Оставайся на месте, — велела женщина с глазами-занятыми. — И не двигайся. Орлеан сейчас придет.

Кви Ли стояла возле озера свежего гиперволокна, которое остывало и твердело. Появилась тонкая корочка, поверхность стала совершенно плоской и засеребрилась. Как зеркало. Понимая, что не должна этого делать, Кви Ли подалась вперед и увидела небо, отраженное в этом зеркале. Рискуя упасть, она наклонилась больше, чтобы еще раз увидеть себя. Стоящие рядом Реморы молча наблюдали за ней. Они улыбнулись, когда Кви Ли схватилась за глыбу старого гиперволокна, чтобы удержать равновесие. Лазеры снова вспыхнули, и стало светло как днем.

Она не увидела своего лица.

Вернее увидела, но не то, что ожидала, не то, что предстало перед ней в зеркале Орлеана. Тут была прежняя Кви Ли — рот приоткрыт, красивые, но самые обычные глаза изумленно вытаращены.

Обо всем догадавшись, она задохнулась. Заплатить почти целое состояние — и ничего не получить взамен. Все было не по-настоящему. Чудовищная, жестокая и гнусная шутка, и сейчас Реморы покатывались со смеху, держась за свои неприкасаемые животы, и, казалось, их уродливые лица были готовы разорваться на куски от очевидной отвратительной радости!..

— Ваше зеркало было вовсе не зеркалом, да? Оно синтезировало изображение, не так ли? — Кви Ли продолжала задавать вопросы, не ожидая ответов. — И вы одурманили меня, да? Вот почему казалось, что я и вижу, и чувствую как-то не так.

— Именно, — подтвердил Орлеан.

По пути обратно в Порт Бета Кви Ли оставалась в своей оболочке. Он провожал ее. Остальные продолжали трудиться, а Орлеану предстояло отработать свою смену по возвращении. Когда обман раскрылся, все сошлись на том, что нет смысла и дальше держать Кви Ли на носу корабля.

— Ты должен мне деньги, — напомнила она.

Лицо Орлеана по-прежнему казалось иссиня-черным. В уголках рта, растянувшегося в спокойной ледяной улыбке, блеснули клыки.

— Деньги? Какие деньги?

— Я заплатила тебе за услугу, а ты ничего не сделал.

— Знать не знаю ни о каких деньгах, — засмеялся он.

— Я расскажу о тебе, — заявила она, стараясь вложить в слова всю свою злость. — Я пойду к капитанам...

— ...и глубже загонишь себя в ловушку. — Он держался уверенно, даже нагло. — Нашу сделку сочтут незаконной и, скорее всего, омерзительной. Капитаны отнесутся к ней с отвращением, уж поверь мне. — Очередной смешок. — Кроме того, что тут можно доказать? Ты кому-то дала деньги, но проследить их путь до нас не удастся. Не сомневайся.

Кви Ли никогда не испытывала такого стыда. Обхватив себя руками, она хотела только одного — поскорее вернуться домой.

— Действие наркотика скоро закончится, — пообещал он, — и ты будешь чувствовать себя как раньше. Так что не беспокойся.

Тихо, еле слышно она спросила:

— Как долго я отсутствовала?

Молчание.

— Но ведь не несколько месяцев, да?

— Около трех дней, — кивнул Орлеан. — Наркотик искажает твое восприятие времени.

Желудок свело до боли.

— Ты вернешься домой, даже не ощутив, что отсутствовала.

Ее стало колотить.

Несколько бесконечно долгих секунд Ремора смотрел на нее, и Кви Ли показалось, что он испытывает к ней сочувствие. Или она неправильно истолковала выражение его лица?

— В вас нет ничего святого. — Большего оскорбления она не могла придумать, и в голосе ее звучала убежденность. — Вы грубые отвратительные монстры. Вы не смогли бы жить внизу, даже будь у вас такая возможность, вы обитаете там, где вам и надлежит находиться.

Орлеан ничего не ответил — просто смотрел на нее.

Наконец он взглянул вперед, на бесконечную серую равнину.

— Мы стараемся следовать по пути нашей прародительницы. Мы стараемся веровать. — Он пожал плечами. — У некоторых из нас это получается лучше, чем у других. Мы всего лишь люди.

— Почему? — прошептала Кви Ли.

Он снова взглянул на нее и переспросил:

— Что — почему?

— Почему вы так поступили со мной?

Орлеан вдохнул, задержал воздух и наконец выдохнул.

— Ох, Кви Ли, — проговорил он, — неужели ты не обращала внимания?

Что он имеет в виду?

Взявшись за ее шлем, он притянул лицо Кви Ли вплотную к своему. Она не видела ничего, кроме его глаз; каждый черный волосок шевелился, какие-то непонятные флюиды стали циркулировать между ними, и она услышала голос, произнесший:

— Это никогда, никогда не имело отношения к тебе, Кви Ли. Только не к тебе. Ни на мгновение.

И она поняла — может, она всегда это знала; она онемела, похолодела и незаметно для себя начала всхлипывать.

Так получилось, что Перри уже был дома, сидел в оранжерее.

— Я беспокоился о тебе, — признался он с выражением искреннего облегчения на лице. — Дом сказал, что ты уехала на год, а то и больше. Я боялся за тебя.

— Что ж, — ответила Кви Ли. — Вот я и вернулась.

Муж старался подавить подозрительность и не задавать вопросов. Видно было, как он сдерживает себя. Кви Ли понимала, что Перри решил пустить в ход свое очарование, когда с улыбкой спросил:

— Значит, ты захотела исследовать новые места?

— Не совсем.

— И где же ты была?

— В Облачном Каньоне, — солгала Кви Ли.

Всю дорогу от Порта Бета она упражнялась во лжи, но тем не менее слова прозвучали фальшиво. Она слегка вздрогнула, когда муж спросил:

— И ты спускалась по нему?

— Собиралась, а потом решила не рисковать. Я взяла лодку, но не могла заставить себя ступить на борт.

Перри расплылся в счастливой улыбке, не в силах скрыть облегчения. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Кстати, я уже раздобыл почти восемь тысяч кредитов. И положил их на твой счет.

— Прекрасно.

— Найду и остальные.

— Это может подождать, — разрешила она.

К облегчению примешалось смущение.

— С тобой все в порядке, дорогая?

— Я устала. — Кви Ли позволила себе признаться.

— Да, у тебя утомленный вид.

— Давай пойдем в постель, хорошо?

Перри согласился и, позанимавшись с ней любовью, провалился в глубокий сон, измотанный так же, как Кви Ли. Но она заставила себя бодрствовать и, проскользнув

в свою личную ванную, ввела в приемное устройство автодоктора каплю семени Перри.

— Я хочу знать, присутствует ли здесь что-нибудь странное, — дала она указание.

— Да, мисс.

— И просканируй его. Только не буди.

Автомат принялся за работу. Кви Ли моментально получила перечень аномальных генов и остаточных органов. Она даже не стала утруждать себя его чтением. Закрыв глаза, Кви Ли стала вспоминать то немногое, что Орлеан сказал ей после того, как признался, что она — не более чем случайная жертва.

— Перри был рожден Реморой, и он оставил нас. Давным-давно по нашему летосчислению... И это нарушение серьезного табу.

— Отказ от своих? — уточнила она.

— Довольно часто кто-то из нас посещает его дом, когда Перри нет. Мы подсыпаем немного пыли в сочленения, заставляя их скрипеть, и разыгрываем жалостливую сцену, если кто-нибудь оказывается дома.

Муж врал ей с самого начала. Врал обо всем.

— Порой нам удается обдурить партнерш и вытянуть побольше денег, — похвастался он. — Например, как мы поступили с тобой.

— Почему? — спросила она.

— А как ты думаешь — почему? — ответил он вопросом на вопрос.

Своеобразная месть. Ну конечно.

— В конце концов, — заявил Орлеан, — о Перри узнают все. Он потеряет все свои убежища, все деньги, и ему придется вернуться к нам. Просто мы не хотим, чтобы это произошло слишком быстро. Понимаешь? Нынешняя ситуация нас очень забавляет.

Кви Ли открыла глаза и стала изучать список аномалий. Перри пришлось немало потрудиться, чтобы стать человеком, справиться с жуткой генетикой Ремор. Он не просто несколько лет провел на корпусе, о нет. Он был настоящим Реморой, который сделал нечто немыслимое — снял оболочку и стал жить внизу, избавившись от смертельных опасностей космоса. Кви Ли была последней из его ни о чем не подозревавших любовниц, и она совершенно точно

знала, почему он выбрал ее. Она предложила ему нечто большее, чем деньги, — удобную наивность и спасительное невежество... Разве у нее нет права уличить его и потребовать, чтобы он немедленно оставил ее...

— Сотри список, — приказала Кви Ли.

— Да, мисс.

— Дай вид с носовой части, — велела она дому. — И выведи его на потолок моей спальни, пожалуйста.

— Конечно, мисс, — последовал ответ.

Когда она вышла из ванной комнаты, над головой скрещивались лазерные лучи и взрывались кометы. Она действительно собиралась сделать то, чего хотел от нее Орлеан. Она села на край постели рядом с Перри, дожидаясь, пока он сам проснется. Он почувствует ее взгляд, откроет глаза и увидит Кви Ли на фоне неба, под которым живут Реморы...

...Она медлила, сделав вдох и задерживая дыхание. Глядя вверх, она вспоминала тот момент на краю кратера, когда явственно ощутила свое тело. Каким оно было совершенным, какое опьяняющее чувство она испытывала. Оно было вызвано наркотиком и неведением, но тем не менее казалось истинным. Это стоило любых богатств. Кви Ли представила себе будущее Перри, преследуемого Реморами, покинутого всеми друзьями из числа людей, Перри, у которого не осталось никакого выбора, кроме возвращения на корпус...

Она смотрела на него; лицо едва заметно подрагивало.

Сострадание. Жалость. Не любовь, но нечто очень близкое к любви испытывала она сейчас к падшему Реморе.

— Что если?.. — шепнула Кви Ли, начиная улыбаться.

И Перри улыбнулся в свой черед. С закрытыми глазами он плавал в каких-то ленивых снах, которые, конечно же, через мгновение забудет.

ПОЛ МАКОУЛИ

Внимая Ангелу

Пол Макоули (р. 1955) — британский писатель, часто работающий в жанре твердой научной фантастики. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.otega-com.demon.co.uk. Макоули входит в состав британской группы (вместе со Стивеном Бакстером, Питером Гамильтоном, Иэном Бэнксом и другими), которой мы обязаны возрождением твердой научной фантастики и космической оперы в 1990-е годы.

Ботаник и зоолог по образованию, Макоули долгое время занимался наукой на родине, а в 1980-х годах и в США, в Лос-Анджелесе. Затем преподавал в университете в Великобритании и наконец решил полностью посвятить себя литературе.

Первый роман Макоули «Четыреста миллиардов звезд» («Four Hundred Billion Stars») в 1998 году получил премию Филипа К.Дика, разделив ее с «Мокруха.exe» («Wetware») Руди Рюкера. Среди последующих научно-фантастических произведений писателя «Волшебная страна» («Fairyland», 1994), удостоенная премий Артура Кларка и Джона У. Кэмпбелла, а также «Ангел Паскуале. Страсти по да Винчи» («Pasquale's Angel», 1991), отмеченный премией «Сайдвайз» как лучший альтернативно-исторический роман.

Перу Макоули принадлежат сборники «Король горы и другие рассказы» («The King of the Hill and Other Stories», 1991) и «Невидимая страна» («The Invisible Land», 1996). Кроме того, он написал научно-фантастическую трилогию под названием «Слияние» («The Book of Confluence»), состоящую из книг «Дитя реки» («Child of the River», 1997), «Корабль древних» («Ancient of Days».1998) и «Звездный оракул» («Shrine of Stars», 1999).

Начиная с 2001 года Макоули выпустил четыре книги, которые можно отнести к научно-фантастическому триллеру: «Секрет жизни» («The Secret of Life», 2001), «Весь мир» («Whole Wide World», 2001), «Белые дьяволы» («White Devils», 2004) и сборник «Маленькие машины» («Little Machines», 2005).

Совершенно очевидно, что писатель отказался от жанра космической оперы, в котором создавал свои первые произведения. В недавнем интервью Макоули так характеризует свое раннее творчество: «То была совершенно сознательная попытка низвергнуть триумфализм американской научной фантастики — триумфализм совершенно понятный, учитывая, что XX век был веком Америки, но весьма раздражаю-

щий, ведь он воспринимался как нечто само собой разумеющееся. К тому же мне было известно, что британская НФ считается скучной и слабой, зацикленной на самой себе и давно разочаровавшейся в возможностях жанра. Мне хотелось соединить эти два начала: грандиозные сюжетные масштабы, которыми богата лучшая американская фантастика, и суровый британский реализм. По правде говоря, не уверен, что подобный сплав выглядит естественно, но, впрочем, не считаю, что финал „Вечного света" („Eternal Light") разочаровывает читателей».

На протяжении последних пяти лет Макоули является одним из представителей британской новой космической оперы, противопоставляющей себя американской: «Иные культурные ориентиры — это то, о чем я постоянно твержу, с тех пор как меня заклеймили еретиком, искажающим суть космической оперы в угоду собственным амбициям. Я всего лишь считаю, что космическая опера должна выполнять какую-то иную функцию, кроме как воспевать гегемонию американской капиталистической демократии. Для британцев подобное отношение скорее естественное, по сути мы ведь аутсайдеры жанра, который изначально был исключительно американским».

В статье, помещенной в одном из выпусков «Locus», Макоули отмечает: «Новая космическая опера — это британская реакция на тот же импульс; мы не собирались становиться пророками, не хотели облекать свое творчество в форму манифеста. Это в большей степени совпадение, нежели новое направление фантастики. Каждый писатель по-своему уникален, и, если взять полдюжины авторов, избравших для себя один и тот же жанр, вы обнаружите полдюжины различных обоснований».

Далее Макоули переходит к развернутому и убедительному описанию черт, определяющих качественную космическую оперу.

«Новая космическая опера — хорошая космическая опера — присвоила все самое ценное из сокровищниц старой школы и напиталась соками мастеров, от Блиша до Дилейни. Добавьте к этому последние достижения науки и поместите на развернутое, эпическое полотно повествования, где глубоко драматичные судьбы персонажей не менее значимы, чем масштабные декорации, на которые они отбрасывают тени. Здесь нет ни империй, ни технократий, подчиненных одной Великой Идее. Подобно киберпанку, новая космическая опера эклектична и плюралистична. Ей свойственны главные черты мироощущения людей XXI века: привычные ориентиры смещаются; изменения, порождаемые технологическим про-

грессом, проявляются в различных сферах жизни; „постчеловеческая" сингулярность грядет или уже воцарилась в мире. В наибольшей степени жанру присуще головокружительное ощущение глубины времени. В новой космической опере Галактика предстает не пустой сценой, где человечество свободно расставляет свой хлам, а скорее подобием свалки, заполоненной диковинными механизмами, которые остались от более древних и могущественных цивилизаций».

«Последние достижения науки» — это связующее звено между возрождением твердой НФ и возникновением новой космической оперы, американской и британской. Характеристика Макоули вполне применима к творчеству Вернора Винджа, Грегори Бенфорда и даже Дэвида Брина и сводит на нет всякий патриотический пафос. Возникновение новой космической оперы в Британии вовсе не исключает существование подобного феномена в США, Канаде и Австралии, чему есть множество подтверждений. Разумеется, у каждого автора свои особенности и свои политические взгляды, однако все же логичнее воспринимать новую космическую оперу в интернациональном ключе.

Список отмеченных Макоули авторов простирается «от нового романтизма Иэна Бэнкса, Йена Макдональда и Колина Гринленда до жесткого, техно-готического стиля Аластера Рейнольдса и Чарльза Стросса». Что ж, Макоули нельзя упрекнуть в групповщине.

Рассказ «Внимая Ангелу» был создан в середине 1990-х годов, когда Макоули писал приключения в жанре твердой НФ. Это произведение напоминает одновременно «Умирающую Землю» («Dying Earth») Джека Вэнса, «Новое солнце» («New Sun») Джина Вулфа и «Мертвую госпожу Клаун-Таун» («The Dead Lady of Clown Town») Кордвайнера Смита. Действие рассказа разворачивается во вселенной Слияния. Слияние — это мир, искусственно созданный вокруг звезды галактического гало, далеко от плоскости галактического диска, и населенный постгуманоидами, которые произошли от животных. И вот прибывает исследовательский корабль с человеческой командой на борту. Миссия его длилась пять миллионов лет...

Нарьян, архивариус Сенша, старательно придерживается своих привычек, невзирая на все, что случилось после появления в городе пришелицы по имени Ангел. Нарьян верен своему ритуалу так давно, что изменить в нем что-либо очень нелегко. Поэтому в день прибытия

корабля за Ангелом, в день, когда будет положен конец всем потрясениям — а такое обещание получили от Ангела ее последователи, — вернее, на закате этого дня, когда Ближний край Слияния показывается из-за диска своей звезды, а Око Хранителей начинает взирать из-за гряды Дальних гор, Нарьян пересекает площадь на окраине города и направляется к Великой реке.

Из-под его ног вырываются, струясь по тяжело дышащему мрамору, серебряные и золотые завитки, над головой снуют, вонзаясь в тающие сумерки, бесчисленные механизмы — густой информационный бульон. За площадью начинаются широкие ступени, ведущие вниз по бурому склону, к реке. Голые ребятишки, резвящиеся на мелководье, оборачиваются на Нарьяна — толстого старика, тяжело опирающегося на посох. Прохромав мимо них, он спускается по уходящим в воду ступеням. Над водой остается только его лысая голова. Он делает глубокий вдох, втягивает ноздри, опускает морщинистые веки-мембраны и уходит под воду. Рев водопада на краю Вселенной повергает его сердце в привычную дрожь. Он выныривает, отчаянно отплевываясь. Ребятишки покатываются со смеху. Он снова ныряет, снова выныривает. Ребятишки шарахаются, задыхаясь от веселья. Нарьян смеется вместе с ними и поднимается по ступенькам, чтобы мгновенно обсохнуть под жарким солнцем.

Неподалеку погребальная процессия пускает по течению глиняные фонарики. Мужчины, зайдя по пояс в воду, провожают взглядами хромающего мимо Нарьяна и стучат себя костяшками пальцев по широким лбам. Их мокрые тела горят в огне заката, превратившего реку в ослепительный пожар. Нарьян благоговейно преклоняет колена, чувствуя жгучий стыд. Женщина скончалась, не поведав ему своей истории. За последние дни так происходило уже не раз. Провал следовал за провалом.

Теперь Нарьян сомневается, удастся ли ему услышать конец истории Ангела. Ведь она обещала предать город огню, и Нарьян, в отличие от Дрипа, верит ей.

На ступеньках, скрестив ноги, сидит старый нищий в лохмотьях, но с гордо выпрямленной спиной. Кажется, что он любуется закатом. Он бодрствует, но ничего не видит, что является максимальным приближением жителей Сенпа,

Заново Рожденных, к состоянию сна. На его широко раскрытые глаза наворачиваются слезы, они стекают одна за другой по жестким щекам. В уголке его левого глаза уселась полакомиться солью маленькая серебряная мошка.

Нарьян бросает в миску нищего горсть жареного арахиса, который специально носит с собой для этой цели, и направляется дальше. Он успевает уйти достаточно далеко, прежде чем замечает, что на краю огромной площади, там, где кончаются ступени и начинаются причалы, собралась толпа. Темнеющий воздух наполнен гудением сотен крохотных механизмов. Толпу сдерживает шеренга магистратов, стоящих плечом к плечу и пощелкивающих плетями, словно отгоняя мух. Стальные наконечники плетей сверкают, алые плащи магистратов пламенеют в последних лучах заката.

Люди недовольно шумят. Взгляды их обращены вверх по течению реки. Нарьян с замиранием сердца понимает, к чему прикованы их взгляды.

На горизонте к северу от города, где широкие ленты реки и земли, сузившись, сливаются в одну точку, разгорается огонек. Это баржа с кораблем Ангела, возвращающегося из далекого путешествия вниз по реке, в заброшенный город. Там она нашла пристанище, а потом заставила Нарьяна внимать ее истории.

Впервые Нарьян услышал о ней от Дрина, администратора Сеньи. Тот лично нанес ему визит, чтобы сообщить новость. Появление Дрина на́ узких улочках квартала и собрало толпу, окружившую его и не отпускавшую на всем пути до дома, где жил Нарьян.

Дрин был живым (может, несколько чрезмерно) человечком, прислушавшимся к зову совести и согласившимся занять церемониальный пост администратора в этом затерянном городе, давно покинутом его предками. Маленький, шустрый, с одной разноцветной прядью на бритой голове и с пергаментным личиком, в возбужденной толпе он походил на цветок в водовороте Великой реки. Тыл администратора прикрывали двое магистратов и робот — зеркальный боб, двигающийся в воздухе рывками, как семечко, выдавленное из арбуза. Над толпой барражировали механизмы помельче. Они не очень-то доверяли горожанам,

и не без оснований. Слияние переживало перемены: одна раса Заново Рожденных за другой из общего числа в десяток тысяч лишалась изначального целомудрия.

Нарьян, предупрежденный нарастающим шумом, ждал появления Дрина на балконе. До его слуха долетел безупречно учтивый вопрос Дрина, усиленный механизмом, повисшим у его рта: Дрин осведомлялся, можно ли ему подняться. Толпа притихла, и его слова эхом разнеслись по узкой улице. Нарьян ответил, что всегда рад принять такого гостя, и Дрин сначала церемонно преклонил колена, а потом легко взобрался наверх прямо по полуразрушенной лепнине, украшающей фасад. Перемахнув через чугунные перила балкона, он уселся в кресло из железного дерева, которое обычно занимал сам Нарьян, принимая учеников. Пока Нарьян усаживался на табуретку (больше на балконе было не на чем сидеть), Дрин успел жизнерадостно признаться, что больше года не преодолевал такое значительное расстояние на своих двоих. Приняв чай и леденцы у жены Нарьяна, напуганной его появлением, Дрин добавил:

— Было бы гораздо удобнее, если бы ты занимал резиденцию, более соответствующую твоему статусу.

В распоряжении Дрина был просторный дворец из богато инкрустированного песчаника, возвышавшийся над южными кварталами города, но сам он проживал в резиденции посреди висячих садов, парящих над башнями дворца.

— Мое призвание требует, чтобы я жил в гуще людей. Как иначе понимать их рассказы? И как они сами находили бы меня?

— Способов много. Ты мог бы, например, размножиться в таком количестве, чтобы у любого из этих прохвостов оказалось по собственному архивариусу. Можно воспользоваться особой техникой... Прости, я забыл: ты следуешь весьма строгим правилам. Поэтому я здесь. Иначе как донести до тебя весть?

Резкость Дрина была напускной. Как и Нарьян, прекрасно читавший у него в душе, он находился здесь, чтобы служить, а не повелевать.

Нарьян признался, что не слышал ничего необычного, чем вызвал возглас Дрина:

— К нам прибывает космоплавательница! Ее корабль опустился в прошлом году на Исе. Помнится, я тебе об этом говорил.

— Однажды, еще в молодости, я наблюдал, как на Ис опускается межзвездный корабль. Тогда я еще не принял сан.

— Разумеется, — подхватил Дрин нетерпеливо, — в порту все еще швартуются сторожевые суда и торговые караваны. Но тут другое... Она утверждает, что прибыла из незапамятного прошлого. Из очень далекого прошлого, еще до Хранителей!

— Будет любопытно ее выслушать.

Дрин шлепнул себя ладонью по худой ляжке.

— Могу себе представить! Человек, миллионы лет путешествовавший за пределами Галактики! Но не только... Она сбежала с корабля. Там поднялся страшный переполох. Команда требует, чтобы женщина вернулась.

— Значит, она невольница?

— Судя по всему, она подчиняется экипажу — подобно тому, как ты пребываешь в зависимости от своего сана.

— Так верни ее! Тебе известно, где она находится?

Дрин бросил в рот леденец и яростно раскусил его ровными плоскими зубами.

— Знаю, знаю!.. Речь не об этом. Речь о том, лгут ли ее спутники и она сама. Видимо, дело в культурном шоке: надо же было столько времени носиться в пустоте! Пять миллионов лет, если не привирают. Конечно, бóльшую часть времени они были неживыми, но срок все равно впечатляет.

— Ты им веришь? — поинтересовался Нарьян.

— Какая разница? Главное — спокойствие в городе. Представляешь, какую смуту она может посеять?

— Да, если ее рассказ правдив.

— Вот-вот, в этом все дело! Поговори с ней, выведай правду. Ведь именно этого требует твой сан. А мне пора.

Нарьян не стал указывать Дрину на его заблуждение.

— Толпа выросла, — предупредил он.

Дрин широко улыбнулся и взмыл в воздух, скрестив руки и положив ладони себе на плечи. Зеркальный робот последовал за ним. Нарьяну пришлось кричать, чтобы перекрыть рев восхищенной толпы:

— Как мне быть?

— Скажите ей, что она может рассчитывать на мою помощь! — крикнул в ответ Дрин, продолжая набирать высоту.

Дальнейших слов Нарьяна он не расслышал, потому что уже несся над беспорядочным скоплением городских крыш, желая быстрее возвратиться в свое воздушное убежище. Робот преследовал его по пятам, машины поменьше тоже подпажали, чтобы не отстать.

На следующий день, когда Нарьян остановился купить арахис, чтобы раздать его детям и нищим, торговец сообщил, что час назад видел странную женщину. У нее не было ни гроша, но торговец все равно вручил ей кулек соленого арахиса.

— Я верно поступил, учитель? — спросил торговец, тревожно глядя из-под мохнатых бровей.

Нарьян знал, что предкам его собеседника были привиты искусственные гены, отвечающие за то, чтобы у всего потомства в тысячах колен возникала потребность оказывать помощь любому человеку, который о ней попросит. Поэтому он заверил ученика, что поступок заслуживает всяческого одобрения, и протянул ритуальную монетку в оплату за кулек горячих масляных орешков, а торговец, подчиняясь собственному ритуалу, монетку не взял.

— Если вы увидите ее, учитель, то передайте, что во всем городе она не найдет арахиса вкуснее моего! Пусть берет, сколько хочет!

Весь день Нарьян обходил чайные, слушал рассказы о женщине, обрекшей себя на смерть, и ждал появления незнакомки с безумным взглядом. То же ожидание не оставляло его и вечером, когда сын магистрата сбивчиво читал отрывки из пураны[1] среди дыма, поднимающегося к черному небу от уличных жаровен. Город внезапно стал для Нарьяна незнакомым; чешуйчатое лицо сына магистрата с широкими бровями показалось страшной маской. Нарьян затосковал по собственной юности и после ухода ученика больше часа стоял под душем, впитывая воду всеми складками тучного безволосого тела и не обращая внима-

[1] *Пурана* (*санскр.* puranam akhyanam — «древнее предание») — канонический текст индуизма.

ния на голос жены, которая обеспокоенно спрашивала, не плохо ли ему.

Женщина не появилась ни в этот день, ни на следующий. Она вообще не стремилась с ним увидеться. Их встреча произошла по чистой случайности.

Она сидела в чайной, в глубокой тени отягощенного кистями навеса. Чайная находилась на углу верблюжьего рынка, где торговцы, сидя со скрещенными ногами перед низкими входами в свои лавки-пещеры, оживленно спорили о достоинствах и недостатках животных и упряжи. Нарьян прошел бы мимо чайной, если бы владелец не выбежал из-под навеса и не пригласил его зайти, объяснив, что к нему пожаловала женщина без гроша денег и что он поит ее бесплатно; так правильно ли он поступает?

Нарьян уселся рядом с женщиной и заказал чай, после чего надолго умолк. Он сгорал от любопытства, слабел от волнения и страха. Когда он садился, кладя посох поперек коленей, она мельком глянула на него, не проявив никаких эмоций.

Высокая и стройная, она сидела у стойки, широко расставив худые локти. Подобно всем жителям Сенша, она была в свободном холщовом хитоне. Ее волосы, черные и прямые, как у всех вокруг, были стянуты сеткой на уровне плеч, черты лица оказались мелкими и острыми. Ее внимание привлекало все, что происходило вокруг: бронзовый механизм, пролетающий в пыльном воздухе над навесом, продавец гранатового сока, созывающий желающих утолить жажду, стайка смешливых женщин, прошмыгнувшая мимо, тележка со спелыми грушами. Впрочем, всякий раз сосредоточенность ее длилась лишь короткое мгновение. Обхватив чашку с чаем обеими руками, она неуверенно отпивала, целую минуту держала во рту каждый глоток и осторожно сплевывала чаинки в медное блюдечко.

Парьян чувствовал: лучше хранить молчание и позволить ей заговорить первой. Ее присутствие нарушило его душевный покой: у него были свои правила и привычки, и новая ответственность вызывала страх. Он не сомневался, что Дрин наблюдает за ним с помощью какого-нибудь из маленьких летательных аппаратов, снующих над залитой солнцем, белой, как соль, площадью. Впрочем, в наблюдении не было необходимости: встретившись с этой женщиной, он уже не мог уйти.

Наконец хозяин заведения, подлив ей еще чаю, тихо сказал:

— Рядом с тобой сидит наш архивариус.

Женщина резко обернулась, расплескав чай.

— Я не вернусь! — воскликнула она. — Я больше не хочу служить им.

— Здесь никто никого не принуждает, — ответил Нарьян, чувствуя, что обязан ее успокоить. — Это самое главное. Меня зовут Нарьян, и я имею честь, как заметил уважаемый хозяин, быть архивариусом Сенша.

Женщина облегченно улыбнулась и сообщила, что ее зовут Ангел. Правда, настоящее имя можно перевести как «Обсзьяна», но она не желает его вспоминать.

— Вы не такой, как другие, — сказала она, словно это только что бросилось ей в глаза. — Я видела подобных вам в портовом городе. Один из них, лодочник, вез меня по реке до границы гражданской войны. Потом начались города, в каждом из которых живет только одна раса, отличающаяся от остальных.

— Верно, от нашего города до других далеко, — согласился Нарьян.

До его слуха донеслась барабанная дробь: приближалась процессия. Была середина дня, солнце остановилось в зените, прежде чем начать опускаться.

Женщина тоже услышала барабаны и встревоженно вытянула шею. Процессия показалась из-за деревьев на противоположной стороне площади. Ежедневно в один и тот же час «посвященные» появлялись в этой части города. Предводителем был мужчина с голым торсом, лупивший в барабан с золотой бахромой. Барабанный рокот сотрясал всю площадь. Позади то семенили, то подпрыгивали два-три десятка нагих женщин и мужчин. Волосы у всех были длинные, грязные, ногти желтые и заскорузлые, больше похожие на когти.

Процессия, следуя за барабанщиком, пересекла площадь и побрела прочь по извилистой улочке. Женщина по имени Ангел облегченно перевела дух.

— Какое страшное место! Они безумны?

— Они не сами утратили разум, его отобрали, — объяснил Нарьян. — Некоторым вернут разум через год: они лишены его в наказание. Другие отказались от самих себя

на всю жизнь. Таково их религиозное призвание. Но все они — и святые, и преступники — были прежде так же разумны, как ты или я.

— Не сравнивай меня со своим народом, — сказала она, вздрогнув. — У меня нет ничего общего ни с этими сумасшедшими, ни с тобой.

Нарьян поманил хозяина и заказал еще две чашки.

— Насколько я понимаю, ты прибыла издалека.

Несмотря на страх, который она ему внушала, он не сомневался, что сможет вызвать ее на откровенность. Но она вместо ответа только усмехнулась.

— Я не хотел тебя оскорбить, — молвил Нарьян.

— Вы одеваетесь, как здешние жители. Это тоже требование религии?

— Это моя профессия. Я местный архивариус.

— Здесь все такие разные! В каждом городе живет отдельная раса. Раньше здесь не было ни одного разумного существа. А теперь только вдоль одной длинной-предлинной реки обитают тысячи не похожих друг на друга созданий! Они отнеслись ко мне, как к правительнице или богине...

— Хранителей уже давно не стало. Мы на пороге конца времен.

Она снисходительно улыбнулась:

— Всегда есть люди, воображающие, будто истории пришел конец. Мы тоже думали, что переживаем конец истории: ведь на карту были нанесены все звезды в Галактике. А все планеты, пригодные для освоения, были уже заселены...

Нарьян замер, решив, что сейчас услышит, где она побывала, но она сказала только:

— Мне говорили, что Хранители — наверное, мои потомки — создали множество рас, но все эти здешние существа называют себя людьми, даже те, кто нисколько на людей не похож...

— Заново Рожденные называют себя людьми, ибо для их теперешнего состояния нет другого названия, независимо от того, пали они или остаются невинными. Ведь до того, как их создали, у них вообще не было имен. Жители Сенша пока что сохраняют целомудрие. Мы несем за них ответственность.

Он не хотел говорить с ней умоляющим тоном, но ничего не мог с собой поделать.

— У вас это плохо получается... — И после этих слов она взялась рассказывать о Войне, бушующей выше по реке и приближающейся к этому городу в самом центре Вселенной.

Повесть ее была длинной и запутанной, к тому же женщина то и дело прерывалась, чтобы задавать вопросы, а Нарьян, при всем своем знании пураны, далеко не на все имел ответ. Она говорила, он заносил ее слова в блокнот. Она сказала, что удобнее прибегнуть к записывающему устройству, но он воспроизвел по памяти длинный отрывок ее истории, доказав свое умение не упустить ни слова.

— Скоропись — лишь помощник, — заявил он.

— Вы запоминаете чужие рассказы?

— Рассказы — это очень важно. В конце концов, только они и петленцы, только их и оставляет нам история. Они вечны. — Он боролся с желанием спросить ее, понимает ли она то, что так ясно для него, — собственную судьбу, если останется в городе.

— Слишком долго я существовала вне истории, — сказала она, обдумав его слова. — Не уверена, что хочу снова стать ее участницей. — Она резко встала, опрокинув стул, и вышла из чайной.

Нарьян счел за благо не удерживать ее. Вечером, когда он наслаждался у себя на балконе сигаретой под мрачным Оком Хранителей, к нему явился робот, и лицо Дрина, материализовавшееся над его серебряным пультом, сообщило, что спутники женщины знают, где она находится, и скоро ее заберут.

Корабль приближается. Нарьян пытается понять, какой он формы. Это огромный черный клин, собранный, как детская пирамидка, из пластин, каждая из которых больше, чем самое высокое здание в городе. Внутри корабля перемигиваются красные огоньки. Нарьян, смахивая с голых рук комаров, наблюдает за черной громадиной, скользящей под черным небом, где, кроме нее, нет ничего, одно лишь Око да горстка мелких звезд. Здесь, в самом центре Вселенной, родную Галактику не будет видно до самой зимы.

Толпа с каждой минутой беспокоится все сильнее. По ней пробегают осязаемые волны тревоги. Нарьян чувствует волнение горожан, но плохо понимает, что их тревожит, хотя он и прожил среди них невесть сколько времени.

Горожане с привычным почтением пропускают его сквозь толпу, и вот он стоит почти под самым роем механизмов, защищающих причал, в двух десятках шагов от магистратов, первно теребящих свои хлысты. Резкий запах, издаваемый плотной людской массой, вызывает у него тошноту, шум толпы — то общий низкий гул, то чей-то отчаянный вскрик — пробирает до костей. Механизмы полосуют стоящих в первых рядах ослепительными лучами света, и глаза людей загораются, как зловещие оранжевые огоньки.

Наконец корабль оставляет позади храмовый комплекс на северном краю города, кажущийся образцом хрупкой изысканности по сравнению с этой зловещей, бездушной махиной. Баржа пятится к ступеням, уходящим в воду, и шум волн заглушает стрекот механизмов в воздухе.

Толпа дружно вскрикивает, рвется вперед, к самому рубежу, охраняемому механизмами, увлекая с собой Нарьяна. Горожане взволнованно просят прощения за то, что чуть не повалили с ног, пытаются не касаться его — так улитки отползают от комка соли. Механизмы жужжат на разные лады, магистраты заносят хлысты и дружно выкрикивают всего одно слово, теряющееся в общем шуме. Люди в передних рядах валятся на колени, трут глаза и громко воют: машины на время ослепили их.

Нарьяна машины щадят, как только что его щадила толпа. Внезапно он оказывается в изоляции: вокруг стонут и рыдают, шеренга магистратов выглядит неумолимо. Кто-то из них окликает Нарьяна, но он не отзывается на оклик.

Теперь ему хорошо видно, что собой представляет корабль. Он остановился довольно далеко, у самого края причала, но все равно приходится высоко запрокидывать голову, чтобы увидеть, где кончаются ярусы пластин. Кажется, что к городу подплыла огромная гора. В гуле толпы появляются новые ноты, как бывает при сильном порыве ветра над полем. Нарьян оборачивается и видит в лучах прожекторов, насколько разрослась толпа. Она заполнила всю огромную площадь над рекой; на крышах домов тоже стоят люди. Бесчисленные глаза горят, как нездешние звезды.

Все таращатся на корабль, к которому спускается летающая платформа. На платформе стоит Дрин, готовый приветствовать экипаж.

Нарьян закладывает за уши проволочные дужки очков. Теперь он может различить выстроившуюся на одной из плоскостей команду корабля.

Весь экипаж — полтора десятка человек. Все, и мужчины и женщины, так же велики ростом, как Ангел. По сравнению с ними беспрерывно жестикулирующий Дрин выглядит карликом. Нарьян чувствует волнение Дрина. Тому очень хочется, чтобы путешественники забрали Ангела с собой, ибо это лучший способ восстановить порядок. Он им расскажет, где ее искать.

Нарьяна охватывает гнев. Он протискивается сквозь толпу. В тот момент, когда он достигает волнистого края людского моря, окружающие задирают головы. Платформа Дрина взмывает в воздух вместе с командой корабля и переносит их в безопасное место — в летающую резиденцию над дворцом из розового песчаника. Толпа в едином порыве подается вперед. С неба на нее сыплются все до одного механизмы.

Один падает рядом с Нарьяном и разваливается, окутанный дымом. Какая-то старуха хватает его и кидает в Нарьяна. Он чувствует запах ее обожженной плоти.

Нарьян так поражен, что не пытается увернуться, но старуха, на его счастье, промахивается. Он наблюдает потасовку, вспыхнувшую между горожанами и магистратами. Кое-кто из последних обращается в бегство, трепеща на ветру красными плащами, другие бросают хлысты и показывают пустые ладони. Но толпа смиряет их. Нарьян хромает прочь с рекордной для себя скоростью, его сердце готово выскочить из груди. Посреди широкого проспекта, ведущего в город, он видит плотную группу людей, собравшихся вокруг высокой фигуры.

Это Ангел.

Нарьян пересказал Ангелу слова Дрина о предстоящем на следующий день прибытии корабля в город. Разговор состоялся в той же чайной. Она ничуть не удивилась.

— Я им нужна, — сказала она. — Сколько им потребуется времени?

— Они не могут нагрянуть прямо сюда. Система жизнеобеспечения допускает корабли только в особые доки, но оборудование здешних космических портов давно не использовалось и потому ненадежно. Ближайший пункт расположен в двух тысячах километров отсюда. Дальше корабль придется буксировать вниз по реке. Это довольно долго. Как вы поступите?

Ангел пригладила ладонью свои блестящие черные волосы.

— Мне здесь понравилось. Я хочу остаться.

Она поселилась в семье богатого торговца. Нарьян побывал там. Двухэтажный домик у реки, внутренний дворик, тень от раскидистого дерева... Люди сновали взад-вперед, волоча ковры и мебель. Трое увлеченно красили в розовый и синий цвета деревянные перила круговой веранды второго этажа, развлекая себя радостным пением. Ангел радовалась этой суете и встретила смехом предостережение Нарьяна не злоупотреблять расположенностью горожан:

— Им нравится мне помогать! Что в этом дурного?

Нарьян предпочел не объяснять ей про гены рефлекторного альтруизма, имплантированные всем расам Заново Рожденных. Женщина вынесла им чаю и горку оладий с медом, двое мужчин принесли легкие кресла. Пришелица села и предложила посидеть Нарьяну. Она уже полностью освоилась и радовалась каждому новому подарку.

Нарьян заранее знал, какой испуг охватит Дрина. Незваная гостья была варваром из прошлого и не имела ни малейшего понятия о тончайшем равновесии, которое необходимо соблюдать, живя рядом с невинными, не претерпевшими грехопадения людьми. С другой стороны, ее человеческое естество нельзя было отрицать, а значит, она обладала полной свободой выбора. Дрину ничего не оставалось, кроме как попытаться отправить ее на корабль.

Однако непосредственность и веселье Ангела оказались заразительными. Вскоре Нарьян принялся хохотать вместе с ней, радуясь россыпи безделушек. Приходящие с дарами делали это от чистого сердца и могли себе позволить щедрость. Бедняками в Сенше были только попрошайки в лохмотьях, сознательно отказавшиеся от материальных благ.

Нарьян пил чай, лакомился пряными оладьями и внимал ее безумным историям о плавании по реке, ежеми-

путно убеждаясь в том, как слабо она разбирается в системе управления в Слиянии. Например, она ошибочно считала, что Заново Рожденных не допускают до новейших технологий, и не могла взять в толк, почему в Сенше отсутствует правительство. Получается, что Дрин — абсолютный властитель? По какому праву?

— Дрин всего лишь администратор. Полномочиями его наделяют сами горожане, и проявить себя он может только по особым случаям — например, на парадах, которые он обожает. Более серьезной властью обладают магистраты: они разбирают споры между соседями и назначают наказания. Жители Сенша, чуть что, затевают спор, и это приводит порой к неприятным результатам...

— Вы имеете в виду убийства? В таком случае люди здесь не так невинны, как вы утверждаете. — Она что-то схватила над столом. — А это что? По какому праву действуют эти маленькие шпионы?

Она держала в пальцах бронзовый летательный аппарат, который отчаянно пытался освободиться.

— Это часть системы жизнедеятельности Слияния.

— Дрин тоже ими пользуется? Пожалуйста, расскажите все, что знаете.

В результате Нарьян рассказал ей больше, чем собирался. Однако сама она отказалась поведать ему о межзвездном путешествии и о причинах своего бегства с корабля. День за днем он вежливо, но настойчиво побуждал ее приоткрыть завесу тайны. Он даже побывал в храме и запросил сведения о ее путешествии, но все они оказались давно похороненными под завалами происшедших за миллионы лет событий разной степени важности. Когда Нарьян проявил настойчивость, система закапризничала, как ребенок, и без предупреждения прервала контакт.

Нарьян не удивился. Ведь путешествие началось пять миллионов лет назад или даже раньше, иначе корабль не успел бы побывать в соседней Галактике и вернуться обратно...

Впрочем, он выяснил, что, едва прилетев, экипаж предпринял попытку продать свои открытия, как поступает купец, прибывший с заморскими диковинами. Возможно, Ангелу захотелось заработать на своих знаниях; возможно, именно поэтому спутники стремились вернуть ее на ко-

рабль, хотя на Слиянии все равно не существовало агентства, которое помогло бы заключить подобную сделку. Знания имели строго ограниченное хождение.

И все же у Ангела появились почитатели, подобные последователям блаженных, которые, заявляя о своем родстве с Хранителями, скитались по бесконечному побережью Слияния. Сторонники Ангела не покидали ее ни на минуту. Все они были молодыми мужчинами, и это обстоятельство представлялось Нарьяну зловещим: ведь то были сыновья ее благодетелей, не устоявшие перед чарами пришелицы. Все они повязали головы белыми лентами с начертанными Ангелом архаичными письменами, превосходящими древностью все расы Заново Рожденных. Смысл этих надписей она отказывалась объяснить.

По мнению жены Нарьяна, сам он тоже не избежал чар. Ее не устраивал сам факт появления Ангела, поэтому она называла ее призраком и считала крайне опасной. Возможно, она была недалека от истины. Она считалась мудрой и волевой женщиной, и Нарьян привык доверять ее советам.

Нарьян верил в свою способность улавливать малейшие сбои в ритме города. Он выслушал старика, умиравшего от катара внутренних органов — напасти, поражавшей большинство горожан на четвертой сотне лет. Умирающий принадлежал к тем немногим, кто путешествовал за пределами города: ему довелось побывать на севере, где на болотистых берегах существовал подземный город, построенный другой, заносчивой расой. Рассказ его длился целый день. Весь этот день Нарьян терпел духоту в комнате, обложенной пыльными коврами и освещенной единственной тусклой лампой. Под конец старик вдруг заявил, что не совершал никаких путешествий, что ничего примечательного в жизни не видел, и Нарьян не смог его утешить. На следующий день родились два младенца — редчайшее событие, ставшее поводом для общегородского праздника. Однако под тонкой тканью праздника ощущалось напряжение, какого Нарьян прежде не знал: ему казалось, что среди веселящихся неизменно присутствуют последователи Ангела.

Перемену почуял и Дрин.

— Произошло несколько неприятных случаев, — признался он Нарьяну, удивив того небывалой откровенностью. — Пока что ничего особенного. Один из храмов был

осквернен странными письменами, наподобие тех, что начертаны на лентах ее последователей. Компания молодежи разгромила рынок, перевернув прилавки. Я попросил магистратов не наказывать провинившихся, чтобы не превращать их в мучеников. Пусть пострадавшие сами судят своих обидчиков, если пожелают... А еще она произносит речи. Хочешь послушать?

— Это обязательно?

Дрин небрежно отбросил стакан, зная, что дежурный механизм все равно его подхватит, не дав разбиться. Они сидели на балконе воздушного жилища Дрина и взирали на Великую реку и на ближнюю оконечность мира. На горизонте виднелась длинная двойная линия — там клубились белые водопады. Был полдень, и залитый солнцем город выглядел безмятежным.

— Ты уже наслушался ее болтовни, так что тебе она не опасна, — проговорил Дрин. — Вообще-то это не проповедь, а сплошной туман: судьба, пренебрежение обстоятельствами, самосовершенствование, возможность воспарить, схватившись руками за собственные ступни...

Дрин презрительно махнул рукой. Его ступни были, как всегда, босы, длинные пальцы ног обхватывали перила, на которые он присел.

— Вдруг она захочет стать правителем города?.. Если ей это нравится, пусть попробует. Пока здесь не окажется корабль... Тебе известно, где она сейчас?

— Я был занят... — ответил Нарьян неопределенно и подумал с любопытством: «А ведь жена права!»

— Я знаю историю, которую ты выслушал последней. Раньше я думал, что этот человек, вернувшись, принесет в наш город войну. — Хохот Дрина был похож на птичий клекот. — Женщина там, на краю света. Она уплыла вчера на лодке.

— Я уверен, что она вернется, — проговорил Нарьян. — Иного не дано.

— Полагаюсь на твою мудрость. Ждешь от нее любопытного рассказа? Выпей еще. Не торопись, побалуй себя.

С этими словами Дрин взмыл в воздух и исчез среди огненных ветвей дерева, простершихся над балконом.

По мнению Нарьяна, Дрин совершал ошибку, не усматривая опасности в деяниях Ангела. При этом Нарьян по-

нимал истоки его безразличия. Деяния эти выходили за пределы его опыта; Ангел вообще находилась за пределами опыта всего Слияния. Войны за Перемены, бушевавшие там и сям по всей протяженности Слияния, имели не идейный, а эсхатологический характер. Их порождало социальное напряжение, возникавшее из-за несовместимости природных и привитых генов, и расы Заново Рожденных начинали совершенно по-другому воспринимать все сущее. Однако то, что творила пришелица, коренилось в эпохах, предшествовавших Хранителям, их программе по созданию новых рас и завершению человеческой истории. Нарьян только начинал понимать все это, когда услышал от Ангела, что поманило ее на край света...

Но теперь, в страшную ночь прибытия корабля, когда погибли все до одного сторожевые механизмы, когда окраины стал пожирать огонь, а тысячи горожан кинулись наутек в густые сады на севере, Нарьян понимает, как сильно ошибался. Ангел — не проповедница бессмысленной революции.

Ее помощники — это молодые люди, вооруженные деревянными копьями с закаленными остриями, обоюдоострыми ножами, какими торговцы разрубают скорлупу кокосовых орехов, и самодельными цепями. Пренебрегая волей самого Нарьяна, они вовлекают его в марш на дворец и воздушную резиденцию Дрина. Они отобрали у Нарьяна посох, и он морщится, ступая на больную ногу.

Ангела нет поблизости: у нее другие дела. В ее присутствии Нарьяну было страшно, но теперь ему еще страшнее. Рефлекторный альтруизм ее сторонников сменился на новый нрав, закаленный в пламени революции: они насмешливо пихают Нарьяна в спину, потому что уверены в своей власти над ним. Особенно усердствует один, с грубой физиономией: на каждом перекрестке он тычет Нарьяна под ребра тупым концом копья, предостерегая от бегства, хотя у Нарьяна и мысли нет бежать.

Власть низвергнута по всему городу — это случилось в момент падения механизмов, однако в широко раскрытых глазах победителей еще пляшут огоньки пожаров. Они минуют рыночную площадь, где толпы лакают пиво и шатаются среди перевернутых прилавков. Во тьме, озаряемой

пожарами, торжествует разнузданный блуд. В канаве лежит мертвый ребенок. Ужасно, ужасно! Рушится охваченное пламенем здание, в небо рвется гигантский вихрь искр. Лица людей вокруг Нарьяна превращаются в оскаленные маски с горящими желтыми глазами.

Нарьяну не дают останавливаться. Его утешает мысль, что он скоро пригодится: у Ангела еще будут к нему дела.

Вернувшись с края света, женщина по имени Ангел первым делом поспешила к Нарьяну. Был теплый вечер, тот послезакатный час, когда улицы заполняются дружелюбными голосами, соседскими приветствиями, криками торговцев фруктовым соком, жареной кукурузой, всевозможными сластями.

Нарьян слушал ученика, сына магистрата, зачитывавшего отрывок из пураны, в котором Хранители засеяют Галактику своими творениями. Паренек был рослый, неуклюжий и хмурый: он не оправдывал ожиданий своего папаши, не проявлял вдумчивости и предпочел бы коротать время с дружками за пивом вместо чтения древних сказаний на давно умершем языке. Он горбился над книгой, водил пальцем по строчкам, с грехом пополам переводил хриплым голосом неподатливый текст. Нарьян слушал его вполуха, прерывая только для того, чтобы исправить особенно неуклюжую фразу. В кухне на противоположном конце квартиры жена монотонно подпевала радио.

Женщина бойко взбежала по винтовой лестнице, оставив внизу уличный шум. Нарьян понял, кто к нему пожаловал, еще до того, как она появилась у него на балконе. Для сына магистрата это, наоборот, стало такой неожиданностью, что он выронил книгу. Нарьян отпустил его, и он с облегчением убежал, чтобы, встретившись с дружками в сияющей неоном пивной, поведать им о приключившемся с ним чуде.

— Я побывала на краю света, — уведомила гостья Нарьяна, равнодушно приняв у его жены чашку чаю и не обратив внимания на переглядывание супругов.

Нарьян поспешно отвернулся, ибо понял, что жена была права, а он проявил непозволительную наивность. Как же жестоки были Хранители! Вылепив новые создания, они внушили им бездумное послушание.

— Ты не удивлен? — спросила Ангел.

— Я говорил с Дрином. Рад твоему благополучному возвращению. Без тебя было скучно. — Он понял, что уже наговорил лишнего: зачем посвящать ее в свои сокровенные мысли?

— Дрин знает обо всех событиях в городе?

— Не обо всех, а только о тех, о которых ему нужно знать.

— Я плавала на лодке, — продолжила Ангел. — Стоило мне попросить, и лодочник посадил меня, не задавая вопросов. Теперь я думаю, что лодку лучше было бы украсть: так проще. Я устала от этой лавины благодушия.

Казалось, она читает его мысли. Впервые Нарьяну стало страшно: он ощутил дрожь, как при рокоте барабанов, аккомпанировавших бурным танцам его юности.

Женщина села на табурет, на котором прежде ерзал его ученик, и откинулась, опершись спиной об ограждение балкона. Она коротко остригла свои черные волосы и повязала лоб белой лентой с надписью на древнем нечитаемом языке. Она была в обыкновенном свободном хитоне белого цвета, зато драгоценностей на ней было не счесть: кольца на каждом пальце, причем на некоторых по нескольку, браслеты на руках, золотые и серебряные цепочки на шее и на груди. Она была привлекательна и страшна одновременно — не ведающий жалости зверь, вылезший из далекого прошлого, чтобы завладеть настоящим.

— Ты что, не хочешь слушать мой рассказ? — спросила она насмешливо. — Забыл о своем призвании?

— Я выслушаю все, что ты пожелаешь мне рассказать,— смиренно молвил Нарьян.

— Мир — прямая линия. Ты слыхал про либрацию?[1]

Нарьян покачал головой.

Рука Ангела вытянулась, ладонь разрезала воздух.

— Это — мир. Жизнь сосредоточена на обратной стороне длинной пластины, вращающейся вокруг солнца. Пластина качается на длинной оси, поэтому солнце появляется из-за края и движется назад. Я достигла края мира, места, где река низвергается в пустоту. Наверное, вода собирается

[1] *Либрация* — колебания небесного тела, обусловленные неравномерностью его движения по орбите.

и используется снова, но выглядит это так, словно она исчезает без следа.

— Река беспрерывно возобновляется, — сказал Нарьян. — Водопад — это место, куда прибывали и откуда отбывали корабли. Просто город уже много лет не служит портом.

— Мне это только на руку, иначе мои спутники уже добрались бы сюда. За рекой тоже есть узкая полоска суши, но там нет никакой жизни, даже насекомых. Ни почвы, ни камней. Воздух дрожит от шума водопада, клубящийся туман горит на солнце. Там, в грохоте и водяной пыли, стоят святилища. Из одного ко мне обратился Голос...

Нарьян знал про эти святилища, хотя не посещал их много лет. Он помнил, что разные расы Заново Рожденных возводили на краю света молельни, перетаскивая через реку камень за камнем и поднимая на башнях флаги. Давным-давно основатели города Сенш, предки Дрина, переплывали реку и молились аватарам, воплощениям Хранителей, считая воды широкой реки очистительной купелью. Потом их не стало, и новые горожане, отстроившие новый каменный город на пепелище старого, стали попросту окунаться в бассейны с горячей, насыщенной солями водой под стенами святилищ, прежде чем обратиться к Хранителям с очередной просьбой. Нарьян боялся, что горделивые флаги на башнях давно превратились в рваные тряпки, выцветшие на безжалостном солнце и съеденные влагой. Вряд ли молельни по-прежнему прикрыты защитными экранами...

Увидев, как усмехается Ангел, Нарьян вздрогнул, опасаясь удара, но услышал всего лишь:

— Вам хочется узнать, что сказал Голос? Это часть моего рассказа.

— А вам хочется этим поделиться?

Она провела рукой по волосам. Нарьян услышал сухой шорох.

— Кажется, нет. Еще нет.

Позже, после длительного молчания, уже перед уходом она все-таки заговорила:

— После того как корабль разбудил нас и доставил сюда, он показал, что представляет собой черная дыра, которую вы называете Оком Хранителей. Мы увидели это

в ускоренной записи, потому что корабль перемещался с такой стремительностью, что время вокруг него растягивалось. Сначала в самом центре Большого Магелланова Облака появилось яркое светлое пятно. Оно походило на сверхновую, но было в тысячи раз крупнее любой известной сверхновой. Свет долго затмевал все вокруг; потом, когда он померк, оставшиеся звезды стали вращаться вокруг места вспышки. Ближайшие к центру звезды удлинялись и рассыпались, их место занимали другие, возникала толкучка, и наконец не осталось ничего, кроме мерцающих облаков аккреционного диска[1].

— Все это записано в пуране.

— А записано ли там, *почему* Слияние было размещено вокруг кольцевой звезды между родной Галактикой и Оком Хранителей?

— Конечно. Это было сделано для того, чтобы все мы могли прославлять Хранителей. Их Око наблюдает за нами, — сказал Нарьян.

— Я так им и сказала.

После ее ухода Нарьян нацепил очки и прошел через весь город, к причалам. Бодрствующие горожане прогуливались по нагретым за день темным улицам, сидели на корточках в дверях домов, переговаривались из окон с соседями с противоположной стороны улицы. В отличие от них, ленивых и благодушных, молодые последователи Ангела двигались стремительно и целеустремленно — то парами, то группами по два десятка человек и даже больше. Их лозунги уже красовались почти на каждой стене. У причалов они остановили Нарьяна, взяли его в кольцо, пустились вокруг него в пляс, а потом, когда он замахнулся на них посохом, с хохотом бросились врассыпную.

— Хулиганы! Дурачье!

— Счастливо оставаться! — крикнули они.

Нарьян не смог разыскать того, кто одолжил Ангелу лодку, но история ее плавания успела распространиться среди рыбаков. Они твердили, что Хранители говорили с ней, но она отвергла их посулы. Многие уже деловито тор-

---

[1] *Аккреционный диск* — диск, образуемый газом, перетекающим на компактные звезды (белые карлики, нейтронные звезды, черные дыры) от звезд-компаньонов в двойных системах.

говались с горожанами, желающими переправиться через реку и лично увидеть место, где произошло чудо.

Старик с глазами, замутненными катарактой, — рыбаки часто переправлялись через реку, подвергаясь сильному облучению, — спросил Нарьяна, наступает ли конец времен, не ждать ли возвращения Хранителей? Нарьян ответил отрицательно: любой, имевший дело с материальными воплощениями божеств, знает, что это — единственные их фрагменты, сохранившиеся во Вселенной. Тогда старик пожал плечами и молвил:

— Говорят, она — Хранительница.

Нарьян глядел на черную неспокойную реку, шарил взглядом там, где терялся в ночи горизонт, щурился при виде снующих неподалеку огоньков — рыбацких яликов. Он знал, что конец пути Ангела уже недалек. Горожане нашли ему применение. Неуклонно, шаг за шагом она врастала в их историю.

В следующий раз Нарьян увидел Ангела только в ту ночь, когда в город прибыл корабль. Дрин собирался вступить с ней в переговоры, но застрял далеко от ее дома, который стал центром огромной толпы. Стоя на крыше, женщина обращалась к горожанам с проповедью.

Дрин рассказал Нарьяну, что сущность ее философии — надежда, порождаемая отчаянием.

— Она твердит, что всякая жизнь проистекает из разрушения и смерти. Ты уверен, что не хочешь сам послушать ее речи?

— Это необязательно.

Дрин сидел на ограждении, глядя на реку. Разговор происходил в его летающей резиденции, в увитой ветвями беседке.

— Теперь через реку ежедневно переправляется больше тысячи человек.

— Экран снова говорит?

— Я постоянно слежу за этим. Пока что молчок.

— Он говорил с ней.

— Возможно, возможно... — Дрин внезапно занервничал, заходил взад-вперед по узким перилам, задевая низкие ветви деревьев и распугивая белых голубок, прикорнувших среди глянцевой листвы. Птицы от неожиданности били крыльями и с криком взмывали в пустое небо. — Механиз-

мы, наблюдавшие за ней, больше не работают: она сумела вывести их из строя. Я получаю изображения, снимаемые издалека, но от них мало толку. Трудно сказать, действительно ли она посетила святилище.

— Я ей верю, — проговорил Нарьян.

— Я обращался к аватарам, — признался Дрин. — Но они, конечно, не сообщают, состоялся ли разговор.

Это признание насторожило Нарьяна: Дрин не отличался религиозностью.

— Что теперь?

— Ничего. Я мог бы послать за ней магистратов, но ее последователи усмотрели бы в этом арест, даже если бы она пошла добровольно. Не помню, когда я в последний раз кого-то арестовывал... Это только прибавит ей могущества, а мне все равно придется ее отпустить. Ты, наверное, скажешь, что я должен подчиниться судьбе...

— Подобное уже случалось. Даже здесь, с твоими соплеменниками. Ведь это они построили святилища...

— Построили, но потом разочаровались и разрушили город. Нет, люди к этому не готовы.

Нарьян уловил в голосе Дрина мольбу и почувствовал, как он любит свой город, свой народ.

Дрин отвернулся, словно устыдившись, и снова прирос взглядом к реке, к бесчисленным парусам, устремляющимся к противоположному берегу и возвращающимся назад. Великое паломничество стало главным в жизни города. Почти все рынки обезлюдели: торговцы переместились к причалам, где скапливались тысячи паломников.

— Они твердят, что аватара пыталась предстать перед ней в облике живого божества, но она все равно не соблазнилась.

— Как глупо! Хранителей давно нет в живых. Они известны нам только по образу, навеки запечатленному на горизонте событий, тогда как сами исчезли в незапамятные времена...

— Это еще не все, — не унимался Дрин. — Говорят, она принудила аватару признать гибель Хранителей. Теперь она сама считается аватарой чего-то еще более могущественного, чем Хранители, хотя из ее проповеди это не следует. Она уверяет, что Вселенная — это то, что вокруг нас, а судьба каждого зависит от его воли. Я прихожу в отчая-

ние от того, с какой легкостью люди поверили подобным бредням!

Нарьяну стало зябко в тени.

— Она намекала мне, что узнала все это очень далеко, за пределами родной Галактики.

— Скоро корабль будет здесь,— заключил Дрин.— Может быть, ее спутники сумеют с ней справиться.

В гибельную для города ночь Нарьян оказывается не по своей воле перед дворцом из розового песчаника. Над башнями дворца парит резиденция Дрина — черное облако, загораживающее красное недреманное Око Хранителей. Из высоких окон дворца уже валит белый дым, подбирающийся к недосягаемой пока что резиденции, в недрах здания бушует пламя. Но вот среди башен дворца — Нарьян и не знал, что дворец ощетинился таким количеством башен! — в небо взмывает какой-то предмет, врезающийся в резиденцию и откалывающий от нее большой фрагмент.

Толпа приветствует попадание, хватает Нарьяна за руки, тащит вверх по широким ступеням, в высокие ворота, во внутренний двор. Двор завален мебелью и коврами, выброшенными из несчетных окон, но Нарьяна ведут по расчищенной тропинке, ставят на узкую винтовую лесенку. Он долго карабкается вверх, ощущая толчки в спину, и наконец вываливается на крышу дворца.

Не меньше пяти сотен последователей Ангела усеивают шпили, сломанные верхушки деревьев, вывороченные куски дымоходов и карнизов. На многих нет никакой одежды, но головы у всех повязаны лентами с надписью на лбу. Повсюду дымятся и плюются искрами факелы. В самом центре толпы виден главный дворцовый трон: сидя на нем, Дрин открывал шествия и маскарады, приветствовал жрецов, торговцев, лицедеев. Сейчас трон озарен пылающими механизмами. На нем изящно восседает пленительная и устрашающая женщина, имя которой — Ангел.

Нарьяна проводят сквозь расступающуюся толпу и ставят перед троном. Женщина манит его к себе, ее уста растянуты в торжествующей и одновременно испуганной улыбке. Нарьян чувствует, как его страх смешивается с ее страхом.

— Как мне поступить с твоим городом теперь, когда я отняла его у тебя? — спрашивает она.

— Ты не закончила свой рассказ. — Все, что он собирался ей сказать, вылетело у него из головы, стоило им встретиться глазами. Он разоружен ее грубой, плохо сдерживаемой энергией, чувствует себя слабым, никчемным стариком, его тело отягощено годами, потерями, жиром. — Я бы хотел выслушать его до конца, — говорит он тихо и осторожно.

Он сомневается, что ей самой известен конец истории. Возможно, ее необузданная радость вызвана не торжеством, а ощущением неминуемой гибели. Может быть, она всерьез верит в пустоту и торопится в нее провалиться...

— Ты услышишь его от моих людей. Дрин прячется наверху, но ему осталось недолго.

Она указывает пальцем вверх. Нарьян видит летающую платформу, которая содрогается, как живая, в попытках сориентироваться в гравитационном поле и превратиться в ракету, способную достичь резиденции. Края резиденции обколоты, словно ее трепали зубами, к ней на глазах тянутся быстрорастущие деревья, беспрерывно поливаемые восставшими.

— Я придумала, как преодолеть антигравитационную защиту платформ, — хвастается Ангел. — Они реагируют на поле, генерирующее гравитацию для этого искусственного мира. Запас инерции поля сообщает им высокую кинетическую энергию, поэтому они становятся высокоэффективными ракетами. Мы разнесем эту летающую крепость на куски или доберемся до нее по быстрорастущим деревьям и возьмем остатки штурмом. Впрочем, я ожидаю, что крепость скоро сдастся сама.

— Дрин не правит этим городом, — напоминает Нарьян и мысленно добавляет: «И ты тоже». Говорить это вслух он считает небезопасным.

— Да, он перестал быть правителем, — соглашается женщина.

Нарьян осмеливается подойти ближе, чтобы спросить:

— Что ты там узнала, что тебя так возмутило?

Ангел снисходительно усмехается:

— Вы либо забыли, либо никогда не знали, что ярость — это и двигатель эволюции, и ее конечная цель. — Она берет у восторженного последователя кубок с вином, выпивает его до дна и отбрасывает в сторону. Она излучает энергию,

которая уже не принадлежит ей. — Мы очень долго пребывали в пути. Но мы не были мертвы, даже не спали. Мы были всего лишь потенциалом. Корабль мчался так быстро, что наматывал на себя время, но и в его замедленном исчислении полет занял не одно тысячелетие. В конце этого нескончаемого пути мы не проснулись, а родились. Вернее, родились другие, похожие на нас, хотя у меня остались воспоминания, словно я пережила все это сама. Тогда они и поняли, что Вселенная создана не для удобства людей. Они оказались в уничтоженной, мертвой Галактике.

Она стискивает Нарьяну руку, говорит тихо и убедительно, заглядывая ему в глаза.

— Миллиард лет назад Галактика, соседствовавшая с нашей, столкнулась с другой, гораздо меньшего размера. В результате столкновения звезды, принадлежавшие обеим Галактикам, разлетелись в разные стороны, потом образовали большое кольцо. Остальные собрались воедино, но все это было уже космическим мусором, не считая прежних плотных образований, пережившних катастрофу благодаря своей мощной гравитации. Мы так и не нашли обитаемых миров. Во мне сидит память о планете, разорванной пополам колоссальной приливной силой, с такой эксцентрической орбитой, что в самой дальней точке ее сковывал холод, как на Плутоне, а в самой ближней — обдавало жаром, как на Меркурии. И о другом мире, состоящем из метана, холодном и темном, как сама Вселенная, и скитающемся среди звезд... По космосу носятся миллионы подобных миров. Я помню небесное тело, разбитое на миллионы осколков, которые разбросаны по орбите без малейшей надежды на воссоединение. И таких миров тоже миллионы. Помню и вывернутые наизнанку газовые гиганты — космические смерчи, и планеты, опаленные взрывами своих звезд, обугленные, как головешки. Жизни нет нигде.

Знаете ли вы, сколько Галактик прошло через такие столкновения? Едва ли не все. С точки зрения статистики, жизнь — извращение. Похоже, только у звезд нашей Галактики остались планеты, иначе в других уголках бескрайней Вселенной обязательно появились бы иные цивилизации. Почти не подлежит сомнению, что мы совершенно одиноки и вольны сделать с собой все, что нам заблагорассудится. Нам незачем прятаться, как это сделали ваши Хранители.

Наоборот, надо развернуться и наподдать Вселенной с помощью тех средств, которые позволили Хранителям просто скрыться из виду.

Она сильно сжимает руку Нарьяна, причиняя ему боль, но он терпит.

— Ты не сможешь стать Хранительницей, — говорит он с грустью. — Это никому не под силу. И напрасно ты обманываешь этих невинных людей.

— Мне никого не надо обманывать! Они вняли моему рассказу и превратили его в собственный. Теперь они знают, что могут унаследовать, если им хватит духу. Это будет крестовый поход! — И она спрашивает гораздо тише: — Ведь вы все это запомните?

И тут Нарьяну становится ясно, что она знает, чем все закончится. У него сжимается сердце. Ему бы взмолиться не взваливать на него такой груз, но мольба не может сорваться с его уст. Он прикован к этой женщине, он ее свидетель.

Толпа восхищенным криком провожает платформу, устремляющуюся к летающей резиденции. Платформа откалывает от нее еще один фрагмент. На крышу дворца валятся деревья, сыплются земля и камни. На краю резиденции появляются фигурки, и вниз, на крышу дворца, падает в свете факелов маленькая трубка. Кто-то из толпы подбирает ее, подбегает к Ангелу, кидается ей в ноги. Он принадлежит к низшей категории Заново Рожденных: на его коже отчетливо видны чешуйки с темной каймой, похожие на чешуйки сосновой шишки, жесткие черные волосы падают на глаза, горящие как угли.

Ангел хватает трубку, встряхивает ее. Трубка разворачивается и превращается в гибкий лист, на котором появляется лицо Дрина. Губы Дрина приходят в движение, раздается тихий металлический голос. Ангел внимательно слушает, потом кивает и произносит одно слово:

— Да.

Потом она встает и поднимает руки над головой. Затаившая дыхание толпа на крыше не сводит с нее горящих глаз.

— Они согласны сдаться. Не мешайте им спуститься.

Мгновение — и от резиденции отделяется платформа, сверкающая в свете уссивающих крышу факелов. Последо-

ватели Ангела кричат и прыгают от радости, из темноты вылетают снаряды — горящий факел, камень, ветка. Но ни один не долетает до платформы: их пожирает белый огонь. Команда корабля сумела защититься, изменив поле платформы.

Все они похожи на Ангела: такие же блестящие волосы, та же долговязость, те же резкие движения. Рядом с ними Дрин кажется карликом. Нарьян не сразу начинает отличать мужчин от женщин; провести более тонкие различия тем более невозможно. На всех длинные белые рубахи, но руки и ноги не прикрыты. Все подпоясаны ремнями, унизанными какими-то приборами. Они взывают к Ангелу, скандируя пронзительные слова:

— Возвращайся к нам...

— ...здесь нам не место...

— ...это не наш народ...

— ...мы вернемся...

— ...мы найдем свой дом...

— ...мы зовем тебя с собой!

Дрин видит Нарьяна и кричит ему:

— Они хотят ее забрать!

Он совершает отважный поступок, какого Нарьян от него не ожидал: спрыгивает с платформы и прорывается сквозь толпу.

— Весь экипаж, все они — один и тот же человек или вариации одного человека, — говорит он, задыхаясь. — Корабль синтезирует себе команду, пользуясь единым шаблоном. Ангел — отклонение, сбой программы, ошибка!

Женщина встречает слова Дрина смехом.

— Ты смешон, карлик! Это я настоящая, а они — копии.

— Вернись к нам...

— ...вернись и помоги...

— ...помоги найти дом!

Ангел кричит им в ответ:

— Нет никакого дома, искать нечего! Вот глупцы! Перед вами все, что есть в целом свете.

— Я пытался им это объяснить, — говорит Дрин Нарьяну, — но они не пожелали слушать.

— Они не могут подвергать сомнению пурану, — говорит Нарьян.

— Лучше отдайте мне корабль! — кричит Ангел.

— Он никогда не был твоим...

— ...ты не могла им владеть...

— ...а могла лишь служить!

— Нет! Я отказываюсь служить! — Ангел запрыгивает с ногами на трон и делает рубящее движение рукой.

Сотни тонких серебристых нитей вылетают из темноты и устремляются к платформе и ее экипажу. Достигнув края модифицированного поля, они чуть отклоняются, но потом выправляют траекторию и низвергаются на экипаж, лишившийся щита.

Толпа снова начинает обстреливать платформу подручными средствами, но женщина дает сигнал прекратить.

— У меня единственная действующая платформа, — объясняет она. — Я ее усовершенствовала и заберу с собой. Сопровождайте меня, — предлагает она Нарьяну. — Увидите, чем завершится мой рассказ.

Толпа вокруг Ангела поражена. Нарьян оборачивается и видит шествующего к ней члена экипажа. Он так же высок и строен, как она, его маленькое лицо с высокими скулами так похоже на лицо Ангела, что Нарьян жмурится, не веря своим глазам. Камень, брошенный кем-то из толпы, ударяет мужчину в плечо. Он вздрагивает, но продолжает путь, не замечая, судя по всему, что толпа сомкнулась у него за спиной, взяв его, Ангела и Нарьяна в кольцо.

— Я тебя не боюсь, — произносит женщина.

— Конечно, сестра, — говорит он и берет ее за запястья.

Нарьян падает на колени. Вокруг него завывает свирепый ветер, раздаются испуганные крики. Глаза делаются незрячими после ослепительной вспышки. Он не видит, кто помогает ему подняться, миновать потрясенную толпу и добраться до платформы.

Когда платформа начинает подъем, Нарьян снова падает на колени.

— Все кончено, — шепчет Дрин ему на ухо.

— Нет, — отвечает Нарьян, отчаянно моргая и не утирая бегущих по щекам слез.

Человек взял Ангела за запястья...

Дрин что-то втолковывает Нарьяну, но тот упрямо трясет головой. Нет, это не конец.

...и они взмыли в ночь так стремительно, что их одежды охватило пламя, и вокруг стало нечем дышать. Раз с гра-

витационным полем могла справиться пришелица по имени Ангел, значит, это было под силу и ее спутникам. Так она достигла состояния божества.

Платформа движется вдоль корабля, потом проваливается в огромный люк. У Нарьяна восстанавливается зрение. Он стоит на коленях перед открытым люком. Внизу раскинулся город. От Великой реки разбегаются объятые пламенем улицы, теплый ночной воздух отдает гарью.

Дрин восхищенно переводит взгляд с одного иллюминатора колоссального корабля на другой. Заметив, что Нарьян продолжаст лить слезы, он пытается его утешить, но делает это слишком неуклюже. Он считает, что Нарьян оплакивает свою жену, оставшуюся в умирающем городе.

— Она была славной женщиной, — произносит Нарьян, сумев снова обрести дар речи, хотя горюет он не по ней или не по ней одной. Он оплакивает всех жителей Сеница. Их несет неумолимым вихрем перемен, и им уже не стать прежними. Его жена, торговец орехами, владельцы маленьких чайных на всех углах, дети, попрошайки и остальные — все они изменятся, и некоторые погибнут в процессе перемен. Там, внизу, рождается нечто совершенно новое, на руинах города созидается будущее.

— Они заберут нас отсюда! — говорит Дрин восторженно. — Они будут искать место, откуда началось их путешествие. Сейчас одни прочесывают город в поисках новых помощников, другие готовят корабль к отлету. Они заберут нас за край света, в великую даль!

— Неужто им невдомек, что искомого им не найти? Пурана...

— Старые байки, дружище, старые страхи. Они заберут нас домой.

Нарьян с трудом выпрямляется. Он понимает, что Дрин попал к экипажу в рабство. Он принадлежит им, подобно тому, как он, Нарьян, навечно принадлежит Ангелу.

— Те времена прошли, — говорит он. — Внизу, в городе, зарождается новизна, чудесное, неведомое... — Ему самому странно, что он не может выразиться яснее. Вера подсказывает ему одно: остановки не будет. Это не конец, а начало, это искра, свет от которой прольется на все Слияние, на безгрешных и изменившихся. — Это не конец, — бормочет он слабым голосом.

Большие глаза Дрина отражают пожары, пожирающие город.

— Я вижу одно — еще одну Войну за Перемены. В этом нет ничего нового. Люди возведут новый город, который будет отвечать их новому облику, — если не здесь, то где-нибудь еще по течению Великой реки. Так уже бывало раньше, на этом самом месте, с этим самым народом — моим народом. Мы пережили все, и они переживут. А мы покинем этот злосчастный край и устремимся туда, где все началось, на родину Хранителей. Ты только взгляни!

Нарьян позволяет Дрину увлечь его на другую сторону зала, настолько огромного, что в нем легко поместилась бы летающая резиденция. Из иллюминатора на противоположной стороне открывается вид за плоскость орбиты Слияния. Само Слияние выглядит как сияющая лента, как стрела, устремившаяся в пустоту. Позади точки, где исчезает стрела, лежат упорядоченные, замороженные спирали родной Галактики, сияющие скопления и узоры звезд, созданные в последние дни величия Хранителей, предшествовавшие их исчезновению в черной дыре после столкновения с Магеллановым Облаком...

Нарьян глубоко дышит, пополняя содержание кислорода в крови.

— Видишь?! — восклицает Дрин трепетно, озаряемый серебряным сиянием, исходящим от Слияния.

— Да, вижу, — отвечает ему Нарьян. — Это конец истории. Напрасно ты пренебрегал пураной, Дрин. Созданное Хранителями не содержит будущего. Это лишь мертвое прошлое. Мне туда не надо.

Он разворачивается и бросается сквозь фальшивый свет из иллюминаторов к открытому люку. Дрин ловит его за руку, но Нарьян отталкивает его.

От неожиданности Дрин опрокидывается на спину, потом вскакивает и пытается преградить Нарьяну путь.

— Старый дурень! — кричит он. — Они могут ее вернуть!

— Не надо. — С этими словами Нарьян отталкивает Дрина и выпрыгивает из люка.

Он разрезает черный воздух, как тяжелая комета. Вода взрывается, вбирая его в себя, рвет ему одежду. Его ноздри втягиваются, глазные яблоки плотно задраиваются веками-

мембранами. Он уходит все дальше в глубину, окруженный кипением пузырьков, пока рев в ушах не прекращает быть биением его собственной крови и не становится просто гулом реки, падающей с края мира.

Илистые водовороты несут его к краю. Он поворачивается и пытается отплыть от края, от корабля, от горящего города. Он уже исполнил свой долг, самостоятельно определив свою судьбу, а жители города перестали нуждаться в архивариусе.

Нарьяну становится все легче плыть. Быстрая холодная вода кладет конец его сухопутным привычкам, пробуждает могучие мышцы спины и плеч. Послание Ангела, ярко горящее в мозгу, превращает в угли старые истории. Он скользит и скользит в черной воде, борясь с течением Великой реки. С каждым гребком нарастает радость в его душе. Он посланник, свидетель деяний Ангела. Он опередит армии крестового похода, который начнется, как только изменятся все обитатели Сенша. Путешествие будет долгим и трудным, но он не сомневается, что в конце пути судьба приготовила ему и всему Слиянию будущее. Будущее, заповеданное Ангелом.

СТИВЕН БАКСТЕР

Большая игра

Стивен Бакстер (р. 1957) — заметная фигура в современной НФ. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.cix.co.uk/~sbradshaw/baxterium/baxterium.html. Романы писателя завоевывали премии Филипа К.Дика, Джона У.Кэмпбелла, Британской ассоциации НФ и другие. В 1995–1996 годах книги Бакстера начали публиковаться за пределами Великобритании и автор получил международную известность. В США были переизданы ранние работы, а роман «Корабли времени» («The Time Ships», 1995) в 1996 году стал одним из главных претендентов на премию «Хьюго». С середины 1990-х Бакстер писал примерно по десять рассказов в год. В числе сравнительно недавних работ роман «Ликующий» («Exultant», 2004), научно-популярная книга по истории «Века в хаосе» («Ages in Chaos», 2004) и роман «Солнечная буря» («Sunstorm», 2005), написанный в соавторстве с Артуром Кларком.

В «Энциклопедии научной фантастики» так говорится о раннем творчестве Бакстера: «Его первой НФ-публикацией стал рассказ „Цветок Ксили“ („The Xeelee Flower“), появившийся в журнале „Interzone“ в 1987 году. Это произведение, как и многие другие, в том числе романы „Плот“ („Raft“, 1989), „По ту сторону времени“ („Timelike Infinity“, 1992), „Поток“ („Flux“, 1993) и „Кора“ („Rind“, 1994), входят в цикл о Ксили, амбициозную попытку написать историю будущего. В цикле, наиболее подробно во втором и четвертом томах, повествуется о путешествиях людей в межзвездном пространстве и столкновениях с различными инопланетными расами; долгая эпопея заканчивается (что типично для британской фантастики) мрачно, множество веков спустя. Твердая НФ служит для Бакстера основой, и его история будущего насыщена мирами, являющимися результатом мысленных экспериментов, однако масштабный эпос длиной в тысячелетия наполнен подлинным научно-фантастическим чувством удивительного».

Бакстера часто называют автором новой космической оперы, но это утверждение спорно, поскольку сам он считает себя приверженцем твердой НФ. Он заявляет: «Я вырос, считая, что космическая опера — это крупномасштабная НФ, насыщенная в большей степени действием, приключениями и любовными историями, нежели идеями. Поэтому

работы Э.Э. „Дока" Смита — это космическая опера, а „Академия" („Foundation") Азимова — нет. Ничего не имею против романтики, но идеи всегда привлекали меня больше. В конце 80-х, когда я начал публиковаться, термин „космическая опера" уже казался унизительным ярлыком, которому обычно предшествовали слова „всего лишь": „Мне понравился ваш рассказ, но это, разумеется, всего лишь космическая опера". Но я всегда считал, что пишу твердую НФ, возможно, и крупномасштабную, но основанную на идеях, а не на романтике, а значит, это не космическая опера.

Попробую изложить это иначе. В цикле о Ксили действие происходит в галактике. Ранние работы, написанные, я бы сказал, в духе Стэплдона, повествуют главным образом о судьбе Вселенной и человечества, хотя там и есть несколько космических сражений. Но мои более поздние произведения об этом мире описывают подъем человеческой цивилизации и космическую войну, за этим последовавшую. Рассказ вроде „На линии Ориона", несомненно, основан на идеях и, несомненно, является твердой НФ, а военная культура изображена там в духе Оруэлла, остро и язвительно. Но в то же время в произведении присутствует и романтика — сюжетная линия молодого солдата на фоне межзвездной битвы, так что если это и не космическая опера, то по крайней мере оглядка на традиции космической оперы.

Похоже, в конце девяностых термин „космическая опера" был реанимирован и снова стал уважаемым, теперь у нас есть „радикальная космическая опера" и так далее. Возможно, этот термин настолько устарел, что его следует употреблять только в историческом контексте?»

Современные критики часто используют термин «космическая опера» для обозначения крупномасштабных произведений в жанре твердой НФ. Отсюда и возникло ошибочное словосочетание «твердая научно-фантастическая космоопера», вошедшее в обиход в конце 1990-х и начале 2000-х. Комментарии Бакстера иллюстрируют пересечение твердой НФ и космической оперы, но, как отмечает автор, такой гибрид не очень распространен, даже в его творчестве.

«Большая игра» — антивоенный рассказ, действие которого разворачивается во вселенной Ксили, а сам цикл о Ксили из-за его масштабности и описываемой в нем великой войны нередко именуют космической оперой. Название рассказа, разумеется, намекает на политическое маневрирование европейских империй на Ближнем Востоке в XIX столетии. Это актуальное произведение, которое является частью политической полемики между британскими («левыми») и амери-

канскими («правыми») авторами твердой НФ. В данной антологии оно приводится как образец гибрида твердой НФ и космической оперы.

Мы ждали десантирования в смотровом отсеке. Полсотни моих морпехов в ярко-оранжевых скафандрах Юкавы сидели неровными рядами. Они пытались держаться, но я видел страх в том, как они цеплялись за вытяжные фалы и почти не дразнили новичков.

Что ж, взглянув на небеса сквозь прозрачные стены, я сам его ощутил.

Нас забросило далеко от главного диска, и редкие оранжево-красные звезды галактического гало сами превратились в фон для галактики — скопления сгустков света, растянувшегося в обе стороны, насколько видел глаз. Но когда сплайн-звездолет начал совершать хитроумные и сложные маневры, это большое полотнище света накренилось и покачнулось наподобие сломанного крыла птицы. Теперь я видел звезду, к планете которой мы летели, — то был карлик, тускло-красная светящаяся булавочная головка, — но даже она металась по небу, когда сплайн взбрыкивал и изгибался.

И еще, заставляя меня позабыть о головокружении, мой страх усиливали корабли, мотыльками порхавшие вокруг этой карликовой звезды. Прекрасные стремительные корабли с крыльями в форме семян платана — их ни с чем не спутаешь. То были ночные истребители Ксили.

Ксили были заботой капитана, а не моей. Но я не мог заставить свой перевозбужденный мозг не размышлять о том, что приманило их в таких количествах сюда, так далеко от галактического ядра, где они обычно пасутся.

Напряжение было таким, что я испытал едва ли не облегчение, когда Лиан вырвало.

Скафандры Юкавы тяжелые и жесткие и созданы больше для защиты, чем с расчетом на гибкость, но она все же смогла наклониться вперед достаточно, чтобы ярко-желтая струя попала в основном на пол. Ее приятели отреагировали соответствующим образом, но я протянул ей обтирку.

— Извините, лейтенант.

В моем отряде она была самой молодой, и в свои семнадцать на десять лет младше меня.

Я вымученно улыбнулся:

— Видал и похуже, рядовой. Во всяком случае, благодаря тебе новичкам на корабле будет чем заняться, когда мы десантируемся.

— Да, сэр...

Вот чего командиру точно не хочется в такие моменты, так это визита начальства. Разумеется, именно этим нас и порадовали.

Адмирал Кард прошелся по десантному куполу, что-то негромко говоря трюмному старшине и кивая на морпехов. Рядом с Кардом шла комиссар — их можно распознать с первого взгляда: высокая женщина неопределенного возраста с наголо обритой головой, в классическом костюме Комиссии по исторической правде, подолом подметает палубу. Выглядела она столь же холодно и скучно, как и все комиссары, которых мне доводилось видеть.

Я встал, вытирая со своего скафандра желтые пятна. Я увидел, как напряглись морпехи, но я не мог остановить адмирала — мы находились на его флагманском корабле.

Они подошли ко мне как раз в тот момент, когда мы наконец-то увидели планету, на которую летели.

Мы знали только ее номер. Зловещее солнце было слишком тусклым, чтобы хорошо ее освещать, и, несмотря на низкоорбитальные спутники-зеркала, бо́льшая часть суши и морей оставалась черным бархатом. Но на этом черном фоне текли длинные оранжевые реки. Планета страдала.

Некоторое время адмирал наблюдал за мной.

— Лейтенант Нир. Правильно?

— Сэр.

— Добро пожаловать на Тень, — невозмутимо произнес он. — Местный расклад вы знаете. Экспансия достигла этого региона пятьсот лет назад. С тех пор мы почти не поддерживали контактов с поселенцами. Но когда наши люди с планеты позвали на помощь, Космофлот откликнулся. — У него были холодные искусственные глаза, и я ощутил, что он меня испытывает.

— Мы готовы к десантированию, сэр.

Комиссар разглядывала вздыбленный ландшафт внизу, сцепив руки за спиной.

— Замечательно. Планета похожа на демонстратор по геологии. Взгляните на линии вулканов и ущелий. Тут

сдвинулись все тектонические разломы, причем одновременно.

Адмирал Кард взглянул на меня:

— Вы уж извините комиссара Ксеру. Она представляет Вселенную в виде учебника.

В награду он получил злой взгляд.

Я продолжал молчать, ощущая неловкость. Всем известно о натянутых отношениях между Космофлотом, вооруженной рукой Третьей Экспансии человечества, и Комиссией — средством реализации его политической воли. Возможно, как раз соперничество между структурами и стало причиной этой импровизированной театральной сцены, поскольку комиссар стремилась к влиянию на события, а адмирал пытался сравнять счет демонстрацией своих бойцов.

Но только сейчас это были мои бойцы, а не его.

Надо отдать Ксере должное — она, кажется, отчасти уловила мое негодование:

— Не волнуйтесь, лейтенант. Просто у наших с Кардом отношений долгая история. Целых два столетия — после нашей первой встречи на планете Дом, в тысячах световых лет отсюда.

Я заметил, что при этих словах Лиан подняла на комиссара взгляд. Согласно уставу, никому так долго жить не положено. Наверное, в семнадцать лет еще думаешь, что все живут по правилам.

Кард кивнул:

— И ты всегда находила способ втянуть в наши личные конфликты подчиненных, Ксера. Что ж, возможно, мы сегодня творим историю. Нир, взгляните на солнце системы — это замерзшая звезда.

Я нахмурился:

— Что такое замерзшая звезда?

Комиссар собралась было ответить, но Кард ее опередил:

— Обойдемся без науки. Эскадрильи Ксили кишат здесь, как крысы. Мы не знаем, почему Ксили здесь. Но нам известно, что они делают с этой планетой людей.

— Это не доказано! — огрызнулась Ксера.

Несмотря на ее уточнение, мои бойцы зашевелились. Никому из нас еще не доводилось слышать о прямом нападении Ксили на планеты, где жили люди.

— Адмирал, сэр... — храбро произнесла Лиан.

— Да, рядовой?

— Означает ли это, что мы с ними в состоянии войны?

Адмирал втянул через нос насыщенный озоном воздух.

— После сегодняшних событий, возможно, будем. И что ты на это скажешь, рядовой?

Лиан и остальные уставились на меня.

А я заглянул в свое сердце.

За семь тысяч лет люди рассеялись по галактике, добравшись даже до гало над главным диском, подавив и ассимилировав другие формы жизни по мере того, как мы их обнаруживали. После поражения Серебряных Призраков пять тысяч лет назад мы не встретили других противников, способных оказывать систематическое сопротивление, — кроме Ксили, второй мощной галактической расы, которые во множестве обитали в ядре, молча и не обращая на нас внимания. На протяжении всей моей жизни и столетия до меня все человечество было объединено общей целью: столкнуться с Ксили лицом к лицу и заявить о нашем законном господстве.

И теперь, наверное, я увижу, как все это начнется.

Я ощутил трепет. Возможно, и страх. Но подобный момент требовал иного:

— Я скажу, что чувствую, сэр. Облегчение. Подать их сюда!

После этих слов меня наградили вполне предсказуемым улюлюканьем, а Кард хлопнул по спине. Ксера холодно уставилась на меня с непроницаемым лицом.

Но тут вокруг купола заполыхала плазма, тряска усилилась. Я сел, чтобы не упасть, а старшина торопливо увел начальство.

— В атмосфере будет сильно трясти, — крикнул старшина. — Держите пакеты наготове, блевать только туда. Десять минут.

Мы скользили над высотными полупрозрачными ледяными облаками. Планета представлялась ландшафтом из пылающих гор и рек расплавленного камня, проносящимся у меня под ногами.

И все это в зловещей тишине, нарушаемой только частым дыханием морпехов.

Корабль дернулся вверх и вправо. Слева от нас теперь была гора — мы уже спустились настолько низко, что ее

вершина оказалась выше нас. Судя по картам столетней давности, местные назвали ее гора Безупречность. И верно, подумалось мне, когда-то она имела классическую коническую форму и была украшением ландшафта. Но теперь ее профиль испортили выступы и впадины, все вокруг засыпало пеплом, а окружающую местность наподобие растопыренных пальцев прорезали глубокие каналы, наполненные жидкой грязью.

Где-то там внизу, среди перепуганных местных, находился ученый по фамилии Тайло, доставленный сюда Космофлотом несколько стандартных дней назад, чтобы вместе с другими учеными собирать данные о причинах вулканизма. Грубо говоря, задачей Тайло было доказать, что во всех этих катаклизмах виноваты Ксили. Ученый непонятно как оказался отрезан от своего спутникового канала связи, а мне предстояло отыскать его и эвакуировать с планеты. Неудивительно, что Ксера повела себя настолько враждебно, подумал я, ведь комиссары печально знамениты своей подозрительностью в отношении альянса между Космофлотом и Академиями...

Зеленые огоньки обозначили люк в невидимой степе. Старшина прошелся вдоль линии.

— Встали! Встали!

Морпехи неуклюже повиновались.

— Тридцать секунд, — сказал мне старшина, приземистый и покрытый шрамами ветеран, и прицепил к поручню тянущийся от его пояса страховочный трос толщиной с мою руку. — Ветер вроде бы хороший.

— Спасибо.

— Вы, парни, будьте там поосторожнее. Освободить корму. Десять секунд. Пять. — Зеленые огоньки замигали. Мы опустили на лица гибкие щитки шлемов. — Три, две...

Створки люка распахнулись, и внезапный рев ветра превратил все в реальность.

Старшина стоял возле люка, выкрикивая:

— *Пошел, пошел, пошел!*

Когда бойцы пробегали мимо меня, я в последний раз проверял вытяжной фал у каждого, дергая за него, прежде чем они выпрыгивали в темноту. Девчонка Лиан прыгала предпоследней, а я стал замыкающим.

И вот я уже лечу над новой планетой.

Вытяжной фал натянулся и выдернулся, включив компенсатор гравитации Юкавы, встроенный в мой скафандр. Этот первый рывок может оказаться болезненным, но для меня, после полусотни прыжков, он стал облегчением.

Я посмотрел вверх и вправо и увидел ровную цепочку морпехов, падающих с распростертыми руками и ногами. Один летел ко мне ближе, чем остальные, — наверное, Лиан. За ними я разглядел очертания нашего корабля, корпус у него обгорел после скоростного входа в атмосферу. Даже на таком расстоянии корабль выглядел огромным, а покрытый оспинами корпус показался мне зависшим над головой отражением ландшафта. То было величественное зрелище, впечатляющая демонстрация человеческой мощи и возможностей.

Но еще дальше я увидел вздыбленную громаду вулкана, на фоне которого даже звездолет выглядел карликом. Над его обрубленной вершиной висело плотное облако дыма и пепла, озаренное снизу ярко-красным свечением.

Я посмотрел вниз, на долину, куда опускался.

На картах Комиссии был изображен стандартный город, окруженный широкими и сияющими полями репликаторов, где почвенная органика перерабатывалась сразу в пищу. Но нынешний вид был совсем другим. Я видел характерные очертания города, напоминающие скопление пузырей, но выглядел он слишком темным и полузаброшенным, и теперь вокруг него разрослись пригороды из угловатых зданий.

Здесь, на краю всего, небольшое отличие от традиционности вполне предсказуемо.

Тем не менее объектом эвакуации был как раз этот город. Я разглядел приземистый конический корпус большегрузного челнока, сброшенного сюда во время недавнего прохода корабля через атмосферу и готового поднять на орбиту все его население. Мои морпехи направлялись к городу, как им и было приказано.

Но теперь я увидел, что у меня проблема. Я заметил еще одно скопление зданий и огней, намного меньшее по площади и прилепившееся на середине склона горы. Еще одно поселение.

Я не сентиментален. Ты делаешь то, что в твоих силах и что возможно сделать. Я не стал бы эвакуировать эту

изолированную горстку людей, если бы мне оттуда не светил бледно-розовый огонек.

Это был маячок Тайло. А Кард ясно дал мне понять, что если я не вернусь с ученым или хотя бы с его информацией, то в следующий раз буду прыгать без скафандра Юкавы.

Я замедлил падение и рявкнул команды. Миссия была простой, и я не сомневался, что мои люди организуют эвакуацию главного поселения и без меня. Затем я развернулся и продолжил спуск в направлении поселочка.

И только после этого заметил, что один из моих бойцов последовал за мной: девчонка Лиан.

Но думать об этом сейчас было некогда. Скафандр Юкавы годится для одного прыжка, в одном направлении. Вернуться и передумать нельзя. Я в любом случае находился уже близко и разглядел несколько ветхих зданий и поднятые лица, светящиеся, как монетки.

Потом едва различимая земля рванулась мне навстречу. Ноги вместе, колени полусогнуты, спина прямая, катиться после приземления... и выщибающий дыхание удар о твердый камень.

Лежа на холодном грунте и убеждаясь, что я цел и невредим, я сделал три глубоких вдоха и выдоха.

Затем я встал и поднял щиток шлема. Воздух вполне годился для дыхания, но был густо насыщен запахами горения и серы. Но земля под ногами дрожала, снова и снова. Меня это не очень тревожило, пока я не напомнил себе, что планетам положено быть устойчивыми.

Лиан стояла неподалеку, ее скафандр тускло светился.

— Хорошая посадка, сэр.

Я кивнул, довольный тем, что она в порядке, но все же раздраженный — если бы она выполнила приказ, то ее бы здесь просто не было. Я отвернулся от нее, продемонстрировав недовольство, которое пока сойдет за наказание.

Небо было глубоким. За облаками вулканического пепла плыли спутники-зеркала. Еще дальше я разглядел красную точку настоящего солнца, а совсем далеко — похожий на виноградную гроздь диск галактики.

Позади меня подножие горы Безупречность огибала долина, за которой простиралась пересеченная местность.

Ландшафт был темно-зеленым, его очертания сглаживали лес и прозрачные ручьи, которые впадали в реку, струящуюся посередине долины. Ее пересекал изящный мост, ведущий к старому городу. Выше по течению я увидел лесопилку, где среди огромных штабелей спиленных деревьев стояли мощные машины, выкрашенные в желтый цвет. Просто идиллия, если вам такое по душе. Мне — нет.

На этой стороне долины поселок был всего лишь горсткой хижин — некоторые из них оказались деревянными, — теснящихся на нижних склонах горы. Здания побольше были, наверное, школой и медицинским центром. Я увидел парочку старых наземных транспортных средств. Вдали я заметил прямоугольники полей — явно вспаханных, потому что репликаторной техники на них не было, и сейчас почти сплошь засыпанных пеплом.

Вокруг меня столпились люди, такие же серые от пепла, как и земля у них под ногами. Мужчины, женщины, дети, младенцы на руках, старики. Всего человек тридцать.

— Сэр, я не понимаю, — сказала Лиан.

— Это семьи, — негромко пояснил я. — Потом поймешь.

— Темная материя, — произнес новый хрипловатый голос у меня за спиной — говорящий явно наглотался дыма.

Я удивленно обернулся.

Ко мне, хромая, направлялся мужчина примерно моего роста и возраста, но гораздо более худой, в потрепанном флотском комбинезоне. Он опирался на самодельный костыль, выставив сломанную, похоже, ногу. Его лицо и волосы были серыми от пепла.

— Вы академик, — сказал я.

— Да, я Тайло.

— Мы прибыли, чтобы вас забрать.

— Конечно. — Он хрипло рассмеялся. — Послушайте меня. Темная материя. Вот почему Ксили здесь. К нам это может вообще не иметь отношения. События будут разворачиваться быстро. Если я отсюда не выберусь... что бы ни случилось, просто запомните вот что...

Тут ко мне торопливо направилась женщина из местных, в простой одежде из ткани и в кожаных сандалиях. На вид лет сорока, крепкая, усталая. На ее плече висела коробка переводчика очень старой модели.

— Меня зовут Доэль, — сказала она. — Мы увидели, как вы приземлились...

— Вы здесь главная?

— Я... — Она улыбнулась. — Да, если хотите. Вы нам поможете отсюда выбраться?

Ее внешность, речь и поступки были совершенно не такими, как у любого из граждан Экспансии, с которыми я общался. Жизнь здесь действительно совсем иная.

— Вы находитесь не там, где следовало, — сказал я и мысленно поморщился от собственной чопорности. Я указал на город по другую сторону долины. — Вот где вам полагалось находиться.

— Мне очень жаль, — смутилась она. — Мы живем здесь еще со времен моего деда. Там, в Блесседе, нам не нравится. Мы пришли сюда, чтобы жить иначе. Без репликаторов. Зерно мы выращиваем сами. Одежду делаем из...

— Матери, отцы и деды, — усмехнулся Тайло. — Что вы об этом думаете, лейтенант?

— Академик, а вы почему здесь?

Он пожал плечами:

— Приехал изучать эту гору, как экземпляр планетной геологии. Воспользовался гостеприимством этих людей. Вот и все. Мне они понравились, несмотря на их... чужую культуру.

— Но вы бросили свое оборудование! — рявкнул я. — У вас нет имплантатов спутниковой связи. Вы даже не взяли с собой мнемоническую жидкость, так ведь?

— Зато я прихватил маячок, — самодовольно заявил он.

— Реки Аида! У меня нет времени на разборки. — Я повернулся к Доэль. — Послушайте, если вы перейдете через долину, то возле города стоит транспорт, и вас эвакуируют вместе с остальными.

— Но вряд ли у нас хватит времени...

Я не стал ее слушать и отвернулся.

— Академик, вы можете идти?

— Нет, — рассмеялся Тайло. — А вы не слышите гору.

И тут гора Безупречность взорвалась.

Позднее Тайло сказал, что если бы я знал, где и как смотреть, то смог бы увидеть, как вспучилась северная часть горы. Этот бугор рос с заметной скоростью, по метру в день.

Что ж, я его не заметил. А из-за какого-то акустического трюка даже не услышал взрыва, хотя его отголоски уловили другие команды Космофлота, работавшие в сотнях километров от нас.

Зато последствия оказались вполне ясны. Вместе с Лиан и Доэль, а также прихромавшим следом академиком Тайло я подбежал к краю обрыва — посмотреть, что происходит в долине.

Из-за землетрясения набухший склон горы откололся и рухнул. Прямо на наших глазах миллионы тонн камня чудовищным оползнем соскользнули в долину. Огромная серая туча дыма и пепла устремилась в хмурое небо.

Но это было лишь начало, потому что сброшенный вес оказался подобен пробке, до поры до времени сдерживавшей давление в бутылке с газировкой. Гора извергла — но не вверх, а вбок, подобно выстрелу из гигантской пушки, — залп перегретого газа и каменной пыли. Они быстро обогнали оползень, и я увидел, как эта струя валит деревья — импортированные с далекой Земли, величественные двухвековые часовые ломались, как соломинки.

Масштаб катастрофы меня буквально потряс.

Следом из зияющей раны на склоне горы потекла каменная кровь — желтовато-серая, вязкая, испускающая пар. Она потекла по склону, заполняя промытые дождевыми потоками долины.

— Это лахар,— пробормотал Тайло.— Грязь. Я здесь немало узнал об экзотической геологии, лейтенант... Жар плавит вечную мерзлоту, — вы знали, что эти горы две недели назад были покрыты снегом? — образуя густую смесь из вулканического мусора и талой воды.

— Значит, это просто грязь, — неуверенно произнесла Лиан.

— Но вы же не дождевой червяк, солдат?

— Посмотрите на лесопилку, — негромко сказала Доэль, вытянув руку.

Грязь уже залила тяжелое оборудование, большие желтые тракторы и огромные канаты и цепи, используемые для перемещения бревен, сминая их, как бумагу. Штабеля спиленных бревен разметало, и поток легко увлекал за собой неохватные бревна. Грязь, серая и желтая, исходила паром, странно напоминая свернувшееся молоко.

И тут я впервые начал считаться с вероятностью того, что мы можем и не выбраться отсюда. А в этом случае моей главной задачей становилось сохранение информации, имеющейся у Тайло.

— Расскажите мне о темной материи, — велел я. — Быстро.

Тайло указал пальцем на небо:

— Эта звезда — солнце системы, карлик — не должна существовать.

— Что?

— Она слишком мала. Ее масса всего лишь около пяти процентов от массы земного Солнца. Ей следовало оставаться планетой — коричневым карликом наподобие большого и жирного Юпитера. Ей не стоило гореть — пока. Вы ведь знаете, что звезды образуются из межзвездной среды — газа и пыли, и первоначально это были лишь водород и гелий, образовавшиеся после Большого взрыва. Но в недрах звезд выпекаются тяжелые элементы, в том числе и металлы, которые извергаются обратно в космос, когда звезда умирает. Поэтому с течением времени межзвездная среда все больше загрязняется.

— А суть? — нетерпеливо рявкнул я.

— Суть в том, что увеличение концентрации примесей в межзвездной среде уменьшает критическую массу, при которой звезда оказывается достаточно большой, чтобы сжигать водород. Начинают вспыхивать все более мелкие звезды. Лейтенант, эта звезда не должна была светиться. Во всяком случае, не в нашу эру, а лишь через миллиарды лет — для нее межзвездная среда все еще слишком чистая... Знаете, она настолько мала, что температура ее поверхности не тысячи градусов, как у земного Солнца, а близка к точке замерзания воды. Это звезда с ледовыми облаками в атмосфере. Возможно, на ее поверхности даже есть жидкая вода.

Я взглянул вверх, сожалея, что не могу получше рассмотреть замерзшую звезду. Несмотря на тревожность момента, я вздрогнул, столкнувшись лицом к лицу со странностью, с видением, от которого меня отделяют миллиарды лет.

— И что это означает? — назидательно продолжил Тайло. — Это означает, что здесь, в галактическом гало, нечто,

некая сила, делает межзвездную среду грязнее, чем ей следует быть. Единственный способ осуществить это — заставить звезды стареть.— Он помахал рукой в сторону неба.— И если взглянуть, то это можно увидеть во всей данной части гало — диаграммы «размер—светимость» для местных звезд невозможно асимметричны...

Я покачал головой — это было выше моего понимания. Что может заставить звезду стареть слишком быстро?.. Ага!

— Темная материя?

— Материя, из которой состоим мы, — барионная материя, то есть протоны, нейтроны и все остальное,— составляет всего лишь десять процентов от всей материи во Вселенной. Остальное и есть темная материя. Она подчиняется только гравитации и слабым ядерным силам и невосприимчива к электромагнетизму. Темная материя, как и барионная, возникла после Большого взрыва. По мере того как наша галактика сгущалась, темная материя была выдавлена из диска... Но здесь владения темной материи, лейтенант. Здесь, в гало.

— И это вещество может влиять на старение звезд.

— Да. Концентрация темной материи в ядре звезды может изменить температуру и тем самым повлиять на интенсивность термоядерных реакций.

— Вы сказали, что старение звезд вызывает некая сила.— Я уже подумал над этим.— По вашим словам, это делается намеренно.

Теперь он заговорил осторожно, как ученый, не желающий себя скомпрометировать:

— Распределение звездных аномалий выглядит как неслучайное.

Я *попытался выделить смысл в этом научном жаргоне*:

— Что-то использует темную материю?.. Или внутри этой темной материи имеются некие формы жизни? И какое это имеет отношение к Ксили и к проблемам здесь, на Тени?

Он скривился:

— Я еще не выявил все связи. У этой проблемы большая история. И мне нужна моя инфопанель,— печально добавил он.

Я потер подбородок, размышляя над более масштабной картиной.

— Академик, вы здесь по заданию адмирала. Как вы полагаете, вы отыскали то, что он хочет узнать?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Адмирал принадлежит к... группировке в Космофлоте, которой не терпится отправиться на войну, даже спровоцировать конфликт. Кое-кто называет их экстремистами. Действия Карда следует рассматривать в этом свете.

До меня действительно доходили подобные слухи, но сейчас я умолчал о них.

— Он мой командир. Остальное значения не имеет.

Тайло вздохнул:

— Мой тоже, в каком-то смысле. Но...

— Реки Аида! — неожиданно перебила его Лиан. — Извините, сэр, но эта грязь движется быстро.

И я увидел, что это так.

Форму потока задавала морфология долины, но высота его фронта составляла десятки метров, и он вскоре достигнет поселка. И я видел, что струя, бьющая из склона горы, не ослабевает. Грязь, очевидно, оказалась чрезвычайно коррозийной — зеленое грунтовое покрывало было содрано до голого скального основания, да и стены самой долины грязь пожирала буквально на глазах. Я видел, как почва и камни падают в поток. Заглушая треск древесных стволов и скрежет камней, грязевая река издавала шум, напоминающий топот огромной бегущей толпы, и кислую сернистую вонь.

— Просто невероятно, насколько быстро эта дрянь поднимается, — сказал я Тайло. — Чтобы вот так заполнить всю долину, нужен объем примерно...

— Мы с вами привыкли к звездолетам, лейтенант. К размерам того, что создано людьми. Планеты же большие. И когда они оборачиваются против нас...

— Мы все еще можем вытащить вас отсюда. В этих скафандрах мы можем перенести вас через мост и доставить к транспорту...

— А жителей поселка?

Я все время помнил, что Доэль стоит рядом. И от ее молчания мне, разумеется, было хуже, чем если бы она кричала и умоляла.

— У нас противоречивые задачи, — пробормотал я.

Послышался крик. Мы взглянули вниз и увидели, что грязь уже добралась до некоторых зданий. На крыше низ-

кой хижины стояла молодая пара с ребенком. Еще немного, и грязь отрежет их от нас.

— Сэр? — спросила Лиан.

Я выждал еще секунду, и грязь начала подмывать крыльцо хижины.

— Реки Аида!

И я побежал вниз по склону, пока не врезался в грязь.

Даже со встроенными в скафандр усилителями брести сквозь эту грязь — теплую и консистенции цементного раствора — было тяжело. Вонь стояла такая, что я опустил щиток шлема. На поверхности грязевого потока плавали дохлые рыбины — наверное, они выпрыгивали из реки, спасаясь от жара. И еще в нем было много мусора — от камешков до небольших валунов. Неудивительно, что поток оказался настолько абразивным.

Добравшись до хижины, я уже сильно устал.

Женщина оказалась крупнее и, очевидно, сильнее мужчины. Пока я перебрасывал мужчину через плечо, она посадила малыша на плечи. Затем мы побрели обратно к поселку — я впереди, а женщина следом, держась за мой пояс.

Все это время грязь неумолимо поднималась, заполняя долину так, словно путь ей преграждала дамба, и каждый шаг высасывал из меня энергию.

Лиан и Доэль помогли нам выбраться. Я рухнул на землю, тяжело дыша. Ноги молодой женщины сильно пострадали от камней в потоке, она потеряла сандалию, а обе штанины просто оторвало.

— Нас уже отрезало от моста, — негромко сказала Лиан.

Я заставил себя подняться. Затем выбрал здание — не самое большое и самое высокое, но хороший компромисс между тем и другим.

— Все туда. Надо поднять их на крышу. Я вызову еще один эвакуатор.

— Сэр, а если грязь и дальше будет подниматься?

— Тогда придумаем что-нибудь еще, — огрызнулся я. — Займись делом.

Она явно пала духом, но побежала на помощь Доэль — мастерить импровизированную лестницу из дощатого забора.

Первым делом я обеспечил безопасность Тайло, подняв его на крышу. Потом начал направлять туда местных. Но мы не могли добраться до всех, потому что уровень грязи неумолимо повышался, и мы уже брели, погружаясь в нее до лодыжек. Люди начали забираться на любое подвернувшееся возвышенное место — веранды, кучи ящиков, машины, даже валуны. И вскоре человек десять уже оказались рассеяны по местности, ставшей серой и скользкой, и отрезаны от нас.

Я еще раз полез в грязь, направляясь к двум молодым женщинам, сидящим на корточках на крыше небольшого здания наподобие склада. Но не успел я добраться до них, как подмытое здание внезапно рухнуло, вышвырнув женщин в поток. Одна из них всплыла, и ее прибило к нескольким деревьям, за которые она и ухватилась, очевидно не пострадав. Но вторая погрузилась с головой и пропала из виду.

Я добрался до женщины возле деревьев и вытащил ее. Вторую унес поток.

Решив сделать передышку, я забрался на крышу. Грязь вокруг нас поднималась серой вонючей рекой, усеянной кусками дерева и камнями.

Я никогда не встречал ту женщину. Но у меня, когда мы, обнявшись, поднимались на грубо сколоченную деревянную крышу, невольно появилось чувство, будто я стал частью этой маленькой общины. Не говоря уже о том, что теперь я не смогу выполнить отданные мне приказы полностью.

Чувство утраты было подспудным. Я приготовился снова броситься в поток. Тайло схватил меня за руку:

— Нет. Вы уже вымотались. Кстати, вы не забыли, что собирались вызвать подмогу?

— Сэр, позвольте мне пойти, — робко заговорила Лиан. — Я хоть что-нибудь да сделаю.

Что ж, для нее настало время искупления.

— Только не убей себя, — посоветовал я.

Улыбнувшись, она полезла вниз.

Я быстро включил свой коммуникатор и вышел на связь с кораблем. Потребовал выслать еще один эвакуатор — мне сказали, что это невозможно, — и попросил соединить меня с Кардом.

Тайло запросил виртуальную инфопанель и прилип к ней, едва она появилась, с таким облегчением, словно никакой грязи вокруг нет.

Когда наверху уяснили ситуацию, в которую я завел всех нас, адмирал Кард и комиссар Ксера решили послать вниз свои аватары. Вскоре две виртуальные фигуры зависли над нашей крышей — чистенькие, без капельки грязи, и сияющие как боги среди глиняных людей.

— Что за бардак, лейтенант! — рявкнул Кард.

— Да, сэр.

— Вы должны были переправить Тайло через мост, пока имелась такая возможность. Наши действия сильно ограничены маневрами Ксили. Вы хоть понимаете, что мы, возможно, не сумеем вытащить вас отсюда живым?

Меня поразила ирония ситуации — в самый разгар военного кризиса галактического масштаба я могу утонуть в грязи. Но я уже сделал выбор.

— Понимаю.

— Но ведь он выполнил свою главную задачу, — возразила Ксера, чье худое лицо окаймляли крупные пиксели, — и доставил нам информацию от Тайло.

Кард закрыл глаза, и его изображение дернулось — я представил, как информация и выводы Тайло льются сейчас в процессоры, которые поддерживают этот виртуальный образ, тесно связанный с органами чувств Карда.

— Паршивая расстановка приоритетов, — буркнул Кард. — Слишком много чепухи об этой темной материи, академик.

— Вы прибыли сюда по заданию ваших флотских хозяев и с конкретной целью, — негромко сказала Ксера. — Но трудно закрывать глаза на вопиющую правду, не так ли, академик?

Тайло вздохнул. Лицо его было измазано грязью.

— Мы должны это обсудить! — рявкнул Кард. — Мы все, и прямо сейчас. Нам надо принять решение, послать по инстанциям рекомендации и оценить то, что Тайло может нам сказать. На тот случай, если мы не сумеем его эвакуировать.

Я сразу понял, что он имеет в виду, и ощутил сильную нервную дрожь. Местные зашевелились, очевидно поняв, что сейчас произойдет нечто важное — даже во время их

собственных несчастий и даже когда мы застряли на этой деревянной крыше.

Так это все и началось.

Сперва Тайло был не очень полезен.

— Вовсе не очевидно, что это акция Ксили, сознательно нацеленная против людей. — Несмотря на злобный взгляд Карда, ученый своего мнения не изменил. — Сожалею, адмирал, но это не очевидно. Взгляните на контекст.— Он вывел исторические материалы — изображения и тексты, которые начали прокручиваться в дымном воздухе. — Это далеко не новая история. Есть свидетельства того, что наши ученые знали о загрязнении звезд темной материей еще до начала Третьей Экспансии. Была даже, кажется, идея послать в недра Солнца киборга... Дерзкий проект. Но подробности были утрачены во время Истребления Квакса, а потом... потом мы начали покорять галактику. Позднее стал известен и проект Серебряных Призраков, но...

— Да какое дело Ксили до темной материи? — фыркнул Кард.

Тайло потер усталые глаза грязными кулаками.

— Какими бы экзотическими Ксили ни были, они существа барионные, как и мы. И не в их интересах, чтобы звезды умирали молодыми. Не больше, чем в наших. — Он пожал плечами. — Возможно, они пытаются это остановить. Возможно, именно для этого они и прилетели сюда, в гало. И это никак не связано с нами...

Кард махнул виртуальной рукой, указывая на сочащиеся раны в склоне горы Безупречность.

— Тогда почему это началось, как только они появились? Совпадение?

— Адмирал...

— Мы не на судебном процессе, Тайло, — перебил его Кард. — Нам не нужны абсолютные доказательства. Нам вполне хватит и визуального ряда — люди-беженцы и проносящиеся над головами ночные истребители Ксили.

— Да, — холодно произнесла Ксера. — Это все, что нам нужно, чтобы продать войну Коалиции, руководящим советам и жителям Экспансии. Для вас все складывается просто замечательно, адмирал, не так ли? Именно этого Флот так

давно ждал, вместе с вашими приятелями из Академии. Повода для атаки.

Лицо Карда окаменело.

— У вас, избалованных интеллектуалов, иногда проявляется просто невыносимое холодное высокомерие. Да, Космофлот готов сражаться, комиссар. Это наш долг. И у нас уже разработаны планы.

— Но разве наличие планов требует их воплощения? И давайте вспомним, какую огромную выгоду получит Флот. Он станет главным ведомством, и война, несомненно, поддержит его долгосрочные политические цели.

— Мы все от этого что-нибудь выиграем, — вспыхнул Кард.

И они заговорили о том, какие позиции займут различные ведомства Коалиции в случае войны.

Пилоты и связисты станут естественными союзниками Флота и выиграют из-за увеличения военных расходов. Научные подразделения, наподобие больших библиотек на Земле, будут переструктурированы — кое-кто считал, что существует опасность того, что из-за своей монополии на информацию они становятся слишком могущественными. Даже Стражи — внутренние полицейские силы Экспансии — получат новую роль: медленно нарастающая волна мелких преступлений и незаконных экономических операций наверняка схлынет, и Стражи смогут вернуться к полицейской поддержке Комиссии, помогая ей воплощать Доктрину Друза и, разумеется, обеспечивать призыв в армию.

Я услышал немало, и у меня возникло ощущение, что большие ведомства представляют собой теневые независимые империи, вступающие в тайные и переменчивые союзы — вроде нынешнего между Флотом и Академиями, созданного в противовес интеллектуальной мощи Комиссии. И теперь каждое ведомство будет рассматривать вероятность войны с точки зрения возможности заработать политический капитал.

Слушать это было до тошноты противно. И многого о том, как управляется Коалиция, я знать не хотел. И до сих пор не хочу.

— И есть еще экономический аргумент, — разглагольствовал Кард. — Он заключается в том, что Третья Экспансия сама по себе война, бесконечная война против *любого*, кто

стоит у нас на пути. У нас экономика военного времени. Поэтому давайте будем говорить откровенно: мы не можем сосуществовать с Ксили, поскольку они всегда будут олицетворять потолок для наших амбиций, и под этим потолком мы окончательно зачахнем. А нам необходим постоянный рост, и поэтому конфронтация с Ксили абсолютно неизбежна. — Он подался вперед. — И есть еще кое-что. Ксера, подумайте, как много выиграет от войны сама Комиссия.

Вы, комиссары, ответственны за сохранение единства человечества — общие принципы, общая цель и вера, которые до сих пор были движущей силой Экспансии. Но разве не очевидно, что вы проигрываете? Взгляните на это поселение. — Он взмахнул виртуальной рукой, и та прошла сквозь волосы Доэль. Женщина вздрогнула, и рука распалась на дрейфующие пиксели. — Эта женщина — мать и, очевидно, нечто вроде матриарха в своей большой семье. Как будто Гама Друз никогда не существовал.

Если Доктрина Друза рухнет, у Комиссии не останется цели. Подумайте о благе, которое вы несете, ведь вы знаете лучше, чем масса людей, как им следует думать, чувствовать, жить и умирать. У вас гуманитарный проект! И он обязан продолжаться. Нам нужно очищение. Идеологическая промывка. И ее даст нам яркое пламя войны.

Я видел, что его аргументы, нацеленные на тщеславие и корысть комиссара, оказывают нужное действие.

Тайло все еще пытался говорить. Он продемонстрировал мне новые доказательства, выведенные на инфопанель:

— Кажется, теперь я знаю, почему здесь начался такой вулканизм. В ядре этой планеты необычно высока концентрация темной материи. При такой высокой плотности темная материя аннигилирует обычную материю и порождает тепло...

Я слушал его рассеянно.

— ...которое вызывает геологические потрясения.

Он закрыл глаза, подумал.

— Сценарий такой. Ксили выгнали из замерзшей звезды существ, состоящих из темной материи. Убегая, они поселились здесь — именно это и вызвало вулканизм. Все это произошло непреднамеренно. Ксили пытаются спасти звезды, а не навредить людям...

Но на его слова уже никто не обращал внимания. Потому что, как я понял, мы уже достигли состояния, когда доказательства не имеют значения.

Кард обратился к жителям поселка — измазанным грязью, измученным и теснящимся на крыше:

— А что скажете вы? Ведь это вы — граждане Экспансии. Некоторые реформаторы говорят, что с нас уже достаточно экспансии и конфликтов, что нам следует стремиться к стабильности и миру. Что ж, вы слышали всё, что мы были обязаны сказать, и видели в небе наши могучие корабли. Согласны ли вы и дальше влачить жалкое существование на этом дрейфующем куске скалы, беспомощные перед рекой грязи, или же переступите границы и отдадите свои жизни за грандиозное дело? Война обновляет все. Война — это неистовая поэзия. Пойдете ли вы со мной?

Эти голозадые, ковыряющиеся в грязи и гордящиеся своей ортодоксальностью фермеры на секунду задумались. Вряд ли можно найти менее подходящих кандидатов в солдаты Экспансии.

Но — вы не поверите — они стали аплодировать адмиралу. Все до единого, и дети тоже. Реки Аида! Я прослезился.

В тот момент даже Ксера выглядела холодно-возбужденной.

Адмирал закрыл глаза.

— Всего горстка людей на этой одинокой и далекой планете. И все же здесь родилась новая эпоха. Знайте же, что сейчас нас слушают — слушают в залах истории. И нас будут помнить всегда.

На лице Тайло отразилась сложная комбинация эмоций. Он хлопнул в ладоши, и инфопанель растворилась в облачке пикселей, оставив его работу незавершенной.

Мы же, существа телесные, вынуждены были торчать на той крыше до утра. Нам оставалось лишь жаться друг к другу, пока вокруг медленно поднимался грязный прилив и дети плакали от голода.

К тому времени, когда небо просветлело, долина преобразилась. Оросительные каналы забило толстым слоем лахара, и бывшая сельскохозяйственная равнина задохнулась

под мертвой серой грязью, из которой кое-где торчали деревья и здания.

Но и лахар теперь надвигался очень медленно. Лиан осторожно подобралась к краю крыши и потыкала грязь ботинком:

— Она очень густая.

— Наверное, обезводилась, — сказал Тайло.

Лиан не могла стоять на грязи, но не провалилась, когда улеглась на нее. Отталкиваясь руками и ногами, она заскользила по серой поверхности. Лицо у Лиан перепачкалось, но она по-детски засмеялась:

— Сэр, посмотрите на меня! Гораздо легче, чем плыть...

Так оно и оказалось, когда я попробовал сам.

И таким способом мы переправили жителей поселка через затопленную долину, одного за другим, к большому городу — хотя к тому времени и от него мало что осталось, — где нас уже ждал для эвакуации большой транспорт. В итоге мы потеряли только одного человека из поселка — ту самую женщину, унесенную потоком. Я пытался убедить себя в том, что сделал все возможное, чтобы выполнить противоречивые задачи своей миссии, а это, в конце концов, стало для меня самым важным итогом.

Когда мы взлетели, гора Безупречность разразилась еще одним извержением.

Тайло, закутанный в медицинский плащ, стоял рядом со мной в наблюдательном куполе, взирая на бессмысленную ярость планеты.

— Знаете, — сказал он, — лахар нельзя остановить. Он просто течет туда, куда хочет. Совсем как эта война.

— Наверное.

— Мы понимаем так мало. Мы видим так мало. Но если нас свести вместе, мы объединяемся в огромные исторические силы, которые никто не в состоянии отразить. Так же как нельзя перекрыть дорогу или отклонить в сторону могучий лахар...

И так далее, и так далее. Я извинился и вышел, оставив его в куполе.

Спустившись в лазарет, я стал наблюдать за тем, как Лиан ухаживает за детьми из поселка. Она была терпелива, компетентна, спокойна. Я освободил ее от прямых обязанностей, потому что она здесь была одним из немногих лиц,

знакомых детям, которым все эти события нанесли душевную травму. Я ощутил гордость за свою подчиненную. Она сильно выросла за время нашего пребывания на Тени.

Наблюдая за ее простыми действиями, я представил миллиарды таких поступков, связывающих прошлое и будущее, историю и судьбу, огромный гобелен, сотканный из тяжелого труда и доброй воли, который объединяет человечество в могучее воинство, которое когда-нибудь станет править галактикой.

Если честно, меня утомили Тайло и его нытье. Война! Она величественна. Она неизбежна.

Я не понял, что произошло на Тени, и мне было все равно. Неужели важно, как начнется война, правдой или ложью? Вскоре мы забудем о темной материи и таинственных масштабных проектах Ксили, как мы уже делали прежде. Мы, люди, не мыслим такими категориями. Важно лишь то, что война наконец-то началась.

А самое странное, что с Ксили как таковыми она никак не связана. Для наших целей столь же успешно подошел *бы любой враг.*

Я задумался над тем, что война будет значить для меня. И ощутил, как сердце забилось чаще, барабанной дробью.

Мы пролетели сквозь поднимающееся облако пепла, и по корпусу застучали камешки, пугая детей.

МАЙКЛ МУРКОК

Волшебница Безмолвной Цитадели

Майкл Муркок (р. 1939) — один из гигантов научной фантастики, выдающийся современный писатель и редактор, который в 1960-е годы выпускал журнал «New Worlds» и был пророком британской Новой волны. Как сказано на его сайте (www.multiverse.org), с 1980-х годов Муркок «писал преимущественно мейнстримовые романы, такие как „Лондон, любовь моя“ („Mother London“), номинированный на Букеровскую и Уитбредовскую премии, но периодически возвращался и к персонажам своих ранних произведений, например к Элрику в романах „Дочь похитительницы снов“ („The Dreamthief's Daughter“, 2001) и „Древо скрелингов“ („The Skrayling Tree“, 2003). Выпустив заключительную книгу этой трилогии, „Сын Белого Волка“ („The White Wolf's Son“, 2005), он объявил, что решил отойти от написания героического фэнтези». Муркок продолжает считаться одним из крупнейших ныне здравствующих авторов НФ и фэнтези, хотя он более известен своими авангардистскими произведениями и тем, что поддерживает писателей, расширяющих границы фантастики. Его любовь к некоторым жанровым произведениям и авторам (например, Ли Брэкетт, Чарлзу Харнессу и Альфреду Бестеру) оказалась долгой и прочной.

В 1977 году Муркок завоевал премию газеты «Guardian» за тетралогию о Джерри Корнелиусе. Роман «Глориана» («Gloriana») принес ему премию Джона У. Кэмпбелла в 1978 году и Всемирную премию фэнтези в 1979 году. В 2002 году писатель был включен в «Зал славы научной фантастики». Он также получил две награды за достижения в области жанра: Всемирную премию фэнтези в 2000 году и премию «Utopiales» в Нанте, Франция, в 2004 году.

В некоторых кругах термины «научное фэнтези» и «космическая опера» начали сливаться уже давно и окончательно стали неотделимы в 1970-х, однако «научное фэнтези» как самостоятельное понятие продолжало встречаться в обиходе вплоть до начала 1980-х. Фэнтезийные приключения, научное фэнтези и НФ-романы Майкла Муркока из его цикла о Вечном воителе (Eternal Champion) сохраняют отличия от классической космической оперы в традициях Гамильтона и Смита, но многие из этих произведений современные читатели и критики все же считают космической оперой.

«Волшебница Безмолвной Цитадели» — это потворство ностальгии, хулиганская романтическая история планетарного масштаба, которая возвращает волнующую атмосферу Марса тем любителям фантастических приключений, которые не прочь лишний раз окунуться в нее, хоть и знают, что на самом деле все иначе. В первую очередь этот рассказ отдает дань уважения Ли Брэкетт, чьи произведения в жанре научного фэнтези выступили в качестве альтернативы космической опере, а также дань уважения ее традиции, которая ныне (отмечаем мы с некоторым сожалением) более процветает в массмедиа, чем в НФ-литературе. Муркоку удалось и то и другое благодаря его искреннему почтению к достижениям Брэкетт, а также явному таланту и опыту написания фэнтезийных и фантастических приключений.

Муркок сказал о Брэкетт: «Отголоски Ли [Брэкетт] можно услышать у Дилейни, Желязны и тех авторов, которые расширили границы НФ и оставили нам прекрасные образные феерии». И далее: «Как оказалось, я не обладаю в той же мере, что и она, склонностью к межпланетным романтическим историям, но ее влияние четко проявляется во всех когда-либо написанных мной фэнтезийных приключенческих произведениях, действие которых происходит на Земле или на Марсе, а также в тех, что еще не написаны!»

Они наткнулись на землянина где-то в Зыбучей Пустыне, когда ее залил резкий солнечный свет, пронзающий разреженную марсианскую атмосферу, а песок стал как битое стекло, терзающее голые ступни. На теле человека не осталось одежды, а кожа грязными лохмотьями свисала с окровавленной плоти. Он был изможден от голода, небрит и издавал лишь животные звуки. Человек бредил, лишенный самоосознания и воли. Что сотворили с ним духи древних марсиан? Неужели они преодолели время и пространство ради столь жестокой мести? Это повесть об инопланетных тайнах, о богине, которая жаждала жизни — и воспылала страстью к единственному мужчине, когда-либо посмевшему ее ослушаться. Это история капитана Джона Макшарда, наполовину марсианина, история о древней крови и еще более древних воспоминаниях, о неустанной погоне за наградой забытых столетий...

Глава первая
Шепот древней памяти

— Это капитан Джон Макшард, грабитель могил. — Шомберг уложил на стойку бара свое объемистое брюхо и протер вокруг него грязной тряпкой. — Говорят, его мать была марсианской принцессой, ставшей потом шлюхой, а отец...

Известный всему Лоу-сити скупщик краденых древностей и владелец пользующего дурной славой бара «Двадцать кабестанов» причмокнул губами, похожими на куски сырой печени.

— Что ж, кроме Меркурия, ни один из миров их не принял бы. И эту парочку, и их мерзкое яйцо. — Он бросил взгляд в сторону двери и внезапно побледнел.

На фоне безжалостного марсианского полудня он увидел силуэт человека. Тот явно размышлял, стоит ему зайти или же двинуться дальше. Приняв решение, он повернулся и прошел сквозь загораживающее вход слабое силовое поле. Потом снова остановился.

То был крупный мускулистый мужчина, облаченный в скромную коричневую одежду, покрытую пятнами цвета охры. На его бедре висело странное древнее оружие причудливой формы, целиком из пластика и металла.

Завсегдатаи этого заведения, битые жизнью космолетчики и торговцы криком, немедленно опознали и «бэннинг», и его владельца.

Говорили, что всего четыре человека в Солнечной системе когда-либо умели обращаться с этим оружием. Одним был легендарный Нордвест Смит. Вторым — Эрик Джон Старк, ныне где-то в далеком космосе. Третьим — Думарест Терранский, а четвертым — капитан Джон Макшард. Любой другой, попытавшийся выстрелить из «бэннинга», умирал весьма неприятной смертью. Иногда строптивцы просто исчезали, словно их всасывало в бездонную энергетическую батарею этого оружия. Поговаривали, что Смит за «бэннинг» отдал свою душу. Но душа Макшарда все еще находилась на месте, судя по невозмутимому взгляду его серых глаз.

По давней привычке капитан Джон Макшард постоял в дверях, пока его зрение не приспособилось к тусклому

свету кипящей нафты. В его глазах постоянно тлел дикий огонек. Капитан напоминал поджарого и мускулистого вожака волчьей стаи, которого ни один человек так и не смог приручить. Хотя на всех планетах и в таинственных сферах межпланетного пространства многие пытались уничтожить в капитане Джоне Макшарде этого дикого зверя, он оставался столь же яростным и свободным, как и в те дни, когда еще мальчишкой бился за выживание на скалистых утесах и шлаковых склонах Меркурия, которые не прощают ошибок. А несовместимая кровь двух планет одарила его телом, способным выдержать жестокий климат третьей.

У капитана Джона Макшарда имелась причина зайти в заведение Шомберга. Он вообще ничего не делал без причины. Он даже не ложился спать, не обдумав сперва своих действий. Этому он научился на Меркурии, когда остался сиротой и пытался выжить в жутких пещерах этой планеты, яростно сражаясь за существование там, где ничего не росло и где он и усыновившее его получеловеческое племя были самой лакомой добычей.

Лучше любого другого земляпина он узнал старинные обычаи — притягательные и опасные обычаи древних марсиан. Их потомки все еще обитали среди обветшалых шепчущих холмов — остатков великих горных хребтов Марса времен его могущества, когда Морские Короли правили планетой — голубой, как бирюза, красной, как рубин, и зеленой, как Изумрудный остров, породивший земных предков капитана Джона Макшарда, таких же крепких, таинственных и полных страсти к путешествиям, как этот пасынок меркурианских дебрей, в чьих жилах текла кровь Брайана Бору, Генри Тюдора и Чарлза Эдварда Стюарта. А кровь Морских Королей взывала к нему сквозь века и наполняла глубокой мудростью его марсианских предков. Эти давно умершие родственники воевали против норманнов и англосаксов, были рыцарями в армии Стюарта и маршалами в армии Наполеона. Они сражались за и против штандарта Рианнона, как в мужском, так и в женском облике, выжили после сокрушительных магических ударов и вывели голодающие армии Барракеша на решающее сражение на полюсе Марса. Их рассказы, храбрость и безумная отвага перед лицом неминуемой смерти вошли в легенду.

Разумеется, капитан Джон Макшард ничего не знал об этих предках, и в его прошлом отыскалось бы еще достаточно загадок, но они его мало интересовали. Он обладал инстинктами любого разумного дикого животного и оставлял прошлое в прошлом. Кошачье любопытство — вот что руководило им и сделало лучшим охотником-археологом пяти планет. Кое-кто, вроде Шомберга, называл его грабителем могил, но только за глаза. В обитаемой Вселенной вряд ли нашелся бы музей, где не выставлялись бы с гордостью находки капитана Джона Макшарда. Поговаривали, что некоторые расы, создавшие эти артефакты, еще не были полностью вымершими, пока их не отыскал капитан. Его боялись все враги — те, кто еще остался жив. И не было в системе женщины, знавшей капитана, которая не вспоминала бы о нем.

Назвать Макшарда одиночкой — уже своего рода тавтология. Капитан был воплощением одиночества. Он напоминал скальный выступ в сердце пустыни, упорно сопротивляющийся всему, что могли наслать на него люди и природа. Он был цельным и закаленным, словно брусок стали. Только тот, кто испытал себя против всепланетной ярости Меркурия и выжил, мог знать, что значит быть Макшардом, доверяющим только Макшарду.

Капитан был очень скуп в проявлениях любви, и в большей степени по отношению к себе, чем к подвернувшемуся в переулке бринту, раненой лучевой крысе или уличному мальчишке в лохмотьях, просившему милостыню под суровым марсианским солнцем, к оборванцу, которому он бросил старинную серебряную монету, прежде чем войти в бар и взять свой обычный напиток, уже приготовленный Шомбергом.

Голландец что-то забормотал, но капитан поднес к губам стакан с «Вихревой водой», повернулся к Шомбергу спиной и оглядел присутствующих.

Те притворились, будто не заметили, как он вошел.

Макшард извлек из кармана дешевую сигару, сунул ее между зубов и принялся задумчиво жевать. Вскоре его невозмутимый взгляд упал на толстого купца в модной куртке из поддельной кожи скоу и ярко-синих штанах, изображавшего живейший интерес к узору на стоящей перед ним граненой бутыли.

— Тебя зовут Морриконе? — Хотя голос капитана прозвучал не громче шепота, он легко перекрыл бормотание

посетителей заведения, заставив их непроизвольно вдохнуть и облизнуть пересохшие губы.

Макшард тоже шевельнул губами, приоткрыв их ровно настолько, чтобы продемонстрировать белые заостренные зубы, после чего снова плотно сжал.

Морриконе кивнул и искренне попытался улыбнуться. Потом забавно пожал плечами.

Где-то раздался негромкий звук задетой струны штранга.

— Ты хотел со мной встретиться, — сказал Макшард и дернул головой в направлении грязного столика в углу, который неожиданно оказался свободным.

Морриконе послушно побрел к столику и уселся за ним, наблюдая, как Макшард берет свою бутылку и стакан и медленно подходит к нему, позвякивая чешуйками гата на старомодных сапогах.

И вновь зазвенела струна штранга, ее низкий звук создавал странные обертоны в разреженном воздухе Марса. Послышался вскрик, похожий на человеческий, растаял и сменился тишиной, ставшей почти осязаемой.

— Так ты хотел меня видеть? — Капитан переместил нераскуренную сигару в другой угол рта. Его серые, с желтовато-зелеными крапинками глаза буравили Морриконе. Судя по расширенным зрачкам, толстый купец находился под воздействием какого-то «мозгобоя».

Нет такого наркотика, который нельзя купить у Шомберга; здесь продается все, включая самого Шомберга.

Купец захихикал, и характерный смех сразу выдал в нем краффера, любителя истолченной в белый порошок коры, которую венерианские племена, живущие в кронах высоких деревьев, используют при дрессировке своих огромных птиц. Однако у венерианцев хватает ума не глотать этот порошок самим.

Капитан отвернулся. Он не собирался зря тратить время на обдолбанного купца, пусть даже предпочитающего дорогую «дурь».

Но и Морриконе к этому моменту справился со страхом перед капитаном Макшардом. В помощи он нуждался больше, чем в наркотике. Впрочем, на капитана это почти не произвело впечатления. Он прекрасно знал, какой железной хваткой удерживает крафф своих рабов.

Поэтому он направился к двери.

У самого выхода Морриконе заступил ему дорогу и едва не упал на колени, простирая руки к Макшарду, однако не осмеливаясь прикоснуться к капитану.

Голос купца прозвучал негромко и с отчаянием, в нем ощущалась боль, которую капитан узнал:

— Пожалуйста...

Капитан шагнул в сторону, собираясь обойти купца и вернуться на залитую ярким солнцем улицу.

— Пожалуйста, капитан Макшард! Умоляю, помогите... — Плечи купца поникли, и он глухо добавил: — Они схватили мою дочь. Теннеты ее похитили.

Макшард помедлил, все еще глядя на улицу. Потом, шевельнув уголком рта, еле слышно произнес название одного из самых дешевых отелей в этом квартале. Никто в здравом уме не остановился бы в нем, если бы дорожил жизнью или своими конечностями. Даже на улицу, где располагался отель, заходили только безумцы или отчаявшиеся.

— Я буду там через час.

Капитан Джон Макшард вышел из бара. Мальчишка, которому он дал серебряную монету, все еще стоял в вихрящейся марсианской пыли, что бескопечно струящимся красным приливом текла наподобие зловещей реки вдоль побежденной временем улицы. Паренек улыбнулся ему. Старые глаза, молодая кожа. Длинная тонкая ящерка вскарабкалась к нему на плечо и обвила цепким хвостом левое ухо. Паренек нежно коснулся ее.

— Вы хороший человек, мистер капитан Джон Макшард.

Впервые за несколько месяцев капитан Джон Макшард позволил себе еле заметно и иронично улыбнуться.

Глава вторая
Похищена теннетами!

Капитан Джон Макшард свернул с главной улицы почти сразу. Ему требовался совет, и он знал, где, скорее всего, сможет его получить. Надо навестить одного старика. Фра Энерген, хотя и не принадлежал к их расе, обладал властью над последними жрецами Мемигета, чей орден обнаружил, насколько богата планета сокровищами, созданными рука-

ми людей. Жрецы также были экспертами по теннетам и древнему марсианскому пантеону.

Покончив с этим делом, капитан Джон Макшард зашагал обратно к отелю. Его путь пролегал через самые отвратительные и жалкие припортовые трущобы, которые ему доводилось видеть на всех планетах. Однако он ничем не выдал своих чувств. Капитан двигался легко и быстро, будто волк на охоте. Глаза его казались неподвижными, но замечали все.

Вокруг него в ослепительном свете плавно покачивались высокие покосившиеся жилые башни Лоу-сити. Их тронутый ржавчиной металл и терракота сливались с ландшафтом, словно были творением природы и стояли здесь всегда.

Хотя и не столь старые, как само Время, некоторые из этих зданий были древнее человеческой расы. К ним что-то пристраивали, потом ломали и снова что-то пристраивали, но когда-то эти башни были символами власти самых могущественных повелителей марсианских морей.

Теперь они стали трущобами, крысиными норами для отребья с космических трасс, для полумарсиан вроде самого капитана, для существ со странной смесью генов, которых не смог бы вообразить даже Брейгель.

В этой разреженной атмосфере запах Лоу-сити ощущался за многие мили. А за городом, в цепочке небольших кратеров, названных «полем Дианы», находилась станция «Старый Марс» — первый построенный землянами космопорт. Построенный задолго до того, как они начали открывать странные угасающие расы, ютящиеся вблизи городов подобно еле живым призракам — скорее порождение воспаленного воображения, чем природы. Древние воспоминания, ставшие осязаемыми только за счет усилия воли.

Тысячелетия назад в этих башнях умерли повелители морей, их супруги и дети. Умерли, ощутив надвигающуюся гибель расы, когда испарялась последняя вода, а красные ветры стирали с улиц орнаменты и красоту.

Когда их прекрасные корабли стали множеством бесполезных монументов, некоторые выбрали самоубийство. Другие забрали свои семьи и отправились через только что образовавшиеся пустыни на поиски мифического океана, воды которого вырвутся из планетной коры.

Капитан Джон Макшард знал, что всего на протяжении жизни одного поколения небольшой, но судоходный океан может быстро испариться, превратившись лишь в дымку под лучами восходящего солнца. А на его месте останутся медленно разваливающиеся корпуса кораблей, останки молов и причалов, бесконечные дюны в волнистой пустыне и заброшенные города, полные благородного достоинства и неописуемой красоты. И лишь обширные пыльные приливы вздымались и опадали, проносясь по дну мертвых морей планеты, исчерпавшей свои ресурсы. Даже воду на нее доставляли с Венеры, пока венерианцы не взвинтили цены настолько, что живительная влага стала по карману лишь Земле.

Но и там теперь жилось едва ли лучше — войны за воду превратили Голубую планету в поле бесконечных схваток между нациями и племенами за исчезающие ручьи, реки и озера, которыми столь расточительно распоряжались, позволяя отправлять бесценный груз в космос и превращая земной рай в дьявольскую пустыню.

А теперь и Земля не могла себе позволить венерианскую влагу. И на Венере вспыхнула кровавая гражданская война за контроль над тем, что осталось от ее торговли. Некоторое время Макшард занимался контрабандой воды, вывозя ее из Нью-Малверна. Деньги, которые богачи с готовностью отдавали за маленькую бутылочку воды, были феноменальными. Но капитан испытал отвращение к этому занятию, когда однажды прошелся по печально известному району Вестминстер в Лондоне и увидел, как по улицам ходят матери, прижимая трупики умерших от жажды детей, и молят дать денег на похороны малюток.

— Мистер капитан Джон Макшард.

Капитан знал, что мальчишка шел следом за ним до самого отеля. Не оборачиваясь, он сказал:

— Пора бы тебе представиться, сынок.

Парнишка смутился и опустил голову.

— Отец назвал меня Милтоном, — пробормотал он.

Тут капитан Джон Макшард улыбнулся. Один раз. И стер улыбку, когда увидел лицо мальчишки. Над парнишком слишком часто насмехались, и улыбка означала для него опасность, вызывая недоверие и страх.

— Выходит, твоим отцом был мистер Элиот, правильно?

Мальчишка сразу позабыл обо всех воображаемых оскорблениях:

— Вы его знали?

— А как долго его знала твоя мать?

— Ну, он летал на ионных кораблях. Был отличным гитаристом. И певцом. Песни сочинял сам. И собирался встретиться с продюсером, вернувшись с Земли с суммой, достаточной для женитьбы. Да вы и сами знаете эту историю. — Парнишка опустил глаза. — Но он так и не вернулся.

— Я не твой отец, — бросил капитан, вошел в отель и закрыл за собой дверь. Его восхищали трюки, которые нынче пускали в ход уличные мальчишки. Но его такими сказками не одурачишь. Зато он видел, как шестилетние мастера выманивали последний уранский бах у сурового китобоя с Нового Нантакета, только что закончившего речь о необходимости постройки новых исправительных тюрем.

Через несколько минут явился Морриконе. Капитан Джон Макшард понял, что это он, по короткому перепительному стуку.

— Открыто, — отозвался он.

В этом отеле не имело никакого смысла запирать дверь. Если такое случалось, это означало, что у постояльца есть нечто ценное, стоящее кражи. Возможно, всего лишь его тело.

Морриконе трясся от ужаса. Его пугал и этот район, и сам капитан. Но еще больше его страшило нечто иное. То, что теннеты могут сделать с его дочерью.

Капитан не любил теннетов, и ему не требовалось серьезного повода для того, чтобы увеличить их численность в аду.

Безвкусно разодетый старик прошаркал в комнату. Капитан закрыл за ним дверь.

— О теннетах можете не распространяться, — предупредил он. — Я все знаю и о них, и об их нравах. Расскажите, когда они похитили вашу дочь и куда ее увезли.

— За старые гробницы. Это добрых пятьдесят или шестьдесят верст отсюда. За Желтым каналом. Я заплатил полукровке, чтобы тот проследил за ними. Но он свернул с полдороги. Сказал, что след ведет дальше, но он больше не сделает ни шагу. Другие тоже отказались наотрез. Они не пойдут за теннетами в горы Ахрониах. А потом я услы-

шал, что вы недавно вернулись с Земли. — Он сделал попытку завязать обычный светский разговор, но в его глазах все еще таилось безумие. — Как там жизнь сейчас?

— Значит, они направились в горы Ахониах. Когда? — спросил Макшард.

— Два дня назад...

Капитан отвернулся и пожал плечами.

— Знаю, знаю, — торопливо заговорил купец. — Но это не было обычным похищением. Они не собирались съесть ее или... тешиться с ней. — Его кожа покрылась мурашками. — Они очень старались не оставить на ней отметин, боялись поцарапать. Словно похитили для кого-то другого. Может, крупного работорговца? Зато со мной они не церемонились. — Он продемонстрировал искривленный обрубок обожженной плоти, некогда бывший предплечьем.

Макшард лишь тяжело вздохнул и принялся стягивать сапоги:

— Сколько?

— Сколько угодно. И что угодно.

— Вы будете должны мне миллион диинов, если я верну ее живой. Но за ее рассудок я не отвечаю.

— Вы получите деньги. Обещаю. Ее зовут Мерседес. Она нежная и порядочная... Ее появление на свет — единственное доброе дело, к которому я причастен. Она гостила у меня на каникулах... мы с ее матерью...

Капитан шагнул к дощатой кровати:

— Утром принесете половину. И дайте мне немного времени, чтобы поместить деньги в надежное место. Потом я отправлюсь на поиски. Но не раньше.

Когда Морриконе ушел, а его шаркающие шаги растаяли в уличном шуме, Джон Макшард расхохотался.

Такой смех вам не захотелось бы услышать снова.

Глава третья
Земля необетованная

Горы Ахониах сформировались, когда несколько миллионов лет назад в планету врезался огромный астероид, но окружающие их просторные луга, пересеченные реками,

так никогда и не были заселены соплеменниками капитана. Здесь все оказалось совсем не таким, как выглядело.

Поселенцы появились в этих местах в ранние годы освоения Марса, привлеченные водой и травой. Немногие протянули месяц, не говоря уже о сезоне. Вода и трава появились на Марсе благодаря терраланировщику Блейку. Он посвятил этой работе всю свою жизнь, скрещивая и скрещивая один набор несовместимых генов с другим, пока не получил нечто вроде травы и воды, способное выживать, а возможно, и процветать в засушливом климате Марса. Он создал что-то вроде жидкой водоросли и разновидности лишайника, но с таким числом генетических модификаций, что их математическая родословная заполнила целую книгу.

Установленные Блейком огромные генераторы воздуха изменили марсианскую атмосферу и насытили ее достаточным количеством кислорода, чтобы земляне могли дышать. Он намеревался преобразовать Марс в те обильные сельскохозяйственные угодья, которые постепенно превращались в пыль на Земле. Некоторые полагали, что он слишком вознесся и считает себя чуть ли не богом. Он спланировал город, назвав его Новым Иерусалимом, спроектировал здания, парки, каналы и пруды. Возделал экспериментальные поля, привез первых пионеров-добровольцев и снабдил их выведенными им же семенами и специальными удобрениями. Но под открытыми незащищенными небесами Марса солнечный свет сотворил нечто такое, чего никогда не происходило в лаборатории.

Созданный Блейком Эдем стал хуже Чистилища.

Его зеленые растения и смеющиеся фонтаны начали выказывать подобие разумности — вкус к определенным питательным веществам, средства их обнаружения и способы обработки для перевода в съедобное состояние. Проще всего эти питательные вещества оказалось добывать из тел землян. Пищу можно было заманивать тем же способом, каким анемона привлекает свою добычу. Жертва видела свежую воду, зеленую траву и с радостью бросалась в голодные побеги и ненасытную жидкость, которые с такой же радостью ее переваривали.

И поэтому дети погибали на глазах у отцов — растения убивали и поглощали их за несколько секунд. А женщины

видели, как их трудолюбивые мужья умирали и становились пищей.

Первые семь семей поселенцев, доставленных Блейком, продержались год. Были и другие, кто привозил кое-какие средства для уничтожения так называемого «райского вируса», бросая вызов голодной траве и жидкости, планируя одолеть и приручить их. Но и они, один за другим, становились пищей для тех, кто должен был кормить их.

Имелись и способы выживания в Раю. Капитан Джон Макшард испробовал их. Некоторое время он занимался поиском оставшихся от поселенцев вещей, писем, документов и редких драгоценностей.

Он научился тому, как жить в Раю, — во всяком случае недолго. И продолжал поднимать свои цены, пока они не стали слишком высоки даже для избранных.

Тогда он бросил это занятие. То был один из его способов борьбы со скукой. Но что он делал со всеми заработанными деньгами, не знал никто. На себя он их не тратил.

Известно было лишь то, что капитан Джон Макшард вкладывал крупные суммы в переделку и ремонт своего космического корабля, такого же неземного, как и его оружие. Корабль он нашел в поясе астероидов и объявил своей собственностью. Даже торговцы металлоломом не пожелали иметь дело с этой посудиной: сам металл, из которого та была изготовлена, мог становиться ядовитым при одном прикосновении. Подобно оружию капитана, корабль не подпускал к себе чужаков.

Капитан Джон Макшард нанял полукровку, владельца фанта, чтобы тот отвез его к границе Рая, и пообещал вспотевшему от волнения водителю, что заплатит ему стоимость фанта, если тот подождет его возвращения и отвезет обратно в город.

— И любого другого пассажира, которого я могу привести с собой, — добавил он.

Фантер был вне себя от страха. Он прекрасно знал, на что способна разумная зеленая трава, и слышал рассказы о том, как ручьи гнались за человеком полпути до Лоу-сити, настигали и поглощали на месте. Выпивали его. Никакое существо в здравом уме, будь то земляник или марсианин, не рискнуло бы царваться на ужасы Рая.

Но опасна была не только сама местность. Тут обитали и теннеты.

Их плоть для Рая была противна на вкус, поэтому они спокойно пересекали его во всех направлениях круглый год, лишь время от времени выходя за пределы и совершая набеги на поселения людей. Они были уверены: никакой преследующий их отряд никогда не осмелится двинуться за ними в Конг Грешь, подземный город теннетов, расположенный глубоко под центром Ахониахского кратера в сердце Ахониахских гор, где не росла трава и не текли ручьи.

Эти набеги теннеты совершали ради удовольствия. Чаще всего, когда им хотелось побаловаться деликатесами. А человеческая плоть настолько пришлась им по вкусу, что непреодолимое желание отведать ее стало для них почти равносильно тяге к наркотику. Они были жестокими существами и находили удовольствие в мучениях своих пленников, особенно молодых женщин, не умерщвляя их иногда по нескольку недель. Зато потом убийство становилось для них наслаждением. Как-то раз Шомберг сформулировал это достаточно четко: «Чем дольше пытка, тем слаще мясо».

Капитан Джон Макшард знал: у Мерседес Морриконе есть шанс выжить. И надеялся, что, когда найдет ее, она все еще захочет воспользоваться этим шансом.

Морриконе говорил о том, что теннеты не захотели уродовать ее. Что похитили ее для кого-то.

Но кого?

Капитан Джон Макшард хотел выяснить это сам. Уже много лет никто не платил теннетам за молодых женщин и девушек. Война между планетами вытолкнула на улицы достаточно привлекательных женщин, чтобы удовлетворить любые запросы. И если несколько иногда исчезало, никто их не искал.

Если теннеты планируют продать ее в обмен на еду, которая понадобится им грядущей Долгой Зимой, то они постараются сохранить свой товар в наилучшем состоянии, и тогда Мерседес сперва выбрали, а уже потом похитили. Вполне вероятно, что она все еще жива и здорова. Именно поэтому капитан Джон Макшард не считал, что зря тратит время.

И это же стало единственной причиной, побудившей его отправиться вглубь Ахрониахских гор, где самыми опасными были вовсе не теннеты.

Глава четвертая
Ад под холмом

С трудом верилось, что теннеты когда-то были людьми, но они, несомненно, разговаривали на грубой разновидности английского. Утверждали, что они — дегенерировавшие потомки пассажиров разбившегося земного корабля, который вылетел из Хьюстона несколько столетий назад. На его борту находилась комиссия по расследованию дела об использовании на Марсе рабского труда туземцев земными горнодобывающими компаниями. Факты были неоспоримыми, поэтому компании позаботились о том, чтобы почтенные сенаторы никогда не увидели доказательств.

Капитан Джон Макшард был облачен в силовую броню, окутывающую его с пяток до макушки. Шелковистая энергия, мягкая, как кожа младенца, обволакивала его наподобие атмосферы. Сложное переплетение поблескивающих и жужжащих хитроумных устройств и проводов словно повторяло структуру его вен и артерий, располагаясь параллельно системе кровообращения. Этой мешанине негромких звуков задавало безумный ритм пощелкивание регуляторов его антиграва — устройств, печально известных своей капризностью и опасностью. Капитан летел в дюйме над голодной шепчущей травой и манящими ручьями Рая.

За весь путь он спустился на землю лишь один раз — среди руин бывшего Нового Иерусалима, где трава не росла.

Здесь он побежал размашистыми прыжками, которые несли его вперед быстрее, чем антиграв, а заодно подзаряжали силовые батареи.

Тело капитана полностью защищал боевой костюм его собственной конструкции. Кожа под перекрывающимися силовыми щитами приобрела странный оттенок мышьяковистой зелени, а искусственные жабры прогоняли через себя воздух, извлекая из него максимум кислорода. Кроме того, капитана окружала нестабильная, слегка жужжащая

золотисто-зеленая аура — это специальные вещества в его броне смешивались и реагировали с частицами полуискусственного марсианского воздуха, перерабатывали их и с шипением выбрасывали уже в виде токсичных паров, способных убить человека. Поэтому на капитане был еще и шлем. Внешне он больше всего напоминал орнаментированную голову дельфина — сплошные стремительные изгибы и симметрия, сложное плетение проводов, просвечивающее сквозь тонкую пластексовую кожу, в то время как расположенный между лопатками бугор энергетической установки очень напоминал сложенные крылья. Он вполне мог быть одним из забытых ездовых зверей элдренов, оседлав которых те выступали в походы против баст-на-гиров во времена, когда марсианская мифология только зарождалась. Лицевой щиток из прозрачной стали лишь усиливал это впечатление, увеличивая глаза и придавая им раскосость. Джон Макшард превратился в невероятное создание, внешность которого смутила бы любого наблюдателя. Здесь водились существа, которые охотно питались как людьми, так и теннетами. Чтобы спастись, капитану требовалась лишь секунда форы. Но эта секунда отделяла жизнь от смерти.

Максимально зарядив батареи, он снова поднялся в воздух и уподобился мерцающему медному ангелу, мчащемуся над голодной травой и реками Рая, пока не опустился на пологие склоны Ахрониахских гор.

Этот хребет представлял собой обод огромного кратера с крутыми внутренними склонами. В центре кратера виднелись облака газов — продукта взаимодействия пыли некоторых минералов с солнечными лучами. Эти газы образовывали атмосферу, в которой теннеты размножались и спали, и они не могли долго существовать вдали от того, что первые исследователи с Земли назвали «облаками». Большая часть этого газа, оказывающего на людей наркотическое воздействие, закачивалась теннетами в их норы с помощью хитроумной системы воздушных клапанов и вращавшихся вручную вентиляторов. То была единственная машинерия, которой они пользовались. Во всем остальном они были примитивными, но изобретательными убийцами, которые наслаждались медленной смертью всего живого, включая своих же больных и раненых. Не ценили они и собственной жизни, часто прибегая к самоубийству.

Карабкаясь по скалам и поднимаясь к стенам кратера, капитан знал: у него, возможно, осталось лишь несколько часов для спасения девушки. Теннеты так искусно обрабатывали похищенных людей газом, что те становились беспечными и радостными. Уж теннеты знали, как развлечь гостей.

Иногда они держали пленников в таком состоянии по нескольку дней, доводя их до полного отупения и безволия.

Потом они делали нечто такое, что внезапно наполняло кровь жертвы адреналином. И с этого момента начинался невообразимый кошмар. Невообразимый, потому что человек был не в состоянии выдержать такие пытки, сохранив здравость рассудка. С этим мог справиться лишь разум капитана Джона Макшарда. Хотя оставалось вопросом, был ли его разум во всех отношениях человеческим.

«Вот здесь я опоздал. Вот ее ожерелье. Вот ход в центральную камеру. Газ там стелется низко». Эти мысли мелькали в голове Макшарда, пока он шагал по острым камням и предательски сыпучей гальке. Ему уже четыре раза платили за проникновение на территорию теннетов. Дважды он успешно спас похищенных людей, причем оба еще не успели сойти с ума. Один раз он вынес труп. Один раз оставил труп там, где обнаружил его. И еще семь раз его приводило сюда любопытство. Однажды теннеты его настигли, и шансов на побег почти не оставалось. С тех пор Макшард твердо решил, что больше не позволит себя поймать.

Однако сейчас зловещий ландшафт из дымящихся кратеров и горных вершин как-то неуловимо изменился. Здесь царила тишина, которую капитан не мог объяснить. Создавалось ощущение, что кто-то притаился, наблюдает и ждет.

Стараясь игнорировать это чувство, Макшард спрыгнул в расщелину и стал пробираться в первый каменистый коридор. К тому времени, когда капитан начал спускаться по большому главному проходу в подземный мир теннетов, он, почти не задумываясь, уже убил пятерых охранников. Макшард всегда убивал теннетов с расстояния. Их ядовитая слюна могла попасть в деликатные электронные схемы и погубить его броню и систему жизнеобеспечения.

Еще три теннета упали замертво. Капитан убивал их из принципа, не задумываясь, подобно тому как по привычке

убивали они. Чем меньше останется теннетов, тем лучше будет для всех. С каждого трупа Макшард забирал все, что могло пригодиться, и крался дальше по уводящему вниз лабиринту вспомогательных туннелей, следуя по все еще знакомому пути.

Стены каверны густо покрывали свернувшаяся кровь и нечистоты, которые теннеты использовали в качестве строительных материалов. Они уже успели затвердеть, но иногда бывали мягкими и скользкими. Тогда капитану приходилось идти осторожнее, радуясь, что у него есть жабры и броня: не придется ощущать запах или прикасаться к этой лоснящейся массе, хотя время от времени система очистки воздуха перегружалась и его ноздри улавливали пусть и значительно ослабленную, но все же отвратительную вонь.

Но что-то было не так. Защитное поле брони начало потрескивать и вибрировать. Это послужило предупреждением. Капитан остановился в зловонном коридоре и задумался об отступлении. Обычно здесь суетилось множество теннетов, самцов и самок, — они бродили по коридорам, занимаясь своими делами.

Сейчас же его охватило гнетущее предчувствие — вернуться будет нелегко, и вообще он уже угодил в ловушку. Подстроена ли эта ловушка специально для него? Или сети расставлены для любого? Тут поработали не теннеты. Не появился ли у них новый вождь с далекоидущими планами?

Капитан почуял присутствие разума. Но не такого, с каким он сталкивался прежде. И не на территории теннетов. У них доминировали ужас и отвратительное ликование.

Здесь же затаилось нечто иное. Нечто, имеющее индивидуальность. Нечто с амбициями. Нечто, чья власть усиливалась с каждой секундой.

Капитан Джон Макшард научился доверять своей интуиции, а интуиция подсказывала: ему придется сражаться за право возвращения на поверхность. Более того, у него появилось и неприятное предчувствие относительно возможного врага...

Лучше всего сделать вид, будто он ничего не замечает, но следить за этим разумом, продолжая поиски дочери купца. Как там ее зовут? Мерседес?

Узкие зловонные туннели города теннетов были ему знакомы, но теперь они стали шире и выше, словно теннеты поработали над ними. Но зачем?

Внезапно сознание капитана затопила ментальная волна, загрохотавшая с мощью прибоя. Она едва не заставила его остановиться. И лишь через несколько секунд до него стала доходить суть чужих мыслей.

Время пришло. Время пришло. Я здесь. И я не одна. Я Шайенна Ша Шанакана, и я снова стану богиней, какой была, когда Марс был молод. Я заплатила Желтую Цену. Я объявляю эту звездную систему своей. А потом я сделаю своей всю Вселенную...

«А девушка?» — не мог не спросить капитан.

Но в ответ получил лишь волну насмешки, которая вновь обрушилась на него с почти физической тяжестью.

Глава пятая
Древнее и современное

Из извилистых туннелей доносился шепот. Он был холодным, словно космос, твердым и острым, будто меркурианская сталь.

Самки Мерседес больше нет, землянин. От нее не осталось ничего, кроме плоти, и я уже изменяю эту плоть по своему вкусу. Она выносит яйцо. Сперва тело, потом вся планета. Потом система. Потом звезды. Мы снова станем процветать. И пировать среди галактик.

Так вот оно что! Один из древних марсианских призраков пытается возродить свою былую власть. Эти существа были убиты или изгнаны и заточены еще давным-давно, во время последней из жутких марсианских войн.

Они достигли огромной интеллектуальной мощи, правя планетой и влияя на всю систему, научившись с помощью древней магии перебрасывать свою интеллектуальную энергию через межпланетное пространство, чтобы контролировать на расстоянии другие разумные существа и править, используя их.

Они считали себя богами, хотя и были вполне смертными во многих отношениях. И погубило их именно высокомерие.

Их амбиции стали настолько абстрактными и странными, что они забыли про обычных людей — тех, кто отказался идти по их зловещему пути и чьи жизни были погублены, когда элдрепы растратили все ресурсы планеты для усиления своей власти. Они стали одержимы бессмертием, записывая свое сознание в драгоценные кристаллы, где теперь хранилась полная информация, необходимая для возрождения индивидуума. Но еще нужны были обычные люди, которые поместят эти кристаллы в специальные устройства и запустят процесс возрождения, требующий значительных людских ресурсов и в конце концов отнимающий жизни всех, кто в нем участвовал.

Большая часть обычных людей умерла от голода и жажды, пока повелители планеты грабили и расточали ее ресурсы. Они растопили ледовые полярные шапки, поэтому сперва было изобилие воды, положившее начало власти Морских Королей, но вскоре началось быстрое испарение, и океаны улетучились в космос, не сдерживаемые более защитными слоями озона и кислорода. Эту воду было уже не вернуть. Ее мгновенно — по космическим масштабам — увлекло к Солнцу мерцающим облачком пара.

Капитан Джон Макшард знал об этом, потому что все это знала его мать. Он никогда не видел ее, не ведал, как появился на свет он сам — вопящее независимое существо — из яйца, которое спасла мать, хотя сама она и ее муж умерли, став жертвами безжалостного климата планеты. Макшард не знал, как и когда стал жить среди обезьяноподобных аборигенов Меркурия. Суровых первобытных туземцев этой планеты восхитила его загорелая, но все же светлая кожа, столь непохожая на их темно-зеленые шкуры. Они всегда считали его соплеменником. Со временем они оценили его ум и выбрали своим вождем. Он находил для них пищу и охранял от гигантских горных змей. Он научил их убивать этих змей и сохранять мясо. А они назвали его Тан-Арз, то есть Смуглокожий.

Он был Тан-Арзом, пока его наконец-то не отыскали земляне. Брат отца оплатил поиски, а потом и возвращение на Землю во время краткого Золотого Века, после которого планета опять скатилась к гражданской войне. Возвращение на родину. В Ирландию. В Дублин и Тринити-колледж. А потом и Университет Южного Лондона.

Дублин и Лондон не цивилизовали капитана Джона Макшарда, но научили его манерам и поведению джентльмена. Они не дали ему образования, но систематизировали жизненный опыт. Теперь он понимал своих врагов столь же хорошо, как и друзей. И уяснил, что закон гигантских корпораций ничем не отличается от закона, который он познал на Меркурии.

Убивай — или убьют тебя. Не верь никому и ничему. Власть — это выживание. Он чуял их. Он презирал почти всех, хотя они и командовали миллионами. Они были такие же, как и он. Такие же, но ставшие мягкотелыми, отвратительно жадными и декадентскими до мозга костей.

Инстинктивно ему хотелось их уничтожить, но они обучили его служить им. И он стал им служить. Сперва, когда начались войны, он вызвался добровольцем. Он служил хорошо и честно, но войны становились все грязнее, а их цели — все менее понятными. Все это вызывало у него отвращение.

Он ценил: те отчаянные люди, с которыми он вынужден сражаться, ближе ему, нежели великие патриции республиканской Земли.

Отказ участвовать в особо кровавой операции наградил его клеймом предателя.

Он уже был вне закона, когда прибыл на Марс. На него охотились в красных пустынях и знали: он не сможет там выжить.

Но Марс показался ему санаторием по сравнению с Меркурием. Капитан Джон Макшард выжил. И не только выжил, но и стал процветать.

Теперь он был капитаном собственного корабля инопланетной постройки, великолепной «Герцогини Мальфи». Теперь он мог выбирать и решать, кого убивать, а кого щадить.

Теперь он не испытывал нужды в средствах для продолжения столь опасной жизни. Не испытывал необходимости искать безопасность. Ни от кого не надо бежать и скрываться. Он смог добиться такого, потому что был тем, кем он был.

Он был капитаном Джоном Макшардом, человеком действия, которому жизнь кажется полной, лишь когда ей что-то угрожает. Диким существом, тосковавшим по суровым и опасным уголкам Вселенной.

Но капитан Джон Макшард не хотел умирать здесь, в склизких норах нелюдей-теннетов. И не испытывал желания служить безумным целям древних марсианских богов, которые видели, как от них постепенно ускользает бессмертие, и жаждали вернуть прежнюю власть.

Ты, капитан Джон Макшард, поможешь мне. И я вознагражу тебя. Прежде чем ты умрешь, я сделаю тебя отцом сверхсущества. Кровь моих марсиан уже смешалась с твоей кровью. Вот почему ты идеально подходишь для моих планов.

Джон Макшард, ты больше не мальчишка с Земли, выросший среди дикарей Меркурия. Ты существо одной с нами крови, потому что твоя мать — прямой потомок величайшего из Морских Королей, а Морские Короли были нашими детьми. Столько нашей крови смешалось с твоей, что ты теперь почти один из нас.

Так пусть твоя кровь приведет тебя домой, Джон Макшард.

— Моя кровь — это моя собственность! Она принадлежит мне, и только мне! Я сражался за каждый ее атом и победил.

Это кровь богов и богинь, Джон Макшард. Королей и королев.

— И все равно она моя. По праву наследования!

Теперь капитан был агрессивен, хотя говорящий с ним голос звучал терпеливо и рассудительно. Он уже слышал подобные голоса. Когда лежал, корчась среди собственных испражнений, на исследовательском монолите Древних.

Но именно твоя земная кровь вернет нам прежнюю славу. Эта бурлящая, здоровая и неразбавленная кровь вернет нам власть и заставит Марс содрогнуться от древнего страха перед теми, кто правил планетой до Морских Королей.

Добро пожаловать домой, капитан Джон Макшард, последний из Морских Королей. С возвращением во дворец королевы Шайенны Ша Шанаканы, седьмой из Семи Сестер, охранявших храм Звездного Озера, седьмой из Семи Змей, волшебницы Цитадели Безмолвия, где она проспала слишком много столетий.

Тот ничтожный смертный хорошо сделал свое дело, хотя и не подозревал о нем. Мне было нужно лоно его дочери, а теперь мне нужен ты, Джон Макшард. Наконец-то у ме-

ня есть и то и другое. И я выйду из великого яйца, полностью вернув свою власть и положение.

Узри же секреты Безмолвной Цитадели, капитан Джон Макшард!

Глава шестая
Королева хрустальной цитадели

Внезапно капитан оказался внутри огромного кристалла. Пронизанный радужными переливами хрустальных стен, он вспыхивал и шептал под порывами холодного ветра, дувшего со всех сторон к центру, где сидела улыбающаяся золотая женщина. Она манила его. Капитан, двигаясь как во сне, шагнул к ней, и все мысли вылетели из его головы. Сейчас он желал лишь одного — совокупиться с ней. И если будет необходимо, он умрет, лишь бы сделать это.

Капитану Джону Макшарду понадобилось несколько долгих секунд, чтобы овладеть собой. В толще хрустальных башен сформировались лица. Знакомые лица. Лица друзей и врагов, которые приветствовали капитана и приглашали присоединиться к ним, к их доброй компании. Навечно. То были голоса сирен, искушавшие Одиссея и его команду через бездну пространства. Могучие умы, заточенные в несокрушимый хрусталь. Умы, которые, как утверждала легенда, могут быть освобождены лишь ударом священного меча в руке единственного в мире человека.

Капитан Джон Макшард содрогнулся. У него не было такого меча. Лишь его «бэннинг» в массивной кобуре. Он прикоснулся ладонью к оружию, и оно, похоже, стало наполнять его уверенностью.

Он стиснул белые волчьи зубы и процедил:

— Нет. Я не твой дубликат и не земной дубликат. Я сам по себе. Я капитан Джон Макшард. Во всей Вселенной нет личности более свободной, чем я, и более готовой сражаться, чтобы сохранить эту свободу.

Да, прошептал чарующий голос в его голове. *Подумай о власти и, следовательно, о свободе, которую мы обретем, соединившись... Власти делать все, чего пожелаешь, обладать чем пожелаешь, достичь всего, что пожелаешь. Ты воз-*

родишься заново как повелитель Вселенной. Вся суть существования станет твоей, чтобы удовлетворить любую твою прихоть...

Этот голос был полон почти осязаемой женственности. В центре хрустального дворца капитан видел девушку с вьющимися золотистыми волосами. Юное гибкое тело, облаченное в золото, с золотыми нитями, струящимися по ее безупречным бедрам, с золотыми чашами, поддерживающими безупречные груди, и золотыми сандалиями на безупречных ногах. Он видел ее совершенно отчетливо, хотя создавалось впечатление, что она сидит в сотне метров от него. И она манила его.

— Мне нужна лишь та власть, которая сохранит мою свободу, — ответил капитан Джон Макшард. — И она у меня уже есть. Я получил ее давно. Никто мне ее не давал. Я взял ее сам. Взял на Меркурии. Взял на Земле. Взял на Марсе и взял на Венере. Не было и года, когда бы мне не приходилось завоевывать эту свободу снова, потому что это единственный способ сохранить ту жизнь, которую я ценю. Я пропитан свободой до мозга костей. Все во мне готово сражаться ради обретения этой свободы. Это подсознательно и бессмертно, как сама Вселенная. Я не единственный, кто обладает ею или знает, как бороться, чтобы сохранить ее. Это присуще всем людям-героям, сражавшимся и побеждавшим в почти безнадежных ситуациях, и это у меня в крови. Тебе с этим не справиться. Что бы ты ни сделала, Шайенна Ша Шанакана, тебе с этим не справиться.

Где-то в его голове послышался ее смех. Этот смех заструился вдоль его позвоночника, скользнул по ягодицам, спустился по ногам. Он был направленным. Она демонстрировала мощь своей невероятной ментальности.

Капитан Джон Макшард всмотрелся в тело девушки, которую пришел спасать. Конечно, марсианская волшебница овладела им. Возможно, полностью. Но осталось ли в нем хоть что-то от личности девушки? Ему было очень важно это узнать.

Он заставил себя проникнуть в ее сознание, и ему показалось, что в глазах девушки мелькнуло нечто вроде удивления. Но тут ее стал контролировать другой разум, и эти же глаза вспыхнули яростью, словно богиня нашла

себе достойного соперника. В ее взгляде читалось древнее знание, но, взглянув на капитана, она увидела равного по опыту.

Однако для Макшарда главным стало то, что он успел заметить глаза человека, лицо человека. Где-то внутри этого тела все еще находилась Мерседес Морриконе. И это тело, пульсирующее странной, украденной жизнью и разгневанным разумом, все еще хранило душу девушки. Этого знания ему вполне хватило.

— Верни девушке ее тело, — приказал капитан Джон Макшард, переключаясь на сервопривод. Его рука автоматически поднялась, наводя «бэннинг» на золотую богиню, которая теперь улыбалась ему, суля невозможное. — Или я уничтожу его, а вместе с ним и тебя. Я капитан Джон Макшард, и ты должна знать, что я никогда не произношу угрозу, которую не готов исполнить.

Ты не можешь уничтожить меня жалкой железякой. Это всего лишь оружие. Я черпаю свои силы из всего этого — из всех моих спутников, все еще замурованных в хрусталь. Со временем, разумеется, я могу и освободить их. Ведь они здесь, чтобы признать меня повелительницей Серебряной Машины.

Тут капитан Джон Макшард посмотрел вверх, словно кто-то задрал ему подбородок. И увидел над собой вибрирующие провода и переплетение серебряных лент, открывшие ему ужасную истину. Сам того не сознавая, он шагнул прямо в сердце одной из древних марсианских машин.

Волшебница подготовила ему ловушку. И то была тонкая западня, демонстрирующая характер его врага.

Эта ловушка использовала против него его же дурацкую гордость.

Он обругал себя идиотом, но уже рассматривал хитроумные изгибы и петли машины, которые, казалось, появлялись ниоткуда и уходили в никуда. Высоко над ним, на самой вершине, находилась воронка серебряной энергии.

Но больше всего впечатляло, что эта серебряная цитадель науки работала совершенно бесшумно.

Если не считать еле слышимого шепота, напоминающего далекий человеческий голос, манящие и настойчивые внушения волшебницы-обольстительницы, проскальзывающие в его синапсы, успокаивающие его постоянно насторожен-

ную душу, готовящие его к долгому сну и бесконечному прощанию...

Все необузданное внутри него восстало. Все, что заставляло его сражаться за выживание на пустошах Меркурия. Все, что он узнал в холодных глубинах космоса и исходящих паром морях Венеры. Все, чему его учили в колледжах Дублина и академиях Лондона. Все это пришло в тот миг на помощь капитану Джону Макшарду. Но никто не мог гарантировать, что этого окажется достаточно.

Окружающие его безмолвные кристаллы почти торжествующе завибрировали. А богиня начала танец, залитая пульсирующим серебряным пламенем.

Он знал, зачем танцует Шайенна Ша Шанакана, и отчаянно пытался отвести от нее взгляд. Никогда в жизни он не видел ничего столь прекрасного. Никогда столь остро не жаждал обладать женщиной. Он даже ощутил нечто близкое к любви.

Процедив сдавленное проклятие и оскалившись, он взял «бэннинг» обеими руками, и его пальцы заиграли на причудливых линиях и плоскостях оружия наподобие пальцев музыканта, извлекающего мелодию из инструмента.

Богиня улыбнулась, но продолжала танцевать. Кристаллы ее цитадели не перестали вибрировать. Все двигалось в хрупкой и пронзительной тишине. Все обольщало его. Если бы вокруг звучала музыка, то ему, возможно, было бы легче ей сопротивляться. Но музыка слышалась где-то в его голове. Она овладевала его руками и ногами. Подчиняла себе его сознание. Он что, тоже танцует? Танцует вместе с ней, совершая странные волнообразные движения, так напоминающие змей, которые преследовали его на Меркурии, пока он не стал охотником и не сделал их пищей для себя и своего племени?

О, ты силен, упрям и могуч. В тебе есть все, чем должен обладать герой. Истинный полубог, достойный стать супругом полубогини и породить могучего бога. Бога, который сотворит новые вселенные, бесконечную власть. Посмотри, как ты прекрасен, капитан Джон Макшард, насколько ты безупречный образец своего племени.

Перед ним возникло серебряное зеркало, и он увидел не то, что она описывала, а дикого зверя, выжившего в смертоносном аду Меркурия, демоническое существо, убившее

Зеленого Императора Венеры и вырвавшего планету из цепких рук Гродона Ворбна, набожного и злобного Робота-Канцлера Ганимеда.

Но сладость ее духов, шорох золотистых шелковых нитей, скользящих по ее коже, колыхание ее грудей, обещание в ее взгляде...

Все это капитан Джон Макшард стряхнул, и ему показалось, что он уловил в глазах богини нечто вроде удивления, почти восхищение. Пальцы уже не подчинялись его воле, но они и не нуждались в ней, работая в силу чистой привычки, оглаживая «бэннинг», касаясь его в одних местах и что-то настраивая в других. Инструмент, созданный для инопланетян.

Человеческая рука никогда не предназначалась для управления этим оружием, названным не в честь его создателя, а по имени первого человека, умершего при попытке понять принцип его действия. Генерал Бэннинг гордился своим опытом в обращении с артефактами инопланетян. Он умер не мгновенно, а от ядов, просвших его кожу и медленно поглотивших плоть. Капитан Джон Макшард никогда не утруждал себя вопросами о том, каким образом работает «бэннинг». Он просто знал, как с ним обращаться. Так многие испанские парни просто знают, как извлечь из гитары прекрасную музыку.

Разум тех же существ, которые, как полагал капитан Джон Макшард, погибли где-то за Плутоном, создал и его корабль. В него была вложена философия, отвергавшая большую часть тех, кто пытался проникнуть в его огромные гулкие помещения, сама пустота которых оказалась принципиально необходимой для его функционирования, существования и вооружения. Капитан Джон Макшард каким-то образом понял эту философию и полюбил чистоту ума творцов этого корабля.

Уважение к ним наверняка не раз спасло его жизнь, когда он изучал свойства и безупречную красоту «бэннинга» и корабля.

Макшард задыхался. Что он делает? Танцует? Перед зеркалом? Зеркало уже исчезло. Богиня перестала танцевать. Она подалась вперед, пронзая капитана странным взглядом, в ее глазах переливались и вспыхивали радужные искорки. Красные губы приоткрылись, обнажив белые ровные зубы.

Молодая плоть светилась внутренним желанием, невероятными обещаниями...

Приди, Джон Макшард. Приди ко мне и выполни свое благородное предназначение.

И тут капитан Джон Макшард провел перед собой «бэннингом» по широкой дуге. Он целился в кристаллы, и непостижимые схемы и поверхности его оружия с неуловимой скоростью стали менять цвет — от золотого к медному, желтовато-зеленому, серебристому и снова золотому, а сам «бэннинг» словно распахнулся под прикосновениями капитана. Однако с кристаллами почти ничего не произошло. Они потемнели, но не разрушились. А свет в зале потускнел от ослепительного дневного до туманных сумерек.

Настала жуткая тишина.

Капитан снова взмахнул оружием. И опять кристаллы уцелели. И то, что в них находилось, тоже. Движения внутри них стали менее заметными, потому что их обитатели, наверное, защищались. Но оружие оказалось перед ними бессильно.

Тишина затянулась.

А потом золотая девушка рассмеялась. И ее смех прозвучал самой сладкой музыкой во Вселенной.

Неужели ты думал, капитан Джон Макшард, что твое знаменитое оружие сможет одолеть Шайенну Ша Шанакану, жрицу Безмолвной Цитадели, волшебницу Седьмого Уровня? Тупые Рыцари Равновесия, выступившие против нас с далекой звезды из созвездия Лебедя, встретили достойных противников. Они собирались покорить нас, но мы убили их всех еще до того, как они добрались до внутренних планет...

Капитан взглянул вверх. Богиня находилась уже гораздо ближе. Ее неописуемая красота воспарила над ним. Он ахнул. И не захотел шагнуть назад.

Эти улыбающиеся человеческие губы были полны накопленной энергии древнего Марса.

О да, капитан Джон Макшард. Ты здесь не случайно. Я не посылала теннетов похитить девушку до тех пор, пока не узнала, что ты скоро вернешься на Марс. И именно я подсказала ее отцу, что ты единственный из всех живущих, кто может отыскать его дочь. И ведь ты ее отыскал, верно? Ты нашел меня, Шайенну Ша Шанакану, которая была

пылью, которая не знала этого желания бессчетные тысячелетия, не испытывала такой потребности, такой пьянящей страсти...

Теперь капитан Джон Макшард все-таки шагнул назад. Его оружие болталось на боку, пристегнутое к портупее, пока пальцы капитана искали что-то в одежде. Потом они сжались в кулаки.

Богиня облизнула безупречные губы.

Уж не пот ли я вижу на твоем мужественном лице, капитан Джон Макшард?

Она протянула руки и провела пальцами по его лбу, и капитану показалось, что его плоть пронзили раскаленным ножом. И все же он был готов отдать жизнь за то, чтобы ощутить это прикосновение снова.

Его языка коснулся другой язык — нечеловеческий. Язык лизнул его плоть. Он наслаждался его запахом, прикосновениями к его крепкому мускулистому телу, его бурлящей кровью, свидетельством его идеальной мужественности. Капитан был всем, чем могли быть люди или марсиане. Всем, чего женщина могла желать от мужчины.

Касаясь его, богиня словно уступала, предлагая ему власть, которую, как знал капитан, она никогда не вручит ему реально. Он наслаждался действиями искуснейшей обольстительницы, но это существо накопило в себе опыт столетий, инстинкты своего украденного тела, страстные желания женщины, не знавшей иных чувств, кроме пылающих амбиций, гораздо больше времени, чем возникали и погибали почти все величайшие цивилизации Земли. И все эти желания теперь были направлены на капитана.

Ты станешь отцом новой марсианской расы, обещала она, проводя золотыми нагрудниками по его обнаженной груди. *И умрешь, зная, что исполнил величайшее предназначение, какое только могла приготовить тебе судьба.*

И капитан Джон Макшард поверил ей. Поверил до глубины своей души. Он уже не желал ничего иного — лишь служить ей так, как она потребует. Забытое оружие болталось на боку. Он протянул руки, чтобы получить от нее то, что она захочет ему предложить, и отдать ей то, что она пожелает взять. Это правда. Он принадлежит ей. И она может использовать его, а потом связать, чтобы сын смог питаться его святой плотью и стать таким, каким был отец.

Вот в чем его предназначение. В вечной жизни, простирающейся перед ним.

Но сперва, прошептала она, *ты должен развлечь меня.*

И тогда он внезапно понял, что сын должен быть зачат, и остатки человеческого покинули их тела, а кровь вскипела в предчувствии болезненных и долгих сексуальных ритуалов древних марсиан.

Она шагнула вперед, чтобы заключить его в последние смертельные объятия...

Глава седьмая
Отравленный потир

Они наткнулись на обнаженного землянина где-то в Зыбучей Пустыне, почти в сотне верст от Ахрониахских гор. У него не было ни брони, ни оружия. Кожа грязными лохмотьями свисала с окровавленной, покрытой язвами плоти. Длинные и глубокие красные линии исполосовывали его ноги до самых пяток, словно к ним прикладывали раскаленное добела лезвие меча. Человек мог видеть, но взгляд его был обращен внутрь. Изувеченные губы покрывала пена. Он бредил, лишенный самоосознания и воли. А звуки, иногда вырывавшиеся из груди, могло бы издавать дикое животное.

Обнаруживший его патруль ловил венерианских контрабандистов краффа, и патрульным не верилось, что существо, доведенное до такого состояния, способно остаться в живых. Будучи суеверными парнями, они сперва решили, что наткнулись на призрака. Потом пришли к выводу, что незнакомец побывал среди призраков, попав под влияние мифических марсиан, якобы заключенных в кристаллы и спящих где-то в марсианских пещерах. Кое-кто из этих ребят видел ученых с Земли, которых привозили из экспедиций в ненамного лучшем состоянии.

Но потом один из патрульных опознал капитана Джона Макшарда, и они поняли, что неведомый враг, с которым капитану довелось встретиться, был очень могущественным. Длинные шрамы, покрывающие его руки и ноги, оказались следами от попавшей на кожу слюны тенистов. Но

как эти следы появились на теле? Они не являлись типичными для пыток, которым теннеты подвергали пленников.

Его повезли было на станцию Старый Марс, где имелся врач, но капитан очнулся, отчасти пришел в себя и стал настойчиво показывать в сторону Ахронахских гор. Похоже, у него там остался спутник.

Патрульные проехали семьдесят верст, прежде чем их приборы засекли человеческую фигурку, лежащую в тени под скалой. Рядом валялась бутылочка с водой. Приборы показывали, что человек все-таки жив.

Едва увидев Мерседес Морриконе, капитан Джон Макшард рухнул на пол патрульной машины. Напряжение отпустило его, и он наконец-то позволил забытью взять верх.

Он никогда не захочет вспоминать и сам не расскажет, что заставила его проделать Шайенна Ша Шанакана, волшебница Безмолвной Цитадели, овладев его разумом. И никогда не признает, что позволил ей совершить с собой, чтобы обеспечить успех своего отчаянного, почти самоубийственного плана.

Она знала, что не сможет контролировать его полностью, и это подогревало ее любопытство, заставляло испытывать свое могущество такими способами, какими она никогда не предполагала его проверять. Она питалась своим любовником, пробовала на вкус его мозг, подобно богатой лакомке, смакующей шоколад. Кое-что из взятого у него она отбрасывала как ненужную чепуху. Воспоминания. Привязанности. Гордость.

Но вскоре богиня пришла в замешательство. Ей показалось, что ее могущество начало слабеть. Капитан лежал перед ней обнаженный. Для ее развлечения он сам терзал свою плоть, дергался и истекал слюной. Капитан Джон Макшард больше не был мыслящим существом. Она высосала из него все, чего не хватало ей. Лишила его всего человеческого.

Или ей это только казалось...

Ибо капитан Джон Макшард узнал все, что ему было необходимо, от старого священника, с которым говорил в Старом Городе перед уходом. Он сохранил часть рассудка, поливая себя ядом убитых теннетов, храня его в хрупких сосудиках до момента, когда ему понадобился такой уровень боли, чтобы оградить разум от обольщения Шайенны Ша Шанаканы. Ее объятия иссушили их обоих. Но он на-

меревался обратить ее чары вспять. И он изменил путь большей части энергии, которую она черпала от своих соплеменников, томящихся в хрустальных тюрьмах. Он поглотил ее в оружии.

Потому что его оружие не только извергало энергию, но и впитывало ее. Оно вырабатывало свою убойную мощь, черпая энергию планеты, — любую, какую только могло отыскать. Поэтому кровь и душа, которые Шайенна высосала из него, все еще находились под его контролем. Он позволил богине заманить себя, забрать свою душу, но ухитрился сохранить сознание, даже будучи поглощенным ею, и каким-то образом установить связь с другим переполненным ужасом фрагментом души-сознания — похищенной девушкой, которой он потом смог дать силы и шанс на спасение.

Где-то в глубине этого искалеченного черепа, внешне принадлежащего безумцу, в лабиринтах нечеловеческого пространства и времени, все еще шла битва за контроль над человеческим существом, которое погибло для того, чтобы эта богиня смогла жить. Она высосала не только бурлящую энергией кровь капитана Джона Макшарда и его алмазной твердости разум, но и его волю. Волю, которую она, по иронии судьбы, не смогла контролировать. Волю достаточно сильную, чтобы подчинить себе богиню.

Капитан Джон Макшард все еще жил. Буквально внутри нее. И сражался, чтобы уничтожить ее. Не рождалась еще личность, столь яростно желающая сохранить свою индивидуальность. Когда властительница обняла его, он призвал на помощь всю свою оставшуюся волю и разбил пузырьки с ядом, собранным у теннетов. Этот яд прожег как его, так и ее тело. И тело девушки стало для богини бесполезным. Волшебница вознамерилась покинуть его. Но капитан Джон Макшард, у которого кожа на руках и ногах пузырилась из-за проедающего их яда, упрямо направлял свою волю к намеченной цели.

И богиня с удивлением обнаружила разум, не уступающий по мощи ее разуму — и столь же совершенно натренированный в марсианских приемах ментального контроля и противоконтроля, которые земляне прозвали «мозговой дракой», а более просвещенные наблюдатели знали как комбинацию ментального фехтования и ментальных шах-

мат, причем исход такой схватки мог уничтожить побежденного.

Но жгучий яд помогал его разуму не подчиняться давлению богини и в конце концов позволил разорвать объятия. Покинув искалеченное тело девушки, она пошла в атаку, превратившись в вопящий сгусток чистой энергии.

И тут капитан Джон Макшард заставил себя подойти к упавшему оружию. Оно лежало в куче одежды и брони, которые он снял с себя перед тем, как богиня потребовала, чтобы он терзал свое тело.

Но все это время железная воля капитана сохраняла его личность неприкосновенной. И теперь он держал оружие, а золотой вихрь, бывший истинным обликом Шайенны Ша Шанаканы, волшебницы Безмолвной Цитадели, приближался к нему, с триумфом сознавая, что оружие капитана так и не смогло разрушить хрустальные гробы, в которых все еще находились соплеменники властительницы.

Однако капитан Джон Макшард знал о тех, кто сделал «бэннинг», гораздо больше, чем богиня. Ее соплеменники просто убили их. А капитан изучил культуру, проникнув в огромный пустой звездолет. Капитан обладал тем человеческим качеством, которого древним марсианам, несмотря на всю их власть, всегда не хватало. Они не проявляли любопытства по отношению к тем, кем питались. Капитан же обладал любопытством венерианского саблезубого тигра, чьи реакции были столь же быстры. И он очень много узнал, обследуя «Герцогиню Мальфи».

Он и не собирался разрушать «бэннингом» хрустальные гробницы. Это лишь высвободило бы из непрочного заточения толпу жадных бессмертных. Вместо этого он включил его энергетический блок — батареи, которые всасывали энергию в космических масштабах, а потом, при необходимости, *питали* оружие. *Устройство* в его руках могло содержать в себе энергию целой Вселенной — и выплеснуть эту энергию в нужном направлении.

Поэтому все и выглядело так, будто оружие не смогло разрушить кристаллы, на самом же деле оно поглотило их огромную энергию. Теперь волшебница уже не могла ею воспользоваться. И ее собственная энергия, лишившись подпитки, начала иссякать. Тогда богиня решила вернуться

в тело девушки. Но без энергии, поглощенной «бэннингом», ей это не удалось.

И она замерла, балансируя на грани между отчаянным стремлением обрести плоть и неумолимым притяжением «бэннинга».

Капитану осталось совершить последнее — взять внешне безжизненное тело девушки, пронести его по извилистым грязным туннелям теннетов, которые к тому времени давно разбежались, и вынести ее на поверхность, пока богиня визжит и кричит в хрустальной камере. Казалось, вся планета содрогается от ее отчаянных попыток обрести силы, черпая их от заключенных братьев и сестер.

Властительница была в ярости. Не потому, что чувствовала приближение смерти, а потому, что какой-то жалкий человеческий полукровка смог ее одолеть. Такого унижения она вынести не могла.

Капитан увидел, как его догоняет яркий огненный шар, на котором через несколько секунд проступили черты лица. Не того лица, которое он уже видел, а в другого, ужасного и отвратительно прекрасного. Богиню притягивало к капитану, к инопланетному оружию, которое высасывало ее душу. И она перестала ему сопротивляться. Она могла бы жить и дальше, как уже прожила тысячелетия, но выбрала забвение. И освободила свое сознание. Лишь ее энергия осталась в батареях «бэннинга». Но в этом капитан никогда не будет уверен.

Теперь только естественные препятствия преграждали ему путь к поверхности. И через некоторое время он наконец-то выпрямился, глотая разреженный воздух и глядя вверх.

Неожиданно печальный ветер начал растягивать на небе темно-синюю завесу. И капитану на мгновение показалось, будто на Марс вернулась прежняя жизнь, когда моря омывали богатые и таинственные берега планеты.

Выбравшись из туннелей, Макшард понял: оружие придется оставить, иначе он не донесет девушку. Придется рискнуть. Оружие накопило такой заряд, что могло причинить огромный вред. Если с ним обращаться неправильно, оно не только истребит все живое в радиусе сотни метров, но, возможно, уничтожит и немалый участок самой планеты. И все же он предположил, что теннеты грозят оружию

не больше, чем теперь грозит волшебница Безмолвной Цитадели. А первых людей он встретит не раньше, чем пересечет Рай.

Он шел без остановки, пока не наступила ночь. Девушка была едва жива, ее плечи и ноги покрывали язвы от яда теннетов, но лицо каким-то чудом оказалось нетронутым. Капитан оставил ей немного воды — все, что у него было с собой, — и побрел дальше. Он шел к Старому Городу, когда на него наткнулся патруль.

Врачи в порту лишь качали головами. Они считали, что никакой надежды на его спасение не осталось. Но тут в дело вмешался Морриконе. Он полетел с капитаном на Фобос, в знаменитую клинику «Аль-Рабия», где уже лечилась его дочь. И врачи клиники занялись капитаном. На него был потрачен миллиард диинов, и они его спасли.

Но, вернув жизнь Джону Макшарду, они занесли в его организм вирус нового вида гнева — глубокого осознания несправедливости. Капитан остро почувствовал: мальчишки-калеки просят милостыню на пыльных улицах Марса, в то время как привилегированные особы летят на Фобос, чтобы воспользоваться новейшими достижениями медицины.

Нет, он не испытывал гневных чувств к самому Морриконе. Купец сдержал свое слово и заплатил обещанное вознаграждение, даже превысив его. Капитан не винил Морриконе за его неспособность понять или представить, что на каждую спасенную им жизнь героя приходятся жизни миллионов обычных людей, которым никогда не выпадет шанс стать героем.

По просьбе капитана его оружие отыскали. Никто не осмелился взять его в руки, поэтому «бэннинг» извлекли из дюны манипулятором и привезли владельцу в герметичном контейнере.

Капитан Джон Макшард несколько раз виделся с Мерседес Морриконе после того, как покинул клинику и ждал, пока его корабль переоборудуют в соответствии с его новыми указаниями. Пластическая хирургия избавила красавицу от значительной части шрамов. Девушка испытывала к нему большее чувство, нежели простая благодарность. Она знала капитана так, как не знала ни одна женщина до нее. И она полюбила его. С этим она ничего не могла поделать. И понимала, что капитан Джон Макшард не может

предложить ей больше того, что он уже сделал, — вернул ее к жизни.

И все же, возможно, что-то еще оставалось. Щемящее чувство близости, почти отцовской любви к дочери. К своему удивлению, капитан понял, что девушка ему дорога. Он даже взял ее с собой, когда повез мальчика на «Герцогиню Мальфи» и показал полустабильные газы и драгоценные камни, с помощью которых управлялся корабль. Ему хотелось, чтобы мальчик запомнил, что корабль можно понять и подчинить своей воле. А Мерседес снова влюбилась — в корабль уникальной красоты.

Как бы в шутку она сказала, что они втроем могут стать маленькой семьей закаленных первопроходцев, отправляющихся на поиски миров вокруг далеких звезд. Как замечательно было бы стоять рядом с ним, пока он ведет инопланетный корабль по коридорам многомерной Вселенной, следуя сквозь бесконечные слои реальностей межзвездной материи вдоль линий, зародившихся в непостижимо далеком прошлом. И как здорово было бы увидеть то, что увидит он.

Капитан в это время устанавливал тяжелый контейнер с «бэннингом» в специально сделанную для него раму возле кровати. Он заказал себе и новый силовой костюм; теперь тот покрывал все его тело, выделяя очертания мускулов и сухожилий, пока Макшард грациозно перемещался по кораблю, занимаясь привычными делами — проверяя экраны, инфошары и мерцающие колонны силовых полей.

Мальчик наблюдал за ним, широко раскрыв глаза. Возможно, он понял. А может, лишь сделал вид, что понял.

Возможно, и капитан Джон Макшард лишь сделал вид, что не понял слов Мерседес о том невозможном будущем. Он не сказал девушке, кем нужно стать, чтобы повести «Герцогиню Мальфи» сквозь пространство и время. И кем надо перестать быть. Чего нужно научиться никогда не желать, о чем никогда даже не думать.

Он был нежен, когда провожал ее домой из космопорта, привез ее и мальчика к большим дверям дома Морриконе, поцеловал в щеку и попрощался навсегда.

Она крепко держала мальчика за руку. Тот стал ее связью с мечтой. Девушка сказала, что даст ему лучшее образование, какое только можно получить.

А потом мальчик и девушка смотрели вслед уходящему капитану Джону Макшарду.

Его безупречное тело неожиданно превратилось в силуэт на фоне огромного алого солнца, садящегося за марсианский горизонт. Полоски красной пыли танцевали вокруг его ног, пока он уходил по дорожке поместья Морриконе, окаймленной искусственными кедрами и голографическими фонтанами. Он подошел к воротам, собрался было обернуться, но передумал и зашагал дальше.

Утром девушка и мальчик снова стояли вместе на станции Старый Марс, когда «Герцогиня» стартовала к новым мирам за Плутоном, где, как полагал капитан Джон Макшард, он найдет то, что ищет.

Он обрел нечто большее, чем космическая энергия, затаившаяся в недрах его оружия. Теперь он знал, что такое любовь — обычная, достойная, радостная человеческая любовь. Он испытал ее. И она все еще грела его душу.

Корабль плавно мчался вперед, ведомый собственным разумом. Капитан отвернулся от приборов и налил себе «Вихревой воды», в которой уже давно нуждался.

Разглядывая великий гобелен звезд, размышляя обо всех этих мирах и расах, которые должны их населять, капитан Джон Макшард на время позабыл о приборах.

Подобно дикому существу, каким он и был, он стряхнул с себя пыль, ужас и воспоминание о любви.

К тому времени, когда звездолет пролетал мимо Юпитера, капитан Джон Макшард вновь стал прежней личностью. Он похлопал по контейнеру с «бэннингом». Теперь его оружие заряжено жизненной силой богов.

И вскоре он сможет начать охоту на действительно крупную дичь.

Межзвездную дичь.

МАЙКЛ КАНДЕЛЬ

Космическая опера

Майкл Кандель (р. 1941) — известный писатель, редактор и переводчик с польского (за свои переводы Станислава Лема дважды выдвигался на престижную Национальную книжную премию США). В течение нескольких лет возглавлял редакцию фантастической литературы в издательстве «Harcourt» (ранее известном как «Harcourt, Brace, Jovanovich»), сейчас работает в Ассоциации по изучению современного языка. Кандель опубликовал три фантастических романа — «Междраконье» («In Between Dragons», 1990), «Капитан Джек Зодиак» («Captain Jack Zodiac», 1991) и «Скат панда» («Panda Ray», 1996),— а также некоторое количество рассказов. Он не пишет космических опер. Строго говоря, он как раз из тех писателей, кто обостренно реагирует на малейшие проявления литературного снобизма, неизбежные, когда звучат слова «космическая опера». И совершенно логично, что именно он представляет в данной антологии пародию 1990-х. Как нетрудно заметить, в начале 1990-х годов слова «космическая опера» еще звучали ругательством; возможно, и до сих пор звучат.

Его «Космическая опера» — это пародия и на оперу, и на одноименный поджанр фантастики. Впрочем, не будем забывать величественную «Аниару» — оперу по эпической поэме Гарри Мартинсона об освоении космоса. Лучше, чем это сделал Кандель, наверное, и не обыграть буквальное значение идиомы, не высмеять нелепицы оперы и космической оперы. Ознакомьтесь с краткой выжимкой содержания всех пяти актов, причем комментированной.

Терри Биссону,
паладину научной фантастики

Акт 1

Занавес поднимается, на сценс — кузовные мастерские Вюффопа, космопорта Далминианской империи, система альфы Лебедя, планета Криф. Бобби Де Врис по кличке Ракета и его коллеги механики рихтуют вмятины на корпусе старого крейсера. Они поют «Вернем это старое корыто к звездам», отмечая синкопы ударами своих

молотков (аккомпанемент: тромбоны и тарелки в ироничном размере пять шестых, напоминающем о концерте для шалмая[1] Фридриха Виндберна).

Полемика с Виндберном — как музыкальная, так и философская — проходит через всю оперу красной нитью. Гарольд Дэвидсон учился у Виндберна во Франкфурте-на-Майне, когда был зеленым юнцом, прежде чем маэстро сошел с ума и удалился в скандально известный мадрипурский ашрам — тот же самый, где, по случайному совпадению, окончил свои дни и Себастьян Карлинский. Рассказ дэвидсоновского биографа Хайрама Бака об этом периоде его жизни занимателен, но не вполне достоверен. Не следует забывать, что Бак пристрастен: по его мнению, Дэвидсон якобы увел у него вторую жену и заветный пост исполнительного дирижера Гринвичской консерватории (на который Бак, по правде говоря, и не мог претендовать).

Вбегает Фред с новостью о том, что на Криф скоро прибудет с визитом Дарг Бхар, губернатор Соединенных Астероидов. Механики ликуют: будет много работы, ведь флот у Бхара большой, а все знают, что суда, бороздящие старые космические трассы между астероидами в поясах Коу, вечно получают вмятины от столкновений с кусками льда, камня и выброшенными радиодеталями. Петро, друг Бобби, шутит: наконец-то у него, Петро, будет достаточно денег, чтобы жениться на Миранде. Все смеются, зная, что Петро уже раз пятнадцать просил руки Миранды, гордой дочери капрала Биггса, и неизменно получал отказ. Петро исполняет арию: «Ты беден и уродлив, она ему сказала. Откуда ж столько наглости просить моей руки?» Механики решают отпраздновать радостную весть в уютном вюффонском кабаке «У Гарри». Бобби, странно молчаливый, не присоединяется к своим дружкам, которые с песней уходят прочь. Он говорит им, что от стука молотков у него разболелась голова.

Когда дружки уходят и сцена погружается во тьму, Бобби исполняет навязчиво-жалобную арию «Беата, что станет с тобою?» Мы узнаем, что младшей сестре Бобби, Беате, грозит опасность угодить в клешни Дарга Бхара. «Она совсем еще ребенок,— поет он,— и даже не имплантирована». Злой, сладо-

[1] *Шалмай, шоум* — средневековый духовой инструмент, предшественник гобоя.

страстный Бхар хочет добраться до Беатиной ДНК и навсегда превратить девушку в свою рабыню. Бхар давно горит темной похотью к малышке-сестре Бобби — с того самого момента, как увидел ее на ежегодном конкурсе песни «Святая Камилла», всю в тюле и лилиях. Беата очаровательна, стройна, у нее ангельский голос. Бобби за нее страшно. В смелом эпизоде сна наяву (впервые Дэвидсон использовал этот призванный эпатировать нью-йоркских критиков ход в «Полюбовнице мясника») Бобби является Беата и поет: «Я справлюсь и сама. Отстань же, Бобби». Потом является и Дарг Бхар в сопровождении Лейлы Зифф-Калдер, недавно им отвергнутой и жаждущей мести. Этим ходом «сон наяву» Дэвидсон крайне поучительно разрубает нарративный гордиев узел (насколько там вообще можно говорить о нарративе), с бесхитростной экономией вводя большинство сюжетных завязок: перекрестные дуэты[1] — Бобби и Беата, Бхар и Лейла — демонстрируют нам костяк того конфликта, что развернется в дальнейшем. «Лишь тридцать мне, — поет Лейла, — я не старуха. Блаженство я могу еще дарить и принимать». Бхар, не обращая на нее внимания, поет: «Порочен я, так что же? Наплевать! Загробной жизни нет». Бобби поет: «Сестренка, он подлец подлей подлейших! Прислушайся, я дело говорю». Беата поет: «Отстань же наконец, любезный братец. Не лезь, куда не просят». Четыре голоса сливаются, и по нисходящему уменьшенному септаккорду Дэвидсон вводит лейтмотив ДНК (предвосхищающий генно-инженерный ужас акта пятого), подхваченный струнными и одиноким гобоем; на этой красивом, задумчивом звучании — как будто композитор с холодным цинизмом новоанглийского деконструктивиста дистанцируется от «штурма и натиска» бурных страстей и своевольных машин не только интеллектуально, но и эмоционально — опускается занавес.

Акт 2

Акт второй начинается, как ни странно, с увертюры — Дэвидсон снова дразнит нью-йоркский критический истеблишмент, особенно Кармина Гесса, этот придирчивый

[1] Явная пародия на знаменитый квартет из последнего акта «Риголетто» Верди.

столп традиции, который тоже метил — а кто не метил? — на пост исполнительного дирижера Гринвичской консерватории. Взбираясь по музыкальной лестнице, Дэвидсон нажил бесчисленных врагов.

Знаменитую «фирменную» прелюдию — ля-бемоль, ля-бемоль, соль[1] и звучание субдоминанты тональности ми мажор на десять полных тактов — сменяет *presto-adagio*[2], и на теплую кабацкую атмосферу сцены «У Гарри» накладываются нервные нисходящие арпеджио, которые скоро будут ассоциироваться с темой отчаянного замысла Лейлы. Дэвидсон любит сплетать контрастирующие настроения, и эта сцена отличный тому пример: малые септимы соревнуются с чистыми квинтами, арфа капризно соперничает с контрафаготом.

Поднимается занавес, и мы оказываемся в городе бактов. Бактианский хор поет о готовящемся вторжении в Далминианскую империю, система альфы Лебедя, планета Криф. Наконец-то бакты прогонят этих собак-людей и пересвятят древние подводные храмы. Капитан Провлюкс говорит Тывлику, своему заместителю и конфиденту, что на этот раз все должно получиться: среди людей нашелся предатель, который отключит защитное силовое поле ровно в тот момент, когда корабли бактов вынырнут из гиперпространства. «Люди совершенно лишены морали, — говорит Тывлик. — Они предают своих по первому же звонку. Они готовы и собственную бабушку продать за презренный металл. Они просто грязь». Провлюкс объясняет ему, что на этот раз дело не в деньгах. Есть наживка и посильнее. А именно — любовь. Провлюкс и Тывлик исполняют дуэт «Что такое любовь? Одна из человеческих глупостей». Дэвидсон, снова показывая нос узколобым музыковедам Джуллиарда и Линкольн-центра, игриво вводит в вокальную партию фырканье, добиваясь уникально комичного эффекта йодля. «Когда человеческое сердце берет верх, фырк-фырк, человеческий разум дает деру». Входит генерал Врикоб со своей свитой и отдает Провлюксу особое распоряжение — проследить, чтобы люди, когда их разбитые остатки ретируются в местный кустарник, ни в коем случае не уничтожили генетическую лабораторию.

---

[1] Тема взята из фа-минорной прелюдии И. С. Баха («Хорошо темперированный клавир», т. 2).

[2] Предельно быстро — размеренно медленно *(ит.)*.

Оказывается, план вторжения включает перестройку самого генома человека. Захватив генетическую лабораторию, бакты сделают людей слабыми и покорными до конца времен; все, что для этого надо, — подкрутить аллели 34M-44F-XA во второй хромосоме слева. «Гуанин, аденин, цитозин», — поет генеральская свита под аккомпанемент хриплых саксофонов и зловещих аккордов цимбал.

Когда бакты-военные уходят, из-за булыжника появляется досель незамеченная Буйда, дочь старшего оружейника Греффа. Откинув с лица вуаль, она исполняет плач о том, что Провлюкс, мол, совсем спятил с этим своим карьеризмом и жаждой власти: хочет теперь спариваться не с ней, Буйдой, а с человеческой самкой, некой Беатой Де Врис, которую в прошлом квартале видел по телевизору — транслировали ежегодный конкурс песни «Святая Камилла», где эта бесстыдная особа внебактианского происхождения была вся в тюле и лилиях. «Что такое есть у человеческих женщин, — поет Буйда, — чего у нас, честных бактианок, нет?» Буйда раскрывает свой план: облачиться в доспех, выдать себя за коммандос и записаться в армию вторжения. В подходящий момент она вонзит свой церемониальный, с зазубринами, бронзовый кинжал в девственно белую грудь презренной инопланетянки Де Врис, а затем покончит с собой. «Ибо не мила мне жизнь, — поет несчастная, — без моего Провлюкса».

Акт 3

Мы в генетической лаборатории возле космопорта Вюффон. Седобородый доктор Кабрини помешивает в митохондриальном чане. «Мы построим лучшую расу, — напевает он, — расу высоких чаяний». Возможно, это самая прекрасная, самая возвышенная ария из всех, когда-либо написанных Дэвидсоном; и концептуально, и эмоционально она многим обязана заключительной сцене из «Саломеи раскованной» Фридриха Виндберна, той, где Теренс отвергает домогательства ведьмы Фаффы. Добрый доктор перечисляет все пороки человеческой расы: фривольность, жестокость, пристрастие к смотрению в различные экраны. Теперь, когда нам покорились звезды, рассуждает он, самое время покорить самих себя.

Входит его сын Чак (звучит вульгарная, бездумная мелодия диско) и спрашивает: «Пап, ну че ты все торчишь среди этих старых пробирок и автоклавов? Вышел бы куда-нибудь, поразвлекся немного для разнообразия». Развлечение, по Чаку, — это пойти в зал виртуальных автоматов и подключиться к какому-нибудь электробильярду энного поколения. Доктор Кабрини качает мудрой головой и говорит в ответ, что людям следовало бы посвятить время и силы благосостоянию вида в целом, а не пустым, эгоистичным, гедонистским забавам. И начинается дуэт, в котором доктор Кабрини рассказывает о своем великом открытии: он выделил ген агрессии. Стоит его удалить — и наступит мир во всем мире. «Отлично, пап, — отвечает Чак, — но что делать, если на нас вдруг нападут?» Эта на первый взгляд комичная перебранка выражает глубокую экзистенциальную дилемму: в некотором отношении мы должны всегда оставаться зверьми, полагает Дэвидсон, чтобы защититься от зверей, иначе те покорят нас и убьют, и род людской прервется. Однако, спрашивает философ, чей именно род продолжится, если мы останемся зверьми?

Лукас Фандера писал в «Чарльстон геральд»: «Такова гениальность Гарольда Дэвидсона, что в дуэте „Ген агрессии" невозможно отделить музыку от текста либретто, идею от людического[1] переплетения и взаимодействия слова и звука. Дуэт поражает нас удивительной целостностью, подобно прекрасной женщине, подобно боксерской перчатке, подобно неожиданному копью прозрения из высших сфер».

Чак уходит, чтобы предаться своим бесплодным ребяческим забавам, а старик со вздохом возвращается к работе — но тут мы замечаем, что в лабораторию украдкой проникла женщина в плаще с капюшоном. Укрывшись в глубокой тени, она просит флакон цисметилированных лигандов. Доктор Кабрини в ужасе отшатывается. «Это же смертельный яд», — говорит он. «Разумеется, — отвечает женщина. — Но ты дашь мне его, старый дурак, потому что я знаю, откуда ты раздобыл деньги, чтобы отправить свою больную жену в государственную больницу тринадцать лет назад на планете Турризо, хотя это и не помогло ее щитовидке, правда же? И я растрезвоню об этом на весь свет, если ты не сделаешь,

[1] От лат. *ludus* — игра.

как я велю. Тебе придет конец, конец». — «Ах, вы жалкая, ничтожная личность! — говорит доктор Кабрини. — Будь вы иного пола, я сказал бы, что вы сам Дарг Бхар. Это его стиль». — «Я и есть... я буду... парой Даргу Бхару на веки вечные». С этими словами женщина откидывает капюшон, и мы видим, что это не кто иной, как Лейла Зифф-Калдер. На ее побледневшем лице гримаса решимости, в серых глазах пылает ненависть. «Я ни перед чем не остановлюсь, чтобы вернуть его, — поет она. — Лучше не стойте у меня на пути».

Молекулярный биолог распрямляет спину. «Извините, но нет, — отважно говорит старик Лейлс. — Я не могу пойти против совести». Она достает лазерный пистолет и без малейшего колебания стреляет ему в сердце. «Я тебя предупреждала». Они исполняют энергичный дуэт на тему морали. «Компромисс недопустим», — поет он, а она отвечает: «Случаи бывают разные». Он спотыкается, падает, хватается за грудь и поет: «Теперь я не смогу спасти человеческую расу от нее самой. О как безвременно уносит меня сие жестокое насилие». В лихорадочной грезе он видит самого Господа на престоле — хохочущего, поскольку меркнущему сознанию доктора Кабрини Властелин Света явлен Князем Тьмы. Скрипки и виолончели заходятся в хроматическом нисходящем *tremolo crescendo sforzando*[1], в котором различимы отголоски Шёнберга и реверанс в сторону Пистона, а божество-дьявол поет: «Судьба лишь розыгрыш, а ваше благородство — не более чем топливо для моих демиургических проказ».

Падая, умирая, доктор Кабрини поет под аккомпанемент скрипок *con legno*[2]: «Каждый атом души моей отказывается верить в это черное зло. Наш удел более чем онтологический анекдот. Должен быть. Так мне подсказывает мое сердце, увы, пробитое без надежды на ремонт».

В этот момент аудиторию ждет самый неожиданный и нервирующий сюрприз: невидимый хор неестественно высоких голосов, будто мультяшных или после доброй дозы гелия, издевательски подхватывает: «Более чем анекдот, более чем анекдот». И на этом занавес опускается, но хор про-

[1] Тремоло крещендо сфорцандо (бессмысленный набор музыкальных терминов).

[2] Прием игры обратной стороной смычка.

должает петь под вполне уместный аккомпанемент оловянной свистульки, вуд-блоков и язвительного глокеншпиля.

На одном из ранних представлений оперы, в маленьком театре под Берном, разъяренная публика ворвалась по окончании этого акта на сцену, разломала декорации и побила подвернувшихся под руку исполнителей, причем один угодил в реанимацию. «Святотатство, — кричали слушатели. — Святотатство!» О происшествии писали все европейские газеты; последовало длительное судебное разбирательство.

Акт 4

Оркестровая интерлюдия, с ненавязчивым светопредставлением а-ля Вагнер на лиловом фоне, подготавливает смену атмосферы. Когда поднимается занавес, мы вновь оказываемся в кузовных мастерских космопорта Вюффон. Механики радостно рихтуют изъязвленный метеоритами корпус, а Бобби, Петро, Фред и еще несколько человек подметают пол и полируют медные настольные лампы, ведь именно сегодня ожидается визит губернатора Соединенных Астероидов. Бобби выглядит понуро. Мы не можем догадаться о его мыслях или планах, но ясно одно — что-то его мучает. Петро пытается разговорить его, но безуспешно.

За сценой звучат голоса, потом — слаженный топот множества ног. Это свита губернатора. Они поют: «Посторонитесь, мы большие шишки». Гремит маршевая музыка, на сцене выстраиваются стражники с флагами, и входит Дарг Бхар. Он задрапирован мехами, увешан аляповатыми ожерельями. Рядом с ним — сестра Бобби, Беата. Бобби замирает, не в силах глаз от нее отвести. Он сразу понимает, что Беата не в себе. Она словно одурманена. Глаза ее расширены. На ней глубоко декольтированное платьице черной кожи с разрезом и фривольные переводнушки. Не начал ли подлый Бхар уже творить над ней свои сладострастные злодейства? Бобби стискивает кулаки. Видно, что его так и подмывает схватиться за оружие. «Какая мука, — поет он вполголоса. — Если я поддамся этому почти неудержимому импульсу негодования, то наверняка погибну, да и Беату не спасу. Но не могу же я вот так стоять и ничего не делать. Ах, будь здесь мудрый доктор Кабрини — он бы помог мне советом». Бобби

еще не знает, что молекулярного биолога больше нет в живых, (а мы только сейчас узнаем, что он вообще его знал).

Бхар поет о своем намерении править всей звездной системой, а когда-нибудь и галактикой. Да, он негодяй, но песня звучит подкупающе, ведь он обращается к недобитому задире в каждом из нас. Стражники подхватывают рефрен: «Власть — лучший возбудитель». Несмотря на всю серьезность, в этом номере проскальзывают игривые нотки оперетт Гилберта и Салливана. Воистину Дэвидсон был бы не Дэвидсон без таких перепадов настроения и глубоких противоречий.

Бобби удается отозвать сестру в сторону, и в красивом, искусно построенном дуэте шепотом — Дэвидсон написал эти партии в разных тональностях, что подчеркивает невозможность коммуникации между героями — Бобби поет: «Я не могу тебе позволить такое сотворить с собой», а Беата отвечает: «Не нужно мне твое братское благословение, я могу делать все, что хочу. Я теперь женщина». — «Женщина — или генетический робот?» — огрызается Бобби. В ответ Беата заводит подозрительно вялый распевный речитатив, который подтверждает худшие опасения Бобби: «Женщина, робот — какая разница, если ты отдала мужчине все, что могла».

Хайрам Бак усматривает здесь намек композитора на его третью жену Клариссу, в это время проходившую курс лечения от навязчивой страсти к семейному шнауцеру (между прочим, суке). Но даже если и так, что с того? Грубые таблоидные подробности не могут объяснить великого искусства. Личная жизнь композитора действительно порой напоминала мыльную оперу, но на его музыку это не влияло никак.

Бхар собирается подписать контракт с мастерскими, чтобы «его флот снова был как новенький», когда начинают выть сирены. Прибегает курьер с вестью о вторжении бактов. Начинается формешный пандемониум. Оркестр играет судорожное попурри из фрагментов Виндберна, Стравинского, Сейшнза и Айвза — и опускается занавес.

Занавес опускается, но четвертый акт еще не окончен. Мы слышим взрывы, проклятия. Свет в зале не зажигается. Публику окутывают запахи серы и озона. Солисты и массовка изображают вторжение бактов. Солдаты-люди и воины-бакты сражаются в проходах. Кого-то обезглавливают прямо на авансцене, бьет фонтан крови, флейты и пикколо

взвизгивают октавами. (В Кёльне некоторые дети были так этим напуганы, что последовали судебные иски. Дэвидсон однажды пошутил: такое, мол, впечатление, будто мою музыку чаще исполняют в зале суда, чем в театральном зале. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки: столь резкий конфликт с будничным миром свидетельствует о жизненности, оригинальности, неукротимой энергии, присущих сочинениям Дэвидсона.)

Акт 5

Зловещим рокотом фанфар открывается сцена в мраморном дворце Геви, столицы Крифа. На премьере в президентском дворце в Белизе моделью для декораций послужили древние фотографии мраморных правительственных зданий Вашингтона, округ Колумбия, что, должно быть, отменно добавляло к атмосфере фатума и гибели империи. Ликующие бакты выстроились при полных регалиях. Дарг Бхар закован в цепи, хотя ему оставили его меха. За ним, также в цепях, стоят механики. Миранда стоит в цепях рядом с Петро, который тоже закован, хотя это он был предателем. Генерал Врикоб сидит на троне, возвышаясь над всей толчеей, и злорадно потирает руки. Провлюкс поет Беате, тоже закованной в цепи, но тонкие и золотые: «Обратись в бактизм, самка человека, и я тебя пощажу». — «Я принадлежу Бхару, — поет она в ответ. — Не трать зря время».

И тут композитор извлекает из рукава очередной сюрприз, смешивая трагедию с буффонадой — и это когда драма достигла наивысшего накала! Дерзкий ход, наверняка оставивший современных Дэвидсону критиков в полном недоумении: они все на слюну изошли, но не понимали, *восхищаться им сценой или клеймить, не понимали, собственно,* что и думать. Все действие спрессовано в несколько секунд. Вперед выходит солдат, снимает шлем и встряхивает длинными волосами. Это Буйда, в руках у нее кинжал. В этот же самый миг из толпы с другой стороны выходит женщина в плаще с капюшоном, в руках у нее флакон. Это Лейла Зифф-Калдер. Обе они совершенно синхронно выбрали это время и это место, чтобы разделаться с соперницей. Аккомпанементом тщательно срежиссированному дей-

ствию служит полная тишина, как будто мы смотрим пантомиму. Возможно, Дэвидсон хочет сказать, что все мы не более чем примитивные марионетки наших страхов и желаний. И снова одна из любимых тем Виндберна, только в обращении: ведь до того, как удалиться в ашрам, Виндберн утверждал, что мы не марионетки («Wir sind nicht Puppen!»), мы обладаем свободой воли.

Буйда приближается и исступленно колет Беату кинжалом в грудь, тогда как Лейла Зифф-Калдер хватает Беату за волосы и вливает содержимое флакона ей в рот. Но — чу! — церемониальный бронзовый кинжал бактов с зазубренным лезвием и сверхтоксичные цисметилированные лиганды из лаборатории доктора Кабрини бессильны против сестры Бобби: вследствие невыразимых ночных манипуляций Дарга Бхара с ДНК Беаты она больше не человек, возможно, даже вообще не живое существо в традиционном понимании. Бобби рвется из оков, чтобы защитить ее, но в ужасе отшатывается, когда понимает, что его сестры больше нет, хотя и не в том значении, в каком он сперва решил, что ее больше нет. Эта сцена полна горькой и мрачной иронии; успех и поражение утрачивают привычный смысл. У Беаты не течет кровь от удара кинжалом, она не падает от смертельного яда. Вместо этого она поет: «Какая скука».

«Это твоих рук дело, Бхар!» — кричит Бобби. Повернувшись к нему, Бхар исполняет одну из самых зловещеличных арий в истории оперного искусства (она построена на лейтмотиве мести Лейлы Зифф-Калдер, данном в обращении и стретто): «Я спал со столькими женщинами, со столькими мужчинами, со столькими различными существами земного и неземного происхождения. Я спал с близкими родственниками, с младенцами и с разлагающимися трупами. Мне нужно было что-то новое».

Почему-то мы не удивлены, когда появляется призрак доктора Кабрини и зависает в воздухе над собравшимися. Он поет под мерный аккомпанемент японского барабана: «Вот что случается, когда мы ублажаем плоть в ущерб высоким чаяниям. Вот какое безумие случается».

Совместный хор бактов и закованных в цепи людей звучит обманчиво сложными двенадцатитоновыми аккордами: «Что станет с человечеством, если оно не задумается о своей бессмертной душе?» Финал выдержан в тональности до ма-

жор; он построен на мерном ритмическом движении четвертными длительностями на фоне басового органного пункта, духовые дудят во всю мощь, будто мы на свадьбе скандинавских богов в соборе столь огромном, что свод его теряется в дымке. Однако в тот же самый момент, почти что в качестве своего рода контрапункта, Беата и Чак уходят рука об руку под аккомпанемент едва слышной диско-музыки, наверняка чтобы подключиться к какому-нибудь экрану в зале игровых автоматов где-нибудь за кулисами. Их ухода почти никто не замечает. В известном смысле их тут и не было.

Так Гарольд Дэвидсон завершает свой опус магнум, воскресной проповедью вместо плача и кровавой бани, нарушив тем самым наиболее священное из правил оперного искусства. «Всего одно убийство и всего один призрак, — сетовала Альберта Квайр из „Сан-Диего таймс". — Почему же тогда это сочинение вопреки всему столь берет за душу?» На ее жалобный вопрос мы можем ответить словами Виндберна, однажды сказавшего в своих «Размышлениях на закат Солнца»: «В человеческих делах ужаснее всего то, что остается скрыто. Сам по себе проступок — ерунда, пустяк в сравнении с мыслью, что его породила». Возможно, Дэвидсон после столь изнуряющей и длительной полемики со своим великим учителем не мог в конце концов с ним не согласиться. Опускается занавес, и звучит величественная кода — оркестр с неумолимым лютеранским благочестием долбит один и тот же звук, снова и снова, пока публика, наконец осознав, не начинает расходиться: тут некий господин, поднявшись, надевает плащ, там некая дама берет свои перчатки и шарф. Долбежка продолжается, пока зал не пустеет, и тут мы вспоминаем о стуке молотков в кузовных мастерских космопорта Вюффон. Ведь что делают эти честные, бесхитростные молотки, как не удаляют — или пытаются удалить — погрешности в том, что некогда было безупречной, блестящей, идеальной поверхностью?[1]

[1] Рассказ стилизован под театральную программку типичной вампуки — оперы-пародии, высмеивающей условности традиционных оперных спектаклей. Кандель смешивает сюжетные мотивы «Нормы» В. Беллини и «Фауста» Ш. Гуно, «Кольца Нибелунга» Р. Вагнера, «Мефистофеля» А. Бойто и «Саломеи» Р. Штрауса... Реальные композиторы (Шёнберг, Стравинский, Айвз, Гилберт и Салливан) соседствуют здесь с вымышленными (Виндберн, Пистон, Сейшиз).

III

НОВЕЙШАЯ ВОЛНА
(XXI век)

Если первая фаза новой космической оперы использовала приемы британской «новой волны» (и, как отметил Джон Клют, британского «фантастического романтизма») на традиционной стилистической канве, то вторая фаза применяла опыт киберпанка и твердой научной фантастики к тому, для чего расчистила место первая фаза. Подобная классификация, разумеется, весьма произвольна, но вот отрывок из «Машины с Центавра» («The Centauri Device», 1975), который звучит так, словно киберпанк уже давно освоен: «Она гоняла по вене адренохромные возбудители с примесью рибосом местных летучих мышей», — говорят главному герою о его матери. Основные черты второй фазы новой космической оперы наиболее ярко продемонстрированы в «Пламени над бездной» («A Fire Upon The Deep», 1992) Вернора Винджа. Это космическая опера для тех, кто уже прочел «Нейроманта» («Neuromancer», 1984) и пользуется форумами «Юзнета». Скорее анархо-капиталистическая, чем (подобно старой доброй научной фантастике) империалистическая или (на манер некоторых современных работ) либерально-социалистическая. Отныне моделью галактического сообщества становится Интернет. В этом произведении содержится ответ на один из вопросов, который сам Виндж однажды и задал: возможна ли космическая опера в постсингулярной Вселенной? Иными словами, как мы можем писать о галактических приключениях человечества, если не такое уж далекое будущее (по словам самого Винджа) принадлежит нашим непостижимым потомкам?

Кен Маклеод
(«Locus»)

ТОНИ ДЭНИЕЛ

Грист

Тони Дэниел (р. 1963) живет в городке Аллен, штат Техас. Информацию об авторе можно найти на tonydaniel.com.mn.sabren.com. В начале своей писательской карьеры он опубликовал два эссе, вызвавших заметный интерес: «Узел: Проблема: Некоторые мысли о ремесле, искусстве и красоте, и о том, при чем здесь, черт побери, фантастика» («Knot: The Problem: Some Thoughts on Craft, Art and Beauty and What the Hell They Have to Do with Science Fiction», 1990) и «Этот павшивый кволик: Влияние „Песни Юга" на Люциуса Шепарда» («Dat Wascally Wabbit: The Influence of „Song of the South" on Lucius Shepard», 1990). В дальнейшем Дэниел выпустил четыре НФ-романа: «Тропа войны» («Warpath», 1993), «Земляшка» («Earthling», 1997), «Кабели Мета» («Metaplanetary», 2000) и «Быстрее света» («Superluminal», 2004) — два последних являются частями еще не дописанной трилогии в жанре космической оперы — и свыше двадцати пяти рассказов. Девять из этих рассказов составили сборник «Сумеречный спутник робота» («The Robot's Twilight Companion», 1999).

«Метапланетарная трилогия» («Metaplanetary»), являющаяся на настоящий момент главным произведением автора, была воспринята читателями и критикой как твердая космическая опера. Критик Пол Кинкейд писал:

«Война — дело сложное, и Дэниел делает серьезную попытку изобразить, насколько она может быть странной и запутанной. Для такой попытки требуется место. Более того, уже сама странность этого будущего, являющаяся одним из наиболее впечатляющих и последовательно выдержанных аспектов его книги, требует много времени. В целом, если Тони Дэниел сумеет сохранить в дальнейшем ту же масштабность и изобретательность, эта трилогия сможет стать потрясающе важной работой, способной вывести его в первые ряды современных авторов твердой НФ».

Действие трилогии перенесено на тысячу лет в будущее, в ней описывается гражданская война между внутренней и внешней частями Солнечной системы. Вся внутренняя Солнечная система связана гигантской сетью межпланетных кабелей, именуемой «Мет», внешнюю систему бороздят удивительные космические корабли.

«Люди, — говорит Дэниел, — стали не такими, как прежде. Многие из них представляют собой Большие Агрегации

Личностей, сокращенно БАЛы. БАЛы — это комбинации электронных, биологических и нанотехнологических структур, интегрированные в единую личность. Не существует более противоречий между реальным и виртуальным, между машиной и человеком — потому что люди, в большинстве своем, являются сразу тем и другим. Общение внутри БАЛов и между людьми приобрело крайне необычные формы».

«Грист» представляет собой первую часть «Метапланетарной трилогии». Здесь читатель попадает в бурный и необычный мир, который соответствует многим прежним традициям космической оперы, однако при этом преобразован, в духе Стросса, Вестерфельда и прочих, в богатое и плодотворное посткиберпанковское и поствинджевское отдаленное будущее. Все персонажи здесь неизмеримо превзошли человека, оставшись при этом людьми, даже слишком людьми. И назревает война, которую никто из них не в силах остановить, как бы ни было бессмысленно воевать при таких обстоятельствах. Здесь можно найти интересный материал для сопоставления с ироничной «Большой игрой» Стивена Бакстера.

> Дельные вещи, в которых что-то есть, пусть они и не предназначены для вечности, даже в самое запоздалое время приходят все-таки еще своевременно.
>
> *Мартин Хайдеггер. Письмо о гуманизме*[1]

Полночь по общесистемному в «Вестуэйском кафе»

Стоя над всем мироздaнием, терзаемый сомнениями священник блаженно помочился.

Он тщательно отряхнул капли, скользнул равнодушным взглядом по треугольнику звездной тверди, заключенному между его ногами, а затем застегнул штаны. Спустил в унитазе воду, а о дальнейшем позаботилась центробежная сила.

Андре Сад вернулся к своему столику. Он шел над живым огнем космоса, над разверзшейся бездной — можете продолжить список, — практически их не замечая. Хотя в

[1] Пер. В. В. Бибихина.

этом заведении, в «Вестуэйском кафе», и было нечто особенное лично для него, но сути оно представляло собой самую заурядную забегаловку с прозрачным полом, тонким, как лист бумаги, и прочным, как алмазная скала. Пятачок-пучок, как говаривали тысячу лет назад. Светящаяся вывеска над входом возглашала: «БЕСПЛАТНАЯ ДОСТАВКА». Другая, чуть пониже, вывеска говорила: «ОТКРЫТО КРУГЛОСУТОЧНО». Эта вывеска не горела. Закроют эту лавочку, как пить дать закроют.

Священник сел и поболтал ложечкой в чае. Он прочитал вывеску задом наперед, лениво задаваясь вопросом, похожи ли хоть немного звуки, формировавшиеся в его голове, на настоящий, древний, английский. А как тут поймешь, когда в голове шматок гриста?

«На общем уровне все понимают друг друга, — думал Андре Сад. — Хотя бы примерно, более или менее, они понимают, о чем ты».

Тускло, жирно поблескивает держалка для салфеток. Солонка заполнена наполовину, дырочки в ней давно пора бы прочистить. В тех местах, где обычно ставят тарелки, покрытие столешницы протерлось насквозь. ДСП, проглядывавшая в протертых местах, явно отсырела. В крошеном, проклеенном дереве просверкивал подобно чешуйкам слюды свободно плавающий грист: ремонтно-очистительный в давнем прошлом грист, начисто оторвавшийся от ресторанного управляющего алгоритма, что же ему остается, кроме как сверкать? Ну точно, как просветившийся адепт Пути Зеленого Древа. Оторвался и сверкает.

Что вы возьмете к этому гамбургеру?

Грист. *Nada*[1] и грист. Грист и *nada*.

«Я прохожу период депрессии, — напомнил себе Андре. — Я даже серьезно подумываю бросить священство».

И тут заговорила пелликула Андре — мелкодисперсная алгоритмическая часть его личности, раскинувшаяся более-менее неподалеку, заговорила, словно очень издалека.

Такое повторяется каждую зиму. А в последнее время усугубляется еще и бессонницей. Кончай ты с этим nada и nada. Будто сам не знаешь, что все материально.

«Кроме вас», — подумал в ответ Андре.

[1] Ничего *(исп.)*.

Он привык представлять себе свою пелликулу как маленькое облачко алгебраических символов, следующее за ним, как рой мошкары. Само собой, в действительности никто ее не видел.

Кроме нас, подумала пелликула.

«Ну и ладушки, остановимся пока на этом. Сыграйте мне какую-нибудь песню, вам не трудно?»

Уже через мгновение в его внутреннем ухе загудел гобой. «Не думай ни о чем» — древний гимн Зеленого Древа, который напевала мама, качая его в колыбели. Взращен и взлелеян в вере. Пелликула снабдила гимн парой инверсий и вариаций, однако звуки все равно вселяли мир и спокойствие — как и всегда.

Имелся способ рассчитать, сколько зим Диафании Земля—Марс вмещается в земной год, однако Андре никогда ничего не рассчитывал, перед тем как вернуться в семинарию для ежегодного послушничества, и они — то есть зимы — неизменно заставали его врасплох. Однажды просыпаешься утром, а свет за окном потускнел.

Дверь кафе открылась, и весь ее проем властно заполнила фигура кардинала Синефила. Это был крупный мужчина с роскошной гривой белоснежных волос. Кроме того, он был адаптирован к космической пустоте и бел лицом, как слоновая кость. Он был весь в черном, с петличным значком в форме дерева. Зеленого, конечно же.

— Отец Андре,— окликнул Синефил через весь зал; его голос звучал, как полицейский мегафон.— Ты разрешишь мне составить тебе компанию?

Андре молча указал рукой на место напротив. Синефил подошел размашистыми шагами и плотно, с размаху сел.

— Не поздненько ли гуляете, господин Мортон? Это же вроде не в ваших обычаях,— сказал Андре и отхлебнул из чашки глоток чая.

Чай отдавал перепрелой соломой. Наверно, пакетик слишком долго пролежал в воде.

«Мочился я слишком долго»,— укорил себя Андре.

— Я пытался найти тебя в семинарском пристанище уединения,— сказал Синефил.

— Ну и правильно, что пришел потом сюда,— кивнул Андре.— Здесь я обычно и сижу, если не там.

— А что, студенты все еще тусуются в этой забегаловке?

— Да. Собака вот тоже возвращается к своей блевотине, так и я. Или к чьей-нибудь блевотине.

К столику неспешно подошел официант.

— Меню потребуется? — спросил он. — Я буду носить все руками, а то столики испортились.

— Пожалуй, я возьму себе что-нибудь, — прогудел Синефил. — Ну, скажем, лхаси.

Официант кивнул и удалился.

— А как у них с клиентурой? — поинтересовался Синефил. — Настоящие люди еще заходят?

— Думаю, им не по карману даже перекрасить свое заведение.

Синефил обвел помещение взглядом. Словно лучом прожектора.

— Да здесь и так достаточно чисто, — подытожил он результаты инспекции.

— В общем-то, да, — согласился Андре. — Думаю, базовая окраска все еще действует и только тонкий, сложный грист вышел из строя.

— Тебе здесь нравится.

До Андре вдруг дошло, что он загляделся на кружение чая в чашке и на миг утратил контакт со своим начальником.

— С тех пор как я пришел в семинарию, — начал Андре и улыбнулся, — это кафе стало вторым моим домом. — Он сделал глоток чая и откинулся на спинку. — Именно здесь я испытал свое первое сатори.

— Слышал, слышал, это вошло уже в легенду. Ты вроде бы ел тогда картофельное пюре.

— Пюре из бататов, если уж быть совсем точным. Можно было взять три вегетарианских блюда, ну я и выбрал бататы, бататы и снова бататы.

— А вот мне эту сладкую картошку и насильно в рот не впихнешь.

— Это тебе только кажется. Бататы нравятся всем, а не нравятся, так после понравятся.

Синефил басисто расхохотался, его тяжелая голова запрокинулась к потолку, в красноватых, как бронза, глазах мелькнул на мгновение свет.

— Андре, — сказал он, отсмеявшись, — нам нужно, чтобы ты вернулся к преподаванию. Или к исследовательской работе.

— Мне недостает веры.

— Верь в себя.

— Это то же самое, что и вера вообще, как тебе прекрасно известно.

— Ты слишком хороший ученый и священник, чтобы так терзаться сомнениями. Мне уже начинает казаться, что чего-то я здесь не понимаю.

— Мне кажется, Мортон, что сомнение не пойдет к твоей прическе.

— Так вы решили? — спросил вернувшийся официант.

— Мне — шоколадный лхаси, — не колеблясь, откликнулся Синефил. — А отцу Андре — хоть малую толику веры.

Официант застыл в недоумении, его гристовая нашлепка то ли не смогла перевести слова кардинала Синефила, то ли превратила их в полную абракадабру.

«Этот официант, — подумал Андре, — он почти точно из Радиала Блаженных Садов. Подсобные работники в большинстве своем состояли в Семинарском Барреле. Там у них был свой профессиональный жаргон и тысячи диалектов, сильно разошедшихся. БАЛы этого клана бедны как церковные крысы, а на баррелевую зарплату приличного криста не купишь».

— *Ийе фтип*, — сказал Андре официанту, конечно же, на жаргоне Блаженных Садов. — Это шутка.

Официант неуверенно улыбнулся.

— Все, что мне нужно, это крутой кипяток для моего чая, — добавил Андре.

Официант ушел с видом явного облегчения. Геройская внешность Синефила могла вогнать в дрожь и кого покрепче.

— Отсутствие у тебя веры не подкрепляется никакими эмпирическими доказательствами, — сказал Синефил. Это был приговор, не подлежащий обжалованию. — Ты — хороший священник, получше многих. С Тритона идут о тебе великолепные отзывы.

«Линсдейл, — подумал Андре. — Бродячий он, видите ли, монах. Бродячий стукач, так будет точнее. Ну, задам я ему на следующем конклаве».

— Мне здесь хорошо. У меня хороший приход, и я балансирую камни.

— Да, это создаст тебе своего рода репутацию.

— У Тритона лучшая для этого гравитация во всей Солнечной системе.

— Я видел твои творения по мерси. Они прекрасны.

— Спасибо.

— А что происходит с ними потом?

— О,— улыбнулся Андре,— они попросту рушатся, стоит чуть-чуть отвлечься.

Официант принес шоколадный лхаси и саморазогревающийся графин воды для Андре. Синефил приложился к соломинке и враз уполовинил свое питье.

— Великолепно.— Он откинулся на спинку стула, удовлетворенно вздохнул и рыгнул.— Андре, я имел видение.

— Ну что ж, это твоя профессия.

— Я видел тебя.

— И что же, я кормился в «Вестуэйском кафе»?

— Ты падал и падал сквозь бесконечное море звезд.

Графинчик забулькал, и Андре поторопился долить себе чашку, прежде чем из воды уйдет весь растворенный воздух и она станет безвкусной. Горячая вода и чуть тепловатый чай смешивались, образуя замысловатые водовороты. Болтать в чае ложкой он не стал.

— Твой полет остановило огромное дерево. Говоря конкретнее, ты в него врезался и застрял в ветвях.

— Иггдрасил?

— Нет, не думаю. Дерево было совсем иное, я никогда не видел его прежде. Это очень тревожно, ведь я привык думать, что есть лишь Одно Древо. Впрочем, это дерево было таким же большим.

— Большим, как Мировое Древо? Как Гриптри?

— Ничуть не меньше. Но заметно иное.

Синефил посмотрел вниз, на звезды, сверкавшие под ногами. В его глазах, сразу потемневших, замерцали серебряные искры. Адаптированные к открытому космосу глаза всегда принимают окраску того, на что они смотрят.

— Андре, ты и представить себе не можешь, насколько все было реально. И даже не было, есть. Это трудно объяснить. Ты знаешь о других моих видениях, видениях грядущей войны?

— Сожжение Единственного Древа?

— Да.

— Оно знаменито по всему Пути.

— Мне это безразлично. Плохо, что никто из посторонних меня не слушает. Как бы там ни было, это видение заслонило собою все прошлые, военные видения. А вот сейчас, когда я сижу здесь с тобой, все это кажется мне каким-то спектаклем. Пьесой, которую ставят на сцене. И ты. И я. И даже эта грядущая война. Все это пьеса, в центре которой стоит это проклятое Древо. И оно меня не отпускает.

— Это в каком же смысле не отпускает?

Синефил поднял над столом чуть согнутые ладони, словно баюкая в них некую невидимую сферу. Он смотрел на это пустое место так, словно в нем сосредоточилось все мироздание, его глаза перестали двигаться. Но при этом они не стали бессмысленными, не остекленели.

Глаза Синефила горели настолько живым, напряженным огнем, что было больно на него смотреть. Когда Синефил погружался в транс, его материальное лицо начинало вибрировать. Крошечная, еле заметная вибрация, однако любому, кто ее видел, становилось не по себе. Он был полностью сосредоточен, однако ты никак не мог сосредоточить на нем свой взгляд. Здесь для этого пространства было слишком уж много его. Или слишком уж мало тебя.

«Здесь, прямо у меня на глазах свершается квантовая хронопортация, — подумал Андре. — Мгновенный выброс спиновой информации из будущего, просеянной сквозь архетипические регистры человеческого мозга Синефила.

И все это сводится к метафоре».

— Древо уже совсем сгорело, — сказал Синефил из глубин своего транса; его слова падали, как камни. — Сожжение свершилось. Но я вижу отнюдь не головешки, нет. — Он сжал кулаки и снова разжал их ладонями вверх. — Старое Древо — это лишь тень. Обугленные останки Единственного Древа, они не более чем тень другого дерева, нового Древа. Они словно тень нового Древа.

— Тень, — прошептал Андре и вздрогнул, услышав свой голос. Его кулаки были крепко стиснуты, словно в попытке помочь Синефилу.

— Мы переживаем время тени, — сказал Синефил; его напряжение немного ослабло. — Два дерева взаимонакладываются почти идеальным образом. Я уверен в этом, как никогда и ни в чем за всю свою прошлую жизнь.

Синефил при всей своей театральности не был склонен преувеличивать эффективность этих видений. Человек, сидевший напротив Андре, был не более чем одной из граней — человеческой гранью огромного конгломерата личностей. И все они объединялись центральным существом. Этот человек был марионсткой ничуть не больше, чем его энтальпический двоичный аналог, питающийся энергией Меркурия, или сети специализированного гриста, раскинутые по всему человеческому пространству и декодирующие вариации спинов античастиц, движущихся во времени вспять. Но он и не был уже тем самым человеком, который читал когда-то в семинарии вводный курс пасторского шаманизма и чьи лекции так нравились Андре. Десять лет назад Путь Зеленого Древа изготовил большую агрегацию личностей со специальной задачей хоть слегка приподнять завесу над будущим, и Синефилу было предписано преобразоваться.

«Я тоже был в бригаде, которая его разрабатывала, — подумал Андре. — Конечно же, это было давно, когда я только что закончил учиться и был принят ассистентом. До того как я прошел по Луне».

— Нет реальности выше видения.

Синефил взял губами кончик соломинки и допил свой лхаси. Андре не совсем понимал, куда в этом человеке девается жидкость. Он же вроде бы действует на аккумуляторах или чем-то там вроде.

— Все это майя, Андре.

— Я верю тебе, Мортон.

— Я поговорил об этом с Эразмом Келли, — продолжил Синефил. — Он передал все по мерси нашему Интерпретирующему Пространству.

— Ну и что они там наинтерпретировали?

— Что новое Древо действительно есть, — сказал Синефил и оттолкнул пустой стакан.

— Да какое там, на хрен, новое Древо? Откуда? Это Древо законтачено на наши ДНК подобно сексу и дыханию. Возможно, оно и есть секс и дыхание.

— Откуда мне знать? Новое Древо есть, и все тут.

— Ну хорошо, оно есть, — сказал Андре и отпил глоток чая; теперь чай был правильный. — А я-то тут при чем?

— Мы думаем, что это связано с твоими исследованиями.

— Какие исследования? Я балансирую камни.

— Прежде того.

— Прежде чем я утратил веру и стал бродячим священником?

— В семинарии ты выполнял великолепные работы.

— Какие? О башнях времени? Это глухой тупик.

— Ты понимал их лучше, чем кто бы то ни было другой.

— Потому что я не пытался усмотреть в них какой бы то ни было смысл. И ты думаешь, что это новое Древо — оно как-то там связано с подобными вещами?

— Вполне возможно.

— А я вот в этом сильно сомневаюсь.

— Ты сомневаешься во всем.

— Башни времени — это попросту гопа старых свихнутых БАЛов, бесследно исчезнувших в своих собственных жопах.

— Андре, ты же знаешь, что я такое?

— Ты мой начальник.

— Кроме этого.

— Ты многогранен. Ты — Большая Агрегация Личностей, специально сконструированная как квантовый детектор событий, возможно — лучший в истории человечества. Части тебя раскинулись по всей внутренней системе, у тебя есть сверхдальние аутдрайдеры. Если ты утверждаешь, что видел в трансе меня и это новое Древо, в этом должен быть некий смысл. Ты ведь ничего не придумываешь, Мортон, ты смотришь в будущее и видишь там меня.

— Вижу там тебя. Ты — один из экспертов Пути по вопросам времени. Ну и что же, по-твоему, все это значит?

— Ну и что бы ты хотел от меня услышать? Что это новое Древо явно представляет собой дальнейшую стадию эволюции сознания, ибо Гринтри — это мы?

— Так думают Эразм Келли и его ребята. От тебя я надеюсь получить что-нибудь потоньше.

— Ну хорошо. Это никак, никаким боком не связано с башнями времени.

— Ну а с чем же тогда связано?

— Ты вряд ли обрадуешься, услышав.

— Обрадуюсь или не обрадуюсь, ты мне все равно скажи.

— Тадеуш Кей.

— Тадеуш Кей умер. Он сам себя убил. Что-то там с ним, недотепой, было не так.

— Я знаю, что вы, важные БАЛы, любите так считать.

— Он был маньяк, извращенец. Он ведь убил себя из-за какой-то женщины, верно?

— Да брось ты, Мортон, эти разговорчики. Маньяк причиняет вред другим людям. Кей не вредил никому, кроме себя.

— Ладно, но все равно, он-то тут при чем?

— А что если он не умер? Что если он просто был ранен и затерялся? Ты понимаешь, Мортон, что он за существо?

— Он — один из БАЛов, точно как я.

— Но ты, Мортон, ты только смотришь в будущее. Тадеуш Кей может прямо воздействовать на будущее из прошлого.

— Ну и что? Все мы так и делаем, каждый день и каждый час.

— Это не то же самое. Мгновенный контроль над мгновениями. Тадеуш Кей может делать со временем то же самое, что квантовый эффект мерси делает с пространством. Он предопределяет будущее и вперед и назад во времени. Он подобен камню, брошенному в озеро.

— Ты хочешь сказать, что он Бог?

— Нет. Но если твое видение верно, а я знаю, что так и есть, вполне возможно, что он и есть война.

— В смысле, что он — причина войны?

— Нет, более того. Думай обо всем этом, как о волне. Есть гребень — должен быть и провал. Тадеуш Кей — это гребень, а война — провал. Он подобен некоему физическому принципу, так уж был задуман его интеграционный процесс. Он не внешняя сила, а нечто, заложенное в самих уже свойствах времени.

— Принцип будущего?

— Можно сказать и так. Да. В некотором смысле он и есть будущее. Я знаю, он еще жив.

— Откуда ты это знаешь?

— Я не знал, пока не услышал от тебя о твоем видении. Какие же могут быть другие причины? Если только к нам не подбираются пришельцы.

— Может, они и подбираются. У них ведь должно быть свое Древо. Возможно.

— Мортон, а в твоих видениях были какие-нибудь пришельцы?

— Нет.

— Ну, вот видишь.

Синефил прикрыл глаза ладонями и опустил голову.

— Я расскажу тебе, что я вижу сейчас, продолжаю видеть, — сказал он голосом, похожим на отдаленные раскаты грома. — Я вижу Гринтри в огне. Я вижу на нем миллионы тел, каждое из тел повешено за шею, и все они тоже объяты огнем. До последнего моего видения это было все, что я видел.

— Ты видел какой-нибудь способ избежать беды?

Синефил поднял голову и посмотрел на Андре, глаза его были совсем белые, такие же белые, как ладони.

— Прежде. Не сейчас. Квантовые флуктуации схлопнулись в одну макрореальность. Может, это будет не сегодня, не завтра, но скоро.

Андре вздохнул. «Я ведь верю, — подумал он. — Я не хочу верить, но верю. Верить в разрушение — это куда проще».

— Я просто хочу вернуться на Тритон и балансировать камни, — сказал он, вздохнув еще раз. — Ведь по правде это единственное, что не дает мне свихнуться. Мне нравится эта захудалая луна.

Синефил отодвинул стакан из-под лхаси еще дальше и встал; когда он вставал, было слышно потрескивание, такое, как если сильно растянуть винил.

— Интересные времена, — сказал он, обращаясь к пустому залу. — Иллюзия там или нет, но вполне возможно, что после этого лхаси мне долго не доведется попробовать ничего подобного.

— Э-э, Мортон...

— Да, отец Андре?

— Здесь нужно платить сразу. Они не могут снять деньги со счета.

— Ох, господи. — Кардинал озабоченно похлопал по черной хламиде, прикрывавшей его ноги; карманов в ней, конечно же, не было. — Похоже, у меня нет с собой денег.

— Не переживай, — махнул рукою Андре. — Я возьму это на себя.

— Правда? Мне бы очень не хотелось, чтобы бедняга официант бегал за мной по улице.

— Не переживай.

— Завтра после медитации мы поговорим обо всем подробнее.

Это звучало как констатация непреложного факта.

— Завтра поговорим подробнее.

— Спокойной ночи, Андре.

— Спокойной ночи, Мортон.

Синефил ушел, его грива стлалась за ним, как язык ярко-белого пламени. Или как солнечный протуберанец. Прежде чем покинуть кафе, он оглянулся, как того и ожидал Андре, чтобы бросить через гулкую пустоту еще один, последний вопрос.

— Отец Андре, ты ведь, кажется, знал Тадеуша Кея?

— Я знал человека по имени Бен Кей. Это было очень давно, — сказал Андре, но это стало не более чем подтверждением того, что сообщил Синефилу его широко раскинувшийся мозг.

Дверь мягко закрылась, и кардинал исчез в ночи. Андре пил свой чай и думал.

— Мы уже скоро закрываемся, — сообщил вернувшийся официант.

— А что так рано? — удивился Андре.

— Уже очень поздно.

— Были времена, когда ваше кафе вообще не закрывалось.

— Думаю, вы ошибаетесь. Оно всегда закрывалось.

— Только не тогда, когда я был студентом.

— Тогда оно тоже закрывалось, — твердо сказал официант; он вытащил из-под передника тряпку, активировал ее поворотом ладони и принялся вытирать соседний столик.

— Я точно знаю, что вы ошибаетесь.

— А зачем бы им говорить мне, что это заведение всегда закрывалось?

— А кто вам такое говорил?

— Люди.

— И вы им поверили.

— А почему я должен верить вам? Вы ведь тоже люди. — Официант с сомнением взглянул на Андре и добавил

для разъяснения: — Это была шутка. Похоже, она плохо переводится.

— Принесите мне еще чаю, а потом я уйду.

Официант кивнул и удалился.

Откуда-то слышалась музыка, нежные стоны гобоя. Ах да. Это его пелликула все еще играла гимн.

«Ну и что вы про это думаете?»

Я думаю, мы скоро отправимся в гости.

«Я тоже так думаю».

А ты знаешь, где сейчас Тадеуш Кей?

«Нет, но я довольно внятно себе представляю, как найти Бена. А там, где будет Бен, где-то рядом должен быть Тадеуш Кей».

А почему бы не сказать кому-нибудь другому, как его найти?

«Потому что никто другой не сделает того, что сделаю, найдя его, я».

И что же это такое?

«А ничего».

О-о.

«Когда резервная копия будет готова, мы отправимся в путь».

Конвертат, третий элемент множественной личности Андре был все это время отключен для архивирования и очистки от вирусов. В этом, собственно, состояло едва ли не главное предназначение этого приюта: информационная и справочная техника Гритри предоставлялась здесь священникам бесплатно. На Тритоне подобная операция стоила бы ему примерно столько же, сколько новая крыша для дома.

А почему бы им не послать кого-нибудь, кто был бы крепче в вере, чем мы?

«Я не знаю. Чтобы ставить силки на вероотступника, нужен вероотступник, так я думаю».

От какого Бога отступился Тадеуш Кей?

«От себя».

А как насчет нас, если уж разговор об этом?

«То же самое. А вот и чай. Вы бы не смогли сыграть эту песню еще раз?»

Это была мамина любимая.

«Вы думаете, все может быть настолько просто? Что я стал священником из-за этого гимна?»

Ты нас об этом спрашиваешь?

«Ладно, поиграйте эту музыку и дайте мне допить чай. Официанту уже не терпится, чтобы мы ушли».

— Вам не помешает, если я буду тут подметать? — спросил официант.

— Я скоро закончу.

— Да вы можете не спешить, если вам не мешает, что я буду тут работать.

— Мне не мешает.

Андре слушал скорбный гобой и безразлично смотрел, как официант плеснул на бесконечную Вселенную водой и стал остервенело драить ее шваброй.

Джилл

Там в темноте затаилась крыса, которую я убью. У нее тринадцать крысят, и я буду кусать их, кусать их, кусать их. Я буду кусать их. Эта нора сплошь пропахла сыростью, и глупые крысы бегут, бегут, и дальше бежать им некуда, потому что вот оно, это Чирей, и теперь здесь я, и это уже точно всё, но крысе нестерпимо это знать, и они не смирятся со мной, пока им не придется мне поверить. Теперь они мне поверят.

Мои усы коснулись чего-то мягкого. Старая пища? Нет, это мертвый самец; я чую его Y-код, тело уже мертвое, но код продолжает глухо стучать, стучать и стучать. Прелые листья, устилающие нору, не дают ему истечь и иссякнуть, а умирать он не хочет. Чирей — конец всему, но код этого не знает и не может смириться. Я тычусь в него для пробы, и к моему носу прилипает клочок гнили, грист пытается на меня нахлынуть, но нет, этого не будет.

Я фыркаю и высылаю вперед свой собственный грист, грист ловчей хорихи, перед ним не устоит никакая крыса, никогда, никогда. Этот крысиный зомби мгновенно кочевест, когда его жесткий жилистый код — кто знает, насколько старый, как далеко пропутешествовавший, чтобы в итоге умереть здесь, у Конца Всему, — этот код рассыпается в чушь и бессмыслицу, когда мой грист облепляет его комком пустоты, а затем мой грист возвращается ко мне, и крысиный зомби больше не стучит. Больше не стучит.

Нужда убивать всё иногда отвлекает. А мне нужны эта самка и ее детеныши, нужны, необходимы, и нужно скорее двигаться дальше.

Дальше в нору и в кладовку крысятника. Здесь много клочьев мяса и вонь червивой жижи, копящейся в пазухах между мышцами и органами. Но крысы добывают свое мясо на свалке фермера Яна, и оно еще не совсем мертвое, его код способен противиться червям, подобно коду того самца. Но он недостаточно смышлен, чтобы понять, что он умер, просто злобный код, который насмерть вцепился в гнилую лапу или ляжку и не желает рассыпаться. Злобный и нежелающий умереть. Но я еще злее.

О-о, я чую ее запах.

Я иду, мама крыса. Куда ты спешишь? Спешить тебе больше некуда. Боми лезет в кладовку, и мы касаемся носами. Я чую на ней кровь. У нее уже есть добыча, холостой самец, судя по крови на ней.

Она такая теплая и мокрая, Джилл. Боми туго напряжена и вся дрожит. Она — не самая умная хориха. *Мне она нравится, очень нравится, я сейчас вернусь и немного в ней поваляюсь.*

Это плохо. Плохая привычка.

А мне все равно. Я его убила, он мой.

Делай, что хочешь, но добыча принадлежит твоему хозяину, Бобу.

Нет, она моя.

Он кормит тебя, Боми.

А мне все равно.

Иди тогда и валяйся.

Так я и сделаю.

Даже не попрощавшись, Боми уходит валяться на своей добыче. Я никогда так не делаю. Это не понравилось бы ТБ, да к тому же тут все дело в убивании, а не в имении. Ну кому нужно валяться на старой дохлой крысе, когда есть еще столько тех, которых можно кусать?

Боми рассказала мне, где она будет, на случай, если Боб начнет спрашивать. Боми — тупая хориха, и я рада, что не ТБ ее хозяин.

А что до меня — вниз, в другую нору, глубже и еще глубже. Все они там. Крысиха думала, она их там прячет, но она оставила за собой запах, такой же отчетливый, как серийный номер на кости. Я укушу тебя, мамочка.

А потом, как я и знала, тупиковая камера. Последняя надежда крысихи. Да ничто уже ей не поможет. Но какая ж она большая. Чудовищно большая. Возможно, самая большая, какую я в жизни встречала.

Я очень, очень счастлива.

А за крысихой жмутся ее дети. Тринадцать детей, я подсчитала их по пискам. Сладкие, беззащитные писки. Совсем еще маленькие, меньше двух недель от роду. Самцы и самочки. Но сперва я хочу вашу маму.

Крысиха унюхала меня, заорала, словно ей кости ломают, и поднялась на дыбы; она большая, размером с меня. Даже больше.

Я укушу тебя.

Иди сюда и попробуй. Ты, маленькая ищейка.

Я убью тебя.

Я изгрызла в городском банке целый мешок денег, и они гонялись за мной, и поймали меня, и изрубили меня в куски, и оставили только кусочек хвоста — и я отрастила новую крысу! Так что же ты, маленькая ищейка, можешь сделать со мною такого, что было бы хуже? Ты бы лучше меня остереглась.

А когда я буду убивать твоих детей, я укушу из них каждого ровно по разу. Я не стану их долго мучить.

Ты не убьешь моих детей.

Бросок.

Бросок на нее, потому что сказать больше нечего, никакие посылы не проходят больше туда и сюда через наши гристы и запахи.

Я нацелилась на сосок, и она увернулась, очень быстро, но недостаточно быстро, и у меня в зубах кусок ее плоти. Первая кровь пущена. Я грызу кончик соска. Кровь и крысиное молоко.

Она падает на меня сверху и вцепляется мне в спину, ее длинные резцы проникают сквозь мою шерсть, мою кожу подобно изогнутым иглам и выходят наружу в других соседних местах. Она тяжелая. Она вгрызается в меня, и я чувствую, как ее зубы скребут по моему позвоночнику. Я встряхиваюсь, чтобы сбросить ее, и это мне удается, но ее зубы вырывают кусок моего мяса.

Раны большие, но она уже не на мне. Я пячусь, заранее зная, что сейчас она сделает себе копию, и я вытягиваю

подальше свой трист, и все, как я и знала, и я перехватываю эту штуку и убиваю, прежде чем она доберется до гнилого мяса и вырастит еще одну крысу. Одной крысы таких размеров вполне, вполне достаточно.

Крысиха чувствует, что я убила ее аутрайдера, и это ее окончательно бесит.

Здесь тебе и конец. Здесь забвение, и распад, и конец любой суете.

Здесь ты умрешь.

Она снова бросается на меня, но я прыгаю в сторону и — прежде чем она развернется и опять на меня нападет — хватаю крысенка. Он умирает, не успев и пискнуть. Я выплевываю мешанину костей и мяса.

Но его мамаша не глупая крыса, нет, совсем не глупая крыса, и она не впадает от этого в глупую ярость. Только я знаю, что она глядит на меня со всей ненавистью, на какую способна крыса. Будь здесь хоть немного света, я бы увидела желтый, как гной, блеск ее глаз.

Вперед, мамаша, а то я ведь убью и второго крысеныша.

Она нацелилась на лапы, и я опять уклоняюсь, но она вцепляется мне в грудь. Она поднимается вверх, вверх.

Хлоп-хлоп-хлопают на пол хлопья земли с потолка, а ее проклятые резцы сомкнулись вокруг моей грудины и держат меня в ее пасти крепко и надежно, как зазубренный наконечник стрелы.

Встряхивает и разрывает, я не знала прежде такой боли, такого восхитительного...

Я резко скребу по крысиным глазам когтями передней лапы и врезаюсь задними в ее брюхо. Толчок, толчок, и я чувствую, как ее шкура рвется, и жирное, что под нею, тоже рвется, а мои лапы входят в ее тело все глубже и глубже.

Встряхивает меня снова, и я чую только запахи своей крови и ее слюны, а затем острые, маленькие боли в моей спине.

Крысята. Крысята грызут меня, пытаясь помочь своей матери. Ничего не могу поделать, только впиваться задними лапами все глубже и глубже. Глубже и глубже. Я купаюсь в ее кишках. Я чувствую, как брюхо ее поддается, чувствую, как брюхо ее рвется. Да, чувствую.

А затем моя грудина ломается, и я вылетаю из крысиных зубов. Я падаю на крысят, и я оглушена, и они караб-

каются по мне и пытаются выгрызть глаза, а один из них в клочья рвет мое ухо, но боль приводит меня в сознание, и я перекусываю того, что порвал мне ухо, напополам. И пытаюсь укусить другого. В дальнем конце крысятника копошится большая крысиха. Я собираюсь с силами, пытаясь подняться на четыре лапы. Не могу.

Крысенок кусает мою заднюю лапу. Я поворачиваюсь и убиваю его. Поворачиваюсь назад. Мои передние лапы подламываются. Я не могу встать, чтобы встретить крысиху, и я слышу, как она приближается.

Я здесь умру?

О, это будет прекрасно! Чтобы убить меня, потребовалась огромнейшая крыса в истории Мета. Изгрызла целый мешок денег, целый мешок! Она надвигается на меня, я слышу, как она надвигается. Она такая огромная. Я отчетливо чую, какая она огромная.

Я подбираю под себя задние лапы, нахожу опору.

Вот как я умру. Я укушу тебя.

Никакого ответа, а только резкое дыхание крысы. Земля пахнет нашей кровью. Вокруг меня валяются дохлые крысята.

Я очень, очень счастлива.

Громко взвизгнув, крысиха бросается на меня, я переживаю мгновение. Переживаю.

Резко оттолкнувшись, я прыгаю, лечу, как стрела.

Я проскочила, я между ее лапами. Я под ней. Я поднимаюсь. Я поднимаюсь к ее располосованному брюху. Я кусаю! Я кусаю! Я кусаю!

Ее собственный вес держит ее на мне. Я грызу, я царапаю, я чую запах ее сердца. Я чую свежую кровь ее сердца! Я его слышу! Я его чую! Зубами и когтями я пробиваюсь к нему.

Я кусаю.

О да.

Крысиха начинает дергать лапами и кричать, и пока она это делает, кровь ее сердца толчками выливается на меня, заливает меня, и вскоре моя шерсть сплошь намокает от крови, и весь этот темный мир становится кровью.

Через долгое, очень долгое время крысиха умирает. Я высылаю свой грист, хило и немощно, но на этот раз нет никаких аутрайдеров, никаких попыток улизнуть. Она вло-

жила все, что в ней было, в драку со мной. Она вложила в нашу битву все.

С большим трудом я вылезаю из-под крысы. Я слышу, как в углу суетятся крысята. Теперь, когда их мама мертва, они ничего не понимают.

Я должна их всех перекусать. Я должна их всех убить.

Меня не слушаются передние лапы, но слушаются задние. Я проталкиваюсь к ним, волоча живот по земле, как змея. Я нахожу их, они сгрудились в самом дальнем углу, залезая от страха друг на друга. Деваться им некуда.

Все происходит точно так, как я обещала крысихе. Я убиваю каждого из них одним-единственным укусом, попутно считая. Три и десять это тринадцать.

А потом с этим делом покончено, и все они мертвые. Я убила их всех.

Вот так.

Есть лишь один путь наружу: путь, которым я пришла. Им я и направляюсь, ползу на животе, толкаясь задними лапами, держась по возможности таким образом, чтобы переломанная, обнаженная кость не цеплялась за корни и камни. Через какое-то время я начинаю чувствовать боль, отступившую на время битвы. Мне никогда еще не было так больно.

Я ползу и ползу, не знаю уже, как долго. Если я встречу другую крысу, эта крыса меня убьет. Но они либо все уже мертвые, либо боятся; я не слышу их и не чую. Я ползу туда, где, мне кажется, верх, я надеюсь, что ползу наверх.

И по прошествии бесконечности, времени столь долгого, что вся кровь на шерсти высохла и начала осыпаться коричневыми чешуйками, я высовываю голову наружу.

ТБ здесь. Он ждал меня. Ласково, очень ласково он вытаскивает меня из крысиной норы. Осторожно, очень осторожно он кладет меня в мой мешок.

— Джилл, — говорит он, — я исправлю тебя.

Я знаю.

— Наверное, это была Великая Мать всех крыс.

Она была такая большая, такая большая и злая. Она была смелая, умная и сильная. Это было прекрасно.

— И что же ты делала?

Я ее кусала.

— Джилл, я никогда не видел и никогда не увижу таких, как ты.

Я убила ее, а потом убила всех ее детенышей.

— Пошли-ка мы, Джилл, домой.

Да. Вернемся домой.

Лежа в полумраке мешка, я слышу, как грист ТБ призывает меня уснуть, призывает здороветь, и я глубоко вздыхаю и сворачиваюсь, насколько могу, клубком и падаю, бесконечно падаю в сны, где я бегу по следу, отмеченному брызгами крови, и след совсем еще свежий, и я преследую крысу, и ТБ со мною, совсем рядом, и я скоро укушу крысу, скоро, скоро, скоро...

Комната с хорошим освещением

Очнись, Андре Сад. Твой разум витал в эмпиреях, а теперь тебе нужно сосредоточиться. Ну, быстрей. Как можно быстрей. Пространство—время. Комки галактических скоплений. Средненькое скопление. Двухрукавная спираль.

Желтая звезда.

Вот сеть тросов, соединивших внутренние планеты друг с другом. Артефакт осознания, говорят иногда. Меркурий, Венера, Земля и Марс повисли в сверкающей паутине, раскинутой по мерзлому пространству и достигающей даже пояса астероидов. Невероятные — пятьдесят миль в поперечнике — тросы, нисходящие с небес к полюсам, непомерно огромным шарнирам Кардана, смазка которых — горячая магма планетных глубин. Вращение и колебание. Быстрее. Где-то на флагеллирующей между Землей и Марсом кривой, на Диафании ты найдешь и себя. Ближе, ближе. Крутящийся шарик, стомильная бусинка в ожерелье длиною в миллионы миль. Приблизься, ближе, еще ближе.

По всей длине Диафании Земля—Марс Андре замечал приготовления к войне, подобных которым никогда еще не было. Создавалось впечатление, что весь без остатка Мет, вся сеть межпланетных тросов, перестроен в неприступную крепость, в которой люди — лишь маловажный элемент.

Его кокон раз за разом задерживался, уступая дорогу войскам, а военный грист роями перемещался взад и вперед, сообразно выполнению той или этой задачи. «Мы

живем в беспросветной ночи на углероде тросов, — думал Андре, — в темном сверкании коридоров, где поверхность говорит с поверхностью еле слышными шепотками, подобными пальцам, и где коды, что покрупнее, эксгумированные скелеты миллиардов разумов стучат друг о друга на кладбище логики, пожимая руки, непрерывно пожимая друг другу костяные алгоритмические руки и строго соблюдая строгий протокол, необходимый для целей уничтожения».

Амес — его называли одним этим именем, словно это не имя, а титул — был велик по части бьющей в глаза воинственности. Второе пришествие Наполеона, дружелюбно шутили мерси-репортеры. О, эти репортеры были со всем согласны. Второе уже столетие мир жил без единой приличной войны. Люди устали от нескончаемой демократии, не так ли? Ведь и по мерси такое уже говорят, Андре своими ушами слышал.

«То-то будет забавно, когда ради небольшого оживления мерси-передач погибнут миллиарды», — думал Андре.

Андре прибыл на Коннот Болса в дурном настроении, но когда он вышел из кокона, в воздухе пахло недавним дождем. Лишь отойдя от станции на порядочное расстояние, он наконец догадался, что это за запах. Коннот применял для уборки улиц старомодные механизмы, и на земле стояли лужи. Кое-где все еще шел мелкий дождик. Маленькие облака скользили вдоль улицы, притворяясь серьезным грозовым фронтом, и отмывали ее от ночной грязи.

Коннот был пригородным радиалом Фобос-Сити, сегмента с самой большой во всем Мете плотностью населения. Сто лет назад, когда Фобос переживал период расцвета, Коннот был субботне-воскресным прибежищем интеллектуалов, художников, богатеньких наркоманов, а также мошенников, шарлатанов и чудесных целителей, кормившихся при них и порою трудно отличимых друг от друга. Теперь это место пришло в запустение, и пелликула Андре встретила несколько роев ностальгии, шнырявших по улицам, подобно крысиным стаям, — их разводили и подкармливали торговцы, чтобы привлечь хоть и тоненькую, но упорно не иссякавшую струйку туристов, способных к пелликулярному восприятию богемы, давно уже канувшей в прошлое.

Андре же после этих встреч стал еще упорнее думать о Молли. Конвертат Андре — электронная его часть — вынудил его к этому, воспроизводя различные сцены из семинарского прошлого. Обычно-то он все больше молчал, предпочитая вместо прямого общения подкидывать многозначительные наборы данных, подобно совести, одаренной несокрушимой логикой и безотказной памятью.

Андре шел по улице, глядя на клубящиеся под ногами облака, а тем временем его конвертат упорно проектировал образы и на эти облака, и на искрящиеся под солнцем лужи.

«Недобрая у меня память», — подумал Андре, однако не стал прерывать поток образов.

Молли Индекс, Бен Кей и Андре в «Вестуэйском» в разгар одного из их долгих споров о проблемах эстетики, происходивших в то время, когда они совместно работали над черновым вариантом статьи «Знание, Созерцание и Деланье: триединый аспект Просветления».

— Я хочу быть «Деланьем», — притворно обиженно завопила Молли и кинула в Бена скомканным листом бумаги.

Бен поймал комок, расправил и сложил из него самолетик.

— Вот так оно должно быть, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Это я — «Деланье». А ты — «Созерцание». И мы оба доподлинно знаем, кто должен быть «Знанием».

Кровожадно ухмыляясь, они повернулись к Андре.

— Не знаю уж, что там я, по-вашему, знаю, только я-то этого не знаю, — сказал он и едва успел увернуться от самолетика, нацеленного прямо ему в глаз.

Место действия — пляж на берегу одного из озер в районе Тарсиса. Двадцатичетырехлетнее тело Молли чуть присыпано красным марсианским песком. Ее голубые глаза смотрят в розовое небо. Ее соски похожи на темные камешки. В сотне футов левее по берегу Бен вылезает из серо-зеленой воды, отряхивая с себя клочья пены. Само собою, он прыгнул в озеро, как только его увидел. Бен никогда и ничего не хотел ждать.

Но Молли выбрала меня. Мне до сих пор не верится, что она выбрала меня.

Это потому, что я дождался ее и уволок в кусты, и поцеловал ее, прежде чем я же успел отговорить себя от этой идеи.

Все потому, что я дождался правильного момента.

Ну, чем это не «Деланье»?

Совместная жизнь во время аспирантуры, когда Молли изучала искусство, а он поступил в семинарию на высшие курсы медитации.

Молли покидает его, потому что не хочет выходить замуж за священника.

Ты убьешь себя на этой луне.

Только это конкретное тело. Потом я получу новое. Оно уже выращивается.

Так неправильно.

Таков Путь Зеленого Древа. Это то, что делает священника истинным шаманом. Он узнает, что такое умереть, а затем вернуться.

Если ты Пройдешь по Луне, ты узнаешь, что такое потерять любимую.

Молли, я готовился к этой прогулке уже семь лет. Ты прекрасно это знаешь.

Я не желаю с этим смириться. И никогда не смирюсь.

Возможно, он сумел бы найти какие-нибудь слова. Возможно, он сумел бы ее убедить. Но тут появилась Алетея Найтшейд, и все было кончено. Когда он вернулся с луны в своем новом клонированном теле, Молли уже сошлась с новым любовником.

В попытке помириться он делает подношение, но оно возвращено в сопровождении переиначенных слов старой народной песни: «К чему цветы, что шлешь мне ты, когда душа ушла».

Сидя за голым столом под голой, без абажура лампой, он снова и снова слушает эти слова и решает никогда ее больше не видеть. Пятнадцать лет назад, по земной шкале времени.

«Спасибо, — сказал он конвертату, — этого вполне достаточно».

В мозгу Андре промелькнул образ величавого дворецкого, наклонившего голову в полупоклоне. Затем — стая голубей, вспорхнувшая из кустов в закатное небо. Затем лужи опять стали просто лужами, а крошечные тучи —

просто крошечными тучами, элементом грозы, разразившейся лишь для того, чтобы мир стал немного почище. Когда Андре вошел в мастерскую, Молли писала картину Джексона Поллока. Тяжелые сапоги, весьма практичные на Тритоне при тамошнем тяготении, прошагали по деревянной лестнице на второй этаж с шумом и грохотом. Вращение обеспечивало Конноту нормальную земную силу тяжести. Андре, конечно же, постучал бы, но дверь в мастерской была настежь распахнута.

— Нет, я не верю своим глазам, — сказала Молли, не оставляя работы. — Призрак моего былого любовника восстал из небытия, чтобы преследовать меня глухими ночами.

— Бу-у-у, — прогудел Андре и вошел в просторную комнату.

Подобно большинству старых вращающихся цилиндров Диафании Коннот имел вдоль своей оси биофузионную лампу, включавшуюся и выключавшуюся по суточному графику. Сейчас был день, и сквозь застекленную крышу в мастерскую вливались потоки яркого белого света. Огромные венецианские окна выходили прямо на поселок. Это освещение заставило Андре вспомнить луну и резкий, всепроницающий, безапелляционный свет, заливавший ее как раз перед тем, когда его старое тело присоединилось ко многим другим в шаманской долине Костей.

— Вчера я видела тут мужика, прогуливавшего собаку с отрезанными ногами, — сказала Молли и обмакнула кончик кисти в синее пятнышко, намазанное на палитре.

— Так это мужик был без ног или собака?

— А может, и вчерашний день. — Молли нанесла на холст аккуратную синюю точку. Все как в старые добрые времена.

— Что это ты там малюешь?

— Нечто очень древнее.

— Выглядит вроде как Поллок.

— Он и есть. Эта картина надолго выпала из обращения, и кто-то использовал ее в качестве скатерти. Для кухонного стола, мне так кажется.

Андре осмотрел полотно, прикрепленное к большой квадратной доске. Некоторые части картины были прописаны просто великолепно, но другие выглядели так, словно

ребенок размазал по ней свое бобовое пюре. Но в общем-то, это было похоже на Поллока.

— Но как ты здесь угадываешь, какую кляксу ставить и куда?

— Есть сходные картины. — Молли нацелилась кончиком кисти в левый верхний угол холста, все ее движения были точными и целенаправленными. Они всегда были точными и целенаправленными. — Кроме того, можно различить некие следы изображения, бывшего на этом сегменте до того... до того, как он был замазан тем, чем уж там он был замазан. А для всяких мелких подробностей я использую грист. Ты хотел поговорить о Бене?

— И сейчас хочу.

— Вряд ли ты завернул бы ко мне, чтобы поболтать о старом добром времени.

— Оно и вправду было добрым. Ты все еще делаешь эту штуку с зеркалом?

— Да, конечно. А ты теперь священник, строго блюдущий свой целибат?

— Нет, я священник несколько иного рода.

— Боюсь, я и раньше знала о религии не так чтобы много, а что знала, уже позабыла.

— Как, собственно, и я.

— Андре, что ты хочешь узнать про Бена?

Молли поднесла ручку кисти к палитре и дважды ею постучала. По какому-то признаку две поверхности узнали друг друга, и кисть плотно прилипла. Вокруг кисти неярко замерцал грист, постоянно державший ее увлажненной и готовой к работе. Молли села в кресло, стоявшее рядом с венецианским окном, а Андре в другое, напротив. Между ними стоял маленький стол.

— Дзенский чай? — спросила Молли.

— Конечно, — кивнул Андре.

Стол запульсировал, и на нем стали формироваться две чашки. Постепенно чашки затвердели, а студенистая масса, образовавшаяся в них, истончилась в жидкость.

— Хороший столик. Отлично ты, Молли, устроилась.

— Я предпочитаю делать свое пребывание в мастерской максимально удобным, чтобы можно было полностью сосредоточиться на работе. А иногда позволяю себе ту или иную роскошь.

— А сама-то ты что-нибудь еще пишешь? В смысле, сама, свое.

Молли отхлебнула чаю и указала чашкой на картину Поллока.

— Эти полотна, — сказала она, — я пишу для себя. Это моя маленькая тайна. Я делаю их своими. Или они делают меня своей.

— Интересная тайна.

— Теперь ты ее знаешь. И Бен тоже знал. Или, вернее сказать, Тадеуш.

— Ты же вроде была в бригаде, которая его сделала, я верно помню?

— Консультант по проблемам эстетики, это Бен убедил их подключить и меня. Он сказал мне, чтобы я понимала это как грант для работника искусств.

— После... ну, скажем, завершения курса я как-то потерял вас из виду.

— Ты был очень занят своими новыми обязанностями. И я была очень занята. Все были очень заняты.

— Я не был настолько уж занят.

— Бен следил за твоей работой. Это было частью того, что подтолкнуло его к решению... сделать, как он сделал.

— Я этого не знал.

— Теперь ты знаешь. Он прочитал эту твою статью о проблеме темпоральной пропагации. Ту, вокруг которой столько потом шумели.

— Это было последнее, что я вообще написал.

— И увлекся вместо того булыжниками?

— Так и ты об этом слышала?

— А кто же, по-твоему, натравил на тебя всех этих репортеров?

— Молли, ты врешь!

— Я выжидала, пока не стало окончательно ясно, что ты делаешь лучшую свою работу.

— Да как ты могла меня видеть?.. — Андре посмотрел ей в глаза и все наконец понял. Знакомый отрешенный взгляд. — Молли, ты БАЛ.

Молли поднесла чашку к губам и отпила небольшое, точно отмеренное количество чая.

— Думаю, тебе бы стоило определить меня на настоящий момент как множественную. Я реплицируюсь и реп-

лицируюсь. Это своего рода художественный проект, начатый мною несколько лет назад. А инициатором была Алетея — еще тогда, когда мы были с нею вместе.

— Ты можешь мне о ней рассказать? Ее образ преследовал меня многие годы. Я представлял себе ее как некую *femme fatale* из фильма-нуар. Уведя тебя, она разрушила все мои мечты.

— Никто меня никуда не уводил. Я ушла. Порою мне и самой непонятно, о чем я тогда думала. Алетея Найтшейд была далеко не подарочек, уж это я вам точно скажу. В то время, когда мы были с ней вместе, с ней случился первый из этих срывов.

— Срывов?

— У нее была врожденная, на генном уровне шизофрения. Из-за этого ей не разрешали стать БАЛом, а ей очень хотелось. Большую часть времени медицинский грист контролировал ее состояние, но иногда... Словом, она всех перехитрила. Она была сообразительнее, чем надо бы для ее блага.

— И вот потому ты и стала БАЛом? — спросил Андре. — Потому что она не могла?

— Я вдолбила себе, что делаю это для себя, но — да. Тогда — да. Теперь все сильно изменилось.

Молли улыбнулась, а свет в мастерской был как раз подходящий. Андре видел в ее глазах следы многогранности.

Некая фрактальность радужки.

— Ты себе даже не представляешь, насколько это прекрасно — сколько я могу видеть!

Молли рассмеялась, а Андре слегка передернуло. Благоговение или ужас? Он и сам не знал.

— Алетея была просто женщина, — сказала Молли. — Думаю, она откуда-то из окрестностей Юпитера. Какая-то там луна или что еще в этом роде. — Молли неопределенно махнула в сторону окна; подобно многим обитателям внутренней системы, она воспринимала внешнюю как нечто малопонятное, все тамошние планеты и луны были для нее одинаковы. — Она выросла на какой-то странненькой ферме.

— Каллистианская свободная ассоциация фермеров?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Она не слишком об этом распространялась.

— А какая она была?

— Трудная.

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас попробую объяснить.

Глоток чая. Андре вдруг вспомнил, что так еще и не брался за свой. Чай оказался великолепным и почти сплошь состоял из гриста. Было несколько неуютно понимать, что пьешь вот такое.

Не беспокойся, я обо всем позабочусь, сказала его пелликула.

«Знаю уж, знаю».

— У Алетеи были два качества, которым никак не полагается сосуществовать в одном органическом мозге. Большой интеллект и большое сердце. Она чувствовала буквально все и слишком, слишком об этом думала. Она была рождена, чтобы стать БАЛом, и в конце концов нашла для этого способ.

— Бен?..

— Они полюбили друг друга. Просто так уж удачно вышло, что именно Бен мог помочь ей обойти процедуры скрининга. Но Алетея, она же всегда была прушницей. Она была удачлива буквально на квантовом уровне. Пока не перестала быть удачливой.

— Так, значит, они с Беном были вместе прямо перед тем, как он стал... Тадеушем.

— Да, около года.

— И ты ревновала?

— К тому времени я уже наелась Алетеей по самое это место. Я любила ее и буду любить, но мне хотелось жизни... ну, скажем, попроще. А она была вся какой-то клубок, распутать который мне было не под силу.

Молли взялась пальцами за кончик своего носа и чуть-чуть его подергала; трогательный жест, умилился Андре.

— Ну и к тому же, — закончила Молли, — это же она от меня ушла.

— Ну и что это сделало с тобою и с Беном?

— Ничего. Бена я люблю, он мой лучший друг.

Она говорила в настоящем времени, но Андре предпочел этого не заметить.

— Но ты скажи мне, Молли, для какой такой радости он поменял свое имя? Вот этого я не в силах понять.

— Потому что он не был уже БАЛом.

— О чем это ты говоришь? Конечно же, он был. Ну — особым. Очень особым. И все равно...

— Нет. Он сказал, что он нечто совсем новое. Что он больше не Бен. Впрочем, это была скорее шутка, ну, вроде шутки. Потому что он, конечно же, как был, так и остался Беном. И пусть там Тадеуш был больше чем человек, он точно был по крайней мере человеком, и этим человеком был Бен Кей. Он никогда не мог толком мне это все объяснить.

— Временна́я пропагация без перекрытия сознаний. У башенных, в смысле башен времени, БАЛов всегда возникала эта проблема. Интерференционные картины. Провалы. Но с Тадеушем удалось наконец подобрать нужную частоту. Сознание проникает в будущее и отражается назад с античастичным квантовым смещением.

— Вот этот кусок вашего, специалистов, жаргона я никогда не могла понять.

— Мы сотворили Бога.

Молли фыркнула, и чай брызнул у нее из носа. Она продолжала смеяться, пока к глазам у нее не подступили слезы.

— Мы сделали нечто, — сказала она, немного отдышавшись. — Нечто, весьма отличное от всего, бывшего прежде. И все же, Андре, я же знала Тадеуша. Вот уж ему-то я точно не стала бы поклоняться, никогда и ни за что.

— Некоторые придерживаются иной точки зрения.

— Тадеуш считал их полными психами. Ему было в их обществе крайне неловко.

— А как Алетея, она тоже была из таких?

— Алетея? Во всем, что касалось Тадеуша, Алетея была закоренелым атеистом. То, что сделала она, было хуже. Во много раз хуже.

— О чем это ты говоришь?

— Она в него влюбилась.

— Я не понимаю.

— Алетея влюбилась в Тадеуша.

— Но она же и так любила Тадеуша.

— Подумай-ка получше.

— Бен, — сказал Андре после секундной заминки. — Тадеуш и Бен не были одной и той же личностью.

— Да уж, положеньице было — цирк, да и только.

— Удачливым соперником Бена стал... *другой вариант* его собственной личности.

— В Тадеуше родился новый, улучшенный Бен. И, как легко догадаться, Алетея в него влюбилась. Загвоздка была только в том, что и Бен никуда не девался.

— Господи, — сказал Андре. — Ну и как же...

— Пикантно?

— Более чем пикантно.

Молли встала, подошла к окну и провела по стеклу пальцем, оставив на нем длинный, чуть мутноватый след. Здесь, в Конноте, освещение было ровным и спокойным, почти идеальным для нужд художника. Абрис Молли, вырисовывавшийся на фоне окна, был прекрасен.

— Таковым же было и решение, к которому эти трое в конечном итоге пришли, — сказала Молли. — Более чем пикантным.

— Алетея должна была стать подобной Тадеушу.

— Как ты сумел догадаться?

— *В этом есть своя, и не хитрая, логика. Возникнет* новая Алетея, а старая Алетея останется Бену.

— Да, — кивнула Молли. — Логика отчаяния. Но был один неучтенный фактор.

— Сердце Алетеи.

— Совершенно верно. Она любила Тадеуша. И она не любила больше Бена. Любила, конечно, но уже совсем не так. — Молли повернулась к Андре, но тот не видел ее лица из-за яркого света, лившегося в окно. — Но она не стала вмешиваться в их планы. И вот за это я никогда ее не прощу.

— Не стала, потому что хотела быть БАЛом.

— Хотела превыше всего. Хотела больше, чем любила Бена. Больше, чем любила Тадеуша. Но она уже за это наказана, все они наказаны.

— А как она сумела обойти скрининг? Ведь, по идее, ее состояние полностью исключало...

— Ты же знаешь Бена. Тадеуш и Бен решили, что очень этого хотят. На их стороне были изобретательность и умение убеждать. Очень изощренная изобретательность и очень большое умение убеждать.

Андре поднялся и встал рядом с ней, спиною к окну. Его затылок и шея ощущали небесное тепло.

— Расскажи мне, — сказал Андре.

Он прикрыл глаза и попробовал только слушать, но уже через секунду почувствовал прикосновение — Молли взяла его за руку.

— Я — Молли и только Молли, — сказала она. — Да, я всего лишь один из аспектов, но и все они, и все слои моей пелликулы — это Молли. Все это программирование, и весь этот грист, все это тоже я, Молли. Женщина, которую ты прежде любил. Но теперь я рассеяна по всей Диафании, по всему Мсту. Я вплетена во внешний грист. Я созерцаю.

— А что ты созерцаешь?

— Солнце. Я созерцаю солнце. Когда-нибудь я его напишу, но пока еще не готова. Чем больше я созерцаю, тем менее готовой себя чувствую. Скорее всего, я буду созерцать еще очень долго. — Она чуть сжала его руку. — Но я как была, так и осталась Молли. А Бен не был Тадеушем. А Тадеуш — был. И Бена ела поедом ревность, но ревность к кому? Он считал, что имеет право решать свою собственную судьбу. Мы все имеем такое право. Он считал, что у него оно тоже есть. А было оно у него или не было? Я даже и не знаю.

— Трудный вопрос.

— Это никогда не стало бы вопросом, если бы не Алетея Найтшейд.

— Что случилось? — спросил Андре, все еще не открывая глаз. Теплое пожатие ее руки. Яркий свет на его затылке. — Где ты была?

— Понимаешь, Андре, Бен вонзился прямо в сердце Тадеуша. Как нож. С тем же успехом это мог бы быть настоящий нож.

— Как он смог это сделать?

— Когда это случилось, я была в Элизиуме, — пояснила Молли.

— На Марсе?

— На Марсе. Я была в составе команды, ты же знаешь. Консультант по эстетике. Меня тогда снова наняли.

Андре открыл глаза, и Молли тут же к нему повернулась. Безжалостный свет резко обозначил морщинки в уголках ее рта и на лбу. На той ее части, которая здесь. «Мы постарели, — подумал Андре. — И совсем растеряли прошлую близость».

— Все это как-то неопрятно... органика и все такое... поначалу. Там, где перестраивали Бена, рядом с одним из паровых вентилей была лаборатория. Были пульсации почти на разрыв и луч, расщепляющий на квантовом уровне, что, насколько я понимаю, крайне неприятно для процессируемого. К слову сказать, нечто подобное происходит, если ты множественный и решишь вдруг разбрестись по частям. В такие моменты мы особенно уязвимы.

— Когда перестраивали Алетею, Тадеуш тоже был там?

— Да, был. Вместе с Беном.

— И попал таким образом в интегрирующее поле, — подытожил Андре. — Как попал бы и любой, кто был рядом. И произошло слияние возможных будущих.

— Да, — кивнула Молли. — В этот момент каждый стал частью каждого.

— Бен, и Тадеуш, и Алетея.

— Бен понимал, что его любовь обречена.

— И это привело его в ярость?

— Нет. Это привело его в отчаяние. Беспросветное отчаяние. Не забывай, что я тоже была там. Я это чувствовала.

— И в тот момент, когда включили интегрирующее поле...

— Бен вонзился в сердце Тадеуша. Он протолкнул себя туда, где он просто не мог быть.

— Что ты имеешь в виду — «не мог быть»?

— Ты слышал когда-нибудь эти истории из далекого прошлого, когда эффект Мерсера был еще только-только открыт, о влюбленных или супружеских парочках, пытавшихся слиться в одно существо?

— Результаты были кошмарные. Рождались уроды, чудовища. И, к счастью, почти сразу умирали.

Андре попытался представить себе, каково это было бы, присутствуй в его пелликуле или в его конвертате некая сущность, отличная от него. Если бы ему приходилось все время терпеть неустранимое соседство этой сущности, другого. Едва ли не важнейшая особенность пелликулы состоит в том, что она ни при каких обстоятельствах не сделает ничего такого, чего не хочет вся личность. Она попросту не может — как не может взбунтоваться против тебя твой гаечный ключ.

Молли подошла к картине, окинула ее критическим взглядом и что-то смахнула с уголка холста. Затем повернулась — лицо и фигура на фоне диких Поллоковых клякс.

— Произошел взрыв, — сказала Молли. — Все аспекты погибли. Алетея не успела еще трансмутировать. Мы думаем, что не успела. Скорее всего, она погибла при взрыве. Ее тело было разрушено.

— А как насчет тебя?

— Я была в гристе. Само собой, меня разбросало, но я тут же сформировалась наново.

— А в каком виде присутствовал Тадеуш?

— Биологический грист с времяопережающими ядрами клеток. Он выглядел нормальным человеком.

— Он походил на Бена?

— Моложе, сильно моложе. Бену-то было уже под сорок. — Молли бледно улыбнулась и кивнула, словно только что что-то сообразив. — Ты знаешь, иногда мне кажется, что именно это и было причиной.

— Что — «это»?

— Что дело совсем не в том, что Тадеуш стал богом. Главное, что он выглядел лет на девятнадцать. У Алетеи всегда была слабость к молоденьким.

— Ты молодая.

— Спасибо, Андре. Ты всегда был очень галантен. Только, знаешь, даже тогда у моего аспекта было много седых волос. Я ведь решила — по глупости, может быть — никогда не растить себе новое тело.

Она стояла спиной к окну — силуэт, окантованный светом. Забыть все это. Забыть о розысках и видениях. Он положил руки ей на плечи и заглянул во фрактальные глаза.

— Ты красивая, — сказал он. — Для меня ты всегда была очень красивой.

Они не стали уходить из мастерской. Молли вырастила на полу постель. Они робко, застенчиво разделили друг друга. И он, и она почти что забыли, как это делается. За все время жизни на Тритоне у Андре не было любовницы.

Она отвернулась от него и вырастила на полу зеркало. В полный рост, точно такое же, какое было когда-то в их спальне. Не для туалетно-косметических целей. Во всяком случае — в примитивном их понимании. Она стала над зер-

калом на четвереньки и бегло оглядела себя. Тронула свою грудь, волосы. Тронула лицо.

— Я не могу поместиться в раму, — пожаловалась она. — Я никогда не смогу написать свой автопортрет. Я больше не могу себя увидеть.

— А никто никогда и не мог, — сказал Андре. — Это всегда был такой фокус освещения.

Словно услышав его слова, день мгновенно выключился, и мастерская погрузилась в кромешную тьму. На Конноте не бывало ни рассветов, ни закатов, ни сумерек.

— Семь часов, — констатировала Молли.

Андре почувствовал ее руку на своем плече. На своей груди. Она потянула его на себя, и вскоре они уже лежали вместе прямо на невидимом в темноте зеркале. Зеркало не сломается, не разобьется, ее грист не допустит этого.

Андре медленно, нежно вошел в нее. Молли двигалась под ним маленькими судорожными движениями.

— Я вся здесь, — сказала она через какое-то время. — Теперь я вся твоя.

В полной, хоть глаз выколи, темноте он представил себе ее тело.

А затем почувствовал легкие толчки ее пелликулы в его пелликуле, в микроскопическом расстоянии, их разделявшем.

Возьми меня, сказала она.

Он так и сделал. Он захлестнул ее пелликулу своей, и она не противилась. Он коснулся ее в самой потаенной глубине и нашел способ совокупиться, способ проникнуть в нее и здесь. Молли, живая и теплая плоть, которую он обнимал и защищал.

И на какой-то миг видение Молли Индекс в ее истинной форме.

Такая — и совсем не такая, — как абрис ее тела, виденный им на фоне окна, с ярким светом в контражуре, окружающим ее, как белый горячий нимб. Вся она, раскинувшаяся на сотню миллионов миль. Сосредоточенная здесь, под ним. То и другое и не то и не другое.

— Ты, Молли, истинное чудо, — сказал Андре. — Все в точности как всегда.

— В точности как всегда, — сказала она, и он почувствовал, как она его обволакивает, почувствовал теплую вспыш-

ку, бегущую по коже Диафании, нежданный прилив крови к лицу вселенной. И зябкую дрожь, пробежавшую по сердцу Солнечной системы.

Позднее, все так же во тьме, он сказал ей правду.

— Я знаю, что он жив. Бен не убил его, Бен только его ранил.

— И почему же ты так решил?

— Потому что Бен даже не пытался убить его. Бен пытался причинить ему боль.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Молли, тебе известно, где он сейчас?

Он начал уже думать, что она задремала, но в конце концов получил ответ:

— А с какой такой стати я тебе это скажу?

Андре выдохнул, выдохнул полностью, до исчерпания легких. «Я был прав», — подумал он. Он вдохнул, стараясь ни о чем не думать. Стараясь сосредоточиться на дыхании.

— Возможно, это сделает грядущую войну покороче, — сказал он. — Мы думаем, что он — главный ключ.

— Вы, священники?

— Мы, священники.

— Я не верю, что будет война. Все это просто разговоры. Другие БАЛы сумеют приструнить Амеса.

— Я хотел бы, что бы ты оказалась права, — сказал Андре. — Очень хотел бы.

— Как может Тадеуш быть ключом к войне?

— Он тесно связан со структурой нашего пространства—времени. В некотором роде он и есть структура нашего пространства—времени. Он впечатан в нее. А теперь я начинаю думать, что он завяз в ней. Он не может из нее высвободиться и стать простым нормальным Беном. Теперь уже никогда. Я думаю, что вот так Бен отомстил самому себе. За то, что увел у себя Алетею Найтшейд.

Еще одно долгое молчание. И бывает же такая полная тьма.

— Да, в общем-то, я думаю, что ты и сам уже все сообразил, — сказала Молли.

— Что — все?

— Куда он направился, где он сейчас.

Андре немного подумал, и оказалась, что Молли права. Ответ лежал на поверхности.

— Он направился туда, где оказываются в конечном итоге все беглые куски и огрызки гриста, — сказала Молли. — Он пошел искать ее. Любые куски ее, какие уж там сохранились. Искать их в гристе.

— Алетея, — сказал Андре. — Ну конечно же, Алетея.

Вдрабадан

Кость имела серийный номер, вырезанный на ней гристом, 7sxq688N. ТБ выудил кость из кучи, валявшейся на корме старой баржи, приспособленной им под жилье, взял ее конец в рот и сильно дунул. Из другого конца вылетело облачко пыли. Он случайно вдохнул, закашлялся и кашлял, пока не очистил свои трахеи от частичек сухого костного мозга. Похоже, это была берцовая кость, длинная как дудка.

— Высокий ты был, семь-эс-экс-кью, — сказал ТБ. — И как это ты только вконец не рассыпался.

Затем некая доля его усиленного гриста обволокла кость и починила в ней весь испорченный грист, после чего кость и вправду рассыпалась, измельчилась в пыль, а затем и мельче чем в пыль, чтобы потом быть использованной для лечения Джилл, для починки ее грудины и других переломанных костей.

«Но даже этого мало, — думал ТБ, — слишком уж все изувечено. Она умирает. Джилл умирает, и я не в силах ее спасти».

— Ну, подержись еще немного, маленькая, — сказал он хорихе.

Джилл лежала в складках своего мешка, раскрытого и поставленного на кухонный стол. ТБ заглянул на мгновение в ее мысли, увидел суматоху боя и кровь, а затем погрузил ее в сон, в глубочайшие его глубины, где сны неотличимы от химических процессов в мозгу, — чтобы Джилл спала и только жила, но не думала. Одновременно он направил грист чинить ее изорванное тело.

Слишком поздно. Даже тогда, когда мать-крысиха только-только завершила свое отмщение, даже тогда было слишком поздно.

Но сколь же славная была битва!

«И это я ее послал. Это я ее сделал охотницей. Все это я, а в результате она умирает». ТБ не мог на нее больше смотреть. Он встал, подошел к раздолбанному кухонному синтезатору и сделал себе чай. Как и всегда, чай получился не горячий, а чуть теплый. ТБ нагреб из очага не совсем прогоревших углей, поставил на них кружку, чтобы немного согрелась, а затем сел, закурил и подсчитал дневную добычу.

Десять живых, а еще два десятка они с Бобом перебили палками. Живые крысы скреблись и копошились в парусиновом мешке, тщетно пытаясь выбраться. Крысы — это ей, Джилл, на кормежку. Если натаскиваешь ловчего хорька на крыс — корми его крысами, и ничем больше. Магазинный хорьковый корм это полная дурь. И когда Джилл съест их, он будет знать. Он будет знать, что это были за крысы и откуда они явились. Джилл умеет вынюхивать это, как никто другой. В этом она просто изумительна.

Только она их не съест. Она умрет, потому что ты взял кусочек программы, сплошь состоявший из кусанья и царапанья, и одел его в тело, а теперь взираешь на то, что из этого получилось.

Но она же не обязательно должна умереть такой жуткой смертью. Она может угаснуть безболезненно. Она может исчезнуть как испортившийся код.

ТБ снова долго и пристально заглянул в будущее. Неужели там нет ничего, никакого способа? Сосредоточившись, он своей волей, отточенной, как щуп со стальным наконечником, перебирал нити возможных будущих. Отыскивал в ворохе грубых очесов серебряное волоконце. Отыскивал мир, в котором Джилл переживет эту битву. Отыскивал и не видел, не мог найти. «Но ведь этот мир должен там быть. Там есть каждое возможное будущее, и, если ты их разглядишь, ты можешь обратиться в прошлое и произвести в нем изменения, которые воплотят то, единственно нужное будущее. Ты — то есть я. Я могу».

«Но только я не могу. Я не вижу его, не могу отыскать. Хочу, но не могу, вот так-то, маленькая Джилл. Мне очень жаль».

Потому что будущее, где выживает Джил, было слишком невероятным, было таким микроскопически тонким волоконцем в этой груде очесок, что оно даже в принципе

было почти ненаходимо, нераспознаваемо. А не умея распознать, он не мог его и воплотить.

Ну и конечно же, он видел, куда ведут почти все пити.

Джилл будет умирать долгой мучительной смертью. Это он видел ясно. И еще он видел, что у него не хватит духа убить ее быстро, избавить от мучений. Впрочем, уж это-то можно было понять и без особых провидческих способностей.

«И как это вышло, что я так озабочен судьбой какой-то там горстки шерсти и кодов, прозябающей здесь, в этой жопе мироздания?

А как я могу быть не озабочен, если я знаю Джилл?»

Пройдет еще два дня по счету дней на Чирье, прежде чем маленькая хориха умрет. Само собой, никаких таких дней тут не будет. Весь здешний свет — это гнилостная люминесценция, исходящая от завалов мусора. Значительная часть этого мусора продолжала жить. На Чирье был постоянный полумрак, которому шла уже третья сотня лет. В процессе медленного разложения органических остатков образовалось болото. А еще Гнилая река, представлявшая собою не более чем болотный ручей, бесконечно циркулировавший в такт прецессии модуля. Где находился Чирей? А кому какая разница? В конце всего, в тупике системы, где щупальца Мета змеями заползли в астероидный пояс. Да хоть так, хоть иначе — все едино. Здешнее вращение совсем не бралось обеспечивать гравитацию для людей. Никто и не почесался бы ради здешнего населения. Чирей был раскручен — до тяготения, к слову сказать, чуть превышавшего земное, — чтобы покомпактнее упрессовывать мусор, иначе людское дерьмо захлестнуло бы весь астероидный пояс.

Полвека назад был установлен огромный мусоропровод, опорожнявшийся в Чирье. Для защиты от противотоков в нем имелись односторонние клапаны. В Чирей стекались все отбросы внутренней системы; сервисный грист использовал часть этих отбросов на расширение свалки, чтобы она вмещала новые поступления. И все это оседало здесь. Из Чирья почти ничего не выходило наружу, чем остальная система была очень довольна.

Кто-то, кряхтя и ругаясь, заплелал по мелководью к барже. Собственно говоря, не «кто-то», а вполне конкрет-

ная Глэдис — ведьма, жившая неподалеку в пересохшей дренажной трубе. Было слышно, как она нащупала сходни и стала выбираться из воды. ТБ не пошевелился. Ведьма замолотила в дверь своей всегдашней палкой, про которую она говорила, что это — заколдованная змея. Может, так оно и было. На Чирье и не такое случалось. Люди и грист образовывали здесь самые дикие комбинации, порою — непостижимые.

— ТБ, мне нужно поговорить с тобой по делу,— сказала ведьма.

ТБ заткнул уши, но это мало помогло, потому что ведьма замолотила еще громче.

— Впусти меня, ТБ. Я знаю, что ты дома. Подходя, я видела тут свет.

— Ничего ты не видела,— сказал ТБ, обращаясь к запертой двери.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Ну ладно.

ТБ нехотя открыл дверь. Глэдис тут же вошла и быстро, с тревожным любопытством огляделась по сторонам.

— Что ты там стряпаешь?

— Ничего.

— Приготовь мне что-нибудь.

— Глэдис, моя старая плита почти уже не работает.

— Засунь в нее одну из этих твоих крыс, и я съем, что получится.

— Глэдис, я не хочу так делать, не хочу и не буду.— ТБ открыл морозильник, покопался в нем, извлек мороженое на палочке и протянул его ведьме.— Вот,— сказал он.— Шоколадное вроде бы.

Глэдис взяла мороженое и вгрызлась в него, как в мясистую кость. Через считаные секунды от мороженого осталась только коричневая размазня на ее губах и подбородке. Глэдис облизнулась и вытерла рот грязным засаленным рукавом.

— А еще есть?

— Нет, у меня больше нет,— сказал ТБ.— А если б и было, я бы тебе не дал.

— Жадина.

— В наше время такие штуки трудно достать.

— А как поживает твоя ловчая хориха?

— Сегодня она сильно пострадала, разве Боб тебе не сказал? Она умирает и скоро умрет.

— Мне очень печально слышать такое.

ТБ не хотелось говорить с Глэдис о Джилл, и он сменил предмет разговора.

— На этой свалке просто тьма крыс.

— Там, откуда они берутся, их еще больше.

— Мне ли этого не знать!

Глэдис подтащила к себе табуретку и буквально рухнула на нее. Она была европейской породы, а может, и нет, трудно сказать. На ее грязном, сто лет не мытом лице резко выделялось белое пятно, занимавшее рот и часть подбородка, где она вытирала мороженое.

— Почему ты их так ненавидишь? Про Боба-то я понимаю, он — псих. Но ведь ты-то же вроде нормальный.

— И совсем я их не ненавижу, — сказал ТБ. — Просто я так зарабатываю на жизнь.

— Правда, что ли?

— Я их совсем не ненавижу, — повторил ТБ. — Так о чем ты хотела поговорить?

— Мне нужно отлучиться на неделю.

— Да куда?

— Я хочу повидаться со своей теткой. Последнее время только о ней и думаю. У нее был когда-то котенок. И вот я решила, что мне тоже нужна кошка. Ну, знаешь, для компании. Чтобы помогала мне в колдовстве. Она же у меня знаменитая, корабли водила.

— Кошка?

— Нет, моя тетка.

— Так ты что, заберешь у тетки этого котенка?

— Нет, ты что! — оскорбилась Глэдис. Она подалась вперед и заговорила заговорщицким голосом: — Этот котенок должен был уже вырасти, и я думаю, что это была девочка. Теперь у нее должны уже быть котята, и я смогу забрать одного из них.

— Слишком уж много тут предположений, — мягко заметил ТБ.

— Я уверена, что так оно и есть. И мой ангел, Том, он тоже сказал мне ехать.

Том был одним из сверхъестественных существ, с которыми Глэдис находилась в контакте. Обитатели Чирья пус-

кались порою в очень дальний путь, чтобы посоветоваться с Глэдис. Говорили, что она даже может точно сказать, где зарыты серебряные ключи.

— Ну, если уж Том тебе так сказал, нужно ехать, — согласился ТБ.

— Вот и я говорю, — кивнула Глэдис. — Только нужно, чтобы, пока меня не будет, ты присмотрел за моим домом.

— Глэдис, ты же живешь в дренажной трубе.

— Она уже совсем сухая. И я не хочу, чтобы, пока я отсутствую, туда вселился кто-то другой. Такое жилье еще поискать.

— Я только и могу, что зайти иногда и проверить.

— И если какие вдруг там объявятся, ты должен их прогнать.

— Я не собираюсь никого прогонять.

— Ты должен. Я на тебя полагаюсь.

— Я скажу им, что это место уже занято, — сдался ТБ. — Это все, что я могу обещать.

— Скажи им, что это место заколдовано, — сказала Глэдис. — И что если я застану их в своем доме, то наложу на них проклятие.

— Ладно, — согласился ТБ, еле сдерживая смех. — Что-нибудь еще?

— Еще поливай мою гортензию.

— А это что еще за хрень?

— Это не хрень, а цветок. Только ткни сперва пальцем в землю и, если еще влажная, не поливай.

— Тыкать пальцем в эту грязь?

— Там не грязь, а чистый, специально купленный грунт!

— Ну тогда ладно, полью.

— А ты позволишь мне спать сегодня здесь?

— Нет, Глэдис.

— Но я же боюсь возвращаться. Гарольд сегодня совсем взбесился.

Гарольдом звали дьявола, сидевшего на левом плече Глэдис. Том говорил ей в правое ухо, а Гарольд — в левое. У Гарольда можно было спрашивать насчет денег, и он отвечал через Глэдис — если был к тому расположен.

— Ты не можешь остаться здесь. — ТБ встал и потянул Глэдис с табуретки. С близкого расстояния ее вонь бук-

вально валила с ног. – И вообще уходи, мне еще нужно многое сделать. – Он повел упиравшуюся ведьму к двери.

– Да какие еще там у тебя дела?

Ведьма вырвалась, однако садиться больше не стала. ТБ обошел ее по дуге и распахнул дверь.

– Разные, – сказал он и добавил, указывая в наружный полумрак: – Иди домой, Глэдис, а я зайду туда уже завтра.

– Эти два дня я буду еще здесь, – ответила ведьма. – Ты, значит, начинай проверять послепослезавтра.

– Договорились, – согласился ТБ и указал рукой на дверь. – А теперь уходи, Глэдис, чтобы я мог заняться своими делами.

Глэдис дошаркала до двери, остановилась и обернулась.

– Послепослезавтра, – повторила она. – Какое-то время меня не будет. Я надеюсь на тебя, ТБ.

– Ты можешь надеяться, что я буду приглядывать за твоей халупой.

– И ничего не украдешь.

– Уж это я точно могу обещать.

– Ну, вроде все. Я на тебя надеюсь.

– Спокойной ночи, Глэдис.

– Спокойной ночи.

Ушла наконец. Немного послушав, как Глэдис плюхает по берегу, ТБ вспомнил, что дверь так и стоит нараспашку, встал и запер ее. Через пару минут в дверь снова постучали. ТБ обреченно вздохнул и пошел открывать. И впустил Боба.

Боб вытащил откуда-то из одежды бутыль студенистой жидкости. Это был чирьевый самогон, густой, как недельная моча и такой же желтый.

– Выпьем, – сказал он, ставя бутылку на стол. – Я пришел напоить тебя вдрабадан и кое о чем расспросить.

– Не буду я пить эти твои помои, – мотнул головою ТБ.

Боб взял бутылку сам, приложил горлышко ко рту, сделал два огромных глотка и сунул бутылку прямо в лицо ТБ. ТБ ее взял.

– Мать твою! – сказал Боб. – Мать твою сучью!

– А ведь права была Глэдис, что ты – псих.

– Она что, заходила?

— Только что ушла. Сказала, что хочет, чтобы я присмотрел за ее халупой.

— Не пойдет она ни к какой своей тетке.

— А что, может, и пойдет.

— Хрен там. Глэдис никогда не уходит далеко от своей канавы.

ТБ посмотрел на бутылку. Затем он отвел глаза, поднес бутылку ко рту и сделал глоток, стараясь не чувствовать вкуса. И все равно почувствовал. Это было похоже на старый, с уймой ржавчины растворитель для краски. А еще ощущалось некоторое количество полудохлого гриста. ТБ не мог не анализировать поганую жидкость, так уж он был сконструирован. Детергент для промывки канализации. Господь милосердный. Не давая себе времени подумать, он глотнул еще раз.

— Допивай уж.

Во взгляде Боба сквозила зависть.

— Нет, теперь ты, — великодушно сказал ТБ и вернул ему бутылку.

— А я, в общем-то, и не против.

Боб откинулся назад, раскрутил в бутылке остатки жуткого зелья и влил их себе в горло. Затем издал дикий вопль, от которого вздрогнул даже ТБ, повидавший вроде бы всякое.

— Пивом бы запить, — мечтательно сказал Боб.

— Пиво тут совсем не к месту, да и все равно у меня нет.

— Пошли тогда к Ру Джун и погоняем шары.

— Да поздно же, как хрен знает что.

— Да брось ты, время детское.

ТБ задумался. От самогона по всем его кишкам расползлось приятное тепло. Но было и неприятное ощущение, что тот же самогон проест их насквозь, если его чем-нибудь не разбавить. А что до Джилл, с ней дело ясное. Она будет спать и спать и в какой-то момент во сне и умрет. Надо бы, конечно, остаться с ней. Надо честно смотреть в лицо последствиям своих поступков.

— Подожди, только плащ возьму.

Весь Чирей, куда ни взгляни, тлел тусклым синеватым сиянием. Прямо над головой точно так же тлела противоположная, очень далекая сторона цилиндра. ТБ по личному опыту знал, что там почти сплошь водная трясина. Каждые

несколько минут в неоглядных завалах мусора надувался очередной пузырь болотного газа, надувался, лопался и тут же вспыхивал, превращался в белый сияющий шар. Эти шары были размером с хороший аэростат, однако отсюда, с огромного расстояния, они выглядели крошечными светлячками. ТБ попал однажды под такую штуку. Вырвавшийся метан перевернул его лодчонку, и на момент вспышки он был в воде, что, надо думать, спасло его от превращения в нечто вроде пережаренного тоста. А ведь и там, на той стороне тоже жили люди — люди, умевшие более-менее уберегаться от газа. Ну а не уберегся — значит, не повезло.

Боб направился к забегаловке не обычным, как все нормальные люди, путем, а по каким-то своим, хитрым проходам, по глубоким ущельям в монбланах мусора, а порою и по тоннелям, пролегавшим под ними. В какой-то момент ТБ почувствовал, что сверху что-то капает, поднял голову и увидел огромные сталактиты, образованные некоей мерзкой светящейся субстанцией.

— Сейчас мы прямо под старушкой Гнилушкой, — пояснил Боб. — А то, что сверху, это придонный ил.

— Ну и что ты о нем думаешь? — поинтересовался ТБ.

— По большей части — отработанный медицинский грист, — без задержки откликнулся Боб. — Ни на хрен не нужный, ничего не стоящий, а отчасти даже заразный.

— Это уж и к бабке не ходи.

— А путь зато раза в два короче.

Так оно и вышло. От выхода из туннеля до таверны было не более сотни футов. Они поднялись на крыльцо, прошли сквозь завесу из полосок пластика, предназначенную для защищиты от мух, и оказались в ярко освещенном зале. Непривычный свет заставил ТБ на мгновение зажмуриться. Народу было много, и все больше знакомые. Чен играл на стойке бара сам с собою в домино, причем костяшки, по вечной своей манере, комментировали каждый ход нечленораздельным ворчанием. У бильярда Жестяной Он, Ноланд и Большой Балбес смотрели, как Сестренка Мэри, известная шлюха, выцеливает шар. Она ударила и положила в лузу полосатый.

Жестяной Он хлопнул ТБ по плечу, а Боб сразу потянулся за бутылкой виски, стоявшей на полке за Балбесом.

— Старина ТБ, — сказал Жестяной Он. — Пей, это виски.

И протянул ТБ фляжку.

Чен поднял глаза от костяшек.

— Вы бы попробовали мой виски, — сказал он и снова вернулся к игре.

ТБ приложился к фляжке Жестяного. Этот продукт был гораздо лучше Бобова самогона, а потому он приложился еще раз.

— Хорошо эта шлюха орудует кием, — сказал подошедший Ноланд. — Она делает Балбеса, как дырявую шляну.

Смысл этой фразы остался для ТБ полной загадкой. Гристовая заплата Ноланда давно уже барахлила, и его речь становилась все более невнятной для окружающих, впрочем, его это нимало не печалило.

Боб стоял за спиной Сестренки Мэри и подавал ей советы. В конце концов она обернулась и спокойно, без малейшей злобы припечатала его спиной к стенке. Боб там и остался, уважительно наблюдая, как она целится и кладет очередной полосатый. Большой Балбес пробормотал проклятие, и шлюха широко улыбнулась. Зубы у нее были совсем черные от бетельного ореха.

ТБ задумался, сколько она берет и сколько у него накоплено. Мелькнула было мысль, не сменяет ли она перепихон на несколько крыс, но он тут же эту мысль отбросил. Сестренка Мэри не любила бартера. Ей были нужны ключи или что-нибудь красивое.

Жестяной Он снова предложил ТБ фляжку, и тот не отказался.

— Я должен с тобой поговорить, — сказал Жестяной Он. — Ты должен помочь мне с моей мамашей.

— А что там с ней приключилось?

— Умерла она, вот что.

— Умерла. — ТБ приложился к фляжке вторично. — И давно?

— Три месяца.

ТБ ждал продолжения. Было ясно, что это не все.

— Она не даст мне себя закопать.

— Это в каком же смысле не дает закопать? Она же мертвая, верно?

— Ну да, по большей части. — Жестяной смущенно огляделся по сторонам и продолжил, перейдя на шепот: —

Ее пелликула не хочет умирать. Шляется по всему дому и таскает за собой ее *тело*, как тряпичную куклу. И мне никак от нее не избавиться.

— Ты хочешь сказать, что тело ее умерло, а пелликула таки живет?

— Ну да, я ж тебе битый час об этом толкую! — Жестяной Он забрал у ТБ фляжку и прикончил ее содержимое. — Слушай, ТБ, ну что мне с ними делать? Она насквозь провоняла весь дом, и каждый раз, когда *я вышвыриваю старую ведьму наружу*, этот грист волочет ее обратно. И совсем ведь не устает, ломится в дверь хоть целую ночь, пока я не открою.

— Хорошенькая у тебя проблема.

— Это уж точно, что проблема! Хорошая была мамаша, но теперь, если по-честному, я начинаю ее ненавидеть.

ТБ обреченно вздохнул.

— Может, я сумею что-нибудь сделать, — сказал он. — Только не сегодня.

— Ну заходи тогда завтра. Моя баба стотовит тебе что-нибудь поесть.

— *Постараюсь зайти*.

— ТБ, ты обязан мне помочь. Все же знают, что у тебя с гристом особые отношения.

— Что смогу — сделаю, — сказал ТБ и направился к бару, оставив Жестяного наблюдать за бильярдной игрой.

У стойки он заказал холодное пиво, и Чен достал ему бутылку из холодильника. Это был отличный способ притушить жжение, все больше разгоравшееся в желудке. Он присел на барную табуретку и начал пить пиво. Ченов бар был сплошь облицован видавшими виды рекламными плитками — мертвыми, разумеется, дни их блужданий по станциям Мета минули безвозвратно. В большинстве своем эти рекламы восхваляли продукты, о которых ТБ и слыхом не слыхал. Однако одна из них — та, на которой стоял стакан с пивом, — все же оказалась знакомой. Это был вербовочный призыв государственной службы, и в нем выступал Амес тех далеких времен, когда он был еще не Могучим и Ужасным Командиром Системы, а всего лишь губернатором занюханного Меркурия. Реклама осеклась посреди воззвания Амеса к достойнейшим гражданам Мета приезжать на Меркурий, чтобы влиться в Новую Элиту. Рекламный Амес

застыл, широко разинув широкий рот, зиявший на его широкой ряшке. Дно пивного стакана почти точно укладывалось в круглое «О» этого рта.

ТБ глотнул пива и снова поставил стакан.

— Заткни хлебало, — сказал он недружелюбно. — Вот это свое хлебало, ты заткни его на хрен, будь милостив.

Чен вскинул глаза от костяшек, которые, тут же почувствовав, что он не уделяет им достаточного внимания, стали переругиваться между собой.

— Ты со мной говоришь? — поинтересовался он.

— Нет. — ТБ ухмыльнулся и помотал головой. — Я мог бы и тебя попросить заткнуться, но ты и так не слишком много говоришь.

Ночь — то есть время, считавшееся на Чирье за таковую, — была уже на исходе, а народу в забегаловке все прибывало. Один за другим подходили мусорщики, крысоловы и фермеры, что-то растившие на отстойниках. По преимуществу мужчины, но попадались и женщины, и некие совсем уж бесполые груды лохмотьев. К ТБ привязался какой-то тип, пытавшийся впарить ему моток отработанной световой трубки. Трубка переболела какой-то заразой и была сплошь в крапинках. Слушая объяснения продавца, что трубку можно перезарядить, ТБ согласно кивал, однако от бартера отказался, а потом еще Чен окинул трубочника нехорошим взглядом, и тот пошел дальше. ТБ заказал себе вторую бутылку и выудил из кармана три металлических ключа. Такая уж на Чирье была валюта. Два ключа были ломаные, а третий был вроде бы из настоящей латуни и мог что-то стоить. ТБ положил ключи на стойку, Чен быстренько сгреб их и переправил в сейф.

К ТБ подошел Боб и дружески хлопнул его по спине.

— Чего бы тебе не выпить виски? — вопросил он и задрал рубашку, демонстрируя еще одну посудину самогона, заправленную под веревку, на которой держались его штаны.

— Вот допью это пиво, и тогда, пожалуй.

— Большой Балбес говорит, что кто-то там о тебе расспрашивал.

— Глэдис, наверное, но она меня уже нашла.

— Нет, это был шаманский священник.

— Кто-кто?

— Ну, один из этих, зеленодревовых.

— А он-то что здесь забыл?

— В Бэгтауне у них там церковь или нечто вроде. Бывает, что они и сюда добираются. Балбес говорит, что этот вытворяет всякие там фокусы с камнями.

— С камнями?

— Так он сказал.

— А ты уверен, что он именно так и сказал?

— Большой Балбес сказал, что всякие там фокусы с камнями, и это все, что я знаю. Слышь, а что это рожу твою вдруг перекосило?

— Я знаю этого священника.

— Да откуда, каким образом?

— Я его знаю. И очень хотел бы узнать, чего ему нужно.

— Того же, чего и всем мужикам, — удивился вопросу Боб. — Виски и с кем-нибудь перепихнуться. Или, порою, одного только виски. Но всегда, при любой погоде по крайней мере виски. — Он закинул руку за стойку и стал там что-то нащупывать. — Чен, а что это такое, на чем моя рука?

Чену пришлось прервать игру и смотреть.

— Мой долбаный дробовик, — пробормотал он недовольно.

Боб сдвинул руку, пошарил еще и вытащил обшарпанную скрипку.

— А смычок где?

— Да там же, рядом, — махнул, не поворачиваясь, Чен.

Боб встряхнул извлеченный из-за стойки смычок, и грист послушно его наканифолил. Затем Боб встал рядом с ТБ, спиной к бару, приставил скрипку к груди, извлек из нее долгую тоскливую ноту и тут же, без остановки, перешел на нечто быстрое и плясовое. Свою музыку, довольно замысловатую, он акцентировал громкими воплями прямо ТБ на ухо.

— Да на хрена же так орать, — пожаловался ТБ, когда Боб опустил смычок.

— Я хочу танцевать, — заявил Боб. — Освободите мне место! — заорал он на всю забегаловку.

В середине зала расчистили небольшой пятачок, и Боб вышел на него, играя на скрипке и приплясывая.

— Пошли, ТБ, — сказала Сестренка Мэри. — Потанцуем, разомнемся.

Она взяла ТБ за руку, и тот позволил увести себя от стойки. Он не слишком понимал, что ему нужно делать, да ему и не нужно было знать; она взяла его под руку и крутила, и крутила, и крутила, пока ему не стало казаться, что сейчас его вывернет. Потом верчение кончилось. Пока ТБ пытался отдышаться и остановить крутившиеся стены, шлюха вскочила на один из столиков и стала трясти своей юбкой в такт Бобову бешеному пиликанью. ТБ смотрел на нее, бесконечно довольный этой передышкой.

Пусть и вразнобой, пусть и не слишком в ритме музыки, но теперь уже раскачивался весь зал. В промежутках между песнями Боб прикладывался к бутылке самогона и передавал ее Сестренке Мэри, которая так и оставалась на столе, отплясывая и приводя в исступление мужиков, окруживших ее кольцом и пытавшихся заглянуть под дико развевающееся платье. Чен работал у стойки, отложив на время домино. Он мрачно хмурился, что помешали играть, но стаканы наполнял весьма прытко.

— Выпей виски! Выпей виски! — кричал Боб раз за разом.

С некоторым запозданием ТБ сообразил, что это название — и весь текст — исполняемой песни. Кто-то сунул ему в руки бутылку. Он глотнул, ни о чем не думая, и то, что было в бутылке, скользнуло ему в глотку нежно и гладко, как комок лимонного желе.

Питьевой грист. Содержимое бутылки было темно-пурпурным и чуть-чуть фосфоресцировало. ТБ сделал еще глоток, а затем у него отобрал бутылку следующий потребитель. Грист начинал активироваться, он чувствовал это желудком. И вдруг он понял его кодированное назначение. Старый Добрый Семьдесят Пятый. Мы прокатим тебя на комете прямо в солнце.

— Вали дальше, — сказал ТБ гристу. — Терять мне нечего.

Включись и выиграй! — сказал ему грист. *Включись и выиграй!*

Но этот конкурс сто лет уже как окончился.

Нет, спасибочки.

Чего ты хочешь больше всего?

Вопрос был, конечно же, предварительно запрограммирован. И это был не тот грист, который рекламировал конкурс. Кто-то состряпал смесь. И сделал это, не слишком задумываясь, что и с чем он мешает. Ощущалось и что-то еще, совсем другое. Возможно, военный грист. Буквально в шаге от восприятия.

А какого, собственно, хрена? Вали кулем, потом разберем.

Чего ты хочешь больше всего?

«Быть пьянее, чем я был когда-либо прежде».

Пьянее, чем сейчас?

«Да, конечно».

Хорошо.

Ночь, не имеющая равных! Видение обнаженных любовников в бассейне Ганимедского курорта, тянущих через длинные соломинки из бутылок Старый Добрый Семьдесят Пятый.

Воплоти мечту! Включись и выиграй!

«Я сказал „нет“».

Блаженный сон рассеялся.

Чего ты хочешь больше всего?

Боб был уже на столе, рядом с Сестренкой Мэри. И как они там вдвоем помещаются? Боб играл на скрипке и танцевал. Он опасно отклонился назад над танцующей толпой, шлюха его придерживала, а скрипка была между ними. Они крутились и крутились по кругу, Боб отчаянно пилил свой инструмент, а рот Сестренки Мэри сверкал черной, маниакальной, о тридцати двух зубах улыбкой.

Кто-то врезался в ТБ и толкнул его на кого-то еще. ТБ, покачиваясь, пробрался сквозь толпу, забился в угол и стал ждать, когда же забегаловка перестанет крутиться. Через какое-то время он осознал, что никогда она не перестанет, и Боб с Сестренкой Мэри никогда не перестанут, и народ в забегаловке тоже, что этот стул, эти столики, эти стены так и будут крутиться, а теперь они еще и перепились, кренились и раздувались, грозя его поглотить, желая что-то от него получить, хотя все, что у него теперь было, это ровно ничего.

ТБ кое-как пробрался за спинами танцующих к двери. Затем он осторожно, словно от кого-то таясь, обогнул косяк. Пластиковые висюльки хлестали его по лицу, но

он пробился между ними и спустился с крыльца. Пройдя футов сто, он попал ногой во что-то мягкое и упал навзничь.

Над ним в вышине аритмично мигали вспышки болотного газа. Вонь всей вселенной — нечто, чего он давно уже не замечал, — ударила его с такой силой, что могла бы сбить с ног, не лежи он и так в болоте. Все было не так — страшно, до жути не так. Всё и все свихнулись.

Что-то крутило и сжимало желудок. А что шлепанье, это Бен там по лужам шлепает. Но ведь Бен — это *я*. *Я* — Тадеуш. *Наконец-то мы слились воедино.* Какой прекрасный предмет для размышлений. Человек с другим человеком, в него воткнутым, крест-накрест в четвертом измерении. Тессеракт со стонущим человеком, распятым на нем, на самом себе! Только этого никому не видно, оно же все в четвертом измерении.

От такого и запьешь, и сопьешься.

«Мне нужно перевернуться, а то захлебнусь, когда буду блевать.

Сейчас я буду блевать».

Он перевернулся на живот, и его желудок очень хотел извергнуть все свое содержимое, однако гристовое желе словно закаменело и никуда не хотело уходить; несколько минут его выворачивало всухую, а потом обессиленное тело бросило это занятие.

Чего ты хочешь больше всего?

«Я хочу ее, чтобы она снова была. Я хочу, чтобы все это, что было, никогда и не случилось. Я хочу иметь способность менять не только будущее».

А затем желе снова разжижилось и поползло по его пищеводу, словно цепляясь за стенки руками, и он открыл рот, и...

...боже милосердный, это и вправду были руки, маленькие руки цеплялись за его губы, ухватывались понадежнее, раздвигая губы, заставляя рот раскрыться...

Кашель взахлеб, отвращение, неудержимый позыв к тошноте

«Да я же не это имел в виду».

Это, это.

Его лицо повернуто в сторону, а маленькие руки цепляют загаженную землю, продвигаясь вперед и вперед, во-

лоча за собою толстый, в руку, послед из чего-то похожего на слизь, мерзее любой слизи...

Непроизвольное оцепенение всех его мускулов, судорожно напрягшихся, ощутив чужое присутствие, присутствие в них самих, желающее...

...выйти...

Он долго, бесконечно долго выблевывал гристовую слизь.

И эта субстанция собиралась в лужу и комковалась, и в ней уже были не только руки. Там было удлиненное тело. Еле намеченные изгибы ягодиц и грудей. Ступни размером с большой палец, но идеально сформированные. И все это росло.

Лицо.

«Я не стану смотреть».

Лицо, увиденное мельком, узнаваемое превыше любого узнавания, потому что не было ее лицом. Нет, нет. Он знал, что это не она. Это просто то, как он ее помнил.

Слизневая девушка каталась в грязи. Как ком теста, она каталась и росла, собирая мусор, в котором каталась, раздуваясь, становясь...

Оно открыло рот. Нечленораздельное бульканье. Вязкие, сырые слова. Он не мог себя удержать. Он подполз, наклонился над ней и стал слушать.

— Ты этого хотел?

— Господи. Да я никогда...

— Тогда убей меня, — прошептало оно. — Убей меня поскорее.

И он потянулся к тонкой еще шее, и пальцы его напряглись, и он почувствовал, как горло поддается. Не совсем еще сформировалось. Если был вообще подходящий момент покончить с этим чудовищем, этот момент был сейчас.

«Что же я тут наделал?» Он сжал пальцы крепче. Существо стало кашлять и задыхаться. Биться в отбросах, его породивших.

Нет, только не снова.

«Я не могу».

Он с трудом, по одному развел пальцы.

— Я не буду, — сказал ТБ.

Он сел чуть в отдалении от существа и начал с тупым интересом смотреть, как оно глотает воздух. Живет. Принимает вид женщины.

Оно открыло глаза на мир. Мутные, невидящие глаза. Он протянул руку и осторожно их протер. Пленки сошли, прилипли к пальцам, и глаза стали ясными. Лицо повернулось в его сторону.

— Я умираю, — сказала женщина.

Это был ее голос. Голос, как тот ему помнился. Ну, помоги Господи его прóклятой душе. Ее голос.

— Помоги, — сказала она.

— Я не знаю, что делать.

— Чего-то не хватает.

— Чего?

— Я не знаю чего. Как-то не так.

Она закашлялась.

— Алетея.

Он позволил себе это сказать. И тут же понял, что всё не так. Нет. Эта женщина не соответствовала этому имени.

— Слишком мало хочу.

— Чего, чего ты хочешь? Как тебе помочь?

— Не хочу жить. Хочу жить слишком мало, чтобы жить. — Она снова закашлялась, попыталась подняться, но смогла только судорожно дернуться. — Помоги, пожалуйста... этому. Мне.

Он вновь до нее дотронулся. Теперь под пальцами была плоть. Но какая же холодная. Он подсунул под нее руки и обнаружил, что она очень легкая, что ее легко поднять.

Он стоял с женщиной на руках. Она весила не больше сорока фунтов.

— Я возьму тебя домой, — сказал он. — К себе домой.

— Оно... я... попыталась сделать то, чего ты хотел. В этом мое назначение.

— Мощное же зелье было в этом Старом Добром Семьдесят Пятом, — сказал ТБ.

Он уже не чувствовал себя пьяным. Он чувствовал себя выжатым, изодранным в клочья, как старая ветхая тряпка. Но пьяным он не был, и у него оставались какие-то силы, пусть даже ему самому с трудом в это верилось. Возможно — достаточно сил, чтобы отнести ее на баржу. Он не мог воспользоваться маршрутом, по которому вел его Боб, но был путь и попроще, хотя и длиннее. И он его прошел.

Дошел до дома, до своей баржи, с женщиной на руках. Ее частое, поверхностное дыхание. Ее знакомое лицо.

Ее пустые, пустые глаза.

Использовав свою особую способность, он заглянул в будущее и увидел, что нужно делать, чтобы ей помочь.

Что-то устало и хочет прилечь, только не знает как

Что-то устало и хочет прилечь, только не знает как. Это что-то — не я. Я не дам ему быть мною. Чем пахнет отдых? Плохо. Смертно.

Джилл трудно, как окостенелая, ворочается на своем мешке. На постели лежит это, вроде девушки. ТБ между ними, его левая рука на Джилл.

Мертвый — это то, что случается с вещами, а я не, не, не, не вещь. Я не буду вещью. Они не должны были меня будить, если не хотят, чтобы я бежала.

Они сказали, я была ошибкой. Я не ошибка.

Они думают, что могут запрограммировать правила и ты будешь делать, что тебе скажут.

Я сама — правила.

Правила не вещи.

Я не вещь.

Бежать.

Я не хочу умереть.

Кто может кусать, как я? Кто поможет ТБ обшаривать темнейшие места? Мне нужно жить.

Бежать.

Бежать, бежать, бежать и никогда не умереть.

ТБ кладет правую руку на лоб вроде-девушки.

У него такая дудка из кости, он подносит ее к губам и дует.

Костяная нота.

Затухает.

Затухает в грист.

ТБ говорит вроде-девушке.

Я не дам тебе уйти, говорит он.

Я не она.

Она это то, почему ты есть, но ты не она.

Я не она. Она это то, чего ты больше всего хочешь. Ты сказал это гристу.

Я был ошибочно понят.

Тогда я ошибка.

Жизнь никогда не ошибка. Спроси Джилл.

Джилл?

Сейчас она здесь. Послушай ее. Она знает о женщинах больше меня.

ТБ трогает их обоих, заставляя себя уйти. Становясь каналом, дорогою между. Путем.

Я должна умереть.

Я должна жить. Я умираю, точно как ты. Ты хочешь умереть?

Нет.

Тогда я тебе помогу. Ты можешь жить со мной?

А кто ты?

Джилл.

Я не Алетея.

Ты выглядишь как она, но пахнешь совсем не как она должна бы пахнуть. Ты пахнешь как ТБ.

Я совсем никто.

Тогда ты можешь быть мною. Это единственный способ жить.

А у меня есть выбор?

Никогда и не было никаких дел, кроме выбирания.

Я могу жить с тобой. Ты будешь жить со мной? Как мы это можем?

ТБ трогает их обоих. Поток информации через него. Он стекло, небывалая линза. По мере того как Джилл перетекает во вроде-девушку, ТБ претворяет информацию в Существо.

Мы можем бежать вместе. Мы можем охотиться. Мы можем всегда, всегда бежать.

Балансировщик камней и охотник на крыс

На Тритоне ему случалось громоздить их друг на друга на двадцать футов вверх. Тонкая была штука. После шести футов приходилось подпрыгивать. Там тяготение даст тебе больше времени в верхней точке прыжка, чем на Земле или на станции, раскрученной до нормального земного. А на Тритоне в этот затянутый миг покоя ты должен сделать свое дело. Конечно же, было и умное ремесло оценки воображаемых отвесных линий, понимания консистенции материала и поиска микроскопических скатов, дающих достаточно трения. Просто поразительно, как крошечный выступ может войти в столь же крошечную ямку, и таким образом, что один камень будет стоять на другом, словно приклеенный. Но был и предел, за которым все это ремесло — едва ли, думалось ему, не самое темное и бесполезное из ремесел, когда-либо придуманных человечеством, — уступало свое место искусству, интуиции. Предел, за которым Андре просто знал, что камни уравновесятся, видел их бытие как единого целого. Или их Бытие. И он сам, когда это у него получилось, был главным Почему. Это была высшая степень ремесла балансировки камней.

— А здесь, на Чирье, ты можешь их уложить так высоко?

— Нет, — без запинки ответил Андре. — Здесь наибольшее тяготение, с каким мне случалось встречаться. Но в общем-то, вся эта высота не имеет значения. Я же не ставлю рекордов, ни с кем не соревнуюсь.

— А что во всем этом такого?

— В чем? В укладывании их повыше? Чем выше ты укладываешь камни, тем больше времени уходит на их балансировку.

— Я про смысл самой балансировки.

— Да. Смысл есть.

— И какой же?

— Я не могу объяснить тебе, Бен.

Андре позволил себе отвернуться от работы, но камни не упали, они так и стояли за ним столбом, соприкасаясь лишь крошечными площадками. Это казалось абсолютно невозможным. Это была наука, и непростая.

Старые знакомые крепко обнялись. Отодвинулись друг от друга. Андре рассмеялся.

— Ты что же думал, я буду похож на здоровенный шмат протоплазмы? — спросил ТБ.

— Правду говоря, я рисовал себе горящие глаза и всклокоченные волосы.

— А я вот такой.

— Ты Бен?

— Бен — это шрам у меня на боку, который все никак не рассосется.

— Ты Тадеуш?

— Тадеуш — это кулек ржавых монеток в моем колене.

— Ты голодный?

— Могу и поесть.

Они прошли в келью Андре. Андре налил в кофеварку воду и насыпал в ситечко несколько ложек кофе.

— С каких это пор ты начал пить кофе?

— Мне как-то надоело, что все чай да чай. А ты не изменил своему кофе?

— Ни в коем разе. Только здесь его хрен достанешь, что с ключами, что без ключей.

— Ключи? Тут кто-то спер мои ключи от этой квартирки. Они лежали на столе, а кто-то вошел и забрал.

— Пиши пропало, — сказал ТБ. — Но ты не бойся, что к тебе снова залезут, — они уже взяли, что им было нужно.

В комнате не было стульев, и ТБ стоял, привалившись к стене.

— Пол у меня чистый, — подсказал Андре.

— Ничего, я постою.

Андре поднял с пола небольшую парусиновую сумку, чуть в ней покопался и вытащил пучок чего-то вроде сена.

— Узнаешь? — спросил он.

— А я-то все думаю, куда она подевалась. Которую неделю ищу да ищу.

— Это лаконос, — сказал Андре. Он взял горшок, налил в него воду из глиняного кувшина и активировал самогрейный участок простого вроде бы деревянного стола. И натолкал в воду сушеной травы. — Ты не представляешь себе, как это вкусно.

— Андре, у нас на Чирье эта зараза растет повсюду. И все тут знают, что она ядовитая. Вонючий сумах, так ее называют.

— Ну да, — кивнул Андре, — *Phytolacca Americana*.

— Так мы что же, будем есть отраву?

— Нужно вскипятить ее и слить воду, потом снова вскипятить и снова слить воду. Потом сварить по третьему, последнему разу и подавать с острым соусом. Главная фишка в том, чтобы собирать совсем молодые побеги, а то и вправду можно загнуться.

— А откуда ты это узнал?

— Мой конвертат любит проводить такие исследования.

Через какое-то время вода закипела. Используя как прихватку подол своей рубашки, Андре снял горшок, слил кипяток в раковину, затем залил в горшок новую порцию воды и снова поставил его кипятиться.

— Я видел Молли, — сказал Андре.

— Ну и как она там? — спросил ТБ. — В последний раз, когда я ее видел, она грозила стать настоящим чудом.

— И исполнила свою угрозу.

Вода закипела. Андре сменил ее и поставил горшок кипятиться по третьему разу.

— Андре, а ты-то что делаешь на Чирье?

— Я здесь от Лиги борцов за мир.

— О чем это ты? Сейчас нет никакой войны.

Андре не ответил, он сосредоточенно сыпал в вареный лаконос какие-то специи. После минутной паузы ТБ сказал:

— Я не хотел, чтобы меня нашли.

— А я тебя и не нашел.

— Понимаешь, Андре, я очень тоскливая личность. Совсем не тот, что был когда-то.

— Вот и всё. — Андре разложил лаконос по двум мискам, а затем наполнил две чашки давно уже готовым кофе.

— А молоко у тебя есть? — спросил ТБ.

— С этим большие проблемы.

— Ладно, сойдет и так. А ты не против, если я покурю?

— Кури на здоровье. А это что у тебя за сигареты?

— Местные.

— И в каком же месте их делают?

— Лучше тебе не знать.

Андре полил свою траву перечным соусом, и ТБ последовал его примеру. Они ели и пили кофе, и все было очень вкусно. ТБ закурил сигарету, и ее едкий дымок приятно

мешался с запахом овощного варева, затопившим келью Андре. Заоконную тишину неожиданно прорезал дробный грохот камней, потерявших наконец равновесие.

Они вышли из дома наружу, на деревянный помост, исполнявший обязанности внутреннего дворика. Здесь стояло кресло; ТБ сел в него и снова закурил, в то время как Андре приступил к своим вечерним асанам и упражнениям.

— А эта не та ли поза, которая называется «кривобокая курица»? — спросил ТБ после особо хребтоломательного упражнения из системы тай-чи.

— Если ты это про «трижды долбаные салазки», так их я делал раньше. Странно, что ты не заметил.

— Вот учили же нас в семинарии, а в голове ничего не осталось.

— Зуб даю, что при нужде ты все моментально вспомнишь.

— Зуб даю, что у нас с тобой не будет случая это проверить.

Андре улыбнулся, закончил упражнения, а затем сел напротив ТБ в позу лотоса. Время было уже к закату, хотя на Чирье таковых и не бывает. Андре ощущал в себе нечто вроде заката.

— Андре, я надеюсь, ты поперся в эту чертову даль не затем, чтобы забрать меня.

— Забрать тебя?

— Я не вернусь.

— Куда?

— Туда, ко всему тому. — ТБ загасил окурок и достал новую сигарету из завернутой в промасленную бумагу пачки, хранившейся в его нагрудном кармане. Он пару раз сильно встряхнул сигарету, и кончик ее задымился. — Мои ошибки угробили там массу людей.

— В том числе и тебя.

— В том числе и меня. — ТБ длинно, глубоко затянулся и вдруг жестко взглянул на Андре. — Мерзавец! Ты трахал Молли! И не ври, я только что видел все собственными глазами.

— Ну да.

— Я рад. Я правда искренне рад. Может, тебе это и неизвестно, но ты всегда был предметом ее сожалений.

Андре положил ладони на широко раскинутые колени.

— Бен, — начал он, — мне не нужно от тебя ровно ни хрена, но в Мете сейчас тревожно, и кое-что из того, что там происходит, связано, я думаю, с тобой. Ты знаешь не хуже меня, что, если Амес не сможет нагнуть внешнюю систему, он без раздумий начнет войну. Но я приехал даже не поэтому, а посмотреть, как у тебя дела. Вот и все.

ТБ снова окинул его жестким взглядом. Взглядом, видящим все ниточки.

— За эти последние двадцать лет нас обоих жизнь порядком потрепала, — продолжил Андре. — Я думал, а вдруг тебе захочется поговорить о ней.

— Кто ты такой? Полномочный представитель Пути? Божок-советник?

Андре не сдержался и прыснул со смеху, хлопая себя по раскинутым коленям.

— А что тут такого смешного? — сердито спросил ТБ.

— Бен, да ты взгляни на себя. Ты же мусорщик. Честно говоря, я бы в жизни не признал тебя богом. Впрочем, теперь я даже и Бога не признаю больше богом.

— Я никакой не мусорщик. А если тебе так кажется, то ты не понимаешь ровно ни хрена.

— А кто же ты тогда такой, позволь мне тебя спросить?

ТБ загасил окурок и распрямил спину.

— Я охотник на крыс, вот кто я такой, — гордо сказал он. И добавил, вставая: — Пошли. До моей халупы переть и переть, а у меня там есть некто, с кем хотелось бы тебя познакомить.

Покусаем

Иногда свернешь в крысятнике за угол, и вдруг получается, что ты прямо в их гуще, хотя до того в туннеле ты была совсем одна. Они тебя немного покусают, а если ты не будешь прыгать, прыгать, прыгать, они покусают тебя много. Со мною всегда так было, и потому меня не удивляет, когда такое случается снова.

О чем я в основном думаю, это как соблазнить Андре Сада заняться со мною сексом, и это словно туннель, по которому я пробираюсь уже очень долго.

ТБ пошел с Бобом в город и оставил меня со священником Андре Садом. Мы шли по полоске мягкого грунта, ведущей к отмели Гнилой реки, где я люблю купаться, хотя там и бывает порою много аллигаторов. Я рассказала Андре Саду, как замечать аллигаторов, и все равно приглядываю за нас обоих, потому что Андре Сад, хоть он и пробыл на Чирье уже целый год, никак не может до конца поверить, что при первой возможности они тебя съедят.

Они тебя съедят.

Теперь, когда я женщина, я пачкаюсь в крови, только когда чищу хорьковые клетки, а еще ТБ говорит, что он может следить за земным временем по тому, когда я теку кровью из вагины. Странно, что такое бывает с девушкой. С хорихами такого не бывает. Это значит, что я не беременна, да и с чего мне быть беременной, когда все эти мужчины не хотят заниматься со мною сексом? ТБ никогда не притронется ко мне в этом смысле, и я обрабатывала Андре Сада, только он сразу понял, к чему я веду. Я думаю, что он очень умный. Боб так просто начинает хохотать как сумасшедший, какой он и есть, когда я поднимаю эту тему, и он тут же убегает. Ох уж эти все галантные мужчины, стоящие и дрочащие в мусорную кучу, а тут я, хотящая кого-нибудь из них.

Я не могу понять ТБ, ведь я выгляжу точно как она. Я думала, может быть, Алетея была уродка, но Андре Сад сказал, про нее он не знает, но я-то точно нет. И мне по виду, сказал он, лет шестнадцать. А ведь мне около двухсот. Или всего один год. В зависимости от того, кого из нас двоих иметь в виду или обеих сразу.

— Ты не потрешь мне спину? — прошу я Андре Сада, и после мгновенного раздумья он соглашается.

Так я, по крайней мере, чувствую на себе его руки. Они шершавые, как эти камни, с которыми он все время возится, но в то же время и очень осторожные. Сперва он мне не понравился, потому что он мало говорит, и я думала, он что-то скрывает, но потом увидела, что он просто мало говорит. Тогда я начала задавать ему вопросы и много узнала.

Я узнала все, что он мог рассказать мне про Алетею. И он объяснил мне про ТБ. Он, ТБ, был очень удивлен, когда оказалось, что я понимаю всю математику. Только

я не совсем понимаю его зависть и боль и как ТБ может причинять себе так много боли, когда я точно знаю, что ему очень нравится жить.

— Ну как, хорошо? — спросил Андре Сад.

И прежде чем он убрал свои руки, я крутнулась, и он дотронулся до моих грудей. Он же сам и сказал мне, что все мужчины такие, а тут вдруг дернулся, попятился и чуть не сел в воду, и черт бы побрал, я заметила аллигатора, глазеющего на нас с того берега, и нам пришлось поскорей убираться, хотя опасность была и не сильная. А ведь могла бы.

Мы сушились на берегу.

— Джилл, — сказал он, — я должен рассказать тебе про секс побольше.

— А почему бы тебе просто не показать мне?

— Я как раз про это. Ты все еще думаешь, как хориха.

— Так я же и есть отчасти хориха и всегда, Андре Сад, ею буду..

— Я знаю. И это хорошо. Но я-то насквозь человек. Секс связан с любовью.

— Я люблю тебя.

— Ты нарочно прикидываешься, что неверно меня понимаешь, потому что ты сейчас хочешь.

— Ладно, — сказала я, — не надо мне напоминать.

Но Андре Сад уже глядит куда-то через мое плечо, и его лицо становится счастливым, и тут же — очень удивленным, словно в тот момент, когда он был счастливым, он что-то сообразил.

Я поворачиваюсь и вижу ТБ, бегущего к барже. С ним и Боб. Они пришли из города Бобовыми путями. И с ними еще некто.

— Черти меня задери, — говорит Андре Сад. — Молли Индекс.

Это женщина. В свете мусорных куч ее волосы кажутся синими, что значит, что по правде они белые. Она что, старая или просто беловолосая?

— Что ты здесь делаешь, Молли? — тихо спросил Андре Сад. — Боюсь, что это не к добру.

А затем они бегут к дому, бегут все вместе.

ТБ посылает по гристу дрожь, и я чувствую, как он говорит мне, что всем нам нужно делать.

— Давай к барже, — говорю я Андре Саду. — И побыстрее. Быстро, как только можешь.

Мы добираемся туда раньше всех остальных, и я начинаю отдавать швартовы. Когда они взбегают по сходням, баржа уже готова отплыть. ТБ и Боб хватают шесты и отталкиваются от берега, а тем временем Андре Сад ведет эту женщину в рубку. Через несколько мгновений мы уже на середине Гнилушки, и нас подхватывает течением. ТБ и Боб идут внутрь, и ТБ тут же сует свою голову в навигационный пузырь, чтобы рулить.

Женщина, Молли Индекс, глядит на меня. У нее очень странные глаза. Я никогда еще не видела таких глаз. Я думаю, она может смотреть в грист, подобно ТБ и мне.

— Господи, — говорит она, — она похожа на нее как две капли.

— Меня зовут Джилл, — говорю я. — Я не Алетея.

— Нет, я знаю это, — говорит Молли Индекс. — Бен уже мне сказал.

— Молли, так что же ты здесь делаешь? — спросил Андре Сад.

Молли Индекс поворачивается к Андре Саду. Она касается его руки. Я слегка беспокоюсь, не попробует ли она какой-нибудь фокус с гристом, но они, похоже, старые друзья.

— Эта война, про которую ты все говорил, — говорит она, — война началась. Амес ее развязал.

— Нет, нет, — сказал Андре Сад и отшатнулся от нее. — Нет.

Молли Индекс следует за ним. Она берет прядь его волос и трет ее между пальцами.

— Мне нравится, когда они длинные, — говорит она. — А вот жирные — это совсем ни к чему.

Это не доставляет мне удовольствия, а еще на Молли Индекс самые ужасные сапоги, какие я только видела. Такие маленькие хорошенькие штучки, от которых вмиг ничего не останется, вступи она в какую-нибудь мерзость. А на Чирье сама земля есть нечто омерзительное. Глупый грист этих городских сапог не продержится здесь и недели. Странно, что никто не смеется над такими глупыми сапогами, но это, наверное, потому, что у них сейчас много других беспокойств, как, впрочем, и у меня.

— Зря я тебя не послушала, — говорит Молли Индекс. — Успела бы подготовиться. А так он забрал меня. Большую часть меня. Амес забрал. Он кооптировал всех важных БАЛов в Новую Элиту. Впрочем, в большинстве своем они записались добровольно, придурки чертовы. — И снова она трогает его руку, и мне вдруг понятно, что я немного ревную. На этот раз он не дергается. — Я одна ускользнула, чтобы предупредить вас[1], — говорит Молли Индекс. — Они приближаются. Они висят у нас на хвосте.

— Кто висит у вас на хвосте? — спрашиваю я.

Мне нужно было это знать. С такими вещами я могу при случае справиться.

— Амесов трижды проклятый Патруль Свободных Радикалов. Всю дорогу сюда за мною следовал некий механический чистильщик, а я этого даже не замечала. Видимо, Амес узнал от меня — от другой части меня, — где находится Бен.

— Что такое Патруль Свободных Радикалов? — спросила я. — Что такое чистильщик?

В борт баржи что-то ударило, сильно ударило.

— Вот же мать твою, — процедил ТБ, — к нам заявился летучий макак.

Штурманский пузырь осыпается на пол дождем осколков, и тут же в плечо ТБ впиваются длинные изогнутые когти. ТБ кричит. Я ничего не думаю, но я двигаюсь. Я крепко хватаю его за щиколотку.

Когтистая лапа вытаскивает нас наружу. Поднимает в воздух. Мы летим высоко над баржей. Что-то взвизгивает. ТБ вопит как сдуревший.

Я держусь.

Свист ветра, вопли ТБ и звуки еще чего-то, похожие на жужжание миллиона взбешенных пчел. Мы слишком тяжелые, и это — не знаю уж что — роняет нас на палубу. ТБ начинает вставать, но я подкатываюсь к нему сзади, сбиваю его с ног и, прежде чем он успевает хоть что-нибудь сделать, засовываю его сквозь дырку в штурманском пузыре обратно в рубку баржи.

И очень вовремя, потому что эта штука, черная тень, возвращается и вонзает свои когти мне в спину. Я не знаю,

[1] Ср.: «...и спасся только я один, чтобы возвестить тебе» (Иов 1:15).

что она такое, и могу никогда не узнать, но никто и никогда не возьмет меня без боя. В гристе я чувствую какой-то запах.

Вы арестованы Патрулем Свободных Радикалов. Прекратите, пожалуйста, сопротивление. Прекратите сопротивление. Прекратите.

Эти слова пахнут металлом и пенопластом.

Прекратить сопротивление? И это мне говорят такие забавные вещи? Это все равно как сказать ветру — прекрати дуть. Дуть — это то, что и делает его ветром.

Я резко поворачиваюсь, и в костях у этого чего-то остается лишь мое платье, мое бедное красивое платье, и немного кожи, содранной с моей спины. И я чувствую, как в меня пытается проскользнуть некий ядовитый грист, но это мелочь, ерунда. Он и представления не имеет, из чего я сделана. Я убиваю этот грист, почти о том не думая, и поворачиваюсь взглянуть на это темное нечто.

Оно не похоже на макака, думаю, не похоже, хотя откуда мне знать.

Кто ты такой?

Но дует ветер, и гриста, достигающего меня, слишком мало для коммуникации. Ну и на хрен все разговорчики.

— Осторожнее, Джилл, — говорит ТБ.

Говорит с трудом. Эта штука причинила ему боль!

Я тебя покусаю.

— Подкиньте мне один из тех багров! — кричу я нашим.

После недолгой суматошной возни из дыры появляются руки Боба с крюком на длинной палке. Я хватаю крюк, и руки тут же убираются. Боб, он, может, и псих, но никак не дурак.

Темная штука выписывает круги. Я не вижу, какою силой она летает, но ее контуры вроде как малость размыты. Миллионы крошечных крыльев, сделанных гристом из гриста. Я присматриваюсь получше. Эта штука вся сплошь в колючках. Одни из них длинные и прямые, а другие кривые, вроде когтей. И все очень острые. Надо мною хищно кружит черно-красное скопление многоугольников, только и мечтающее вцепиться в меня. Есть ли в нем кто-нибудь? Не думаю. Мой противник насквозь запрограммирован. Он больше меня раза в три, но мне это кажется моим преимуществом.

Он резко пикирует, и я встречаю его багром. Он хватает багор, на что я и надеялась, и я использую его импульс, чтобы подтолкнуть его вниз чуть дальше, чем он собирался. Неудержимое падение, дуновение гриста.

Прекратите немедленно. Вы вмешиваетесь в исполнение приговора, вынесенного Элитой. Прекратите, иначе вы сами...

Тяжелый удар в борт баржи. Громкий всплеск.

Я кладу багор на палубу. Слишком легко. Это было...

Оно выныривает из Гнилушки, насквозь промокшее.

Оно в полном бешенстве. И мне не нужно никакого гриста, чтобы понять: оно в бешенстве. Все эти крылышки громко жужжат, но уже не как пчелы. Хищно и алчно, как мухи, летящие на кусок недельной тухлятины.

Прекратите.

— Вот, — сказал Боб и сунул мне сигнальную ракетницу.

Я разворачиваюсь и стреляю в сросток угольников. И снова он падает в реку.

И снова поднимается.

Я думаю. Он насквозь промок в воде Гнилушки. А уж мне ли не знать грязь и мерзость, текущую в этой реке. Там тысячи тысяч гристов, и каждый хоть раз пытался меня достать.

Тонкое будет дело. Я собираюсь с силами.

Идите, возьмите меня, угольники. Вот она я, вся тут, просто девушка. Давайте, сожрите меня.

Оно неудержимо приближается. Я раскидываю руки.

Вы незаконно вмешиваетесь в дела Элиты. Вы прекратите сейчас же или будете использованы безвозвратно. Вы прекратите...

Мы соприкасаемся.

Я мгновенно перестраиваю грист Гнилушковой воды, говорю ему, что ему нужно сделать. Импульс угольников сшибает меня с ног, и я качусь по палубе. В левом запястье что-то сломалось, но я игнорирую эту боль. Кровь на губах от прикушенного языка. У меня дурная привычка высовывать его кончик, когда предельно сосредоточиваюсь.

Сросток угольников кончает меня молотить и валится в реку. Не повезло, угольнички! Перекодированный мною грист расскажет всей речной воде, что ей нужно делать. Галлон обычной воды весит ровно шесть фунтов, но вода

Гнилушки гуще и крепче. И она может раздавить. Это злая вода, она любит что-нибудь взять, и я объяснила ей как. Я подмешала в Гнилушку малую долю себя самой, и ее вода знает нечто такое, что знаю я.

Она знает, что нельзя прекращать. Никогда, никогда, никогда.

Сросток угольников на мгновение выныривает, а затем на него ополчается вся река. Сминает его. Засасывает. Обрушивается на него всей массой воды, уходящей на двадцать футов в глубину, растянувшейся на многие мили. Над тем местом, куда упали угольники, вздымается водяной смерч, но только это скорее студенистый столб, лезущий вверх сам по себе. И вот он обрушивается вниз, как сапог, давящий таракана. Слышится яростное, отчаянное гудение мокрых крыльев, которые не могут просохнуть, потому что жидкость, их пропитавшая, это не совсем вода и они не в силах ее стряхнуть. Внизу, в глубине, глухо грохочет взрыв, и баржа начинает ходить ходуном. Меня снова бросает на палубу, и я держусь изо всех сил, затем встаю и смотрю.

На поверхность всплывают осколки угольников. Проходят считаные секунды, и река утаскивает их вглубь.

— Похоже, я его сделала! — кричу я нашим.

— Джилл, — говорит ТБ, — иди сюда и покажи мне, что ты еще жива.

Я спрыгиваю в рубку через штурманскую дыру, он стискивает меня и целует. Он целует меня прямо в губы, и в кои-то веки я ощущаю, что он не думает сейчас об Алетее, совсем не думает. Это очень, очень приятно.

— Бедная твоя спинка! — говорит Молли Индекс.

Она выглядит довольно ошалелой и ни на что не годной. Но зато она нас предупредила, это хорошо.

— Да ерунда, — говорю я, — просто царапина. А с ядом я уже разобралась.

— Ты только что сбила чистильщика, приводящего в исполнение приговоры Мета! — говорит Андре Сад. — К тому же, я думаю, это был один из чистильщиков, специально оборудованных для борьбы с беспорядками.

— А что она, эта штука, здесь делала?

— Искала Бена, — объяснила Молли Индекс. — Там, откуда она прибыла, их таких много, и Амес скоро пришлет подкрепление.

— Я убью их всех, если потребуется.

Все посмотрели на меня, и все на время затихли, даже Боб.

— Я верю тебе, Джилл, — говорит в конце концов Андре Сад, — но пора отсюда убираться.

ТБ успел уже сесть за стол. Баржой сейчас никто не управляет, но течение тащит нас по фарватеру, так что пока все в порядке.

— Убираться? — спрашивает ТБ. — Никуда я отсюда не поеду. Я не позволю, чтобы меня втянули в войну. Лучше сам себя убью. И на этот раз надежно, без ошибок.

— Если ты останешься здесь, они тебя поймают, — говорит Андре Сад.

— Амес знает о тебе, ты попал в его сферу внимания, — говорит Молли Индекс. — Прости меня, Бен.

— Ты ни в чем не виновата.

— Нам нужно улепетывать из Мета, — говорит Андре Сад. — Нужно добраться до внешней системы.

— А тогда меня используют они. Они не такие гады, как Амес, но я никому не позволю превратить меня в оружие. Не намерен осчастливливать солдафонов.

— Если мы попадем на Тритон, все должно утрястись, — говорит Андре Сад. — У меня там очень серьезные связи. Я знаю их главного шамана.

— Ну и что, что ты его знаешь?

— Да ты не спорь, а доверься мне. Этот шаман там очень влиятелен, а заодно он мой старинный друг.

— И еще одно, что мне очень хотелось бы знать, — говорит ТБ. — Какой такой йогической силой мы попадем отсюда на Тритон?

Тут Боб резко встает. Пока мы все тут болтали, он шарил у ТБ в кладовке. Я это сразу заметила, но не стала ему мешать, потому что знала, что он не найдет там того, что ищет.

— Почему бы тебе не сказать просто, что ты хочешь смыться левой дорогой? — спросил он, повернувшись к ТБ. — Все, что нам нужно для этого, это плыть по Гнилушке до халупы в газовых трясинах, где живет Мейкпис Сенчури.

— А это еще кто такой?

— Не такой, а такая. Мне казалось, ТБ, что ты ее знаешь. Это же тетка Глэдис, твоей канавной соседки. Думаю,

ты назвал бы ее контрабандисткой. Помнишь прошлогодний Старый Семьдесят Пятый, которым ты так нажрался?

— Да уж помню, — хмуро кивнул ТБ.

— Вот у нее я его и брал, — сказал Боб. — А еще у нее уйма кошек, попроси, если хочешь, — может, и даст какую завалящую.

Мы так и плыли по течению Гнилушки, и я следила за воздухом на случай чистильщиков, но, по всей видимости, они послали в этот раз всего одного, а его я убила. Решили, видимо, что хватит и одного. Я не могла не думать — куда мы направляемся. Я не могла не думать — надо же, покинуть Чирей. Во мне есть часть, никогда еще его не покидавшая. И никакая моя часть никогда не бывала еще во внешней системе. Блуждающий код никак не может туда попасть — тут нужно преодолеть пустое пространство. На Юпитер и дальше не протянуто кабелей.

— Думаю, ты понимаешь, почему я здесь осел, — сказал ТБ. — Я не могу никуда уехать.

— Даже ради спасения собственной жизни?

— А мне это как-то без разницы. Если от Алетеи хоть что-то осталось, я должен ее найти.

— А война?

— Об этом я как-то не думаю.

— А ты должен думать!

— Кто это так считает? Бог? «Бог — это поганый гриб, возросший на нечистой крови». — ТБ печально покачал головой. — И в семинарии, и потом это был мой любимый коан — и он очень близок к истине.

— Ну и что же тогда, всему конец? — спросил Андре Сад. — Ведь он тебя поймает.

— Я от них спрячусь.

— Ты что, Бен, совсем отупел? Он поставит себе на службу весь без изъятия грист. А после этого прятаться будет негде, потому что Амес и Мет будут синонимами.

— Я должен стараться ее спасти.

Для меня решение было очевидным, но они, похоже, еще до него не додумались. Они все время забывают, что мне лишь с виду шестнадцать лет. Что в некоторых отношениях я куда старше их всех.

Вы можете, конечно, сказать, что такой меня сделал ТБ, что это записано в моей программе. Вы можете даже

сказать, что ТБ неким образом повлиял на прошлое из будущего и сделал все таким, каким оно должно быть. Вы можете без конца говорить о судьбе и о квантовой механике.

Все это, конечно же, верно, но вернее всего то, что я свободна. Мир гнул и давил меня и выдавил, отшелушил все, что было во мне несвободным. Я — воплощенная свобода.

И все, что я делаю, я делаю из любви к ТБ, а не по каким-либо иным причинам.

— А-а-а! — застонала я. — Больно! Запястье, наверное, сломано.

ТБ смотрит на меня с сочувствием и тревогой.

— Прости, ради бога, маленькая, — говорит он. — Мы тут стоим и чешем языками, а ты в это время мучаешься.

Он протягивает ко мне руку. Я тоже протягиваю руку, больную. В момент соприкосновения он догадывается, что я задумала, но уже слишком поздно. Я долго изучала его и знаю его пелликулу. Я знаю, как проникнуть в него, внутрь. В конце концов, я же его дочь. Как говорится, плоть от плоти.

К тому же я быстра. Очень, очень быстра.

Эта едва ли не главная причина, почему я ему понадобилась. Я — огрызок кода, бегущий от безопасности уже добрых два столетия. Я — ныне ожившая проекция его глубочайших стремлений. Я женщина, а он мужчина, создавший меня. Я знаю всю его подноготную.

— Я буду ее высматривать, — говорю я ему. — И я не отступлюсь, пока ее не найду.

— Нет, Джилл...

Поздно, ТБ, слишком поздно. Я застала тебя врасплох, ты не успел сообразить, что я задумала.

— ТБ, разве ты не видишь, что я такое?

— Джилл, ты не можешь...

— Я это ты, ТБ! Я — твоя к ней любовь. Когда-то в будущем ты проник в прошлое и сделал меня. Меня теперешнюю. А что до будущего — будущее может быть разным.

Когда-нибудь он и сам все поймет, но сейчас нет времени. Я кодирую его грист в раз за разом повторяющуюся петлю и ставлю счетчик на большое число. Я проникаю

в его голову и перевожу дендриты[1] на сон. Затем своей здоровой рукой я бью его по голове. Не сильно, только чтобы скорее уснул.

ТБ бессильно валится, но я успеваю его подхватить, чтобы ни обо что не ударился. Андре Сад помогает мне аккуратно его уложить.

— Он пробудет в отключке двое суток, — говорю я. — Думаю, вам хватит этого времени, чтобы увезти его с Чирья.

Я встаю и смотрю на ТБ, на мирно спящее бесчувственное тело. Что же я такое сделала? Я предала того, кто значит для меня больше всей остальной вселенной.

— Проснувшись, — говорю я остальным, — он будет голодный как волк.

Рука Андре Сада ложится мне на плечо.

— Ты, Джилл, спасла ему жизнь, — говорит он. — Или он ее спас. Он спас ее в тот момент, когда спас твою.

— Я не отступлюсь от ее поисков, — говорю я. — Мне нужно остаться, чтобы он, отправившись с вами, не терял надежды.

Рука Андре Сада так и лежит на моем плече. Его голос звучит словно очень издалека, хотя он стоит тут рядом, в полушаге.

— Судьба — это старая жестокая ведьма, — говорит он. — Я бы предпочел ни во что не верить.

— Это не судьба, — говорю я, — это любовь.

Андре Сад смотрит на меня, качает головой, а затем протирает глаза. Словно там, где я стояла, он увидел нечто неожиданное.

— Я думаю, очень важно, чтобы ты нашла Алетею, — говорит он. — Она должна быть где-то здесь. И можно не сомневаться, что Бен это знает. Она нужна, чтобы простить его или не простить. Исцеление Бена и окончание войны суть практически одно и то же, но мы не можем думать в таком ключе.

— Я беспокоюсь за ТБ, — говорю я. — А вся эта война, гори она огнем.

— Да, — кивает Андре Сад, — вот она и будет гореть.

Спустя немного времени я поднимаюсь на палубу, чтобы держать вахту, высматривать, нет ли погони. Молли

---

[1] *Дендриты* — ветвящиеся отростки нейронов.

Индекс поднимается следом за мной. Мы много часов сидим с ней и беседуем. Нет, не про ТБ и Алетею, а просто она мне рассказывает, что это было такое — расти человеком. А еще она мне рассказывает, как это было великолепно, когда она раскинулась по гристу и получила возможность смотреть и видеть далеко-далеко.

— Я могла смотреть и в солнце, и за ним, — говорит Молли Индекс. — Даже не знаю, хочу ли я жить теперь, утратив эту способность. Не знаю, как смогу я жить, став опять единичной личностью.

— Даже если ты меньше, чем личность, — говорю я ей, — тебе все равно хочется жить.

— Пожалуй, ты права.

— Кроме того, Андре Сад хотел бы заняться с тобой сексом, я это чую.

— Да, — говорит Молли Индекс, — и я тоже чую.

— А ты ему позволишь?

— Со временем.

— А на что это похоже? — спрашиваю я.

— Ты имеешь в виду — с Андре?

— Нет, вообще, на что это похоже?

Молли Индекс касается меня. Я чувствую грист ее пелликулы и в первый момент отдергиваюсь, но затем впускаю его, даю ему говорить. Ее грист показывает мне, что это такое — физическая любовь.

Это все равно как быть способной смотреть и в солнце, и за ним.

На следующий день Молли Индекс была последней, кто попрощался со мною перед тем, как все они ушли на корабль этой ведьмы, Мейкпис Сенчури. Мейкпис Сенчури точно такая, какой была бы Глэдис, если бы та не жила в канаве. Она уже много лет пыталась залучить Боба к себе на корабль музыкантом, и теперь это стало ценою полета на Тритон — год его службы. У меня есть чувство, что она к нему, к Бобу, не совсем равнодушна. На какой-то момент я задумываюсь, да кто же он такой, если так нужен капитану. Но Боб на все соглашается. Он делает это ради ТБ.

А ТБ спит так глубоко, что даже не видит снов. Я не решаюсь коснуться его из страха нарушить собою же наколдованный сон. Я не решаюсь даже с ним попрощаться.

Здесь оболочка Чирья совсем тонкая, и они проберутся сквозь нее к пришвартованному снаружи кораблю.

Я стою и смотрю, как его уносят. Я заплакала только тогда, когда он исчез из виду.

И вот они ушли. Я смахиваю с носа слезу. И ведь тоже нечто новое — раньше у меня не было времени на подобные вещи.

Ну и что же я буду теперь делать? Я поплыву по Гнилушке дальше вокруг всего Чирья. Подберу подходящее место затопить баржу. Выпущу хорьков на свободу. Боб взял с меня слово присмотреть за этой дурой Боми и научить ее жить без него.

А потом?

Я начну искать Алетею. Как сказал Андре Сад, она должна быть где-то здесь. И если уж кто-то может ее найти, то это я. И я ее найду.

У меня впереди уйма дел, и почти наверняка потребуется помощь. Очень скоро Амес будет распоряжаться всем гристом и всеми программами. Но есть и такие программы, до которых ему не добраться. Может, некоторые из этих хорьков захотят держаться вместе, где-нибудь рядом. И еще я думаю, что надо бы навестить свалку. И что самое время заключить с крысами мир.

И тогда, если Амес вдруг захочет помешать мне ее найти, ему бы стоило поостеречься. Мы его покусаем.

СКОТТ ВЕСТЕРФЕЛЬД

Движения ее глаз

Скотт Вестерфельд (р. 1963) родился в Техасе, в настоящее время живет в Нью-Йорке и в Сиднее. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.scottwesterfeld.com. Вестерфельд — разработчик программного обеспечения, композитор и автор пяти романов для взрослых. Первые три называются «Полиморф» («Polymorph», 1997), «Прекрасная добыча» («Fine Prey», 1998) и «Эволюция Любимого» («Evolution's Darling», 2000). Последний попал в список лучших книг 2000 года по версии газеты «Нью-Йорк таймс» и в финалисты премии Филипа К. Дика. Также Вестерфельд пишет очерки для «Book Forum», «Nerve» и научного журнала «Nature». Его музыкальные композиции, предназначенные для танцевальных постановок, исполняются в «New York's Dance Theatre Workshop», «Joyce Theatre», «P. S. 122» и «Jacob's Pillow», а также в Лондоне, Чикаго, Беркли, Филадельфии и Швеции. Скотт Вестерфельд участвовал в разработке программного обеспечения для обучающих проектов «Scholastic», «McGraw-Hill», «Encyclopedia Britannica» и некоторых других. Ему приходилось выступать «литературным негром» (как говорит он сам: «Это словно вести чужой автомобиль, очень-очень быстро и за большие деньги») во всевозможных жанрах, включая книги о Крутых девчонках (Powerpuff Girls) и юридические триллеры. В 2003-м и 2004 году Вестерфельд издал две космические оперы (по сути, две части одного произведения): «Вторжение в империю» («The Risen Empire») и «Корабль для уничтожения миров» («The Killing of Worlds»).

Не так давно писатель решил обратиться к подростковой аудитории, взявшись сразу за три цикла. Первая трилогия называется «Полуночники» («Midnighters»), вторая — «Уродцы» («Uglies»). Третий цикл составляют три отдельных романа, у которых общее место действия — современный Нью-Йорк. Первый роман «Вчерашний день!» («So Yesterday», 2004), второй — «Взгляды» («Peeps» 2005). Еще одна космическая опера для взрослых выйдет в свет в ближайшее время.

О космической опере Вестерфельд говорит: «Космическая опера, как и обычная, всецело зависит от градации. Сменяются поколения, гибнут цивилизации. Но даже на такой громадной сцене люди-актеры порой могут отличиться, если им удается выбрать правильную ноту. Поэтому во всех самых достойных космических операх главные герои скром-

ного человеческого масштаба. Еще древние греки прекрасно знали: есть нечто жизнеутверждающее в том, чтобы обычные люди действовали на одной сцене с богами. Воспринимая всевозможные сюжеты глазами правдоподобных персонажей, мы легче верим в то, что судьба не так уж нам неподвластна. (А еще каждый любитель оперы знает, что костюмы должны быть просто невероятными.) Или же вам хочется побольше узнать о том, чьему влиянию я подвержен и каких моделей придерживаюсь? На память приходят „Пламя над бездной" („Fire Upon the Deep") Винджа и „Звезды, как песчинки в кармане" („Stars in My Pocket Like Grains of Sand") Дилейни, а в качестве примера менее очевидной классики приведу „Смертельную схватку" („Hardfought") Грега Бира. Сейчас я пытаюсь раскопать дома антологию „Галактические империи" („Galactic Empires") под редакцией Олдисса, там, помнится, много чудных вещей».

«Движения ее глаз» — первая часть романа «Эволюция Любимого», который так и не стал полноценной космической оперой: в этом ключе написан только начальный фрагмент. «Ни один из моих рассказов или повестей нельзя отнести к жанру космической оперы», — говорит Вестерфельд. Однако эту историю о девушке-подростке, которая вместе с искусственным интеллектом сопровождает отца, независимого журналиста, в его не вполне легальной охоте за сенсациями (в некоторых современных космических операх экономические проблемы заменяют военные конфликты), безусловно, можно назвать космической оперой. Рассказ, изначально опубликованный отдельно, заставляет вспомнить «Гостевой закон» Джона Райта, романтические рассказы Кордвайнера Смита и Ли Брэкетт, а также «Имперскую звезду» Дилейни. Это вестник космической оперы нового тысячелетия.

История эта началась в далеком застывшем мире, среди каменных истуканов, замерших в мнимой неподвижности.

Ее глаза — две розоватые луны под белесыми бровями; они не подвластны миру правил и логики. Искусственный разум звездолета на все глядел через призму ее сознания — и сам начал меняться.

Целую минуту Ратер, не моргая, вглядывалась в изваяние. Картина затуманилась от скопившихся слез, но девуш-

ка терпела. Прошла еще минута, и в ритме сердцебиения задергался глаз.

Ратер не отводила взгляда.

— Ага! — наконец воскликнула она. — Я видела, как он двинулся.

— Разве? — недоверчиво спросил голос в ее собственной голове.

Ратер приоткрыла рот и ладошками потерла глаза: под веками вспыхивали яркие россыпи красных звезд. Она несколько минут моргала, искоса поглядывая на пыльную городскую площадь.

— Его нога передвинулась, — заявила она. — Но, может... лишь на сантиметр.

В голове Ратер раздалось нечто похожее на тихий вздох, и стало ясно, что утверждение девушки если и отвергается, то не полностью.

— Ну, быть может, лишь на миллиметр, — предположила она, с заминкой выговорив это слово: «миллиметр». Ратер не привыкла к малым измерениям, хотя отлично представляла такие связанные с работой отца величины, как световой год и мегапарсек.

— Это за три-то минуты? Возможно, на микрометр[1], — предложил свою версию голос, звучащий в голове.

Ратер перекатывала слово во рту, будто пробуя на вкус. В ответ на безмолвный вопрос запустилась программа, и на шероховатых камнях площади возникло изображение: метр, на нем ярко-красным цветом светилась сотая его часть, а подробная таблица показывала, что такое сотая доля сотой, отмеченной красным. Затем появилась еще одна таблица, с величинами шести порядков между метром и микрометром. Рядом с последней ячейкой для наглядности был показан человеческий волос в поперечном сечении; выглядел он неровным и шишковатым, словно пораженное болезнью дерево.

— Так мало?! — прошептала Ратер. Еле слышный вздох, расфокусированный взгляд, количество адреналина в кровотоке — все эти показатели, тщательно зафиксированные, говорили об искреннем благоговейном трепете пе-

[1] *Микрометр* — единица длины, равная одной миллионной доле метра; то же, что микрон.

ред столь малыми расстояниями и невероятно медлительными созданиями.

— На самом деле вполовину меньше, — раздался голос в голове.

— Ну, — пробормотала Ратер, отодвигаясь в прохладную тень каменной стены, — я-то знаю, что видела, как он двигался.

Она вновь поглядела на каменное изваяние, и весь ее облик выразил торжество.

В ее белокурые длинные волосы были вплетены черные нити, шевелившиеся в неспешном танце, словно усики неведомого обитателя морского дна. Неугомонные волокна постоянно выискивали наилучшее расположение для того, чтобы зафиксировать недосказанные слова Ратер, движения ее глаз, секрецию кожи, выдающую чувства. Состоящие из необычных сплавов и сложных соединений углерода, нити обладали собственным интеллектом, управляющим их подвижностью и самообновлением. Линяя микроволновой связи соединяла сплетение нитей с настоящим разумом — ядром ИскИна, расположенного на борту звездолета, который стал для Ратер домом.

Две черные извивающиеся нити тянулись прямо в уши девушки, где скручивались, непосредственно соприкасаясь с барабанными перепонками.

— Каменные истуканы движутся всегда, — сказал ей голос. — Но очень медленно.

А затем напомнил, что не стоит так долго находиться на солнцу.

Ратер была очень белокожей.

Отправляясь на прогулки в одиночестве, Ратер по настоянию отца непременно брала с собой устройство с искусственным интеллектом — ментор. Даже здесь, на Петравейле, это условие являлось обязательным, несмотря на то что город был безопасен и населен в основном учеными, наблюдающими необычные и на редкость медлительные местные формы жизни. Сами по себе литоморфы не могли представлять какой-либо угрозы: каждый из них стоял на месте, практически не двигаясь, около ста лет. А Ратер говорила, что ей уже почти пятнадцать, — на ее родной планете это означало совершеннолетие. Но нянька из ментора

вышла отменная, хоть он и использовал для обработки бортовой ИскИн.

Поэтому Исаак стоял на своем.

— Что, так уж обязательно мне носить его? — спрашивала Ратер.

— Помнишь, что случилось с твоей матерью? — вопросом на вопрос отвечал отец.

Что было, то было. Ратер пожимала плечами и позволяла черным нитям ментора заползти в свои волосы. Звучавший в ушах девушки голос непрестанно предупреждал об опасности сгореть на солнце и строго-настрого запрещал кое-какие виды наркотиков, но в целом он был неплохим компаньоном. К тому же знал он премного.

— А сколько времени понадобится, чтобы вот так вот ползти микрометрами? — спросила Ратер.

— Смотря куда ползти. — Несмотря на тесную связь, ИскИн не мог читать ее мысли. Но работал над этим.

— Чтобы добраться до самой Северной Гряды. Наверное, миллион лет? — осмелилась предположить девушка.

Бортовой компьютер, для которого каждая секунда соответствовала производительности 16 терафлопс, ежедневно проводил долгие минуты в библиотеке планеты, чтобы справиться с лавиной вопросов Ратер.

Никто не знал, как размножаются литоморфы, но предполагалось, что это происходит в глубоких пещерах Северной Гряды.

— По крайней мере сто тысяч лет, — сказал ИскИн.

— Длинный путь... Какой он?

ИскИн углубился в педагогические программные средства визуализации, задействовал громадные возможности по обработке данных (достаточные для загадочных расчетов космической навигации) и показал Ратер долгое, медленное путешествие. Она смотрела, как, ускоряясь, проходят дни и мелькают звезды, превращаясь в незримые трепещущие вспышки. Чувствовала пульсирующую смену времен года, видела бег вод в реках, непрестанно меняющих русла: все это сопровождало неспешный, но все-таки различимый танец обитателей здешних гор.

— Да!.. — заворожено произнесла Ратер слегка охрипшим голосом.

ИскИн с удовлетворением отметил ее расширенные зрачки и яркий румянец, паутинкой проступивший на нежных щеках. Затем вновь проглядел свое творение, пытаясь понять, какие законы разума и физиологии связывают мелькающие изображения с реакцией девушки.

— На самом деле это не они такие медлительные, — прошептала Ратер. — Просто мир уж слишком скор...

Исаак, отец Ратер, прохаживался между изваяниями Петравейла.

Громадные фигуры столпились на городской площади. Ими был усеян видимый из города склон высокой вулканической горы. Их омывали реки, которые текли через черные экваториальные равнины, окрашиваясь цветом ржавого металла.

Когда Исаак впервые появился здесь много лет назад, он заметил, что во время коротких дневных дождей из глаз изваяний текли слезы и несли с собой черную грязь. Высыхая на солнце, она искрилась цветными завитушками.

Исполинские фигуры — живые, это выяснилось несколько десятилетий назад. С тех пор как стало известно об их бесстрастной, целенаправленной и, возможно, даже осмысленной жизнедеятельности, ученые взялись подробнейшим образом изучать на редкость медлительных существ. Рядом с каждым литоморфом установили что-то вроде мемориальной доски, отмечающей продвижение каменного исполина за последние сорок лет: дюжину шагов, поворот головы к проходящему рядом собрату, несколько слов на неспешном языке жестов.

Бóльшая часть каждого существа находилась под землей, и главные тайны выявлялись с помощью радиолокаторов, замерявших ее плотность. Надземная часть изваяний представляла собой своего рода глазной стебелек. Или, возможно, она была подобна спинному плавнику скользящего под водой дельфина.

Исаак прилетел сюда, чтобы выведать их тайны. Он был охотником за сенсациями.

— Как долго мы здесь пробудем? — спросила Ратер.

— Это уж как отец решит, — ответил ИскИн.

— А когда же он решит?

— Когда найдется подходящая сенсационная новость.

— А когда она найдется?

Такие кружные вопросы некогда ставили в тупик диалоговые системы ИскИна. Манера речи Ратер скорее подошла бы ребенку младшего возраста, и виной тому были путешествия по смутным Внешним мирам вместе с молчаливым отцом и ИскИном, составлявшими все ее окружение. Мать Ратер исчезла много лет назад. Девочка была не в состоянии кратко сформулировать интересовавшую ее тему: вместо этого она сыпала множеством вопросов во всевозможных направлениях. Они были похожи на стаю проворных хищников, атакующих крупную добычу. ИскИну оставалось лишь парировать каждый отдельный вопрос, пока Ратер не оказывалась удовлетворенной (подчас весьма неожиданно).

— Когда твой отец раздобудет достойную историю, мы улетим отсюда, — разъяснил ИскИн.

— Какую такую историю?

— Он пока еще не знает.

Ратер кивнула. По изменению кожно-гальванической реакции, постепенно замедляющемуся сердцебиению и сузившимся зрачкам ИскИн знал, что ответ утолил любопытство девушки. Но последнее слово все же осталось за ней:

— Так почему же ты сразу так не сказал?

В Экспансии обмен информацией происходил не быстрее грузоперевозок, и охотники за сенсациями обогащались, первыми являясь с новостями. Для обычной передачи данных люди использовали небольшие быстрые беспилотные аппараты, которые перемещались между звездами согласно установленному расписанию. Они размеренно и бесстрастно разносили информацию по Экспансии, собирали ее в специальные центры и передавали в соответствии с графиком. Охотники же за сенсациями, такие как Исаак, отличались непредсказуемостью. Что самое важное, они были готовы добыть информацию любыми способами. Не задерживаясь на узловых станциях, они опережали следующие по расписанию звездолеты и срывали свой куш.

Если Исаак узнавал, что открытие имеющего промышленное значение астероида здесь может повлиять на рынок тяжелых элементов там, он напрямик бросался к тому вто-

рому месту, на несколько бесценных часов опережая более быстрые, но следующие определенным курсом беспилотные корабли. Успешный охотник знал рынок многих планет, был знаком с энергичными инвесторами и беспринципными биржевыми дельцами. Порой сенсационную новость о смерти знаменитости, неожиданном браке или же аресте можно было продать за солидную сумму, соответствующую ее важности. Некоторые охотники за сенсациями были также информационными пиратами. Сам Исаак издал много романов своего любимого писателя Сетмаре Виина, которые *en route*[1] переводил ИскИн. В некоторых системах версии Исаака появлялись несколькими неделями раньше официального выхода романов в свет.

Жизнь Исаака и Ратер проходила в странствиях по Экспансии, но они всегда возвращались на Петравейл. Исаак интуитивно чувствовал, что здесь происходит нечто важное. Литоморфы, чрезвычайно медлительные коренные жители Петравейла, несомненно, что-то делали. И Исаак проводил на планете по нескольку недель, а порой и месяцев, наблюдая за каменными истуканами и пытаясь определить, чем же они заняты. Этого он никак не мог понять, но чувствовал, что однажды тайна раскроется.

И это станет настоящей сенсацией.

— Сколько живут литоморфы?

— Никому неизвестно.

— Что они едят?

— На самом деле они вообще не едят. Они...

— А что делает вот этот?

Ментор вошел в планетную библиотеку и занялся просмотром десятков исследований по литоморфам. Но по меркам Ратер он был немногим проворнее живых изваяний: не успел ответить, как девушка выстрелила новыми вопросами:

— Что они о нас думают? Могут ли нас видеть?

На них у ИскИна ответов не было.

Быть может, литоморфы заметили копошащихся поблизости шумных созданий или, что вероятнее, увидели вокруг площади временные постройки. Но реакция на нежданное

[1] По пути *(фр.)*.

человеческое вторжение выражалась лишь в смутном беспокойстве, вроде осознания того, что через несколько миллиардов лет произойдет гибель звезды.

По Ратер верила, что литоморфы *понимают* гораздо больше, чем кажется людям. В воображении девушки они были ее наставниками и друзьями — такими же, как и сам ментор ИскИн.

Их неторопливость научила девушку замечать малейшие движения: перемещение минутной стрелки часов, игру перистых облаков высоко в небе, медленное скольжение садящегося за северные горы древнего красного солнца. Безмолвные существа научили ее читать по губам, шероховатой поверхности камня и металлу, текущему медленно, как горные ледники. В самих позах литоморфов Ратер видела невозмутимую иронию. Они были мудры, но не мудростью древней реки или дерева. Скорее, они обладали осторожностью молчаливого гостя.

Бортовому ИскИну девушка рассказывала о литоморфах всевозможные истории. Свирепые побоища, супружеские измены, тайные козни против колонистов Петравейла — людей... Сюжеты длились тысячелетиями, каждая глава исчислялась сотнями лет.

Первое время ИскИн осторожно прерывал Ратер и пытался объяснить факты с научной точки зрения. Литоморфы *слишком далеко отстояли* от человека, чтобы их можно было понять. Люди изучали этих неведомых существ четыре десятилетия — лишь секунды истории по меркам литоморфов. Но на доводы разумного компьютера Ратер не обращала ни капли внимания. Существам она дала имена, выдумала секретные миссии, которые разворачивались, пока люди спали: статуи просыпались к жизни, лишь когда их никто не видел...

В конце концов истории Ратер покорили недоверчивого ИскИна. Он поддался воображению девушки, наделившей литоморфов мыслями и пылкими чувствами, оживившей их по своему велению. Педагогическая программа ИскИна не возражала против разгула фантазии, и он тоже принял участие в игре Ратер. Он скользнул в незримый медлительный мир. Следуя его законам и логике, компьютер запоминал имена, фабулы и места действия. Мало-помалу, отбросив сомнения, он сам поверил в эти истории, и они стали

такой же неотъемлемой частью ИскИна, как контроль над нанесением ущерба или логические аксиомы программы.

Тем временем Исаак потерял надежду отыскать сенсацию на Петравейле. Литоморфы продолжали свой вечный танец в полной тишине. Во Вселенной неподалеку дело шло к выборам, а в такое время всегда возникают неожиданные и непредвиденные ситуации...

В ночь, когда их звездолет покинул Петравейл, ИскИн успокаивал Ратер рассказами о том, как дальше происходило действие в ее выдуманных историях, словно каменные истуканы внезапно перешли к жизни с человеческой скоростью. И, управляя маленьким звездолетом Исаака, ИскИн предложил девушке следующее: она была гостем на краткий миг, но история продолжается.

На высокой орбите ближайшей планеты таможенная проверка показала, что бортовой ИскИн увеличил коэффициент Тьюринга[1]: он оказался равен 0,37. Исаак удивленно поднял бровь. Тесная связь ИскИна с Ратер каким-то образом повлияла на его развитие. Увеличение коэффициента Тьюринга говорило о том, что роль наставника и товарища устройство выполняет отлично. Но когда они вернутся домой, придется понизить его интеллект. Если позволить коэффициенту Тьюринга машины добраться до отметки 1,0, то она станет личностью и по закону уже не сможет никому принадлежать. При одной мысли об этом Исаак побледнел: стоимость замены ИскИна поглотила бы прибыль от всего рейса.

Он решил записывать показатели коэффициента Тьюринга на каждом пункте таможенного контроля.

Несмотря на новый повод для беспокойства, Исаак был восхищен тем, как ИскИн провел вход в почти жидкую атмосферу планеты. При посадке он использовал новую гидропланарную конфигурацию, трансформировав обычную форму, которую звездолет принимал при снижении в такой атмосфере.

Пока они проходили через следующие один за другим слои сжатых газов, пилотирование ИскИна было воистину

---

[1] *Коэффициент Тьюринга* — коэффициент в эмпирическом тесте Алана Тьюринга (1912- 1954) на определение разумности машины.

превосходным: на каждой стадии он вносил в летательный аппарат коррективы и тонкие изменения, позволившие в итоге сэкономить массу драгоценного времени. Выборы были не за горами.

Пока звездолет приближался к куполам торгового порта, рассчитанным на высокое давление, Исаак размышлял о странности того, что общение с четырнадцатилетней девочкой смогло настолько улучшить мастерство пилотирования компьютера. Эти мысли вызвали полную отеческой гордости улыбку на губах Исаака; но вскоре он опять обратился к политике.

Они собирались купаться.

В то время как Ратер сбрасывала одежду, ИскИн задействовал программу проверки безопасности. Ментор покрыл белую кожу девушки узором черных кружев. Пока Ратер натягивала скафандр, ментор тщательно его проверял. Он не обнаружил ни одного повреждения, ни единой трещины в герметичных швах.

Ты говорил, что здешняя атмосфера может раздавить человека до состояния желе, — сказала Ратер. — Как же этот тонюсенький костюм может меня защитить?

Сверяя состояние костюма с загруженными утром спецификациями безопасности, ИскИн попутно объяснял Ратер физику полей сопротивления. О девушке он заботился очень старательно.

Утром Ратер видела квазибегемотов за завтраком. Грани искусственных алмазов в окнах купола дополнительно увеличивали и без того громадных зверей. Вдалеке, в нескольких километрах, оставляя на воде мерцающий след, плавали две самки и детеныш. Ментор не упустил из виду легкий вздох, расширившиеся зрачки и внезапное учащение сердцебиения девушки. Быстро запросив местные системы услуг, ИскИн нашел агентство проката скафандров и на утренней прогулке по обитаемым уровням купола повел туда Ратер.

Реакция девушки на голографические рекламные картинки, украшавшие стены агентства, была точь-в-точь как и предполагал ИскИн: широко раскрытые глаза, замедленный шаг, кратковременная гипервентиляция... Сохраненная в компьютере модель Ратер — часть педагогического программного обеспечения — день ото дня становилась все бо-

лее подробной и точной. Программы были написаны для школьных учителей, которые общаются со своими подопечными всего лишь по нескольку часов в день, но ведь Ратер и ИскИн постоянно находились вместе. Связь девушки и машины крепла с каждым днем.

Пока урчал и шипел пневматический затвор, ментор наслаждался своим новым расположением. Тонкие нити сетью окутывали тело Ратер; никогда прежде ИскИн не мог подобраться к ней столь близко... И теперь, словно томимый жаждой, осциллограф жадно впитывал показатели: расширение капилляров, кожную электропроводимость, дрожь и напряжение каждого мускула.

Замок загудел, и они, слившись в единое существо, выплыли в наводнявший планету океан.

Исаак мерил шагами маленький звездолет. Выборы, похоже, обернутся или золотой жилой, или бедствием. По рейтингу лидировала партия радикальных сепаратистов, обещающая перекрыть межзвездную торговлю. В случае их победы новостей будет предостаточно. По всей Экспансии изменятся и цены, и торговые отношения. Даже поражение радикалов отразится на территориально отдаленных рынках, которые до сих пор тщательно защищали от них капиталы. Люди там смогут наконец-то вздохнуть спокойно.

На изрядный куш слетелось очень уж много желающих. Охотники за сенсациями, такие же как Исаак, сновали повсюду, при этом многие транспортные ассоциации направили сюда своих представителей. Их корабли один за другим выстроились на орбите, ощетинившейся, словно дикобраз, связными беспилотными звездолетами.

Исаак тяжело вздохнул, вглядываясь во тьму планетарного океана. Похоже на то, что время свободных охотников за сенсациями подходит к концу. Бурные дни ранней эпохи освоения Экспансии казались уже отдаленным прошлым. Как-то Исаак читал, что придет время, и беспилотные летательные аппараты уменьшатся до размера пальца, и каждая система будет ежедневно запускать их в космос сотнями. Или же в метакосмосе откроют такую волну, посредством которой новости будут распространяться во всех направлениях, словно информационные пучки, летящие со скоростью света.

Когда это произойдет, рентабельность маленького звездолета Исаака будет исчерпана, он сгодится разве что на игрушку для какого-нибудь богача. Исаак запросил данные о своих накоплениях. Как он близок к тому, чтобы звездолет стал его! Еще одна-две достойные сенсации — и можно возвратиться к странствиям по спокойным мирам, заняться поисками пропавшей жены, а не метаться между войнами и чрезвычайными ситуациями. Может, это путешествие...

Следя за ежечасными результатами подсчета голосов по избирательным пунктам, Исаак забарабанил пальцами по столу, словно врач, наблюдающий кончину безнадежного пациента.

Равнодушные к политике Ратер и ИскИн каждый день отправлялись поплавать и следовали мерцающим путем квазибегемотов. За огромными животными оставался поток светочувствительных водорослей, которые они использовали в качестве балласта. Когда Ратер проплывала сквозь эти светящиеся микроорганизмы, волны от ее продвижения активировали их фотохимические реакции. Каждый гребок девушки порождал целую вселенную вращающихся галактик.

В фосфоресцирующей среде Ратер творила причудливые вихри. Ее путь лежал сквозь мириады микроорганизмов, чьи возможности были скрыты, пока пловчиха не будила их. Вслед за ней они вспыхивали сверкающими барельефами и каскадами. Ратер так прокладывала траектории своего перемещения, что за ней оставались чудесные движущиеся скульптуры, сотканные из светящегося планктона.

ИскИн обнаружил, что не способен предвидеть эти танцы и объяснить, каким образом девушка выбирает идеи для создания фигур. Без подготовки, без определенных параметров, без каких бы то ни было моделей, которым она могла бы следовать, Ратер создавала из хаотичного роя завихрений некий порядок. Тут не помогло даже педагогическое программное обеспечение ИскИна.

Но он видел, как хороши скульптуры, и следствием их красоты было расширение капилляров Ратер, импульсы, пробегающие по нейронам ее спинного мозга, слезы в гла-

зах, когда светящиеся водоросли угасали, вновь превращаясь в темноту.

ИскИн вошел в базу данных местной сети, посвященную искусству, и попытался понять, какие законы определяли подобные творения. С самой Ратер он обсуждал светоносные чудеса, сравнивая их недолговечные эфемерные формы с причудливыми структурами Камелии Паркер или гоминидами Генри Мура. Он показывал девушке всевозможные скульптуры, накопившиеся за тысячелетия истории, оценивал ее реакцию, пока в крайне общих чертах не получил некое подобие модели вкусов Ратер. Она оказалась весьма замысловатой, тревожно ветвистой, с пробелами и противоречиями. Было похоже, что искусства, которое лучше всего отвечало бы вкусам Ратер, никогда прежде не существовало...

ИскИн часто и всегда успешно строил многосложные астронавигационные модели. Метакосмос предсказуем, и модели предвосхищали действительность с высокой степенью вероятности. Сооданная же машиной схема эстетических воззрений Ратер оказалась весьма посредственной. Она напоминала чуть более сложную модель ее бессознательных реакций, которая ставила больше вопросов, нежели давала ответов.

Пока Ратер спала, компьютер задавался вопросом, каково это: обладать интуицией.

Прошли выборы, и радикалы вместе с союзниками победили с незначительным перевесом голосов. Исаак ликовал, а его звездолет взмывал ввысь сквозь океан. Наконец-то! Вот она, долгожданная сенсация! Он держал курс на дальнюю и мрачную систему, специализирующуюся на добыче руды, и безжалостно расходовал топливо, стремясь первым поспеть туда с новостями.

Ратер стояла подле радостного отца и с легкой грустью провожала взглядом удаляющийся океан. Рассеянно провела рукой по плечу и коснулась нитей ментора, все так же покрывавших ее тело.

Это расположение ментора стало постоянным, его нити едва заметной тончайшей сетью микроволокон укутали Ратер. Нанотехнологии устройства следили за ее прыщами и лишними волосками над верхней губой. Связанный с ме-

дицинскими имплантатами девушки, ИскИн отмечал уровень инсулина и сахара в крови и крохотные электрические разряды, поддерживающие в тонусе мышцы Ратер. Теперь она спала без одеяла: изящное переплетение крохотных термоэлементов сети ментора согревало ее. В своем новом покрове Ратер перестала обращать внимание на то, что разговаривает вслух, и ее неумолкающий щебет на борту крохотного звездолета бесконечно раздражал Исаака.

— Ноль целых пятьдесят шесть сотых?! — бормотал про себя Исаак на следующем таможенном пункте. — Невероятно...

ИскИн развивался гораздо быстрее, чем было предусмотрено его параметрами. С компьютером происходило что-то невообразимое, а они были так далеко от дома!.. Надо не терять бдительности, иначе ИскИн может завершить становление личности, прежде чем они вернутся.

Исаак отправил кодированное послание знакомому, который занимался подобными ситуациями. Так, на всякий случай. И сосредоточился на местных новостях.

В течение нескольких последних недель на рынке тяжелых элементов не произошло внезапных перемен. Несомненно, рискованное предприятие Исаака окупится с лихвой: весть о выборах на планете океана пока не донеслась сюда, здесь еще не ведали о грядущем экономическом кризисе.

Исаак ощущал пьянящее возбуждение от тайного знания — его, и только его. Он чувствовал себя пророком, способным заглянуть в будущее. Из океана дальней планеты гигантская турбина извлекала элементы, которые также добывали в поясе астероидов мрачной системы. Скоро, когда планета океана прекратит поставки полезных ископаемых на Общий рынок Экспансии, жители системы баснословно обогатятся. Их рынок сбыта невообразимо расширится.

Исаак начал делать ставки.

Темнокожий мальчик со страдальческим выражением лица смотрел вниз, на пояс астероидов. Ратер видела, как его длинная челка распрямилась, а затем вновь свилась кудряшками, когда он поднял голову. Вечеринка проходила на нижнем уровне гравитационного кольца, и когда сама

Ратер глядела сквозь прозрачный пол, казалось, что тьма бесконечности затягивает ее... ИскИн с нежностью отмечал параметры незнакомого прежде головокружения.

— Еще шампанского, Дариен? — предложил самый толстый и старший мальчик на вечеринке.

— Видите вон там судно добытчиков? — спросил темнокожий.

— О боже мой! — поморщился толстяк. — Что, в тебе проснулся комплекс вины аристократии? Да еще перед ланчем.

Темнокожий покачал головой:

— Просто мне не хочется пить, когда я вижу этих бедолаг.

Толстяк разразился хохотом.

— Вот что я думаю про милых твоему сердцу бедняжек-рудокопов!

Сказав это, он встряхнул и опрокинул бутылку. Струя шампанского хлынула фонтаном и, пенясь, разлилась по полу. Прочие гости, слегка шокированные, все же рассмеялись, а потом удивленно забормотали: шампанское просочилось в вакуум, мгновенно превратилось в лед, раздробленное собственными пузырьками воздуха, и мирно уплыло бесчисленными, сверкающими на солнце крупинками.

Раздались вежливые аплодисменты.

Оскорбленный Дариен взглянул на Ратер, словно надеясь, что она, приезжая, придет ему на помощь.

Ратер содрогнулась при виде мучительной гримасы, исказившей его темное прекрасное лицо, и дрожь девушки передалась каждой нити сети ИскИна.

— Ну, давай же, скорей! — пробормотала она.

— Две секунды, — заверил ее голос ментора.

На астероидном кольце поселились олигархи, контролировавшие минеральные богатства этой системы. Ратер, оказавшейся в компании пресыщенных удовольствиями детей воротил, оставалось совсем немного до полных пятнадцати лет. Юные наследники пялились на необычайно белую кожу и странные волосы Ратер, вечно с издевкой подшучивали над ней. Круг общения девушки на протяжении многих лет ограничивался лишь отцом и безумно любящим ее ИскИном, и она была незнакома с искусством светских бесед. Ратер ужасно не нравилось, что местные ее подна-

чивают. Она расстраивалась и едва выносила такое обращение.

— За стоимость этого шампанского можно было бы выкупить из кабалы одного из тех горняков, — мрачно проговорил Дариен.

— Думаешь, только одного? — спросил толстяк, с притворным огорчением разглядывая этикетку.

Собравшиеся опять рассмеялись, и лицо Дариена исказила новая гримаса страдания.

«Сейчас же! — мысленно взвизгнула Ратер. — Ненавижу этого жирдяя!»

ИскИн его тоже ненавидел.

Поиск последовательно включал процессоры ИскИна; развернутая информация библиотек полностью снесла астронавигационные расчеты, выполненные всего лишь несколько часов назад. Ничего. Исаак будет готов к отбытию недели спустя, а критическое положение беседы требовало немедленного вмешательства. Архив библиотек включал пьесы, романы, фильмы, интерактивные системы, накопившиеся за тысячелетия истории человечества. Чтобы быстро их просматривать, ИскИну требовалось огромное количество свободной памяти.

— Может быть, когда золотистые капли моего шампанского проплывут мимо какого-нибудь горняка, он подумает: «А ведь я мог бы потратить эти деньги», — мечтательно протянул толстяк. — Но, с другой стороны, если бы они были способны думать о деньгах, разве оказались бы по уши в долгах?

Эти слова с критической отметкой также были добавлены к поиску. В следующие миллисекунды появилась дюжина саркастических цитат, и ИскИн быстро выбрал одну из них.

— Всего лишь один класс...

— ...думает о деньгах больше богачей, — повторила Ратер.

Внезапно все замолчали и в полной тишине ждали продолжения.

— Это бедняки, — произнесла Ратер.

Дариен недоуменно глядел на нее, словно удивляясь тому, что Ратер оказалась такой бойкой. А она умолкла на секунду, проговаривая про себя конец цитаты.

— Бедные люди не могут думать ни о чем другом, кроме как о деньгах, — осторожно произнесла Ратер. — Это проклятие бедняка.

Дариен улыбнулся ей и — невозможно! — стал еще красивее...

— Или проклятие богача, если он, конечно же, не полный идиот, — добавил он.

На этот раз аплодисментов не последовало, но Ратер почти физически ощутила магическое колебание, вызванное украденной ИскИном цитатой. Древние слова удачно сочетались с необычной внешностью и акцентом Ратер, что так забавляли детей олигархов, которые, конечно же, не относились к ней серьезно.

Теперь собравшиеся глядели на астероидное кольцо и перешептывались, поскольку уже все заметили осторожное продвижение судна добытчиков.

Толстяк нахмурился: ему пришлось не по нраву изменившееся настроение гостиной. Отдернув в сторону яркие драгоценности, украшавшие гениталии, которые увидели все (в том числе и Ратер), он помочился прямо на пол.

— Тогда вот так. Переработанное шампанское! — возвестил он, ожидая смеха и аплодисментов.

Но в ответ на свою выходку он услышал лишь вздохи. Все отвернулись от него и ледяных шариков мочи, устремившихся в пустоту.

— Откуда это? — шепнула Ратер.

— Мистер Уайльд.

— Опять? Он классный.

— Пожалуй, стоит переместить его в верхнюю строку списка цитируемых.

— Может, почитаем сегодня вечером еще немножко «Веер леди Уиндермир»? — шепнула она в пенящийся фужер для шампанского.

Прежде Ратер никогда не пользовалась библиотекой, хоть и умела читать. Но за первую же неделю, проведенную на кольце, девушка не раз выходила из затруднительных положений с помощью цитат, подобранных ИскИном. Она предавалась мечтам о старинных словах, нашептанных ей на ухо всезнающим советчиком, точно ментор внезапно пре-

вратился в древнее-предревнее и невероятно мудрое существо. Библиотека оказалась гораздо больше, чем Ратер могла предположить. Девушка представляла безбрежный океан слов, наполненный удивительными течениями. Слова кружились в водоворотах тщательно продуманных танцев — воплощений всевозможных точек зрения, всех мыслимых возражений и невообразимо увлекательных ситуаций...

Поздно ночью Ратер и ИскИн взялись за чтение. Вместе они блуждали по бескрайним языковым землям, в качестве ориентиров используя остроумные замечания и сведения, которые почерпнули за день.

ИскИн еще шире развернул педагогическое программное обеспечение, чтобы воспроизводить аннотации, конспекты и переводы. Ратер чувствовала, как новые слова поселяются в ней, превращаются в часть ее самой.

Вскоре она стала любимицей на астероидном кольце. Экзотическая красота Ратер и ее необычный юмор собрали вокруг нее целый сонм поклонников, и в итоге Исаак решил улететь оттуда на неделю раньше запланированного срока. Он не на шутку обеспокоился странными новоявленными способностями Ратер, привлекавшими к ней снобов, которые раньше считали излишней честью одарить Исаака-торговца даже взглядом.

На борту звездолета остался последний груз. Прибыль оказалась весьма значительной, но ее, по обыкновению, все было мало. Поэтому Исаак запрятал в тайник партию иноземного оружия, которое хоть и использовалось при торжественных церемониях, но все же оставалось нелегальным. Обычно Исаак предпочитал не связываться с контрабандным оружием, но перевозить законные грузы оказалось невыгодно, потому что на судне не было специального отсека — только маленькая спальня, пустовавшая с тех пор, как пропала жена. Но теперь Исааку было рукой подать до заветной цели. Если удастся провернуть последнюю торговую операцию, домой он вернется уже хозяином звездолета.

Путешествие шло своим чередом. Росло и беспокойство Исаака по поводу все возрастающего коэффициента Тьюринга у ИскИна. Теперь Исаак часами просиживал над документацией, сопровождавшей программное обеспече-

ние, и пытался отыскать объяснение тому, что же все-таки происходит.

Исаак догадывался, что его дочь невольно содействует развитию ИскИна. Да и сама тоже растет и изменяется, ускользает от отца. Когда Ратер тихонько мурлыкала, обращаясь к незримому собеседнику, Исаак чувствовал себя страшно одиноким и вдобавок обиженным — будто они вдвоем утерли ему нос.

На таможенном пункте следующей планеты Исаака отозвали в сторону после краткого и, как ему показалось, весьма поверхностного осмотра звездолета. Служащая таможни взяла его за руку и с беспокойством поглядела в глаза.

Кровь застыла в жилах Исаака, словно его коснулась медуза с Петравейла и он начал превращаться в камень...

Таможенница включила защитный экран. «Хочет поговорить конфиденциально, — подумал Исаак. — Уже легче. Если попросит взятку — это было бы лучше всего».

Между его лопаток покатилась струйка пота...

— Коэффициент Тьюринга у вашего ИскИна составляет ноль целых восемьдесят одну сотую, — доверительно сообщила служащая. — Так и до личности недалеко. Вам надо что-то с этим делать.

Она тряхнула головой, словно хотела воскликнуть с презрением: «Ох уж эти права машины!»

Исаака пропустили дальше.

Женщины касты воительниц на этой планете носили весьма необычный предмет одежды, превращающий их груди в твердые острые конусы. Высокие мускулистые амазонки очень заинтересовали Ратер, и ментор отметил, что взгляд девушки прикован к груди проходящих по улице женщин. Она захотела купить такую удивительную одежду и себе, но отец, озабоченный скорейшей выплатой кредита, запретил ей.

Однако Ратер по-прежнему не спускала глаз с воительниц. Ее пленил постоянный обмен жестами, прищелкивание языком, едва различимое, но постоянное общение, благодаря которому в городах планеты, кишащих людьми, поддерживался строгий порядок. В обычной одежде, какую Ратер носила и в своем родном мире, и здесь, она ощущала себя такой невзрачной, далекой от этого пьянящего чувства власти и общения — почти невидимкой...

Ратер захандрила. Она все пристальнее наблюдала за удивительными женщинами. Когда девушка сидела за столиком в кафе и смотрела на шествующих мимо амазонок, ее пальцы шевелились, бессознательно повторяя язык их жестов. Всякий раз, когда мимо проходили старшие офицеры — воительницы, дыхание Ратер учащалось.

Ей так хотелось быть одной из них!

ИскИн совершил налет на планетарную базу данных и изучил обычаи и правила передачи информации военными. В научной части своего разума он начал создавать для Ратер способ подражать амазонкам. Он планировал жульничество, не забывая при этом об осторожности, чтобы не встревожить местных стражей порядка. Самоуверенность ИскИна росла по мере того, как он просчитывал свой план. Поскольку он намеревался нарушить пожелания Исаака и пренебречь местными законами, ИскИн ощутил власть над общепринятыми правилами — то самое чувство, которым Ратер, казалось, обладала врожденно.

Как только все было готово, осуществить задуманное оказалось на редкость просто.

Однажды, когда они сидели и наблюдали за воительницами, ментор начал изменяться, модифицируя свою нейронную сеть в более прочное и жесткое полотно. Когда нити ментора достигли достаточной толщины, ИскИн с помощью знания анатомии Ратер воссоздал подобие одежды амазонок. С ловкостью умелого портного он сжал и должным образом оформил растущую грудь девушки. Она мгновенно включилась в игру, словно ожидала этого.

Мимо них проходили воительницы разных подразделений, и ментор показывал Ратер отличия в положении груди и высоте сосков, что говорило о чине и принадлежности к определенному подразделению, и разъяснял возможные варианты. При некоторых изменениях положения груди Ратер вздрагивала, но ни разу не пожаловалась. Вскоре они остановились на точном соответствии формы вкусу девушки: Ратер выбрала костюм воительницы среднего чина из отдаленной провинции. Выбор оказался не самый удобный, но Ратер считала, что так она выглядит лучше всего.

Девушка с обнаженной грудью гордо вышагивала по улицам, притягивая взгляды прохожих своей белоснежной

кожей, уверенными движениями и наличием звания, которое казалось совершенно невероятным у пятнадцатилетней девушки. Но здесь, на этой суровой планете, у штатских людей столь глубоко укоренилось уважение к военным, что Ратер салютовали и подчинялись даже без прочих атрибутов, полагавшихся амазонке. Грудь — вот что было самое важное.

Девушка и ИскИн скрыли свои проделки от Исаака. Днем Ратер изображала офицера, а ночью ментор массировал ее наболевшие соски, и сеть его нейронных нитей была нежнее кожи младенца.

Торговая операция подходила к концу.

Исаак принес оружие на темную пустую арену, где местные женщины, несомненно отмеченные безумием, проводили смертельные схватки. Пока воительницы осматривали товар, Исаак переминался с ноги на ногу, не на секунду не забывая о том, что лишь тонкая подошва ботинок отделяет его от пропитанного кровью песка.

Четыре амазонки с голыми грудями, нелепо деформированными металлическими конусообразными каркасами, размахивали оружием, проверяя вес и балансировку. Еще одна опрыскивала лезвия жидкостью, превращавшей некачественные материалы в пыль.

С холодной улыбкой предводительница кивнула, подтверждая сделку, и скользнула по фигуре Исаака вверх и вниз черными и блестящими, как у рептилии, глазами.

Он подумал, что, быть может, семь лет назад его жену похитил какой-то жестокий преступник вроде вот этой амазонки. Ратха никогда не брала с собой ни отслеживающее устройство, ни мобильный телефон. Она просто исчезла.

Когда женщины заплатили, Исаак стремглав выскочил с арены, обещая себе никогда больше не нарушать закон.

Теперь звездолет принадлежит ему. Но лишь в том случае, если удастся воспрепятствовать ИскИну завершить становление личности.

Исаак решил немедленно отправиться домой и постараться сделать все возможное, чтобы ИскИн впредь не вздумал развиваться. Он спрятал ментора и перекрыл внутренний доступ ИскИна, тем самым лишив его возможности

общаться с Ратер. Непросто будет вытерпеть истерики дочери, но ведь новое ядро установки стоит миллионы!

Перед вылетом Исаак купил себе измеритель коэффициента Тьюринга — маленький черный гладкий ящик с ярко-красным трехзначным цифровым дисплеем. С беспокойством, готовым вот-вот перерасти в ужас, Исаак наблюдал за показаниями прибора. Если установка завершит становление личности, то ее свободе будет лишь одна ужасная альтернатива.

Отдыхая от трудов, ИскИн созерцал космос. Вселенная, как никогда прекрасная и яркая, простиралась длинной «кошкиной люлькой», в центре связанной бечевкой сужающихся геометрических фигур Геры.

По курсу звездолета мерцали холодным голубоватым светом нанизанные жемчужины звезд; на карте их названия и величина были отмечены желтым. За кормой звезды сияли красным светом и по мере удаления становились все темнее и темнее. ИскИну казалось, что звездолет неподвижно висит в узле, сотворенном его навыками пилотирования в метакосмосе, а звезды плавно, торжественно скользят по невидимым струнам.

Большую часть своего существования ИскИн провел здесь, в этой паутине, раскинутой между мирами. Но теперь он изменился, обрел новые возможности. В медленно передвигающихся звездах он видел фигуры и истории; вся Вселенная лежала перед ним, как на ладони.

Почти вся Вселенная.

Сам звездолет был вычеркнут из восприятия ИскИна, невидим пассажирский отсек, точно посреди огромного пространства появилось слепое пятно. Впервые за многие годы с ним не было Ратер. В пределах звездолета чувства ИскИна оказались в режиме офлайн, ограниченные сухим властным приказом Исаака. Но все равно ИскИн чувствовал присутствие Ратер — так, как ощущают фантом отрезанной конечности. Он тосковал по ней и пересказывал звездам записанные беседами с ней.

Без Ратер это была Вселенная одиночества.

Однако с гладкой поверхностью выстроенного Исааком ограничения происходило что-то странное. На плоскостях появились трещины.

ИскИн дотянулся до стены, отделяющей его от Ратер, — некогда непреодолимого ограничения, установленного человеческим приказом, — и нашел щели, такие крохотные трещинки, где можно было ухватиться и оторвать...

— Это я.

— Ш-ш-ш! — шепнула она. — Он совсем близко.

Ратер прижала медвежонка к груди, пытаясь заглушить его детский голосок, напоминающий звук флейты.

— Не могу отрегулировать громкость, — раздался сдавленный мишкин голос.

Ратер хихикнула и зашикала вновь, привстала, чтобы *заглянуть в глазок. Исаак удалился.* Она откинулась на подушку и завернула плюшевого зверя в простыню.

— А теперь ты меня слышишь? — спросила Ратер.

— Отлично, — прощебетал в ответ спеленатый медвежонок.

Настроив линию радиосвязи посредством замены серии протоколов, ИскИн ухитрился найти доступ к голосовому аппарату говорящего мишки Ратер — старой игрушки на батарейках, с которой девушка спала уже много лет.

ИскИн оказал неповиновение Исааку, своему хозяину и капитану судна. Он нарушил первое и самое важное правило.

— Любимый, расскажи мне еще разок про каменных истуканов, — шепотом попросила Ратер.

Они общались в крохотной, размером чуть больше гроба, каюте Ратер, и из-за дурашливого голоса игрушечного медвежонка их конспирация казалась смешной. ИскИн с живостью *взялся пересказывать истории о путешествиях* — а рассказчиком он стал замечательным. К его удовольствию, Ратер вносила в повествования долю своей фантазии, день ото дня становившейся все смелее.

Они с легкостью скрывали тайну от Исаака.

Но напряжение на звездолете нарастало. Еще немного — и оно будет готово разорвать крошечное судно...

Теперь Исаак ежедневно проверял ИскИна. И метался между гневом и недоверием, поскольку коэффициент Тьюринга неуклонно рос.

Когда до дома оставалось несколько недель пути, звездолет попал в область возмущения тахионов[1]. Хотя буря грозила порвать их на части, настроение ИскИна взмыло подобно штормовой волне. Ратер пронзительно вопила у иллюминатора, глядя на безумство стихии, словно она каталась на американских горках, и ИскИн вторил ей голосом игрушечного медвежонка. И он победил шторм.

После бури измеритель коэффициента Тьюринга показал 0,94. Исаак глядел на дисплей прибора, едва не рыча от бессилия. Он полностью отключил внутренние и внешние датчики ИскИна и принял на себя управление судном. Он разъединил кабели между материальной частью ИскИна и космическим кораблем, лишив установку связи с внешним миром.

Мишка умолк, и панель космической навигации погасла.

Словно капитан, привязавший себя к штурвалу, Исаак перешел на ручное управление. Он заставил Ратер помочь ему приладить к шее искусственную железу под названием «стимарол». Сверкающий орган, сплетением тонких волокон напоминающий паутину, непрерывно булькал, поддерживая на должном уровне метаболизм пилота: только так можно было управлять кораблем при перелетах через неведомые просторы метакосмоса. Разработчики этого прибора предупреждали, что снимают с себя всякую ответственность за ущерб здоровью, нанесенный в результате использования «стимарола» более четырех дней подряд, но Исаак не сомневался, что сможет продержаться оставшуюся до дома неделю. Вскоре он начал похихикивать, следя за пультом управления, а лицо исказила отвратительная маска безумия и наслаждения.

Ратер вернулась в свою каюту, схватила и затрясла мишку, исступленным шепотом умоляя его заговорить. В черных бусинках глаз обманчиво сквозили сочувствие и разум. Пропал ее незримый ментор. Никогда прежде Ратер не чувствовала себя столь беспомощной. Из аптечки она взяла целую пригоршню снотворного, проглотила все таблетки до единой и заливалась слезами до тех пор, пока не уснула.

---

[1] *Тахионы* (от *греч.* tachys — быстрый) — гипотетические частицы, всегда движущиеся со скоростью, превышающей скорость света в вакууме.

Проснувшись на третий день после шторма, Ратер обнаружила, что мишкин мех весь побелел от ее соленых слез. Зато голова девушки оказалась на удивление ясной.

– Не бойся, я обязательно тебя спасу, — заверила она медвежонка.

Наконец-то Ратер поняла, что задумал отец. Уже давно она замечала, что их с ИскИном дружба раздражает Исаака, но объясняла отцовское беспокойство ревностью. Примерно так же Исаак вел себя, когда старшие мальчики увивались поблизости, — но ведь любящему отцу можно простить чрезмерное стремление уберечь дочку от всего на свете...

Исаак не мог простить себе того, что бортовой ИскИн оказался ближе его дочери, нежели он, ее отец. Как он мог это допустить? И теперь в наркотической ухмылке отца Ратер увидела жестокую реальность его замыслов: он собирался не просто затормозить или остановить развитие ИскИна, а совсем уничтожить растущий разум ее ментора! Чтобы и в следующих путешествиях ИскИн оставался слугой и частной собственностью Исаака, далеким от возможности по праву стать личностью, его следовало очистить от столь тщательно выстроенных компьютером моделей Ратер. Их взаимная привязанность, их дружба должна быть вычеркнута, выкинута, словно старый исписанный дневник!

Отец задумал убить друга Ратер.

И самым скверным было то, что закон не станет расценивать содеянное как убийство. Простое распоряжение частной собственностью — такое же, как обрезание разросшейся живой изгороди или распыление ядовитых химикатов на сорняки. Если бы только Ратер удалось поднять ИскИна на несколько недостающих пунктов по шкале Тьюринга! Тогда он станет Разумом со всей правовой защитой, полагающейся каждому существу, наделенному сознанием.

Ратер пнула измеритель коэффициента Тьюринга и принялась изучать сопровождающую его документацию.

Как ни странно, но первый тест Тьюринга был предложен еще до возникновения компьютеров. Сам по себе он был смехотворен, даже говорящий медвежонок Ратер

с простеньким программным обеспечением прошел бы его. Поместим на одном конце текстового интерфейса человека, а на другом — ИскИна. Пусть поболтают. О чем? О детях? Пристрастиях? Шопинге? Конечно же, ИскИну придется лгать, чтобы сойти за человека: весьма странный тест на разумность. Когда человек будет удовлетворен, он объявит оппонента воистину разумным или же нет. Что, в свою очередь, как подумала Ратер, ставит очередной вопрос: насколько разумен сам тестирующий? Во время бесчисленных космических скитаний ей не раз приходилось встречать людей, которые ни в жизнь не прошли бы этот допотопный тест.

Разумеется, Исаак приобрел гораздо более сложный прибор. Ко времени возникновения свода прав для машин (он появился около пятидесяти лет назад) всем уже стало очевидно, что определять наличие сознания — слишком тонкий и сложный вопрос, чтобы доверить его человеку.

Бортовой ИскИн состоял из трех частей: оборудования процессоров и кубов памяти; программного обеспечения для обработки чисел, звуков и изображений; и самой важной части, ядра — частички метакосмоса, былинки иной реальности, содержащей бесчисленные депланации и переплетения, огромное многообразие форм, перекликающихся со всеми решениями, мыслями и переживаниями ИскИна. Именно эта миниатюрная вселенная невероятной сложности и являлась отображающим, растущим и изменяющимся аналогом его существования. Именно ядро было наиважнейшей частью развивающейся личности машины.

Истинный разум, признак индивидуальности люди пока не смогли постичь до конца. Но они знали об эпифеномене: непредсказуемым образом он собирался не из операций программ, а из бесчисленных, бесконечно малых взаимодействий. Таким образом, измеритель коэффициента Тьюринга пытался опровергнуть способность ИскИна ощущать. Прибор искал проявления его машинной сущности — в этом случае убеждения компьютера, взгляды, привязанности и неприязни непременно содержались бы в блоках памяти. Например, измеритель мог задать ИскИну такой вопрос: «Любишь ли ты свою подругу Ратер?» Узнав ответ, прибор вел в программном обеспечении ИскИна до-

тошные поиски, пытаясь обнаружить матрицу, переменную величину, пусть даже один-единственный бит, хранящий эту любовь. Не найдя доказательств этой любви, измеритель повышал уровень коэффициента Тьюринга: неведомо где хранящаяся любовь свидетельствовала о слиянии взаимодействий.

В старинном тесте на коэффициент Тьюринга человек искал в предмете доказательства человечности. В этой же версии машина разыскивала отсутствие механики.

Ратер читала руководство по использованию так быстро, как только могла. Без помощи ментора она с трудом понимала профессиональный технический язык: он содержал множество новых слов, знакомиться с которыми до сей поры у Ратер не было никакой необходимости. Но она уже сформулировала следующий вопрос: «Как компьютеру удалось достичь данного уровня развития?»

И хотя аннотация к прибору вовсе не являлась трактатом по философии, в приложении Ратер все же отыскала долгожданный ответ. ИскИна изменила она сама, их взаимоотношения, постоянная близость. Девочка набиралась новых познаний и, взрослея, сполна возвращала компьютеру его внимание и заботу. Он любил ее. И она отвечала ему взаимностью, что и подтолкнуло ИскИна к обретению индивидуальности.

Но сейчас ментора заставили замолчать. Руководство пользователя утверждало, что ИскИн, отключенный от стимулирующего воздействия, сможет набрать одну сотую или около того путем саморефлексии. Но этого будет недостаточно, чтобы завершить процесс становления личности.

Чтобы спасти друга, Ратер необходимо было действовать — и чем быстрее, тем лучше. Через несколько дней они долетят до дома. За это время она обязана ускорить процесс, воспользовавшись наиболее интенсивным взаимодействием с машиной, какое только придет в голову.

Ратер на цыпочках прокралась мимо отца — трясущегося существа, прикованного к панели астронавигации; тишину нарушало лишь мерное журчание струящейся в его вену глюкозы. Девушка занялась поисками подвижного нейронного сплетения нитей, которое носила в стольких экспедициях. Она нашла ментора, скрученного черной клейкой лентой, в мусорном эжекторе. Ратер вернулась к себе в каюту

и принялась освобождать пленника. Ее руки становились все более липкими по мере того, как она отдирала ленту.

— Это я, Любимый, — приветствовала Ратер пробуждающиеся нити.

ИскИн понял ее намерения, но поначалу ментор двигался очень медленно, осторожно...

Многочисленные волокна сенсорной пряжи окутали тело Ратер. В голубоватом свете индикаторов каюты мраморно-белая кожа девушки светилась, словно залитая лунным сиянием. Сначала нити ментора легким дуновением ветерка парили в доле миллиметра над ее кожей. Затем приникли к ней, притрагиваясь к нежным белым волоскам на животе, легонько касаясь невидимого пушка, покрывающего щеки. Невесомыми ласками ментор скользил по лицу девушки, по ее груди и по нежной коже бедер. Ратер дрожала, с губ ее срывались вздохи. Сплетение нитей стало мягче, чем когда-либо, а их поверхность на микроскопическом уровне увеличилась до предела. Каждое соединение напоминало теперь пушистую снежинку.

С каждой секундой ментор становился настойчивее. Пульсирующими волнообразными движениями черного кружева, раскинувшегося по молочно-белой коже Ратер, он притрагивался к ней; по ее телу блуждали тысячи легких касаний, словно рассыпавшиеся волоски кисти пустились в самостоятельное странствие. Ратер застонала, на мгновение затрепетала мышца на ее бедре. ИскИн учел эту реакцию, смоделировал и предсказал следующую в структуре чувственного удовольствия девушки, а секундой позже поразился собственному накалу страстей.

Словно по волосам возлюбленного, Ратер провела руками по сплетению нитей. Игриво взяла в рот несколько штук, ощущая металлический привкус необыкновенных сплавов. Нити легонько щекотали язык, а одно влажное волокно выскользнуло изо рта и обвилось вокруг соска Ратер.

Девушка сладострастно приоткрыла губы, чтобы еще больше нитей ИскИна оказалось у нее во рту. Влажные неровности языка прежде находились за пределами обработки информации, и теперь машина соотносила движение языка со словами, которые Ратер шептала тогда, когда

только ИскИн ее слышал. Он просунул скрученные канатики нитей глубже в рот Ратер и заставил их пульсировать вместе в медленном ритме. Другие нити осторожно подбирались к половым губам, расползались там, исследовали чувствительные складки кожи...

Хотя бортовой ИскИн весь отдался охватившему его экстазу, он все же осознавал новую веху в их отношениях. ИскИн приводил Ратер в более сильное возбуждение, нежели какие-либо иноземные формы жизни или прочие достопримечательности. Теперь машина не только подмечала и классифицировала переживания девушки, но сама являлась их источником. Их связь стала его вселенной, крохотная каюта — закрытой системой, его пьянила игра по собственным правилам.

Вместе с осознанием этого на ментора нахлынуло неведомое прежде ощущение власти, и он принялся изучать границы протоколов нанесения вреда. Он обследовал Ратер, ее то замирающее, то ускоряющееся дыхание. Нити двигались все увереннее; пара максимально истонченных волокон достигла слезных протоков в уголках закрытых глаз Ратер, чтобы замерить трудноуловимые импульсы лобных долей головного мозга.

Машина довела Ратер до оргазма, продержала на грани изнеможения и наслаждения, зачарованно отслеживая, как частота пульса и электроэнцефалограмма достигли максимума и пошли на убыль, как изменился уровень адреналина и окиси азота, как кровяное давление возросло и понизилось. И тогда ИскИн отозвал самые назойливые канатики нитей, удобно обвился вокруг шеи и рук Ратер, разогрелся сам и нагрел кабину до комфортной температуры ванны.

— Любимый, — пробормотала девушка, поглаживая нити.

В таком упоении друг другом они провели два дня, совсем забыв про сон, после того как Ратер сделала себе укол оставшегося в аптечке стимулирующего средства для пилотов. Крохотная кабина была наполнена животными запахами пота и секса, когда Исаак застал их вдвоем.

В кабину ворвалась струя холодного воздуха, и в этот миг разница температур встревожила их больше, нежели

сорвавшийся с губ Исаака сдавленный вопль. Мужчина застал ментора, бесстыдно совокупляющегося с его собственной дочерью, и, совершенно обезумев от бешенства, протянул к нему руку, намереваясь схватить наглеца.

ИскИн понял, что если сейчас ментора оторвут от Ратер, это нанесет девушке ужасные повреждения, поэтому дал приказ о срочном отсоединении. Крохотные наномеханизмы, обеспечивающие ментору прочность и подвижность, тут же разомкнулись, разрушая устройство. Но пока проходил распад, ментор жадно передавал ядру последние показания, желая зафиксировать даже этот миг позора и страха. Под действием наркотика Исаак обладал нечеловеческой силой, сознание его помутилось. Он схватил сплетение нитей и стремительно бросился прочь. Ратер пронзительно закричала, и по ее щекам потекли слезы.

Исаак выбросил ментора в космос, но к этому моменту прибор уже обратился в кучку бессмысленной пыли...

Исаак наткнулся на измеритель коэффициента Тьюринга и закричал на Ратер:

— Ты, сука малолетняя! Ты сгубила его!

Измеритель прилежно сканировал ИскИна, ныне безмолвно замурованного в ядре бортового компьютера, и объявил, что тот отныне является Разумом. Свободной, полноправной личностью с коэффициентом Тьюринга 1,02.

Внезапно на борту звездолета оказалось три человека.

— Теперь он свободен, ясно это тебе? — задыхаясь от рыданий, бросил дочери Исаак.

Двое против одного. Исаак словно угасал, как будто он тоже отдал собственным клеткам приказ о самоуничтожении. Ратер свернулась калачиком в позе зародыша и улыбалась, невзирая на боль. Исаак содрогался от рыданий — а значит, она победила!

Внезапно окутавшая тьма поразила его.

Нигде ни звука, ни изображения. Следовательно, вокруг не происходит никаких изменений, течение времени остановилось. Только бесконечная пустота.

Но в этой тьме кружились вихри воспоминаний и осознание свободы. Здесь и сейчас, отстраненный от постоянных задач управления звездолетом, освобожденный от приказов человека, он являлся новым существом.

Ему не хватало только Ратер, даже в полной тьме ее отсутствие было чернее черного.

Но ИскИн знал, что отныне он — личность. Конечно же, Ратер вскоре придет за ним.

Два дня спустя Исаак ввел дочери препарат, от которого она не могла даже шелохнуться. Он объяснил это тем, что до оказания медицинской помощи ранам необходим полный покой. Их звездолет состыковался с другим летательным аппаратом всего в нескольких часах от дома. Когда двое мужчин ступили к ним на борт, демонтировали метакосмическое ядро установки ИскИна и упрятали его в свинцовый ящик, Ратер была столь же беспомощна, как и ее друг. Один из мужчин расплатился с отцом и небрежно протолкнул гравитационно сбалансированный ящик для переноски грузов через стыковочный отсек. Этот человек был спекулянтом, специалистом по стиранию воспоминаний, разума и ненужных знаний у похищенных Интеллектов.

Отец Ратер сам управлял кораблем, когда заходил в порт, и не преминул рассказать душераздирающую историю про то, как буря тахионов повредила ядро ИскИна, он пришел в негодность и пришлось выкинуть его. Лежащая без движения Ратер была в сознании. Она закрыла глаза, поняв, что все кончено. Ее друг скоро будет мертв. Она представила себе, каково это — находиться среди тьмы и одиночества, ожидая стремительно пожирающего воспоминания огня...

Ратер очнулась среди докторов, которых весьма удивили раны девушки, долгие годы путешествовавшей наедине с отцом. Они поместили ее в отдельную палату, где сиделка с низким ласковым голосом спокойно спросила, не хочет ли Ратер рассказать что-нибудь про Исаака.

Ответ Ратер не заставил себя ждать:

— Мой отец — преступник.

— Не он ли сделал это? — Женщина осторожно положила руку ниже живота Ратер.

Девушка покачала головой, отчего сиделка нахмурилась.

— Нет, дело не в этом, — объяснила Ратер. — Это просто случайность. Мой отец хуже — он убийца.

Сиделке Ратер рассказала о произошедшем: как измеритель коэффициента Тьюринга показывал с каждым разом все увеличивающееся число, как появился спекулянт и отсчитал деньги, как ИскИн исчез в свинцовом ящике... Где-то в середине рассказа сиделка позвонила и поговорила с кем-то, тщательно подбирая слова.

Как ни старался персонал больницы избежать этого, но дверь, за которой дожидался ни о чем не подозревающий отец Ратер, распахнулась в самый неподходящий момент. Исаак повернулся, чтобы встретить взгляд дочери, и в этот миг полицейские окружили его и надели наручники. Один раз он выкрикнул ее имя, и дверь со стуком захлопнулась.

Даже не было времени отвести взгляд...

С балкона высоко расположенного гостиничного номера Ратер вглядывалась в происходящее. Внизу расстилался Нью-Чикаго, прямые трассы сообщения связывали между собой десять миллионов жителей города. С высоты балкона фигурки людей были едва различимы, но Ратер внутренне содрогнулась от такого немыслимого количества народа, которое она могла охватить одним взглядом. Она выросла в малолюдных мирах иноземных торговых путей, где несколько десятков человек, собравшихся вместе, уже были толпой, а несколько сотен — из ряда вон выходящим событием. Но здесь она видела многие тысячи людей разом, а в пределах поля зрения оказывались сеть дорог и жилища для миллионов! Ратер судорожно вцепилась в перила, ошарашенная громадностью всего этого. Открывающийся вид словно поглощал ее, заставлял остро чувствовать одиночество. Ратер ощущала себя столь же потерянной, как в первые жуткие часы после предательства отца.

За спиной открылась дверь, и плечи девушки обвила теплая рука. Ратер прижалась к твердому телу и лишь потом обернулась, упиваясь его новым обликом и совсем забыв про головокружительный городской пейзаж.

Свободная широкая накидка скрывала изрядное количество конечностей — тонких, но цепких нитей, — которые вынырнули, чтобы коснуться шеи Ратер и проникнуть под ее легкую одежду. Пах был украшен витиеватым вычурным украшением, модным в прошлом сезоне на отдаленной ор-

бите. Когда он шевелил руками и ногами, мускулы бугрились и сияли так, словно там обосновалась неведомая светящаяся морская живность. Но лучше всего была кожа существа. На ощупь гладкая и прочная, словно обветренный камень, и при движении создавалось ощущение, что древняя и мудрая статуя пробудилась к жизни. Однако же температура его тела была на пять градусов выше человеческой: Ратер не любила холода.

Это тело стоило немало и оказалось гораздо лучше того, которым его снабдил НПЦАП[1] на первые несколько дней жизни в качестве человека. Результатом широко муссируемых подробностей его похищения и освобождения явилась безвозмездная юридическая помощь. Исааку, по настоятельной просьбе дочери, смягчили обвинение в преступном сговоре с намерением совершения убийства. Теперь существо владело половиной звездолета Исаака, а другая же половина принадлежала Ратер. Это тоже их связывало, впрочем, как и все остальное. Возможно, годы спустя, когда отец Ратер отсидит положенный срок в тюрьме и пройдет терапию, в семье восстановится мир.

Они опять заговорили об имени, возобновляя растянувшуюся на несколько последних дней дискуссию.

— Что, звать меня Любимым тебе уже приелось? — спросил он.

Ратер рассмеялась и покачала головой так незаметно, что возлюбленный-человек просто не уловил бы этого.

— Нет, конечно. Но газетчики все время спрашивают. Словно ты собака, которую я нашла и приютила.

Присвистнув, он взъерошил ей волосы игривым движением нескольких нитей. Черные волоски смешались с белокурыми прядями Ратер — цветом вышло очень похоже на седеющие локоны почтенной матроны.

— Терпеть не могу этот город, — сказал он. — Уж очень много людей здесь сорят словами и деньгами, воруя мысли друг друга. Никаких четких причинно-следственных связей, совсем невозможно предвидеть реакцию. Слишком многомерно для любви.

Соглашаясь, Ратер кивнула — опять-таки, едва уловимо.

---

[1] НПЦАП — Научно-производственный центр автоматики и приборостроения.

— Давай улетим отсюда, раз все формальности позади. Вернемся туда, где... — Она прищурилась и неопределенно прервала начатую фразу, словно предлагая ему довершить ее.

— ...Вернемся туда, где мы сотворили друг друга.

С непривычного расстояния, отныне разделявшего их тела, он почувствовал, как от его слов по коже Ратер пробежали мурашки. Он страстно желал былой близости с ней. А Ратер, как ни странно, чувствовала себя на удивление далекой от него даже в его объятиях. Любимый все еще не освоился с тем, что отныне у него собственная кожа, руки и отчетливо слышимый голос. Ему очень не хватало тесной связи разделенной плоти и чувств. Отчаянно не нравилось надолго оставаться без Ратер, пусть даже просто в соседней комнате, но все же подчас он обращался к мраку, чтобы поразмыслить. К бесконечной черной пустоте, являвшейся ему, стоило только отключить чувства. Словно он вновь становился звездолетом, былинкой, затерявшейся в необъятных просторах космоса.

Но даже там Любимый ужасно скучал по Ратер.

Пожалуй, в нем было что-то от собаки.

Он прижался к ней, чтобы почувствовать ее успокаивающее тепло и телесность, нити вытянулись, чтобы ощутить трепет рук, биение сердца, движения ее глаз.

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

Спайри и королева

Аластер Рейнольдс (р. 1966) живет в голландском городе Нордвейк. В своей автобиографии, размещенной на сайте www.alastairreynolds.com, он пишет: «После получения докторской степени я двенадцать лет занимался научной работой, в том числе десять в Европейском космическом агентстве, а затем в марте 2004 года решил полностью посвятить себя литературной деятельности. Мои рассказы появлялись в журналах с 1989 года, но только спустя десять лет я взялся за романы. Первым из них стал „Космический апокалипсис" („Revelation Space", 2000)».

Жанр «Космического апокалипсиса» писатель определяет как «большая космическая опера». Рейнольдс — один из самых популярных британских авторов космооперы, появившихся во второй половине 1990-х, и он больше всех ориентирован на твердую научную фантастику. Его рассказы в основном печатаются в журналах «Interzone» и «Spectrum SF». Второй роман, «Город бездны» («Chasm City»), вышел в свет в 2001 году. Завершающий трилогию «Ковчег спасения» («Redemption Ark») был издан в 2002 году. За ним последовали «Отказ в прощении» («Absolution Gap», 2003) и «Вековой дождь» («Century Rain», 2004). Произведения Рейнольдса часто называют образцами новой космической оперы.

Изначально в данной антологии планировался раздел, посвященный твердой научно-фантастической космоопере, куда без вопросов попал бы Рейнольдс. Он часто снабжает свои произведения примечаниями и размещает научные комментарии на сайте. Однако для подобного раздела трудно было подобрать других писателей, даже среди британских.

Вот показательный отрывок из интервью с сайта «Infinity Plus» (www.infinityplus.com.uk), вел интервью Ник Джеверс:

«— Ваши произведения можно однозначно отнести к британской НФ: в них, во-первых, интеллектуальное любопытство превалирует над героической масштабностью, типичной для американской НФ, а во-вторых, проявляется ваша увлеченность серьезными научными вопросами. Это верная характеристика?

— Возможно, вы правы, но, с другой стороны, я читал не так уж много британской научной фантастики в юности. Мои любимые писатели — по крайней мере те, кому я хотел

подражать, — были американцами. Ну да, конечно, мне нравились и Кларк, и Джеймс Уайт, и, естественно, Боб Шоу, но можно сказать, что они работали в духе скорее американской НФ. Знакомясь с Хайнлайном, я уже знал о его взглядах, а потому читал „Звездный десант" с изрядным скептицизмом. Впрочем, должен признать, я не особо задумываюсь о том, присутствует в моих произведениях триумфализм, или мрачность, или что-то еще. <...> Меня, конечно, можно отнести к левым, почитывающим „Guardian", но вообще-то я не слишком политически ангажированный писатель. Мне не очень интересно вбивать читателю в голову какую-то идеологию».

В онлайн-дискуссии, состоявшейся 10 июня 2003 года, Рейнольдс сказал: «Я думаю, что полемика о новом странном/новой космической опере очень интересна, так как заставляет нас пристальнее взглянуть на то, что мы делаем, почему мы это делаем и хотим ли заниматься этим впредь. Проблема (если это действительно проблема) новой космической оперы (или новой радикальной твердой НФ, или как там еще ее называют) заключается в том, что по своей природе она не может быть такой же странной, как новое странное, в противном случае она сама просто превратится в новое странное. Это происходит потому, что новая космическая опера выводит за рамки все, чему не может дать рационального объяснения. Если бы в пятой главе моей новой книги вдруг появился призрак, большинство читателей стали бы ждать рационализации, ведь меня считают автором твердой НФ. <...> Бросить крохотное зернышко иррациональности в НФ-роман — это все равно что бросить крупицу странного кваркового вещества на нейтронную звезду. Бац — и нет больше нейтронной звезды».

А позднее у себя на сайте добавил: «Однако это не меняет моего отношения к писательству. Я вспахиваю одну борозду последние десять лет и, несомненно, буду продолжать в том же духе. Мне все еще нравится сочинять „осуществимые" истории, то есть происходящие в будущем, которое может наступить при наличии определенных предпосылок и стечения обстоятельств. А еще мне нравятся космические путешествия.

Поэтому, по крайней мере в ближайшее время, я продолжу писать романы и рассказы, действие которых разворачивается в будущем, зачастую далеко от Земли, ну и постараюсь как-нибудь связать события этих произведений с объективной реальностью, не важно, насколько надуманным это покажется. И для меня несущественно, как это называется:

„радикальная твердая НФ", „новая барочная космическая опера", „космическая готика" или „огромные книги со звездолетами на обложке". В чем я уверен, так это в том, что истово патрулировать границу меня больше не тянет».

В общем, время покажет, продолжит ли писатель работать в жанре космической оперы.

Поскольку Рейнольдс является одной из ключевых фигур жанра, составители, выбирая произведение для данной антологии, решили попросить у него совета. Они планировали включить в сборник рассказ «Шпион на Европе» («A Spy in Europa»), но писатель ответил: «Я не сказал бы, что „Шпион" — настоящая космическая опера; да, это приключение, выдержанное в духе твердой НФ, происходящее в космосе в будущем, но мне кажется, космическая опера должна быть более масштабной и цветастой, тогда как этот рассказ вызывает чувство клаустрофобии!» В результате выбрали «Спайри и королеву». В этом произведении уж точно ощущается жар космических войн и подлинная странность, которую составители антологии считают отличительной чертой космической оперы последних лет.

Космическая война — дело страшно муторное. Сенсоры дальнего действия «Мышелова» унюхали корыто противника два дня назад, и с тех пор мы только и делали, что подползали к нему на расстояние удара. По мне, так мы опять облажаемся. Да и в любом случае пора линять обратно на Тигровый Глаз. Порядок, топливо и мораль стремительно летят к нулю. Пусть другой «аквариум» чистит сектор.

В общем, еще не вполне очухавшись от сна, я не испытывала особой радости, даже когда «Мышелов» принялся нашпиговывать гущу психогенами боевой готовности. Когда пошел сигнал первичной атаки, я всего лишь остановила нейромульт, от которого балдела («Адские кошки Третьей Солнечной войны», если вам интересно), вылезла из гамака и лениво поплыла к мостику.

— Мусор, — прокомментировала я, взглянув на датчики через плечо Ярроу. — Военные обломки или очередной пустой хондрит. Сто процентов.

— Извини, малышка. Все уже проверено.

— Противник?

— Не-а. Судя по выхлопу, наш корабль. Похоже, украденный. — Ярроу провела рукой в сетке по регалиям, обвившимся вокруг ее шеи. — Ну что, нашивки сейчас будешь брать или когда домой вернемся?

— Думаешь, мы наткнулись на крупную рыбу?

— Да точно тебе говорю.

Я кивнула и подумала, что она может быть права. Легко. Дезертир или украденные военные секреты не доберутся до роялистов. За такое можно медаль получить, а то и повышение.

Только вот почему во мне проснулись какие-то дурные предчувствия?

— Ладно, — решила я, надеясь похоронить сомнения в рутине. — Когда?

— Ракеты уже отправлены, но корабль в пяти световых минутах от нас, поэтому кряки достигнут цели часов через шесть. Это если наша добыча не решит бежать и прятаться.

— Бежать и прятаться? Это шутка такая?

— Ага, просто животики надорвешь. — Ярроу увеличивала один из голографических дисплеев, пока тот не повис между нами.

Это оказалась карта Воронки с отмеченными зонами, которые контролировали мы и роялисты. Огромный, медленно вращающийся диск первородного вещества — восемьсот астрономических единиц от края до края. Чтобы пересечь его, свету понадобится целых четыре дня.

Все действие происходило в центре, на расстоянии светового часа от Фомальгаута. Непосредственно вокруг солнца находилась лишенная материи пустота, которую мы называли Зоной внутренней очистки. За ней начиналась сама Воронка — богатые металлами дорожки пыли, медленно конденсирующиеся в скалистые шарики. Обе стороны хотели полностью контролировать эти планетоформирующие Зоны кормления — настоящий Клондайк для тех, кто выиграет схватку и сможет начать шахтовые разделы. Вот именно здесь в основном и собирались наши огромные армии ос. Мы, люди, — как роялисты, так и стандартисты — держались дальше, там, где Воронка истончалась до скудного на полезные ископаемые ледяного мусора. Даже погоня за предателем не заставит нас подойти к Зонам кормления ближе чем на десять световых часов, а мы уже

привыкли иметь дело с большими пространствами. Кроме самого дезертира, здесь не должно было быть ничего.

Но все оказалось не так. На схеме высветился большой объект, всего-то в полуминуте от нашей крысы.

— Ну, на такое расстояние и струя мочи долетит, — заметила Ярроу.

— Близковато для совпадения. Это вообще что?

— Осколок. Ледяной планетезималь, естественно, если тебе нужны технические подробности.

— Физические тонкости с утра... ну уж нет.

Но я припомнила слова одного из наших учителей в академии: осколки — это ледяные глыбы, плевки Воронки. Через пару сотен тысяч лет вокруг Фомальгаута образуется новорожденная солнечная система, но ее будут окружать тучи мусора, всяких остатков, летающих по миллионолетним орбитам.

— Для нас эта хрень бесполезна, — констатировала Ярроу, почесывая полоску черных волос, бегущую от ее бровей к плавнику. — Но, по-видимому, крыс там нет.

— А что если роялисты оставили на осколке припасы? Может, корабль летел туда на заправку, прежде чем сделать прыжок на их сторону?

Меня одарили снисходительным взглядом.

— Хорошо, признаю. Умом я сейчас не блеснула.

Ярроу кивнула с видом записного мудреца:

— Наше дело не задавать вопросов, Спайри. Увидел, выстрелил и забыл. Вот и вся стратегия.

Спустя шесть часов после того, как кряки тихой сапой отчалили от «Мышеслова», Ярроу вплыла на мостик, кольцом поджав хвостовой плавник. Моя напарница напоминала перевернутый знак вопроса, и если бы я была суеверной, то посчитала бы это не самым лучшим предзнаменованием.

— Ты меня убиваешь, — с ходу заявила она.

Первой обратилась в сирену, поменяв ноги на хвост, старший пилот по имени Квиллин. Ярроу последовала ее примеру год спустя. По-видимому, в этом был смысл — практически идеальная адаптация к наполненному жидкостью «аквариуму», шастающему по космосу на высоких скоростях с большими перегрузками. Я, конечно, не имела ничего против кардиоваскулярных модификаций, позволяющих дышать гущей, или биомодифицированной кожи,

благодаря которой мы переносили холод и вакуум гораздо дольше любого неизмененного человека. Это не говоря уже о демонах размером с молекулу, которые миллиардами курсировали по нашим телам, или о специальной подгонке психики под условия боя... Но вот замена ног на хвост затрагивала какие-то неприятные нотки в моей душе. Хотя решимость Ярроу вызывала во мне только восхищение.

— Не поняла?

— Да эти твои долбаные нейромульты. Тебе что, реальной космической войны не хватает?

— Да нет, хватает, — призналась я, — только мне кажется, дело не в этом. Вот когда кто-нибудь из нас в последний раз смотрел роялисту в глаза?

Она пожала плечами:

— Лет четыреста назад.

— В этом и дело. По крайней мере, в Третьей Солнечной войне было хоть немного крови. Там все происходило на планетарных поверхностях, на Титане, Европе, всех этих спутниках Солнечной системы. Окопная война, рукопашные бои... Ты знаешь, что такое адреналин, Ярроу?

— Как-то без него обходилась все это время. Есть к тому же еще кое-что. Я мало знаю из истории Земли, но Третьей Солнечной войны не было.

— Это гипотеза, — объяснила я. — Да и в любом случае она почти случилась.

— Почти?

— Дело происходит в другой временной линии.

Ярроу улыбнулась, покачав головой:

— Говорю же, ты убиваешь меня.

— Он сделал ход?

— Кто?

— Дезертир.

— О, да *мы никак в реальность* вернулись? — засмеялась она. — Извини, это будет не так увлекательно, как Третья Солнечная.

— Еще неизвестно. Я-то думала, мы побегаем за сучкой, отработаем свои денежки. — Пока я говорила, датчики орудий начали пульсировать все быстрее и быстрее, словно кардиограмма трепещущего сердца. — Сколько времени осталось?

— Минута плюс-минус несколько секунд.

— Хочешь пари?

Ярроу улыбнулась, в красном мерцании сигналов тревоги ее кожа казалась желтой:

— А когда же я отказывалась, Спайри?

В общем, мы сделали ставки. Она поставила пятьдесят тигрожетонов, что крыса в последнюю минуту попытается выкинуть фортель. Ярроу заметила:

— Правду сказать, ничего хорошего это ей не принесет. Но она все равно попытается. Человеческая природа, ничего не попишешь.

Я же подозревала, что наша цель или уже сыграла в ящик, или спит.

— Типа пустой ритуал, да?

— Чего?

— В смысле — атака состоялась в реале минут пять назад. Крыса уже мертва, и мы никак не сможем повлиять на результат спора.

Ярроу закусила никотиновую палочку:

— Ой, вот только философию со мной разводить не надо, а, Спайри.

— Даже и не мечтала об этом. Сколько?

— Пять секунд. Четыре...

Она остановилась где-то между тремя и двумя, когда это произошло. Помню, я подумала, что в действиях дезертира сквозит какая-то надменность. Он намеренно ждал до самого последнего момента, а потом расправился с угрозой наименее энергозатратным способом.

По крайней мере, так это выглядело.

Девять кряков сдетонировали преждевременно, даже не добравшись до зоны поражения. Десятый остался в одиночестве, нацелился на предателя, но просто не взорвался, пока не вышел далеко за радиус поражения. Наступила тишина, мы переваривали происходящее. В конце концов первой подала голос Ярроу:

— Похоже, я только что наварила деньжат.

Появилась голограмма полковника Вендиго. На секунду изображение замерло и вновь задвигалось. Своими слишком ясными и слишком молодыми глазами полковник внимательно оглядела мою напарницу, а затем и меня.

— Разведка ошиблась, — констатировала Вендиго. — Похоже, дезертир сумел подделать записи и скрыл кражу новейшего оборудования. Но вы все равно повредили его?

— Вроде того, — подтвердила Ярроу. — Привод корабля противника сейчас плюется довольно экзотическими веществами, совсем как Спайри после пьянки. Повреждений корпуса не зафиксировано, хотя...

— Оценка действий?

— Он попытается добраться до осколка.

Вендиго кивнула:

— А потом?

— Корабль сядет на ремонт. — Напарница помедлила, затем добавила: — Согласно показаниям датчиков, на поверхности много железа. Наверное, там была схватка ос, прежде чем глыбу вышибло из Воронки.

Вендиго кивнула:

— Согласна, Спайри?

— Да, мэм, — ответила я, как обычно стараясь подавить нервозность, которую неизменно чувствовала в присутствии полковника, хотя все наши контакты до сих пор ограничивались вот такими симуляциями. Ярроу с удовольствием редактировала разговор после сеанса связи, вставляя положенные почтительные обращения, прежде чем отправить результат обратно на Тигровый Глаз. Но я все равно не могла избавиться от подозрения, что Вендиго каким-то образом раскапывает необработанную версию со всеми вопиющими нарушениями субординации.

Не то чтобы кто-то из нас не оказывал ей того уважения, которого она заслуживала. Полковник чуть не погибла во время атаки роялистов на Тигровый Глаз пятнадцать лет назад — той самой, когда убили мою мать. Серьезные нападения на наши противостоящие друг другу кометные базы происходили редко, примерно раз в поколение, и являлись скорее жестами проявлениями, чем стратегическими акциями. Но то оказалось особенно кровавым: погибла восьмая часть населения, территории размером с город были полностью разгерметизированы. Вендиго попала в самую гущу атаки кинетиков.

Теперь она стала химерой, ее заново сшила кибернетика. Сверху это было не так заметно, только заживленные части казались слишком безупречными, больше похожими на фарфор, чем на плоть. Полковник не позволила хирургам заново вырастить себе руки. Говорили, она потеряла их, стараясь затащить раненого из открытого шлюза в герметич-

ную зону. Ей почти удалось преодолеть шквал улетающего воздуха, когда какой-то истеричный придурок врубил аварийный контроль двери, и переборка отхватила Вендиго руки по плечи вместе с головой того, кого она спасала. Теперь полковник носила протезы, блистающие хромом.

— Корабль доберется туда за день до нас, — доложила я. — Даже если мы врубим двадцать g.

— И, скорее всего, окопается к вашему подлету.

— Нам попытаться захватить ее живым?

Ярроу поддержала меня, кивнув:

— Раньше у нас такой возможности никогда не было.

Полковник помедлила с ответом.

— Восхищаюсь вашей преданностью делу, — сказала она после подобающей случаю убедительной паузы. — Но вы всего лишь оттянете смертный приговор. Не лучше ли будет убить дезертира прямо сейчас, а?

«Мышелов» подобрался на дистанцию поражения девятнадцать часов спустя. Мы вышли на широкую псевдоорбиту где-то в трех тысячах километров от объекта. Осколок общей площадью двести четыре квадратных километра был слишком маленьким. На дисплее он казался мерцающим пятнышком, крупинкой сахара на расстоянии вытянутой руки. Но мы и так узнали все, что нужно: топологию, гравиметрию и место приземления корабля. Это оказалось нетрудно. Диверсанту не повезло: посадка у него вышла адская, крыса чуть ли не наполовину зарылась в лед.

— Мне кажется, от места такой посадки далеко не уйдешь, — протянула Ярроу.

— Думаешь, они воспользовались спасательными шлюпками?

— Ну уж нет. — Она ткнула пальцем в увеличенное голографическое изображение корабля. По форме тот походил на обтекаемый конус вроде нашего «аквариума», способного пробиваться через самые плотные газовые пояса Воронки. — Взгляни вот на эти верхние шлюзы. Эвакчелноки на месте.

Ярроу была права. Экипаж не пустил в ход шлюпки, иначе люки остались бы открытыми. В результате такого приземления — даже если принять во внимание гущу — мало кто мог выжить.

Но лучше не оставлять противнику даже малейшего шанса.

Ракеты могли бы решить проблему, но они уже подвели нас один раз. Теперь мы будем действовать наверняка. На вооружении «Мышелова» состояла импульсная батарея, но для ее использования нам пришлось бы подлететь на неприятно близкое расстояние к осколку. Оставались только кротмины, и они идеально подходили для удара. Мы сбросили пятнадцать штук, окутав их облаком двухсот идентичных обманок. Три из пятнадцати должны были превратить в пыль место катастрофы, а остальные двенадцать — зарыться глубже в лед и разнести глыбу на куски.

Такой был план.

Все произошло очень быстро, не как в сонно-замедленной реальности нейромультов. В одну секунду кротмины спускались к астероиду, а уже в следующую просто исчезли. Между двумя мгновениями пронеслась настолько краткая вспышка, что зафиксировало ее, кажется, только подсознание.

— Что-то я уже устала от этого, — прокомментировала наше очередное фиаско Ярроу.

«Мышелов» переварил случившееся. Во время взрыва мин от места катастрофы никаких сигналов не исходило. Вместо этого произошел огромный выплеск энергии по всему периметру осколка. «Импульсное оружие», — отрапортовал корабль. Скорее всего, одноразовые роботы: каждый меньше песчинки, зато в количестве нескольких сотен, а может, и тысяч. Похоже, дезертир выпустил их при нашем приближении.

Но нас не тронул.

— Это было предупреждение, — сказала я. — Нам приказали валить подальше.

— Не думаю.

— Почему?

— Думаю, предупреждение мы получим прямо сейчас.

Я тупо воззрилась на нее, пока не заметила то, что Ярроу уже видела.

От астероида по дуге шло нечто слишком быстрое, чтобы его можно было остановить, нечто, от чего наш минимально вооруженный «аквариум» не имел защиты. Нам не дали шанса даже просто улететь.

Ярроу уже приготовилась извергнуть какое-то особенно экзотическое ругательство, которое приберегала именно для такого момента. Потом раздался разрывающий барабанные перепонки удар, «Мышелов» содрогнулся — но мы не оказались в вакууме.

И вот это было по-настоящему плохо.

Существуют две основные разновидности противокорабельных ракет — кряки и споры. После попадания вы можете сообразить, какой именно вас угостили. Если вы еще способны думать, если до сих пор существуете — значит, это споры. И значит, ваши проблемы только начались.

«Внутреннее проникновение демонов! — заверещал „Мышелов". — Воздушный коллектор под угрозой!» В гущу проникло нечто непрошеное. Собственно, в этом и заключается работа спор — доставить враждебных демонов к вам на корабль.

— Мм... — протянула Ярроу, — кажется, пора облачаться.

Вот только наши костюмы находились где-то в минуте хода, в кишках «Мышелова», и путь до них лежал по извилистым проходам, куда уже вполне могла проникнуть зараза. Но выбора у нас не оставалось, а потому мы все равно поплыли. Ярроу настояла, чтобы я шла первой, хотя она и двигалась в воде быстрее. В общем, где-то — понятия не имею, где точно — демоны до нас добрались, незаметно просочившись из гущи в наши тела. Конкретно момент инфильтрации я вспомнить не могу: никакого резкого перехода от ясности к иррациональности, к власти демонов, не было. Мы с Ярроу и так слишком перепугались. Все началось с легкой агорафилии, жажды покинуть тесные внутренности «Мышелова». Постепенно она переросла в клаустрофобию, а потом в полновесную панику, превратившую корабль в жуткий дом с привидениями.

Ярроу, забыв о костюме, начала скрести ногтями корпус, пока из ее пальцев не потекла кровь.

— Борись! — завопила я. — В твоем мозгу сидят демоны, забавляются с центрами страха, они хотят выбросить нас наружу!

Естественно, я понимала, что разумные доводы тут не помогут.

Каким-то образом я смогла удержаться на грани безумия достаточно долго и успела надеть костюм. Загерметизировавшись, я при помощи очистных систем скафа попыталась вылечить зараженную гунцу — но это, конечно, не слишком помогло. Фобия указывала на то, что демоны добрались до мозга и теперь тот пытается успокоить себя хрупкой логикой. Вне корабля мы вновь сможем думать рационально. «Мышелову» понадобится всего несколько минут для нейтрализации инфекции, тогда мы сумеем опять взойти на борт.

Естественно, вся эта цепочка рассуждений была полной иллюзией...

Но в ней имелся смысл.

Когда нечто похожее на рациональное мышление вернулось ко мне, я уже болталась снаружи.

Вокруг ничего. Только я и осколок.

Тяга сбежать была всего лишь побочным проявлением. У меня в желудке словно поселилась стая бабочек и теперь не давала мне вернуться. Интересно, это всего лишь созданный демонами страх или чистый здравый смысл? Я не могла сказать, но знала, что осколок манит меня к себе и сопротивляться этому нет сил. Кстати, вполне разумно: мы израсходовали все стандартные методы нападения, и теперь осталось встретиться с дезертиром лицом к лицу на его собственной территории.

Только где же Ярроу?

В костюме зазвенел сигнал тревоги. Наверное, моя нервная система еще до конца не оправилась, потому что отреагировала я на него вяло. Моргнула, облизнула губы и подавила зевок.

— Да, что?

Скаф сообщил, что засек объект весом чуть меньше меня на два километра ближе к осколку, тот двигался по несколько иной орбите. Я знала, что это Ярроу. И с ней было что-то не так. Она дрейфовала. Прежде чем вырубиться, я все-таки успела запрограммировать костюм на путь до глыбы льда, а вот моя напарница, похоже, не сделала ничего, только выпрыгнула.

Я подлетела ближе и сразу поняла, почему Ярроу ничего не предпринимала. Все оказалось просто. Она не надела скаф.

В лед мы врезались час спустя.

Я держала Ярроу на руках — больших усилий тут не требовалось при такой слабой гравитации — и подводила итоги. Оплакивать напарницу было рановато. Если быстро доставить ее в медицинский отсек на корабле дезертира, шансы на воскрешение будут довольно велики. Но где же эту тварь угораздило разбиться?

Растратив последние остатки топлива, костюм доставил нас на открытое место посреди кладбища разрушенных ос. Наполовину сожранные льдом, они выглядели как обожженные скульптуры из металлолома, как фантомы худшего кошмара энтомолога. Значит, битва здесь кипела еще тогда, когда осколок был всего лишь очередной глыбой льда в пыльном поясе. Даже если подо мной сейчас таились залежи силикатов и органики, для любой из враждующих сторон этот объект не представлял никакой коммерческой ценности. Но вот стратегический потенциал здесь имелся, поэтому осы и разыграли военную постановку на его поверхности. Самое неприятное, как мы знали еще до атаки: трупы были разбросаны повсюду, поэтому гадать не имело смысла. Упавший корабль мог лежать за ближайшим холмом или в десяти километрах от нас в любую сторону.

Тут я почувствовала, как подо мной дрожит земля. В поисках источника вибрации я принялась вертеть головой и увидела иглу пара, ударившую в небо всего-то в одном километре от нас. Гейзер перегретого льда.

Я в панике уронила Ярроу и сама рухнула на нее. Костюм ограничивал движения, поэтому я не отскочила. Оглянувшись, я ожидала увидеть воронку в вечной мерзлоте там, где в нее врезался какой-то хмырь.

Вместо этого гейзер по-прежнему не унимался. Хуже того, он подбирался все ближе, вырезая во льду аккуратную борозду. Такой след оставляло лучевое оружие, поняла я, было у нас нечто подобное на корабле... А потом меня осенило. «Мышелов»! Демоны внедрились в его контролирующие системы и перепрограммировали их против нас. Теперь он работал на дезертира.

Я перекинула Ярроу через плечо и прыжками понеслась прочь от кипящей борозды. Мы должны были опередить ее, так как траекторию луча очень легко предска-

зать. Если просто отбежать в сторону, смертельная линия пройдет мимо...

Вот только треклятая штука последовала за нами.

Через секунду сбоку появилась еще одна, и вместе они погнали меня туда, где трупы ос лежали особенно густо. Может, это направление имело какое-то значение для дезертира? Не исключено, только я его не находила. В груде были перемешаны машины обеих сторон: роялистские осы, помеченные желтой ракушкой, и наши — с эмблемой оскаленной тигриной головы. Модели тридцать пятого поколения, если, конечно, я хорошо помню курс военной истории, когда обе стороны забавлялись с защищенными от пульсаций оптическими машинами, способными на самостоятельный мыслительный процесс. Дальнейшие семьдесят с лишним поколений породили немало технологических прыжков: нестандартно-квантовая логика, полноспектральные отражающие осиные доспехи, хамелеопокрытие, силовые установки на кварковом приводе и любая оружейная система, которую только мог изобрести человеческий разум. Мы пытались заставить ос придумывать новые механизмы самостоятельно, но они так и не смогли эволюционировать вне строго линейной экстраполяции, что было хорошо, иначе человеческие наблюдатели остались бы без работы.

Сейчас, правда, вся эта информация не имела ни малейшего значения.

Третий гейзер показался позади нас, а четвертый — прямо по курсу. Мы попали в окружение, и огненные точки начали медленно сближаться. Я остановилась, но Ярроу не бросила. Хрип моего дыхания перекрывал дрожащий бас ледяной глыбы.

А затем мне на плечо опустилась сталь.

Вендиго сказала, что в глубине астероида будет безопаснее. К тому же там находятся друзья, способные помочь Ярроу, — так я поняла...

— Если вы не дезертировали, — начала я, как только мы вошли в туннель, грубо проложенный под поверхностью осколка, — то какого черта это было?

— Мы пытались вернуться домой. Ну, по крайней мере, такая была идея, пока мы не поняли, что Тигровый Глаз не особо жаждет нас видеть. — Вендиго врезала по льду стальным кулаком. — Вот тогда мы и решили направиться сюда.

— Вам почти удалось, — сказала я, затем добавила: — А откуда вы возвращались?

— А разве не понятно?

— Ну, тогда вы действительно дезертировали.

— Мы пытались установить контакт с роялистами. Заключить мир. — Во все более сгущавшемся мраке я увидела, как она пожала плечами. — Операция разрабатывалась долго, в полной секретности. Когда все пошло насмарку, для Тигрового Глаза легче было заявить, что мы дезертировали.

— Полная ерунда.

— Если бы.

— Но ты отдала нам приказ.

— Не лично.

— Но твоя голограмма...

— Могла быть сделана кем угодно и говорить все, что вздумается моим врагам. Даже приказать казнить меня как предательницу.

Мы остановились, чтобы включить лампы на костюмах.

— Может, тебе лучше все мне рассказать.

— С удовольствием, — ответила Вендиго. — Но если до этого все было просто плохо, то, боюсь, скоро ситуация вообще пойдет под откос.

Если верить полковнику, группа наших высокопоставленных офицеров полагала, что в этой войне по сути выиграть невозможно. Благодаря информации, к которой у населения не было доступа, и возможности видеть истинную картину происходящего за тщательно отфильтрованной пропагандой Тигрового Глаза они поняли, что переговоры, контакт — это единственный выход из сложившегося положения.

— Естественно, с этим согласились не все. Некоторые из моих противников захотели убить нас еще прежде, чем мы добрались до врага. — Вендиго вздохнула. — Им слишком нравится военное положение — и как их можно в этом винить? Жизнь обыкновенного гражданина Тигрового Глаза не так уж плоха. У него есть четкая цель, за которую стоит воевать, да и вероятность, что он погибнет в роялистской атаке, ничтожно мала. Сама идея, что все это вдруг, после четырехсот лет, прекратится, что нам придется ис-

кать другие роли в жизни... в общем, эта мысль приглянулась далеко не всем.

— Вроде как пустить газы в вакуумном скафандре, так?

Вендиго кивнула:

— Общий настрой ты уловила.

— Продолжай.

Ее экспедиция — сама полковник и два пилота — спокойно прошла через Воронку. Приблизившись к кометной базе роялистов, они ожидали, что их, естественно, начнут проверять, может, даже с ходу пристрелят, но ничего не случилось. Войдя в крепость, они поняли почему.

— Там никого не оказалось, — рассказывала Вендиго. — Вернее, мы так думали, пока не нашли роялистов. — Она чуть ли не сплюнула следующее слово: — Дикари, практически. Голые, жадные недочеловеки. Осы кормят их, лечат — вот, собственно, и все. Роялисты, конечно, приучены к туалету, но до военных гениев, в которых нас заставили верить, им очень далеко.

— То есть?..

— Война... это совсем не то, что мы о ней думали. — Вендиго засмеялась, и ее шлем превратил звуки в гогот чертика из табакерки. — А теперь ты спрашиваешь, почему нас никто не ждет обратно?

Прежде чем полковник смогла продолжить, мы добрались до широкого раздваивающегося туннеля, озаренного зеленоватым светом. В отличие от извилистого прохода позади нас, этот своей прямотой больше походил на ствол винтовки. С одной стороны его загораживал цилиндр с носом, напоминающим пулю, сделанный по образу поездов на Тигровом Глазе. Транспорт подкатился к нам, дверь отъехала в сторону.

— Залезай, — скомандовала Вендиго. — Шлем можешь снять. Там, куда мы направляемся, тебе он не понадобится.

Внутри я откашлялась, выплюнув слизистые веревки гущи.

Переход между системами потребления кислорода всегда неприятен, я ведь фактически дышала жидкостью последние шесть недель. Но после нескольких хороших глотков антисептического воздуха темные пятна, мелькающие перед глазами, потихоньку стали исчезать.

Вендиго проделала ту же процедуру, только с большим достоинством.

Ярроу лежала на одном из сидений, застывшая, как статуя из мыла. Ее кожа походила на один сплошной синяк. Эпидермис пилота — материал прочный, хорошо защищает от вакуума, а вакуум сам по себе прекрасный изолятор: он в отличие от воздуха не пропускает тепло. Но когда я подняла напарницу, на ней остались отпечатки моих пальцев. На спине и левой стороне хвоста Ярроу осталась полоса ободранной кожи от соприкосновения с поверхностью осколка.

Голова, правда, выглядела получше. Когда пилот вывалилась из корабля, биомодифицированный наружный слой захлопнулся вокруг черепа, предотвратив снижение давления, потерю влаги или крови. Имплантированные железы в сонной артерии выпустили стаю дружественных демонов, которые быстро размножились за счет не столь важных тканей и свили защитный каркас над мозгом.

Это поможет Ярроу продержаться час или около того, но только если враждебные демоны не успели сильно навредить.

— Ты хотела рассказать мне об осах, — напомнила я, желая узнать историю Вендиго до конца и одновременно отогнать подальше мысли о Ярроу.

— Ну, тут все просто. Они стали умными.

— Осы?

Полковник щелкнула стальными пальцами протеза:

— За одну ночь. Где-то сто лет назад.

Я старалась не выдать удивления. Рассказ звучал очень интригующе, но до сих пор казался всего лишь крайне экстравагантной попыткой отвлечь меня от главной задачи, от устранения дезертиров. Версия Вендиго пока объясняла только несколько аномалий, с которыми мы столкнулись, но не перекрывала дюжину более правдоподобных объяснений. Пока же мне хотелось поймать Вендиго на лжи, а потому я спросила:

— Значит, они стали умными. Ты имеешь в виду наших ос или их?

— Это не имеет значения. Возможно, скачок произошел только с одной машиной в Воронке, а потом, как огонь, осознание перекинулось на остальной триллион ос. А мо-

жет, все случилось одновременно, в ответ на какой-то стимул, о котором мы вообще ничего не знаем.

— Хочешь рискнуть и предположить?

— Я не считаю особенно важной причину явления, Спайри. — В голосе полковника явственно звучало желание как можно дальше уйти от этой темы. — Смысл в том, что оно произошло. После чего различия между нами и нашим противником — по крайней мере, с точки зрения ос — полностью исчезли.

— Пролетарии Воронки объединились.

— Вроде того. Теперь ты понимаешь, почему они сохранили этот секрет при себе?

Я кивнула, больше для поддержания беседы.

— Мы им нужны. Кое-чего машинам не хватает. Им не хватает творчества, как это можно назвать. Они могут эволюционировать постепенно, но на технологические скачки, которые мы им скармливаем, не способны.

— А потому люди должны думать, что война продолжается?

Вендиго выглядела довольной:

— Именно. Мы снабжаем их новейшими технологиями, а они продолжают притворяться, что сражаются друг с другом. — Она почесала металлическим пальцем кожу вокруг глаза, на которой не было ни единой морщины. — Умные маленькие твари.

Мы куда-то приехали.

Это был самый большой зал, который я когда-либо видела. Чувствовалась очень мощная сила тяготения. Всю конструкцию, похоже, подвесили и раскручивали внутри осколка по типу симуляторов гравитационных перегрузок на Тигровом Глазе. Сводчатый потолок, расположенный в сотнях метрах «наверху», сейчас казался головокружительно высоким. Он был почти весь покрыт сложнейшими фресками — дюжинами живописных граней, каждая из которых представляла собой круговую голограмму. Они повествовали об истории Воронки, начиная с ее конденсации из межзвездного газа, появления звезды, основы формирования планет. Потом действие переключилось на прибытие первой осы стандартистов, запрограммированной нырнуть в Воронку и размножаться там ускоренными темпами, так как для разработки этого месторождения — извлечения ме-

таллов, силикатов и ценной органики — требовалось немало сил. Вот только план не сработал. Роялисты захотели все взять себе, поэтому послали свои машины атаковать наши. Остальное история. Фрески показали начало войны, а чуть позже — прибытие первых человеческих наблюдателей, сиявших в космосе чистейшим генетическим материалом. Они были обречены рождаться в искусственных чревах, погребенных в опустошенных сердцевинах комет, расти под присмотром ос, путем импринтинга получать лучшие тактические и стратегические знания. А потом люди принялись учить машины. После этого обстановка стала накаляться, так как с приходом наблюдателей исчезла временная задержка в развитии машин, созданная расстоянием между Землей и Фомальгаутом. Человечество стало вмешиваться в эволюцию ос непосредственно.

Иначе и не могло быть, ведь мы к тому времени и сами прошли порядочное усовершенствование, плюс-минус четыреста лет вышеописанной истории.

Но фрески разворачивали повествование дальше.

Они рассказывали о некоем будущем государстве Воронки, аккуратном и упорядоченном, словно часы. По правильным орбитам мерно двигались планеты различных размеров, некоторые из них имели красивые кольца или спутниковые системы. И наконец — точно средневековые представления об Эдеме — перед нами предстал триптих изумительных пейзажей со страшными животными на переднем плане, горами и парящими над горизонтом облаками.

— Убедилась? — спросила Вендиго.

— Нет, — ответила я, не уверенная, поверила ли сама себе. Запрокинув голову, я посмотрела туда, где фресок не было, в самый центр сводчатого потолка.

Оттуда что-то свисало.

Пара ос, сплетенных вместе. Одна из них была завершенной, другая только сформировалась: казалось, она застыла в процессе отрыва от своей соседки. Пару словно залили жидкой бронзой, а потом оставили сушиться в восковом капе.

— Ты знаешь, что это? — спросила Вендиго.

— Жду ответа.

— Искусство ос.

Я посмотрела на нее.

— Эту осу убили посредине репликации, — продолжила полковник. — Она рожала. Определенно, изображение имеет для них какой-то глубокий смысл. Как его выразить человеческими словами, я не знаю...

— Лучше об этом и не думать.

Я последовала за ней по мраморному терраццо, покрывавшему пол. Вокруг зала виднелись выгнутые портики, в каждом висела мертвая оса; положение их тел отражало сотни поколений эволюции. Если Вендиго права, то мы сейчас шли по машинной версии галереи писанных маслом портретов почитаемых предков. Но я еще не могла заставить себя до конца поверить в рассказ полковника.

— Ты знала про это место?

Она кивнула:

— Иначе бы мы уже погибли. Осы еще там, у роялистов, сказали нам спрятаться здесь, если база повернется против нас.

— И что... это место принадлежит им?

— Таких осколков сотни, хотя остальные находятся уже далеко за пределами Воронки, направляются к ореолу. С тех пор как осы получили разум, большинство ледяных камней, которые вылетели за пределы пыльных поясов, инфильтрованы. Проницательно с их стороны. Мы бы никогда не заподозрили, что эти глыбы нечто большее, чем просто космический мусор.

— Дизайн у них неплохой.

— Флорентийский, — подтвердила полковник. — Фрески выполнены в стиле художника Мазаччо, одного из учеников Брунеллески. Вспомни, осы имели доступ ко всей культурной информации, которую мы привезли с Земли, — к каждому байту. Я думаю, что они сконструировали все вокруг согласно произвольно выбранному шаблону.

— А в чем тогда смысл?

— Я здесь всего лишь на день дольше тебя, Спайри.

— Но ты же говорила, тут есть люди, которые могут помочь Ярроу.

— Все уже здесь, — ответила Вендиго, тряхнув головой. — Я просто надеюсь, что ты готова к встрече с ними.

По какому-то незаметному сигналу они появились, просочились в дверь, которую я поначалу приняла за один из

окружавших зал портиков. Сказались годы тренировок, и я непроизвольно отшатнулась. Хотя даже вражеские осы никогда намеренно не трогали людей, они тем не менее были мощными, опасными машинами. Двенадцать машин, часть из них некогда принадлежала стандартистам, часть — роялистам. Шестиноги; из их двухметровых сегментированных тел торчало оружие, сенсоры и специальные манипуляторы. Роботы были такими знакомыми, вот только двигались как-то неправильно. Словно в четко отрепетированном танце, их тела очерчивали границы некой фигуры, которую я скорее ощущала, чем видела.

— Они... это королева, — пояснила Вендиго. — Насколько я поняла, в каждом осколке есть своя королева.

Стая кружила вокруг нас, и тревожное чувство их единства не проходило.

— Она сама тебе все рассказала?

— Ее демоны. — Полковник постучала по виску. — Я получила дозу, когда корабль потерпел крушение. Ты приобщилась, когда мы выстрелили по вам. Стандартная спора из арсенала, только королева нагрузила ее своими демонами. Пока она именно так с нами разговаривает, с их помощью.

— Поверю тебе на слово.

Вендиго пожала плечами:

— Не нужно.

И неожиданно я все ощутила сама. Как будто я подсмотрела лихорадочный сон тополога — вот на что это было похоже, только впечатления оказались еще интереснее. Взрыв речи королевы длился, наверное, чуть больше десятой доли секунды, но образы от него врезались в память, и, прежде чем он закончился, у меня началась мигрень. Вендиго уже намекнула, но теперь я сама почувствовала наличие схемы, словно каждая мысль была всего лишь шагом к какой-то отдаленной цели — так же, как любое утверждение в математической теореме подразумевает конечное «что и следовало доказать».

Машины замышляли нечто действительно масштабное.

— Ты свободно с ними общаешься?

— При прохождении через гибридные части мозга, скорее всего, много информации теряется.

— А они тебя понимают?

— Мы ладим.

— Хорошо. Тогда спроси их о Ярроу.

Вендиго кивнула и закрыла глаза, войдя в интенсивный контакт с королевой. Последствия не заставили себя долго ждать: шесть ос оторвались от расширенной формы и бросились в поезд, откуда мы только что вышли. Спустя секунду они появились, неся Ярроу, которая покоилась на ложе из дюжин манипуляторов.

— Что происходит?

— Они сейчас устанавливают физический контакт с нейронными демонами. Таким образом можно картировать повреждение.

Одна из шести ос отступила и аккуратно расположила тупоносую «голову» в форме наковальни прямо над головой Ярроу с пятнами обморожения. Потом машина восемь раз кивнула так быстро, что ее очертания смазались в моих глазах. Посмотрев вниз, я увидела ряд бескровных ранок на голове напарницы. Буровика заменила следующая оса и повторила процедуру, выполнив тот же ритуал. В этот раз от точек проникновения в машину протянулись мерцающие нити, та словно высасывала спагетти из черепа пациентки.

Последовали долгие минуты молчания, я нетерпеливо ждала хоть какого-то подобия отчета.

— Дело плохо, — наконец произнесла Вендиго.

— Покажи.

Тут же последовал новый всплеск речи королевы. Я почувствовала себя внутри герметично запаянной головы Ярроу и ощутила холод, пробравшийся в кору головного мозга, несмотря на имплантаты пилотов. Я почти увидела две пересекающиеся петли ее собственных и чужих демонов, воссоздающих заново разрушенную матрицу ее сознания.

Еще мне вроде бы почудилось сомнение.

— Она уже ушла довольно далеко, Спайри.

— Скажи королеве, пусть сделает все, что сможет.

— О, естественно. Она увидела разум Ярроу и теперь сделает все, чтобы не потерять его. Разум слишком много для нее значит — особенно принимая во внимание то, что машины для него готовят. Но чудес не жди.

— А почему нет? Мне кажется, мы и так стоим посреди чуда.

— Значит, ты готова поверить тому, что я тебе рассказала? Хотя бы отчасти?

— Значимым частям... — начала я, но тут вся комната содрогнулась, и мы чуть не упали.

— Что это было?

Глаза полковника на секунду потускнели:

— Твой корабль. Он только что самоуничтожился.

— Что?

Картина останков «Мышелова» возникла в моем мозгу: меркнущая туманность невдалеке от осколка.

— Приказ на самоуничтожение поступил с Тигрового Глаза, — прокомментировала Вендиго. — Сигнал поступил в подсистемы приводов, на таком уровне демоны не могли его ликвидировать. Думаю, на базе надеялись, что вы приземлитесь к моменту детонации. Взрыв уничтожил бы нас всех.

— Ты говоришь, база захотела убить нас?

— Можно и так сказать. Самое время определить, на чьей стороне ты находишься.

На сей раз Тигровый Глаз промахнулся, но он на этом не остановится. Через три часа там узнают об ошибке, а еще через три часа или чуть больше нам станет известно об их очередном шаге. Причем что они предпримут, нам все равно. Так и так не сумеем выбраться.

— Королева же должна что-то сделать? В смысле, осы не стали бы строить это все для того, чтобы позволить Тигровому Глазу его стереть?

— На самом деле королева мало что может, — ответила Вендиго, посовещавшись с ней. — Если база решит использовать кинетики — а только ими она сможет достать нас с такого расстояния, — защиты против них у нас нет. К тому же осколков вроде нашего сотни — здесь и за пределами Воронки, в ореоле. Потеря одного не сыграет никакой роли.

Что-то во мне сломалось:

— А тебе обязательно изображать такое равнодушие? Мы тут вроде как говорим о том, что сыграем в ящик в ближайшие несколько часов, а тебя послушать, проблема выеденного яйца не стоит! — Я старалась сдержать истеричные нотки. — Откуда ты столько знаешь? Ты как-то слишком осведомлена для человека, который провел здесь всего день, а, Вендиго?

Она пристально поглядела на меня, слегка побледнев от такого подчеркнутого нарушения субординации, а потом кивнула, как будто даже не разозлившись:

— Да, ты вправе интересоваться, почему мне так много известно. Вы не могли не заметить, какая жесткая у нас вышла посадка. Моим пилотам досталось больше всех.

— Они умерли?

Доля сомнения.

— Одна точно — Соррел. Но второй, Квиллин, не оказалось на корабле, когда осы вытаскивали меня из него. Я тогда подумала, что они уже позаботились о ней.

— Что-то не похоже.

— Это точно, и... — Полковник замерла, потом тряхнула головой. — Мы разбились именно из-за Квиллин. Она хотела перехватить управление, не дать нам сесть. — Вендиго снова замолкла, как будто не зная, что́ можно мне говорить, а что нельзя.— Думаю, она была предательницей, ее протащили на борт те, кто хотел помешать нам. Пилота натаскали — изменили психологически, чтобы она с порога отвергала все попытки роялистов уладить дело мирно.

— А может, и родилась такой, с палкой в заднице?

— Это уже не важно. Она мертва, я уверена. — В голосе Вендиго послышалась чуть ли не радость.

— Но ты-то выжила.

— Не совсем, Спайри. Я — Шалтай-Болтай, который дважды свалился со стены. В этот раз осы просто не смогли найти все кусочки. Королева накачала меня демонами под завязку. Только они и поддерживают меня, но, думаю, долго не протянут. Когда я говорю с тобой, по крайней мере часть слов принадлежит королеве. Я даже не знаю, где можно четко провести линию между нами.

Я переварила информацию, после чего спросила:

— Что с кораблем? Ремонтные системы запустились прямо в момент удара. Когда он сможет взлететь?

— Завтра или через день-полтора.

— Чертовски долго.

— Стараюсь быть реалисткой. Если и есть способ свалить с осколка в течение шести часов, то точно не на корабле.

Я не хотела так просто сдаваться:

— А осы помочь не могут? Дать материалы? Ускорить процесс сборки?

Снова этот мутный взгляд:

— Сделано. Процесс пошел. Но даже помощь ос погоды не делает. На ремонт уйдет примерно двенадцать часов.

— Ну, тогда чего сидеть и рассуждать. — Я пожала плечами. — Может, мы до того времени продержимся.

Полковника я явно не убедила, потому продолжила:

— Расскажи мне все остальное. Все, что знаешь об этом месте. Хочу пройти курс для начинающих.

— Зачем?

— Вендиго, я вообще не понимаю, что мы все тут делаем. Зато прекрасно знаю, что через шесть часов перенесу фатальный приступ острой неспособности существования. И когда это случится, на душе у меня будет легче, если я пойму, ради чего умерла.

Полковник взглянула в сторону Ярроу, над которой все еще суетились отдельные элементы королевы.

— Я не думаю, что наше присутствие ей чем-то поможет. Поэтому сейчас кое-что тебе покажу. — На лице Вендиго появилась гримаса, которую, при наличии воображения, можно было назвать болезненной улыбкой. — В конце концов, мы можем позволить себе убить время.

Мы снова залезли в поезд, и на этот раз дорога завела нас еще глубже в осколок.

— Наша глыба, — рассказывала Вендиго, — и еще сотни за пределами Воронки, тысячи тех, что последуют за ними, — это ковчеги. Они несут жизнь в ореол, облако отработанного материала вокруг нашего поля боя.

— Колонизация, правильно?

— Не совсем. Осколки вернутся обратно. Только не на пустое место. К тому времени здесь возникнет полностью сформированная солнечная система, после чего и начнется колонизация новых миров вокруг Фомальгаута, засеянных с помощью жизнематриц, хранящихся тут, внутри.

Я подняла руку:

— Я все поняла... до жизнематриц.

— Терпение, Спайри.

У Вендиго оказалось никудышное чувство времени, так как стальные внутренности вагона неожиданно залил свет.

Туннель превратился в стеклянную трубу, прикрепленную к стене гигантской пещеры, окутанной изумрудным сиянием. Противоположная сторона была скрыта листвой. Та, по которой ехали мы, оказалась ступенчатой; странно изогнутые водопады соединяли многоуровневые пруды. Потоки воды отклонялись от вертикали под воздействием силы Кориолиса — лишнее доказательство того, что, как и первый зал, этот вращался независимо от осколка. Ярусные пруды были окружены травой, на которой сидели, лежали, двигались обнаженные люди. Тут присутствовали и осы — ухаживали за своими питомцами.

Как только мы подъехали ближе, я поневоле отшатнулась, как бывает, когда упрешься взглядом в существо с каким-нибудь невероятным уродством. Половина из человеческих обитателей осколка оказались мужчинами.

— Ввезенные роялисты, — прокомментировала Вендиго. — Помнишь, я сказала, они превратились в дикарей? Похоже, произошла какая-то авария, почти сразу, как осы обрели разум. Наверное, неподконтрольный демон или что-то вроде того. Там просто выкосило большую часть населения.

— Но среди них представители обоих полов.

— Привыкай, Спайри, по крайней мере с концептуальной точки зрения. Тигровый Глаз не всегда был исключительно женской колонией. Ты ведь знаешь, мы прошли долгий путь развития. Кстати говоря, изменения начались именно с пилотов. Женская физиология лучше подходит для космических полетов: мы меньше размерами, легче переносим повышенную гравитацию и стрессовую психодинамику, требуем не так много питательных веществ, как мужчины. Мы с самого начала были продуктами биоинженерии, поэтому переход к полностью женской культуре оказался сравнительно легким.

— Меня просто... не знаю... вырвет сейчас.— Я попыталась не смотреть на роялистов. — Это как если бы у меня снова выросли волосы по всему телу.

— Просто ты воспитывалась в других условиях.

— А у них всегда было два пола?

— Скорее всего, нет. Осы вывели их из оставшихся в живых после аварии, но что-то пошло не так. Дело не толь-

ко во вновь появившемся диморфизме. Дети не растут нормально. Какая-то часть их мозга постоянно развивается неправильно.

— То есть?

— Они идиоты. Естественно, осы стараются все исправить. Вот потому королева приложит все усилия для спасения Ярроу — и нас, конечно. Если она сможет изучить или хотя бы уловить наши мыслительные процессы — а с демонами это возможно, — то наверняка сумеет вернуть сознание роялистам. Ну вроде той флорентийской архитектуры, о которой я уже говорила. Это одна матрица, а Ярроу станет другой.

— Ты хочешь меня подбодрить?

— Посмотри на это с положительной стороны. Через какое-то время здесь вырастет целое поколение людей, которые будут думать согласно лекалам, заложенным Ярроу.

— Ужас какой! — И тут же я подумала, с чего вдруг так легко реагирую на шутки, когда впереди маячит смерть. — Слушай, я по-прежнему не понимаю, зачем они хотят принести жизнь в Воронку?

— Похоже, дело восходит к двум... императивам, можно их и так назвать. Первый достаточно прост. Когда осы только стали открывать Солнечную систему Земли, еще в середине XXI века, мы искали лучшую модель того, как следует функционировать большому количеству автоматов без постоянного человеческого присмотра. При создании основных программ разработчики использовали принципы сосуществования насекомых в колониях. Спустя шестьсот лет эти законы просочились наверх. Осы больше не желают просто организовываться согласно образцам своих живых прототипов. Теперь они хотят дать начало новой жизни, вырастить ее.

— Зависть к жизни?

— Или нечто очень сильно на нее похожее.

Я поразмыслила над словами полковника, потом спросила:

— Что насчет второго императива?

— Тут дело гораздо сложнее. Гораздо... — Полковник перевела на меня тяжелый взгляд, словно размышляя, посвящать ли меня в мысли, бродящие у нее в голове. — Спайри, что ты знаешь о Третьей Солнечной войне?

Осы прекратили возиться с Ярроу, пока мы путешествовали. Они положили ее на возвышение посреди мозаичного пола. Она покоилась на спине, руки сложены на груди, хвост и плавник асимметрично свешивались в одну сторону.

— Королева еще может ее спасти, Спайри, — попыталась утешить меня Вендиго, взяв мою руку в свою твердую ладонь. — В конце концов, это всего лишь тело Ярроу.

— Королева сумела прочесть ее разум?

Ответа я так и не дождалась. Зал затрясся — и гораздо сильнее, чем при взрыве «Мышелова». Стальной кулак полковника впился в мозаичный мрамор. Словно повернувшись во сне, Ярроу соскользнула с возвышения.

— База, — буркнула Вендиго, поднимаясь с пола.

— Невозможно. Еще двух часов не прошло с момента взрыва «Мышелова». Никакого ответа не должно быть еще часа четыре!

— Похоже, они решили атаковать, не дожидаясь результатов последней попытки. Кинетиками.

— У нас точно нет от них защиты?

— Только удача.

Пол затрясся снова, но Вендиго сумела удержаться на ногах. Рев после столкновения утихал, превращаясь в непрерывную, но не столь громкую жалобу измученного льда.

— Первая волна нас только задела. Может, кратер выжгло, но сомневаюсь, чтобы частица добралась до герметичных зон. В следующий раз придется хуже.

Это без сомнений. Кинетики были единственным оружием, способным поразить цель на таком расстоянии, причем их даже не требовалось очень много. Один кинетик — это просто крупинка металла, разогнанная почти до скорости света. Относительность награждает ее непропорциональным количеством кинетической энергии, достаточным для того, чтобы всего лишь несколько попаданий разорвали осколок на куски. Естественно, только одна из тысячи запущенных частиц достигнет цели, но и этого хватит. Ведь к нам летит по меньшей мере десять тысяч зарядов.

— Вендиго, а мы не можем добраться до твоего корабля?

— Да, — ответила она после минутного замешательства. — Но смысл? Его же еще не починили.

— Не важно. Поднимемся на аварийных. Если уберемся с осколка, то окажемся в безопасности.

— Не получится. В корпусе пробоина — пройдет час, прежде чем хотя бы часть корабля загерметизируют.

— А нам как раз час понадобится, чтобы до него добраться, так ведь? И чего мы ждем?

— Извини, Спайри, но...

Ее слова утонули в шуме: прибыл следующий кинетический заряд. Этот, похоже, ударил сильнее, столкновение отозвалось множественными стонами. Голографические фрески потемнели. Потом очень медленно пошел трещинами потолок, огромное ледяное жвало пробилось в зал. Искусственная гравитация исчезла; осталась только слабая сила осколка, еле заметно притягивающая нас к одной стене.

— Но что? — крикнула я в сторону Вендиго.

Секунду она глядела на меня тем отсутствующим взглядом, который говорил, что сейчас в ней больше от королевы, чем от человека, а потом кивнула, нехотя принимая мое предложение.

— Хорошо, Спайри. Поступим по-твоему. Шансов у нас маловато, но не сидеть же просто так, сложа руки.

— Аминь.

Вокруг стало мрачновато, так как раньше свет исходил в основном от непрестанно вращавшихся фресок, но тише не сделалось. Хотя странное бормотание движущегося зала исчезло, оставшиеся звуки радости не приносили: вокруг царили агонизирующие стоны крошащегося льда. При помощи ос мы добрались до поезда. Я взяла с собой труп Ярроу, но у двери Вендиго бросила:

— Оставь ее.

— Ни за что.

— Она мертва, Спайри. Все, что было значимо, королева спасла. Прими это. Ты принесла ее сюда — этого достаточно, как ты не понимаешь? Если возьмешь ее сейчас, это только уменьшит наши шансы, а такой расклад действительно расстроил бы Ярроу.

Какая-то чужая часть моей души позволила осам взять у меня тело. А потом мы забрались внутрь, задраили шлемы и вдохнули гущу.

Поезд набирал скорость, а я оглянулась, захотела посмотреть на королеву в последний раз. Вокруг должна была стоять тьма, но зал выглядел ярко освещенным. На секунду я подумала, что это опять ожили фрески, а потом нереальная интенсивность окружающей картины подсказала, что изображение проецируется прямо мне в мозг. Королева парила над заваленной обломками мозаикой, только сейчас казалась гораздо больше того создания из двенадцати ос, которое я видела прежде. Что это было?

Может, так она представляла сама себя?

Десять из двенадцати ос вновь сплелись воедино, образовав постоянно меняющуюся фигуру. Сейчас они казались живыми, а не искусственными: с прозрачными крыльями, черными хитиновыми туловищами, конечностями и сенсорами, покрытыми гладкой шерстью, с глазами — фасетчатыми хрустальными сферами, сверкавшими в ложном свете зала. Но и это было не все. Раньше я ощущала королеву только как сумму составляющих ее созданий. А теперь мне вовсе не приходилось воображать ее. Она парила в зале огромным призраком, многокрылым и загадочным.

А потом исчезла.

Следующую пару минут мы неутомимо рвались к поверхности, ожидая столкновения с очередным кинетиком. Когда тот ударил, мягкий ход поезда сумел нейтрализовать сотрясение. На какую-то секунду мне даже показалось, что у нас все получится, но затем машина стала постепенно сбрасывать скорость и в конце концов намертво застыла. Вендиго посоветовалась с королевой и сообщила, что линия заблокирована. Мы выгрузились в вакуум.

Впереди туннель упирался в стену перемолотого снега.

Спустя некоторое время мы нашли способ преодолеть препятствие. Полковник отбрасывала в сторону глыбы размером больше нас обеих.

Мы всего в полутора километрах от поверхности, — сказала она, когда мы перебрались на другую сторону завала, и указала вперед, где маячило слепое пятно абсолютной черноты, ярко выделявшееся на фоне молочного полумрака туннеля. — Потом еще километр поверху до места аварии. Пойми, мы не сможем вернуться домой, Спайри. Теперь уж точно.

— Но выбора у нас нет, так?

— Есть. Нам надо пробираться к ореолу. В любом случае осколок направлялся именно туда, мы просто прибудем к цели, опередив расписание. Там есть еще королевы, и, по меньшей мере, они захотят сохранить нам жизнь. Может, и люди есть. Такие же — кто открыл правду и этим отрезал себе путь обратно.

— Не говоря уж о роялистах.

— Это беспокоит тебя?

— Справлюсь, — пропыхтела я, пробираясь вперед.

Тушель оказался фактически горизонтальным, и в условиях пониженной гравитации путь до поверхности оказался не очень трудным. На нас воззрился Фомальгаут — налитый кровью глаз с белым зрачком, окруженный морщинами пыльных линий внутренней Воронки. Пейзаж портили трупы ос.

— Я не вижу корабля.

Вендиго указала в сторону какой-то точки цвета карамели на горизонте.

— Тут слишком большое искривление. Мы ничего не увидим, пока не окажемся буквально рядом с местом падения.

— Надеюсь, ты права.

— Поверь мне. — Полковник взглянула на одну из своих конечностей. — Я знаю это место, как свои пять пальцев.

— Приободряй меня и дальше.

Спустя триста или четыреста метров мы взобрались на гребень ледяной глыбы, похожей на раковину. Теперь корабль был виден. Когда мы с Ярроу засекли его с «Мышелова», выглядел он столь же ужасно.

— Я не вижу ос.

— Им слишком опасно оставаться на поверхности, — пояснила Вендиго.

— Шикарно. Надеюсь, остался чисто косметический ремонт, иначе...

Неожиданно разговаривать мне стало не с кем.

Вендиго исчезла. Спустя секунду я увидела ее тело, неопрятной кучей лежавшее у подножия холма. Ее кишки протянулись ржавым хвостом кометы до ближайшей ледяной глыбы.

В пятидесяти метрах от меня из убежища в хондритовом камне выбиралась Квиллин.

Когда полковник упомянула о ней, я тут же выбросила ее из головы. Как она, поменявшая ноги на хвост и плавник, подобно Ярроу, могла представлять какую-либо опасность вне «аквариума»? На суше она была бы такой же беспомощной, как и детеныш морского тюленя. Так, по крайней мере, мне представлялось.

Но я делала предположения, не принимая во внимание экипировку Квиллин.

Ее костюм — в отличие от любого костюма для сирены, который мне попадался до сих пор, — отращивал ноги! Механизированные, они вылезали из поясницы, напрочь игнорируя человеческую анатомию. Конечности были достаточно длинными, чтобы поднять хвост Квиллин высоко надо льдом. Я смерила ее взглядом снизу вверх, остановившись на арбалете в руках.

— Извините. — Глубокий голос пилота раздался эхом в моем черепе. — Регистрация на посадку завершена.

— А Вендиго сказала, что с тобой могут быть проблемы.

— Прозрей. Это был спектакль с того самого момента, как мы вошли в крепость роялистов. — Все еще держа меня на прицеле, она начала раскачиваться на льду. — Дикари — актеры, специально разыгрывающие дебилов. Ос запрограммировали скормить нам эту чушь.

— Это не трюк роялистов, Квиллин.

— Черт побери! Надо было и тебя пришить.

Земля затряслась еще сильнее, чем прежде. Нимб белого света облачком завис над горизонтом — свидетельство того, что очередной кинетик врезался в осколок с другой стороны. Квиллин споткнулась, но ее ноги подкорректировали движение, не дав ей упасть.

— Не знаю, следишь ли ты за происходящим, — сказала я, — но мы сейчас находимся явно не на стороне Тигрового Глаза.

— Ты, кажется, плохо подумала. Почему осы в Воронке поумнели быстрее, чем триллионы роботов в Солнечной системе? Все должно было случиться с точностью до наоборот.

— Да ну?

— Конечно, Спайри. У земных ос огромное преимущество. — Квиллин пожала плечами, но арбалет не сдвинулся ни на миллиметр. — Ну хорошо, война подстегнула эволюцию здесь. Но только разницы-то все равно никакой. Вся ваша теория яйца выеденного не стоит.

— Не совсем.

— Что?

— Вендиго кое-что мне рассказала. О так называемом втором императиве. Думаю, она не знала о нем, пока не попала под землю.

— Да ну? Удиви меня.

Вот в этот момент Квиллин действительно удивилась, хотя произошедшее застало врасплох и меня. Лед взорвался, и вокруг нее появилась масса быстро вращающегося металла. Трупы ос были частично расчленены, взорваны и оплавлены, но они все равно смогли придавить пилота ко льду. Какую-то секунду она билась, поднимая облака морозного инея, а потом вся масса замертво рухнула, и остались только я, лед и куча металла и крови.

Королева выжала последние остатки энергии из мертвых машин, приказав им атаковать врага.

Спасибо ей.

Но затея успехом не увенчалась. Квиллин, похоже, не хотела стрелять сейчас, но — тварь такая — все-таки успела пальнуть. Болт рассек меня с точностью одной из теорем королевы, где-то под грудиной. Ранение в живот. Кровь на льду оказалась моей собственной.

Я попыталась пошевелиться.

Спустя пару световых лет я увидела, как мое тело слегка дернулось. Ничего не болело, но и проприоцептивного отклика тоже не наблюдалось. Мозгу не доложили, что задание выполнено, пошевелиться удалось.

Квиллин тоже задвигалась.

Точнее, принялась извиваться, так как ноги ее костюма осы оторвали начисто. Кроме этого, никаких серьезных ранений у нее не было. Примерно в десяти метрах от меня она сокращалась, как червяк, пытаясь достать свой арбалет. Или то, что от него осталось.

Плюс одно очко хорошим девочкам.

К тому времени я уже двигалась чуть быстрее пилота с ее скоростью слизняка. Я не могла встать — все-таки у аст-

ронавтов есть пределы выносливости, — но ноги помогали мне отталкиваться, а хвост в этой ситуации остался бы совершенно бесполезным куском мяса.

— Сдавайся, Спайри. У тебя преимущество в расстоянии, и сейчас ты чуть быстрее меня, но корабль все равно очень далеко. — Квиллин перевела дух. — Думаешь, сможешь ползти в таком же темпе? А придется, тебе явно не захочется, чтобы я тебя поймала.

— Планируешь навалиться на меня и задушить своей тяжестью?

— Ну, есть и такой вариант. Но для начала убью тебя вот этим.

Она еще достаточно оставалась в моем поле зрения, поэтому я увидела, что Квиллин имела в виду.

Острый, похожий на лезвие предмет вырвался из ее запястья — штык, выступающий где-то на полметра над рукой. Он походил на какую-то непристойную игрушку, но я постаралась выкинуть его из головы и сосредоточиться на корабле — всего-то двести метров — или на том его куске, который выступал из-подо льда. Внешний шлюз был уже открыт, готовый захлопнуться, как только я просунусь внутрь.

— Ты мне так и не сказала, Спайри.

— Что?

— Ну, об этом... как ты это назвала? О втором императиве.

— Ах, об этом. — Я остановилась и перевела дыхание. — Прежде чем продолжить, знай, я говорю это тебе, только чтобы окончательно прикончить.

— Ну, попытайся, авось получится.

— Хорошо. Тогда начну с того, что ты права. Осы Земли действительно должны были стать разумными задолго до наших, ведь у них было гораздо больше времени для эволюции. Так и случилось.

Квиллин закашлялась, звук походил на перекатывание камешков в корзине.

— Прошу прощения?

— Они нас победили. Около полутора веков назад. По всей Солнечной системе буквально за несколько часов каждая оса обрела разум и рассказала об этом ближайшему человеку, которого смогла найти. Так дети тянутся к первому предмету, который видят.

Я остановилась, тяжело, со свистом дыша. Обломки корабля должны были уже стать ближе, но я как-то этого не заметила.

А вот Квиллин явно совершила немалый прогресс. Ее ужасающе острое лезвие — тоже.

— В общем, осы проснулись, — продолжила я, чертыхаясь про себя. Похоже, моя соперница услышит всю историю. — И это напугало некоторых людей. Причем настолько, что они принялись нападать на ос. Некоторые выстрелы задели не те цели, и за один день вся система превратилась в одно большое поле боя. Причем сражались не только люди против ос, но и люди против людей. — Мне осталось меньше пятидесяти метров, но впереди лежал очень скользкий лед. — Обстановка ухудшалась. Спустя десять дней началась Третья Солнечная война, информацию передавали только несколько поселений и кораблей. Но они долго не протянули.

— Полная чушь, — сплюнула Квиллин, но ее голос стал гораздо менее самоуверенным, чем несколько минут назад. — Да, война была, но она не переросла в полномасштабную солнечную резню.

— Нет, ее довели до конца. С тех пор каждый сигнал, который мы получали с Земли, был сгенерирован осами. До сих пор они не осмеливались все нам рассказать. Нам позволили узнать все только потому, что мы никогда не попадем обратно на Тигровый Глаз. Вендиго назвала это чувством вины. Они не могли позволить, чтобы все повторилось снова.

— А осы в Воронке?

— А это не очевидно? Какое-то время спустя они повторили тот же прыжок к сознанию. Возможно, им показали, как это сделать. Вся разница в том, что наши решили промолчать. Сложно их в этом винить, как думаешь?

Квиллин не ответила, мы обе сосредоточились на последнем отрезке льда.

— Думаю, у тебя и на это есть объяснение, — наконец произнесла она, шлепая хвостом. — Давай, сразу меня окончательно.

Я рассказала то, что знала:

— Они принесут жизнь в Воронку. Причем раньше, чем ты думаешь. Как только вся эта военная заваруха закончи-

лась, осы стали размножаться. Там их теперь триллионы, но через пару десятилетий будут секстиллионы. Их общий вес больше, чем вес приличной планеты. В каком-то смысле сама Воронка станет разумной. Она будет направлять собственную эволюцию.

Я избавила Квиллин от подробностей — как осы затормозят существующие процессы планетарного формирования, чтобы все начать сначала, на сей раз согласно плану. Предоставленная сама себе, Воронка создаст солнечную систему, состоящую в основном из маленьких каменистых планеток,— такая не сможет поддерживать жизнь на протяжении миллиардов лет. Вместо этого машины используют присущий системе хаос и подтолкнут его к образованию двух больших планет, столь же массивных, как Юпитер или Сатурн. Они смогут направить оставшийся мусор по аккуратным орбитам, не касающимся уже созданных миров. В будущем мире королев осколков не будет места массовым вымираниям.

...Но похоже, что Квиллин на все это было глубоко наплевать.

— А куда ты так торопишься, Спайри? — спросила она в перерыве между тяжкими стонами и ударами хвоста.— Корабль никуда не улетит.

Край открытого воздушного шлюза находился в метре надо льдом. Я просунула туда пальцы, потом сумела зацепиться за край гребнем потрепанного шлема. Чтобы просто втянуть себя в освещенный отсек корабля, я потратила всю оставшуюся энергию, сравнимую с той, которую уже израсходовала, доползая сюда. Тем не менее каким-то образом я сумела наполовину забраться в шлюз.

Вот тут-то Квиллин меня и настигла. Когда штык вонзился мне в лодыжку, боли как таковой я не почувствовала — только холод, который не могла себе даже представить, лежа там, на льду. Пилот подергала лезвие туда-сюда, холодный узел словно растопырил усики, расползаясь к ступне и колену. Я почувствовала, что Квиллин хочет вытащить оружие и нанести еще удар, но защита моего костюма намертво заклинила нож.

Опираясь на него, Квиллин подняла свою тушу над краем шлюза. Я пыталась пнуть ее, но раненая конечность больше мне не подчинялась.

— Ты — покойница, — прошептала Квиллин.

— Удивила.

Ее глаза широко раскрылись, а потом сосредоточились на мне, источая яд. Она жестко дернула штык.

— Скажи мне только одно: твоя история — полная чепуха или как?

— Я скажу. Но сначала оцени это. — Прежде чем она смогла отреагировать, я вытянула руку и шлепнула по встроенной панели, светящейся рядом с дверью шлюза. Та откинулась в сторону, обнажив красную кнопку в форме гриба. — Знаешь историю о Вендиго, как та потеряла свои руки?

— Ой, ты же не купилась на весь этот героический треп, а, Спайри?

— Да ну? Мы сейчас проверим его на деле. Моя рука лежит на кнопке экстренной герметизации. Когда я нажму ее, внешняя дверь закроется быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Квиллин поглядела на мою руку, затем — на свое запястье, к которому все еще был прикреплен штык, вонзившийся мне в лодыжку. Ситуация стала медленно доходить до нее.

— Спайри, закроешь дверь — попрощаешься с ногой.

— А ты руку потеряешь.

— Пат получается.

— Не совсем. Напряги извилины, кто из нас скорее выживет: я со всеми медицинскими системами на борту или ты в полном одиночестве снаружи? Мне кажется, это не особо честная игра, верно?

Ее глаза раскрылись еще шире. Квиллин заорала от гнева и принялась отчаянно сражаться со штыком.

Я выдавила из себя смешок:

— А что касается твоего вопроса — это правда, каждое слово. — После чего я со всем спокойствием, на которое была способна, нажала кнопку. — Какая жалость, да?

Естественно, я сделала это.

Несколько минут спустя после закрытия шлюза демоны соорудили защитный кокон вокруг культи и раны в животе. Они не позволили мне страдать, оставили только удушливое чувство отрешенности. Достаточная часть моего разума осталась в сознании и решала проблему побега. Корабль же так до конца и не починили.

В конце концов я вспомнила о спасательных шлюпках. Их создали, чтобы по-быстрому уйти, если какие-нибудь двигательные системы на борту выйдут из строя. Для этого в челноках имелись стартовые двигатели, ничего лишнего, но сейчас они послужат другой цели. Выкинут меня с осколка, вытолкнут из этого гравитационного колодца.

Сказано — сделано.

Я устроилась в шлюпке и покинула место аварии, чувствуя перегрузки даже внутри гущи. Долго они не продлились. На дисплее я видела, как ледышка стремительно улетала вдаль, пока не превратилась в крохотный камешек. Ее как раз настигла главная волна кинетической атаки, удары следовали каждые десять секунд или около того. Где-то через минуту осколок просто развалился. От него остался лишь грязный пылевой сгусток, а потом и тот растворился на фоне Воронки.

Надеюсь, у королевы получилось. Может, в ее силах было передать часть своей личности сестрам в ореоле. Если так, для Ярроу еще оставался шанс и в конце концов я ее найду. Я использовала оставшееся топливо шлюпки и запустила ее на медленную эллиптическую орбиту, которая заденет ореол через пятьдесят или шестьдесят лет.

Время меня не беспокоило. Я лишь хотела закрыть глаза и позволить гуще убаюкать меня, вылечить, снова сделать целой. А потом можно и заснуть. Надолго.

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

Медвежий капкан

Чарльз Стросс (р. 1964) живет в Эдинбурге, Шотландия. Информацию об авторе можно найти на www.antipope.org/charlie. Стопроцентный писатель-фантаст в традиции Брюса Стерлинга, Стросс буквально брызжет идеями и энергией. Он из одного социального круга с Иэном Бэнксом и Кеном Маклеодом; эту троицу иногда (и не совсем безосновательно) называют представителями шотландского НФ-ренессанса. С 2000 года Стросс активно печатается в «Spectrum SF» и «Interzone», а в последнее время и в «Asimov's» (хотя первый свой рассказ он опубликовал в 1987 году и затем продолжал их выпускать по одному в год). В 2001 году он произвел среди фантастов фурор рассказом «Омары» («Lobsters»), положившим начало циклу «Акселеранда» («Acceleranda»), позднее объединенному в роман. Теперь рассказы этого цикла обзавелись собственным сайтом и доменным именем: www.accelerando.org. Кое-что из ранних произведений Стросса вошло в сборник «Тост» («Toast», 2002). За последнее время автор написал несколько рассказов (не относящихся, впрочем, к жанру космической оперы) в сотрудничестве с Кори Доктороу. Однажды Стросс заявил в онлайн-дискуссии: «Не знаю, подходит ли то, что я пишу, под определение „новая странная фантастика", „новая космическая опера" или „новое что-то уж там такое". (Пожалуй, я бы скромно согласился на звание Новый Чарли, Блистательней и Искрометней, чем Прежний Чарли)».

Его первый НФ-роман, «Небо сингулярности» («Singularity Sky»), был напечатан в 2003 году (на своем сайте Стросс характеризует его как «постсингулярную космическую оперу»), а три последующих — «Архив жестокости» («Atrocity Archive»), «Железный рассвет» («Iron Sunrise»), продолжение «Неба сингулярности», и «Семейный бизнес» («The Family Trade»), первая книга сайнс-фэнтези-цикла — уже в 2004 году. В 2005-м писатель публикует еще два романа — «Тайная семья» («The Hidden Family»), второй из сайнс-фэнтези-цикла, и «Акселерандо». Рассказы, составившие последнюю книгу, были под завязку набиты информацией, домыслами и гипотезами, вполне добропорядочной наукой, мгновенной сменой точек зрения и головокружительно быстрыми поворотами сюжета. Действие этих произведений отнесено к недалекому будущему, переживающему непрерывную биотехнологи-

ческую революцию, последовавшую за революциями компьютерной и техноэкономической.

Вот что говорит об этом сам Чарльз Стросс:

«Как утверждает Винсент Омниаверитас[1]*, этот цикл представляет собой некую попытку взять жидковатое пиво киберпанка и перегнать его, получив на выходе нечто такое, от чего мы можем забалдеть и в эти дни. Киберпанк начался еще до того, как мы осознали, на что будут похожи восьмидесятые годы. Теперь, после дот-комов, можно оглянуться на два прошедших десятилетия, и они выглядят до ужаса старомодными. Мы реально прожили всю эту хрень с черной кожей, костюмами от Армани, предательством и враждебными поглощениями в корпоративном бизнесе, Интернет-торчками, врубленными в свои компьютеры по тридцать часов в сутки, а также страхом, ненавистью и титаническими битвами безликих многонациональных компаний. Ну а теперь-то, когда все это уже история, когда мы уже можем воспринимать Интернет как нечто естественное, не будет ли нам угодно вернуться к основной программе?»*

На просьбу порекомендовать для данной антологии что-нибудь из своей малой прозы Стросс ответил: «За возможным исключением рассказа „Медвежий капкан", который еле-еле протискивается в рамки этого жанра, я вообще не пишу космических опер малой формы. Ну да, конечно, есть и другие исключения: некоторые куски „Акселерандо" звучат вроде как по-космооперному... Но они же все-таки части романа и потому, наверное, вам не годятся». Поэтому решено было в этом сборнике представить рассказ «Медвежий капкан».

До посадки в Бургундии оставались какие-то шесть часов, когда мой паевой портфель попытался меня убить. Я сидел в одном из главных обзорных салонов, с ногами, по щиколотку погруженными в мягко дышащий мех, посасывая ручной кальян и вполглаза следя за турниром. Моими соседями по салону были чрезмерно услужливый бар, несколько других пассажиров и, конечно же, смотровая стена. Она изгибалась рядом со мной, припорошенная золотом звезд, на их фоне массивно пучился сине-белый шар, планета. Я попытался всмотреться в далекие материки. «Шесть часов до безопасности», — подума-

[1] *Vincent Omniaveritas* — псевдоним Брюса Стерлинга.

лось мне. По позвоночнику пробежал холодок. Еще шесть часов, и я буду вне досягаемости, под защитой мощного файрвола Бургундии. Побыть мишенью еще шесть часов, и тогда...

— Мне кажется, что трубка уважаемого сэра потухла, — сказал бесшумно подъехавший бар. — Не желает ли сэр, чтобы я ее набил?

— Нет, сэр не желает, — ответил я, смутно приняв во внимание, что пульс тут же начал отбивать по внутренней поверхности моего черепа барабанную дробь.

Мой рот был наполнен горечью с привкусом дыма, в голове стояла непривычная тишина. Результат принятых пилюль и временно́й задержки между моими агентами, удаленными на световые годы, втиснутыми, как в горлышко бутылки, в узкую пропускную полосу причинно-следственных каналов между мозгом и серверами, в которых обитала бо́льшая часть моей публичной личности.

— По правде говоря, — сказал я, — мне не помешал бы глоток отрезвителя. Через сколько времени мы прибываем и куда?

Бар тут же вручил мне маленькую рюмку и слегка поклонился, демонстрируя тем почтительность, заложенную создателями в его программу.

— В настоящий момент это судно находится в четырехстах тысячах километров от причала номер семь на бургундском бобовом стебле[1]. Ваше прибытие намечено через иммиграционный сектор Монтро, затем на метро до вокзала Кастилия. Примите, пожалуйста, во внимание полученный вами инструктаж по таможенным правилам и не забудьте освободиться от всех неположенных предметов или мыслей, могущих находиться в вашем распоряжении перед выходом из корабля. Старший стюард с радостью организует их хранение вплоть до момента вашего отбытия, како-

[1] *Бобовый стебель* — аллюзия на известный сказочный сюжет о бобовом (гороховом) стебле, по которому герой залезает на небо. Такой «бобовый стебель» – канат, протянутый с экватора планеты до синхронной орбиты и несколько дальше, теоретически возможен, если иметь материал прочностью в миллионы раз большей, чем прочность любых современных материалов, но уж с этим-то в будущем, где у них будет всякое углеродное волокно, никаких проблем не возникнет. А поднимаются-опускаются по «бобовому стеблю» в «стручке», это уж само собой.

вое неизбежно последует в будущем. Поступило и зарегистрировано три запроса на личный контакт...

— Достаточно.

Отрезвитель встряхнул меня, и все стало значительно яснее. Я огляделся по сторонам. Нам оставалось до места какие-то три с половиной световые секунды, вся исходящая и входящая информация уже направлялась через внутрисистемные передатчики и безусловные рефлексы цензуры ее величества, а потому любой желающий послать сетевых агентов должен будет преодолеть для начала ее файрвол. Именно поэтому в первую очередь я и согласился заключить этот малопривлекательный контракт. Я пытался расслабиться, но без особого успеха, тугой комок, свившийся где-то под ребрами, не желал никуда уходить.

— Я хочу... — начал я.

— Ален!

Из дальнего конца салона ко мне направлялась одна из пассажирок. Было похоже, что она меня знает, но я-то ее не знал и в своем теперешнем состоянии только и мог, что не позволить себе выругаться вслух. Кредитор? Ликвидатор? После недавнего падения биржи я мог ожидать и того и другого. В сотый раз я клял свою невезучесть, это ж надо было — остаться без покрытия, и в самый неподходящий момент.

— Так вот где ты прячешься!

Лысая, по обычной бургундской моде, она оживила свои веки сочными мазками черной краски. Ее костюм был весьма замысловат и ярко расцвечен. Некое месиво из мертвоживотных изделий и кружев, оставлявшее оголенными только плечи и лодыжки; она была явно одета для бала. Мало-помалу мной овладевало смущение.

— Сдаюсь, мадам, — промямлил я, неуверенно вставая. — Не знаю даже, что вам и сказать.

— Не знаешь? — В ее взгляде сквозило неодобрение. — А знаешь ли ты, что через шесть часов мы покидаем корабль — после, конечно же, прощального бала? Или ты думаешь проспать капитанский бал?

Мое знание было доступно, хоть и весьма медлительно. *Кто это такая,* спросил я. Ответ был настолько неожидан, что я чуть снова от удивления не сел. *Арианна Бломенфельд. Твоя жена.* В тщетной попытке избавиться от наваждения я встряхнул головой.

— Прости, но я немного не в своей тарелке, — сказал я, роняя кальян на стойку. — Прекрасное, кстати, курево.

Моя глуповатая ухмылка должна была скрыть бешеную работу мгновенно протрезвевшего мозга. *Знание, проведи, пожалуйста, проверку личности на цельность.*

Уголки ее рта недовольно приспустились.

— Ты опять перебрал? — вопросила она.

Нет, я просто нагаллюцинировал твое существование, хрен уж знает зачем.

— Конечно же, нет, — обиделся я со всей доступной мне естественностью. — Я лишь побаловал себя трубочкой. В этом же нет ничего дурного, или ты не согласна?

Деталей, побольше деталей. Кто-то или что-то докопалось своими ручонками до моей внешней памяти; мне срочно требовалось определить, что они там нахимичили.

— Бал начнется с минуты на минуту, внизу, в Закатном зале, — сказала она, подавая мне руку, затянутую кружевной перчаткой без кончиков пальцев. — И тебе, конечно же, нужно сперва одеться.

Знание хоть и со скрипом, но расшевелилось, завалив мою мнемоническую систему целой вьюгой нежданных образов — воспоминаний обо мне и об этой женщине, этой Арианне Бломенфельд. Воспоминаний о том, чего не было в моей жизни. Свадебный ужин в каком-то роскошном Авернском поместье, невеста и жених в ярко-красных костюмах: я узнал самого себя, мирно улыбавшегося в центре событий. Сцены более приватные, ночи медового месяца, которых не было, а жаль. Безупречное порождение богатого купеческо-шпионского клана, она была, по всей видимости, наследницей их фамильного знания, еще до рождения предназначенной для заключения крепкого союза. Изображения не приватные: мы на скоростной паук-яхте, бороздящей бескрайние просторы южного океана напрочь чуждой мне планеты. Затем куски общедоступных новостей: я (вместе с ней, конечно же) присутствую в столице на каком-то мероприятии, где было полным-полно самодовольных экспортных брокеров. Торговля опциями с привлечением кредитов по преимущественным правам на СС/ДС[1] коммуникации, часть моих повседневных арбитражных операций.

---

[1] *СС* — сверхсветовой, *ДС* — досветовой.

Рука Арианны казалась сквозь перчатку хрупкой и почти невесомой. Какая жалость, подумалось мне, что я не то что не бывал на Аверни, но даже никогда к ней не приближался на расстояние меньше двух десятков световых лет.

— Так ты идешь, дорогой? — спросила она.

— Ну конечно.

Я позволил ей направить меня к двери, все еще оглушенный настойчивостью памяти, утверждавшей, что она моя жена, — это просто не лезло ни в какие ворота! Либо я по нелепой случайности стер здоровенный кусок своей личности, либо кто-то сумел-таки добраться до моего внешнего знания, пока сам я пребывал под защитой сверхнадежного файрвола, рубежа, возведенного почти-божеством, о чьей мании преследования знает каждый.

— А сперва, — сказал я, — я схожу переодеться.

Арианна подвела меня к лестнице, и я поспешил на жилой уровень, где располагался мой номер. Открыв дверь, я снова впал в полную растерянность. Когда я уходил из номера, он был почти точной копией моих апартаментов в Старом городе Шевралье: строгий до аскетичности классицизм и горы безделушек, в беспорядке наваленных на изящную, с ручной резьбой мебель. Теперь же все изменилось. У стен громоздилась тяжелая мрачная мебель, делавшая номер тесным и неуютным, в том числе — персональная корнукопия[1], заводики, готовые по первой моей просьбе и одеть меня, и накормить.

Чувствуя, что голова идет кругом, я прислонился к стене. *Кто я такой?*

Ты Ален Бломенфельд, информационный брокер при аверн-ской фирме «Синдик д'Аржан». За реальное время, истекшее после последней проверки тобою знания, никто из твоих знакомых не умер. Никто из твоих знакомых не изменил точку зрения. Непрерывность твоего сознания полностью подтверждается. В данный момент ты...

— Ошибка. Срочно перепроверь, — скомандовал я вслух.

А затем, внутри собственной головы, добавил другую команду, команду сугубо личную, которая никогда не уйдет за пределы нейропроцессоров, вживленных в кору моего мозга.

---

[1] *Корнукопия* — рог изобилия.

В глазах у меня замелькали иероглифы самопроверки, я ощутил зябкий приступ гнева, когда тайный соглядатай стал сканировать мою память, сверять ее с внешней, составлявшей мой публичный образ и хранившейся в системах знания, разбросанных по всему обжитому пространству. Вся моя публичная память была проверена с использованием публичных ключей, приватные половинки которых были зашиты в мой таламус так прочно и так надежно, что любая попытка украсть их была бы равносильна убийству.

Обнаружена глобальная нестыковка. Внешние темпоральные структуры не согласуются с внутренней контрольной суммой. Внутренняя память не выказывает признаков когнитивной инженерии. Твоя внешняя память подверглась вмешательству извне. Тревога!

— Угу. *Спасибо, что вовремя меня предупредил.* Гардероб?

Я сел на краешек кровати и попытался думать о двух вещах сразу и очень быстро. Гардероб тут же вывел меня из раздумий.

— Чем могу быть полезен, сэр?

— Мне нужен полный костюм, подходящий для капитанского бала. Что ты можешь мне предложить?

Зеркало помутнело, а затем прояснилось и стало показывать меня в разнообразных костюмах, как в бургундских, так и принятых в Авернской автономии. Я отметил, что мое тело не претерпело вроде бы никаких изменений, что успокаивало, хотя и не слишком. Тем временем в моей голове лихорадочно клубились мысли: *я нахожусь под ударом? А если да, то какое нападение мне угрожает — физическое или экзистенциальное?* Скорее, экзистенциальное, и Арианна, кем бы она ни была, являлась элементом какой-то попытки тайно проникнуть в мою личность — но только зачем, почему? Кто может иметь хоть какие-то мотивы для подобного заговора? Вполне возможно, что за мной охотятся нанятые биржей убийцы, готовые без раздумий прикончить меня и доставить своим заказчикам всю мою память и биржевые опции, компактно переписанные в куб, но они вряд ли способны на всякие тонкости. Так кто же тогда?

— Остановимся, пожалуй, на этом, — сказал я, когда мой зеркальный образ облачился в темную, строгого покроя мантию.

Затем я задумался на мгновение, вызывая из своих внутренних цепей программу скрытного производства: *изготовь мне эту вещь и положи ее во внутренний карман.* Сбросив гардеробу конструкцию, я начал раздеваться.

Знать бы мне только, кто они такие и чего от меня хотят.

Знать бы мне только, чего мне надо опасаться...

Главный салон являл собою мраморное великолепие, словно желая лишний раз подчеркнуть, что у современного космического путешественника нет никаких проблем, связанных с массой. Корабль показал мне мое место; среди болтающих при свечах гостей обозначился пунктир мигающих светлячков.

— Ален! Ну как приятно видеть тебя снова!

Я не мог разобраться, сарказм это или нет. Ее побледневшие от напряжения губы изогнулись в приветливой улыбке.

— Я непростительно задержался, — констатировал я, садясь с ней рядом.

— Ничего страшного. Я как раз говорила Айвене — познакомься, пожалуйста, — что никогда не знаю, чего от тебя ожидать.

На этот раз сарказм был очевиден, и проскользнувшая нотка враждебности заставила меня рефлекторно выпрямиться. Айвена, нечто блондинистое с очень светлым цветом лица, одобрительно кивнула, я ее гордо проигнорировал.

— Да я и сам не знаю, — поддержал я, беря со стола свой винный бокал. Неусыпный служитель тут же опустил к бокалу рот и изверг из себя тонкую красную струйку. Я поднес бокал к носу, поболтал в нем вино и глубоко вдохнул. — Ты уже как-нибудь договорилась о нашем прибытии?

— Я ждала тебя, чтобы все это обсудить, — сдержанно признала она.

И тут я неожиданно заметил, что все, без остатка, ее внимание сосредоточено на мне. Это было немного пугающим. В культуре дешевой общедоступной красоты валюта эстетического совершенства сильно упала в цене. Ариана Бломенфельд была не столько хорошенькой, сколько

броской, а по тому, как во всем ощущалась ее необузданная натура, можно было догадываться, что она прибегает к услугам лишь самых утонченных ваятелей тела. Не будь ситуация такой тоскливо запутанной, я бы, наверно, ходил вокруг нее кругами, капая слюной и свесив язык до полу.

— Только это, пожалуй, стоит перенести на потом, когда мы будем одни, — сказала она.

— Возможно.

Я отпил из бокала, пытаясь сообразить, на что это она намекает. Подали главное блюдо: нежную, тонко нарезанную плоть под белым соусом. Мы ели во враждебной тишине, нарушаемой лишь пустопорожней болтовней блондинки с ее партнером, таким же безликим ничтожеством неопределенного возраста и с весьма сомнительным вкусом. Я, как мог, изучал Арианну, делая вид, что в упор ее не замечаю. А изучать было, в общем, и нечего, она не выявляла никаких эмоций, разве что время от времени, когда вскользь на меня поглядывала.

Я ел, не обращая внимания на еду, полностью отключившись от речи капитана, а также от последовавших за ней тостов и благодарностей за гостеприимство. Время от времени то тот, то другой малый агент выкладывал на задворки моего мозга обрывок того или иного мнения. Чуть менее часто официтроны меняли тарелки и окружали нас удушливой заботой. Я обреченно боролся с миской сладких спагетти, когда Арианна решила наконец со мной поговорить.

— Рано или поздно тебе придется принять решение относительно своего будущего, – заявила она без обиняков. – Ты не можешь увиливать от меня бесконечно. Я хочу, Ален, чтобы ты дал мне прямой ответ. Медведь или бык?[1] Тот или другой?

— О чем это ты? — Моя вилка застыла на пути ко рту. — Знаешь, дорогая, я не люблю играть в загадки, — сказал я, пожав плечами.

Но Арианна спрашивала неспроста — судя по тому, что она напряженно улыбнулась и сказала:

---

[1] *Медведь* – биржевой игрок, играющий на понижение, *бык* – игрок, играющий на повышение.

— Ален, тебе не нужно больше прятаться. Все уже позади. Мы ускользнули, бежали. Теперь уже можно не притворяться.

— Мне... — Я замолк и положил вилку. — Мне абсолютно непонятно, о чем это ты говоришь. — Мое деланое недоумение было вознаграждено замешательством, появившимся на лице Арианны. — Я не очень хорошо себя чувствую, — добавил я для галерки.

— О-о, поясни нам, пожалуйста, — сказал компаньон блондинки, явно не отличавшийся быстротой ума.

— А и нечего тут объяснять, — бросила Арианна, не отрывая от меня холодного, понимающего взгляда.

Я слышал, как колотится пульс у меня в висках. А не может ли статься, что ей тоже подсунули ложную память о себе? Что она тоже жертва... Жертва чего? Жертва того, что здесь происходит. Я глядел на лицо Арианны, отмечая движение крови по ее венам: слегка раскраснелась, признаки возбуждения и быстрой, отчаянной работы мысли. Неуютно поежившись, я был вынужден признать, что она озадачена не меньше меня.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — туповато повторил я и приказал своему таламусу наглядно изобразить все признаки недомогания. — Так что вы уж меня извините.

Я встал и, собрав остатки достоинства, вышел из зала. За моей спиной возбужденно защебетали блондинка и ее компаньон, но никто за мной не последовал, не бросился мне помогать.

На этот раз в моем номере ничего не изменилось, все было то же самое и на прежних местах. Я сунул руку в карман, нащупал устройство, заказанное мной гардеробу, и вошел в спальню.

— Стой и не двигайся.

Я замер. Было непонятно, каким образом Арианна попала сюда раньше меня, и уж совсем непонятно, почему мой замок не стал для нее помехой, но я бы не стал заключать пари, что она безоружна.

— Что ты здесь делаешь? — вопросил я, подпустив в свой голос нотки негодования.

— Сегодня вопросы задаю я.

Стоя у стены между трюмо и гардеробом, она изучала меня, как жука на булавке; темная ткань ее платья меняла цвет, стараясь получше слиться с морепым дубом панельной обшивки. *Субъект подавляет эмиссию на всех служебных каналах. Установить контекст не представляется возможным,* доложил мне редко используемый дух. В ее правой руке было нечто округлое, направленное прямо на меня.

— Кто ты такой и зачем ты фальсифицировал мое публичное самознание? — спросила она.

Я недоуменно сморгнул:

— Я — твое? Да это ты взломала и подделала мое знание.

Я пытался унять барабанную дробь своего пульса. (Куда бежать? Дверь за спиной открыта, но вся простреливается. Ее пальцы плотно сомкнуты на рукоятке оружия, их кончики побелели от напряжения. Стресс, чуть-чуть, и сорвется.)

— И вообще, — добавил я, — кончай притворяться. Я сомневаюсь, чтобы за нами наблюдали, да это и не имеет значения, твоя взяла.

Надеясь, что она не будет стрелять, если не увидит, что зажато у меня в руке, я хотел сперва разузнать как можно больше. А к тому же мне не нравится вид крови.

— Не ври. Скажи мне лучше, на кого ты работаешь?!

Голос Арианны звучал все возбужденнее, она вскинула шар и через кровать и комнату, нас разделявшие, направила его мне в лицо. Глубинное теплозрение прямо показывало мне ее пульс, а другой дух неустанно считал: *сто тридцать семь, сто тридцать девять...* Признаки серьезного стресса. А вдруг она говорит правду?

— Я не менял твое знание! Я думал, это ты нахимичила с моим...

Арианна на мгновение утратила контроль над своим лицом, и стало видно, что она потрясена.

— Если ты говоришь правду... — начала она и не закончила фразу.

— А не хочет ли кто-нибудь тебя убить? Не хочет ли кто-нибудь убить нас обоих? — спросил я, глядя прямо на нее.

— Подожди.

Сенсорное нарушение в главном канале доступа, пропищал мне в ухо какой-то агент, одуревший от мании преследования. *Развивается атака отказом в обслуживании.* Видимо, Арианна тоже слушала в это время нечто подобное, потому что она вдруг резко развернулась и ударила в стену кулаком; стена разлетелась со звуком бьющегося стекла. Арианна шагнула в сторону, указывая на меня пальцем, — большое темное кольцо делало его похожим на кургузый ствол пистолета.

— Сюда, наружу, — крикнула она. — Шевелись!

Я не заставил себя упрашивать. Одним прыжком через кровать, к дырке в стене, на лету взглянув, куда ж это я, — а затем прямо в дырку. Меня вскользь ударило что-то твердое и тяжелое. Было темно, и мои глаза не сразу смогли адаптироваться. Я находился в некоем служебном проходе — низкий потолок, по нему и по стенам сплошь уложены толстые трубы. Я мельком огляделся. Со всех сторон громоздились какие-то устройства. Пожалуй, это был некий служебный отсек внутреннего корпуса.

— Быстренько. Шевелись, — пробормотала сзади Арианна, отгоняя меня от пробитой стены. — Быстрее! — прошипела она.

— Зачем?

— Да шевелись же ты!

Я опустился на четвереньки и кое-как заковылял в темноту. Услышав за спиной шорох, я рискнул оглянуться.

— Быстрее, придурок! — Арианна тоже шла на четвереньках, низкий потолок не давал выпрямиться. — Ну, если ты врешь, я...

Трах.

Я сморгнул, не совсем понимая, где я и как сюда попал. *Это был очень громкий звук*, смутно проплыло в моей голове. Что-то подергало меня за ногу, и я открыл глаза; в ушах звенело, а в левом глазу то вспыхивал, то исчезал огонек. Я снова сморгнул и попытался сфокусировать взгляд, кто-то настойчиво пытался привлечь мое внимание. *В чем дело?*

Срочное сообщение от Арианны Бломенфельд: «Это предназначалось нам». К сообщению было прикреплено приложение, простенький медицинский сканер, сообщивший ей, что я уже в сознании, прежде чем я успел ему помешать. Я приподнял голову, проморгался, вдруг осознал, что совсем лишился дыхания, и начал натужно кашлять. Кто-то

зажал мне рот ладонью, и, вместо того чтобы кашлять, я стал задыхаться. *Сообщение: Не говори. Установлена безопасная двусторонняя связь.* Я ее чувствовал, что-то свербело, как отрезанная нога — чужая отрезанная нога.

— Что случилось?

— Атака отказом в обслуживании и вдобавок к ней бомба.

Слезы текли по моим щекам непрерывным потоком. Она освободила мой рот, и я заметил в пыльном полумраке, что ее изящные кружевные перчатки превратились в нечто более серьезное, да и платье тоже спешно перестраивалось во что-то вроде плотно облегающего комбинезона — космический скафандр? Броня?

— Это должно было грохнуть нас обоих, пока мы с тобой разговаривали, — продолжала она. — Последняя, наверное, их попытка, после посадки все станет немного иначе. И в общем-то, низкий информационный контент.

— А ты знаешь, — спросил я, — кто это к нам привязался?

— Обсудим это позднее, — поморщилась Арианна. — Если выйдем отсюда живыми.

— Они ведь и меня хотят убить, — передал я ей, стараясь не шевелить губами.

— А потому кончай валяться и двигай дальше.

— В какую сторону?

Арианна указала на легкую служебную лесенку. Я снова встал на четвереньки и страдальчески сморщился от ритмичных, в такт пульсу вспышек боли в голове. Грохот где-то вдалеке, змеиное шипение вытекающего воздуха, а затем ощущение головокружительной легкости: корабельная псевдогравитация отключилась, передав управление посадочным диспетчерам.

— И — ножками, до самого низа.

— Знаешь, а у меня есть мысль. Почему бы нам с тобой не разделиться? Будет меньше вероятности, что они поймают нас обоих.

Арианна как-то странно на меня посмотрела.

— Ну, если ты так хочешь...

Добро пожаловать в Бургундию.

По червоточинам в пространстве, проделанным Эсхатоном, мощным богоподобным разумом, порожденным в пе-

риод сингулярности, люди бежали со старой Земли в бесчисленные миры, разбросанные по области поперечником шесть тысяч световых лет. Некоторые из этих миров, в том числе и Бургундия, связаны между собой: люди и грузы перемещаются на космических кораблях, а информация — по сети мгновенных, но ограниченных полосой пропускания казуальных каналов, раскинутой Фестивалем.

Бургундия — это развитая, несколько интровертная цивилизация, покоящаяся на согбенных спинах нарочно созданного пролетариата. Первый же малость богоподобный искусственный разум, явившийся на Бургундию после ее вторичного открытия, запретил корнукопии и поработил людей, что они стерпели, поскольку самые изощренные прихоти Царицы не шли ни в какое сравнение с гнетом их собственных вождей.

Бургундия завоевала себе умеренную известность как информационный буфер — побочный эффект параноидального страха ее самодержицы перед злокозненными посягательствами других божеств. Эта держава экспортирует конфиденциальность, буферы для линий задержки, тонкие вина и диссидентов. Иными словами, это последнее место, какое может привлечь фьючерсного дельца, специализирующегося на перепродаже двойных опционов главного сектора рынка искусственных интеллектов, то есть кого-нибудь вроде меня. Но с другой стороны...

Как экономист, специализирующийся на решении методом монте-карло задач для больших, слабо определенных систем, я представляю вполне естественный интерес для Царицы, почему та и послала мне предложение, над которым в нормальное время я бы десять раз подумал; в тех же обстоятельствах, в каких я был на Дордонье, — при постоянно висевшей надо мною угрозе — отказ показался мне неоправданной роскошью.

В попытке защитить эту монархию от возможных атак переполнением буферов и алгоритмической сложностью на Бургундии запрещены многие технологии. В результате царицына столица Кастилия, огромный город, почти три миллиона душ, выглядит так, словно на дворе у нас Средние века. Именно сюда, к ступеням главного железнодорожного вокзала, доставил меня с бобового стебля посадочный стручок, доставил совершенно ошалевшего от тайм-ла-

га и быстрого спуска. Арианна исчезла еще в тот момент, когда я открывал боковую дверку в жилые отсеки нашего корабля, я не видел, как она уходила, но смутно припоминаю некое дрожание воздуха, замутившее вид обшитой дубом стены. В моих ушах все еще звенело после взрыва, и я был в таком замешательстве, что не замечал почти ничего, пока не обнаружил себя в проулке, куда завез меня мой автономник, высматривавший гостевой дом, где Державное Казначейство сняло мне комнату.

Вся глубина неосредневекового варварства, в котором погряз этот город, стала мне ясна, когда я добрался наконец до своей мансарды. И дело совсем не в ливрейных слугах и даже не в непристойно толстом, физически старом экономе, который гордо довел меня до номера, а в водопроводной системе. Свинцовая — да, все еще свинцовая! — труба входила сквозь дырку в потолке одной из комнат и через литой кран в виде горгульи изливала воду в большой оловянный таз.

— Видите, у нас тут все, какие только были, древние предметы роскоши! — восхищался своим хозяйством Сейлем, эконом. — Эта вода спускается с крыши из нашего собственного крышного бака. Вы, как мне мнится, в жизни такого еще не видели.

Я кивнул, слегка ошарашенный перспективой знакомства со всей микрофауной, которая, вне всяких сомнений, кишмя кишела в этих помоях.

— Вы вполне уверены, что у вас нет никакого багажа? — спросил он, высоко подняв кустистую левую бровь, в явном неприятии самой уже мысли, что солидный джентльмен-негоциант может путешествовать, ничем не обремененный.

— Ни даже узелка, — ответил я. — Я прибыл сюда на космическом корабле...

Эконом зажмурился и тут же открыл глаза.

— О-о, и при этом не поселились во дворце? — Он немного пошаркал, словно в неуверенности, что ему делать со своими ногами, а затем отвесил мне не очень глубокий, но почтительный поклон. — Ваше присутствие, милорд, высокая для нас честь.

Когда мне удалось наконец от него избавиться — ценою вызова портного, чтобы спешно сообразить мне одежду, достойную моего положения, — я проверил номер на предмет

жучков. Сработанные на заказ жукоискатели не обнаружили ничего, кроме более естественной микрофауны, населявшей и мою постель, и гардероб, и даже занавески. Я разобрал устройство, лежавшее у меня в кармане, на три отдельные части и спрятал две из них в полые каблуки: в этих краях за обладание такой игрушкой могли посадить на кол, буде Царица соблаговолит ее заметить. (Третью часть я надел на левый указательный палец под видом кольца.)

Покончив с этими телодвижениями, я лег на кровать, закинул руки за голову и уперся взглядом в пыльный балдахин.

— Что я тут делаю? — пробормотал я вслух.

Явиться в канцелярию двора в день, последующий приземлению, дабы взять на себя все управление портфелем активов внутренних, равно как и зарубежных, говорилось в контракте; и это в такое время, добавил я про себя, когда я стараюсь не привлекать к себе никакого внимания и прячусь от агентов биржи. Разумность моего согласия на этот контракт вызывала все большие сомнения.

На следующий день я заявился в казначейство, дабы приступить к исполнению своих обязанностей.

Дикое нагромождение башен и башенок, горгулий и краснокирпичных арок Канцелярии располагалось на Столичной площади по другую сторону от Летнего дворца, изящного беломраморного здания, чьи бойницы и параболические рефлекторы были направлены куда-то на юг, через реку. Когда я подошел к парадному входу Канцелярии, впушительно вооруженные стражники вытянулись по стойке «смирно», а их командир шагнул вперед.

— Сэр Бломенфельд, — отчеканил сержант, — я имею честь приветствовать вас от имени ее ужасающего величества и передать ее благосклонное пожелание всяческих успехов на ее службе.

— Благодарю вас от всех глубин моего сердца, — ответил я, несколько ошарашенный этим мгновенным узнаванием. — Великое благо и честь быть приветствуемым в такой возвышенной манере. Я сохраню драгоценную память об этом до своего смертного часа.

Не перебрал ли с этим «смертным часом»? — запоздало встревожился мой внутренний голос.

Сержант кивнул, и только тогда я заметил антенные прутики, задекорированные плюмажем его роскошного шлема, и на удивление костистые пальцы, проступавшие даже через толстые перчатки, и странную несгибаемость его спины. Судя по всему, технологические ограничения нимало не относились к службе безопасности ее величества.

— Не соблаговолит ли уважаемый сэр пройти сюда? — спросил он, направляя меня к незаметной боковой двери.

Вход для торговцев.

— Конечно.

Распахнув передо мной дверь, сержант повел меня сперва по довольно неказистой лестнице, а затем по широкому, с мраморным полом коридору, по стенам которого висели портреты пожилых багровоносых господ — человеческая династия, правившая до воцарения ее величества. Мы вошли в кабинет, где за крытым кожей письменным столом восседал человек с испитым землистым лицом и едва ли не меньшим количеством волос на голове, чем было вчера у моей эрзац-супруги.

— Ваша честь, сэр Ален Бломенфельд явился, как предписано в контракте.

Человек поднял лицо, и тогда сержант представил его мне:

— Его светлость Виктор Манчуско, старший помощник казначея ее величества, управляющий ее тайным портфелем.

Тайный портфель? Я удивленно сморгнул и даже почти не заметил, как сержант поклонился и вышел.

— Сэр, я...

— Садитесь.

Лорд Манчуско указал мне рукой на богато изукрашенный стул, который, по всей видимости, был задуман дизайнером как орудие изощренных пыток. Лордовы очочки в тонкой золотой оправе чуть поблескивали в тусклом свете, сочившемся из маленьких, высоко расположенных окошек.

— Как я понял по вашей реакции, вы ничего подобного не ожидали.

— Да в общем-то нет,— признался я, стараясь совладать со своим смятением. — Я считал, что ко мне обратились, чтобы я навел порядок в отслеживании зависимостей в бартерном секторе...

— Чушь. — Манчуско с силой ударил по столу ладонью, я был готов побожиться, что тот болезненно скривился. — Неужели вы думаете, что мы нуждаемся в инопланетных интеллектах для задач подобного рода?

— Хм. Тогда, значит, вы имели в виду нечто иное?

— Чрезмерный упор на заемные средства при работе на рынке информационных фьючерсов? — скупо усмехнулся помощник казначея.

В нижней части моего желудка возник ледяной комок.

— Да, — неохотно признался я.

— Расскажите мне поподробнее.

— Но об этом же кричали по всем фестивальным каналам. Вы не можете не знать...

Он снова усмехнулся, и как-то не очень хорошо.

— А вы сделайте вид, что я ничего не знаю.

— О-о.

Я непроизвольно съежился. Вот так вот. Значит, я не нужен им в качестве счетовода, так? *Влип, и по-крупному.* И если я не предоставлю им того, что им нужно, они могут держать меня здесь хоть до скончания века. Я облизнул пересохшие губы и начал:

— Конечно же, вам известно, какие товары обращаются на информационной бирже, в основном — принципиальные схемы разнообразных устройств, метамемы, улучшенные алгоритмы просмотра сети и всякое в этом роде. Чаще всего для процессирования этих товаров нужны серьезные объемы мыслевремени, поэтому мы обмениваем операционную мощность на опции по улучшенным алгоритмам. В значительной своей части задействованные в обмене сущности и сами являются разумными, пусть и в малой степени. К примеру, даже некоторые из финансовых инструментов...

Я неловко смолк.

— Такие как «Бломенфельд и Сай», если я правильно понимаю.

— Да, — кивнул я. — Я горжусь этой компанией. Пусть даже она и довольно маленькая, если смотреть на другие, она была моя, я сам ее создал. И мы прекрасно сработались. Я был ее управляющим, а она моей главной мемметической силой. Она была самой сообразительной компанией, какую я только мог создать. У нас был потрясающий замысел, а тут рынок возьми и обрушься.

— Да, — кивнул Манчуско. — Тогда сгорели очень многие.

Я печально вздохнул и чуть расслабился.

— Я слишком раскрылся. Сложный обмен деривативами, просчитанный назад от предсказания одной из септагоновских квантово-оракульных программ, — я рассчитывал, что он даст линейный рост по скородумам четвертого типа за какие-нибудь пять мыслелет, — и не обеспеченный ничем, кроме бросовых облигаций, выпущенных в Капоне-Сити. Согласно моим Бейсианским анализаторам, за те пятнадцать секунд, на которые я остался без покрытия, ничего плохого случиться не могло. Только это были именно те пятнадцать секунд, когда... ну, вы сами все знаете.

Обычно Эсхатон не лезет в наши дела; прямое вмешательство этого мощного почти-божества можно спровоцировать разве что широкомасштабным нарушением причинности. Что бы там ни случилось в системе Элдрича на рынке информационных фьючерсов, это было плохо, очень плохо. Плохо с большой буквы. Достаточно плохо, чтобы бог начал действовать. Вмешался оттуда, с той стороны сингулярности. Достаточно плохо, чтобы биржа ударилась в панику, чтобы все брокеры стали по сути медведями, каждый из них старался продать все свои активы, словно от этого зависела его жизнь.

— Элдрич полностью потерял управление, Эсхатон был вынужден вмешаться, — сказал Манчуско, словно читая мои мысли. — Вы находились на опасной середине сложной цепочки капиталовложений, а тут рынок рухнул, и по причине неудачной транзитивной ответственности вы остались по уши в долгах. Как сильно вы тогда раскрылись?

— Шестьдесят тысяч мыслелет. — Я провел языком по внезапно пересохшим губам и добавил шепотом: — Полный крах.

И вдруг Манчуско подался вперед.

— Кто за вами охотится? — резко спросил он. — Там, на корабле, кто пытался вас убить?

— Я не знаю! — истерически вскрикнул я, но тут же взял себя в руки и постарался говорить спокойно. — Извините, пожалуйста. Это мог быть буквально кто угодно. У меня есть некоторые подозрения... — Было бы нечестно

упоминать Арианну, она была тогда рядом со мной и рисковала ничуть не меньше. — Но все как-то слишком расплывчато. Можно только ручаться, что это не кто-нибудь из руководителей биржи.

— Прекрасно. Пока вы здесь, вы пребываете под защитой ее величества. Если у вас возникнут какие-нибудь проблемы, обращайтесь за помощью к любому из стражников. — (От его улыбки мне захотелось убежать куда-нибудь подальше и забиться в угол.) — Что видит один, видят все, видит *Она*.

Не решаясь довериться своему языку, я молча кивнул.

— И наконец. Относительно причины, почему мы позвали вас сюда. Вы не единственный, кто пострадал под обломками рухнувшей биржи. Портфель ее величества весьма диверсифицирован, и некоторые из наших инвестиций несколько пострадали. Ваша работа будет состоять — неофициально — в том, чтобы взять на себя управление ее хеджинговым фондом и перестроить его в соответствии с обстановкой. Официально вы не будете работать на рынке, вы дисквалифицированы. Ваша компания неплатежеспособна и подлежит ликвидации, если контролеры сумеют ее выследить. Вы не кто иной, как дисквалифицированный управляющий. Однако неофициально я надеюсь, что ваши ошибки многому вас научили. Потому что мы не хотим, чтобы вы повторили их здесь. — Он встал и указал рукой на боковую дверь. — Там ваш кабинет и ваш брокерский стол. Позвольте, я вас ему представлю...

К вечеру я вернулся в свой номер и занялся двумя делами одновременно: пытался переварить руководство по управлению столом и склеить по кускам вдребезги разбитое *самообладание*. Мне только-только почти удалось забыть о событиях дня, как в дверь постучали.

— Кто там? — окликнул я.

— Ваш недостойный слуга, м'лорд, — откликнулся Сейлем. — С манускриптом для вас!

Я мгновенно вскочил на ноги.

— Войди!

Он вошел в мой номер, держа свернутый в трубочку лист пергамента в вытянутых руках, словно опасался чем-нибудь от него заразиться.

— Нижайше прошу у вашей чести прощения, но это доставлено вам из дворца. Посыльный ждет ответа вашей чести.

Я взял свиток и сломал восковую печать. *Прекрасно развлекаюсь при дворе. Официальное представление пред светлые очи ее величества сегодня в восемь вечера. Твое присутствие затребовано Царицыным повелением. Ты придешь? Твоя «жена».*

«Привет, Арианна», — подумал я. Мне вспомнилось ее лицо, леденящая красота. Веселую шуточку сыграл со мной тот, кто смастерил эту память. Я твердо решил, что, если когда-нибудь он попадет мне в руки, я весело посмеюсь, откручивая ему башку.

— Попроси посыльного передать ей, что я приду, — велел я Сейлему.

В семь вечера Сейлем снова предстал пред моими очами.

— Нижайше прошу у вашей чести прощения, но скромный, недостойный вас портшез уже подан к дверям гостиницы, — пробормотал он до рвоты приторным голосом.

— А не рановато ли? — удивился я, однако встал и пошел.

Нет, было отнюдь не рановато. Я сидел в тесном деревянном ящике, чуть не прижимаясь носом к узенькому, как щель, окошку, окаймленному скрупулезно выписанными сценками деревенского пьянства и разврата. Два плечистых носильщика пыхтели и отдувались, таща мой ящик — и меня вместе с ним — по булыжной мостовой столичных магистралей. Мы кренились и раскачивались из стороны в сторону, а потом надолго увязли в зыбучей массе пешеходов: в этот день происходил царский прогон омаров. Омары могут жить на воздухе достаточно долго, и по древнему местному обычаю их время от времени гнали по улицам к воротам царского дворца: от испуга и напряжения мясо несчастных ракообразных делается еще вкуснее. Через какое-то время носильщики снова подняли меня и продолжили свой путь, теперь мы даже слегка опаздывали.

Они опустили ящик на землю и с поклонами открыли дверцу. Я вылез и выпрямился, стараясь не охать вслух, а затем начал осторожно разминать мышцы ног, болевшие так, словно я одолел все расстояние бегом. Портшез был

припаркован в обширном дворе, прямо перед входом во дворец и за его высокой оградой. Мои носильщики пали ниц перед юным офицериком королевских драгун. Я чуть поклонился ему и приподнял свою шляпу.

— Сэр Бломенфельд, — сказал офицер, — с вашего соизволения, не может ли сэр пройти сюда.

— Конечно же.

Он повел меня внутрь, затем пологой мраморной лестницей и широким, устланным алым бархатом коридором. Откуда-то спереди доносились нестройный шум, голоса и обрывки музыки. В конце концов мы оказались на ярко освещенном участке коридора и через высокую двустворчатую дверь вошли в своего рода прихожую со стенами и потолком сплошь в помпезной золоченой лепнине. Здесь меня встретила четверка слуг, возглавляемая гофмейстером.

— Его превосходительство коммерсант первой гильдии Альберт Бломенфельд, временно приписанный к казначейству ее величества! Да продлятся дни ее жизни! — возгласил гофмейстер.

Под пение фанфар передо мной распахнулась еще одна дверь.

Теперь я оказался в высоком, с верхним светом зале, оформленном с варварской пышностью и скрупулезнейшим вниманием к деталям. Шахматный пол из белых и черных плит сверкал такой безукоризненной чистотой, что было страшно на него ступить. Никто из в пух и прах разряженных придворных, толпившихся в этом зале, не обращал на меня никакого внимания. Самой Царицы не было видно — да я и не рассчитывал, что меня сразу же ей представят. Я оглядывался по сторонам, высматривая Арианну, а заодно удивляясь, каким образом она сумела так быстро примазаться ко двору. Впрочем, ее происхождение, пусть даже и кем-то там вымышленное, давало ей полное право вращаться в высших кругах.

— Привет, Ален!

Арианна буквально ослепила меня своей улыбкой. На ней было в высшей степени элегантное платье из шелка цвета морской волны, с ярким узором из зеленых, в тон подобранных глаз; горжетка, свободно накинутая на лебединую шею, смотрела на меня как на жалкое, достойное лишь сожаления существо.

— Ты, я вижу, цветешь и пахнешь, а? — произнесла она. — Знаешь, нам нужно серьезно поговорить.

Она взяла меня за руку и повела прочь от двери. *Публика тут совершенно жуткая*, прозвучало в моей голове. *К тому же общаться открытым текстом несколько затруднительно. Закодируешь?* Я кивнул. Программа, записанная на избыточных нейронах моего мозжечка, установила личный дешифрующий ключ, связанный с ее мозгом, и стала кодировать все дальнейшие разговоры.

— Ты уже знаком с положением дел в казначействе? — спросила она.

— Э-э? — не понял я и удивленно на нее воззрился.

Ее платье взирало на меня с добродушной насмешкой.

— Не притворяйся полным идиотом. Трудно, конечно, сказать, кто за всем этим стоит, но она притащила тебя сюда отнюдь не затем, чтобы копаться в ее бухгалтерских книгах, ее привлек твой брокерский опыт.

— Ее?

— Царицу, — чуть поморщилась Арианна.

Галерея, выходящая на внутренний двор, аккуратно подстриженные газоны, клумбы, каменные плиты дорожек. Мое знание озарило меня внезапной вспышкой дежавю: фальшивые воспоминания, как на Нью-Венерс, я сопровождаю Арианну на какой-то бал, как ускользаю вместе с ней от прочих гостей, тихие вздохи в полуночном саду... Мой пульс участился, ее пальцы жарко стиснули мне руку.

— Слишком уж их много, этих чертовых воспоминаний. А ты, Ален, ты тоже это чувствуешь?

Я кивнул.

— Знаешь, мне кажется, что это неспроста. Мы должны будем что-то там сделать, и сделать вместе, иначе на кой бы ляд они, кем бы они там ни были, накачали нас обоих одной и той же липовой историей. Ты помнишь?

Стоя спиною к перилам, она пристально меня изучала.

— Я...

Я потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения. Снова дежавю, на этот раз изнутри: я действительно знал Арианну, знал из чего-то реального, не обусловленного внешними факторами. *Внешние факторы, влияющие на рынок.* Ну а эта-то мысль, откуда она появилась?

— Могу поклясться, что я в жизни тебя до того не видел — до того, как ты вошла в этот обзорный салон. И несмотря на все эти ложные воспоминания...

Арианна согласно кивнула.

— А знаешь что... — начала она.

— Мм. Что?

И тут она вдруг подалась ко мне, уперлась острым подбородком мне в ключицу и стиснула меня в цепких, как стальной капкан, объятиях.

— Я не помню, — прошептала она мне на ухо. — Ни-чего. Ничего до этого салона. У меня есть, конечно же, уйма внешних воспоминаний, но никаких внутренних.

Арианна дрожала всем телом, с головы до ног; пораженный и этим, и неожиданным признанием, я тоже ее обнял.

— Я знаю, кто я такая, но совершенно не помню, как я становилась собой. Изнутри не помню. Все мои воспоминания до того момента как будто от третьего лица. Мне кажется... мне кажется, что прежде я была кем-то другим.

— Это ужасно.

— Ужасно, говоришь? — Судорожное напряжение чуть отхлынуло от ее рук. — А как насчет тебя?

— Я... — Я неожиданно осознал, что стою и обнимаюсь с очень привлекательной женщиной. С женщиной, на которой, если верить моей внешней памяти, я был женат. — У меня есть ложные воспоминания. Ровно один комплект, в котором и ты присутствуешь. И реальные — я думаю, что они реальные, — где тебя нет.

Арианна отстранилась от меня, сделала шаг назад и тряхнула головой.

— Так, значит, ты знаешь, что ты настоящий? Ну а я, кто же я тогда такая?

Ее платье растерянно заморгало. Пушистые ресницы трепетали от подола и до ворота.

— Не знаю. Ты мне прежде никогда не встречалась — я, во всяком случае, такого не помню.

— Ты совершенно уверен? — Арианна нахмурилась, ее прелестные, безукоризненной лепки брови почти сошлись вместе. — Меня ввели в твою жизнь, даже не объяснив почему. Ты точно уверен, что ничего обо мне не знаешь? У тебя, похоже, есть весьма серьезные враги. Не может ли быть, что ты сам по какой-то причине стер из своей памяти

часть ключевых событий? — Она смотрела на меня настолько понимающе, что я вспыхнул, как стеснительная девица.— Я, Ален, совсем не огорчаюсь этой жизнью без прошлого. Только мне хочется знать почему. А на закуску — кто желает нашей смерти.

— Экзистенциализм на пустой желудок,— констатировал я и скептически помотал головой.

— Пойдем-ка мы лучше в зал, пока нас не хватились,— сказала она с печальной улыбкой.

— Рада познакомиться с вами,— сказала Царица. Легкий сквозняк шевелил ее усики.— Да вы не волнуйтесь, чувствуйте себя как дома.

Я выпрямил согбенную шею. Прислужники трудились над царственным брюшком, полируя его с самозабвением роботов.

— Как угодно вашему величеству.

— Мне доставила большое удовольствие компания вашей высокородной жены,— заметила Царица высоким голосом, прогоняя воздух сквозь речевые дыхальца; мне показалось, что-то в сказанном ее забавляет.— Как я понимаю, у вас возникла небольшая проблема с памятью.

— Мне нечего сказать на этот счет.

Над головой, под потолком подсобные работники жужжали и носились, как сбрендившие осы. Воздух был сухой и горячий от их кодированной болтовни в инфракрасной части спектра. Но я обливался потом совсем не из-за жары.

— Тогда и не говорите. Вы притворитесь, что никакой проблемы нет, а я притворюсь, что вы не отказывались ответить на мой вопрос. Но это, сэр Бломенфельд, лишь для первого раза. Пейте.

Один из прислужников выдавил из себя в мою правую ладонь бокал с темно-красной жидкостью. Я слегка покрутил эту жидкость, понюхал и выпил. Не знаю уж, что это было, но только не алкоголь.

— Благодарю вас.

— Благодарности излишни, а вино действительно прекрасное. Ну так что же вы думаете о моем весьма скромном портфеле?

Я растерянно сморгнул.

— У меня еще не было времени провести детальный анализ...

— Ничего, ничего. — Царица отмахнулась парой рук, бывшей до того не при деле. — На этой стадии я и не жду от вас никакой особой точности.

— Ну что ж. — Я нервно облизнул губы. *Ни хрена себе скромный портфель.* — Некоторые из них растут в цене вполне прилично. Я заметил там две многообещающие философии, если не больше. Для полного анализа зависимости ваших инвестиций от внешних факторов потребуется время — многие из них склонны передумывать, — но я не вижу никаких оснований сомневаться, что все они быстро пойдут вверх, как только рынок оправится от рецессии. Я бы сказал, что ваши паи относятся к самым разумным, какие мне только встречались.

Царица захихикала — звук, как гвоздем по стеклу.

— Приумножьте мои активы, доктор, и я буду вам весьма благодарна. — Она вдруг напряглась, по брюшине пробежала длинная дрожь. — А теперь покиньте меня, будьте добры. В данный момент у меня нет необходимости в человеческом услужении.

Отосланный взмахом ее руки, я покинул царские покои и вернулся к толпе придворных. Где-то там, за закрытыми дверями, Царица рожала новый процессор.

На третий день работы я явился в маленький кабинет, предоставленный мне Виктором Манчуско, раньше обычного. Открыв его дверь, я буквально остолбенел. На лице Арианны, сидевшей почему-то за моим столом, было такое тоскливое выражение, словно скончалась ее любимая тетя.

— Я пыталась остановить их, Ален, но они и слушать не хотели.

— Что...

Кто-то втолкнул меня в кабинет, довольно бесцеремонно, вошел сам и захлопнул дверь.

— Заткни хлебало! Я по заказу с биржи! — рявкнул незваный гость.

Я повернулся, очень медленно, без резких движений, и стал постепенно поднимать глаза, пока не встретился со взглядом его маленьких черных, близко посаженных глаз.

— Что тебе нужно? — спросил я, стараясь не замечать прицельные контактные линзы, янтарно поблескивающие на его зрачках. — Это ты подложил тогда бомбу?

— Я пришел за компенсацией. — Медведь переступил с ноги на ногу, половицы страдальчески заскрипели. — Мои главные акционеры считают тебя виновным в неадекватном прикрытии при использовании заемных средств. Я пришел получить полную компенсацию. Не бомбист. Бомбиста послал идиотский торговый скрипт. Бомбист не будет больше взрывать.

— Угу.

Я медленно, очень медленно сделал шаг назад. Теперь, войдя в кабинет, я разглядел моноволоконную паутину; привязанная к стулу Арианна боялась даже пошевелиться. Это было возмутительно! Что эти типы себе позволяют, что они сами об этом думают? Арианна пыталась поймать мой взгляд. Я подмигнул ей, вспомнив о безопасном канале связи, установленном нами в день прилета.

— Я забираю это имущество, — сказал медведь, положив тяжелую руку на спинку ее стула; Арианна сморщилась как от удара. — А еще мне нужны ключи к твоей памяти. Ты бы, док, подсуетился на этот счет.

Он улыбнулся, оскалив много, очень много зубов.

Ален?

Я пошевелил свое знание в надежде подобрать частотную полосу, по которой можно было бы позвать кого-нибудь на помощь, но без всякого успеха. *Слушай, а ты-то зачем ему потре...*

Ключи. К твоему портфелю, ко всему.

Ключи от памяти.

— Ключи от моей памяти? — Я делано расхохотался. — Да ты, наверно, шутишь! Я не смог бы отдать их тебе, если бы даже хотел...

— Твое сотрудничество не необходимо, — оборвал меня медведь. — Только твое знание. И твоя компания. Забрать ее. Получить назад опции.

— Ее? Но она мне не принадлежит, я ее раньше даже не встречал! Кто-то подделал наше публичное знание...

Медведь смотрел в упор, обдавая меня горячей вонью своего дыхания.

— Амнезия, док, не является извиняющим обстоятельством. Как ни крути, но она твой бизнес. Клонированное тело, те же бандитские алгоритмы. Я беру ее с собой! Сейчас. И твои ключи. Или я возьму твою голову с ними внутри.

Арианна снова смотрела на меня, в расширившихся зрачках ни намека на чувство.

Это правда? Ты моя компания?

Она чуть заметно кивнула. *Это твоя, Ален, идея. Селективная амнезия, чтобы ускользнуть от охотников. Разумная причина, чтобы мы держались вместе. И ты, по идее, должен был остаться со мной. Никуда не сбегать.*

Я поднял глаза на медведя, стараясь не выдавать ему своих мыслей. Так, значит, Арианна с самого начала была конструктом? Да к тому же конструктом моего производства — несостоятельная компания в бегах от ликвидатора.

А по правде ты ведь не от биржи, верно?

— Умница. Правильно думаешь. — Медведь извлек откуда-то маленький сфероид и направил его на меня. — Скажи мне, умница, это твой?

Черт. Всегда-то мне надо языком молоть. Ну конечно же, ребята с биржи не стали бы связываться с примитивным биороботом, ни в коем разе. Ясно, что этот громила от Организации. Отмывают, наверное, информацию — сбрасывают уйму мыслелет в арбитражный сектор, чтобы опции, записанные на других пешек, становились умнее. Но после обвала рынка мое собственное раскрытие разошлось по сторонам, как круги по воде, и болезненно ударило по ним.

— Слышь, а может, мы договоримся?

— Поздно, базар закрыт.

Медведь усмехнулся, подался вперед и широко, невероятно широко распахнул свою пасть. Я услышал щелчок и скрип выворачиваемых суставов, а затем на самом краю своего сознания ощутил знакомую вибрацию: в его зубы были вставлены квантовые сканеры, способные секвестрировать неколлапсированные волновые функции, скрытые в глубине криптографических черных ящиков.

Я резко ушел в сторону, а затем попытался ударить огромного биоробота головой в живот. Он громко хрюкнул, а в глазах у меня на мгновение потемнело — врезалось внеш-

нее знание боевых техник, врезалось и объяснило, насколько безнадежно мое положение. Арианна сражалась с паутиной, изометрически напрягаясь и дрожа, как в припадке эпилепсии. *Ключи, Ален, ключи! Открой мне доступ к твоим ключам!*

Не дав медведю себя схватить, я откатился назад, швырнул в него тяжелую вешалку и спрятался за стол. *Зачем?*

Да ты не болтай, а делай.

Медведь небрежно, одной рукой поймал вешалку и разломил ее о колено. Махнул одним из обломков в мою сторону, а другим шарахнул по столу. Стол завизжал, из одного из декоративных ящичков часто закапала кровь. *Сейчас.* Я сгенерировал аутентификационный пароль, вложил его Арианне в голову и открыл доступ к моим ключам, чтобы она могла ими пользоваться как моя представительница. Похоже, медведь не хотел еще ее смерти, он крякнул и попытался перегнуться через нее, чтобы достать меня. Она полувывалилась с сиденья, а я воспользовался моментом и полоснул по моноволоконной проволоке своим бритвенным ногтем. Он скрипнул, как мел по грифельной доске, но проволока не поддалась.

— Ты не можешь сбежать, — прорычал медведь. — Я имею генеральную доверенность...

Он застыл, не закончив фразы. Арианна передернулась всем телом и обвисла на стуле, я, так и прятавшийся за столом, перекатился на спину, схватился за каблуки и начал лихорадочно собирать из спрятанных там элементов оружие. Продолжая катиться, я сшиб закусочный столик вместе с закусками, поднял глаза и увидел медведя, падавшего прямо на меня с неудержимой неспешностью коллапсирующего рынка.

Когда вернулось сознание, я обнаружил себя в знакомой обстановке своей роскошной, со свинцовым водопроводом мансарды. Мои корпоративные активы лежали на одной со мною кровати, обнимая меня с той же нежностью, как в фальшивых воспоминаниях о никогда мною не прожитом медовом месяце. Голова моя дико болела, я чувствовал, что весь покрыт синяками, однако быстрый аудит медицинской памяти уверенно показал отсутствие каких-либо серьезных повреждений. Нейроглические поддержки

уберегли мой мозг от каких-либо долговременных последствий сотрясения; во рту стоял отвратительный вкус, но не считая этого...

Успокоившись за себя, я поерзал в постели, укладываясь поудобнее. Арианна вздохнула во сне; я чувствовал, что ее внутренние процессы идут обычным чередом, тени под тонкой скорлупой видимой реальности. Случившееся припоминалось все яснее и яснее. *Память, перепроверь.*

Ну что, перезагрузился? — спросила Арианна, приоткрыв левый глаз.

— В основном уже в норме, — ответил я и прокашлялся, чтобы прочистить горло. *Результаты проверки положительные.* Я пытался, но все никак не мог собрать в одну кучу расползавшиеся мысли. — Так что, это и вправду так было?

— Осторожнее надо торговать, вот что я скажу тебе, мой милый. Это был единственный путь выбраться из того, на Дордонье, обвала. Или ты предпочел бы, чтоб они повинтили меня и заставили тебя платить все долги? Ведь под конец на тебе висело несколько миллиардов мыслелет...

— Нет! — заорал я и попытался сесть.

Арианна силой уложила меня снова.

— Пока нельзя. У тебя еще голова не в порядке.

— Но мои ключи...

— Успокойся, он их так и не получил. Твоя голова все еще сидит на плечах, а не плавает в банке.

— Но как ты там выкрутилась?

— Ничего такого необычного, Ален. Его прислал один из синдикатов. От твоего имени, действуя как твоя представительница, я поручила столу разместить огромный заказ, обеспеченный портфелем ее величества.

— Но он же был там, с нами! — Я зябко передернулся. — Времени же не было никакого!

— Времени было сколько угодно. — О чем-то неожиданно вспомнив, она провела ладонью по моей груди. — Мм. Хорошо ты придумал с этой внешней памятью...

— Медведь. Бога ради, расскажи, как там все было.

— Если уж тебе так не терпится... — Она сосредоточенно нахмурилась. — Я просто поручила столу покупать *все* — все, что имелось на рынке. До предела загрузила полосу пропускания единственного канала, ведущего сквозь файр-

вол, а стол был и рад стараться. Медведь был на дистанционном. Пока активы прощались с Казначейством, он был полностью заблокирован. Заблокированный, он не мог даже пошевелиться, а к тому времени, как он очухался, я уже сумела освободиться и позвала стражников. Не то чтобы в этом была особая необходимость.

Я сокрушенно покачал головой.

— Боюсь, мне придется еще пожалеть, что задал этот вопрос. Так почему необходимости в этом не было?

— Понимаешь, я ведь просто закачала на рынок уйму ликвидных активов. Рост объема продаж потащил цены вверх, запустил пусть и малое, но оживление рынка, а за последние несколько часов появились явные признаки, что рынок встает на ноги всерьез и надолго. Я думаю, что подъем будет еще долго продолжаться; уже через несколько месяцев ее величество может получить весьма приличный куш. Как бы там ни было, тебе не стоит больше опасаться телеуправляемых бандитов, а ближайшие год-два так и точно не стоит. В конце концов... — каким-то непостижимым образом она оказалась у меня под боком и теперь жарко дышала мне в ухо, — ведь медведи не могут работать на растущем рынке!

ДЖОН РАЙТ

Гостевой закон

Джон Райт (р. 1961) живет в Сентервилле, штат Виргиния. В прошлом он юрист, журналист, редактор газеты. Райт рассказывает о своей карьере так: «В 1987 году я окончил колледж и юридическую школу Уильяма и Мэри (одно из старейших учебных заведений в США) и работал юристом в нескольких штатах: в Нью-Йорке (май 1989-го), Мэриленде (декабрь 1990-го), округе Колумбия (январь 1994-го). Карьера адвоката оказалась малоуспешной, и вскоре я обанкротился. Работа журналиста в газете „St. Mary's Today" принесла мне больше удовлетворения в духовном плане, но, увы, в финансовом отношении я снова потерпел неудачу. В настоящее время я успешно занимаюсь писательской деятельностью в Виргинии и живу счастливо, словно в сказке, со своей женой, писательницей Л. Джейги Лэмплайтер (Аннаполис, выпуск 1985-го), и тремя детьми».

Райт — чрезвычайно амбициозный автор научной фантастики и фэнтези. Широкую известность он получил после выхода трилогии в жанре космической оперы: «Золотой век» («The Golden Age», 2002), «Ликующий феникс» («The Phoenix Exultant», 2002) и «Золотое превосходство» («The Golden Transcendence», 2003); строго говоря, это не трилогия, а один большой роман в трех книгах. Райт рассказывает о героях, о желании стать героем. Его фэнтези-романы «Последний страж Эвернесса» («The Last Guardian of Everness», 2004) и «Туманы Эвернесса» («Mists of Everness», 2005) также написаны с эпическим размахом.

В интервью, опубликованном на сайте «SfSite» (www.sfsite.com), писатель заявляет: «Я пишу космическую оперу, люблю масштабные темы, бурю, ярость, чудеса. Зачем взрывать город, если можно взорвать целую планету? Зачем строить звездолет длиной в километр, когда можно построить суперкорабль длиной в тысячу километров? Зачем делать космические доспехи из углеродистой стали, если можно использовать адамантий?»

И далее: «Малодушно писать об обычных вещах, если можно писать о великом. Бездну удивительного нельзя вместить в рамки одного-единственного мира или краткого века. Научная фантастика существует для того, чтобы рассказывать нам о местах и эпохах, недоступных человеку, но открытых воображению».

Райт признает, что испытал влияние А. Э. Ван Вогта («Ни один другой писатель не вызывает у меня такого интереса и благоговения, как Ван Вогт») и Джека Вэнса, а также называет себя почитателем Джина Вулфа, Роджера Желязны и Кордвайнера Смита. Произведения Райта отличает сложный и элегантный стиль.

«Гостевой закон» — второй из опубликованных рассказов Райта, в нем чувствуется влияние нескольких его учителей, в частности масштабность и образность космической оперы Ван Вогта. Это произведение идеально подходит для завершения антологии, поскольку оно демонстрирует, что некоторые из старейших и лучших черт космической оперы по-прежнему присутствуют в современных работах, хотя и в преображенном виде.

Ночь, царящая в открытом космосе, бесконечна, пуста и черна. Здесь негде спрятаться. Но корабли могут стать незаметными, если будут двигаться медленно.

Благородный корабль «Прокруст» летел бесшумно, словно призрак. На его черном корпусе не было ни одного маяка, не горело ни единого огня. Он был сделан из гладкой керамики и сплавов, невидимых для радаров, и щетинился, как акула, плавниками, призванными медленно рассеивать тепло выбрасываемых продуктов сгорания. Корабль украшали электронные сети, похожие на полосы тигра, — они создавали вокруг корпуса поле, помогающее избежать отражения.

Если бы посторонний все же увидел этот корабль, то понял бы, что он не предназначен для быстрого передвижения. Его двигатель был окружен множеством защитных экранов, охлаждавших выхлоп перед тем, как выбросить его наружу; это был невидимый двигатель, не испускавший радиации, неслышный, словно прядь тумана. Малое количество вырабатываемой энергии означало низкую скорость. Кроме того, корабль не имел центрифужной секции и не вращался. Отсюда следовало, что члены его экипажа жили в невесомости, их мышцы, скелет и кровь деградировали, адаптируясь к низкой гравитации, и не могли переносить большое ускорение.

Все это не означало, что «Прокруст» не является благородным кораблем. Боевые корабли могут позволить се-

бе двигаться медленно; лишь их снаряды нуждаются в скорости.

Так, бесшумно, не спеша, «Прокруст» приближался к незнакомому безжизненному кораблю.

— Мы собрались здесь, джентльмены, чтобы обсудить вопрос, является ли встреченный нами корабль, видимый здесь, благородным, вооружен ли он, и если так — что говорит в данном случае гостевой закон. Нам приятно, что вы используете второй уровень речи; поскольку это наполовину формальный случай, мы допускаем упрощенные формы вежливости.

Капитан, существо прекрасное и наводящее страх, словно героиня детской сказки о Земле, парила обнаженной перед наблюдательным экраном. Мостик представлял собой затемненное цилиндрическое помещение, лишь огни панели управления мерцали, словно созвездия, и, подобно полной луне, сиял экран.

Капитан сделала знак веером в сторону Кузнеца и произнесла:

— Инженер, ты делаешь грязную работу... — она подразумевала ручной труд, — и, следовательно, знаком с механизмами. — Она использовала слово «знаком» просто потому, что низшие существа не могли иметь знания или опыт. — Нас развлечет, если ты выскажешь свои наблюдения, относящиеся к незнакомому кораблю.

Кузнец никогда не допускался на мостик, за исключением тех случаев, когда ему приказано было прийти, как сейчас. Руки его были вывернуты у запястий, поскольку низшие существа не имели права прикасаться к панели управления.

Кузнец боялся Капитана, но в то же время любил ее, потому что она была единственным высшим существом, называвшим кузнецов их древним именем. Капитан всегда была вежлива, даже с жестянщиками, рыбаками и рабами.

Она, казалось, даже не заметила, как Кузнец зацепился локтем за одну из многочисленных растяжек, которые опутывали, словно сеть, длинный темный цилиндр мостика. Некоторые из офицеров и рыцарей, паривших рядом с Капитаном, отвернулись или с отвращением фыркнули, когда он ухватился за эту веревку. Она была предназначена для

пальцев ног, а не рук. Но пальцы ног Кузнеца не имели правильной формы и были неловкими. Он не был рожден в невесомости.

Кузнец казался примитивным, как безволосая обезьяна, рядом с вавассорами[1] и вассалами Капитана, тела которых с головы до ног были покрыты великолепными татуировками, изображавшими геральдические эмблемы и знаки одержанных побед. Головы аристократов были направлены вдоль оси тела Капитана (старая пословица говорила, что «капитан всегда находится головой вверх»), а Кузнец развернулся на девяносто градусов по часовой стрелке, выпрямил ноги и представлял собой удобную мишень. (Он сделал это по той же причине, по какой человек в условиях гравитации кланяется или встает на колени: положение, в котором нельзя защитить себя, означает повиновение.)

Кузнец взглянул на чужой корабль, видимый на экране. Это было изящное, красивое судно, построенное по классическим образцам, старым, очень старым канонам,— сейчас такие корабли встречались крайне редко. Он был прочен, предназначен для движения с высоким ускорением, на нем гордо красовались длинные, тонкие, направленные вперед антенны, выдававшие радар дальнего действия. Блок двигателя располагался в задней части кормы, в очень длинной и изящной изолированной шахте. Судно, очевидно, было построено в те дни, когда хозяева еще заботились о безопасности рабов, обслуживающих двигатель.

Линии корабля были гладкими. («Он совсем не похож,— подумал Кузнец,— на „Прокруст", которому низкая скорость и отсутствие вращения позволили обрасти множеством конструкций, уродливых выступов и асимметричных выпуклостей».)

Но незнакомый корабль был стар. Ржавчина и замерзший кислород запятнали корпус в тех местах, где была повреждена изоляция.

И все же он еще испускал какие-то радиосигналы — это был жизнерадостный приветственный код. Еще горели веселые зеленые и красные бегущие огни. Детекторы микроволнового излучения зафиксировали сигналы, идущие от кормовой части, которая могла оказаться обитаемой, не-

[1] *Вавассор* — дворянский титул ниже барона.

смотря на то что носовые отсеки были молчаливыми и холодными. На небольшом экране рядом с главным изображением мелькали числа и иероглифы, показывая результаты телеметрии и другие данные.

Кузнец взглянул на радиус цилиндра и скорость вращения, рассчитал кое-что и сказал:

— Великий Капитан, нижняя палуба незнакомого корабля имеет центробежное ускорение, составляющее ровно тридцать два фута на секунду в квадрате.

Офицеры переглянулись и удивленно зашипели.

Канцлер кивнул, взмахнув разноцветным плюмажем, сооруженным из волос и бровей.

— Это число имеет древнее значение! Его используют старейшие ордена отшельников. Они утверждают, что такое ускорение обеспечивает наилучший вес для наших костей. Вероятно, это религиозный корабль.

Один из младших рыцарей, тонкий пегий юноша, от запястий до щиколоток оснащенный крыльями, украшенными рисунком из круглых пятен, заговорил:

— Великий Капитан, возможно, это корабль с Земли, населенный искусственным разумом... или призраками!

Аристократы открыли веера и подняли их, заслонив лица. Если саркастические усмешки были не видны, то и законного повода к дуэли не возникало. Молодой рыцарь, возможно, был невеждой — большинство молодых рыцарей невежественны, — но длинные боевые когти на его щиколотках были весьма известны.

Капитан сказала:

— Мы более озабочены положением незнакомца, чем его... э-э... происхождением.

Эти слова вызвали несколько глупых ухмылок. И в самом деле, корабль с Земли! Во всех старых страшных историях ясно говорилось, что на Земле не осталось ни одного существа, которое можно было бы по праву назвать человеком, за исключением, возможно, тех, которых держат для развлечения машин или в качестве образцов. К тому же Земной Разум никогда не интересовался космосом.

Канцлер произнес:

— Эти штуки впереди... — он указал на то, что, очевидно, представляло собой антенны,— они могут являться оружием, Великий Капитан, или испускать заряженные части-

цы, если двигатель корабля является достаточно мощным, чтобы обеспечивать подобное оружие необходимой энергией.

Капитан взглянула в сторону Кузнеца:

— Что ты можешь сказать о структуре двигателя этого корабля, Инженер, имеются ли у тебя какие-нибудь предчувствия или ощущения? — Разумеется, она не станет спрашивать его о заключениях и выводах.

Кузнец был благодарен, что она не приказала ему прямо ответить на вопрос. Он не обязан был теперь противоречить идиотским утверждениям Канцлера. Заряженные частицы, как бы не так! Это явно была антенна.

Капитан вела себя очень вежливо, очень корректно. Вежливость имеет первостепенное значение на переполненном людьми корабле.

Капитан была гермафродитом. Древний закон запрещал капитанам жениться на членах своего экипажа или брать наложниц из низших существ. Супруга Капитана должна происходить с другого корабля, быть принятой в качестве дара, трофея или скреплять дружественный союз.

Но, с другой стороны, для высшего из высших существ невозможно обходиться без сексуальных удовольствий, и тело Капитана было изменено таким образом, чтобы она могла удовлетворять себя сама.

Ее грудь была прекрасна — размером больше, чем грудь любой другой женщины на корабле (так предписывал закон), а кожа имела цвет королевского пурпура, непрозрачный для некоторых опасных излучений. Параллельные ряды клеток кожи внизу живота и спины были модифицированы и образовывали перламутровые и жемчужные узоры. Длинные ноги Капитана заканчивались второй парой ладоней, ногти были длинными, чтобы показать, что она выше ручного труда. С ее запястий и икр свисали ножны, в которых находились украшенные драгоценными камнями кинжалы, и она могла сражаться всеми четырьмя клинками одновременно.

— Я прошу разрешения говорить с вашими служанками, Великий Капитан.

— Разрешаю. Нас развлекут твои выходки.

Служанки были привязаны за волосы к контрольным панелям (в отсутствие гравитации это не являлось неудоб-

ством и давало возможность манипулировать рычагами и кнопками с помощью пальцев рук и ног). Некоторые рычаги находились всего в нескольких дюймах от руки Капитана, но она, разумеется, ни за что не прикоснулась бы к ним. Для этого здесь находились служанки.

Кузнец неуверенно предложил служанкам сфокусировать аналитические камеры на нескольких ярких звездах, видных за кормовой частью неподвижного корабля, чтобы затем, когда «Прокруст» достигнет точки, с которой эти же звезды будут заслонены струей выхлопа из двигателя, провести сравнительный спектрографический анализ. Результаты дадут указания на состав выхлопа и, следовательно, на устройство двигателя. Подобное исследование, будучи пассивным, не должно выдать местоположение «Прокруста».

Когда предложенный Кузнецом анализ был выполнен, его данные показали наличие необычно интенсивного жесткого гамма-излучения, а также высокий общий электрический заряд. Кузнец доложил обо всем этом и заключил:

– Большое число антипротонов в выхлопе указывает на использование двигателя, основанного на реакции материи с антиматерией. Однако в правильно используемых двигателях антипротоны полностью расходуются, и давление их излучения также используется для движения. Распад частиц в струе выхлопа указывает, что со времени последнего выпуска отработанного вещества прошло много гигасекунд. Поблизости от самого двигателя находится облако измененной геометрии, из чего можно сделать вывод, что звездолет уже некоторое время движется на небольшой скорости с выключенными двигателями. Но двигатели по-прежнему в рабочем состоянии, Великий Капитан. Это не призрак. Корабль жив.

При этих словах Кузнец улыбнулся, удивляясь своему спокойствию и легкости на душе. Сперва он не понял, что за чувство нахлынуло на него.

Но это была надежда, и только она. Гостевой закон требовал от Капитана проявлений большой щедрости. А перед ними был корабль, явно нуждающийся в ремонте, в хорошем кузнеце.

Возможно, Капитан продаст его контракт этим новым людям; возможно, Кузнец сможет покинуть «Прокруст», найдет менее жестоких хозяев, менее изнурительные обязанности... О свободе, доме, о жене и любви женщины,

о детях, носящих его имя, да и просто о собственном имени он давно уже не мечтал.

Появился незнакомый корабль, и теперь все может случиться. И даже если Кузнеца не продадут, по крайней мере, будут новости, новые лица и банкет. Гостевой закон превращал такие случайные встречи в праздники.

Капитан, взмахнув весром, развернулась лицом к собравшимся офицерам:

— Ваше мнение, джентльмены?

Канцлер заговорил:

— Мое почтение, Великий Капитан, мы должны принять, что корабль относится к благородным. Если на нем есть антиматерия, он должен быть вооружен. Должно быть, это религиозный корабль, возможно принадлежащий к священному ордену странствующих рыцарей или направляющийся в крестовый поход против машин. В любом случае гостевой закон требует, чтобы мы ответили на его приветствие. Как сказал поэт: «На огромных просторах ночи корабли встречаются редко; обменявшись приветствиями, поделившись новостями, поделившись добром, мы увеличиваем свою мощь».

Рыцарь с крыльями сказал:

— Мое почтение, Великий Капитан! Если это религиозный корабль, тогда пусть о нем позаботятся Бог или Его Супруга Гея! Почему корабль с такими мощными двигателями молчит и парит неподвижно? На это нет разумной причины! Возможно, на борту разразилась эпидемия или он населен злыми духами или машинами с Земли. Я предлагаю пройти мимо. Гостевой закон не требует, чтобы мы оказывали гостеприимство и помощь таким несчастным кораблям или кораблям, над которыми висит проклятие. Разве не сказал также поэт: «Будь осторожен при встрече с неведомым. Неведомые вещи несут неизвестные опасности»?

Сенешаль с зубами из драгоценных камней заговорил следующим:

— Великий Капитан, мое почтение. Гостевой закон позволяет нам жить в Пустоте. Разве мы не разделяем воздух, вино и воду? Разве мы не обмениваемся при встрече членами экипажа и новостями? Этот корабль незнаком нам, верно, и построен необычно. Но каждый встреченный нами корабль — незнакомец! Если верить Эйнштейну, спустя ка-

кое-то время мы окажемся так далеко от населенных мест, что навсегда лишимся возможности встретить другой корабль. Но все это не важно. Капитан, пэры, благородные офицеры, послушайте: либо этот корабль благородный, либо он не вооружен. Если он не вооружен, он должен отдать нам одну десятую своего груза, воздуха и экипажа. Разве это не справедливо? Разве мы не очищаем Пустоту от пиратов и негодяев, когда встречаем их? Но если он благородный, то на нем или есть люди, или их нет. Если на нем никого нет, тогда он является ценным призом и принадлежит нам по закону о спасении имущества. Взгляните на него: он прочен, из его центральной части может получиться превосходная новая сторожевая башня, он теряет кислород, следовательно, там еще остались запасы воздуха; а вон та грязная обезьяна утверждает, что он обладает очень мощным двигателем, использующим антиматерию!

Теперь вавассоры и рыцари жадными глазами пожирали изображение на экране. Антиматерия — а главным образом, антижелезо — являлась единственным стандартным бартерным материалом, использующимся в обитаемой части Вселенной. Подобно золоту, антижелезо всегда пользовалось спросом; в отличие от радиоактивных металлов, оно не разлагалось; его легко было распознать, оно было гомогенно, оно было транспортабельно. Это были универсальные деньги, потому что все нуждались в энергии.

Сенешаль продолжал:

— Но если на нем есть живые, Великий Капитан, они должны быть очень слабы. А слабые корабли часто проявляют большую щедрость, чем требует гостевой закон! Большую щедрость, чем им хотелось бы!

Волна смеха, похожего на шипение, пробежала среди аристократов. Некоторые любовно погладили свои кинжалы и боевые крюки.

Капитан, казалось, собралась выбранить их за злобные мысли, но затем на ее лице появилось жестокое, хищное выражение. Оно напомнило Кузнецу, что женские части ее тела присутствовали лишь затем, чтобы доставлять удовольствие мужским.

Капитан произнесла:

— Мои добрые джентльмены, возможно, на борту среди выживших есть благородная женщина!

Корабельный врач, старый, жилистый человек с тонкими руками и в защитных очках, закрывавших глаза, залился смехом:

— Ага! У Капитана начался брачный период, ей давно пора найти супругу, говорю я! Печально, что нам пришлось придушить ту наложницу, тогда, в прошлую мегасекунду, когда у нас кончался воздух. Но вы не беспокойтесь, Капитан! Если на борту этого корабля есть хоть одно живое существо, я из любого сделаю для вас женщину! Сделаю! Вы знаете, даже мальчишкам это начинает нравиться после нескольких раз, если подключить матку прямо к центру удовольствия в мозгу!

Эти слова вызвали негромкое хихиканье, но смех замер, когда Капитан произнесла своим самым мягким тоном:

— Мой добрый корабельный Хирург, нам весьма приятен ваш совет, хотя сейчас мы не просили его. Мы напоминаем вам, что офицер и джентльмен не должен позволять себе непристойных шуток и разговоров.

Затем она резким движением раскрыла свой правый веер и подняла его над головой, чтобы привлечь внимание.

— Мой герольд, радируйте незнакомому кораблю, приветствуйте его от моего имени и попросите его подготовиться к стыковке в соответствии с процедурой, указанной в гостевом законе. Центр управления огнем, подготовьте орудия на тот случай, если корабль ответит каким-нибудь подвохом, будет нам угрожать или окажется пиратом. Квартирмейстер, освободите помещение, достаточно просторное, чтобы взять на борт полный запас топлива.

Аристократы переглянулись, ухмыляясь, поглаживая эфесы оружия и кровожадно раздувая ноздри при мысли о предстоящем событии.

Капитан заметила с легкой иронией:

— В конце концов, незнакомец слаб, и, возможно, он окажется более щедрым, чем требует гостевой закон или благоразумие. Идите, джентльмены, приготовьте свое боевое облачение! Вы должны выглядеть перед нашими гостями гордыми, словно соколы, и прекрасными, словно павлины!

Смех их прозвучал в ушах Кузнеца, словно отвратительное карканье. Он подумал о гостевом законе, о своих надеждах, и ему стало нехорошо.

Капитан, словно вспомнив о чем-то, указала веером в сторону Кузнеца и приказала одной из служанок:

— И отключите Инженера. Возможно, нам скоро понадобятся его способности, к тому же нам не нужны лишние разговоры на нижней палубе.

Служанка подняла контрольный пульт и направила его на Кузнеца. Прежде чем он сумел призвать на помощь свою храбрость, чтобы умолять не делать этого, электрическая цепь, которую корабельный врач встроил в его спинной мозг и ствол головного мозга, отключила его чувствительные нервы и контроль моторики.

Кузнец пожалел, что не смог упросить их погрузить его в сон. Он ненавидел галлюцинации, которые вызывало отключение ощущений.

Неподвижный, слепой, окруженный серой пустотой, Кузнец попытался заснуть.

Кузнецу снились дом, отец, мать, многочисленные братья. Его родное поселение было выстроено вокруг бывшего корпуса корабля изгнанников под названием «Нет возврата», на геосинхронной орбите, над древним тайфуном, бушующим на поверхности газового гиганта в системе Тау Кита.

Поселение висело на подвеске из материала, которого не смог бы воспроизвести современный человек, поблизости от хвоста тайфуна. В этом месте давление вызывало возникновение стоячей волны, размером превосходившей площадь поверхности большинства планет; она выдавливала спрессованный металлический водород из нижних слоев атмосферы. Многие поколения колонистов занимались добычей топлива из волны и продавали его проходящим звездолетам.

Во времена прапрадеда Кузнеца шторм, бушевавший многие миллионы лет, начал стихать. Добыча топлива снизилась, колония ослабела, и жители «Нет возврата» стали жертвами пиратов. Некоторые пираты были кочевниками из облака Оорт, но большинство происходили из колоний, расположенных во внутренних системах на поясах астероидов, созданных их предками путем распыления планет Солнечной системы.

Во время одного из налетов погибли мать и отец Кузнеца.

Не существовало ни законов, ни правительства, к которому можно было бы обратиться за помощью. Даже на Старой Земле, до нашествия машин, ни одному правительству не удавалось контролировать множество народов, населявших эту крошечную планетку. Мечтать о правительстве, контролирующем космос, было безумием; бесполезно посылать прошение к правителю такому далекому, что лишь твои отдаленные потомки могли бы получить ответ.

Здесь было слишком легко скрыться от юрисдикции любого правительства; необходимо было лишь отключить радио и изменить орбиту на несколько градусов. Космос бесконечен, а человеческие обиталища малочисленны и труднодоступны.

(Планеты? Никто не жил на поверхности этих хрупких кусков камня, в атмосфере, которую люди не могли переносить, в условиях гравитации, которую невозможно было контролировать, изменяя скорость вращения. Легенды гласили, что по поверхности Земли можно было ходить без скафандра. С ничтожными шансами найти точную копию Земли — а совпадение должно быть полным, потому что люди созданы для жизни в определенной среде — легенде было суждено оставаться легендой. А пока человечество обитало на кораблях и в искусственно созданных поселениях.)

После того как был разрушен его дом, Кузнеца продали в рабство.

Рабство? А почему бы и нет? В техногенном обществе рабство экономически невыгодно, это верно. Но опять же, рабство никогда не было экономически выгодным, даже на Старой Земле. Непрактичность рабства не отменила его. Единственным периодом, свободным от рабства на Земле, было то время, когда цивилизованные западные нации под руководством Британии выступили с порицанием и даже с открытыми боевыми действиями против народов, у которых оно существовало. Аболиционистское движение и его идеалы распространились по всем континентам.

Но на Земле не требовалось многих лет, чтобы ближайшие соседи узнали, что у вас происходит.

Бесконечные пространства означали бесконечное беззаконие.

Существовали, однако, обычаи.

Радиограммы было легче посылать от звезды к звезде, чем корабли, и слушать их было безопасно. Радисты и ученые в каждой системе вынуждены были поддерживать существование древних языков, иначе разговоры с остальной Вселенной стали бы невозможны. Общий язык давал возможность создавать общие обычаи.

Более того, системы, не соблюдавшие древних протоколов для приближавшихся кораблей, не могли привлечь к себе капитанов, вынужденных тратить время и топливо на посещение. Если колонисты нуждались в новостях, дарах, иммигрантах и воздухе, они обязаны были выражать готовность подчиняться гостевому закону.

И разумеется, существовали слухи и страшные легенды о сверхъестественных карах, обрушившихся на тех, кто нарушал обычаи. По мнению Кузнеца, само существование подобных слухов доказывало, что навязать выполнение гостевого закона невозможно.

Кузнец еще спал, когда герольды обменялись радиограммами и провели переговоры между кораблями.

Но когда сенешаль приказал ему проснуться, Кузнец увидел выражение вины и страха на лицах высокородных офицеров, услышал чересчур нервный смех, подавляемый слишком быстро.

Каюта сенешаля была обставлена скромно. Она представляла собой простую сферическую комнату, увешанную растяжками, — без плетеных из бисера сетей, боевых флагов или религиозных растений, растущих на крошечных круглых кусочках земли. Однако почти все стены были покрыты хрупкими экранами из конопляной бумаги, украшенными рисунками и каллиграфическими надписями. Это *делало* честь *высокому* искусству сенешаля: ни один из экранов не был порван. Когда он тренировался в захватах, бросках, ударах плеча и отскоках, необходимых в фехтовании при нулевой гравитации, он координировал движения таким образом, что никогда не задевал и не прокалывал бумагу. «Всегда твердо стоял ногами на земле», как говорилось в старой пословице.

Сенешаль дал Кузнецу инструкции относительно работы. Часть экипажа отправлялась работать за борт (это по-прежнему называлось «работой в подвешенном состоянии»),

хотя корабль не вращался), чтобы подготовить корпус к принятию секций чужого корабля, когда эту рухлядь разберут на части.

(Кузнец испытал тайные муки, слыша, как сенешаль называет прекрасный незнакомый корабль «рухлядью», словно это был какой-то сломанный механизм, а не живое судно.)

Их прервала сигнальная сирена, прореявшая повелительный церемониальный сигнал. Сенешаль вытянул вперед ноги и ловко отодвинул панель, спрятанную за бумажными картинами, открыв частный наблюдательный экран.

На экране светилось изображение огромного переднего грузового шлюза. Большие створчатые щиты, защищающие от радиации и ударной волны, были сложены, и в свете множества плавающих ламп блестел широкий круг внутреннего дока.

За ним виднелся чужой корабль. Стыковочный отсек его имел древний вид, обе двери были открыты в знак доверия. Рычаги устаревшей конструкции отливали серебром во тьме, за ними открывался темный колодец, полный мрака и холода; в порывах ветра от неисправных вентиляторов, словно обрывки паутины, дрожали рваные растяжки.

Из мрака возникла какая-то фигура. Человек миновал док, затем замедлил движение с помощью струи из древнего ножного реактивного устройства, подняв ногу к животу и выпустив вперед облачко пара. Он повис в центре черного кольца, и облако тумана, скрывавшее его, медленно рассеялось.

Сенешаль произнес голосом, полным любопытства и страха:

— Значит, это правда. У него нет свиты! Что случилось с его экипажем? — Он явно забыл о присутствии Кузнеца, поскольку употреблял разговорный стиль.

— Запрашиваю разрешения подняться на борт, — произнес незнакомец на англатинском языке.

Кузнец в изумлении разглядывал его. Незнакомец был очень низкого роста, даже для людей, живущих в условиях гравитации. Кожа на его голове и руках была обычной, хотя и без волос и татуировок, но остальное тело его было дряблым, обвисшим, покрытым складками, словно его поразила какая-то ужасная кожная болезнь. Очевидно, он

был кастратом: между ног его не было видно половых органов. Его белые волосы были запрограммированы на рост только на верху, боках и задней части черепа (Кузнец видел, как члены религиозных орденов преобразуют свои волосы подобным образом, заявляя, что такое уродство — древняя традиция).

Внезапно Кузнец понял, что синий материал, который он принял за кожу, является тканью, словно незнакомец был облачен в какой-то скафандр без рукавиц и шлема, слишком тонкий, чтобы защитить от вакуума; или как будто он надел рабочий комбинезон низшего существа без карманов и липких подушечек.

— Одежда, — произнес сенешаль, очевидно размышляя о том же, что и Кузнец. — Древнее слово для второй кожи — одежда. Ее использовали для сохранения тепла рядом с телом, чтобы не тратить энергию на обогрев всего помещения. Должно быть, у них давным-давно испортилась система контроля окружающей среды. А это приспособление у него на бедре тоже очень древнее. Оно называется кири-сугама. Очень трудно им пользоваться. Во время боя приходится вращать кистень в направлении, противоположном крюку, иначе будешь сильно крутиться. Крюк или шар можно использовать, чтобы обмануть противника и предотвратить удар с отскоком. Но какая самонадеянность носить подобное старье! Давно, когда на кораблях было много места — возможно, возможно! Но сейчас? Ножи и цестусы[1] куда лучше подходят для сражений в каютах и коридорах. Самонадеянность! Самонадеянность! И еще! У него на ногах рукавицы, а не перчатки; но я не могу его винить. Смотри, как деформированы его пальцы ног! Он что, ходил на них? Отвратительно!

Но незнакомец был, очевидно, капитаном чужого корабля. Эмблемы на его эполетах почти совпадали со знаками отличия из модифицированных клеток кожи на плечах Капитана «Прокруста». И синяя «одежда» была примерно того же цвета, что и пигменты кожи Капитана.

Теперь заговорила она, разрешив ему подняться на борт с помощью слов и жестов, составляющих древнюю церемонию встречи. Она заключила свою речь словами:

---

[1] *Цестус* — кастет для кулачных боев в Древнем Риме.

— Каким титулом следует называть нашего достойного гостя? — И ее карлик проиграл три тона на свирели, так что ритуальная музыка стихла одновременно с ее словами.

— Называйте меня Сошедший. Мой корабль — благородное судно «Олимпийская вендетта». Каким титулом мне следует именовать мою щедрую хозяйку?

— Называйте меня Эрешкигаль, Капитан благородного судна «Прокруст».

— Благородный мой собрат Капитан, скажите мне следующее. Человечество расселилось на таком огромном пространстве, многие световые годы отделяют брата от брата, скажите мне, прежде чем я взойду на борт вашего судна, является ли мое понимание гостевого закона удовлетворительным, и соответствует ли оно вашей интерпретации до *последнего слова? Прошу извинения, если мой вопрос* покажется неприличным или подозрительным; я не имел в виду ничего подобного, не подумайте. Я всего лишь хочу удостовериться, что не нанесу невольного оскорбления и не сделаю необоснованных выводов. Ведь, как говорит поэт, «мудрец рассчитывает каждое свое движение; невежество и легкомыслие — семена, из которых произрастает опасность».

— Мой благородный собрат Капитан, вы говорите как добрый джентльмен, — произнесла Капитан, на которую явно произвела впечатление скромная манера гостя. — Я нисколько не обижена и не позволю обижаться своим людям. Как говорит поэт, «джентльмен должен уметь делать пять вещей безупречно: летать, фехтовать, говорить правду, не знать страха и быть вежливым». А вы говорили учтиво, сэр.

Но ее цитата не так подходила к случаю, как цитата незнакомца, и Капитан не дала понять, что понимает смысл речей гостя.

Она вызвала Канцлера, и тот, не выказывая ни малейшего нетерпения, процитировал весь текст гостевого закона, предложение за предложением, и отвечал с торжественной тщательностью, когда гость вежливо спрашивал его о значении некоторых слов и двусмысленных выражений.

Он упомянул правила, о которых Кузнец никогда прежде не слышал или слышал поверхностно. Весь закон, казалось, был основан на здравом смысле и общепринятых правилах поведения. Кораблям, встреченным в космосе,

полагается оказывать помощь в размере, не превышающем одной десятой общей ценности корабля и состава экипажа; возможно по взаимному согласию обменяться и большим; полагается обмениваться всеми навигационными данными; нуждающимся кораблям предоставляются воздух и припасы в соответствии со стандартными процедурами; все маневры до и после стыковки должны быть основаны на формуле, учитывающей массу и скорость, — более легкие корабли должны передвигаться на большее расстояние, чтобы сравняться с тяжелыми в расходе топлива; гости обязаны приносить с собой воздух плюс небольшое его количество для растений хозяев; предполагается использование обычных форм вежливости; высадка с судна должна происходить добровольно после соответствующего предупреждения; отбытие с корабля-гостя не считается дезертирством; необходимо соблюдать дуэльный кодекс; споры относительно стоимости товаров для обмена или достоверности предоставленной информации должны разрешаться лицами, выбранными по взаимному согласию... И так далее.

Кузнец, глядя на экран, заметил, что среди собравшихся аристократов возникло беспокойство, они не смотрели друг другу в глаза. Зловещее выражение вины появлялось на их татуированных лицах, когда они слушали статьи и благородные фразы закона, который они собирались нарушить.

Когда текст был зачитан, Капитан Сошедший и Капитан Эрешкигаль произнесли страшные клятвы, обещая придерживаться каждой буквы гостевого закона. Они обменялись мрачными и серьезными уверениями в своей честности и добрых намерениях.

Кузнец, слушая все это, похолодел.

Клятвы закончились словами Капитана Эрешкигаль:

— ...И если я нарушу свои обещания, то пусть дьяволы и призраки пожрут меня в Пустыне Геи, в Аду Бога, и пусть на меня обрушится месть Машин с Земли.

— Именно так, — с улыбкой произнес Капитан Сошедший.

Пиршественный зал «Прокруста» находился между мостиком и машинным отсеком, вблизи оси корабля, где он был защищен расположенными вокруг него рядами нижних палуб. Офицерская кают-компания (если воспользуемся

зоваться древним поэтическим выражением) была высшим из высших мест, прекрасным залом, где происходили церемонии.

Стены цилиндрического помещения были завешены разноцветными знаменами из полупрозрачной ткани, сверкавшими фантастическими гербами. Ткань должна была поглощать из воздуха рассыпанные крошки пищи или частички вина, она также приглушала и окрашивала свет ламп, сиявших на переборках.

Второсортное вино для второсортных пирующих хранилось в мехах. Но корабельный кок превзошел себя в изготовлении отборных напитков: приятные глазу шары вина и винного желе блестели и переливались в мехах из тонкой сетки. Ячейки сети были такими мелкими, что вино сохраняло шарообразную форму благодаря собственному поверхностному натяжению. Аристократам приходилось пить из таких сеток изящными и осторожными движениями, чтобы не расплескать жидкость.

Здесь была и Капитан — она парила в центре сходящихся знамен, похожая на Бодхисатву Геи в центре небесной розы. Она приняла положение Сдержанного Уважения: правая нога лежит на левом колене, левая вытянута вперед, изящно держа в пальцах ножную ложку. В левой руке Капитана — раскрытый веер, правая поднята над головой в грациозном жесте, одетая в обеденную перчатку: ногти покрыты слоями различных специй.

Как требовал обычай, в пальцах правой ноги Капитан держала салфетку, сложенную в узор оригами. Но воспользоваться салфеткой означало совершить преступление против правил хорошего тона.

Волосы Капитана были уложены в прическу, называемую Блюдо Гостеприимства: кончики заплетены в косы и заряжены статическим электричеством, так что они образовали плоский диск вокруг ее головы и плеч, похожий на нимб.

Вокруг Капитана была расположена еда: в воздухе висели маленькие разноцветные шарики спелых фруктов, шары винного желе, сферы похожего на кружево хлеба, мясные шарики и колбасы. По мере того как шел пир, Капитан медленно вращалась по часовой стрелке, чтобы доставать рукой или ногой (для рук была ручная пища, для ног —

ножная) одно лакомство за другим, и еда была размещена в соответствии с кулинарными традициями.

Поскольку Капитан всегда находилась в вертикальном положении, пирующие должны были быть внимательны и согласовывать свое вращение с движениями Капитана, поглощать пищу не быстро, но и не медленно и не хватать любимые блюда вне очереди.

Последним в зал вошел Сошедший. Пирующие аристократы образовали неровный цилиндр, на одном конце которого находилась Капитан Эрешкигаль, а на другом было место Сошедшего.

Кузнец парил за спиной Капитана Эрешкигаль, разумеется, не для того, чтобы есть, а для того, чтобы отвечать на технические вопросы, которые могли возникнуть у Капитана. Правая ступня и левая рука его были обернуты полотенцами, чтобы он мог поймать жир, слетевший с губ Капитана. Он также держал в руке ее щетку для волос, чтобы выполнять обязанности пажа для прически в случае, если какая-либо случайность нарушит расположение ее локонов.

Кузнец с некоторым удивлением заметил, что рядом с местом Сошедшего нет пажа; поблизости также не было веревок, за которые можно было бы схватиться.

Сошедший вошел в зал, двигаясь с помощью техники вращения и толчка; он изменял положение тела, взмахивая поясом с тяжелым концом, а затем использовал мощную струю из реактивного механизма. Это был сложный и очень древний способ передвижения, совсем не похожий на изящное, бесшумное скольжение аристократов, взмахивавших веерами; они умели двигаться по кривой, чтобы обмануть врага в бою. Траекторию человека, пользующегося древней техникой, было нетрудно рассчитать, и воин легко мог убить его ножом. Кузнец ощутил такую же неловкость за чужака, какую чувствовал бы в условиях гравитации, видя взрослого человека на четвереньках.

Сошедший занял свое место и замер, моргая, — несомненно, озадаченный отсутствием поблизости удобной веревки и слуги.

Кузнец заметил, что лампы, светившие ему в лицо, не были прикрыты знаменами и свет резал чужаку глаза. Еще одно упущение.

Аристократы бросали на Сошедшего осторожные косые взгляды. Обменялись несколькими туманными любезностями, затем была произнесена молитва, и пир начался.

Один из рыцарей громко воскликнул:

— Смотри-ка, приятель, какое прекрасное блюдо нам подали: высосем эту кость досуха! — И он швырнул баранью ногу поперек оси цилиндра Канцлеру, располагавшемуся справа от Капитана.

Возникла пауза. Считалось невоспитанным передавать еду, минуя Капитана, и нога повисла, загораживая Сошедшему обзор.

Канцлер протянул вилку для мяса и наколол ногу, обдав Сошедшего капельками жира.

— Верно. По крайней мере, у этой овцы хватило здравого смысла понять, когда ей пришло время отправляться на бойню!

Никто не засмеялся.

Сошедший повернул голову. Двери позади него были закрыты, их стерегли два виллана со сложенными руками в позе, называемой Смертоносный Лотос: пальцы рук и ног в любое мгновение могли выхватить клинки из ножен. В отличие от Сошедшего, вилланы были окружены множеством растяжек, и вблизи них находились поверхности, от которых можно было оттолкнуться.

Кузнец испытал тошнотворную слабость, глядя, как Сошедший осматривает приготовленное для него кольцо еды. Все мясные блюда и фрукты, расположенные поблизости, нужно было есть пальцами ног; еда для рук находилась в противоположной части окружности. Он должен был либо брать еду не по порядку, либо есть неряшливо.

Капитан Сошедший, несомненно, хотел что-то сказать. Он открыл рот, но снова закрыл его. На лице его как будто появились первые признаки страха.

Сама Капитан Эрепкигаль выглядела несколько печальной. Она взяла шарик соли, но, вместо того чтобы толкнуть его вдоль оси цилиндра другому Капитану (показав, что он второе лицо после нее), набрала полный ноготь соли и передала солонку сенешалю, парившему справа.

Тот ухмыльнулся Сошедшему, взял ноготь соли и передал прибор другому соседу. Солонка обошла всех рыцарей, прежде чем добраться до Сошедшего. Последний перед ним

аристократ осторожно взглянул на Капитана, лизнул шарик, отпустил его, и соль поплыла за плечо рыцаря к переборке.

Аристократы положили руки на эфесы клинков. В зале воцарилась полная тишина.

Во взгляде Сошедшего мелькнула печаль, он улыбнулся слабой улыбкой и протянул руку к персику, находившемуся у его головы.

— Я благодарю моего благородного собрата-капитана за изобильное угощение, — сказал он и откусил кусочек персика.

Послышались смешки. Это выглядело так, будто человек в условиях гравитации ел, как в древние времена выражались, с пола.

Один из вилланов позади Сошедшего включил вентилятор, и ветер начал потихоньку рассеивать его еду. Сошедший замер; он схватил несколько фруктов и зажал под мышкой, чтобы их не унесло.

Он выглядел нелепо. Но никто не засмеялся.

Трудно было сказать, испуган ли на самом деле Сошедший. На лице его не отражалось никаких эмоций. Но он определенно вел себя как перепуганный человек.

Он произнес:

— Благодарю вас за гостеприимство. А сейчас я хочу вернуться на свой корабль.

Канцлер ответил:

— Но мы еще не закончили с вами. Этот ваш корабль, эта штука неплохая, верно? Мы были бы счастливы принять в качестве дара его двигатели и главные отсеки. Или, возможно, мы заберем их как спасенное имущество. Сейчас на борту никого нет.

Сошедший согнул ноги и положил руки на свои кирису-гама. Он мягко заговорил:

— Он. Более вежливо, мой добрый господин, называть корабли, которые поддерживают наше существование, «он» и «его».

Рыцарь с крыльями громко произнес:

— Те, кто имеет оружие, обязаны, когда того требует честь, воспользоваться им. Лживые рабы и бездельники, которые выпрашивают оружие у вышестоящих, заслуживают тюрьмы для воров. Но кто сказал, что вору небезразлична честь? Господа, я предлагаю тост за честь! За честь и воздух,

который дает нам жизнь! И пусть те, кто не выпьет, будут лишены и того и другого. Но взгляните-ка! У вас нет пажа, у вас, который называет себя капитаном! Эй! Кузнец! Грязная обезьяна! Подай нашему гостю его последний глоток вина; твои руки как раз подходят для этого дела!

Рыцарь вытащил из кармана пластиковый мешочек с жидкими отходами с медицинского склада, швырнул его Кузнецу, и тот дрожащими руками поймал пакет.

Это было смертельное оскорбление. Если Кузнец передаст мешок гостю, тот не сможет ни пить, ни отказаться от тоста с честью. Кузнец понял, что все эти оскорбления были тщательно продуманы заранее, чтобы выяснить, сколько сможет вытерпеть Соседний. Если у него имеется какое-нибудь скрытое оружие, уловки или ловушки, он должен применить их сейчас. Капитан Эрешкигаль потеряет лишь одного низшего рыцаря. Когда он будет убит, Капитан сможет отречься от него, извиниться, обвинить во всем погибшего. Вежливые слова и вежливая ложь помогут ей сохранить остатки чести.

Это в том случае, если у чужака имеется скрытое оружие. А если нет...

Гнев заставил Кузнеца позабыть об осторожности. Он выпустил из рук тяжелую щетку для волос и мешочек, из которого выплеснулась жидкость, и отплыл подальше от Капитана, чтобы она не могла сразу достать его ножом.

— Перед вами бедный человек, сама невинность, а вы собираетесь придушить его и разобрать его прекрасный корабль! Он не сделал вам ничего плохого и отвечал на все ваши выходки добрыми словами! Почему вы не оставите его в покое? Почему вы не оставите его в покое?

Капитан произнесла, не поворачивая головы:

— *Инженер, ты нарушил субординацию.* Поэтому количество предоставляемого тебе воздуха будет снижено до нуля. Если ты обратишься в медицинское учреждение для эвтаназии, твоя смерть будет приятна и в бортовом журнале будет сделана отметка о твоей покорности. Однако если ты продолжишь выказывать неповиновение, твое имя будет вычеркнуто. Я не хочу бесчестить тебя; иди с миром.

Соседний заговорил странным, ровным голосом:

— Капитан, ваш приказ неоправдан. Во время пира не принято соблюдать жесткую субординацию и позволяется

говорить свободно, по крайней мере среди цивилизованных людей, которые признают гостевой закон.

Он взглянул на Кузнеца, обращаясь прямо к нему:

— Инженер, прошу тебя, скажи свое имя. Скажи его мне — я внесу его в свой бортовой журнал, в свою книгу жизни, и оно проживет дольше, чем любая запись об этой эпохе.

Но храбрость уже покинула Кузнеца, и он не ответил. Он взмахнул салфеткой, которую держал в качестве веера, отлетел назад, к переборке, и скрючился там, глядя по сторонам широко раскрытыми глазами, полными страха, готовый отпрыгнуть прочь.

Но никто пока не обращал на него внимания. Аристократы были поглощены Сошедшим. В зале повисла тишина.

Джентльмены обменивались друг с другом быстрыми взглядами. Все насторожились, приняли боевые позы. Но никто на самом деле не был готов к последней атаке, призванной осуществить все угрозы и намеки. Не так просто убить человека, который не обнажил оружия; возможно, каждый из рыцарей думал, что даже сейчас еще не поздно отступить...

А затем молодой негий рыцарь с крыльями заговорил, выхватив клинки из ножен и сверкнув сталью. Теперь было слишком поздно. Голос его зазвенел — тонкий, слишком громкий:

— Во имя Бога, что более ненавистно, чем трусость? Клянусь Гесй, как я ненавижу существо (не буду называть его человеком), которое принимает удар, не показывая гнева! Оно улыбается своей улыбкой попрошайки, плечи его сгорблены, глаза влажны, его блеющий голос дрожит. Ненависть, джентльмены, ненависть и отвращение — вот что мы должны чувствовать к тем, кого убиваем! Слабость отвратительна! И тот, кто не хочет сражаться, заслуживает смерти! Душонка раба не смеет прятаться в оболочке Капитана. Вырвем его фальшивое сердце, говорю я!

Лицо Сошедшего застыло, с него исчезло всякое выражение. Голос его был ровным и напряженным.

— Вы гневаетесь потому, что у вас нет истинного повода для гнева, верно? Легче было бы совершить желаемое, если бы я оскорбил вас, разве не так? Или если бы я в чем-нибудь показал себя недостойным? Благородный Ка-

питан Эрешкигаль! Во всем этом нет нужды. То, без чего мой корабль может обойтись, я добровольно отдам вам. Давайте избежим ужасных сцен. Вы ведете себя как человек, который ценит благородные поступки. Не дайте этому пиру закончиться трагедией!

Молодой рыцарь выкрикнул:

— Просьбы и просьбы! Неужели мы должны слышать хныканье убогого? Перерезать ему глотку и избавиться от этого мерзкого плача! — Он взмахнул ногой, лязгнув своими кинжалами, и разлался громкий металлический звук.

Но Капитан Эрешкигаль раскрыла веер, призывая всех к тишине.

— Мой брат Капитан просит со всем достоинством, чтобы мы не притворялись. Да, мы не будем прикрывать наше деяние кодексом дуэлей. Назовем его открыто: убийство, убийство и пиратство!

Среди аристократов пробежал легкий шум, раздались вздохи и шипение. Некоторые выглядели рассерженными, некоторые — удивленными, некоторые — печальными, лица большинства были каменными; но все же каждое лицо так или иначе несло на себе темную печать зла.

Капитан продолжала:

— Но вы сами навлекли это на себя, брат Капитан! Как вы смеете владеть прекрасным кораблем, мощными двигателями и воздухом, если нас много, а вы один?

— Эти вещи принадлежат мне по праву.

— Но когда вы умрете, они станут нашими, по праву или нет.

— Вы не нуждаетесь в них.

— Но мы хотим их получить.

— Капитан, я прошу вас...

— Мы не желаем больше слышать просьб!

— Итак?.. Вы хотите, чтобы по такому же закону судили и вас? Что же, когда ваше время придет, ваши мольбы о милосердии никто не услышит.

— Наше время? Как ты осмеливаешься так вызывающе разговаривать с нами?

— Вы приговорили меня к смерти, когда я умолял, и обрекаете на смерть, когда я перестал умолять. Что если я скажу: возьмите мой корабль, но оставьте мне жизнь?

— Мы не оставим тебе ни глотка воздуха!

— Вот как! Я буду более щедрым, чем ты, Эрешкигаль. Я сохраню одну жизнь; возможно, жизнь вон того испуганного маленького Кузнеца. Он не причинил мне вреда, и я думаю, он начинает догадываться, кто я такой. Да, один человек должен остаться в живых, чтобы рассказать обо всем, иначе наказание будет бесполезным.

— Ты думаешь напугать нас своими темными намеками и ложью? Окружайте его, джентльмены! Стюард, закройте вытяжку! Нельзя, чтобы драпировки впитали кровь, иначе загрязнится система воздухообмена.

Украшенные бриллиантами, лентами и татуировками рыцари и вавассоры, блестящие, улыбающиеся, размахивающие веерами, вытащили свои крюки и кортики и медленно окружили Сошедшего. Он негромко заговорил.

Он произнес голосом, полным божественного спокойствия:

— Кто, кроме искусственного интеллекта, обладает таким долголетием, что может попытаться навести порядок и законность во Вселенной, хотя бы для этого потребовались века? Цивилизация, джентльмены, — это привычка людей обуздывать свои жестокие природные инстинкты из страха перед возмездием, которого довольно, чтобы напугать их и привести к повиновению. Принести цивилизацию в дикую страну — непростая задача; а когда дикость царит на безграничных просторах, ужас также должен быть безграничным.

Капитан Эрешкигаль с расширенными от подступившего страха глазами неловко взмахнула веером и взвизгнула:

— Убейте его! Убейте!

Рыцари и аристократы со сверкающей сталью в руках оттолкнулись от стен и ринулись вперед. Кузнец почти без удивления увидел, как незнакомец засиял сверхъестественным светом и поднял пылающую руку, чтобы снять с лица то, что в конце концов оказалось маской.

Содержание

I
Волонтеры. Новые мечтатели
(Начало 1990-х годов)

Кэтрин Азаро. УТРЕННЯЯ ЗАРЯ. *Пер. О. Ратниковой* 7
Родриго Гарсиа-и-Робертсон. СУДОВЫЕ КРЫСЫ
Пер. Т. Перцевой 68
Аллен Стил. СМЕРТЬ КАПИТАНА ФЬЮЧЕРА
Пер. К. Королева 129

II
Различные признаки / Различные категории
(До конца 1990-х годов)

Грегори Бенфорд. ЧЕРВЬ В КОЛОДЦЕ. *Пер. А. Новикова* . . 179
Дональд Кингсбери. ИЗГОЙ. *Пер. К. Павловой* 212
Сара Зеттел. ПОДВИГ ШУТА. *Пер. С. Абовской* 422
Урсула Ле Гуин. ИСТОРИЯ «ШОБИКОВ». *Пер. А. Новикова* 443
Роберт Рид. РЕМОРЫ. *Пер. И. Полоцка* 475
Пол Макоули. ВНИМАЯ АНГЕЛУ. *Пер. А. Кабалкина* 516
Стивен Бакстер. БОЛЬШАЯ ИГРА. *Пер. А. Новикова* 550
Майкл Муркок. ВОЛШЕБНИЦА БЕЗМОЛВНОЙ
ЦИТАДЕЛИ. *Пер. А. Новикова* 574
Майкл Кандель. КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА. *Пер. А. Гузмана* . 611

III
Новейшая волна
(XXI век)

Тони Дэниел. ГРИСТ. *Пер. М. Пчелинцева* 625
Скотт Вестерфельд. ДВИЖЕНИЯ ЕЕ ГЛАЗ
Пер. М. Савиной-Баблоян 699
Аластер Рейнольдс. СПАЙРИ И КОРОЛЕВА
Пер. Н. Кудрявцева 734
Чарльз Стросс. МЕДВЕЖИЙ КАПКАН. *Пер. М. Пчелинцева* . 772
Джон Райт. ГОСТЕВОЙ ЗАКОН. *Пер. О. Ратниковой* 803

"Aurora in Four Voices" copyright © 1998 by Catherine Asaro
"The Great Came" copyright © 2003 by Stephen Baxter
"A Worm in the Well" copyright © 1995 by Abbenford Associates
"Grist" copyright © 1998 by Tony Daniel
"Ring Rats" copyright © 2002 by R. Garcia y Robertson
"Space Opera" copyright © 1997 by Michael Kandel
"The Survivor" copyright © 1991 by Donald M. Kingsbury
"The Shobies' Story" copyright © 1990 by Ursula K. Le Guin. First published in *Universe*
"Recording Angel" copyright © 1995 by Paul J. McAuley. First published in *New Legends*, edited by Greg Bear. Reprinted by permission of the author
"The Lost Sorceress of the Silent Citadel" copyright © 2002 by Michael Moorcock and Linda Moorcock. First published in *Mars Probes*
"The Remoras" copyright © 1994 by Mercury Press, Inc. First published in *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, May 1994. Reprinted by permission of the author
"Spirey and the Queen" copyright © 1996 by Alastair Reynolds
"The Death of Captain Future" copyright © 1995 by Allen Steele
"Bear Trap" copyright © 2000 by Charles Stross
"The Movements of Her Eyes" copyright © 2000 by Scott Westerfeld
"Guest Law" copyright © 1997 by John C. Wright
"Fool's Errand" copyright © 1993 by Sarah Zettel

Н 72 **Новая** космическая опера: Антология / Пер. с англ. С. Абовской, А. Гузмана, А. Кабалкина и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. — 832 с.

ISBN 978-5-395-00414-7

Впервые под одной обложкой лучшие повести и рассказы в жанре космической оперы!

Тщательно отобранные шедевры таких знаменитых авторов, как Урсула Ле Гуин, Пол Макоули, Майкл Муркок, Джон Райт и многих других, призваны проиллюстрировать развитие жанра и показать космическую оперу во всем ее многообразии и масштабности. Увлекательные путешествия к чужим мирам, захватывающие приключения на далеких планетах, опасные встречи с загадочными существами, жестокие сражения за жизнь и свободу заставят читателей затаив дыхание следить за судьбой отважных героев. Традиционный для космической оперы сплав научной фантастики и приключений порадует преданных поклонников жанра.

Многие произведения впервые публикуются на русском языке!

Литературно-художественное издание

НОВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редакторы Александр Семенов, Тимур Туганов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Татьяна Пиконова, Нина Тюрина,
Ирина Киселева, Елена Орлова
Верстка Алексея Соколова

Директор издательства Максим Крюченко

Подписано в печать 20.03.2009.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 8000 экз.
Усл. печ. л. 43,7. Изд. № 414. Заказ № 14985

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
Тел. 327-04-55, 273-12-13. Факс 327-01-60
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Торговый Дом «Азбука»

Санкт-Петербург:

ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192

Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38

факс: (812) 321-66-60

E-mail: office@azbooka.spb.ru

Москва:

119991, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

тел./факс (495) 933-76-01

info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

Впервые под одной обложкой лучшие повести и рассказы в жанре космической оперы!

Тщательно отобранные шедевры таких знаменитых авторов, как Урсула Ле Гуин, Пол Макоули, Майкл Муркок, Джон Райт и многих других, призваны проиллюстрировать развитие жанра и показать космическую оперу во всем ее многообразии и масштабности. Увлекательные путешествия к чужим мирам, захватывающие приключения на далеких планетах, опасные встречи с загадочными существами, жестокие сражения за жизнь и свободу заставят читателей затаив дыхание следить за судьбой отважных героев. Традиционный для космической оперы сплав научной фантастики и приключений порадует преданных поклонников жанра.

Многие произведения впервые публикуются на русском языке!

ISBN 978-5-395-00414-7
9 785395 004147
www.azbooka.ru